На правахъ рукописи.

І. М. КУЛИШЕРЪ.

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

ЧИТАННЫЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
ВЪ 1908/09 УЧ. Г.

2 экз.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Г. Розена (А. Е. Ландау). Театральная пл., 2.
1909.

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія экономическаго быта представляетъ собою дисциплину, входящую, какъ это видно изъ самаго ея названія, одновременно въ область науки какъ экономической, такъ и исторической.

Въ качествѣ экономической науки она изучаетъ процессъ хозяйственнаго развитія народовъ, не ограничиваясь одной лишь характеристикой періодовъ хозяйственной жизни, но, выясняя самую постепенность перехода отъ одной эпохи къ другой и тѣ моменты, которыми вызванъ этотъ переходъ. Какъ отдѣлъ политической экономіи исторія хозяйственной жизни занимаетъ (или по крайней мѣрѣ должна занимать) равноправное съ экономической теоріей и экономической политикой положеніе; ни та, ни другая не можетъ имѣть научнаго значенія, если она не основывается на выводахъ экономической исторіи. Не покоясь на экономической исторіи, положенія, устанавливаемыя экономической теоріей, примѣнимы лишь къ одному сравнительно незначительному, именно современному періоду хозяйственной жизни (тогда какъ задачей ея является изученіе хозяйственной жизни въ ея цѣломъ); а положенія экономической политики, не будучи основаны на пониманіи того, какъ возникли современные институты хозяйственной жизни, подъ вліяніемъ какихъ моментовъ они создались и какія тенденціи развитія обнаруживаютъ, являются очевидно совершенно безпочвенными.

Въ качествѣ науки исторической исторія экономическаго быта представляетъ собою одинъ изъ отдѣловъ всеобщей исторіи; и будемъ ли мы стоять на точкѣ зрѣнія Эдуарда Мейера и Дитриха Шефера, что центральное мѣсто въ исторической наукѣ занимаетъ политическая исторія, или признаемъ, что на первомъ планѣ стоитъ—какъ утверждаетъ Лампрехтъ—исторія культуры въ широкомъ смыслѣ слова, въ понятіе которой входитъ и экономическая жизнь,—мы во всякомъ случаѣ не сможемъ отрицать, что хозяйственная жизнь народныхъ массъ представляетъ собою существенный отдѣлъ исторической науки, отдѣлъ, который, по мѣрѣ того,

какъ историческая наука ставитъ себѣ задачей изученіе не дѣятельности отдѣльныхъ личностей, сыгравшихъ роль въ исторіи, а жизни массъ, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Если для тѣхъ историковъ, которые имѣютъ прежде всего въ виду политическую исторію, и до сихъ поръ задачей исторіи является изученіе индивидуальныхъ явленій, поскольку ими вызывались какія либо послѣдствія (Эдуардъ Мейеръ), изученіе не общаго, а особеннаго, дѣйствительности во всемъ ея многообразіи (Рикертъ),—то совершенно иную цѣль ставятъ себѣ историки культуры вообще и изслѣдователи исторіи хозяйства въ частности. Ихъ задачей является выясненіе въ исторіи не индивидуальнаго, а типическаго (Бартъ), не того, что отдѣляетъ явленія другъ отъ друга, а того, что ихъ взаимно связываетъ, объединеніе всего многообразія реальныхъ явленій въ общія понятія (Лампрехтъ); тогда какъ индивидуальныя явленія „понижаются“ на ступень матеріала, которымъ историкъ пользуется при установленіи типичнаго, какъ имѣющаго основное значеніе.

Въ виду полнаго отсутствія не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ какого-либо общаго курса исторіи экономическаго быта [1]), обнимающаго не экономическую исторію одного изъ западно-европейскихъ народовъ, а Европы какъ цѣлаго, притомъ не въ одну лишь какую-либо эпоху,—авторъ въ предлагаемыхъ очеркахъ дѣлаетъ такую попытку обзора исторіи хозяйственнаго быта Западной Европы отъ Юлія Цезаря до французской революціи.

---

[1]) Наибольшее, что имѣется въ смыслѣ обобщающихъ сочиненій представляетъ собою извѣстный трудъ М. М. Ковалевскаго, охватывающій средневѣковый періодъ—пока въ трехъ томахъ только аграрная и промышленная исторія—и далѣе сочиненія Кеннингема—исторія англійской промышленности и торговли, Левассера—исторія промышленности и рабочаго класса во Франціи и Инама-Стернегга—исторія хозяйства въ Германіи въ средніе вѣка.

НАДО ИСПРАВИТЬ.

На стр. 32 строка 23 снизу *напечатано*: въ VI вѣкѣ, *слѣд. читать*.: въ XI вѣкѣ.

тамъ-же	„	20	„	„	нѣсколько столѣтій спустя	„	„	въ XIII ст.
„ стр. 81	„	15 сверху	„	Pfahebürger	„	„	Pfahlbürger
„ „ 95	—	—	„	Глава III	„	„	Гл. IV
„ „ 136	—	—	„	Глава III	„	„	Гл. IV
„ „ 137	строка	3 сверху	„	2—2$^1/_2$ милл. мар.	„	„	2—2$^1/_2$ милліардовъ мар.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ: Понятіе исторіи экономическаго быта, отношеніе ея къ исторіи и къ экономической наукѣ.

стр.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Раннее средневѣковье . . . . . 1—46

Памятники и литература. . . . . . 1— 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Аграрный строй въ эпоху Цезаря и Тацита. . . . . 4—11

Общинное землевладѣніе и землепользованіе въ эпоху Цезаря. Кочевой бытъ. Перемѣны, происшедшія въ періодъ, отдѣляющій Тацита отъ Цезаря. Характеръ осѣдлости и земледѣлія, общинная собственность. Спорные вопросы. Толкованіе Тацита у Фюстель-де-Куланжа, Виттиха, Сибома, Р. Гильдебранда (предположенія о господствѣ индивидуальной собственности и помѣстнаго строя).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Процессъ постепенной индивидуализаціи земельной собственности. . . . . 12—21

Салическая Правда. Отношеніе ея къ пахотнымъ полямъ, лугамъ и лѣсамъ. Жилище какъ движимость. Гражданскій оборотъ по lex Salica. Титулъ de migrantibus и его толкованіе.—Эдиктъ Хильпериха.—Рипуарская Правда. Успѣхи въ ней по сравненію съ lex Salica.—Препятствія къ превращенію пахотей въ индивидуальную собственность (передѣлы, характеръ земледѣлія). Общинное пользованіе лугами и лѣсами.—Общинная теорія земельной собственности. Возраженія противъ нея.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Возникновеніе крупнаго помѣстнаго землевладѣнія . . . . . 21—28

Первыя категоріи земель, составлявшія частную собственность. Земли королевскія и церковныя. Исключенія, устанавливаемыя въ ихъ пользу. Bocland и folcland въ Англіи. Соціальная дифференціація какъ результатъ установленія индивидуальной собственности. Причины расширенія церковной собственности. Исчезновеніе мелкаго землевладѣнія. Насильственный захватъ, разореніе, виры, война.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Образованіе класса крѣпостныхъ крестьянъ . . . . . 28—35

Институтъ прекаріи. Образованіе двухъ соціальныхъ классовъ. Зависимое положеніе класса земледѣльцевъ, постепенное пониженіе его въ соціальномъ отношеніи въ Англіи. Слияніе прежде свободныхъ элементовъ и ра-

бовъ. Образованіе крѣпостного населенія на континентѣ. Иныя теоріи, отрицающія переворотъ въ аграрномъ строѣ этой эпохи. Теорія Виттиха и Гутмана (существованіе крѣпостного населенія и раньше), теорія Каро и Зелигера (свободное крестьянство не исчезаетъ).

ГЛАВА ПЯТАЯ. Сельское хозяйство и помѣстная организація IX—XI ст. . . . . 35—39

Двѣ части помѣстья. Службы, оброкъ и баналитеты. Расчистка лѣсовъ. принудительный сѣвооборотъ. Сельское хозяйство въ эту эпоху. Взглядъ Инама-Стернегга относительно значенія крупныхъ помѣстьевъ. Возраженія Лампрехта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Промыслы и обмѣнъ въ раннее средневѣковье. . . . . 39—46

Замкнутое домашнее хозяйство. Потребности феодаловъ (въ особ. жилища). Какъ они удовлетворялись. Характеръ промышленной дѣятельности. Степень спеціализаціи. Странствующіе ремесленники Кузнецы.—Странствующіе купцы. Постепенное возникновеніе обмѣна. Связь его съ церковью. Рынки. Монета. Кредитъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Позднее средневѣковье (отъ XII ст. до открытія Америки). . . . . . 47—159

Общій характеръ эпохи 47

I. АГРАРНЫЙ СТРОЙ.

Литература . . . . . 49—53

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Измѣненія въ распредѣленіи земельной собственности и организаціи помѣстья . . . . 47—49

Сокращеніе имперскихъ земель. Дифференціація среди крупнаго землевладѣнія. Образованіе территоріальныхъ государствъ. Поглощеніе ими другихъ крупныхъ помѣстьевъ. Землевладѣніе церкви. Измѣненія въ области землевладѣнія въ Англіи. Распаденіе помѣстья. Роль maior'овъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Барщина, личныи повинности и платежи . . . . . 53—61

Опредѣленность натуральныхъ платежей и переводъ ихъ на деньги. Замѣна барщины денежнымъ оброкомъ. Выгодность этого для вотчинника и для крестьянъ. Ходъ этого процесса (комутація) въ Англіи. Барщина во Франціи и Германіи. Повинности личнаго характера, сокращеніе ихъ и превращеніе въ денежные платежи. Подушный сборъ. Право на имущество виллановъ. Геріетъ. Main-morte. Ius primae noctis; formariage. Степень распространенности личныхъ повинностей въ концѣ средневѣковья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Причины постепеннаго раскрѣпощенія крестьянъ . . . . . 61—65

Обиліе свободныхъ земель. Колонизація сѣвера Нидерландовъ и восточной Германіи (славянскихъ земель). Эпидеміи. Черная смерть. Вліянія ея. Образованіе городскихъ поселеній. Договорныя отношенія между феодаломъ и крестьянами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Положеніе крестьянъ въ Италіи Англіи и Испаніи . . . . . 65—70

Города Италіи и ихъ вліяніе на исчезновеніе личной зависимости крестьянъ; степень обезземеленья крестьянъ.—Возстаніе Уота Тайлера въ Англіи. Объясненіе причинъ его Роджерсомъ (попытка возвращенія къ барщинной системѣ). Дополненія Охенковскаго. Взглядъ М. М. Ковалевскаго. Результатъ возстанія.—Испанія въ особ. Каталонія.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Положеніе крестьянъ во Франціи и Германіи. Крестьянская война.

Личное освобожденіе крестьянъ во Франціи (mainmorte, taille arbitraire); характеръ его на сѣверо-западѣ и на востокѣ.—Облегченіе зависимости въ Германіи и обратное движеніе. Возстаніе 1525 г. Результатъ его; отличіе отъ Англіи. Общее экономическое положеніе крестьянъ на континентѣ въ концѣ средневѣковья.

II. ГОРОДА И ПРОМЫСЛЫ. . . . . 77—103

Источники и литература . . . . . 77—78

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Возникновеніе городовъ. . . . . 78—82

Элементы города. Характеръ городской общины. Частичныя общины въ составѣ городской общины. Цѣльность города во внѣшнемъ отношеніи и отсутствіе ея во внутреннемъ строѣ. Теоріи образованія городовъ (изъ римскихъ кастелль; изъ гильдіи; изъ сельской общины; изъ рыночной организаціи).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Городское населеніе . . . . . 83—86

Незначительное количество населенія въ средневѣковомъ городѣ и значеніе этого момента. Причины его. Смертность. Производительность труда. Большое количество непроизводительнаго населенія. Имущественное неравенство. Богатство и бѣдность въ средневѣковыхъ городахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Происхожденіе цеховъ. . . . . 87—95

Время образованія цеховой организаціи и распространенность ея. Теорія происхожденія цеховъ изъ римскихъ корпорацій. Теорія происхожденія цеховъ изъ союзовъ крѣпостныхъ. Возраженія Белова (officium, оброкъ, назначеніе старѣйшинъ и др.). Попытка Эберштадта. Цехи какъ свободныя организаціи. Цѣль образованія цеховъ; постановка вопроса; многосторонность цеховъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Характеръ цехового строя; формы производства. . . . . 95—130

Солидарность среди членовъ цеха и замкнутость въ отношеніи внѣшняго міра; Zunftzwang. различный характеръ его. Монополія цеховъ на городскомъ рынкѣ. Требованія, предъявляемыя при вступленіи въ цехъ. Предположеніе относительно двухъ періодовъ въ исторіи цеховъ; два направленія. Критика ихъ.—Ремесленная форма производства. Положеніе подмастерьевъ и ихъ борьба съ мастерами.

III. ОБМѢНЪ (Торговля, деньги, кредитъ, пути сообщенія). 104—159

Источники и литература . . . . . 104—106

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Торговые пути, торговые города и ярмарки. . . . . 106—116

Торговля на Средиземномъ, на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ. Ярмарки Шампани; ихъ значеніе, причины упадка. Другіе пути.—Венеція и Генуя, ихъ роль въ торговлѣ. Ганзейскіе города; организація ганзейской торговли; рознь среди городовъ. Вліяніе ганзейцевъ и итальянцевъ на торговлю другихъ странъ. Брюгге, французскіе и нѣмецкіе торговые города. Ярмарки, ихъ отличіе отъ торговыхъ городовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Объекты торговли, размѣры ея; пути сообщенія. . . . . 117—127

Произведенія Востока какъ объекты торговли, въ особ. пряности. Вывозъ изъ Европы на Востокъ. Иной характеръ объектовъ ганзейской торговли. Хлѣбная торговля; сукно. Враждебное отношеніе къ торговлѣ вообще; исключеніе—торговые города. характеръ ихъ торговой политики. Размѣры торговли; мнѣніе Зомбарта и критика его. Препятствія развитію торговли. Грабежи. Пути сообщенія въ средніе вѣка. Другія стѣсненія (таможни, Grundruhrrecht; Strassenzwang и т. д.). Условія морской торговли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Организація торговли; общій характеръ коммерческой дѣятельности въ средніе вѣка. . . . 127—136

Купеческіе караваны и гильдіи. Караваны судовъ (адмиралтейства); конвойныя суда. Поселенія купцовъ (факторіи), торговыя подворья. Ярмарочные обычаи и привилегіи (репрессаліи, долги, судъ). Предводители караванъ и консулы; компетенція послѣднихъ. Маклеры-посредники. Приказчики. Торговыя товарищества. Комменда и полное товарищество; монополизація торговли компаніями. Отличіе гильдій отъ компаній.—Отсутствіе спеціализаціи занятій въ торговлѣ, въ особ. соединеніе товарной торговли и кредитныхъ операцій; причины этого.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Денежное обращеніе и денежная торговля. . . . . 136—146

Недостаточность орудій обращенія; послѣдствія этого (хлѣбъ, перецъ и т. д. какъ платежныя средства, запрещенія вывоза монеты). Динаріи, переходъ къ чеканкѣ грошеновъ (grossus). Золотая монета. Роль итальянскихъ городовъ. Низкая техника чеканки, обрѣзываніе монеты, фискальныя операціи. Denarius perpetuus. Монетная регалія. Борьба торговли съ недостатками денежнаго обращенія (пользованіе слитками, иностранной монетой, принятіе на вѣсъ), монета счетная и реальная.—Роль мѣнялъ. Ихъ операціи. Возникновеніе векселя и его характеръ (наиболѣе ранніе векселя простые).

ГЛАВА ПЯТАЯ. Кредитныя операціи . . . . . 146—153

Купля-продажа ренты. Займы городовъ, государей, духовныхъ феодаловъ. Обезпеченіе долга. Кредитъ коммерческій. Купля-продажа въ кредитъ. Заемъ въ торговлѣ. Виды его. Средневѣковые банкиры. Духовныя учрежденія. Евреи. Итальянскіе купцы.

Прибавленіе

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Экономическая доктрина и дѣйствительность . . . . . 153—159

Экономическая доктрина ранняго средневѣковья и соотвѣтствіе ея дѣйствительности. Отрицательное отношеніе къ торговлѣ. Измѣненіе доктрины въ позднее средневѣковье. Измѣненіе ученія о ростѣ (damnum emergens). Вліяніе его на жизнь. Обходъ запрещеній взиманія роста. Широкое распространеніе ссуднаго процента; открытое его взиманіе.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. Новое время. (Отъ открытія Америки до французской революціи).

Общая характеристика эпохи . . . . . 160—161

I. НАСЕЛЕНІЕ . . . . . 161—167

Литература

Ростъ населенія въ Англіи, во Франціи и Пруссіи, населеніе другихъ странъ. Соотношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ. Брачность, рождаемость, смертность. Причины высокой смертности. Переселенія. Итальянцы, гугеноты, фламандцы. Переселенія на Востокъ и въ Америку.

II. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРАРНЫЙ СТРОЙ . 167—208

Литература . . . . . 167—170

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Оживленіе въ области сельскаго хозяйства. . . . . 170—178

Пробужденіе интереса къ сельскому хозяйству въ Англіи, Франціи, Германіи. Результаты его въ Англіи. Сельское хозяйство во Франціи до половины XVIII ст. и во второй половинѣ вѣка. Частичность улучшеній. Сельское хозяйство въ Германіи. Связь сельскаго хозяйства съ аграрнымъ строемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Личная зависимость крестьянскаго населенія. . . . . 178—183

Три категоріи сеніоріальныхъ правъ. Успѣхи, достигнутые къ концу средневѣковья и въ слѣдующія столѣтія. Переходъ съ запада на востокъ. Личная зависимость въ Англіи. Западная Франція. Main-morte въ восточной Франціи. Leibeigenschaft западной Германіи. Баварія. Австрія. Взглядъ на крестьянъ какъ на вещь въ сѣверо-восточной Германіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Аграрный строй въ Англіи. . . . . 183—190

Расширеніе овцеводства въ XVI ст. Захватъ общинныхъ земель. Характеръ огораживаній XVI ст. XVII вѣкъ. Огораживанія XVIII ст., ихъ отличіе отъ огораживаній предыдущаго періода. Связь ихъ съ переходомъ къ раціональному хозяйству. Отношеніе правительства къ огораживаніямъ XVIII ст. Порядокъ ихъ совершенія. Вліяніе ихъ на мелкое землевладѣніе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Аграрный строй во Франціи . 190—200

Развитіе овцеводства и расширеніе площади культуръ на континентѣ. Droit de glanage и droit de vaine pâture. Дѣленіе общественныхъ угодій, захватъ ихъ сеньорами.

Мелкое землевладѣніе во Франціи. Характеръ крестьянской собственности. Крестьянская аренда. Сближеніе условій крестьянскаго и дворянскаго держаній. Постепенный упадокъ сеньоріальнаго режима. Барщина, оброкъ и повинности. Droits casuels. Право охоты. Экономическое положеніе крестьянъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Аграрный строй въ Германіи . . . . 200—208

Различіе между Grundherrschaft и Gutsherrschaft. Аграрный строй западной Германіи. Баварія какъ переходная ступень къ крупному землевладѣнію. Характеръ послѣдняго на востокѣ. Какъ совершалось присоединеніе крестьянскихъ дворовъ къ барской землѣ первоначально и впослѣдствіи. Bauernlegen въ Пруссіи и Австріи и борьба съ нимъ. Барщина въ восточной Германіи; тяжелое положеніе крестьянъ. Освобожденіе крестьянъ въ различныхъ странахъ.

III. ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧІЙ КЛАССЪ. 209—225

Литература . . . . . 209—211

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Кустарная или домашняя промышленность . . . . . 211—216

Расширеніе рынка, переходъ къ государственной промышленной политикѣ. Превращеніе ремесла въ кустарную промышленность. Образованіе класса скупщиковъ. Расширеніе рабочаго класса. Зависимое положеніе кустарей. Кустарные регламенты.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Ремесло . . . . . 216—219

Вліяніе кустарной промышленности на ремесло. Не-цеховые ремесленники. Стѣсненія доступа въ цехъ. Территоріальныя организаціи цеховъ и подмастерьевъ. Надзоръ государства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Мануфактуры . . . . . 220—222

Что понималось подъ мануфактурой въ XVII—XVIII ст.? Мануфактуры, созданныя иностранцами; мануфактуры съ принудительнымъ трудомъ; мануфактуры, возникшія изъ кустарной формы производства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Отрасли промышленности; положеніе рабочихъ . . . . . 222—225

Отрасли промышленности, производящія для широкаго рынка. Отсталость промышленной техники. Отсталость въ соціальномъ отношеніи. Власть предпринимателей: заработная плата; трудъ малолѣтнихъ. Недоброжелательное отношеніе къ рабочимъ. Кризисы.

IV. ОБМѢНЪ. (Торговля, деньги, кредитъ, средства сообщенія) . . . . . 226—268

Литература . . . . . 226—227

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общій характеръ торговли и торговой политики. . . . . 227—234

Переворотъ въ области торговли въ XVI ст. Торговая политика государствъ. Торговля Португаліи. Торговля Испаніи. Торговля и торговая политика Нидерландовъ. Преобладаніе Нидерландовъ въ XVII вѣкѣ. Торговля и торговая политика Англіи. Навигаціонный актъ Кромвеля.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Торговые города и ярмарки . . . . . 234—241

Кастильскія ярмарки. Ліонъ. Антверпенъ. Амстердамъ. Лондонъ. Упадокъ итальянской торговли товарами. Роль итальянцевъ въ кредитныхъ операціяхъ. Паденіе Ганзы. Ростъ Гамбурга. Южно-германскіе города въ товарной торговлѣ и въ области кредита. Упадокъ ихъ съ XVII ст. Франкфуртъ. Лейпцигская ярмарка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Объекты торговли; розничная торговля . . . . . 241—246

Колоніальные товары. Торговля неграми. Хлѣбная торговля. Организація ея голландцами. Фискальная и протекціонная политика въ области хлѣбной торговли. Промышленныя издѣлія. Контрабанда. Розничная торговля, осѣдлая и въ разносъ. Отношеніе къ послѣдней; товарищества торговцевъ; принципы ихъ торговой дѣятельности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Торговыя компаніи; биржа и биржевая спекуляція; капиталъ . . . . . 246—255

Регулированныя компаніи. Возникновеніе акціонерныхъ компаній; ихъ характеръ; организація. Важнѣйшія компаніи; ихъ торговая политика. — Отличіе биржи отъ средневѣковыхъ ярмарокъ. Постепенное возникновеніе биржи. Названіе „биржа“. Биржа въ Брюгге, Антверпенѣ и Ліонѣ. Спекуляція въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ. Джонъ Ло во Франціи.—Теорія Зомбарта о возникновеніи крупнаго капитала. Возраженія Стридера. Капиталы въ XVII—XVIII ст.: ихъ обиліе въ Нидерландахъ и Англіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Денежное обращеніе и цѣны; кредитъ; средства сообщенія . . . . . 255—265

Приливъ американскаго золота и серебра въ Европу. Вліяніе его на уровень цѣнъ; различныя категоріи товаровъ, заработная плата.—Крупная серебряная и золотая монета. Недостатки денежнаго обращенія. — Публичные банки. Ихъ главная цѣль.—Вексельный индоссаментъ. — Указный ростъ. — Государственный кредитъ. Его характерныя особенности. Банкротства правительствъ. Новыя формы государственнаго кредита. Государственный долгъ Англіи.—Дороги въ XVII—XVIII ст. Почтовыя сообщенія. Каналы. Судоходство.

Прибавленіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Экономическая доктрина. . . . . 265—268

Борьба съ канонистами относительно запрещеній роста.—Меркантилизмъ; его основныя положенія.—Переходъ къ физіократамъ.—Физіократы.

Лекціи по исторіи экономическаго быта.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Раннее средневѣковье

(отъ Юлія Цезаря до XI ст.).

Главнѣйшіе памятники. Caesar. De bello Gallico. Tacitus. Germania. Lex Salica (изд. Behrend'a съ примѣч.). Lex Ribuaria (изд. Sohm'a въ Monumenta Germaniae. Leges. V). Lex Baiuvariorum (изд. Merkel'я въ Monum. Germ. Leges. III). Capitularia regum Francorum (ed. Boretius. I. II), спец. Capitulare de villis Карла Вел. изд. Gareis'a съ комм. Formulae Merovingici et Karolini aevi. (Mon. Germ. Leges. V. Ed. Zeumer). Polyptyque de l'abbé Irminon конца VIII или нач. IX. ст. (de l'abbaye de Saint-Germain des Prés). Нов. изд. Longnon. 1895. Domesday-Book конца XI ст. изд. Ellis'a съ комм.

Литература. Относящіеся сюда вопросы, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ проблема германской марки и возникновенія частной собственности на землю и крупнаго вотчиннаго землевладѣнія, а въ связи съ этимъ и крѣпостного права, имѣя одинаковое значеніе для всеобщей исторіи, исторіи хозяйства и исторіи права, имѣютъ обширную литературу, разработанную представителями всѣхъ трехъ областей знанія. Исходную точку въ вопросѣ о маркѣ составляютъ статьи Ганссена объ открытіяхъ Олуфсена, напечатанныя въ 1835 и 1837 г.г. въ Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit (теперь въ *Hanssen. Agrarhistorische Abhandlungen 1880*), которыя, какъ и другія статьи его (помѣщенныя теперь въ этомъ же сборникѣ)—о Цезарѣ (Wechsel der Wohnsitze und Feldmarken in germanischer Urzeit), о системахъ земледѣлія (Zur Geschichte der Feldsysteme in Deutschland) и о сохранившихся въ области Мозеля остаткахъ германской марки и общинныхъ передѣловъ (Die Gehöferschaften im Regierungsbezirk Trier) — послѣднее впрочемъ оказалось неправильнымъ (какъ выяснилъ Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. I. 1886 p. 442 и сл., ср. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen etc. 1895. B. II. p. 602 и сл.)—сохранили до сихъ поръ свою цѣнность для аграрной исторіи. Основой для изученія аграрнаго развитія разсматриваемаго періода являются труды Маурера, какъ его общее „Введеніе" (*Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf-und Stadtverfassung. 1854.* Переиздано Cunow'ымъ — безъ измѣненій и дополненій—въ 1896 г., есть рус. пер.), такъ и подробныя изслѣдованія отдѣльныхъ областей аграрнаго строя: *Maurer. Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. 1856. Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. 2 Bände 1865—66. Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland.* 4 Bände. 1862—63; далѣе слѣдующіе капитальные труды обобщающаго характера: *Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte* B. I. 1879. B. II. 1891 (томъ первый посвященъ подробному изученію періода до Карла Вел.—часть 1 и эпохѣ Каролинговъ — ч. 2.—томъ второй—періоду XII ст.), *Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter.* B. I (въ двухъ частяхъ—изложеніе) и II (источники). 1885: основанъ на источникахъ, относящихся къ району Мозеля (отчасти и Рейна), но выводы имѣютъ общее значеніе для средней Европы. *Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen.* 3 Bände (и атласъ) 1895 и *М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства* Т. I. 1898. (Римскіе и германскіе элементы въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины. Экономическая сторона процесса феодализаціи недвижимой собственности), гдѣ—въ противоположность Инама-Стернеггу и Лампрехту—разсматривается аграрный строй не одной Германіи, а всей

Западной Европы (это находимъ и у Мейцена). Спеціально для Англіи—капитальные труды: *П. Г. Виноградова. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка.* 1887, и въ противоположномъ направленіи *Seebohm. The english villainage—community. 1883.* Краткое разсмотрѣніе процесса аграрнаго развитія имѣется въ (прекрасныхъ) учебникахъ исторіи права Бруннера (*Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. B. I. 2. Aufl. 1906* ч. 1. Germanische Zeit, ч. 2, Fränkische Zeit, особ. §§ 11, 14, 18, 26, 27, 31—33), Шредера (*Schroeder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte*, цит. по 4 изд. 1902 г.—есть болѣе новое—особ. важны §§ 9—10 24, 27,—29, Вайца (*Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte*), особ. первые два тома, но и въ слѣдующихъ встрѣчаются мѣткія характеристики хозяйственнаго строя, Віолле (*Viollet. Histoire du droit civil français.* Цит. по 2 изд. 1893 г., особ. L. II. ch. VI. L. IV. ch. 1), немногія общія положенія. *Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France.* 1888 и сл. (въ особ. т. III § 9—13) *Pollock and Maitland. History of English Law.* 2 vol. 1895. Существенны также Мэнъ, (*Sumner Main Village communities in the East and West. 1871.*, есть рус. пер.), изслѣдованіе сравнительнаго характера (параллель между Европой и Индіей), *Garsonnet. Histoire des locations perpétuelles et des baux à longue durée. 1878.* (Deuxième partie, p. 182 — 297), въ сущности исторія землевладѣнія съ древнѣйшихъ временъ (прекрасно написанная) и извѣстное сочиненіе Нассе объ общинныхъ передѣлахъ и огораживаніяхъ въ Англіи (*Nasse. Ueber mittelalterliche Feldgemeinschaft in England. 1869.* Рус. пер. подъ ред. Азаревича. Зап. демид. юридич. лицея. 1878). Кое что имѣется и въ книгѣ Лавеле о первоначальныхъ формахъ землевладѣнія (*Laveleye. La propriété et ses formes primitives*, 4 éd. 1891, перераб. Бюхеромъ., гл. V—VII, XXVII—XXVIII касаются Зап. Европы). Эшли (Ashley. Introduction into the economic history and theory, есть рус. пер.) при изложеніи этой эпохи несамостоятеленъ.

Противоположность направленію всѣхъ указанныхъ ученыхъ, являющихся (за исключеніемъ Зибома, Мэтланда и Эшли) представителями господствующаго ученія (относительно общиннаго землевладѣнія) составляетъ *Fustel de Coulanges,* Le problème des origines de la propriété foncière (критика Маурера), въ Révue des questions historiques. 1889 (нынѣ напечатано въ сборникѣ *Questions historiques.* 1893.), Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres, La marche germanique (и то и другое изд. теперь въ *Récherches sur quelques problèmes d'histoire. 1885.*) и въ особ. *Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France* (L'alleu et le domaine rurale pendant l'époque merovingienne. 1889. Въ гл. V рѣзкая критика Глассона.—Les origines du système féodal. 1890. Есть на рус. яз. подъ ред. И. М. Гревса) изслѣдованіе замѣчательное, хотя съ выводами не всегда можно согласиться. Критика Фюстель де Куланжа у *Glasson.* Les *communaux et le domaine rural à l'époque franque. 1890.* и *Halban-Blumenstok. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums.* B. I. 1894.

По отдѣльнымъ спеціальнымъ вопросамъ: 1) контроверза о толкованіи Цезаря и Тацита: *Thudichum. Der altdeutsche Staat. 1862. Max Weber. Der Streit um den Charakter der altgermanischen Sozialverfassung* (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1904. B. 28). *Rachfahl. Zur Geschichte des Eigentums* (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1900. B. 19) и его же (направлено—какъ и первая статья—въ особ. противъ Рихарда Гильдебранда) *Zur ältesten Sozial-und Wirtschaftsgeschichte der Germanen* (по поводу Brunner. I. 2 Aufl.) въ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1907. *Kötzschke. Die Gliederung der Gesellschaft bei den alten Deutschen.* (Deutsche Zeitschr. für Geschichtswiss II. 1897—98). *Richard Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. B. I. 1896* (первое изд.) и его же второе изд. 1907 (подъ назв. Pecht und Sitte auf den primitiveren Kulturstufen), гдѣ рѣзко измѣнена первоначальная теорія, но и теперь много оригинальнаго, хотя уже для эпохи Цезаря и Тацита выводы часто необоснованы, остальная часть книги (образованіе помѣстнаго землевладѣнія) совершенно бездоказательна. *Wittich. Die wirtschaftliche Kultur der Deutschen zur Zeit Caesars* (Historische Zeitschr. 1897) и его же большой трудъ *Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* 1896 (Anhang. p. 108 и сл.). Кромѣ того: *Roscher.* Ueber die Landwirtschaft der ältesten Deutschen. (*Ansichten der Volkswirtschaft etc. 1861*), *Viollet. Charactère collectif des premières propriétés immobilières* (Bibliothèque de l'école des Chartes. 1872). *Schröder* Zeitschr. der Savigny-Stiftung 1903 (возраженіе Виттиху). 2) „Варварскія Правды" (франкская эпоха)—контроверза о характерѣ землевладѣнія: *Schröder. Die Franken und ihr Recht* (*Zeitschr für Rechtsgesch. B.*

XV). Bethmann-Hollweg. Der germanisch-romanishe Zivilprozess im Mittelalter. 1868. Thudichum. Die Gau- und Markverfassung in Deutschland 1860. Sohm. Die altdeutsche Reichs- und Gerichtsverfassung. 1871. Halban-Blumenstok. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums. B. I. 1894 (подробный анализъ lex Salica, а также lex Ripuaria). *Fustel de Coulanges.* Recherches sur quelques points des lois barbares (Nouvelles recherches sur quelque-problèmes d'histoire). 1891. *Arbois de Iubainville. Recherches sur l'origine de la propriété foncière 1890.* Кромѣ того: *Denman W. Ross. The early history of land-holding among the germans. 1883. Platon. Le droit de la propriété dans la société franque et en Germanie* (Révue d'économie politique. 1887. 1888. 1890). 3) Проблема образованія крупнаго помѣстнаго землевладѣнія и его организаціи: ѳсоб. важно—*Inama-Sternegg. Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland während der Karolingerzeit. 1878.* (Schmoller's staats- und sozialwiss. Forschungen. I). *Lamprecht. Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftslebens im 11. Iahrh. 1878* (въ тѣхъ же *Forschungen. I*). *Seeliger. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter. 1903.* (Abhandlungen der philolog.—hist. Klasse der Kön. Sächsischen Gesellsch. der Wissensch. B. XXII). Кромѣ того статьи *Caro. Die Grundbesitzverteilung in der Nordostschweiz etc. zur Karolingerzeit* и *Zur Agrargeschichte der Nordostschweiz etc. vom 10—13. Iahrh.* (Iahrbücher für Nationaloekon. III. Folge. B. XXI и XXIV). 4) По поводу новѣйшей контроверзы относительно сословнаго строя и времени возникновенія вотчинъ: *Heck. Altfriesische Gerichtsverfassung. 1894.* Его же. *Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte. 1900. Wittich. Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. 1896* (Anhang) и его же *Die Frage der Freibauern.* Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. germ. Abt. 1901. *Gutmann. Die soziale Gliederung der Bayern zur Zeit des Volksrechtes. 1906* (Abhandl. aus d. staatswiss. Semin. zu Strassburg). Возраженія имъ: *Brunner. Nobiles nnd Gemeinfreie der karolingischen Volksrechte.* (Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgesch. German. Abt. 1898) и его-же. *Ständerechtliche Probleme* (Ibid. 1903). *Schröder. Der altsächsische Volksadel und die grundherrliche Theorie* (Ibid. 1903). *Vinogradoff. Wergeld und Stand* (Ibid. 1903).

Относительно *обрабатывающей промышленности* этого періода: *М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. т. III.* 1903 гл. 1 (вотчинная организація промышленности), *Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte.* B. I. S. 132—146. 362—366. 422—426. B. II. Abschn. 5. *Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, 2-e éd. T I. 1900.* Livre II. *Heyne. Fünf Bücher deutscher Hausaltertümer* von den ältesten geschichtlichen Zeiten bis zum XVI Iahrhundert, особ. B. I. Wohnungswesen. 1899. Abschn. 1, 2. Его-же посмертное сочиненіе: *Das altdeutsche Handwerk. 1908.* Текстильная промышленность: *Hildebrand.* Iahrbücher für Nationaloekonomie. B. VI. VII. VIII. *Schmoller. Die Strassburger Tucher-und Weberzunft.* 1879 (Darst. Kap. I. II) *Klumker. Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls des Grossen. 1899. Häpke. Die Herkunft der friesischen Gewebe. Hansische Geschichtsblätter. 1906. Kober. Die Anfänge des deutschen Wollgewerbes. 1908.* Металлическія издѣлія: *Beck. Geschichte des Eisens.* B. I. 1884. S. 682—747. Формы промышленности: *Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft* (рус. пер. подъ ред. І. М. Кулишера: Возникновеніе народнаго хозяйства, вып. 1, очерк. 5-ый) и его-же *Gewerbe* въ Handwört der Staatswiss. Противъ него: *Below. Die Entstehung des Handwerks in Deutschland* (Zeitschr. für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. B. V) (а также М. М. Ковалевскій, ук. соч.). Относительно *торговли* этого періода: *Schulte. Geschichte der mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien 1900.* B. I. Darst. Buch 1, 2 (торговые пути, товары, купцы). *Schaube. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. 1906.* Erster Hauptteil (vom Anfang des X Iahrh. bis zum Beginn der Kreuzzüge). *Lamprecht. Beiträge zur französischen Wirtschaftsgeschichte des elften Iahrhunderts. 1879.* Kap. IV. *Inama-Sternegg.* Deutsche Wirtschaftsgesch. B. I. Erstes Buch. Abschn. 5. Zweites Buch, Abschn. 5. B. II. Abschn. 6. *Pigeonneau Histoire du commerce de la France. T. I. 1885. Heyd. Geschichte des Levantehandels.* B. I. 1879. *Beer. Geschichte des Welthandels.* B. I. (есть рус. пер., но весьма плохой). Рынки: *Rathgen. Die Entstehung der Märkte in Deutschland* 1881. *Huvelin. Essai historique sur le droit des foires et des marchés 1897. Rietschel. Markt und Stadt. 1897. Sohm. Entstehung des deutschen Städtewesens. 1890.* Хлѣбная торговля и голода: *Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. 1900.* (VIII—XIII ст.).

ГЛАВА I.

Аграрный строй въ эпоху Цезаря и Тацита.

„Едва ли можно указать во всей исторической литературѣ—говоритъ М. М. Ковалевскій — болѣе спорный вопросъ чѣмъ тотъ, какой представляетъ бытъ древнихъ германцевъ... Преобладаніе первобытныхъ промысловъ или земледѣлія, кочевой или осѣдлый характеръ послѣдняго, свобода или крѣпостная зависимость сельскихъ воздѣлывателей, совмѣстная эксплоатація почвы или раздѣльное пользованіе ею, доселѣ составляютъ предметъ горячихъ преній между историками и экономистами, занимающимися вопросомъ о бытѣ древнихъ германцевъ". Между тѣмъ „всѣ эти теоріи возникли на почвѣ толкованія однихъ и тѣхъ же свидѣтельствъ Цезаря и Тацита, съ рѣдкимъ обращеніемъ къ методу переживаній и историко-сравнительнымъ параллелямъ съ бытомъ арійскихъ, а тѣмъ болѣе неарійскихъ народностей" [1]). Подобное положеніе вопроса должно вызвать, казалось бы, сомнѣніе въ возможности вообще когда либо выяснить, что хотятъ сказать эти писатели (безплодный споръ, по словамъ Фукса), на сообщеніяхъ которыхъ въ сущности покоятся всѣ наши свѣдѣнія о хозяйственной жизни западно-европейскихъ народовъ въ древнѣйшую эпоху; недаромъ ихъ называютъ „библіей нѣмцевъ" [2]) [3]). Между тѣмъ, если мы вникнемъ въ то, что говорятъ Цезарь и Тацитъ — рѣчь идетъ всего о нѣсколькихъ фразахъ—то увидимъ, что на интересующіе насъ вопросы объ аграрномъ строѣ того времени дается если и не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, такой, который исключаетъ возможность рѣзкаго разногласія. Большинство изъ разнорѣчивыхъ выводовъ въ данномъ случаѣ вытекаетъ изъ желанія вложить въ слова этихъ римскихъ писателей искусственный смыслъ, совершенно не соотвѣтствующій первобытному характеру хозяйственной жизни германцевъ того времени.

Что касается прежде всего Цезаря, то онъ указываетъ на то, что германцы мало занимаются обработкой земли, что пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ молока, сыра и мяса; въ частности по поводу свевовъ онъ прибавляетъ, что они мало питаются хлѣбомъ, гораздо больше молокомъ и скотомъ (мясомъ?) и много времени проводятъ на охотѣ [4]).

Caesar. De bello Gallico. Lib VI. 22. Agriculturae non student maiorque pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit. Ibid. Lib. IV. 1. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt in venationibus.

Далѣе читаемъ у Цезаря: никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленнаго (отдѣленнаго границами отъ другихъ) участка пахатной земли, власти и старѣйшины отводятъ ежегодно отдѣльнымъ родамъ столько земли, сколько и гдѣ считаютъ это нужнымъ, и спустя годъ снова заставляютъ ихъ переходить на другія мѣста.

Sed privati ac separati agri apud eos nihil est (IV. 1). Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt (VI 22).

---

[1]) Ковалевскій, т. I, стр. 31—32.

[2]) Fuchs. Epochen der deutschen Agrargeschichte, p. 4. Относ. сомнѣній Möser'a, Eichhorn'a Landau и др. см. Thudichum. Der altdeutsche Staat. 125 и сл.

[3]) Hanssen I, p. 79.

[4]) Ср. Knüll. Historische Geographie Deutschlands im Mittelalter. Breslau 1903, p. 106 и слѣд.

Изъ приведенныхъ словъ Цезаря мы можемъ усмотрѣть, что земля не только составляла собственность племени, но и обработка земли производилась совмѣстно родами, а не отдѣльными лицами [1]): сопряженныя съ огромнѣйшими усиліями, при отсутствіи сколько-нибудь удовлетворительныхъ орудій, вырубка и выкорчеваніе дремучихъ лѣсовъ мыслимы было лишь соединенными силами многихъ. Сомнѣніе вызываетъ лишь то мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ о ежегодныхъ перемѣнахъ въ площади пахатной земли. Говоря, что родъ, получившій въ обработку опредѣленную часть земли, принадлежащей племени, не остается на этомъ участкѣ земли свыше года [2]), имѣетъ ли Цезарь въ виду ежегодные общинные передѣлы земли, перераспредѣленіе пахатныхъ полей между отдѣльными родами въ предѣлахъ одной и той же площади, занятой племенемъ, или онъ хочетъ этимъ сказать, что германцы кочуютъ съ мѣста на мѣсто, что у нихъ еще нѣтъ осѣдлаго земледѣлія, какъ толкуютъ Зибель, Бетманъ - Голвегъ, Тудихумъ [3]). Въ послѣднемъ случаѣ, при изобиліи свободной земли, очевидно нѣтъ надобности въ передѣлахъ, даже при ежегодной перемѣнѣ пашни остается много свободнаго пространства.

Есть основанія предполагать (хотя вполнѣ это едва ли можно будетъ установить когда-либо) именно такое кочевое состояніе, ибо оно вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру хозяйственнаго быта древнихъ германцевъ (во многомъ наблюдаются остатки коммунизма и въ другихъ отношеніяхъ, помимо землевладѣнія), постоянныя же поля предполагаютъ слишкомъ высокую ступень культуры: Цезарь прибавляетъ, что германцы избѣгаютъ осѣдлаго образа жизни и не строятъ постоянныхъ жилищъ.

Lib. VI. 22. Ne assidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent; ne accuratius ad frigora atque aestus vitandos aedificent. Ср. также c. 23. Civitatibus maxima laus est quam latissime circum se vastatis finibus solitudines habere. Ср. Помпоній Мела, который сообщая о войнахъ свевовъ, замѣчаетъ, что они едва-ли вызываются недостаткомъ воздѣлываемой земли, ибо и тѣ поля, которыя находятся въ ихъ распоряженіи, обрабатываются плохо и у нихъ всегда много земли должно лежать свободно (Nam ne illa quidem enixe colunt, sed ut circa ipsos quae iacent vasta sint). Chrog. III. 3.

Это подтверждается и словами писавшаго въ началѣ 1 ст. по Р. Х. Страбона, который говоритъ что германцы, будучи скотоводами-кочевниками, живутъ въ хижинахъ, которыя строятся лишь на одинъ день, и имъ нетрудно, взваливъ имущество на повозки, переходить со скотомъ съ мѣста на мѣсто [4]). На существованіе такихъ первобытныхъ жилищъ, которыя могутъ быть перевезены съ одного мѣста на другое указываетъ и Плиній (Caesis domus eorum plaustris inpositas VIII. 40. 61); мы находимъ ихъ еще нѣсколько послѣднія столѣтія [5]), и даже въ эпоху lex Salica столѣтій спустя, въ средневѣковья производился сломъ дома, который взваливался на повозку [6]).

Нѣмецкіе историки до сихъ поръ не хотятъ допустить, что древніе германцы могли быть кочевниками: Мейценъ даже приписываетъ имъ особую интеллигентность, благодаря которой они — въ противоположность другимъ народамъ—весьма рано перешли къ земледѣлію, прежде чѣмъ усилилась власть богатыхъ надъ бѣдными. Вайцъ находитъ, что сообщеніе Цезаря о кочевомъ характерѣ земледѣлія основано на недостаточной

---

[1]) Ср. Brunner. I. 83—4.

[2]) L. IV, 1 (Свевы) также говорится—neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet.

[3]) Sybel. Entstehung des deutsch. Königtums. 1881. p. 6. Bethmann-Hollweg, Die Deutschen vor der Völkerwand. 12. Thudichum. Der altdeutsche Staat, p. 119.

[4]) Географія Страбона въ семи книгахъ. Кн. VII.

[5]) См. ниже, а также Meitzen. I. 582. Waitz. 2. Aufl. I. 101.

[6]) Wittich, p. 340. Heyne. Deutsches Wohnungswesen, p. 158. См. также Отд. 2 гл. I въ концѣ.

освѣдомленности его и, вполнѣ правильно толкуя Цезаря, онъ, однако, въ концѣ концовъ совершенно отказывается понять его [1]), не допуская, чтобы германцы (и даже одни только свевы) могли вести такой кочевой образъ жизни [2]); а между тѣмъ Цезарь ссылается на подробные распросы на мѣстахъ и указываетъ на тѣ причины, которыя ему приводились въ объясненіе сообщаемыхъ фактовъ. Ганссенъ обращаетъ къ тому же вниманіе на то, что самая болѣзненная фантазія не могла бы выдумать общинную собственность съ постоянной перемѣной осѣдлости, если бы этого не было въ дѣйствительности [3]).

Арндтъ утверждаетъ, что то, что сообщаетъ Цезарь, не могло существовать въ такомъ видѣ—это не только предполагаетъ первобытную дикость, но и было бы въ высокой степени глупо: каждый годъ расчищать и воздѣлывать новыя земли, настолько отдаленныя отъ прежнихъ, что приходилось строить новыя жилища. Описываемыя Цезаремъ условія могли быть лишь временными, къ нимъ прибѣгали по необходимости тѣ племена, съ которыми Цезарь столкнулся прежде всего и которые временно находились въ движеніи, тѣснимые другими и вынужденные покинуть насиженныя мѣста.

Однако, не говоря уже о томъ, что германцы того времени дѣйствительно находились на первобытной степени развитія—что Арндту кажется совершенно немыслимымъ—и потому земледѣліе должно было имѣть примитивный характеръ,—въ такомъ именно состояніи постояннаго движенія германскія племена находились не временно, а въ теченіе многихъ столѣтій и не только въ эпоху Цезаря (I. 36. Аріовистъ говоритъ, что его люди въ теченіе 14 лѣтъ не видѣли крыши надъ собой), но еще значительно позже. Достаточно ознакомиться съ извѣстнымъ трудомъ Мейцена, чтобы видѣть, что первыя шесть столѣтій въ жизни европейскихъ народовъ представляютъ собою эпоху весьма далекую еще отъ постоянной осѣдлости и обнаруживающую мною сходства съ современной жизнью африканскихъ народовъ, какъ ее изображаетъ Ратцель, гдѣ продолжительное пребываніе того или другого племени на одномъ и томъ же мѣстѣ составляетъ явленіе почти немыслимое [4]) [5]).

Еще и во времена Тацита, а не только Цезаря, мы едва ли можемъ найти дѣйствительно вполнѣ осѣдлое земледѣліе. Но все же Тацитъ противополагаетъ германцамъ сарматовъ-кочевниковъ и когда у него возникаетъ сомнѣніе въ томъ, слѣдуетъ ли то или иное племя отнести къ германцамъ или къ сарматамъ, то главнымъ соображеніемъ является моментъ осѣдлости. Далѣе онъ упоминаетъ о томъ, что каждый германецъ имѣетъ собственное жилище, которое строится не изъ кирпичей или камней, а изъ стволовъ деревьевъ, и что несвободные также поселены на особыхъ участкахъ, имѣютъ свои жилища и ведутъ собственное хозяйство.

Peucini... sed ac domiciliis ut germani agunt... Venedi inter Germanos potiis referuntur, quia et domos figunt... quae omnia diversa sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus (Cap. 46). Suam quisque domum spatio circumdat ne caementarum quidem apud eos aut tegularum usus: materia ad omnia utuntur informi (Cap. 16). Suam quisque (servus) sedem suos penatos regit frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut coloni iniungit (Cap. 25).

---

[1]) Осторожнѣе будетъ признать, что мы въ настоящее время не въ состояніи выяснить, какъ было дѣло въ дѣйствительности, p. 99.

[2]) Waitz. I. 2. A. p. 97—100.

[3]) Hanssen. I. 78. Roscher. Ansichten, p. 66.

[4]) „Даже лучшіе земледѣльцы среди африканскихъ племенъ необычайно подвижны и большинство деревень и даже небольшихъ племенъ не остается долго на одномъ и томъ же мѣстѣ. При такихъ условіяхъ разница между образомъ жизни пастушескихъ и земледѣльческихъ народовъ сильно стушевывается“ (Ratzel. Völkekunde. I. Einl. p. 60).

[5]) Литерат. объ этомъ: Arnold. Ansiedelungen und Wanderungen. Meitzen. Siedelungen und Agrarwesen. B. I. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, B. II. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. Jnama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. I. Gaupp. Die germanischen Ansiedelungen und Landteilungen.

Имѣя это въ виду, слова Тацита: ежегодно мѣняются пашни и все таки остаются свободныя пространства (arva per annos mutant et superest ager. Cap. 26) можно толковать въ томъ смыслѣ, что рѣчь идетъ о почвѣ, находящейся подъ паромъ, ибо каждый годъ часть земли воздѣлывается, другая же отдыхаетъ отъ пахоти, а не забрасывается на произволъ судьбы, какъ это происходитъ при кочевомъ земледѣліи. Однако при этомъ конечно не слѣдуетъ забывать, что извѣстная легкость въ отношеніи перемѣны мѣстъ существовала еще и въ эту эпоху [1]) и нельзя представлять себѣ земледѣліе того времени въ видѣ какого-либо правильнаго двухпольнаго или трехпольнаго хозяйства, какъ предполагаетъ Эйхгорнъ [2]) и нѣкоторые другіе историки. Они переводятъ слова: arva per annos mutant—за озимыми посѣвами слѣдуютъ яровые et superest ager—и каждый третій годъ поле остается подъ паромъ. Между тѣмъ—какъ указываетъ Ганссенъ—едва ли столь простую вещь какъ то, что изъ всего поля $^1/_3$ засѣяна озимыми хлѣбами, другая яровыми, а третья находится подъ паромъ, Тацитъ изложилъ бы столь неясно и расплывчато, когда другіе греческіе и римскіе классики ясно описываютъ ее и когда она существовала въ его время въ римскихъ провинціяхъ. Она вовсе и не могла казаться ему характерной для германцевъ [3]). Тацитъ же именно подчеркиваетъ то обстоятельство, что земледѣліе стоитъ на низкой ступени развитія [4]), т. е. по сравненію съ римлянами, у которыхъ господствовала трехпольная система. Пища состоитъ (по прежнему) изъ плодовъ, дичи и молочныхъ продуктовъ, но не хлѣба и не мяса [5]). Въ то время, какъ о трехпольномъ хозяйствѣ впервые упоминается въ источникахъ подъ 771 г. [6]), характеристика Тацита вполнѣ соотвѣтствуетъ—въ особенности если еще прибавимъ его указаніе на наличность обширныхъ свободныхъ пространствъ земли [7])—первобытному подсѣчному хозяйству. Ганссенъ поэтому переводитъ цитированную фразу Тацита слѣдующимъ образомъ: германцы не имѣютъ постоянныхъ пашенъ, а распаханная часть поля оставляется подъ паромъ на много лѣтъ, лежавшее же наиболѣе долго необработаннымъ поле поступаетъ затѣмъ временно подъ пашню; вся такимъ образомъ пользуемая площадь и составляетъ ager, изъ коего pro tempore arva занимаютъ лишь незначительную часть [8]).

Дѣйствительно, если мы допустимъ, что за 150 лѣтъ, отдѣляющихъ Цезаря отъ Тацита—какъ указываетъ Шредеръ [9]) — произошла значительная перемѣна въ аграрномъ строѣ германцевъ, то едва ли мы себѣ сможемъ представить ее иначе какъ въ томъ видѣ, что племя заняло извѣстную площадь земли, которую оно постепенно старается использовать, переходя отъ одной полосы на другую, а затѣмъ по совершеніи всего круга возвращаясь снова къ первой. Такимъ образомъ мы уже не будемъ имѣть вполнѣ кочевого населенія и хозяйства, а лишь земледѣліе, постепенно переходящее въ состояніе осѣдлости. Такого рода хозяйство, гдѣ каждое поле обрабатывается разъ въ 8, 15 и даже болѣе—20 и 30 лѣтъ, заростаетъ за это время кустарникомъ и даже лѣсомъ, вслѣдствіе чего его

---

[1]) Waitz. 102.
[2]) Eichhorn. Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte. 5. Aufl. I. p. 59.
[3]) Hanssen. I. p. 128.
[4]) Nec enim cum ubertate et amplitudine soli laborare contendunt (Cap. 26).
[5]) Cibi simplices, agrestia poma, recens fera aut lac concretum. (Cap. 23)
[6]) De terra araturia 27 iurnales in tribus locis sitos (Codex Lauresham. № 662).
[7]) Facilitatem partiendi camporum spatia praestant (Cap. 26).
[8]) Hanssen. I. p. 128—29. Ср. Müllenhoff 365 и сл. 370.
[9]) Schroeder. p. 54—55. Еще раньше Arnold. p. VIII (Ansied.) и Hanssen (I. 79). Противъ этого Rachfahl: 163.

приходится снова расчищать, мы находимъ еще чрезъ полторы и болѣе тысячи лѣтъ послѣ Тацита, въ эпоху т. наз. „стараго порядка“ [1]).

Частная собственность на землю отсутствовала еще и въ эпоху Тацита, однако и въ характерѣ землевладѣнія совершилась перемѣна, вслѣдствіе того, что земля принадлежала уже не всему племени какъ цѣлому, а отдѣльнымъ общинамъ и кромѣ того обработка производилась не всѣми сообща, какъ при Цезарѣ, а каждымъ въ отдѣльности: ежегодно земля распредѣлялась между всѣми членами общины, такъ что каждый получалъ часть ея въ индивидуальное пользованіе. Это видно изъ слѣдующихъ словъ Тацита: agri pro numero cultorum ab iniversis in vices (invicem) occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant, arva per annos mutant et superest ager (Cap. 26). Эти слова переводятся обыкновенно въ томъ смыслѣ, что сначала занималась каждой общиной (маркой) опредѣленная площадь земли, въ зависимости отъ числа членовъ общины, обрабатывающихъ землю, для расчистки и воздѣлыванія; затѣмъ она уже распредѣлялась между отдѣльными лицами [2]), сообразно положенію каждаго [3]).

Больше всего споровъ вызвалъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ читать слова Тацита: agri ab universis *invices* (vices, vice, in vicem — какъ находимъ въ различныхъ спискахъ) [4]) occupantur, или же необходимо ихъ исправить въ смыслѣ „ab universis *vicis*“, какъ предлагаетъ Вайцъ [5]). Но если въ первомъ случаѣ получается: земли занимаются общинами попеременно [6]). одна полоса за другой, по мѣрѣ ихъ использованья (или попеременно отдѣльными общинами—передѣлы), а во второмъ случаѣ: земли занимаются всѣми селами, то все же дѣло касается лишь второстепеннаго вопроса и пониманіе Тацита отъ того мало измѣняется [7]). Еще дальше въ этомъ отношеніи идетъ Гильдебрандъ, который заявляетъ, что „какъ ни верти in vices. все равно ни одного звука не получишь“, слѣдуетъ же читать vicinis, т. е. *in* всѣми жителями (въ рукописи было написано: *vicis*, а переписчикъ это „in“ поставилъ ошибочно передъ „vicis“, вмѣсто того, чтобы вставить послѣ „c“ въ словѣ „vicis“). Наконецъ Рахфаль утверждаетъ, что должно быть „invicem“, которое заимствовано Тацитомъ изъ Цезаря [8]) (кн. IV гл. 1, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, что свевы дѣлятся на двѣ части и попеременно каждая изъ нихъ—invicem—то уходитъ на войну, то обрабатываетъ землю), почему аналогично этому и слѣдуетъ понимать Тацита въ томъ смыслѣ, что каждый годъ лишь часть населенія, именно та, которая обрабатываетъ землю, занимаетъ ее [9]).

---

[1]) D'Avenel. Histoire de la propriété etc. T. I. p. 295. Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle. p. 382—3.

[2]) По жребію (Бетманъ-Голлвегъ, Ганссенъ, Бруннеръ, Вайцъ).

[3]) Тудихумъ (p. 98) и Бетманъ-Голлвегъ, Civilprozess (p. 80—81) переводятъ secundum dignationem не въ смыслѣ различія въ положеніи отдѣльныхъ участниковъ. а въ смыслѣ различія въ качествѣ почвы, такъ что каждый получалъ часть какъ лучшей, такъ и худшей земли.

[4]) Въ Ватиканскомъ спискѣ 1862 г.—in vices, въ Ватиканскомъ 1518 г. и штутгардскомъ—vices, въ неаполитанскомъ—vice, въ Leydanus'ѣ—in vicem.

[5]) Waitz I. p. 105. 134—5.

[6]) Другіе читаютъ: in vicos, per vicos; или даже вовсе вычеркиваютъ это слово какъ позднѣйшую вставку.

[7]) По поводу Тацита см.: Schröder. Rechtsgesch. 55—6. Brunner. Rechtsg, I. 86—7. Waitz. I. 2 Aufl. 133—4. Seebohm. 342—44. Müllenhoff. 370. Hanssen. 129—30. Thudichum. Staat. 96 и сл. Bethmann—Hollweg. Die Deutschen. vor der Völkerwand. 10. Pollock. App. I. Maurer. Einleit. Lamprecht. Deut. Wirtsch. I. 42. Langethal. Gesch. der Landwirtsch. I. 11 Meitzen. III. 586—87. Своеобразное толкованіе у Mucke. Urgeschichte des Ackerbaues und der Viehzucht. 1898. p. 139—151.

[8]) См. также Mucke. p. 142.

[9]) Rachfahl. p. 179—80. Ср. Bethmann. p. 10. Thudichum. p. 97. Рахфаль вообще скептически относится къ Тациту, утверждая, что его разсужденія о германцахъ являются ничѣмъ инымъ какъ плохой компиляціей,

Толкованіе Рахфаля имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ Фюстель де Куланжъ, съ той однако существенной разницей, что Рахфаль, какъ и всѣ другіе интерпретаторы Тацита (касаясь лишь частностей), не сомнѣвается въ существованіи у германцевъ общинной собственности на землю, тогда какъ Фюстель идетъ дальше и отрицаетъ это, находя у Тацита индивидуальную собственность. Допуская, что Цезарь упоминаетъ объ отсутствіи частной собственности [1]), Фюстель толкуетъ Тацита въ томъ смыслѣ, что каждый разъ занимается столько земли, сколько имѣется налицо людей для обработки ея, причемъ для большаго удобства земля воздѣлывается послѣдними совмѣстно (ab universis слѣдуетъ читать: ab universis cultoribus), они образуютъ извѣстныя ассоціаціи, но каждый при этомъ имѣетъ свою собственную часть; каждый разъ они переходятъ на другія земли, однако, въ виду небольшого количества лицъ, обрабатывающихъ ихъ, всегда остается много свободной земли [2]). Но что же это были за ассоціаціи, обрабатывавшія землю? Фюстенъ-де-Куланжъ на это отвѣчаетъ, что когда всѣ переходили съ одного мѣста на другое, то это дѣлалось вовсе не для того, чтобы обрабатывать землю на общинныхъ началахъ, а лишь для большаго удобства, они могли быть при этомъ дѣйствительными индивидуальными собственниками [3]), причемъ однако ихъ право собственности не соединено съ опредѣленнымъ полемъ, но они его носятъ въ самихъ себѣ и поперемѣнно примѣняютъ къ различнымъ участкамъ земли. „Такой видъ собственности—сознается онъ самъ—представляется намъ весьма страннымъ, но и Тацитъ повидимому былъ удивленъ этимъ, и объясняются такого рода условія вѣроятно существованіемъ какихъ то ассоціацій первобытнаго характера, вызываемыхъ общностью интересовъ и плохой обработкой земли“ [4]). Такимъ образомъ, въ сущности онъ не даетъ никакого объясненія; между тѣмъ эти миѳическія ассоціаціи взаимопомощи, которыхъ онъ никакъ понять не можетъ, суть въ дѣйствительности тѣ самыя общины, которымъ и принадлежитъ земля—никакихъ другихъ союзовъ въ эту эпоху нѣтъ и быть не можетъ. Вѣдь и самъ же онъ признаетъ [5]), что какъ наслѣдство, переходящее къ сыну, такъ и приданое и вира состоятъ у Тацита изъ рабовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, оружія, но не изъ земельныхъ участковъ [6]),—лучшее подтвержденіе отсутствія частной собственности на землю; принадлежа цѣлой общинѣ, земля и не могла составлять объекта гражданскаго оборота [7]).

Еще дальше идетъ Виттихъ. Онъ не только отрицаетъ общинную собственность у Тацита, но находитъ у него помѣстный строй, основанный на крѣпостномъ трудѣ [8]). Онъ ссылается на слова Тацита, что германцы

составленной на основаніи Цезаря. (p. 184). Наоборотъ Флейшманъ (Altgermanische und altrömische Agraverhältnisse in ihren Beziehungen und Gegensätzen. 1906. p. 1) находитъ свѣдѣнія Тацита весьма ясными и точными, напротивъ, данныя, сообщаемыя Цезаремъ, онъ называетъ неправдоподобными, противорѣчивыми, а частью даже совершенно невѣрными, которыми совсѣмъ немыслимо пользоваться.

[1]) Fustel de Coulanges. Recherches. p. 261—62. Questions historiques. p. 105.

[2]) Recherches. p. 263 и сл.

[3]) Или просто собственниками, ибо Фюстель-де-Куланжъ не признаетъ общинной собственности, а знаетъ лишь слѣдующую альтернативу—либо собственность (т. е. частная), либо коммунизмъ.

[4]) Recherches. p. 285—294.

[5]) Recherches. p. 243 и сл. 246—47.

[6]) Inter familiam et penates et iura successionum equi traduntur (Cap. 32); boves et frenatum equum et scutum cum framea gladioque. (Cap. 18); equorum pecorumque numero convicti multantur (Cap. 12); luitur homicidium certo armentorum ac pecorum numero (Cap. 21).

[7]) Ср. Thudichum. Staat. p. 113.

[8]) Къ нему присоединяется Knapp. Grundherrschaft und Rittergut p. 82—83 (германцы были мелкими помѣщиками). Еще раньше это высказывалъ Anton. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. I. 24 (agri ab universis invicem occupantur онъ переводитъ въ томъ смыслѣ, что помѣщикъ распредѣляетъ землю между крѣпостными крестьянами, которые ее поперемѣнно обрабатываютъ). Возможность существованія (крупныхъ) помѣстій, обрабатываемыхъ колонами допускаетъ и Фюстель-де-Куланжъ (Guestions histor. p. 52), который не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы аристократы сами воздѣлывали землю.

проводили свое время въ праздности или занятіяхъ общественнаго характера. Относительно же рабовъ Тацитъ говоритъ, что они, подобно римскимъ колонамъ, доставляли своему господину различные продукты въ видѣ хлѣба, скота и одежды [1]). Такимъ образомъ, эти рабы только и были земледѣльцами, свободные же германцы составляли классъ помѣщиковъ. Правда, Виттихъ замѣчаетъ, что такой выводъ противорѣчитъ другому указанію Тацита, что полевыя работы производились по общему правилу самимъ домомъ и притомъ членами семьи, а не живущими на своихъ участкахъ рабами, но только не мужчинами, которые предпочитали войну и охоту, съ одной стороны, бездѣлье и сонъ, съ другой стороны, тяжелому земледѣльческому труду и продолжительному выжиданію доставляемыхъ землей продуктовъ, а женщинами, стариками и другими слабыми членами семьи [2]). Но онъ старается примирить это со своей теоріей ссылкой на то, что обработка земли, производимая женщинами, стариками и т. д. могла являться лишь подсобнымъ, добавочнымъ промысломъ, который былъ настолько незначителенъ, что имъ могли заниматься наиболѣе слабые члены семьи. Основой, слѣдовательно, былъ доходъ, получаемый извнѣ, отъ рабовъ, поселенныхъ на принадлежащихъ свободнымъ германцамъ-помѣщикамъ участкахъ [3]). Въ другомъ мѣстѣ Виттихъ прибавляетъ, что предположеніе о томъ, что германцы сваливали всю работу на женщинъ, было бы несовмѣстимо съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое послѣднія—по словамъ Тацита (гл. 8)—у нихъ занимали, что женщины очевидно руководили, завѣдывали хозяйствомъ, но вовсе не выполняли сами черную работу. Для послѣдней существовали рабы и наличность ихъ въ каждомъ хозяйствѣ была римлянину настолько понятна сама собой, что Тацитъ не считаетъ даже нужнымъ это особо подчеркивать. По количеству рабовъ, имѣвшихся въ каждомъ хозяйствѣ, у каждаго землевладѣльца, и распредѣлялась земля между германцами; такъ слѣдуетъ понимать слова „secundum dignationem“. Всякое иное распредѣленіе должно было бы повлечь за собой либо излишнее расточеніе, затрату рабочей силы, либо лежаніе земли безъ употребленія [4]).

Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что у Тацита нѣтъ и рѣчи о частной собственности на землю и что онъ какъ разъ наоборотъ подчеркиваетъ, что земледѣліемъ германцы занимались весьма мало, указаніе его на то, что полевыя работы сваливались на женщинъ и другихъ слабыхъ членовъ семьи, вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно хозяйственнаго быта народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Тамъ именно сильные—взрослые мужчины заставляютъ производить эти работы слабыхъ, прежде всего женщинъ: земля обрабатывается женщинами [1]). Нѣтъ, слѣдовательно, ничего страннаго въ томъ что свободныя германскія женщины занимались полевыми работами,—потому то при покупкѣ жены и полагалась столь высокая цѣна, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить въ данномъ случаѣ о подсобномъ промыслѣ. Германцы же (мужчины)—какъ указываетъ Тацитъ—занимались охотой. Такимъ образомъ, всѣ ихъ немногочисленныя потребности могли удовлетворяться собственнымъ же трудомъ. А слѣдовательно и вся теорія о томъ, что необходимо долженъ былъ быть еще другой, основной, источникъ дохода, теорія о германцахъ какъ помѣщикахъ и о наличности у нихъ рабовъ или крѣпостныхъ въ видѣ общаго правила, совершенно падаетъ. О существованіи у германцевъ рабовъ въ видѣ общаго правила Тацитъ ничего не говоритъ, онъ не говоритъ даже, что каждый свободный германецъ имѣлъ хотя бы одного раба [5]). Въ небольшомъ хозяйствѣ и на мелкихъ крестьянскихъ дворахъ древнихъ германцевъ не было мѣста для рабовъ, они могли быть лишь въ помѣстьяхъ королей и герцоговъ. [6]). Шредеръ справедливо возмущается тѣмъ, что Виттихъ истолковалъ Тацита въ томъ смыслѣ, будто бы женщины лишь завѣдовали хозяйствомъ, ибо у Тацита прямо

---

[1]) См. выше, цит. стр. 6.

[2]). Quotiens bella non ineunt, non multum venatibus, plus per otium transigunt, dediti somno ciboque, fortissimus quisque ac bellicosissimus nihil agens, delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia. (Cap. 15).

[3]) Wittich. Grundherrschaft. Anl. p. 109*—111*.

[4]) Wittich. Die Frage der Freibauern. p. 252—61.

[5]) Ср. Hildebrand. 2. Aufl. 42—3, p. Ср. Brunner. Nobiles und Gemeinfreie p. 105.

[6]) Schröder. Der altsächsische Volksadel. p. 375. Hildebrand. 101.

говорится, что онѣ сами работали [1]), и будто бы работа производилась рабами, ибо Тацитъ заявляетъ, что рабы (поскольку они существовали) лишь доставляли продукты своего хозяйства [2]).

Еще болѣе пораженъ Шредеръ переводомъ словъ secundum dignationem—по количеству рабовъ. „Слова великаго римлянина много искажались—говоритъ онъ—но этотъ переводъ переходитъ за всякіе предѣлы. Возражать на него не приходится“ [3]).

Сибомъ (Cap. IX § 1) указываетъ прежде всего на фразу Тацита, въ которой послѣдній обращаетъ вниманіе на то, что германцы, въ противоположность римлянамъ, не жили въ городахъ, а селились рзабросанно, у источниковъ, на поляхъ и въ рощахъ, гдѣ каждому нравилось. Но Тацитъ въ данномъ случаѣ—прибавляетъ онъ—имѣетъ въ виду лишь свободныхъ германцевъ, а не рабовъ, ибо въ слѣдующей фразѣ онъ говоритъ, что германцы даже въ своихъ селахъ не строятъ одно жилище подлѣ другого. У нихъ имѣлись, слѣдовательно, и села, и тѣ кто жилъ разбросанно въ разныхъ мѣстахъ по своему выбору, не входили очевидно въ составъ селъ, въ нихъ мы должны видѣть предводителей племени и свободныхъ германцевъ. Послѣдніе становились осѣдлыми на болѣе или менѣе продолжительное время и присваивали себѣ землю, поселяя въ селахъ своихъ рабовъ, которые вели каждый собственное хозяйство. Такимъ образомъ, въ эпоху Тацита уже имѣлись вотчины, имѣлись помѣщики, которымъ принадлежалъ „мэноръ“, заселенный крѣпостными [4]).

И здѣсь совершенно произвольно обобщается указаніе Тацита на существованіе колоновъ — ибо мы находимъ у него замѣчанія, свидѣтельствующія о незначительномъ распространеніи несвободнаго состоянія, о томъ, что для германцевъ характернымъ является рядомъ съ „libertas“ (свободой) и „inopia“, т. е. бѣдность (Cap. 28) такъ что семьи огромной массы бѣдныхъ (plebs) вынуждены были обрабатывать сами землю. Точно также ни на чемъ не основано предположеніе, будто бы лица, которыя селятся отдѣльно по своему выбору, и тѣ, которыя живутъ въ селахъ, были не одни и тѣ же. Наоборотъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ подчеркивается раздѣльное поселеніе и указывается и въ отношеніи селъ, что дома окружены большимъ свободнымъ пространствомъ. Наконецъ наиболѣе произвольнымъ является предположеніе, будто въ селахъ живутъ рабы и несвободные, этого не говорится нигдѣ, и будто села принадлежатъ предводителямъ—они составляютъ собственность всей общины, которая въ нихъ поселилась.

На своеобразной точкѣ зрѣнія стоитъ Рихардъ Гильдебрандъ. Онъ утверждаетъ, что германская марка, подобно русской общинѣ—по одному изъ существующихъ объясненій—образовалась какъ результатъ круговой поруки при уплатѣ поземельной подати, возникла на почвѣ помѣстнаго строя. Свободной же общины никогда не было, въ эпоху Цезаря и Тацита не существовало ни частной ни общинной собственности на землю, ибо земля имѣлась въ изобиліи и не было надобности въ установленіи такого исключительнаго права: было лишь право владѣнія или пользованія занятой племенемъ землей, которое предоставлялось исключительно членамъ этого племени. Гильдебрандъ однако упускаетъ изъ виду, что въ этомъ правѣ пользованія землей, которое принадлежитъ данному племени, и въ правѣ не допускать къ пользованію никого, кто не входитъ въ составъ этого племени, и выражается право распоряженія, право собственности на эту землю, субъектомъ котораго здѣсь является коллективное лицо—племя [5]).

---

[1]) Такое же толкованіе находимъ у Seebom'a и Флейшмана, а между тѣмъ оно не только противорѣчитъ тексту, но совершенно немыслимо на той ступени хозяйственной жизни, на которой мы находимъ германцевъ; какія помѣщицы тутъ могли быть!

[2]) Schroeder. p. 374.

[3]) Schroeder. p. 376.

[4]) Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, nt nemus placuit. Cap. XVI.

[5]) Изд. 2-ое. Въ первомъ изд. Гильдебрандъ исходитъ изъ того, что германцы въ эпоху Цезаря находятся въ переходномъ состояніи отъ скотоводства къ земледѣлію и строитъ на этомъ сложную теорію, въ значительной мѣрѣ соприкасающуюся со взглядами Мейцена. См. Meitzen. Siedelungen. B. I. 138-39.

ГЛАВА II.

Процессъ постепенной индивидуализаціи земельной собственности.

Лишь постепенно совершается переходъ отъ общинной земельной собственности къ частной. Такую переходную ступень отъ исключительно общиннаго къ индивидуальному (или семейному) землевладѣнію М. М. Ковалевскій справедливо усматриваетъ въ Lex salica, наиболѣе ранніе списки которой относятся къ V вѣку.

Характернымъ для эпохи Салической Правды является широкое распространеніе скотоводства, о которомъ постоянно идетъ рѣчь въ этомъ памятникѣ, хотя стада не велики — рѣдко превышаютъ 7 — 12 (лошади), 12—25 (рогатый скотъ),6—50 (свиньи), 40—50 (овцы) штукъ [1]). Особенно много Салическая Правда занимается свиньями, упоминая о многочисленныхъ видахъ и породахъ ихъ (свиньи, кабаны, вепри, поросята, различнаго возраста, качества, происхожденія) и устанавливая на каждый случай особое названіе, такъ что получается „цѣлая свинная терминологія". Еще болѣе значеніе скотоводства по сравненію—съ очевидно мало распространеннымъ—земледѣліемъ выражается въ томъ преимуществѣ, которое отдается интересамъ пастуха съ его стадомъ передъ интересами земледѣльца [2]). Въ тит. IX, lex salica §§ 1—3 прежде всего и ранѣе чѣмъ идетъ рѣчь о чемъ либо иномъ, говорится о нанесеніи ущерба животнымъ человѣкомъ, который захватилъ ихъ у себя на полѣ; только въ § 4 наказуется порча жатвы чужимъ скотомъ, и притомъ лишь въ томъ случаѣ, если владѣлецъ скота отрицаетъ свою вину, такъ что при отсутствіи послѣдняго обстоятельства, онъ повидимому лишь возмѣщаетъ нанесенный ущербъ [3]).

Si quis animal aut caballum vel qualibet pecus in messe sua invenerit, penitus eum vastare non debet... Si quis in messe sua pecora aliena invenerit, qui pastorem suum non habent et eas inclauserit et nulli penitus innotescat et aliqua ex ipsis pecoribus perierit. Si alicuius porci aut qualibet pecora ipsum custodientem in messe aliena currerint...

Спеціально вопросомъ о правахъ крестьянина lex salica нигдѣ не занимается, и запрещеніе портить поля имѣется лишь въ одномъ изъ дальнѣйшихъ параграфовъ тит. IX, хотя и здѣсь оно не устанавливается непосредственно, а въ связи съ порчей изгороди. Такимъ образомъ—какъ указываетъ Галбанъ—въ старѣйшей редакціи Салической Правды, въ томъ титулѣ, гдѣ рѣчь идетъ о защитѣ вспаханныхъ полей (титулъ называется: de damno in messe vel qualibet clausura inlatum) нѣтъ полнаго и рѣшительнаго запрещенія пасти скотъ на чужомъ полѣ; если имѣть въ виду то вниманіе, съ которымъ законодатель относится къ владѣльцу скота, то не покажется страннымъ, что и въ тит. XXVII—повидимому позднѣйшей рѣдакціи—рѣчь идетъ (§ 5) только о порчѣ воздѣланной земли, и притомъ лишь о порчѣ намѣренной (si quis in messe aliena pecus suum in furtum miserit), тогда какъ никто не можетъ запретить другому пасти свой скотъ послѣ снятія жатвы. Титулъ XXXIV также подтверждаетъ это предположеніе: ибо изъ него видно, что поля подлежали общему проѣзду во все время отъ уборки до новыхъ всходовъ [4]); запрещается лишь проѣздъ чрезъ вспаханное.

---

[1]) Lamprecht. Deutsch. Wirtschaftsleben. I. 1. p. 10—12.

[2]) Въ Англіи въ саксонскій періодъ за рубку дерева полагался большій или меньшій штрафъ въ зависимости отъ числа свиней, которыя могли укрыться подъ его сѣнью отъ непогоды.

[3]) Halban - Blumenstok. I. p. 239—40.

[4]) Ср. Lamprecht. I. 1. p. 13.

Si quis per aliena messe, postquam levaverit, erpicem traxerit aut cum carro sine via transierit. Si quis per messe aliena iam palmitantem sine via transierit.

Въ еще худшемъ положеніи находятся луга и сѣнокосы: о нихъ вообще не упоминается, за исключеніемъ лишь одного раза въ тит. XXVII, къ которому Галбанъ относится скептически, ибо въ немъ идетъ рѣчь о такихъ предметахъ, какіе другимъ частямъ Салической Правды неизвѣстны [1]). Но даже и здѣсь постановлено, что скосившій траву на чужомъ лугу, вынужденъ только оставить траву тому, въ чьихъ рукахъ находится пользованіе лугомъ (§ 10),

Si quis prato alieno secaverit opera sua perdat. Et si fenum exinde ad domum suam duxerit et discargaverit 45 sol.

самый же захватъ луга не наказуется. „Но такая защита—прибавляетъ М. М. Ковалевскій—принадлежитъ и любому члену сельской общины, который, слѣдуя обычаю, обноситъ присвоенный имъ на годъ участокъ степи; и онъ вправѣ повернуть въ свою пользу трудъ того, кто сниметъ траву въ предѣлахъ его заимки [2])". Такимъ образомъ самый захватъ луга не наказуется, послѣднее имѣетъ мѣсто лишь въ случаѣ взятія сѣна съ собой; лицо, въ пользованіи котораго находится лугъ, не можетъ требовать вознагражденія за то, что другой скосилъ его, и вынуждено удовлетвориться тѣмъ, что ему оставляется сѣно [3]).

И о лѣсѣ рѣчь идетъ впервые въ томъ же XXVII титулѣ, гдѣ упоминается о томъ случаѣ, когда нѣсколько лицъ ведутъ общее лѣсное хозяйство, причемъ одинъ мѣшаетъ другому, порча или отнимая присвоенныя себѣ послѣднимъ деревья, а также о томъ случаѣ, когда кто-либо вывозитъ лѣсъ изъ silva aliena (si quis ligna aliena in silva aliena furaverit), причемъ Шредеръ и Лампрехтъ указываютъ на то, что alienus здѣсь обозначаетъ лѣсъ, принадлежащій не другому частному лицу, а другой общинѣ, ибо о частныхъ лѣсахъ въ lex salica нигдѣ рѣчи нѣтъ [4]). Наконецъ, изъ § 17 этого титула видно, что различнымъ лицамъ принадлежатъ одинаковыя права въ отношеніи одного и того же лѣса, причемъ однако эти права извѣстнымъ образомъ регулируются и существуетъ обязанность соблюдать интересы другого; очевидно, имѣется на лицо община, которой принадлежитъ лѣсъ. Именно, чтобы указать границы своего индивидуальнаго присвоенія, заемщикъ обращается къ топору въ такой же степени, какъ къ плугу или къ косѣ: посредствомъ помѣтки топоромъ (хотя бы съ одной только стороны) всякій обозначалъ тѣ деревья, которыя онъ желалъ срубить или выжечь въ теченіе ближайшаго года, по истеченіи же послѣдняго, эти деревья снова становились общей собственностью, ибо штрафъ въ три солида грозитъ только тому, кто въ теченіе года срубитъ такое помѣченное другимъ дерево.

Si vero materio ex una parte dolato praesumpserit—3 sol. Si quis arborem post annum quod fuit signatus praesumpserit, nullam habeat culpam.

Наконецъ, въ отношеніи охоты и рыболовства lex salica устанавливаетъ наказаніе лишь за кражу рыболовныхъ орудій, словленныхъ рыбъ, убитыхъ звѣрей или употребляемыхъ на охотѣ животныхъ, но самое право охоты и рыбо-

---

[1]) Halban. I. 237.
[2]) Ковалевскій. I. 57.
[3]) Halban. 237. 240. 348.
[4]) Schröder. Forsch. XIX. 145. Lamprecht. I. 14. Inama (I. 97) возражаетъ противъ этого. Наоборотъ Halban (I. 282) указываетъ на то, что и pratum alienum, на которомъ скошенное сѣно должно быть оставлено владѣльцу (см. выше), очевидно обозначаетъ лугъ, пользованіе которымъ предоставлено иной, быть можетъ многочисленной, группѣ лицъ (т. е. общинѣ). Важно во всякомъ случаѣ, что прилагательное alienus примѣняется къ лугамъ, на которыхъ выпасъ скота и иное пользованіе (съ оставленіемъ лишь скошеннаго сѣна) не запрещено всякому другому. Есть основаніе предполагать, что и silva aliena не лишаетъ другихъ правъ пользованія. (I. 97).

ловства не охраняется, не принадлежитъ никому исключительно, не охраняется и право пчеловодства въ лѣсу, право собиранія плодовъ, ягодъ и т. д. И здѣсь обнаруживается тотъ же принципъ, что и при охранѣ скота и жатвы и при допущеніи выпаса скота на поляхъ и лугахъ, проѣзда по нимъ и т. д.: разграниченіе результатовъ пользованія недвижимостью отъ самой недвижимости, разграниченіе движимой и недвижимой собственности.

Этому послѣднему обстоятельству нѣсколько не противорѣчатъ статьи, трактующія о домѣ, жилищѣ. Обращается вниманіе только на самое строеніе, дворъ же, включающій въ себѣ помимо всѣхъ строеній и площадь земли, не составляетъ еще объекта законодательства. Между тѣмъ жилище относилось къ числу движимостей, ибо, вслѣдствіе своего примитивнаго характера, допускало перенесеніе съ одного мѣста на другое. „Деревянныхъ половъ—говоритъ М. М. Ковалевскій—не было, иначе бы въ титулѣ de chrenecruda не говорилось о возможности набрать земли въ руку изъ четырехъ угловъ комнаты; не было также и потолка, иначе брошенный чрезъ отверстіе крыши камень не могъ бы грозить смертью или покалѣченіемъ лицамъ, пребывающимъ въ домѣ... Въ позднѣйшей добавкѣ къ тит. XXVII предвидится даже случай кражи чужого дома, что, очевидно, возможно только при легкости постройки и возможности разобрать ее во всякое время“ [1]) (si quis casam alienam sine consilium domini sui traxerit). Такимъ образомъ жилище, будучи движимымъ имуществомъ, не составляетъ исключенія изъ общаго правила, не знающаго частной собственности на недвижимое имущество какъ таковое, а допускающаго лишь временное индивидуальное пользованіе имъ.

Въ то время какъ lex salica знаетъ сравнительно развитое право наслѣдованія движимостей и вполнѣ считается съ обращеніемъ движимостей и наложеніемъ взысканія на нихъ, ей совершенно неизвѣстно ни обращеніе недвижимаго имущества, ни споръ о недвижимости, упоминаются лишь частичныя нарушенія права на жилище, дворъ и землю, которыя разсматриваются какъ деликты [2]),—подобно тому, какъ и древнѣйшій всготготскій сборникъ законовъ не знаетъ продажи недвижимости [3]), а лангобардское право не допускаетъ обращенія взысканія на землю [4]). Нѣтъ далѣе постановленій о наслѣдованіи недвижимостей—ни завѣщаніе, ни лишеніе наслѣдства, ни законныя части и т. д. не упоминаются. Единственный въ сущности случай перехода земли отъ одного лица къ другому составляетъ наслѣдованіе ея сыновьями и братьями [5]) [6]). Послѣднее, по мнѣнію Галбана, развилось изъ первоначальной обязанности общины заботиться о потомствѣ умершаго, именно путемъ отдачи имъ въ пользованіе какого-либо участка земли, такъ что участокъ, принадлежавшій умершему, былъ уже излишенъ и могъ возвратиться обратно въ общее пользованіе. Такая двойная процедура взятія общиной участка умершаго и отдачи сыновьямъ другого и замѣнилась болѣе простой: община предоставляетъ сыновьямъ дальше пользоваться участкомъ отца, передаетъ имъ непосредственно землю, которую обработывалъ отецъ. Съ внѣшней стороны—заключаетъ онъ—этотъ процессъ приближается къ праву наслѣдованія и несомнѣнно такой способъ передачи земли является основой его, но теоретически же все эта передача еще очень далека отъ наслѣдственнаго права [7]).

---

[1]) Ковалевскій, l. 57—58.

[2]) Bethmann-Hollweg. Civilprozess. 488—89.

[3]) Sive mancipia sive quodlibet animalium genus venditur. Въ болѣе новомъ текстѣ прибавлено уже: sive terrae.

[4]) Только на движимости, въ томъ числѣ и инвентарь—servos, ancillas, vaccas, pecoras; (по мнѣнію Озенбрюггена, и жилище въ качествѣ движимости—какъ и въ l. sal.—можетъ быть взято). Bethmann. Civilprozess. 367.

[5]) L. sal. 59, 4. De terra vero nulla in muliere hereditas est sed ad virilem sexum, qui fratres fuerint, tota terra pertineat.

[6]) Bethmann—Hollweg. p. 488. Schröder. Die Franken. p. 49 и сл.

[7]) Halban. I. p. 284—86. 351 и сл. 368—69.

Въ тѣсной связи съ этимъ отсутствіемъ права распоряженія землей у отдѣльныхъ лицъ находятся тѣ указанія на роль общины какъ субъекта права собственности, которыя мы находимъ въ извѣстномъ титулѣ „de migrantibus", явившемся предметомъ оживленныхъ споровъ въ исторической литературѣ. Какъ указали еще Эйхгорнъ, Гераръ, Вайцъ и Гарсоне, этотъ титулъ свидѣтельствуетъ о томъ, что свободные земледѣльцы образовывали общины, замкнутыя по своему характеру,—постороннія лица могли войти въ составъ общины, лишь въ случаѣ единогласнаго согласія всѣхъ общинниковъ. Если кто либо — говорится тамъ— пожелаетъ поселиться въ селѣ на участкѣ другого, то, хотя бы имѣлось согласіе многихъ лицъ, принадлежащихъ къ этому селу, достаточно протеста даже одного противъ принятія его, чтобы ему не было разрѣшено переселиться. Если пришелецъ все-таки поселится, то тотъ, кто протестовалъ противъ этого, можетъ опредѣленнымъ въ законѣ путемъ заставить его уйти, но обязанъ сдѣлать это въ теченіе 12 мѣсяцевъ, иначе теряетъ право протеста; пришелецъ теряетъ то, что онъ произвелъ, и уплачиваетъ пеню въ 30 сол. [1]) [2]).

Si quis super alterum in villa migrare voluerit, si unus vel aliqui de ipsis qui in villa consistunt eum suscipere voluerit, si vel unus ex teterit qui contradicat migranti ibidem licentiam non habebit. Si vero contra interdicto unius vel duorum in villa ipsa adsedere praesumpserit, tunc ei testare debet et si nolueit inde exire, ille qui testat cum testibus sic ei debet testare: hic tibi testo in hac nocte proxima quod lex Saliga hebet sedeas. Si vero quis migraverit et intra XII menses nullus testatus fuerit, securus sic ut et alii vicini maneat. (Tit. 45)

Въ болѣе позднемъ текстѣ находимъ и объясненіе этого: нужно согласіе общины на пользованіе лугами, водами, выгонами [3]), пользованіе которыми, очевидно, сопряжено съ владѣніемъ участкомъ [4]).

Противъ такого толкованія возсталъ однако Фюстель-де-Куланжъ, заявивъ „со свойственнымъ ему умѣніемъ лишать источники германскаго права всякаго содержанія" (Галбанъ), что нигдѣ нѣтъ слова „omnes", не говорится о согласіи всѣхъ, что не встрѣчается далѣе ни одного слова, которое бы обозначало марку, общину и что фразу „одинъ или нѣсколько" немыслимо истолковывать подобнымъ образомъ. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы человѣку, нелегальнымъ способомъ поселившемуся и получившему землю, могли помѣшать въ этомъ другіе жители, а тѣмъ болѣе одинъ человѣкъ при согласіи всѣхъ другихъ, могли помѣшать сосѣди, ибо слово vicini, по его мнѣнію, обозначаетъ ничто иное, какъ сосѣди въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ въ настоящее время. Нѣтъ рѣчи о какихъ-либо собраніяхъ общинниковъ для обсужденія вопроса, дѣйствуетъ все время одинъ лишь человѣкъ, такъ что его воля уничтожаетъ волю всѣхъ другихъ, что является весьма страннымъ въ свободной общинѣ. Онъ самъ полагаетъ, что рѣчь идетъ о насильственномъ захватѣ (super alterum обозначаетъ то же, что contra voluntatem alterius) участка, принадлежащаго одному лицу на правѣ частной собственности, другимъ, въ отсутствіе перваго,—но не въ состояніи объяснить при чемъ же тутъ vicini, съ какой стати и по какому праву совершенно постороннія лица, другіе собственники вмѣшиваются въ захватъ помѣстья чужого человѣка. Nouvelles recherches. p. 327—361. Etudes

---

[1]) Слова „super alterum" мы переводимъ по наиболѣе распространенной версіи (Schröder. Die Franken. p. 55. и сл. Maurer. Einleit. 144. Lamprecht. I. 46. Sybel. Entstehung des Königtums. 53. Inama-Sternegg. I. 95), тогда какъ Вайцъ (Verf. Gesch. 3. Aufl. II, 1. 92) понимаетъ ихъ—впрочемъ неточно переводя—въ смыслѣ поселенія кого-либо на принадлежащей маркѣ пустоши, которую онъ воздѣлываетъ безъ согласія членовъ марки.

[2]) Изъ этого же видно, что — какъ указываетъ Мауреръ (Einleit. p. 142—3)—годичнаго безпрепятственнаго пользованія землей было достаточно для пріобрѣтенія правъ на послѣднюю и для вступленія въ число членовъ марки, какъ это существовало и впослѣдствіи.

[3]) Extravag. B. 11. „Non potest homo migrare nisi convicinia et herbam et aquam et viam concedente.

[4]) См. Halban. p. 255. Viollet. Hist. des instit. polit. I. 313. М. М. Ковалевскій, I. стр. 62—63.

sur le titre de la loi Salique des migrantibus. L'alleu et le domaine rurale. p. 187 и сл. Questions historiques. p. 90—61). Очевидно, что собственникъ можетъ самъ защищаться и едва ли можно предоставить другимъ жителямъ данной мѣстности ставить его судьбу въ зависимость отъ воли сосѣдей. Какъ справедливо указываетъ Глассонъ, такой системы мы ни въ одномъ законодательствѣ не находимъ. Разъ vicini могутъ вмѣшиваться въ это дѣло, то стало быть они обладаютъ какими то правами на захваченный участокъ, очевидно, этотъ участокъ принадлежитъ не только лицу, которое въ данномъ случаѣ сидитъ на немъ, но и всѣмъ его сосѣдямъ, очевидно, рѣчь идетъ о какой то организаціи—объ общинѣ. Возраженіе Фюстель-де-Куланжа, что слово „omnes" нигдѣ не встрѣчается, Глассонъ называетъ „дѣтскимъ", ибо слова, что достаточно протеста одного, равнозначущи указанію на согласіе всѣхъ. (Glasson. Les communaux. p. 39 и сл. Ср. его-же Institutions de la France T. III. p. 75 и сл.) Въ своемъ буквальномъ толкованіи текстовъ Фюстель де-Куланжъ здѣсь дѣйствительно дошелъ до смѣшного, но и его возраженіе, что въ законѣ нѣтъ слова: „община", немногимъ лучше: въ древнѣйшемъ правѣ мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не находимъ точнаго указанія тѣхъ или иныхъ существующихъ институтовъ или правоотношеній—такое обозначеніе замѣняется описаніемъ даннаго учрежденія, и задача историка состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи этихъ указываемыхъ въ законѣ признаковъ, выяснить, о какихъ правовыхъ институтахъ рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ.

Въ lex Salica сдѣланъ первый шагъ къ установленію частной собственности: земля переходитъ по наслѣдству къ сыну и брату или вѣрнѣе пользованіе ею имъ передается. Дальше идетъ въ этомъ направленіи эдиктъ Хильнериха (561 — 584): Если — говорится въ немъ — кто-либо, будучи членомъ марки, умираетъ и оставляетъ сыновей и дочерей, то наслѣдуютъ ему сыновья, согласно салическому праву, въ случаѣ же смерти сыновей, наслѣдуютъ дочери на тѣхъ же основаніяхъ, какъ если бы это были сыновья, если же и дочерей нѣтъ, то земля переходитъ къ брату, а не къ членамъ общины.

Simili modo placuit atque convenit, ut si quicumque vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitus fuerit, quamdiu filii advixerint, terra habeant, sicut et lex Salica habet. Et si subito filios defuncti fuerint filia simili modo accipiant terras ipsas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitus fuerit, frater terras accipiant non vicini. Et subito frater moriens, frater non derelinquerit superstitem, tunc soror ad tera ipsa accedat possidenda. (Capit. V).

Очевидно до этого эдикта земля, въ случаѣ отсутствія сыновей, переходила къ общинѣ, Хильперихъ же измѣняетъ это правило, допуская, при отсутствіи сыновей, и дочерей, брата и наконецъ сестру умершаго—къ общинѣ же земля не возвращается вовсе или во всякомъ случаѣ лишь при отсутствіи и сестры. Какъ справедливо указываетъ Фурнье, здѣсь происходитъ передъ нами борьба между новой индивидуальной и прежней общинной собственностью, между семьей и общиной,—послѣдняя все болѣе и болѣе теряетъ свои первоначальныя права на землю.

Фюстель-де-Куланжъ и здѣсь отказывается признать остатки общинной собственности, находя что vicini вовсе не обозначаютъ общинниковъ, что нигдѣ въ законѣ не говорится о томъ, что прежде земля переходила при отсутствіи сыновей къ vicini, и что указаніе на то, что vicini не должны захватывать землю, могло имѣть въ виду предупрежденіе злоупотребленій въ будущемъ. При этомъ онъ самъ прямо отказывается дать какое-либо объясненіе, говоря, что и самыя слова—vicinos habens, т. е. имѣя сосѣдей (такъ онъ переводитъ) совершенно непонятны: кто же не имѣетъ сосѣдей? (L'alleu. p. 190—91. Recherches. p. 302. Quest. histor. p. 33). Глассонъ (Les communaux. p. 44 и сл.) по этому поводу замѣчаетъ, что Фюстель упускаетъ изъ виду тотъ элементарный принципъ, что эдикты изданы исключительно съ цѣлью замѣны существующаго порядка инымъ и поэтому слова: „non vicini" прямо свидѣтельствуютъ о господствѣ до этого эдикта обычая перехода земли къ vicini.

Наконецъ, переходя къ Lex Ribuaria, мы замѣчаемъ, что индивидуализація земельной собственности сдѣлала еще бо́льшіе успѣхи.

Lex Ribuaria относится повидимому къ болѣе позднему времени, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ ранними списками Салической Правды: по Майру и Бруннеру онъ возникъ въ первой половинѣ VII вѣка, по мнѣнію другихъ, позже—въ VIII ст., и содержаніе и построеніе его свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о томъ, что составители его были знакомы съ (древнѣйшими) списками Салической Правды и пользовались ими.

Въ то время, какъ Салическая Правда, говоря о наслѣдованіи, рѣзко разграничиваетъ движимую и недвижимую собственность, Рипуарская говоритъ о hereditas вообще, въ которую очевидно входятъ и недвижимости. При этомъ послѣдней уже извѣстно наслѣдованіе женщинъ и боковыхъ родственниковъ, а не однихъ только сыновей, причемъ мужская линія исключаетъ женскую, восходящіе призываются къ наслѣдованію при отсутствіи дѣтей, при отсутствіи же восходящихъ—боковые родственники первой степени, если же и ихъ нѣтъ, то имущество переходитъ къ сестрѣ по матери и къ сестрѣ по отцу. Право наслѣдованія прекращается только въ пятомъ поколѣніи. Лишь въ отношеніи hereditas aviatica (въ отличіе отъ terra salica) существуетъ особое наслѣдственное право, исключающее женщинъ.

Tit. LVI. Si quis absque liberis defunctus fuerit, si pater materque subrectis fuerint, in hereditate succidant. Si pater si materque non fuerint, inter frater et soror succidant. Sin autem nec eos habuerunt, soror matris patrisque succedat. Deinceps usque quinto genuclo, qui proximus fuerat, in hereditatem succedat. Sed cum virilis sexus extederit, femina in hereditate aviatica non succedat.

Однако было бы слишкомъ поспѣшно дѣлать изъ этого выводъ, что индивидуальная собственность уже вполнѣ установилась. Какъ указываетъ Бетманъ, и въ старѣйшихъ спискахъ Рипуарской Правды (отъ начала VI вѣка) иски и взысканія съ недвижимаго имущества отсутствуютъ [1]) и только въ послѣдующихъ дополненіяхъ и вставкахъ появляется гражданскій процессъ изъ за недвижимостей. Такими дополненіями являются тит. LIX и LX, гдѣ идетъ рѣчь о пріобрѣтеніи двора, виноградника или иного предмета.

Si quis villam aut vineam vel quamlibet possessiunculam ab alio comparaverit et testamentum accipere non potuerit.

Далѣе Рипуарская Правда принимаетъ мѣры противъ того, кто сдѣлаетъ попытку воспротивиться задержанію скота, и требуетъ съ виновнаго возмѣщенія убытковъ (si quis peculium in messe adprehenso ad paricum minare non permiserit, XV solidis culpabilis iudicetur), а также караетъ высокимъ штрафомъ того, кто такъ или иначе завладѣлъ хотя бы самой ничтожной частью чужого поля, и даже допускаетъ возможность задержанія человѣка, проникшаго въ предѣлы чужого участка (si quis hominem super res suas comperhenderit et eum ligare voluerit). Но въ то же время § 2 тит. LXXXII обнаруживаетъ значительное сходство съ тит. IX. l. sal., гдѣ прежде всего охраняется скотъ, попавшій на чужое поле, отъ владѣльца послѣдняго, и лишь затѣмъ и поле, попорченное скотомъ. А въ тит. LXX § 1 упоминается о деревьяхъ, никому не принадлежащихъ, т. е. о лѣсахъ, которые никто не вправѣ себѣ присвоить, но которые могутъ быть въ любое время использованы членами общины—параллель тит. XXVII § 18 l. sal., гдѣ отдѣльнымъ лицамъ предоставляется посредствомъ отмѣтки топоромъ оставлять за собой на годъ опредѣленныя деревья.

Такимъ образомъ лишь медленно и постепенно общинная собственность уступала мѣсто индивидуальной, лишь съ большимъ трудомъ институтъ индивидуальной собственности на землю прокладывалъ себѣ дорогу въ законодательствѣ и народномъ сознаніи.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и помимо требованія общины, чтобы послѣ смерти владѣльца земля возвращалась къ ней, которое явствуетъ изъ

[1]) Bethmann—Hollweg. 489—90.

эдикта Хильпериха (см. выше, стр. 16), у общины существовало еще другое средство, которое также препятствовало устраненію полной индивидуальной собственности и которое могло сопровождаться отнятіемъ части земли еще при жизни владѣльца. Такое значеніе имѣли общинные передѣлы, перераспредѣленіе земель, которое первоначально производилось ежегодно, впослѣдствіи рѣже, но еще долго не было окончательно забыто, поскольку существовали свободныя селенія; и въ томъ случаѣ, когда обнаруживалось значительное земельное неравенство среди отдѣльныхъ поселянъ, послѣдніе требовали и добивались новаго передѣла земли. Нельзя ни въ коемъ случаѣ отказывать въ новомъ распредѣленіи общинной неогороженной земли на равныхъ началахъ между всѣми участниками—говорится въ lex Burgundionum.

Agri communis nullis terminis limitati exaequationem inter consortes nullo tempore denegandum. Lex. Burgund. Add. I. T. I Cap. V.

Дѣйствительно въ бассейнѣ Сара и Мозеля сроки земельныхъ передѣловъ увеличиваются все болѣе и болѣе, съ 3 до 6, 12 и даже 18 лѣтъ, а затѣмъ и вовсе прекращаются передѣлы и устанавливается индивидуальная собственность. Тѣмъ не менѣе окончательно они не были забыты, и напр. въ селѣ Losheim, гдѣ съ 1655 по 1724 г. передѣловъ уже не было, въ этомъ послѣднемъ году было однако постановлено произвести новое распредѣленіе земель въ виду того, что, вслѣдствіе смертей и браковъ, парцеллы стали до того малы, что даже наиболѣе состоятельный изъ крестьянъ не въ состояніи надлежащимъ образомъ унавоживать и улучшать свои полосы земли, настолько они узки и лежатъ въ чрезполосицѣ [1]). О земляхъ, подлежащихъ ежегодному передѣлу, говорится также въ одной грамотѣ 815 года—terrae anales (annales) [2]). Наконецъ, весьма существеннымъ препятствіемъ къ установленію на практикѣ индивидуальной земельной собственности являлся крайне экстенсивный характеръ земледѣлія. Въ эту эпоху еще не было трехпольнаго зернового хозяйства, а господствовала переложная система или иная система хозяйства, при которой подъ запашку поступала каждый разъ лишь незначительная часть земли, тогда какъ вся остальная площадь оставалась подъ лѣсомъ и выгонами. При такихъ условіяхъ, когда послѣ жатвы полоса земли снова покидалась на много лѣтъ и служила все это время общиннымъ пастбищемъ, когда, слѣдовательно, земледѣлецъ лишь разъ въ 10—20 лѣтъ безраздѣльно могъ пользоваться своей собственностью и время общиннаго пользованія землей на много превышало время частнаго пользованія, интересъ къ созданію индивидуальной собственности не могъ быть великъ и стремленіе къ превращенію владѣнія въ собственность, при фактической невозможности использованія послѣдней, не могло наблюдаться часто. Подобно lex Salica, и lex Alamannorum (76, 2), а равно lex Baiuvariorum (XIV cap. 17) допускаетъ свободный выгонъ скота на нивы и сѣнокосы послѣ снятія жатвы; это видно также изъ одной грамоты VIII или IX ст., въ которой состоящій въ частной собственности участокъ признается не подлежащимъ общинному пользованію лишь въ силу спеціальнаго постановленія о томъ короля.

Ut eadem possessio solis regibus haereditario iure subiecta sit in perpetuum et nullus de pagensibus ibi aliquid commune habeat, nisi forte precario.—Ut pascua communia in agris habeamus. 855 г.

Такая система пользованія полями послѣ жатвы въ качествѣ общинныхъ выгоновъ господствовала повсюду еще много столѣтій спустя—commonable, oppon-

---

[1]) Цит. у Laveleye p. 110.

[2]) Anales terras, mancipia, prata, pascua, vineas, aquas. Neugart. Codex diplom. Alemanniae. t. I. № 282. Мауреръ (Einleitung, p. 8) читаетъ: annales. Также и Glasson. Institutions. III. 72. Возраженія противъ этого Фюстель-де-Куланжа и его собственное предложеніе читать: areales (Alleu. p. 181—82. Questions. p. 34—35) совершенно не выдерживаютъ критики.

fields въ Англіи, vaine pâture въ Франціи, Gemeinweide, Gemeinheiten въ Германіи мы находимъ еще въ XVIII вѣкѣ.

И въ Англіи въ саксонскую эпоху конфискація захватываетъ исключительно движимость; терминъ aehte, который употребляется въ этихъ случаяхъ, означаетъ только движимое имущество, въ противоположность „аге", которое указываетъ на землю. Переживаніемъ этого саксонскаго положенія является кентское правило, не допускавшее конфискаціи земли даже въ феодальную эпоху. Это отсутствіе конфискаціи является результатомъ принадлежности земли не отдѣльному лицу, а цѣлому роду, цѣлой общинѣ. О такой общинѣ упоминается въ законахъ Ине (конца VII вѣка), гдѣ говорится объ отвѣтственности кэрлей, лично-свободныхъ крестьянъ, которые держатъ сообща лугъ или пахотное поле, за потраву, произведенную скотомъ, проникшимъ на это поле или лугъ; всѣ обязаны участвовать въ постановкѣ изгородей въ предупрежденіе подобныхъ случайностей. Однако еще и впослѣдствіи распоряженіе народной землей—folcland, которая составляетъ первоначальную и древнѣйшую форму землевладѣнія, возникшую вмѣстѣ съ саксонскимъ завоеваніемъ, ограничено волей общины, которой оно принадлежитъ. Изъ грамоты XI вѣка мы можемъ усмотрѣть, что folcland не наслѣдуется женщинами, что его вообще нельзя завѣщать, ибо земля эта находится лишь въ пользованіи отдѣльнаго лица, „а не въ частной его собственности, принадлежавшей въ сущности тому родовому или общинному союзу, къ которому онъ самъ принадлежалъ". Лишь мало по малу устанавливается свобода распоряженія и для народной земли въ видѣ разрѣшенія продавать и дарить ее безъ всякихъ ограниченій, хотя остатки общиннаго землевладѣнія сохраняются и впослѣдствіи въ видѣ указаній на пользованіе общинными угодьями, пастбищами и лѣсомъ (Виноградовъ).

Любопытно, что и тогда, когда пахатная земля уже составляла частную собственность, очень часто луга находились въ общинномъ пользованіи, при которомъ каждый разъ предъ началомъ сѣнокоса лугъ подвергался передѣлу, причемъ распредѣленіе производилось по жребію (lot meadow), такъ что отдѣльные члены общины не знали заранѣе, какую часть они получатъ; такъ какъ луга не требуютъ обработки, то нѣтъ надобности пріурочивать ихъ каждому отдѣльному лицу для постояннаго пользованія [1]). Дѣйствительно, луга и лѣса оставались долѣе всего общинной собственностью, гдѣ и самое пользованіе имѣло общинный, а не индивидуальный характеръ. Въ Бургундской Правдѣ мы находимъ указанія какъ на поступленіе сѣнокосовъ подъ общій выпасъ, такъ и въ особенности на существованіе общинныхъ лѣсовъ—римляне и бургунды владѣютъ сообща лѣсомъ (тит. XIII), а въ тит. XXVIII говорится о правѣ забирать въ любомъ частномъ лѣсу матеріалъ для топлива. Въ lex Visigothorum предоставляется каждому поселянину пасти въ общинномъ лѣсу извѣстное количество свиней, пропорціонально размѣрамъ его пахоти. Тамъ же (VIII, 5, 5) идетъ рѣчь объ общинномъ пользованіи травой на неогороженныхъ участкахъ.

Si quis tam Burgondio quam Romanus in silva communi exartum fecerit, aliud tantum spatie de silva hospiti suo consignet, et exartum, quem fecit remota hospitis communione possideat.— Si quis Burgundio aut Romanus silvam non habet incidendi ligna ad usos suos de iacentivis et sine fructu arboribus in cuius libet silva habeat liberam potestatem (L. Burg. XXVIII). Ut nullus de alterius silva quamvis prius inveniat aves tollere preaesumat: nisi eius commarcanus fuerit (L. Baiuv. 22, 11). Quia illis (consortibus) usum herbarum, quae conclusae non fuearant, constat esse communem (L. Wisig. VIII. 5. 5).

Различныя грамоты Санъ-Галленскаго архива говорятъ о правѣ пользованія пастбищами, лѣсами и водами марки, какъ о правѣ, предоставленномъ всякому гражданину (члену общины?), такое право считается принадлежностью всякаго жителя марки или прямо признается за владѣльцемъ той или другой hoba, colonia или mancipium. Общинное пользованіе лѣсомъ упоминается не только въ грамотахъ XII вѣка, но и еще значительно позже.

[1]) Нассе, рус. пер., стр. 13—14.

Sicut alii cives ligna et materiam cedendi potestatem habeam. 861 г.—Quibus homo in communi saltu uti potest.—In hac silva nullus nostrum privatim habeat aliquid, sed communiter pertinebat ad omnes villae nostrae incolas 1174 г.

Общинная теорія (Ср. Meitzen I. p. 20 и сл.) создана (въ началѣ XIX ст.) датскимъ землемѣромъ, впослѣдствіи академикомъ, Олуфсеномъ, который во время своей практической дѣятельности нашелъ на межевыхъ картахъ остатки земельныхъ передѣловъ. На его сообщенія обратилъ вниманіе Ганссенъ, который и построилъ теорію германской марки. („Марка возникла—говоритъ онъ—изъ совмѣстнаго занятія земли союзомъ равноправныхъ главъ семействъ, которые имѣли право пользованья землей одинаковаго количества и качества, лежащей на равномъ разстояніи отъ двора на равное число лѣтъ, а также правомъ выпаса одинаковаго числа головъ скота на общинномъ выгонѣ". Agrarhist Abh. I, p. 2—3). За Ганссеномъ послѣдовали Мауреръ, Рошеръ и Нассе, Брунеръ и Шредеръ въ Германіи, Лавеле въ Бельгіи, Глассонъ, Віоле и Гарсоне во Франціи, Мэнъ и Спенсеръ въ Англіи, П. Г. Виноградовъ и М. М. Ковалевскій у насъ—и общинная теорія получила всеобщее распространеніе и стала господствующей догмой въ наукѣ. Если въ послѣднее время нѣкоторые кирпичи изъ прежде стройнаго зданія и выброшены, то все же въ своихъ основахъ оно стоитъ крѣпко и противники не въ состояніи поколебать его. Едва ли не наиболѣе важнымъ аргументомъ ихъ является указаніе на то, что въ различныхъ Варварскихъ „Правдахъ" встрѣчаются въ примѣненіи къ землѣ мѣстоимѣнія suus, alienus или слова dominus, villa, которыя переводятся какъ Фюстель-де-Куланжемъ (L'alleu. p. 104), такъ и въ значительной мѣрѣ Инама-Стернеггомъ (I. p. 97) и Мейценомъ, отчасти и Вайцомъ (II. 1. 3. Aufl. p. 90—1), въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ кодексѣ Юстиніана (Ср. Ковалевскій. I. 57). При этомъ они упускаютъ изъ виду, что alienus примѣняется къ полю, на которомъ, по снятіи жатвы, можно пасти скотъ и messis sua есть лугъ, на которомъ нельзя помѣшать другому косить сѣно—и то и другое прилагательное обозначаетъ очевидно не собственника, а человѣка, который имѣетъ право пользоваться землей на извѣстное время. Такое значеніе имѣетъ и „dominus", подъ которымъ необходимо разумѣть лишь господина, т. е. человѣка, который господствуетъ надъ другими, причемъ однако еще неизвѣстно, на чемъ основывается это господство. Villa во многихъ случаяхъ прямо идентифицируется съ понятіемъ марки: in villa sive marca, in villa vel marca, in eadem marca villave—говорится въ различныхъ памятникахъ IX вѣка (Ср. Maurer. Einleit. 45). Впрочемъ такія выраженія, какъ conmarcanus, consortes, convicinia, pascua communia убѣдили даже Инама и Вайца. Первый хотя и утверждаетъ, что франки не только пользуются недвижимостью, но и являются собственниками двора и сада, поля и жатвы и даже луговъ и лѣсовъ, но указываетъ на существованіе значительныхъ ограниченій въ правѣ собственности, исходящихъ отъ общины, на упоминаніе объ общинныхъ земляхъ, на право членовъ общины пасти скотъ на полѣ другого послѣ жатвы, на совмѣстное пользованіе выгонами и лѣсами (Inama. I. p. 36—8. 97—100. 106—7). И Вайцъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ признать, что хотя поля и луга, иногда и лѣсъ, принадлежатъ каждому на основаніи права собственности, но имѣются и общинные лѣса, даже общинныя поля, упоминается и о правѣ наслѣдованія, принадлежащемъ членамъ общины (II. 1. p. 92). Отчасти это допускаетъ и Мейценъ (I. 583. 587—8. 528—31. 572). Только на Фюстель-де-Куланжа и такія указанія въ памятникахъ не произвели никакого впечатлѣнія. Даже такой случай, когда на общинномъ полѣ кто-либо развелъ виноградникъ, для чего требуется согласіе всѣхъ участниковъ, Фюстель толкуетъ въ томъ смыслѣ, что campus communis не представляетъ собою принадлежащую всѣмъ землю, а поле, которое по неизвѣстной причинѣ осталось нераздѣльнымъ у двухъ собственниковъ (Recherches. p. 306).

Наоборотъ такіе термины, какъ proprium, possessio, выраженія, какъ dono, trado atque transfundo perpetualiter ad possidendum онъ выставляетъ на первый планъ, дѣлая при этомъ двойную ошибку: упуская изъ виду, съ одной стороны, что нельзя ограничиваться дословнымъ переводомъ этихъ словъ въ томъ смыслѣ, какой они имѣли въ римской имперіи, а, съ другой стороны, что упоминаніе о частной собственности не доказываетъ еще отсутствія земельной общины. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ продолжало господствовать римское право, оно вынуждено было приспособиться къ нуждамъ и потребностямъ германскаго населенія; различные юридическіе институты, въ частности собственность, претерпѣли измѣненія соотвѣтственно правовымъ взглядамъ населенія, къ которому они примѣнялись и которое

не знало совершенно строгаго римскаго понятія собственности. Мало того—какъ указываетъ Галбанъ—самое римское государство подъ вліяніемъ соображеній публично-правоваго, въ частности фискальнаго характера, сильно подорвало институтъ частной собственности, вызывая сомнѣніе въ наличности частной собственности въ колоніяхъ у пріобрѣтателей agri questorii, а также создавая двусмысленное положеніе относительно сдаваемыхъ въ аренду agri censorii, къ которымъ примѣнялось неопредѣленное выраженіе „veneunt locanturque". Все это приводило къ тому, что во многихъ случаяхъ возникалъ вопросъ, пріобрѣтается ли путемъ данной сдѣлки собственность, или же только сервитутъ или пользованіе на основаніи контракта найма—матеріальное содержаніе понятія собственности во всякомъ случаѣ сокращается. Рядомъ съ собственностью возникаетъ цѣлый рядъ параллельныхъ образованій, весьма сходныхъ, но содержащихъ во многихъ случаяхъ весьма мало юридическихъ элементовъ и лишь по своему фактическому характеру приближающихся къ собственности и при конкурренціи съ ней лишающихъ ее всякаго содержанія. Такимъ образомъ въ римское право была внесена большая путаница и оно совершенно не способно было поддержать чистую форму собственности. Послѣдняя должна была снова постепенно выработаться подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій, пройдя предварительно чрезъ рядъ промежуточныхъ формъ.

Въ такомъ ограниченномъ видѣ собственность встрѣчается уже весьма рано и въ германскихъ источникахъ. Но если Фюстель упрекаетъ Маурера въ томъ, что изъ многочисленныхъ traditiones VIII—XIV ст. онъ выхватилъ всего 20 документовъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ общинной собственности, какъ будто бы остальныхъ (около 10 тысячъ), изъ которыхъ видно господство частной собственности на землю, и не существовало (Quest. hist. p. 37—39),—то онъ забываетъ о томъ, что весь интересъ заключается именно въ институтѣ, характеризуемомъ немногими приводимыми Маурером памятниками, ибо они свидѣтельствуютъ о сохранившихся еще долго пережиткахъ прежде господствовавшаго состоянія. Не могутъ же эти акты быть случайными—такое объясненіе иногда даетъ Фюстель—и сколь бы незначительно ни было ихъ число, они несомнѣнно указываютъ на то, что распространяющаяся частная собственность является чѣмъ то новымъ, институтомъ, который лишь постепенно вытѣсняетъ общину земледѣльцевъ.

ГЛАВА III.

Возникновеніе крупнаго помѣстнаго землевладѣнія.

Раньше, чѣмъ общинныя земли успѣли превратиться въ индивидуальную собственность, возникла частная собственность на другія категоріи земель—на пустопорожнія земли или земли, отнятыя у другихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь сразу могла установиться неограниченная частная собственность, въ противоположность прежнимъ общиннымъ землямъ, которыя, даже перейдя въ собственость отдѣльныхъ лицъ, все же подвергались различнымъ ограниченіямъ (см. выше). По субъекту эта первоначальная форма частной собственности (собственности на незанятыя и завоеванныя земли) представляла собой собственность короля: король былъ первымъ частнымъ собственникомъ. In silva communi seu regis — говорится въ Lex Rib.; королю принадлежатъ никѣмъ не воздѣланныя земли: silvam quandam incultam et ab hoc regie proprietati deputatam (1018 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ король пользуется правомъ конфискаціи земель за преступленія, причемъ къ словамъ: confiscatio in fisco впослѣдствіи сдѣлано добавленіе: aut cui fiscus dare voluerit. Послѣднее давало королю возможность устанавливать индивидуальную собственность и въ пользу иныхъ субъектовъ права. Таковымъ является прежде всего церковь, которая весьма скоро добилась для себя цѣлаго ряда исключеній изъ общихъ правилъ, съ цѣлью сосредоточенія въ своихъ рукахъ земельной собственности. Въ декретѣ Хлотаря II (нач. VII ст.) говорится (§ 10), что даренія умершихъ въ пользу церкви не могутъ быть никѣмъ присвоены, а въ lex Saxon. (тит. VII) церковь ставится на равную ногу съ коро-

лемъ — въ пользу нихъ можно завѣщать свое имущество помимо наслѣдниковъ. (Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad esslesiam vel regi ut heredem suum exheredem faciat). Еще дальше идетъ въ этомъ отношеніи тит. 1. lex Alamann., запрещающая всякое противодѣйствіе дареніямъ, дѣлаемымъ въ пользу церкви, хотя бы предметомъ этихъ дареній были земли и даже личность самого дарителя. (Si quis liber res suas vel semet ipsum ad ecclesiam tradere voluerit, nullus habeat licentiam contradicere ei, non dux, comes nec ulla persona). Такимъ образомъ, рядомъ съ новымъ субъектомъ права собственности (не только король, но и церковь) возникаетъ и новый объектъ: земли марки (прежнія общинныя), которыя также могутъ отчуждаться въ пользу церкви. Наконецъ, индивидуальная собственность устанавливается вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владѣніе принимается съ разрѣшенія и согласія короля: lex Sal. говоритъ о правѣ короля потребовать принятія общиной новаго поселенца (тит. XIV, 4), lex Rib. о силѣ, которую придаетъ владѣнію засвидѣтельствованіе его королемъ, въ формулахъ Маркульфа (VII—IX ст,) допускаются сдѣлки на недвижимости съ вѣдома и согласія короля, а въ одномъ случаѣ даже говорится: то что совершено въ нашемъ присутствіи или нашей рукой передано кому-либо, должно оставаться навсегда крѣпкимъ и нерушимымъ. (Quisquis enim in praesentiam nostram agetur vel per manu nostra videtur esse transvulsum volumus et iubemus, ut maneat in posterum robustissimo iure firmissimo). Въ связи съ этимъ находится расширеніе правъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ вообще, которое мы находимъ въ капитуляріяхъ IX вѣка: допускаются взысканія съ недвижимости (Cap. 816. § 5), право дарственнаго распоряженія и въ отношеніи свѣтскихъ лицъ, а не только церкви (Cap. 817), устраняется протестъ членовъ общины противъ появленія новыхъ поселенцевъ (Cap. 819), допускаемый lex Salica.

Такимъ то образомъ изъ общинной земли выдѣляются постепенно отдѣльныя части въ качествѣ собственности отдѣльныхъ лицъ, которыми община располагать не можетъ, хотя — поскольку община не переходитъ цѣликомъ въ собственность церкви или свѣтскаго лица — эти новые собственники сохраняютъ свои земли внутри марки, такъ что и онѣ подчиняются общимъ постановленіямъ относительно пользованія маркой, съ той лишь разницей, что новые индивидуальные собственники, благодаря своему могуществу, оказываютъ большое вліяніе на принимаемыя общиной рѣшенія и даже единолично распоряжаются принадлежащими маркѣ землями.

Исходную точку въ этомъ установленіи частной собственности составляетъ во всякомъ случаѣ римское право [1]), которымъ воспользовался и король, проводя принципъ, что вся публичная собственность принадлежитъ фиску — въ Англіи это представленіе распространяется послѣ завоеванія норманновъ — и церковь для полученія въ свои руки общинныхъ земель [2]). Для послѣдней важно было не столько установленіе охраны земель отъ захвата, сколько прежде всего разрѣшеніе всякому отчуждать принадлежащую ему землю, не взирая на другихъ членовъ общины и родственниковъ и безъ ихъ согласія (interrogabat coram omnibus vicinis et cognatis suis si potenter potuisset res suas ad domum Dei tradere), ибо это открывало путь всѣмъ вѣрующимъ отдавать свои земли церкви; притомъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше постановленій, свобода распоряженія вводилась, главнымъ образомъ, въ смыслѣ свободы дареній при жизни и еще болѣе на случай смерти: вѣдь церковь вовсе не имѣла въ виду покупать земли— купля-продажа была въ эту эпоху вообще еще весьма рѣдкой сдѣлкой—а

[1]) Относ. вліянія римскаго права и вообще римскихъ началъ въ области средневѣковаго землевладѣнія см. въ особ. указ. соч. Фюстель-де-Куланжа. Наиболѣе значительно оно было повидимому въ романскихъ странахъ, гдѣ отчасти сохранилась связь съ римскими помѣстьями.

[2]) Pollock. 30. 34. 36.

старалась получить ихъ безвозмездно отъ тѣхъ, кто этимъ достигалъ цѣлей религіознаго характера (спасенія души).

Именно такой свободой распоряженія характеризуется англійскій bocland, т. е. земля, полученная на основаніи грамоты, первоначально лишь путемъ пожалованія королемъ,— новый видъ землевладѣнія, возникающій позже folcland'a и въ противоположность послѣднему. „Это право распоряженія настолько существенно, что законодатели иногда ищутъ особаго его подтвержденія, а въ дарственныхъ записяхъ иногда подчеркивается, что составлявшій ихъ дѣйствительно могъ дать земли кому хотѣлъ". Въ этомъ смыслѣ bocland называется terra testamentalis, hereditaria, libera, чѣмъ имѣется въ виду отмѣтить свободную передачу ея по наслѣдству, помимо вліянія членовъ рода—для церкви этотъ видъ передачи вѣдь стоялъ на первомъ планѣ, и вліяніе послѣдней открыло дорогу новымъ порядкамъ, которые противорѣчили основанному на общинныхъ началахъ народному праву (folk-riht).

Установленіе индивидуальной собственности привело къ соціальной дифференціаціи населенія. Если и прежде земли распредѣлялись secundum dignationem, т. е. одни (предводители—magistratus ac principes) получали больше, другіе меньше, то все же за исключеніемъ военачальниковъ, позже герцоговъ и конунговъ и ихъ приближенныхъ, не было значительныхъ различій въ соціальномъ и экономическомъ положеніи—вся масса народа представляла собою нѣчто однородное, состояла изъ многочисленныхъ мелкихъ свободныхъ земледѣльцевъ. Съ теченіемъ времени это измѣнялось: новыя войны, заканчивавшіяся присоединеніемъ земель покоренныхъ племенъ, создавали въ рукахъ королей и герцоговъ обширныя земельныя владѣнія, ибо при занятіи какой либо территоріи, они въ качествѣ военачальниковъ получали наибольшую часть земель [1]). Далѣе пустопорожнія и никому не принадлежавшія земли уже въ эпоху Меровинговъ считались собственностью короля, а Каролингамъ на этомъ основаніи принадлежало свыше пятнадцати обширныхъ лѣсовъ и огромныя пустоши въ различныхъ мѣстностяхъ (Паннонiи, Тюрингіи, Саксонiи и т. д.). Конфискація имущества преступниковъ составляла важное средство обогащенія какъ дли баварскихъ герцоговъ, такъ и для франкскихъ королей; борьба изъ за престола приводила каждый разъ къ конфискаціи имущества претендента, потерпѣвшаго пораженіе.

Значительную часть всѣхъ этихъ земемь короли и герцоги сохраняли въ своихъ рукахъ (по Гюльльману въ эпоху Каролинговъ имѣлось 123 упоминаемыхъ въ источникахъ вотчины, Инама насчиталъ ихъ 176, не считая Вюртемберга съ 31, Австріи съ 150 и т. д., Лампрехтъ, принимая для германскихъ странъ приблизительную цифру въ 150 помѣстій, получаетъ 375 кв. миль корол. земель). Но еще больше земель короли раздарили своимъ приближеннымъ и церкви, ибо будучи прежде всего военачальниками — duces, короли сохраняли свою власть лишь до тѣхъ поръ, пока въ состояніи были богатыми дарами окружать себя большимъ количествомъ приближенныхъ, да и сообща захваченная на войнѣ добыча принадлежала не только предводителю, но и его помощникамъ. Если отсюда возникли обширныя владѣнія свѣтской аристократіи, то еще больше пріобрѣла церковь. Правда—какъ установилъ Брунперъ—и Меровинги и баварскіе герцоги (агилольфинги) стояли на той точкѣ зрѣнія, что подаренное можетъ быть взято въ случаѣ необходимости обратно и возвращается обратно послѣ смерти одареннаго, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дарственныхъ грамотахъ они вовсе не оговаривали этого и даже тогда, когда земли давались

[1]) Хлодвигъ, разбивъ аламанновъ, присвоилъ себѣ ихъ земли по лѣвой сторонѣ Рейна, частью раздавъ ихъ дружинникамъ, Карлъ Вел.—земли убитыхъ или переселенныхъ въ другія мѣста (послѣ побѣды надъ ними) саксовъ; послѣ сверженія баварскаго герцога, конфискованы были его земли.

ими за какія-либо оказанныя услуги, слѣд., они не имѣли въ виду установить путемъ даренія права собственности, а лишь давали земли въ пользованіе (понятіе частной собственности еще не успѣло установиться). Однако вскорѣ и свѣтскія лица и церковь стали смотрѣть на эти земли какъ на свою неотъемлемую собственность, и церковь весьма рано установила принципъ, что тотъ, кто отнимаетъ у нея подаренное, самъ ли даритель, или наслѣдники его или кто-либо иной, является врагомъ церкви (L. Baiuv, I. 2). Поэтому то уже Хильперихъ (ум. въ 584 г.) жаловался, что его казна совершенно опустѣла и всѣ богатства перешли въ руки церкви [1]), въ VIII ст. собственность церкви въ Галліи, по Роту, (Beneficialwesen) составляла уже третью часть всей заселенной территоріи и хотя не только при Пипинѣ и Карлѣ Вел. (Карлъ Вел. спрашиваетъ (Cap. 811 c. 4), неужели духовенство, столь стремящееся къ увеличенію своихъ владѣній, понимаетъ это подъ „отказомъ отъ міра сего"), но и при Людовикѣ Благ. и его преемникахъ бывали случаи конфискаціи церковныхъ земель, но въ результатѣ въ концѣ періода Каролинговъ, вслѣдствіе возвращенія отнятаго и присоединенія къ нему новыхъ дареній получились еще болѣе обширныя владѣнія епископскихъ кафедръ, аббатствъ, монастырей и капитуловъ, такъ что обычнымъ имуществомъ небольшого монастыря считалось 200—300 гуфъ, средняго 1—2 тыс., большого 3—8 тыс. и санъ-галленская обитель, имѣвшая всего 4 тыс. гуфъ, т. е. огромныя земли, считалась весьма бѣдной. Любопытно, что не имѣя непосредственныхъ данныхъ относительно сосредоточенія земель въ рукахъ свѣтской аристократіи, мы можемъ себѣ однако составить представленіе о нихъ изъ тѣхъ дарственныхъ грамотъ, которыми они передаютъ имущества въ пользу церкви, ибо эти даренія, нерѣдко огромныхъ размѣровъ, составляютъ лишь часть ихъ помѣстьевъ и все же расположены нерѣдко въ 8, 15 и 23-хъ различныхъ мѣстностяхъ, включаютъ въ себѣ отъ 50 до 100 и 150 крестьянъ.

Не только государи и землевладѣльцы, располагавшіе обширными пространствами земли, но и лица малосостоятельныя, мелкіе собственники и цѣлыя общины (при постройкѣ новаго храма они отдавали часть общинныхъ угодій), подъ вліяніемъ религіознаго чувства, раздавали земли въ пользу церквей и монастырей и уже Lex Baiuv, постановляетъ, что если свободный человѣкъ желаетъ для спасенія души принести въ даръ свое имущество церкви, то онъ можетъ произвести раздѣлъ со своими сыновьями и свободно распоряжаться своей частью.

L. Baiuv. I. 1. Licentiam habeat de portione sua postquam cum filiis suis partivit.

Развивалось ученіе, что въ дареніяхъ этихъ выражается любовь къ Богу, что подаянія равносильны молитвѣ, что самая возможность дарить составляетъ благословеніе Божіе и дареніе есть искупленіе человѣческихъ недостатковъ и средство достиженія вѣчнаго блаженства. Рядомъ съ этими ученіями, которыя приводили къ институту индульгенціи (возможности пожертвованіями въ пользу церкви искупить грѣхи прошлые и будущіе), существовала и теорія принадлежности всей земли Богу, почему дареніе ея является въ сущности лишь обратнымъ возвращеніемъ имущества. Если же наслѣдники или родственники требовали себѣ подареннаго обратно, то церковь грозила имъ адскими муками, но все же, такъ какъ родственники еще впослѣдствіи, даже въ XI ст., вправѣ были опорочить сдѣлку, если не выразили своего согласія, а получить согласіе всѣхъ представлялось нерѣдко дѣломъ совершенно невозможнымъ (принципъ семейной собственности, повидимому, перешедшей изъ общинной), ей приходилось иногда отдавать даръ обратно явившемуся вдругъ сородичу, почему даритель нерѣдко долженъ былъ обязаться бороться противъ такихъ лицъ.

---

[1]) Ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiae nostrae ad ecclesias sunt translatae.

Рядомъ съ религіозными мотивами передачи земли церкви (поэтому особенно много въ концѣ X ст., когда въ 1000 г. ожидали конца міра), причемъ нерѣдко дарители выговаривали себѣ служеніе монастыремъ панихидъ послѣ ихъ смерти и поминовеніе въ богослуженіяхъ, въ другихъ случаяхъ на первый планъ выступали однако чисто мірскіе интересы со стороны дарителя: захвативши не принадлежавшую ему землю, онъ разсчитывалъ сохранить пользованію ею за собой, передавая собственность на нее церкви и выговаривая себѣ лишь право пожизненнаго владѣнія. Или же, наоборотъ, лица, потерявшія надежду вернуть себѣ обратно отнятую у нихъ землю, безъ большой жертвы для себя предоставляли свое право какому-либо капитулу или монастырю, которому такъ или иначе удавалось извлечь извѣстную выгоду изъ этого [1]). Но еще чаще повидимому бѣдственное положеніе дарителя и притѣсненіе его болѣе сильными заставляло передавать свою землю церкви, поступая этимъ подъ ея защиту: голодъ какъ мотивъ отдачи своей земли и свободы признается и lex Sax. 63. и lex Fris., упоминается въ капитуляріяхъ и встрѣчается въ формулахъ и другихъ источникахъ какъ вещь вполнѣ обычная (отдача земли за пропитаніе и одежду). Но не меньшую роль играли и насильственныя дѣйствія власть имущихъ, которые захватываютъ земли у населенія или заставляютъ продавать имъ эти земли, сгоняютъ младшихъ и болѣе слабыхъ и стараются подчинить ихъ своей волѣ.

Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere nisi forte famis necessitate coactus. (L. Sax. 62). Si liber homo spontanea voluntate vel forte necessitate coactus nobili seu libero seu etiam lito in personam et servitium liti se subdiderit (L. Fris. XI. I).

Ut victum et vestimenta habuissem (Trad. Sangall. 725 n. 139; 827 n. 311). Sterilitas et inopia precinxit (Form. Andeg. 19.

Cap. 816. Qui inter eos maiores et potentiores erant eos qui inter illos minores et infirmiores erant ab eisdem locis depellere aut sibi ad servicium subicere conati sunt. *Пискорскій*, крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка, стр. 17. (Boretius. I. 263). Cap. 805. c. 16. De oppressione pauperum liberorum hominum ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant vel tradant. Cap. 811. c. 3. Pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios.

Короли и императоры вынуждены заботиться о томъ, чтобы людямъ, не имѣющимъ покровителей, пріискали таковыхъ родственники. Такими патронами и являлись духовные и свѣтскіе землевладѣльцы, которые всячески старались облегчить лицамъ, передающимъ имъ землю, вступленіе въ ихъ власть (бенефиціальное владѣніе), сохраняя за ними пользованіе землей и не требуя никакихъ опредѣленныхъ платежей, выговаривая себѣ лишь право на землю послѣ смерти даннаго лица или нѣсколькихъ лицъ.

Результатомъ всего этого и было то, что въ Англіи „тамъ, гдѣ до завоеванія сидѣло десять или двѣнадцать свободныхъ, водворяется одинъ норманскій баронъ или аббатъ“ (Виноградовъ), а къ концу періода Каролинговъ и во Франкской монархіи какъ мелкое равномѣрно распредѣленное землевладѣніе, такъ и общины мелкихъ землевладѣльцевъ исчезаютъ, „лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ при исключительныхъ условіяхъ мелкая собственность сохраняется въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, занимая сплошныя пространства“. (Inama). Если въ VII—VIII ст. какъ во Франціи, такъ и въ германскихъ странахъ (чѣмъ ближе къ Рейну, тѣмъ чаще) уже встрѣчаются крупныя помѣстья, то въ X—XI ст. они становятся господствующимъ явленіемъ, мелкое же землевладѣніе является уже совершенно нежизнеспособнымъ: „съ большимъ трудомъ сохраняя унаслѣдованный клочокъ земли, при ухудшающихся условіяхъ, исто-

[1]) D'Avenel. Histoire de la propriété etc I. p. 190.

щалъ себя не входившій въ составъ крупныхъ помѣстій и не находившійся въ зависимости отъ нихъ свободный крестьянинъ". Составляя обратную сторону медали, лицевая сторона которой въ видѣ образованія крупныхъ помѣстьевъ изображена выше, исчезновеніе мелкой земельной собственности вызывалось тѣми же причинами, какія обусловливали образованіе крупныхъ помѣстьевъ. Именно, поскольку послѣднее не происходило посредствомъ захвата никому не принадлежащихъ пустошей и лѣсовъ или присоединенія отнятыхъ у покоренныхъ племенъ территорій, слѣд., не совершалось въ ущербъ мѣстному населенію, мелкое землевладѣніе поглощалось крупнымъ частью подъ вліяніемъ насилія, частью по причинѣ невыгодныхъ матеріальныхъ условій (обѣднѣніе) или наконецъ, вслѣдствіе комбинированнаго дѣйствія обѣихъ причинъ, въ особенности въ видѣ необходимости выбирать меньшее изъ двухъ золъ—передачу своей земли сильному и переходъ во власть его на извѣстныхъ легкихъ условіяхъ или же насильственное отнятіе ея и полное обѣднѣніе [1]).

Въ капитуляріяхъ Карла Вел. нерѣдко идетъ рѣчь о такихъ насиліяхъ со стороны власть имущихъ: missi Людовика Благ. установили, что при Карлѣ В. цѣлая масса мелкихъ землевладѣльцевъ лишена была земли или свободы. При Людовикѣ это продолжалось.

Missi egressi invenerunt innumeratam multitudinem oppressorum. aut ablatione patrimonii aut expolatione libertatis, quod iniqui ministri, comites et locopositi per malum ingenium exercebant. (Vita Ludovici C. 13).

Переходную ступень отъ насильственнаго захвата къ вызванной матеріальными условіями передачѣ земель составляло отнятіе крупными землевладѣльцами общинныхъ угодій, которыя они послѣ продолжительнаго пользованія объявляли своими [2]). Такое лишеніе возможности выпаса скота, пользованія лѣсомъ для постройки жилищъ и топлива нерѣдко вело къ полному разоренію хозяйства общины и вынуждало ее передать свою землю помѣщику за право пользованія извѣстными принадлежавшими ему угодьями.

Подобный же двойственный характеръ имѣли такія разорявшія мелкаго свободнаго землевладѣльца повинности, какъ посылка въ походъ по произвольному рѣшенію графовъ и сеніоровъ, старавшихся этимъ путемъ присвоить себѣ ихъ земли. Въ capit. 811 c. 3 прямо говорится, что кто отказывается отдать свою землю епископу, аббату, графу, и т. д., того они заставляютъ до тѣхъ поръ уходить на войну, пока онъ, обѣднѣвъ не вынужденъ „volens-nolens" отдать или продать свою землю, тогда какъ тѣ, кто добровольно отказался отъ нея, могутъ сидѣть дома.

Dicunt etiam quod quicumque proprium suum episcopo, abbati vel comiti, aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condempnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus, nolens-volens suum proprium tradat vel vendat; alii vero qui traditum habent, absque ullius inquietudine domi resideant.

Наконецъ, моментами чисто-хозяйственнаго свойства являются: конфискація за преступленіе, которая ведетъ къ обѣднѣнію или, съ цѣлью избѣжать ея, къ своевременной передачѣ собственности въ руки церкви или свѣтскаго лица, съ сохраненіемъ фактическаго владѣнія, зависимаго отъ милости того, кому передавалась собственность; этотъ способъ передачи извѣстенъ уже въ lex Visigoth. (II, 1. 7). Въ другихъ случаяхъ преступленіе въ виду весьма высокаго тарифа виръ (въ иныхъ случаяхъ вира доходила до 1800 солидовъ, тогда какъ быкъ цѣнился въ 1—3 сол.) влекла за собой задолженность и полное разореніе.

---

[1]) Относ. Италіи см. Hartmann. Gesch. Ital. im Mitt. III. I. 1908. p. 7 и сл.

[2]) Minorem populum depopulentur et opprimant et eorum pascua depascunt (Capit. 850 c. 5). Въ Каталоніи въ XI ст. общинныя угодья въ большомъ количествѣ захватываются вотчинниками (Пискорскій, стр. 23).

Но lex Sal. (de chrenecruda) убійца, который не въ состояніи уплатить виру изъ своего движимаго имущества, во избѣжаніе кабалы, уступаетъ землю родовому союзу, къ которому она, такимъ образомъ, какъ имѣющему на нее ближайшія права, возвращается обратно, при этомъ онъ, въ доказательство отсутствія у него какого-либо имущества, въ одной рубахѣ, неопоясанный, босый перескакиваетъ черезъ заборъ [1]), предварительно набравъ въ четырехъ углахъ земли и бросивъ ее черезъ лѣвое плечо на ближайшаго родственника, что обозначало передачу недвижимости.

Si quis hominem occiderit et tote facultate (движимость) data non habuerit unde tota lege compleat, XII iuratores donare debet quod nec super terram nec subtus terram plus facultatem non habeat quam iam donavit. Et postea debet in casa sua introire et de quatuor angulos terra in pugna collegere et sic postea in diropullo hoc est iu limitare stare debet intus in casa respiciens et sic de sinistra manum de illa terra trans scapulas suas iactare super illum quem proximiorem parentum habet.

На основаніи этого, на родовой или общинный союзъ и переходила обязанность уплаты виры. Такимъ образомъ, земля не отчуждалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти союзы обѣднѣли, какъ прямо указывается въ декретѣ Хильдеберта: de Chrenecruda lex, quam paganorum tempore observabant, deinceps nunquam valeat, quia per ipsam cecidit multorum potestas. Они уже не въ состояніи были приходить на помощь должнику и послѣднему приходилось расплачиваться землей, хотя и впослѣдствіи еще общины и ближайшіе родственники сохранили за собой право, по желанію принимать на себя долги и этимъ путемъ не допускать отчужденія имущества, или по крайней мѣрѣ впослѣдствіи выкупить это имущество. Но это было ихъ правомъ, которое осуществлялось далеко не всегда и въ результатѣ невозможность уплатить виру имѣла послѣдствіемъ передачу себя прямо со всѣмъ своимъ состояніемъ въ кабалу, какъ это видно изъ формулъ Маркульфа [2]). И въ Англіи въ источникахъ X—XI ст. мы находимъ въ менорѣ (помѣстьи) свободныхъ, закабалившихся во время голода или попавшихъ въ кабалу вслѣдствіе необходимости отрабатывать тяжелые уголовные штрафы.

Но едва ли не хуже всего вліяли въ этомъ направленіи войны, въ особенности послѣ смерти Карла Вел. разорявшія страну. Междоусобныя войны его преемниковъ, съ одной стороны, нападенія внѣшнихъ враговъ, грабившихъ страну, съ другой стороны, совершенно разоряли мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ особенности вторая половина IX вѣка составляла такую эпоху непрерывныхъ опустошеній: при Карлѣ Толстомъ сербы и чехи опустошили Тюрингію, датчане уничтожили новыя поселенія на востокѣ, норманны безпрепятственно высадились на берегу Сѣвернаго моря и разграбили прирейнскія мѣстности, уничтожая все на своемъ пути. При Арнульфѣ походы магіяровъ чрезъ всю Саксонію, Тюрингію, въ особенности же Баварію и Швабскія земли болѣе всего вызвали гибель мелкаго землевладѣнія.

А если къ этому еще присоединить первобытный способъ хозяйства, то поймемъ вполнѣ тѣ многочисленныя данныя о голодахъ этого времени, которыя повторяются въ лѣтописяхъ каждыя два-три года, а слѣдовательно поймемъ и тѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ, которые „tempore famis necessitate cogente se ipsos ad servitium vendiderunt“ (Capit. Pisten.). Использовавъ хищническимъ способомъ хозяйства землю, они не имѣли возможности переходить на другія

---

[1]) Tit. 58. De chrenecruda. Et sic postea in camisia disinctus, discalcius, palo in manu, sepe sallire debet.

[2]) См. Ковалевскій. I. 97. Ср. также: Quas non habens unde redderet, ab abbate Ranerio cum uxore et liberis suis servili iure accipitur (Delisle. Les classes agricoles en Normandie au moyen-âge. 2 éd. p. 18).

полосы земли, подобно крупнымъ землевладѣльцамъ, не имѣли и силы захватывать пустопорожнія земли и лѣса и дѣлать заимки въ нихъ, наоборотъ, лишались даже права пользованія тѣми угодьями, которыя имъ раньше принадлежали.

ГЛАВА IV.

Образованіе класса крѣпостныхъ крестьянъ (вилановъ).

Въ servitium, въ переходѣ во власть другого, болѣе сильнаго, заключался во всѣхъ случаяхъ единственный исходъ. Создался новый институтъ прекарія, хотя и извѣстный уже римскому праву, но получившій во франкской монархіи совершенно иной характеръ. Въ римскомъ правѣ прекарій представлялъ собой институтъ скорѣе обычнаго права, чѣмъ дѣйствительно частноправового характера (vi, clam, precario) и контрагентъ, получавшій отъ собственника землю по просьбѣ (preces) собственно не являлся контрагентомъ въ юридическомъ смыслѣ—собственникъ во всякое время могъ отнять у него землю. Но съ другой стороны, становясь фактическимъ владѣльцемъ, прекаристъ пользовался защитой по отношенію ко всякому другому и продолжительное пользованіе превращало права собственника въ nudum ius. Съ цѣлью сохраненія за прекаристомъ возможно продолжительнаго владѣнія землей precario modo обычное право, повидимому, прибѣгало къ небольшой уплатѣ, превращая такимъ образомъ прекарій въ своего рода аренду. Эти черты получаютъ дальнѣйшее развитіе въ періодъ франкской монархіи. Прекарій превращается въ настоящую аренду на опредѣленное время, первоначально возобновляемую каждые пять лѣтъ, затѣмъ превращающуюся въ пожизненное и, наконецъ, въ наслѣдственное держаніе, которое переходитъ къ сыну и внуку на основаніи письменнаго договора и съ уплатой извѣстнаго чинша-census, который первоначально былъ весьма низокъ и являлся лишь выраженіемъ права собственности лица, отдавшаго землю прекаристу, но затѣмъ становится дѣйствительнымъ платежомъ, а также съ несеніемъ различныхъ службъ—opus, преим. въ видѣ обработки принадлежащей вотчиннику земли. Такова была precaria oblata—земля, которую прежній собственникъ отдалъ другому, болѣе сильному, выговоривъ себѣ право пользованія ею, причемъ самая собственность нерѣдко переходила лишь послѣ его смерти, такова и precaria data — полученіе земли въ пользованіе безземельнымъ крестьяниномъ [1]).

Такимъ образомъ, въ сущности переходъ отъ прежняго состоянія къ новому былъ вовсе не такъ рѣзокъ, какъ можно было бы предполагать. Замѣна прежняго общиннаго землевладѣнія или мелкой крестьянской собственности крупными помѣстьями не вызвала образованія латифундій и не создала безземельнаго населенія,—ибо единственный способъ пользованія рабочей силой въ разсматриваемую эпоху могъ лишь заключаться въ предоставленіи землевладѣльцемъ данному лицу участка земли въ пользованье взамѣнъ выполненія имъ извѣстныхъ службъ и платежей. Прежній крестьянинъ и теперь обрабатывалъ свой участокъ земли, попрежнему пользовался общинными угодьями—лѣсами, пастбищами, лугами, съ той лишь разницей, что прежде онъ являлся и собственникомъ участка вмѣстѣ съ другими (при общинномъ землевладѣніи) или самостоятельно, теперь же верховное право надъ участкомъ находилось въ рукахъ другого. Произошло, слѣдовательно, дѣленіе продукта, вырабатываемаго

---

[1]) Brunner. T. I. 2. Aufl. p. 289 и сл. 304 и сл. Seeliger. p. 17—27. Ср. Roth. Beneficialwesen.

земледѣльцемъ, на двѣ части, изъ коихъ одну—большую, онъ обязанъ былъ отдавать помѣщику. Это являлось прямымъ послѣдствіемъ происшедшей въ эту эпоху дифференціаціи населенія на классъ земледѣльческій и классъ военный. Земледѣлецъ не могъ уходить на войну, иначе — какъ это было въ эпоху Карла Вел. и позже—хозяйство его приходило въ упадокъ (см. выше) и онъ разорялся. Дѣйствительно, только свободные идутъ теперь на войну, несвободные же обязаны лишь ставить одного человѣка съ извѣстнаго числа манзъ (держаній) и снабжать его всѣмъ необходимымъ для похода. Только въ случаѣ нападенія врага они всѣ выступаютъ на защиту [1]). Военный же классъ составляютъ свободные—вотчинники, рыцари, но конечно содержать ихъ вынуждены земледѣльцы. Если въ эпоху Цезаря та часть свевовъ, которая ежегодно оставалась дома, обрабатывала землю не только для себя, но и для ушедшихъ на войну, то крестьяне слѣдующей эпохи, остававшіеся всегда дома, постоянно обрабатывали поля, которыя помѣщикъ сохранялъ за собой и постоянно вынуждены были проводившаго всю жизнь въ походахъ помѣщика снабжать—въ особенности во время пребыванія его въ данной вотчинѣ — необходимыми припасами и содержать его и его свиту („вождь, племенной старшина, а затѣмъ землевладѣлецъ объѣзжаютъ имѣнія и кормятся на счетъ зависимаго или подначальнаго населенія"). Отсюда и возникаетъ трехдневная барщина, съ одной стороны, оброкъ въ видѣ части продуктовъ крестьянскаго хозяйства, съ другой стороны.

Но въ тоже время такое превращеніе прежнихъ свободныхъ въ земледѣльцевъ по профессіи, лишая ихъ возможности защиты, лишая ихъ той силы, которую имѣлъ воинъ, необходимо отдавало во власть военнаго класса, превращало въ несвободный элементъ (Ср. Hartmann. III. 1. p. 10). „Nulle terre sans seigneur". Соціальныя условія ранняго средневѣковья, когда каждый вынужденъ былъ защищать самъ себя, не допускали существованія класса „мелкихъ, бѣдныхъ свободныхъ", т. е. людей безсильныхъ. Они знали лишь двѣ категоріи лицъ: крупныхъ вотчинниковъ, людей сильныхъ, и подвластное имъ несвободное крестьянское населеніе.

Поэтому то въ разсматриваемую эпоху, когда мелкій собственникъ искалъ у крупнаго защиты не только его земли отъ захвата, но и его личности, сложилось представленіе, что всякій, кто сидитъ на чужой землѣ, тѣмъ самымъ зависитъ отъ него не только имущественно, но и лично, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ личную свободу. Прекарій не превратился, такимъ образомъ, въ аренду въ современномъ смыслѣ слова, а въ пользованье землей, соединенное съ властью надъ личностью пользователя или держателя (tenens), и лишь съ большимъ трудомъ изъ этого выработалась впослѣдствіи свободная аренда, еще долго сохранившая слѣды зависимыхъ личныхъ отношеній. Одновременно съ концентраціей земли въ немногихъ рукахъ совершалось, слѣдовательно, шагъ за шагомъ постепенное пониженіе мелкихъ свободныхъ на уровень крѣпостныхъ.

Такое постепенное исчезновеніе главнаго и нормальнаго элемента—свободныхъ крестьянъ, пониженіе его, одновременно съ ухудшеніемъ хозяйственнаго положенія, въ соціальномъ отношеніи, рисуютъ намъ „Правды" англосаксовъ VII—XI ст. (излагаемъ по Виноградову). Въ наиболѣе раннихъ кентскихъ правахъ общество представляется весьма мало расчлененнымъ, такъ какъ состоитъ, помимо рабовъ и полусвободныхъ (летовъ), изъ двухъ сословій—ёрлей или кровной аристократіи, и кёрлей—массы крестьянскаго населенія, и въ случаѣ нарушенія правъ перваго плотится вдвое болѣе, чѣмъ второму. Въ законахъ Глотаря и Эдрика ёрль возвысился надъ свободнымъ—кёрлемъ, ибо онъ цѣнится не въ два, а въ три раза болѣе, а по законамъ Инэ (конца VII ст.) даже въ шесть разъ болѣе. Если однако еще и въ законахъ Альфреда (въ

[1]) См. Prou. Rév. hist. XLIV. Inama I. 391. Delbrück. Gesch. des Kriegswes. B. III. Einleit. Schröder. 153 и слѣд.

концѣ IX вѣка) сохраняется постепенный переходъ въ видѣ вергельда въ 200—600—1200 шилл., то, начиная съ законовъ Адельстана (перв. пол. X в.), принимаются въ разсчетъ только два крайнихъ вергельда, а въ вергельдахъ конца X и начала XI вѣка между кёрлемъ и теномъ—королевскимъ дружинникомъ лежитъ огромная пропасть (2000 и 266—200 шилл.), устанавливается полная несоизмѣримость между ними, основанная на различіи въ имущественномъ состояніи. Правда кёрль можетъ сдѣлаться знатнымъ, пріобрѣтя 5 гайдъ земли (онъ владѣетъ одной гайдой) и въ законахъ Этельреда онъ названъ liber pauper, но уже въ договорѣ между Альфредомъ и Гутрумомъ употреблены выраженія,которыя предполагаютъ, что большая часть кёрлей сидѣла не на свободной землѣ, а на оброчной.

Въ книгѣ Страшнаго Суда (Domesdaybook) конца XI вѣка (1086 г.) еще упомянуто до 8 тысячъ семействъ мелкаго свободнаго люда: они понимаются подъ двумя терминами: liberi и сокмены, однако разница между этимъ двумя категоріями совершенно стушевывается и мы постоянно находимъ упоминаніе о свободныхъ людяхъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать сокменовъ. Сокмены же представляютъ собой классъ людей, подпавшихъ подъ частную юрисдикцію, подлежащихъ суду помѣщика, и въ отношеніи ихъ мы замѣчаемъ стремленіе бароновъ воспользоваться своими правами по суду для того, чтобы расширить права по землѣ, вслѣдствіе чего совершенно свободные собственники—сокмены постепенно спускались въ положеніе арендаторовъ чужой земли. Даже королевскіе сокмены, имѣвшіе особенно значительныя гарантіи свободы, такъ какъ „остаются въ рукѣ короля“, подчиняются въ отношеніи юрисдикціи не частному лицу, а королю, сильно терпѣли отъ захвата ихъ земли баронами. Послѣ норманскаго завоеванія строгое различіе между сокой (судебная зависимость отъ помѣщика) и патронатомъ (имущественная зависимость по землѣ) стирается и сокмены приравниваются къ лицамъ, которыя посредствомъ патроната или коммендаціи стали подъ защиту крупныхъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, прежде свободные мелкіе землевладѣльцы постепенно превратились въ зависимыхъ по суду—сокменовъ, а тѣмъ самымъ и землю свою привели въ зависимость — стали вилланами. Въ законахъ Эдуарда Исповѣдника (XI ст.) сокмены поставлены уже на одну доску съ вилланами—несвободными крестьянами, и въ книгѣ Страшнаго Суда тѣ же лица въ однихъ мѣстахъ записываются сокменами и свободными, въ другихъ (на западѣ) отнесены въ разрядъ вилановъ и имѣются даже примѣры, что въ одномъ экземплярѣ переписи сокменами названы тѣ же люди, въ отношеніи которыхъ въ другомъ употреблено названіе виллана. Между тѣмъ такое смѣшеніе не могло не оказать рокового вліянія на дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Въ составъ класса вилановъ влилась значительная часть прежняго рабскаго населенія, которые (въ Domesday-book ихъ упомянуто 25 тыс.) частью фигурировали въ качествѣ слугъ и дворовыхъ, частью превратились въ полусвободныхъ землевладѣльцевъ; такое превращеніе рабовъ въ вилановъ придало всему классу вилановъ унизительный характеръ. Такимъ образомъ произошло постепенное сближеніе двухъ различныхъ категорій лицъ, находившихся прежде на противоположныхъ полюсахъ—свободныхъ и рабовъ, изъ которыхъ вслѣдствіе паденія однихъ и повышенія другихъ, создалось нѣчто среднее—зависимое отъ помѣщика населеніе. Изъ Domesday-book мы узнаемъ, что повинности мелкихъ свободныхъ увеличиваются, что они обязаны помѣщику барщиной, что самая личная независимость ихъ утрачивается. Съ другой стороны, въ XII ст. уже слово servus встрѣчается лишь въ видѣ исключенія, ибо старое сословное раздѣленіе уступило мѣсто новому распредѣленію по занятіямъ. Работникъ, которому порученъ уходъ за волами плуга—говорится въ черной книгѣ аббатства Питерборо 1125 г.—можетъ быть и вѣчно свободнымъ и рабомъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ нигдѣ не разъяснено, къ которому изъ этихъ состояній принадлежитъ человѣкъ. Очевидно это стало безразличнымъ — положеніе и въ томъ и другомъ случаѣ среднее, одинаковое.

Первоначально еще допускалось существованіе свободныхъ людей, сидящихъ на крѣпостныхъ участкахъ, не не теряющихъ вслѣдствіе этого своей свободы и не могущихъ быть лишенными крѣпостного держанія, если они исполняютъ лежащія на участкѣ повинности; позже помѣщикъ въ правѣ увеличить оброкъ для свободнаго человѣка, взявшаго крѣпостной участокъ, и даже лишить его вовсе участка, но все же личная свобода его сохраняется и онъ самъ всегда можетъ оставить землю, наконецъ и такого различія между крѣпостными и свободными, держащими крѣпостной участокъ, уже не признается: villani и tenentes in villenagio обозначаютъ одно и то же: „долгое пребываніе въ зависимости отъ того же владѣльца и на однихъ и тѣхъ же участкахъ и повинностяхъ сближало quasi—крѣпостныхъ до неразличимости“, давность лишала первыхъ ихъ личной свободы и вытекавшаго изъ нея важнаго права перехода. Они входятъ въ обширный классъ вилановъ—крѣпостныхъ. Послѣдніе первоначально еще пользовались извѣстной процессуальной защитой, остаткомъ отъ ихъ прежней личной свободы, пользовались даже правомъ иска по отношенію къ помѣщику, но позже государственные суды отступились отъ разбора отношеній между крестьянами и помѣщиками (excertio villenagii), что приводило крестьянское населеніе въ полную зависимость отъ помѣщиковъ, и англійскаго виллана стали приравнивать къ римскому рабу.

Такая же перемѣна совершилась и на континентѣ, во франкской монархіи. И здѣсь съ одной стороны рабъ поднялся до положенія держателя гуфы, несвободнаго крестьянина (иногда на основаніи лишь фактической свободы отъ рабскаго состоянія въ теченіе извѣстнаго времени), обязаннаго помѣщику лишь извѣстнымъ, нерѣдко вполнѣ опредѣленнымъ количествомъ оброковъ и повинностей, взглядъ на несвободнаго какъ на вещь исчезалъ [1]). А съ другой стороны, число свободныхъ землевладѣльцевъ сокращалось все болѣе и болѣе, они становились зависимыми отъ помѣщика держателями, обязанными ему также извѣстными, хотя и меньшими по числу [2]), повинностями. Если въ Англіи первый шагъ къ несвободѣ состоялъ въ томъ, что прежніе несвободные стали подлежать юрисдикціи помѣщика (сокмены), то и здѣсь сліяніе обоихъ слоевъ населенія основывается на сходствѣ въ отношеніи юрисдикціи какъ уголовной, такъ и гражданской и „развитіе вотчинной юрисдикціи привело къ пониженію положенія свободныхъ крестьянъ до уровня крѣпостныхъ и къ возвышенію рабовъ на степень крѣпостныхъ“ [3]). Въ связи съ этимъ капитуларій 829 г. лишаетъ основного права свободнаго человѣка того времени — права быть свидѣтелемъ тѣхъ свободныхъ, которые, сидя на помѣщичьей землѣ, не имѣютъ при этомъ никакой собственной земли, лишь при наличности у нихъ послѣдней они могутъ свидѣтельствовать на судѣ.

De liberis hominibus, qui proprium non habent sed in terra dominica resident ut propter res alterius ad testimonium non recipiantur. Illi vero qui et proprium habent et tamen in terra dominica resident, propter hoc non abiciantur quod in terra dominica resident, sed propter hoc ad testimonium recipiantur, quia proprium habent (Boretius II p. 19).

Такія измѣненія въ личномъ положеніи влекли за собой исчезновеніе и экономическихъ различій между мелкими свободными и рабами: разница между повинностями тѣхъ и другихъ была лишь количественная и повинности эти, въ видахъ упрощенія ихъ взиманія, дѣлались все болѣе однородными, независимо отъ того, кто имъ подлежалъ [4]). Вскорѣ повинности эти и въ отношеніи размѣра стали опредѣляться исключительно характеромъ земли, на которой сидѣло дан-

---

[1]) Inama. I. 374.
[2]) Seeliger p. 59 и сл.
[3]) Lamprecht. I p. 1152. Brants. 21—26. Пискорскій. 26—27.
[4]) Lamprecht. I. 1148 и сл.

ное лицо—были mansi (huba) serviles, mansi lidiles и mansi ingenuiles, — независимо, отъ состоянія его. Неудивительно, что бѣдные свободные и прежніе рабы смѣшиваются: francos pauperiores aut alienos servos — говорится въ капитуляріи 858 года; относительно свободнаго читаемъ: sicut alii servi; въ другомъ случаѣ: dono meos duos servos, unus est liber et alter est servus [1]). Въ X вѣкѣ свободные (franci) разсматриваются какъ принадлежность вотчины, вмѣстѣ съ которой они отчуждаются — dono monachis Cluniensibus in cautione homines meos francos in villa Vetus Curt et aliam terram (990 г.), curtem nostram cum omnibus suis apendiciis, campis, vineis.... servos et ancillas cum uxoribus eorum et infantibus francorum, eciam servicia quod mihi et filio meo et ad ipsam potestatem ad praesens reddere videntur (984): свободные обязаны новому помѣщику тѣми же повинностями, которые существовали при прежнемъ и его сынѣ. Мы находимъ—какъ и въ Англіи — цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ ступеней перехода отъ свободы къ несвободѣ,—но каково бы ни было личное состояніе, послѣднее обнаруживаетъ лишь ихъ происхожденіе, но не дѣйствительное положеніе, ибо прежніе рабы, поселенные на землѣ (servi casati), полусвободные (liti, fiscalini, coloni), частью сидящіе на королевскихъ земляхъ, свободные держатели крѣпостныхъ земель (liberi, franci, ingenui) всѣ они подчинены однороднымъ повинностямъ и службамъ. Если Каролинги, передавая монастырямъ землю съ поселенными на ней крестьянами выговаривали однако личную свободу послѣднимъ [2]), то они этимъ самымъ дѣлали первый шагъ на пути къ тому движенію, которое можетъ считаться законченнымъ въ XI вѣкѣ (Trado illas terras cum peccoribus et equis et servis et ancillis), когда путемъ постепеннаго присоединенія къ земельной зависимости и зависимости личной, путемъ сближенія отдѣльныхъ слоевъ несвободнаго населенія между собой и заимствованія различныхъ чертъ другъ у друга, путемъ поглощенія однихъ категорій другими образовался характерный для средневѣковья и весьма важный въ соціальномъ отношеніи классъ несвободнаго лично и прикрѣпленнаго къ принадлежащей крупному вотчиннику землѣ крестьянскаго населенія.

Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ въ VI вѣкѣ, въ особенности въ Эльзасѣ, Лотарингіи и др. мѣстностяхъ по Рейну, имѣлось еще много свободныхъ, въ области Мозеля впрочемъ уже въ этомъ вѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ слѣдующемъ, значительно меньше,—нѣсколько столѣтій спустя, тѣ немногіе, которые сохранились, считали уже нужнымъ особо подчеркивать свое свободное состояніе и понятіе свободнаго стало синонимомъ аристократа (liber-nobilis).

Изложенная нами выше господствующая теорія, которая составляетъ логическое продолженіе теоріи общиннаго землевладѣнія и раздѣляется всѣми сторонниками послѣдней, усматриваетъ, слѣдовательно, въ аграрной исторіи крупный переворотъ—замѣну мелкаго самостоятельнаго землевладѣнія крупнымъ вотчиннымъ, а свободныхъ земледѣльцевъ—крѣпостными; тогда какъ позже, начиная съ XIII ст., эта эпоха постепеннаго закрѣпощенія снова смѣняется періодомъ совершающагося мало по малу личнаго освобожденія крестьянскаго населенія. Но рядомъ съ этой теоріей въ послѣднее время выдвинуты двѣ другія, отрицающія существованіе такихъ трехъ различныхъ періодовъ аграрной исторіи. Одна изъ нихъ, непосредственно примыкающая къ ученію Фюстель-де-Куланжа и др. о существованіи индивидуальной собственности уже у древнихъ германцевъ, утверждаетъ, что уже въ наиболѣе раннюю эпоху существовало основанное на крѣпостномъ трудѣ вотчинное землевладѣніе, отрицаетъ, слѣд., наличность переворота въ видѣ постепеннаго закрѣпощенія первоначально свободныхъ земледѣльцевъ. Съ этой точки зрѣнія крупнаго переворота не произошло, мелкія помѣстья лишь замѣнились крупными и вся аграрная исторія обнаруживаетъ одинъ лишь постепенный

[1]) Gutmann. 138. 147.
[2]) Waitz. IV. 282.
[3]) Ibid. 386.
[4]) Hanauer. 117. Waitz. V. 379. Lamprecht. Deut. Wirtsch. I. 1152 1164—5.

прогрессъ (въ раннее средневѣковье—замѣна рабства крѣпостничествомъ позже постепенное раскрѣпощеніе крестьянъ, эпоха ухудшенія отсутствуетъ). На такой точкѣ зрѣнія стояли уже отчасти французскіе историки—въ особ. послѣдователи Фюстель-де-Куланжа, усматривавшіе въ землевладѣльцахъ, которые, по ихъ ученію существовали уже въ древнѣйшія времена, въ значительной мѣрѣ не крестьянъ, обрабатывавшихъ землю, а вотчинниковъ, на которыхъ работали крѣпостные, хотя они (Сэ, Бонмеръ, Букомонъ, Сеньобосъ и др.)признавали, что впослѣдствіи, съ образованіемъ крупныхъ помѣстьевъ, крѣпостное населеніе значительно возросло, вслѣдствіе превращенія многихъ прежде свободныхъ земледѣльцевъ въ несвободныхъ держателей. Въ рѣзкой формѣ эта теорія была выставлена лишь въ послѣднее время въ Германіи послѣ того какъ Гекъ въ своемъ изслѣдованіи о соціальномъ строѣ фризовъ пришелъ къ тому выводу, что nobiles вовсе не составляютъ дворянскихъ родовъ, высшаго сословія, а представляютъ собою свободныхъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Въ то время однако, какъ Гекъ придерживается по прежнему госводствующей теоріи о преобладаніи мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (такой характеръ имѣютъ всѣ земли nobiles), Виттихъ утверждаетъ, что разъ nobiles представляютъ собой массу населенія, то очевидно—ибо вѣдь и господствующая теорія (которая усматриваетъ въ нихъ однако меньшинство, стоящее на высшей соціальной ступени) признаетъ ихъ землевладѣльцами, земля которыхъ обрабатывается крѣпостными,—эта масса свободнаго населенія и состояла изъ помѣщиковъ, а не крестьянъ собственниковъ. Liberi же, которыхъ прежде считали преобладающимъ классомъ, свободными крестьянами, должны соотвѣтственно понизиться также на одну ступень, превращаясь въ еще болѣе обширный классъ полусвободныхъ, зависимыхъ отъ nobiles—вотчинниковъ. Обратившись къ саксонскимъ источникамъ, Виттихъ дѣйствительно нашелъ, что саксонскіе liberi или Frilinge, не имѣли собственной земли, а сидѣли на землѣ мелкихъ землевладѣльцевъ—nobiles. Особаго слоя либертовъ (вольноотпущенниковъ) въ саксонскихъ источникахъ не упоминается, повидимому liberi и были этими вольноотпущенниками, неполноправными держателями, вышедшими изъ несвободныхъ. Если они такимъ образомъ поднялись до состоянія личной свободы, то впослѣдствіи, въ X вѣкѣ они снова были превращены въ крѣпостныхъ держателей, въ качествѣ каковыхъ мы ихъ находимъ въ началѣ XI вѣка. Однако такое предположеніе Виттиха ничѣмъ не подтверждается. Наоборотъ въ IX—X вѣкѣ мы наблюдаемъ, какъ liberi изъ свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ мало помалу превращаются въ несвободныхъ держателей. Виттихъ и самъ указываетъ на тотъ фактъ, что liber homo имѣлъ землю и что на эту землю сохранили еще извѣстныя права его сородичи, т. е. она постепенно изъ общинной (семейно-родовой) собственности превращалась въ частную. Какъ и земля nobilis и его (liber) земля называлась hereditas, т. е. перешла къ нему по наслѣдству, и тѣ и другіе могли отчуждать землю лишь въ пользу короля или церкви и только въ случаѣ нужды продавать ее другимъ лицамъ, да и то преимущественное право купли имѣлъ ближайшій (наслѣдникъ. Лишь послѣ него liber обязанъ былъ предложить землю тому nobilis, подъ покровительствомъ котораго онъ находился. Изъ этихъ указаній можно усмотрѣть, что рѣчь идетъ о мелкихъ свободныхъ землевладѣльцахъ, которые еще имѣли собственную землю и принадлежали къ родовому союзу, они сдѣлали лишь первый шагъ въ смыслѣ сокращенія своей свободы и полноправія, поступили подъ покровительство болѣе сильнаго, въ особенности церкви—liberi super terram ecclesiae manentes. Далѣе Виттихъ указываетъ и на то, что подъ вліяніемъ вновь установленной десятины и постоянныхъ походовъ хозяйство liberi разстраивалось и соглашается съ господствующимъ мнѣніемъ, что эпоха Каролинговъ была весьма невыгодна для крестьянскаго населенія и наоборотъ благопріятствовала nobil' ямъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ XI вѣкѣ съ образованіемъ крупныхъ вотчинъ (виллъ) liberi превращаются въ крѣпостныхъ, что они сливаются съ вышедшими изъ покореннаго несвободнаго населенія лицами. Послѣдніе дѣйствительно вышли изъ состоянія полной несвободы и хотя въ IX вѣкѣ уже не были рабами, а постепенно поднялись на ступень крѣпостнаго держателя, но все же и впослѣдствіи приравнивались, иногда еще въ IX ст. къ рабамъ (mancipia, servi), въ случаѣ брака нуждались въ согласіи сеньора и т. д. Виттихъ соглашается съ Вайцомъ и Даномъ, что литы вышли изъ покореннаго саксами тюрингенскаго населенія. Такимъ образомъ въ лицѣ литовъ мы имѣемъ именно тотъ слой населенія, который постепенно поднимается снизу вверхъ, полная противоположность liberi, свободнымъ, которые, какъ это было повсюду, напротивъ, мало по малу потеряли свою самостоятельность, свою землю и свободу,—и именно поте-

ряли, а не вновь вернулись въ прежнее состояніе, какъ утверждаетъ Виттихъ,—уже само по себѣ такое возвращеніе обратно является объясненіемъ крайне искусственнымъ.

Въ другомъ своемъ изслѣдованіи, обширной статьѣ, напечатанной въ Zeitschr. der Savigny—Stiftung für Rechtsgeschichte (вызвавшей энергичныя возраженія со стороны Бруннера, Шредера, Виноградова и самого Гека, изъ положеній котораго исходитъ Виттихъ), Виттихъ распространилъ свою теорію и на другія мѣстности Германіи, найдя повсюду уже въ древнѣйшія времена два класса—свободныхъ землевладѣльцевъ и сидящихъ на ихъ землѣ многочисленныхъ крѣпостныхъ (а не классъ свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ—крестьянъ). Эту точку зрѣнія въ отношеніи Баваріи развиваетъ Гутманъ въ своей книгѣ о соціальномъ строѣ у баварцевъ въ эпоху „Правдъ“ (до X ст. включ.). Однако изъ приведенныхъ послѣднимъ данныхъ мы можемъ усмотрѣть, что и здѣсь происходитъ превращеніе свободныхъ землевладѣльцевъ въ крѣпостныхъ держателей подъ вліяніемъ совершенія ими различныхъ преступленій, невозможности уплатить виру (l. Baiuv., l. 10) и т. д. Хотя Баварская Правда и старается обезпечить свободу такимъ liber, какъ бы бѣдны они ни были, но они вынуждены поступать подъ защиту церкви, передавая ей землю, которую они получаютъ обратно въ пользованье за уплату чинша и производство различныхъ работъ (такихъ случаевъ комендаціи среди приводимыхъ Гутманомъ на стр. 209 и сл. 700 грамотъ насчитывается болѣе 120), лишаясь при этомъ и личной свободы: se ipsum tradidit in servitium S. Mariae—самъ теряетъ свободу, filii mei subiecti sunt servitio S. Mariae—дѣти становятся несвободными, самъ еще сохраняетъ свободу.

Постепенный переходъ ихъ въ крѣпостное состояніе совершается чрезъ посредство полусвободной ступени colonus ecclesiae, гдѣ отбываются еще libera servitia (съ mansi ingenuiles) и проводится различіе между tributalis или liber и servus; таковы въ частности баварскіе barscalci, которые—какъ говоритъ Рупрехтъ Фрейзингскій — отказались отъ своей свободы, сохранивъ, какъ сообщается въ одной грамотѣ 1165 г., лишь aliquantula libertas. Гутманъ, правда, противъ всего этого возражаетъ, что передача въ даръ монастырю земли и полученіе ея обратно путемъ комендаціи могло совершаться съ сохраненіемъ личной свободы и характера вотчинника, и не признаетъ возможнымъ, чтобы правящій классъ могъ допустить подобное превращеніе свободныхъ землевладѣльцевъ въ несвободныхъ. Но если второе предположеніе совершенно произвольно, то первое безусловно неправильно и противорѣчитъ фактамъ имъ же самимъ приводимымъ. Единственнымъ существеннымъ обстоятельствомъ, на которое онъ обращаетъ вниманіе, является многочисленность случаевъ передачи земли вмѣстѣ съ поселенными на нихъ несвободными колонами, бросающаяся въ глаза въ баварскихъ источникахъ и свидѣтельствующая о томъ, что повидимому уже въ VIII—IX ст. при господствѣ еще мелкаго крестьянскаго землевладѣнія имѣлось въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ полагали, и помѣстное хозяйство, основное на крѣпостномъ трудѣ (хотя предположеніе Гутмана о томъ что число несвободныхъ было больше числа свободныхъ совершенно произвольно). Однако Фастлингеръ[1]) въ своей чрезвычайно любопытной книгѣ о баварскихъ монастыряхъ въ эпоху Агилулфинговъ, путемъ сопоставленія именъ дарителей, свидѣтелей и т. д., весьма правдоподобно объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что всѣ эти даренія исходятъ исключительно отъ немногихъ родовъ (genealogiae) баварской аристократіи, и насколько глубокомысленны его предположенія, настолько слабы возраженія Гутмана.

И другая теорія не усматриваетъ въ періодъ VIII—XI ст. крупнаго переворота, однако не потому, что уже ранѣе существовало крѣпостное помѣстье, а по совершенно противоположной причинѣ, именно вслѣдствіе того, что и впослѣдствіи сохранились свободные крестьяне, которые не были окончательно закрѣпощены, такъ что въ позднее средневѣковье не начинается вовсе новый періодъ раскрѣпощенія.

Каро, высказывающійся въ этомъ смыслѣ, указывая на то, что въ эпоху Карла Вел. не исчезло все свободное населеніе, въ то же время признаетъ, однако, что въ VIII и слѣд. ст. помѣстная система расширяется, въ особенности вслѣдствіе роста церковныхъ владѣній, что соціальная пропасть между богатыми и бѣдными, большими и малыми усиливается, что

---

[1]) Fastlinger. Die wirtschaftliche Bedeutung der bayerischen Klöster in der Zeit der Agilulfinger. Freiburg. 1903.

положеніе существовавшихъ уже ранѣе мелкихъ землевладѣльцевъ ухудшается, ибо - какъ видно изъ документовъ о передачѣ церкви небольшихъ земель—владѣльцы таковыхъ лишь въ видѣ исключенія обладали манципіями (противоположность взгляду Гутмана).

Такимъ образомъ, мелкіе землевладѣльцы лишаются необходимой рабочей силы (ибо сокращается число servi domestici), у крупныхъ же возрастаетъ рабочая сила (ибо они сажаютъ новыхъ servi casati) и положеніе мелкихъ свободныхъ сближается постепенно съ положеніемъ поселенныхъ въ крупныхъ помѣстьяхъ несвободныхъ. Образуется новый общественный строй, распадающійся на двѣ крупныя части—на работающій крестьянскій классъ, независимо отъ того, свободенъ ли послѣдній или нѣтъ, и на дворянское сословіе, помѣщиковъ—рыцарей. Такимъ образомъ, въ результатѣ Каро приходитъ къ тѣмъ же выводамъ—на основаніи своихъ изслѣдованій по исторіи землевладѣнія въ Швейцаріи—что и господствующая теорія, и лишь сильнѣе подчеркиваетъ то обстоятельство, что и впослѣдствіи, когда господствующей стала помѣстная крѣпостная система, рядомъ съ ней сохранились надолго еще остатки свободнаго землевладѣнія. Этого никто не отрицалъ, конечно, хотя разсматривались такого рода факты какъ явленія совершенно исключительнаго свойства. Каро же придаетъ имъ значительно большее значеніе по той причинѣ, что его выводы основаны на изученіи швейцарскихъ источниковъ, гдѣ свободное крестьянство сохранилось въ большемъ количествѣ и значительно дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Гораздо дальше въ этомъ направленіи идетъ Зелигеръ, утверждая что не только рядомъ съ вотчинами и внѣ ихъ—на что обращаетъ вниманіе Каро и что и господствующая теорія (хотя и въ меньшей степени) допускаетъ—но и въ предѣлахъ самыхъ помѣстій, въ иммунитетахъ жили не только несвободные, но и свободные держатели. Однако изъ приводимыхъ имъ же данныхъ можно усмотрѣть, что въ многочисленныхъ памятникахъ X, XI и XII ст. упоминаются одни лишь несвободные, и онъ самъ признаетъ, что свободный элементъ сильно уменьшился, частью вслѣдствіе добровольнаго превращенія различныхъ слоевъ населенія въ несвободныхъ (нѣкоторые изъ нихъ были еще въ IX ст. свободны), частью по той причинѣ, что помѣстные владѣльцы отводили надѣльныя лемли преимущественно и даже исключительно несвободнымъ. Мало того, поскольку Зелигеръ находитъ въ эту эпоху свободныхъ крестьянъ, они являются свободными лишь по имени, ибо не только обязаны уплачивать чиншъ, но и находятся подъ чужой „tutela“, не могутъ самостоятельно искать и отвѣчать на судѣ („servi“ и „liberi“ находятся въ одинаковомъ положеніи) и подлежатъ юрисдикціи помѣщика, которая тѣсно связана съ сидѣньемъ на землѣ [1]) (если это и не являлось необходимостью, то фактически вотчинники всегда старались пріобрѣсти юрисдикцію въ предѣлахъ своихъ земель); лица, живущія на землѣ помѣщика, даже прямо объявляются его крѣпостными [2]).

ГЛАВА V.

Сельское хозяйство и помѣстная организація IX—XI ст.

Помѣстье IX—XI ст. (villa, manor) [3]) распадается на двѣ части—на барскую часть, обрабатываемую за счетъ сеньора (terra salica или mansus dominicus, mansus indominicatus), въ центрѣ которой находится барская усадьба (curtis sala, curtis salica), обыкновенно замокъ, окруженный стѣной и рвомъ, и крестьянскую часть, село въ количествѣ 15—20 (по Лампрехту) дворовъ съ принадлежащей къ нимъ землей, т. е. крестьянскихъ хозяйствъ или мансъ

[1]) Ut nullus iudex publicus ullam super *ingenuos* homines, qui teneant atque possideant terram praescripti monasterii, exerceat potestatem.

[2]) Ut quisque ad locum vel ad terram ipsi pertinentem causa habitandi se contraxerit, *cuiuscunque nationis vel conditionis sit*, de proprietate ipsius sit (Привил. Лотара 1136 г.).

[3]) Въ основныхъ чертахъ замѣчается значительное сходство съ древнеримской виллой-помѣстьемъ.

(mansa, meix, mois, mas) [1]). „Почти нѣтъ случаевъ, чтобы барская земля захватывала весь мэноръ“ (Виноградовъ), наоборотъ въ эпоху Каролинговъ и Оттоновъ она представляла собою не болѣе одной гуфы, къ которой впослѣдствіи присоединились и сдѣланные вотчинникомъ заимки въ общинныхъ угодьяхъ (Bifang). Размѣры крестьянскихъ мансъ, изъ которыхъ состояла повидимому большая часть помѣстья, были весьма разнообразны, однако же въ одномъ и томъ же помѣстьи мансъ составлялъ (какъ полагаетъ Сэ) нѣчто опредѣленное, хотя и не въ смыслѣ занимаемаго имъ пространства, а въ видѣ количества добываемыхъ продуктовъ, какъ и вообще самое понятіе надѣла (какъ и гайда, виргата, бовата) обозначаетъ не площадь извѣстной величины, а искусственную единицу, доставлявшую опредѣленное количество хлѣба и уплачивавшую извѣстныя подати и повинности. Рядомъ съ mansus существовали, впрочемъ, и другія единицы хозяйства, частью самостоятельныя совершенно мелкія хозяйства какъ, напр., bordaria (половина манса), condamina (еще меньше), casale (отъ послѣдняго англ. коттеджъ, нѣмецкое Kossät), частью дополнительныя къ мансу для спеціальныхъ культуръ, которыя, въ виду обязательнаго сѣвооборота на надѣльныхъ земляхъ, могли быть разводимы лишь на свободныхъ частяхъ марки; таковъ, напр., curtilus (также cabannaria, appendaria), составлявшій дополнительное къ мансу (только владѣлецъ манса могъ заимки дѣлать) виноградарское хозяйство и возросшій впослѣдствіи въ цѣнности (вслѣдствіе независимости культуры отъ сѣвооборота) по сравненію съ мансомъ (иногда имѣетъ цѣнность трехъ мансъ).

За пользованіе отведеннымъ ему надѣломъ (землей, лѣсомъ, пастбищами) крестьянинъ (крѣпостной) обязанъ былъ отбывать въ пользу помѣщика барщин (corvée, Frondienst) различныя конныя и пѣшія службы (первыя при помощи скота, упряжныя работы, вторыя—ручныя), которыя составляли обыкновенно три дня въ недѣлю, т. е. половину всего рабочаго времени. Среди нихъ главное значеніе имѣли земледѣльческія работы по воздѣлыванію барской земли (т. е. той части помѣстья, которая обрабатывалась за счетъ феодала), посѣвъ, расу пашка земли, жатва, молотьба и т. д., почему слово барщина являлось синонимомъ „поля“ („барщины находящіяся за замкомъ,—Сеньобосъ“). Къ этому присоединялись и другія службы—перевозка помѣщичьяго хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, пастьба барскаго скота и доставленіе его на рынокъ, стрижка овецъ, передача извѣстій и др. Кромѣ барщины крѣпостной доставлялъ оброкъ, (coutume, cencive, Zins), т. е. отдавалъ сеньору часть продукта, произведеннаго на крестьянскомъ надѣлѣ, преимущественно въ натурѣ, въ видѣ хлѣба, скота, живности, шерсти, отчасти и въ формѣ изготовленныхъ крѣпостными издѣлій (холста). Наконецъ уплачивалась десятина, тотъ же оброкъ въ пользу церкви, отбывались различнаго рода (весьма многочисленныя) повинности въ случаѣ смерти крестьянина, вступленія въ бракъ и т. п, Вотчинникъ извлекалъ доходъ также изъ баналитетовъ: мельница изъ общинной превращается въ помѣщичью и держателямъ надѣловъ запрещается имѣть свои мельницы или молоть хлѣбъ гдѣ либо внѣ сеньоріальной мельницы (монополія сеньора или баналитетъ распространяется на районъ, который можетъ пробѣжать оселъ, нагруженный мукой, до мельницы и обратно). Такими же баналитетами являются нерѣдко право печенія хлѣба, варенья пива, выдѣлыванія вина, иногда и кузница становится изъ общиной собственности сеньоріальной. Всѣ эти баналитеты даются на откупъ опредѣленнымъ лицамъ и скоро превращаются въ наслѣдственные фоеды.

Не только въ началѣ IX вѣка лѣсъ нерѣдко составлялъ (какъ въ помѣстьяхъ аббатства Saint-Germain des-Près) $^{9}/_{10}$ всей площади земель, но еще и

---

1) Certe vox mansus gallis familiaris fuit, quam in Meix Burgundiones, Mois Normanni, Averni et Provinciales in Mas efferebant.

впослѣдствіи, въ XI вѣкѣ вся сѣверная Франція (Арденскій лѣсъ), Иль де Франсъ (королевскіе лѣса), обширныя области Германіи (Франконскій лѣсъ, Тюрингенскій лѣсъ, Спессартъ, Гарцъ и др.) были покрыты дремучими лѣсами, огромными пустынями, прерывавшими селенія на большомъ разстояніи и изобиловавшими медвѣдями и волками, лѣсными свиньями и дикими кошками. Охота (и рыболовство—и то и другое было тѣсно связано: охота въ рѣкахъ) была широко распространеннымъ занятіемъ и принципъ коллективной собственности на лѣса еще господствовалъ, хотя вотчинники уже смотрѣли на нихъ какъ на свою частную собственность, пользованіе которой, съ извѣстными ограниченіями, они предоставляютъ крестьянамъ, въ особенности для добыванія необходимаго топлива, строеваго лѣса и пастьбы скота. Лѣсъ опредѣлялся количествомъ пасущихся въ немъ свиней, стада которыхъ достигали 200 и болѣе головъ; сильно развито было, благодаря обширному пространству лѣсовъ и овцеводство (монастырь Фульда имѣлъ, напр., свыше 5 тыс. овецъ), лошадьми же пользовались и въ эту эпоху лишь для верховой ѣзды, особ. на войнѣ, на югѣ съ ними конкурировали мулы. Расчистка лѣсовъ, выкорчевываніе ихъ являлось при такихъ условіяхъ дѣломъ чрезвычайно важнымъ и монастыри въ особенности не только сами много занимались этимъ, но и побуждали другихъ, справедливо называя обработку пустошей богоугоднымъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе постоянные вражескіе набѣги, сопровождавшіеся опустошеніемъ хозяйствъ, тормозили эту работу и приводили вновь къ запустѣнію воздѣланныхъ мѣстностей; лишь въ концѣ XI ст. (въ 1095) Клермонскій соборъ, установивъ Божій миръ для всего хозяйственнаго скота (быковъ, коровъ,ословъ, лошадей, овецъ—omnibus diebus sint in pace), запретилъ истребленіе его во время военныхъ дѣйствій, вступилъ слѣд. въ борьбу съ опустошеніемъ крестьянскихъ земель, страдавшихъ за вину воинственныхъ бароновъ.

Лѣса, воды, пастбища находились въ общемъ пользованіи крестьянъ, (каждое лицо, владѣвшее дворомъ, тѣмъ самымъ имѣло право на пользованье угодьями), пахотныя земли наоборотъ въ индивидуальномъ пользованіи каждаго; однако остатки прежней общинной собственности сохранились и здѣсь еще надолго въ видѣ черезполостности земель и принудительнаго сѣвооборота (т. е. порядка засѣванья поля различными растеніями), который опредѣлялся маркой и которому обязаны были подчиняться не только всѣ крестьяне—держатели, но и самъ феодалъ. Хотя послѣдній въ лицѣ своего приказчика и пользовался большимъ вліяніемъ на самое регулированье сѣвооборота, но такъ какъ и доменіальныя земли были чрезполосно разбросаны среди крестьянскихъ участковъ, то и онъ не въ состояніи былъ вести отличный отъ прочихъ сѣвооборотъ: послѣ снятія жатвы все поле (надѣльное и барское) превращалось въ общинное пастбище и если на чьемъ либо надѣлѣ или на барской землѣ находились бы въ это время посѣвы, они были бы уничтожены. Поэтому то и помѣщикъ не въ состояніи былъ вести на своей доменіальной землѣ болѣе совершеннаго хозяйства, чѣмъ то, которое практиковалось на крестьянскихъ участкахъ, и вся разница состояла лишь въ томъ, что луговое хозяйство, вслѣдствіе превращенія лѣсовъ и пустошей въ покосы, было болѣе (или вѣрнѣе: вообще только) распространено на барской землѣ. Вообще—какъ указываетъ Мейценъ—сравнивая эпоху Карла Вел. съ эпохой Хлодвига, мы не находимъ какихъ-либо ранѣе неизвѣстныхъ или вновь разводимыхъ полевыхъ культуръ, не находимъ и какихъ-либо новыхъ или улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій. Садовыя растенія и цвѣты, которыя Карлъ Вел. рекомендуетъ разводить (въ Capitulare de villis), хотя и распространились впослѣдствіи въ садахъ, въ особенности монастырскихъ, благодаря старанію монаховъ, но хозяйственнаго значенія не имѣли. И въ отношеніи сѣвооборота мы едва ли найдемъ перемѣны. Трехпольное хозяйство упоминается правда уже въ 771 году (въ Швейцаріи), но такъ какъ указанія на существованіе этой системы хозяйства попадаются лишь въ видѣ исключенія,

то трудно предположить, чтобы она была значительно распространена ранѣе X—XI ст. (въ Capitulare de villis о ней совершенно не упоминается). Однако и въ XI ст. раціональная, даже съ точки зрѣнія людей того времени, обработка земли встрѣчается рѣдко, лучше всего повидимому воздѣлывались церковныя владѣнія и единственный случай похвалы (въ Германіи, во Франціи вовсе нѣтъ) относится къ аббату [1]). Сельскохозяйственный инвентарь имѣлъ даже на виллахъ Карла Вел. чрезвычайно печальный видъ, ибо на цѣлыя помѣстья приходилось всего по одной лошади, повозки—какъ прямо указывается въ Capitulare de villis—имѣлись лишь для военныхъ цѣлей, плуги и бороны вовсе не упоминаются; пользовались одними лопатами и кирками, причемъ въ цѣломъ имѣньи имѣлось лишь десятка три серповъ и семь мотыкъ и никакихъ болѣе инструментовъ. Еще въ XI вѣкѣ рядомъ съ крестьянами, обрабатывающими земли при помощи воловъ или лошадей, упоминаются люди, разрывающіе ее руками [2]).

Едва ли поэтому можно согласиться съ Инама—Стернеггомъ въ томъ, что крупныя помѣстья сыграли весьма важную историческую роль,—основное положеніе, которое онъ проводитъ въ своей экономической исторіи Германіи (въ средніе вѣка) [3]). Имѣя въ виду незначительные успѣхи въ области сельскохозяйственной культуры, сдѣланные въ разсматриваемую эпоху (какъ указано выше), трудно признать правильнымъ, что „крупные вотчинники не только сумѣли дать болѣе богатое содержаніе своей собственной жизни, но и открыть національному производству новые болѣе широкіе пути, поставивъ наравнѣ съ землей, являвшейся до того времени наиболѣе важнымъ факторомъ производства, національный трудъ въ качествѣ не менѣе важнаго и плодотворнаго фактора. На утвержденіе Инама — Стернегга, что въ помѣстьяхъ всякій трудъ находилъ себѣ надлежащее примѣненіе и благодаря правильной организаціи, каждая рабочая сила могла быть вполнѣ использована (I. 381), Лампрехтъ вполнѣ правильно возражаетъ, что спеціализація повинностей и платежей, въ особенности свобода выбора формы оброка крѣпостными, встрѣчается лишь въ видѣ исключенія и что уже самый фактъ разбросанности частнаго землевладѣнія (Streubesitz) дѣлалъ невозможнымъ надлежащую организацію вотчиннаго хозяйства: въ одной и той же мѣстности имѣлись нерѣдко владѣнія цѣлой дюжины вотчинниковъ, и по одному лишь Мозелю можно было насчитать 78 различныхъ владѣній. Эта разбросанность являлась результатомъ постепеннаго захвата или пріобрѣтенія земель духовной и свѣтской аристократіи (хотя послѣдняя и старалась всячески округлять свои владѣнія),—въ противоположность имперскимъ помѣстьямъ (доменамъ фиска) которыя, состоя преимущественно изъ отнятыхъ у покоренныхъ народовъ земель или не принадлежавшихъ ранѣе никому пустошей, представляли собою съ самаго начала сплошныя территоріи въ 1—2 и даже 5—6 кв. миль. Въ связи съ этимъ на доменахъ фиска имѣлось и централизованное управленіе, во главѣ котораго стоялъ iudex съ подчиненными ему maiores и iuniores (на отдѣльныхъ виллахъ), тогда какъ во владѣніяхъ аристократіи мы съ самаго начала находимъ только завѣдующихъ от-

---

[1]) Culturas agrorum bene et opportune disposuit (Gest. abb. Gembl).

[2]) Pauperiores vero qui manibus laborant vel cum fossoribus (Cart. Jonne, Cart. Mâcon).

[3]) „То, чего не могла достигнуть свободная община—говоритъ Инама Стернеггъ,—именно крѣпкой сплоченности членовъ въ области поддержанія соціальнаго порядка и экономической самостоятельности, было достигнуто помѣстной системой. Она стала соціальной организаціей, въ которой свобода индивида по необходимости отступала предъ болѣе высокой цѣлью, стала крѣпкимъ тѣломъ, на функціи котораго могло положиться и государство въ своей заботѣ о культурныхъ интересахъ“ (I. 332). Въ противоположность этому, Сеньобосъ даетъ такую характеристику: сеньоръ не управляетъ крестьянами, а эксплоатируетъ ихъ (p. 201).

дѣльными—нерѣдко находящимися на значительномъ пространствѣ друга отъ друга—помѣстьями, виллами или менорами приказчиковъ (meiere, villici, bailiffi, sculteti или scultes, впослѣдствіи schultheiss или Meier, maire), которые завѣдуютъ обработкой домеціальной земли (при помощи барщины крѣпостныхъ) и доставляютъ помѣщику приносимые крестьянами (съ надѣловъ) оброки, платежи и повинности.

Лампрехтъ упрекаетъ другихъ изслѣдователей въ томъ, что они разсматриваютъ Capitulare de villis Карла Вел., въ которомъ устанавливаются правила управленія фискальными имѣніями, въ качествѣ magna charta крупнаго землевладѣнія вообще; въ этомъ представляется однако тѣмъ менѣе надобности (а между тѣмъ Гольцъ это дѣлаетъ и до сихъ поръ), по той причинѣ, что не только для X—XI ст. имѣется цѣлый рядъ урбарій и „polyptique" различныхъ монастырей, но и для конца VIII и начала IX ст. извѣстный polyptique de l'abbé Irminon (нов. изд. Longnon. 1895) даетъ прекрасную картину монастырскаго вотчиннаго хозяйства (описаніе земель аббатства Сенъ-Жерменъ де Пре). То, что содержится въ Capitulare de villis, нельзя конечно распространять на вотчинное хозяйство IX ст., не только потому, что оно значительно выше стояло на доменахъ фиска, чѣмъ въ другихъ помѣстьяхъ, но и потому, что далеко не все то, что Карлъ Вел. приказывалъ, (а Capitulare не есть описаніе дѣйствительно существовавшаго, а лишь рядъ предписаній) выполнялось на практикѣ (многое было вовсе невыполнимо въ тѣ времена, какъ напр., запрещеніе управителямъ и служащимъ брать взятки, пользоваться трудомъ крестьянъ въ своихъ интересахъ, вести точную отчетность на доменахъ и ежегодно представлять приходо-расходныя книги, при отсутствіи грамотности и умѣнья считать); содержаніе Capitulare не слѣдуетъ поэтому принимать за чистую монету даже въ отношеніи доменъ. Но съ другой стороны, было бы ошибочно предполагать существованіе рѣзкаго различія между обѣими указанными категоріями землевладѣнія, ибо помимо того, что помѣстная организація Карла Вел. служила примѣромъ для крупныхъ вотчинниковъ, они являлись однородными и по существу и преслѣдуемой цѣли. Императоръ былъ тѣмъ же помѣщикомъ, доходы его имѣли такой же вотчинный характеръ и также заключались въ повинностяхъ и оброкѣ, приносимыхъ сидящими на его земляхъ крестьянами. Всѣ эти доходы предназначались ни для чего иного, какъ для удовлетворенія его личныхъ потребностей. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ помѣстьяхъ мы находимъ тѣхъ же служащихъ (сенешалъ, кравчій, егермейстеръ, привратникъ, пекарь, свинопасъ), завѣдующихъ отдѣльными частями хозяйства, какъ и въ государственномъ управленіи (ministeria — пфальцграфъ, сенешалъ, шенкъ, егермейстеръ и др.), которые, выйдя изъ крѣпостного состоянія, вскорѣ образуютъ—и тѣ и другіе—сильный классъ министеріаловъ (serjeants, servientes).

ГЛАВА VI.

Промыслы и обмѣнъ въ раннее средневѣковье.

Бюхеръ правильно характеризуетъ помѣстье ранняго средневѣковья какъ замкнутое домашнее хозяйство, которое самостоятельно удовлетворяетъ всѣ потребности находящагося въ предѣлахъ вотчины населенія. Оно дѣйствительно является самодовлѣющимъ цѣлымъ, не выходитъ за свои предѣлы, не нуждается во внѣшнемъ окружающемъ его мірѣ. Потребности эти правда невелики, они ограничиваются весьма простой и грубой пищей, довольно примитивнымъ жилищемъ и немногими предметами одежды и утвари, напоминающими по своей простотѣ обстановку современныхъ неевропейскихъ дикихъ народовъ. И немногимъ лучше жили вотчинники вплоть до герцоговъ и королей.

Что касается жилища [1]), то исходную точку составляетъ состоящая изъ одного помѣщенія деревянная постройка съ крышей изъ дерева или черепицы, соломы, хвороста съ утрамбованнымъ глиной поломъ, по

[1]) См. Heyne. Wohnungswesen. p. 81—84. 89—94. 106—113. 117—128.

среди котораго горитъ огонь, служащій одновременно для приготовленія кушанья, для отопленія и освѣщенія жилища (дымъ проходитъ чрезъ отверстіе въ крышѣ). Каменныя постройки составляютъ рѣдкое явленіе (предметъ особой зависти нѣкоторыхъ государей), болѣе частое лишь въ отношеніи церквей (при Карлѣ Вел. даже помѣщенія для храненія сокровищъ строились изъ дерева), почему уничтоженіе пожаромъ цѣлыхъ селеній, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ, составляло явленіе нерѣдкое, (поэтому и огня такъ боялись, сравнивали его съ врагомъ, нападающимъ на домъ или выскакивающимъ изъ чернаго облака, называли огонь злымъ, жаднымъ, хищнымъ и т. п.). Появляются нерѣдко и двухэтажныя постройки, но строительное искусство было столь мало развито, что верхній этажъ легко рушился: такимъ образомъ погибъ имп. Генрихъ III въ 1045 г., еще раньше пострадалъ (въ 870 г.) Карлъ Нѣмецкій. Вообще постройки были плохи: въ 817 г. соединительный ходъ между церквью и дворцомъ въ Аахенѣ обрушился подъ императоромъ и его свитой, въ 1052 г. рухнулъ соборъ въ Констанцѣ, а въ Эрфуртскомъ замкѣ во время рейхстага въ 1183 г. не выдержали балки и 8 князей, 5 графовъ и свыше 100 рыцарей погибло въ находившейся подъ замкомъ обширной выгребной ямѣ (императоръ успѣлъ выскочить въ окно)[1]. Каменные дворцы и монастыри дѣлились на нѣсколько помѣщеній, хотя отопляемыя помѣщенія составляли исключеніе и считались чѣмъ то особенно рѣдкимъ и доступнымъ только королямъ или епископамъ. Такое отдѣльное помѣщеніе для сна получаетъ названіе cheminata или caminata—комната или—что то же—помѣщеніе съ каминомъ. Остальныя помѣщенія однако—погребъ, амбаръ, кухня (всѣ они заимствованы у римлянъ) представляютъ собою особыя постройки (на виллахъ Карла Вел. имѣется обыкновенно цѣлый рядъ—иногда до 17—такихъ построекъ), ибо дѣленіе главнаго дома на части представляло еще и въ эту эпоху большія трудности. Въ стѣнахъ дѣлаются отверстія (окна), но лишь въ церквахъ они закрываются стеклами, въ замкахъ же свѣтскихъ князей—только деревянными ставнями. Мебель состоитъ изъ стола, общей скамьи и стула для императора или епископа (особо почетное мѣсто, выдѣляющее его изъ ряда прочихъ) съ подставкой для ногъ, въ виду холоднаго некрытаго пола (на скамьяхъ лежатъ подушки и ковры), простой деревянной кровати, покрытой соломой, далеко не всегда и пуховиками (Карлъ Вел. спалъ безъ нихъ). Церкви пользовались для освѣщенія лампаднымъ масломъ и восковыми свѣчами, имѣли стеклянные или металлическіе подсвѣчники и сосуды, даже канделябры; въ мірскихъ зданіяхъ всего этого не было—лишь въ видѣ рѣдкости встрѣчается воскъ на помѣстьяхъ Карла Вел., чаще свѣтильня помѣщается въ отрытомъ глиняномъ сосудѣ, наполненномъ саломъ (что ведетъ къ частымъ пожарамъ); а еще чаще освѣщеніе происходитъ посредствомъ лучины изъ сухого дерева или огня, горящаго на очагѣ: маркграфъ Эккгардъ во время ночного нападенія въ 1002 г. бросаетъ все, что ему попадается подъ руки, въ тлѣющій на очагѣ огонь, чтобы освѣтить домъ.

Потребности эти удовлетворялись прежде всего и на девять десятыхъ сельскимъ хозяйствомъ—у крестьянъ продуктами собственнаго же труда, у помѣщика частью барщиной, т. е. трудомъ крѣпостныхъ, частью оброкомъ. Послѣдній состоялъ не только въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, но нерѣдко и въ промышленныхъ издѣліяхъ—пряжѣ и тканяхъ изъ шерсти и льна—признакъ несвободнаго состоянія (холстъ въ особенности упоминается сплошь и рядомъ; десятина въ видѣ сукна: 600 сѣрыхъ плащей или 35 фунтовъ серебра), кожѣ въ сыромъ или обработанномъ видѣ, предметахъ изъ дерева и т. п. Существовали и спеціальные надѣлы, которымъ оброкъ былъ назначенъ исключительно въ тѣхъ или иныхъ промышленныхъ издѣліяхъ. Точно также и барщина выражалась не только въ полевыхъ работахъ, но и въ постройкѣ необходимыхъ для помѣщичьяго хозяйства зданій—усадьбы, сараевъ, амбаровъ, мельницъ, а равно въ промышленныхъ работахъ на помѣщичьемъ дворѣ—въ производствѣ крѣпостными сапожныхъ, скорняжныхъ, суконвальныхъ и др. работъ (напр., въ аббатствѣ Рейхенау) въ теченіе извѣстнаго времени, причемъ они получали пропитаніе на монастырскомъ дворѣ, „пока они заняты изготовленіемъ одежды для монаховъ“, и обрабатывали въ остальное время свой надѣлъ (послѣднее видно изъ различныхъ урбаріевъ). Если во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ

[1]) Alw. Schultz. Höfisches Leben. I. 85.

цѣло съ формой производства, именуемой работой для домашнихъ потребностей, то характеръ его не измѣняется и тогда, когда тотъ или другой крѣпостной всецѣло посвящаетъ себя данному промыслу, работая на другихъ крестьянъ, ибо и здѣсь его работа не выходитъ за предѣлы помѣстнаго хозяйства, не происходитъ на продажу. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ подворьи санъ-галленскаго монастыря помѣщенія для сѣдельниковъ, токарей, кожевниковъ, выдѣлывателей щитовъ и мечей, въ баварскихъ монастыряхъ—помимо виноградарей, охотниковъ, рыболововъ, также токарей, кузнецовъ и оружейниковъ, еще большее количество спеціальностей должно быть налицо, по распоряженію Карла Вел., на имперскихъ доменахъ (кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, кожевники, токари, выдѣлыватели телѣгъ, щитовъ, плетенныхъ издѣлій, мыловары, а также пекаря, пивовары, рыболовы и т. д.). Возможно, что въ фискальныхъ помѣстьяхъ эти работники были соединены въ корпораціи подъ вѣдѣніемъ старѣйшинъ (хотя и это не доказано); относительно такихъ корпорацій въ вотчинахъ духовной и свѣтской аристократіи мы во всякомъ случаѣ (для разсматриваемаго періода)не имѣемъ свѣдѣній, почему развиваемое прежде мнѣніе о томъ, что корпораціи крѣпостныхъ, работавшихъ въ вотчинахъ, были построены по типу возникшихъ впослѣдствіи въ городахъ цеховъ и явились ячейкой цехового строя, не можетъ быть признано доказаннымъ. Мало того, въ большинствѣ помѣстій повидимому имѣлись лишь работники двухъ-трехъ спеціальностей, такъ что приходилось занимать работниковъ у другихъ лицъ (епископъ фрейзингскій, архіепископъ майнцкій уступаютъ временно своихъ искусныхъ работниковъ); и въ этихъ и въ другихъ случаяхъ мы даже не знаемъ, существовало ли одно или нѣсколько лицъ даннаго промысла и были ли они профессіональными работниками или лишь временно занимались промышленнымъ трудомъ на барскомъ дворѣ; по крайней мѣрѣ на монастырѣ Стаффельзе при наличности 24 женщинъ, занимавшихся изготовленіемъ платья, оказался запасъ всего въ 4—5 предметовъ различнаго сорта, такъ что можно предполагать, что работа производилась ими лишь извѣстное время въ году.

Наконецъ, къ этому присоединялось и домашнее производство въ видѣ предметовъ, изготовляемыхъ монастырской братіей: самое развитіе различныхъ ремеслъ и искусствъ было вызвано, главнымъ образомъ, потребностями церкви (производство золотыхъ издѣлій—золотыя чаши, кубки, подсвѣчники для алтаря, раки для мощей, даже цѣлые алтари, издѣлія изъ стекла—оконныя стекла съ мозаикой для церквей, переплетное мастерство, выдѣлка пола и стѣнъ изъ мозаики и др.); но въ церквахъ же они и достигли высокаго совершенства (монахи въ качествѣ живописцевъ, музыкантовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рѣзчиковъ по слоновой кости и т. д.). Духовныя лица въ сѣверной Италіи и Франціи, позже и въ Германіи были первыми спеціалистами въ этихъ промыслахъ (въ эпоху Каролинговъ и еще позже до XII ст. они являлись единственными строителями каменныхъ зданій, даже мірскихъ); они передали впослѣдствіи свои свѣдѣнія прочему населенію.

За предѣлы замкнутаго вотчиннаго хозяйства выходитъ уже дѣятельность тѣхъ свободныхъ, обыкновенно странствующихъ, ремесленниковъ, которые, переходя съ одного помѣстья на другое (быть можетъ это были прежніе мелкіе землевладѣльцы, лишившіеся земли) за извѣстную плату (натурой) обрабатывали полученный отъ помѣщика матеріалъ [1]). Такіе промыслы существовали однако лишь немногихъ спеціальностей. Простыя работы по обработкѣ дерева и металловъ могли производиться крѣпостными (ими выдѣлывались даже столы и скамьи, какъ видно изъ одного англосаксонскаго урбарія XI вѣка). Въ свѣтелкахъ на помѣщичьемъ дворѣ (genicia, почему и продуктъ получилъ названіе „genez“) женщины пряли и ткали ленъ и шерсть („pannus“ и „Laken“ обозначаетъ и холстъ и шерстяную

[1]) На существованіе ихъ указалъ еще Gfrörer.

ткань, прялка—Spindel—обозначаетъ первоначально и челнокъ ткача)—мужчины этимъ не занимались обыкновенно; изготовленіе же самаго платья было чрезвычайно просто, ибо кусокъ матеріи соотвѣтствовалъ предмету одежды, а верхній плащъ не требовалъ никакой обработки, составляя простой четыреугольный кусокъ ткани. Наконецъ гончарное искусство въ теченіе долгаго времени вовсе отсутствовало, да и впослѣдствіи оно находилось въ тѣснѣйшей связи съ домомъ, какъ это можно усмотрѣть (по указанію Морица Гейне, altdeut. Handw.p.39 и сл.) изъ разнообразія наименованій горшечника (Hafner, Grapengeter, Ulenbecker, Töpfer, Potter, Kacheler и др.), изъ коихъ ни одно не распространилось на значительныя области,—въ противоположность общегерманскому названію кузнеца—Schmied. Этотъ послѣдній является (какъ у неевропейскихъ народовъ, такъ и въ Европѣ) первымъ ремесленникомъ (т. е. производящимъ для заказчиковъ); кузнецъ необходимъ для выдѣлки сложныхъ металлическихъ предметовъ и къ нему иногда присоединяется плотникъ для постройки замковъ и украшенія ихъ.

О кузнецѣ упоминается уже въ древнѣйшихъ сказаньяхъ (у германскаго бога Тора—громовержца имѣется желѣзный молотъ—mjölnir), причемъ на кузнеца (какъ еще до сихъ поръ въ Африкѣ) смотрятъ, какъ на кудесника и колдуна (въ Эддѣ кузнецъ Виландъ, сынъ короля финновъ, изучаетъ свое искусство у карликовъ): употребленіе молота и огня внушало на первобытной ступени страхъ и создавало представленіе объ участіи какой то демонической, сверхъестественной силы. Быть можетъ, первоначальные кузнецы, добывавшіе въ то же время и руду изъ нѣдръ земли („проникали въ трещины горъ"), принадлежали; (какъ нынѣ въ Африкѣ, на Цейлонѣ и т. д). къ чуждому германцамъ племени карликовъ (пещеры карликовъ, напр., Heinzelmannshöhlen около Эмса, близъ Франкфурта, являются повидимому древнѣйшими рудниками), наиболѣе древнимъ обитателямъ Европы. Кузнецъ былъ долгое время чуть ли не единственнымъ профессіональнымъ ремесленникомъ, т. е. спеціально посвящавшимъ себя этой профессіи и работавшимъ на другихъ, на феодала и крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самое названіе „Schmied" (какъ и латинское faber), которое первоначально обозначало вообще ремесленника (а не только обрабатывающаго металлы) и впослѣдствіи употреблялось въ соединеніяхъ Steinschmied, Schuhschmied, Tuchschmied (т. е. каменотесный, сапожный, суконный „кузнецъ" или ремесленникъ), когда появились и другія ремесла. Еще въ теченіе поздняго средневѣковья кузнецъ былъ главнымъ ремесленникомъ и первымъ лицомъ въ селѣ, къ нему обращались, какъ къ знахарю, знакомому со всѣми травами и тайнами природы, въ кузницѣ происходили собранія, находился кабакъ, иногда и публичный домъ, сюда относились заложенные предметы, здѣсь мѣнялись товарами, кузница была (какъ и дорога къ ней) убѣжищемъ и въ ней же находились орудія пытки.

Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно предполагать, что уже въ раннее средневѣковье кузнечный промыселъ игралъ значительную роль. Главнымъ предметомъ производства являлось оружіе. Между тѣмъ шлемъ былъ у германцевъ рѣдкимъ явленіемъ, не только въ эпоху Тацита, но и при Меровингахъ его носили только предводители племени и еще въ X вѣкѣ длинные, связанные въ узелъ волосы составляли единственное украшеніе головы. Медленно входили въ употребленіе и панцыри (Lex Salica ихъ не знаетъ еще, упоминаются они лишь въ Рипуарской Правдѣ), и еще въ позднѣйшее средневѣковье ландскнехты дрались „обнаженными" (т. е. безъ латъ). Вплоть до эпохи Каролинговъ еще не было поножей, а щиты были деревянные, покрытые кожей (щитъ—Schild, гот. scildus, англосакс. scyld, обозначаетъ отколотый кусокъ дерева), такъ что воины въ состояніи были сами исправлять поломанные щиты и не нуждались въ оружейникахъ. Лишь впослѣдствіи части щитовъ дѣлались изъ желѣза, и только тогда и вмѣстѣ съ появленіемъ панцырей, явилась потребность и въ хорошихъ мечахъ, тогда какъ ранѣе мечи составляли оружіе лишь знатныхъ, всѣ же остальные воины употребляли копья, ножи и топоры. Найденные скелеты лошадей отъ X вѣка совершенно не имѣютъ подковъ, чаще подковы встрѣчаются лишь въ XI ст., о нихъ упоминается и въ эпоху Вильгельма Завоевателя, но въ древнее время и въ раннее средневѣковье подкова отсутствовала. Еще меньше ощущалась потребность въ кузнецахъ для выдѣлки предметовъ мирнаго свойства—въ домахъ желѣзныя приспособленія составляли рѣдкое исключеніе, самый молотъ кузнеца (какъ и наковальня) былъ первоначально

изъ камня (слово „Hammer“ обозначаетъ камень), сельскохозяйственные инструменты даже въ хозяйствѣ Карла Вел. (см. выше) насчитывались единицами, простыя кузнечныя работы крестьяне производили и сами (Beck. Heyne. l. c. Duncker. Das mittel стр.—alterl. Dorfgewerbe).

Странствующіе ремесленники, необходимые для работъ, требовавшихъ извѣстнаго умѣнья, составляли отчасти уже привходившій извнѣ элементъ. Другимъ такимъ же, временно вторгавшимся въ эту замкнутую жизнь помѣстья, факторомъ являлись странствующіе купцы (mercator cursorius). Но ихъ роль была еще менѣе значительна: и они появлялись лишь отъ времени до времени, привозя главнымъ образомъ съ Востока, чрезъ Константинополь (послѣдній являлся торговымъ центромъ, гдѣ стекались привозимыя арабами драгоцѣнности), предметы роскоши, малосущественные для хозяйства. Они были предназначены либо для церковнаго благолѣпія (шелковыя ткани и ковры, благовонія, драгоцѣнные камни) и богослуженія (вино, лампадное масло, воскъ), либо для королей и феодаловъ, пріобрѣтавшихъ пряности Востока, рабовъ и золотомъ шитыя ткани въ обмѣнъ на избытки доставляемыхъ многочисленными крѣпостными продуктовъ, скоплявшіеся въ ихъ амбарахъ. Крестьяне не ощущали потребности въ этихъ предметахъ, къ тому же, отдавая все, остававшееся за покрытіемъ необходимыхъ потребностей (да и то не всегда) помѣщику, не имѣли средствъ для покупки ихъ.

Собственно говоря, этими странствующими купцами (это были арабы, евреи, фризы) ограничивался весь обмѣнъ въ тѣ времена; внутренней торговли не было, была только внѣшняя. Внутри помѣстья не было возмезднаго обмѣна, предметы доставлялись въ качествѣ оброка помѣщику или вспомоществованія (сѣмена) крестьянину, а услуги оказывались въ видѣ помѣщичьей барщины или взаимной помощи (помочей между крестьянами) при постройкѣ избы и т. п. Но точно также и внутри цѣлой страны не происходило мѣновыхъ сдѣлокъ между отдѣльными помѣстьями, и не только въ силу того, что спеціализаціи занятій не было, но и потому, что люди не привыкли мѣняться—возмездный обмѣнъ замѣнялся дареніемъ. Какъ указываетъ Ламирехтъ, еще и въ XI вѣкѣ люди покупали что-либо лишь въ видѣ исключенія, обычнымъ же является полученіе подарковъ или же насильственныя дѣйствія въ отношеніи иноплеменниковъ. Люди упрашивали другъ друга подарить какую либо вещь. Изъ этихъ дареній лишь постепенно возникалъ возмездный обмѣнъ, — подарокъ сопровождался въ свою очередь подаркомъ или одаренный давалъ съ своей стороны что-либо дарителю pro caritate. Переходную ступень составляла и передача имущества церкви въ обмѣнъ за молитвы и освобожденіе души отъ власти дьявола (redemtio animae).

Такимъ образомъ внутренній обмѣнъ возникъ у европейскихъ народовъ сравнительно очень поздно. Междуплеменной обмѣнъ появился раньше, хотя и онъ въ теченіе продолжительнаго времени замѣнялся безвозмезднымъ пріобрѣтеніемъ имущества, грабежами. Купцы были одновременно и пиратами, первоначальное значеніе прибыли — награбленное имущество (такой смыслъ имѣютъ слова „lucrum“ и „Lohn“; „winnunge“ или „Gewinn“ обозначаетъ захваченную добычу); поскольку же насиліе исчезло, прибыль представляла собою въ значительной мѣрѣ результатъ обманныхъ дѣйствій (Kaufmann, mercator, negotiator—прежде всего обманщикъ, человѣкъ, прибѣгающій къ сомнительнымъ средствамъ, для того, чтобы сбыть свой—недоброкачественный—товаръ) и въ эпоху Каролинговъ исходной точкой является предположеніе объ обманѣ въ торговлѣ (tauschen—мѣнять и täuschen—обманывать одно и то же), почему торговля „опасна для души“ (ибо едва ли обходится безъ обмана,—слова св. Іеронима).

Но и это (торговля съ обманными дѣйствіями) уже составляло сравнительно высокую ступень развитія, когда посредствомъ подарковъ (Карлъ Вел. напр. вступаетъ въ обмѣнъ съ халифами, посылая къ нимъ своихъ людей съ дарами и получая отъ нихъ въ свою очередь восточныя ткани и притиранія,

даже водяные часы) устанавливаются мирныя торговыя сношенія между различными племенами; вражда прекратилась, впрочемъ, лишь временно и можетъ возобновиться въ любой моментъ, почему самый обмѣнъ происходитъ на нейтральной, пограничной чертѣ (только такой характеръ имѣлъ обмѣнъ между германцами и римлянами), купцы не рѣшались удаляться въ глубь чужой страны (въ Британіи римскимъ торговцамъ были знакомы лишь берега), да ихъ и не пускали туда (племя первовъ вовсе отказывалось допускать римскихъ купцовъ, не потому, что опасалось изнѣживающаго вліянія вина, какъ полагаетъ Цезарь, а вслѣдствіе того, что опасались враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны) [1]. И впослѣдствіи рынки устраивались на границѣ. Въ Германіи, напр., мы находимъ ихъ первоначально преимущественно на французско-валлонской порубежной полосѣ. Бардовикъ, Магдебургъ, Эрфуртъ, Регенсбургъ, Лорхъ являются пограничными рынками въ торговомъ обмѣнѣ со славянами и аварами (ср. Capit. 805 c. 7).

Торговля находилась въ тѣснѣйшей связи съ богослуженіемъ (слова „месса“, „feriae“ обозначаютъ и обѣдню и ярмарку), съ церковными празднествами и процессіями, ибо послѣднія вызывали въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и въ опредѣленные дни скопленіе народа (особенно въ день освященія церкви жители окружныхъ селъ обязаны были пилигримствовать въ церковь). Связь эта заходила такъ далеко, что первоначально и самая торговля происходила въ храмѣ (въ то самое время, какъ на хорахъ совершалось богослуженіе, внизу, въ кораблѣ церкви, производился обмѣнъ товаровъ), ибо только здѣсь, гдѣ былъ провозглашенъ „Божій миръ“, могъ происхоходить междуплеменной обмѣнъ безъ враждебныхъ столкновеній. Отсюда и церкви эти получили названіе (напр. въ Ипрѣ, Руанѣ, Вестминстерѣ) торговыхъ, рыночныхъ церквей (ecclesia forensis, ecclesia mercatorum). Лишь впослѣдствіи (не съ самаго начала, какъ утверждаетъ Риттшель, стр. 49, вопреки указаніямъ Дитмара Мерзебургскаго и др.) торгъ былъ перенесенъ на площадь передъ храмомъ и въ теченіе всего средневѣковья на этихъ площадяхъ находились рынки, устраивались торговые ряды, устанавливались лари и будки и производились торговыя операціи. Древнѣйшія грамоты на право устройства рынковъ относятся къ церквамъ и монастырямъ, какъ въ Германіи и Франціи, такъ и въ Англіи, гдѣ монастыри: Вестминстеръ, Іоркъ, Дургемъ, Винчестеръ устроили у себя первыя ярмарки. И изъ всѣхъ привилегій, выданныхъ въ Германіи вплоть до конца XII вѣка, $^9/_{10}$ приходятся на духовныхъ лицъ. Важнѣйшіе торговые города средневѣковья—Базель, Страсбургъ, Констанцъ, Кельнъ, Аахенъ, Нюрнбергъ, Прага, Утрехтъ, Вестминстеръ и др. пріобрѣли свое торговое значеніе, благодаря тѣмъ святымъ, которые тамъ почитались и вызывали пилигримство изъ отдаленныхъ мѣстъ въ находившіеся здѣсь монастыры; не даромъ венеціанцы въ коммерческихъ цѣляхъ всячески старались пріобрѣтать (отчасти путемъ насилія) мощи святыхъ (напр. руку св. Варѳоломея).

Обмѣнъ сосредоточивался, слѣдовательно, въ опредѣленныхъ мѣстахъ и происходилъ въ опредѣленное время: онъ могъ совершаться лишь на церковной площади, на рынкѣ (in publico placito), а не внѣ его, т. е. не тайно или ночью (ut nullus in abscondo faciat), обыкновенно лишь въ праздничные, т. е. богослужебные дни (поэтому воскресенье являлось въ теченіе всего средневѣковья рыночнымъ днемъ, несмотря на всѣ запрещенія церкви) или въ тѣ дни, когда приходили купеческіе караваны (manus negotiatorum), и лишь въ тѣ часы, пока продолжался рынокъ (temporibus praestitutis). Ибо только въ этомъ мѣстѣ и на это время прекращалась междуплеменная вражда (во всей Голштиніи три ежегодныя ярмарки являлись единственнымъ временемъ и мѣстомъ

[1]) По той же причинѣ, какъ указываетъ Шурцъ, африканскія племена въ теченіе долгаго времени не допускали на свою территорію купеческихъ каравановъ.

вполнѣ безопаснаго обмѣна). Внѣшнимъ выраженіемъ этого является водружаемый съ открытіемъ рынка (и стоящій въ теченіе всего рыночнаго времени) крестъ (или флагъ),—знакъ того, что рынокъ находится подъ покровительствомъ короля (какъ и подъ охраной церкви). Въ присутствіи его или его представителя (который слѣдитъ за порядкомъ на рынкѣ), графа или index'a (index forensis) и свидѣтелей (coram idoneis testibus, nobilibus civitatis, какъ говорится въ капитуляріяхъ Карла Вел.) совершаются торговыя сдѣлки. При этомъ требовалось увѣреніе обѣихъ сторонъ, что сдѣлка (правильная сдѣлка—legitima traditio) совершена по обоюдному согласію, безъ принужденія (quod inter nos bene complacuit, sine omni pars parti violentia). Охраной короля (какъ и церкви—миръ св. Петра, pax Dei) пользуются всѣ лица, находящіяся на рынкѣ (отсюда „королевскіе" купцы). Они пользуются охраной какъ на самомъ рынкѣ, такъ и въ окружности его на милю (Bannmeile) и на пути къ нему (королевскія дороги), во время рынка и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ его окончанія, обыкновенно 40 дней въ году (напр. въ Англіи, во Фландріи). Всякое нарушеніе этого рыночнаго мира (forum infregit), рыночной свободы и безопасности, (fori violavit libertatem) подлежитъ немедленному и строгому наказанію по приговору присутствующаго на рынкѣ должностнаго лица—рыночнаго судьи (index fori), который тутъ же разрѣшаетъ и всѣ споры гражданскаго характера, возникающіе на рынкѣ. Тѣмъ не менѣе рѣдкій рынокъ обходился безъ драки и враждебныхъ столкновеній, сломанныхъ ларей и будокъ—трудно было привыкнуть человѣку относиться даже временно безъ вражды къ иноплеменнику—и еще во второй половинѣ X вѣка драка на рынкѣ, перейдя во всеобщую рѣзню, кончилась разрушеніемъ г. Аугсбурга.

На время рынка чеканится монета, (подобно ремесленникамъ и торговцамъ), и монетчики являются первоначально странствующими. Luschin. Allg. Münzkunde p. 78, 84), устраивается размѣнная контора, здѣсь же взимаются рыночные сборы,—все это составляетъ, какъ и самое право устройства рынковъ королевскую регалію (впослѣдствіи она переходитъ къ феодаламъ). Пожалованье кого-либо правомъ устройства размѣннаго учрежденія и правомъ взиманія рыночныхъ сборовъ равнозначуще дарованію права основать рынокъ (Wechselamt, т. е. размѣнъ даже получаетъ названіе Marktamt). Было бы однако ошибочно предполагать, что главная роль денегъ въ эту эпоху заключалась въ томъ, что они были орудіемъ обмѣна, ибо и самый обмѣнъ составлялъ явленіе рѣдкое: деньги прежде всего являлись платежнымъ средствомъ (уплата чиншей, повинностей, дани, виръ, таможенныхъ сборовъ, поднесеніе даровъ), а также мѣриломъ цѣнности (и средствомъ сбереженій); воплощались они не только въ формѣ благородныхъ металловъ, но и во всякихъ иныхъ предметахъ: чинши уплачивались хлѣбомъ, яйцами, курами, поросятами, виры—скотомъ (особ. дойныя коровы „съ рогами, зрячія и здоровыя") или тканями, таможенные и рыночные сборы нерѣдко перцемъ, подарки дѣлались часто мѣшками соли; да и поскольку функціонировали металлы (не только серебро, но и неблагородные металлы) они имѣли форму всевозможныхъ украшеній, и только на время рынка чеканилась монета. Сбереженія (клады—thesaurus, наслѣдства) X—XI ст. состояли изъ сосудовъ, украшеній и т. п. въ благородныхъ металлахъ и лишь въ незначительной части въ монетѣ; такимъ образомъ они служили цѣлямъ потребленія, и при простотѣ этихъ предметовъ (выдѣлки ихъ) и дешевой работѣ крѣпостныхъ, не составляло потери превратить ихъ въ случаѣ надобности въ монету, что дѣйствительно совершалось (въ особ. монастырями), когда наступали значительные платежи. Но по той же причинѣ монета состояла изъ чистаго серебра и къ ней первоначально не примѣшивали другихъ металловъ, такъ какъ это сдѣлало бы невозможнымъ обратное превращеніе ея въ различные предметы. Въ то время, какъ размѣръ другихъ предметовъ опредѣлялся еще долго впослѣдствіи приблизительно, на глазомѣръ, безъ примѣненія мѣръ и вѣсовъ, взвѣшиваніе драгоцѣнныхъ металловъ при платежахъ вошло въ употребленіе уже въ раннее средневѣковье, благородные ме-

таллы принимаются по вѣсу; при Карлѣ Вел. въ связи съ этимъ появляется и монета въ видѣ динаріевъ, составляющихъ $^1/_{240}$ фунта чистаго серебра.

Кредита въ эту эпоху, какъ указываютъ и Бюхеръ и Артуръ Когенъ, въ сущности не было никакого. Сдѣлки производились на наличныя съ той лишь разницей, что уплата либо была окончательная, либо съ правомъ уплачивающаго (виру, повинности, полученный на пропитаніе хлѣбъ, одежду) замѣнить отданный предметъ впослѣдствіи другимъ. Эта послѣдняя форма, изъ которой впослѣдствіи развился кредитъ, въ эту эпоху еще имѣла характеръ купли-продажи, ибо и временно отдаваемый предметъ сразу поступалъ въ руки кредитора или точнѣе лица, которому уплачивалось, и только превращался въ собственность еголишь по истеченіи извѣстнаго времени, въ случаѣ невыкупа, незамѣны другимъ,—независимо отъ того, являлись ли такимъ временнымъ эквивалентомъ движимости или человѣкъ (должникъ) самъ, поступавшій въ кабалу (онъ содержался кредиторами въ заключеніи, въ оковахъ, и въ случаѣ невыкупа, могъ быть проданъ, убитъ и т. д.) или наконецъ недвижимости, т. е. прежде всего земля. Въ виду первоначальнаго господства общинной собственности на землю (позже право распоряженія ею обставлено различными ограниченіями), она появляется лишь сравнительно позднѣе (капитуларій 818 г. впервые разрѣшаетъ въ случаѣ невозможности покрыть долгъ изъ движимостей, брать и недвижимость—de immobilibus suppleatur) въ качествѣ объекта какъ окон. чательной продажи, такъ и временной (зачатки залога) въ формѣ т. наз. ältere Satzung: должнику предоставляется выкупить ее (т. е. замѣнить денежной суммой, уплатить долгъ) въ теченіе извѣстнаго (весьма короткаго времени. Но это наступаетъ рѣдко и обыкновенно земля остается въ рукахъ кредитора, доставляя вотчинникамъ (въ особ. монастырямъ, располагавшимъ денежными суммами), возможность такимъ путемъ расширять свои владѣнія расчетъ обѣднѣвшихъ и разорившихся, первоначально свободныхъ, крестьянъ-собственниковъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Позднее средневѣковье

(отъ XII ст. до открытія Америки).

И въ классификаціи періодовъ хозяйственной жизни, установленной Марксомъ, и въ періодизаціи Бруно Гильдебранда средневѣковая эпоха разсматривается какъ одно цѣлое — это періодъ феодальнаго или докапиталистическаго хозяйства по Марксу, натуральнаго хозяйства по Гильдебранду. Бюхеръ едва ли не впервые подчеркнулъ необходимость разграниченія періодовъ ранняго средневѣковья и позднѣйшаго средневѣковья, назвавъ эту вторую эпоху періодомъ городского хозяйства. Дѣйствительно, характерную черту эпохи XII — XV ст. составляетъ то, что здѣсь страна распадается уже не на отдѣльныя помѣстья, въ предѣлахъ которыхъ замыкается (какъ политическая, такъ и) хозяйственная жизнь, а на цѣлый рядъ районовъ, небольшихъ территорій, включающихъ въ себѣ городъ какъ центръ съ прилегающими къ нему помѣстьями. Хозяйственная жизнь, сосредоточиваясь теперь въ этихъ болѣе широкихъ предѣлахъ, отличается большимъ разнообразіемъ, обнаруживаетъ большее раздѣленіе труда, наконецъ, обмѣнъ является необходимой составною частью ея, ибо отношенія между городомъ и прилегающими къ нему деревнями, а равно въ предѣлахъ самого города между отдѣльными группами городскихъ жителей рѣзко отличаются отъ отношеній, господствующихъ въ помѣстьи; здѣсь предъ нами не односторонняя (безвозмездная) отдача предметовъ въ видѣ оброка или услугъ въ видѣ барщины, помочей, а отношенія возмезднаго, мѣнового характера. Непосредственный обмѣнъ на городскомъ рынкѣ составляетъ отличительную особенность этой эпохи.

И въ тѣсной связи съ этимъ и вся экономическая политика принимаетъ городской характеръ. Она рѣзко обнаруживается въ области промышленности и торговли: покровительство городскимъ промысламъ и запрещеніе производства промышленныхъ издѣлій въ селахъ, покровительство промысламъ своего города и стѣсненіе привоза предметовъ, изготовленныхъ въ другихъ городахъ, покровительство мѣстнымъ купцамъ и содѣйствіе развитію своей, городской торговли съ другими городами, странами, частями свѣта и стѣсненіе купцовъ изъ другихъ городовъ въ отношеніи торговли на городскомъ рынкѣ, устраненіе ихъ, какъ конкуррентовъ, изъ другихъ городовъ и странъ. Но эта городская политика отражается и на сельскихъ мѣстностяхъ: съ одной стороны, въ видѣ недопущенія развитія промышленности въ деревняхъ, а съ другой стороны, въ видѣ облегченія доступа бѣглымъ крестьянамъ въ города, въ ущербъ помѣстнымъ владѣльцамъ, что содѣйствуетъ уменьшенію крѣпостной зависимости въ позднее средневѣковье.

I. Аграрный строй.

Литература. Общую картину даютъ труды: *М. М Ковалевскаго (Экономическій ростъ Европы)*, т. II. 1900. (Помѣстье во второй половинѣ среднихъ вѣковъ въ Англіи, Германіи, Италіи, Каталоніи и Аррагоніи, и далѣе: разложеніе помѣстнаго хозяйства и процессъ эманципаціи крестьянскаго люда; кромѣ того, гл. 18—21 перваго тома: отдѣльныя области Франціи), *Inama — Sternegg'*а (*Deutsche Wirtschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters*; третій томъ экономической исторіи). 1899. Т. I. Вся первая часть посвящена населенію, сословіямъ и въ особ. (стр. 138—423) аграрному строю. *Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben in Mittelalter.* 1885—86.

(объ части перваго тома), *Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen-âge.* 1901. *Rogers. History of Agriculture and Prices im England* въ особ. первые два тома (1866 г.).

По отдѣльнымъ странамъ и мѣстностямъ имѣется довольно большая литература для Англіи и Франціи, весьма бѣдная для Германіи. *Англія.* Общій очеркъ землевладѣнія и земледѣлія даютъ: *Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgang des Mittelalters.* 1879. *Rogers. Six Centuries of Work and Wages.* 1884 (есть рус. перев.: Исторія труда и заработной платы въ Англіи). Его-же. The Economic Interpretation of History, 1891. очерки 1 и 2. До XIII ст. доходитъ извѣстный трудъ *П. Г. Виноградова. Очерки соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка.* 1887 (печаталось въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1885 и 1886 г.г., цѣлый рядъ книжекъ), для феодализма важенъ *Stubbs. The Constitutional History of England.* T. II. 1883. Сочиненіе *Д. М. Петрушевскаго. Возстаніе Уота Тайлера.* T. I. 1897. II. 1901 представляетъ собою (прекрасное) изслѣдованіе аграрнаго развитія Англіи вообще въ XIV и XV ст. Тому же вопросу посвящено *Reville. Le soulevement des travailleurs d'Angleterre en 1381.* съ пред. Petit-Dutaillis. 1898, Весьма цѣнны основанныя на детальныхъ изысканіяхъ работы *Page'a Die Umwandlung der Frondienste in Geldrenten* in den westlichen, mittleren und südlichen Grafschaften Englands. 1899 и его-же *End of villainage in England.* 1900 (Publ. of Amer. Econ. Association). Нѣкоторыя свѣдѣнія имѣются далѣе у *Ashley.* Introduction into the Economic History and Theory (есть рус. пер.) и *Cunningham* (Growth of English Industry and Commerce). T. I, (рус. пер. Теплова) хотя оба гораздо болѣе важны для промышленной исторіи. Позднее средневѣковье затрагиваютъ также: *А. Савинъ. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ.* 1903. *Nasse. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England.* 1869 (есть рус. пер. подъ ред. Азаревича 1878) и *Hasbach. Die englischen Lohnarbeiter* in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen 1894 (Schr. des Vereins für Sozialpolitik. B. 59). Mamroth. Die agrarische Entwicklung Englands. 1899. (Jahrbücher für Nationaloekonomie) не даетъ ничего самостоятельнаго.

Франція. Для Нормандіи прекрасное изслѣдованіе *Delisle. Etudes sur la condition de la classe agricole* et l'état de l'Agriculture en Normandie au moyen-âge. 1903. Бретань—*Sée. Etudes sur les classes rurales en Bretagne au moyen-âge.* 1896. Шампань—*Sée. Etudes sur les classes serviles en Champagne.* 1894. Русильонъ—*Brutails. Etude sur la condition des populatons rurales du Roussillon au moyen-âge.* 1891. Бургундія—*Seignobos. Le régime féodale en Bourgogne. jusqu'à 1380.* 1883. Лангедокъ—*Molinier. Etude sur l'administration féodale dans le Languedoc* (Histoire de Languedoc. T. VII). Ниверне и Бурбоне—*Boucomont. Des mainmorles personelle et réelle en Nivernais.* 1896. Эльзасъ — *Hanauer. Les paysans de l'Alsace au moyen-âge. 1865.* менѣе интересно *Schmidt.* Les paysans et la propriété rurale en Alsace au moyen-âge. 1897. Савойя, Лотарингія и французская Швейцарія— *Darmstädter. Die Befreiung der Leibeigenen (mainmortables) in Savoyen, der Schweiz und Lothringen.* 1897.

Кромѣ того данныя объ аграрной исторіи Франціи: *d'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général.* T. I—II. 1894. *Bonnemère. Histoire des paysans* (I. Le servage). 4 éd. 1886. *Doniol, Histoire des classes rurales en France.* 1857. *Dareste de la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France* 1854. *Flach. Les origines de l'ancienne France.* T. I—II. 1886. Недурной очеркъ: *Reville. Les paysans au moyenâge.* 1899.

Германія. Любопытное изслѣдованіе аграрнаго строя Ганновера и прилежащихъ мѣстностей: *Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* 1896. Для монастырскаго землевладѣнія данныя у *Hesse. Entwicklung der agrar-rechtlichen Verhältnisse im Stifte Verden. 1900. Dannèil. Geschichte des magdeburgischen Bauernstandes.* 1896. Краткій очеркъ въ курсѣ *Schröder'a* (Deutsche Rechtsgeschichte. § 41), въ исторіи Goltz'a (Gesch. der deutschen Landwirtschaft. T. I.—хотя этотъ отдѣлъ поверхностенъ). По вопросу о заселеніи восточной Германіи: *Schulze. Die Kolonisierung und Germanisierung der Gebiete zwischen Elbe nnd Saale.* 1896. особ. p. 122-166. *Hasse. Die Besiedelung des deutschen Volksbodens. 1905. Schröder. Die niederländischen Kolonien in Norddeutschland zur Zeit des Mittelalters.* 1880 и *Bremer* въ Paul. Grundr. der germ. Philol. 1899. По вопросу о причинахъ и послѣдствіяхъ Крестьянскихъ войнъ (исторія войны: Zimmermann. Geschichte des Bauernkrieges. 1854). *Wopfner. Die Lage Tirols in Ausgang des Mittelalters. 1908. Heerwagen. Die Lage der Bauern zur Zeit des Bauernkrieges in den Taubergegenden.* 1899. *Stolze. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges. 1900. Lamprecht. Deutsche Geschichte B. V. T. 1.* Gothein, Die Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters (Westdeutsche Zeitschr. B. V) и Hagelstange. Süddeutsches Bauernleben im Mittelalter 1898. даютъ мало.

По вопросу объ аграрномъ строѣ *восточной* Германіи въ средніе вѣка см. первыя главы указанныхъ ниже (аграрный строй XVI—XVIII ст.), сочиненій Dessmann'a, Grünberg'a, Knapp'a (Bauernbefreiung), Grossmann'a, Fuchs'a, (Untergang des Bauernstandes) и ук. соч. Schulz'a. Kolonisierung.

Бельгія—Wauters. Libertés communales de la Belgique. Pirenne. Geschichte Belgiens. I—II. 1899. 1902. *Brants.* Essai historique sur la condition des classes rurales en Belgique jusqu'au XVIII s. 1880. (Mém. de l'acad. royale), слишкомъ много значенія придаетъ теоріямъ, имѣвшимъ мало вліянія на дѣйствительную жизнь. *Испанія—Пискорскій. Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка.*

Относ. Черной смерти 1348 и сл. гг. см. *Haeser. Lehrbuch der Geschichte der Medicin.* B. III. Geschichte der epidemischen Krankheiten. 3 Aufl. 1882. p. 97-183. *Hoeniger. Der Schwarze Tod in Deutschland. Hecker. Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters.* 1865. *М. М. Ковалевскій.* т. III. (ч. 2. Черная Смерть и ея экономическія послѣдствія). Новѣйшій трудъ: *Sticker. Die Pest.* T. I. Die Geschichte der Pest. 1908. Населеніе вообще: *Levasseur. La population française* T. I. 1889. (Livre I). *Inama-Sternegg.* III. 1 и статья его въ Handw. d. Staatswiss. См. также литер. ниже: города.

ГЛАВА I.

Измѣненія въ распредѣленіи земельной собственности и организаціи помѣстья.

Аграрное развитіе позднѣйшаго средневѣковья (XII—XV ст.) характеризуется прежде всего измѣненіемъ въ распредѣленіи землевладѣнія между королевской властью, церковью и свѣтской аристократіей. Уже начиная съ X, въ особенности же съ XI—XII ст., имперскія домены сокращаются. Правда, прежніе источники увеличенія ихъ существуютъ и въ эту эпоху и даже въ XIII—XV ст., таково поступленіе выморочныхъ наслѣдствъ, конфискація, новыя завоеванія. Въ XI—XII ст. конфискаціи играли еще значительную роль: періодъ отъ половины X до начала XIII вѣка особенно богатъ конфискаціями не только леновъ, но и наслѣдственныхъ земель у вотчинниковъ, впавшихъ въ немилость императора или сражавшихся противъ него во время партійныхъ раздоровъ, но пріобрѣтенныя этимъ путемъ земли нерѣдко отдавались церквамъ и монастырямъ или сподвижникамъ и сторонникамъ императора. Значительное увеличеніе произошло и вслѣдствіе завоеваній, происходившихъ непрерывно въ теченіе трехъ столѣтій какъ на сѣверѣ, такъ и на юго-востокѣ. Но и эти земли превращались большей частью въ лены и раздавались разнымъ лицамъ.

Начиная же съ XIII вѣка, какъ вымороченныя наслѣдства, такъ и конфискованныя земли поступали въ пользу отдѣльныхъ территоріальныхъ государей, а не имперской казны, и точно также завоеванныя на востокѣ земли принадлежали Тевтонскому ордену, который образовалъ особое государство. Если имѣть въ виду, что и другія права имперской власти, какъ то: горная, рыночная, монетная, таможенная, лѣсная, въ особенности же судебная регалія перешли въ руки отдѣльныхъ территоріальныхъ государей (какъ и право конвоя, право на найденныя вещи, береговое право, и т. д.), то мы увидимъ, что умаленіе значенія императора какъ землевладѣльца шло рука объ руку съ общимъ упадкомъ его власти—и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ уступалъ свое мѣсто территоріальнымъ государямъ. Если до XI вѣка въ дѣлѣ сокращенія имперскихъ земель на первомъ планѣ стоятъ даренія въ пользу церкви, то въ послѣдующія столѣтія особенное значеніе пріобрѣтаетъ раздача земель свѣтской аристократіи. Во второй половинѣ XII ст. Фридриху I и Генриху VI удалось увеличить пространство своихъ земель, въ особенности въ Эльзасѣ, на Рейнѣ, во Франконіи и Баваріи вплоть до границъ Богеміи, но уже при Филиппѣ Швабскій въ началѣ слѣдующаго вѣка большая часть этихъ земель была отчуждена: войны Филиппа обошлись ему столь дорого (раздачей земель онъ вынужденъ былъ вознаграждать своихъ рыцарей), что современники считали его бѣднымъ. Но къ

этимъ же средствамъ вынужденъ былъ прибѣгать и Фридрихъ II, отдавая своимъ приближеннымъ имперскія и фамильныя земли, а Конрадъ IV и Конрадинъ (втор. пол. XIII ст.) отдавали въ залогъ земли въ значительныхъ размѣрахъ. Въ эпоху междуцарствія въ особенности (1250—73) феодалы, пользуясь всеобщимъ хаосомъ, захватывали имперскія земли (между прочимъ и для покрытія расходовъ, связанныхъ съ борьбой за императорскую корону), и хотя Рудольфъ I и Альбрехтъ I и старались впослѣдствіи вернуть присвоенныя баронами въ эту эпоху земли, но, если не считать отнятыхъ у Оттокара II земель, имѣвшихъ значеніе лишь для усиленія власти габсбургскаго дома, имперія изъ этого почти не извлекла выгоды, ибо частью попытки оказались безрезультатными, частью отнятыя земли снова были заложены, частью, наконецъ, ихъ пришлось отдать князьямъ въ видѣ покрытія расходовъ по ревендикаціи этихъ земель.

Уже изъ приведенныхъ фактовъ видно, что развитіе землевладѣнія свѣтской аристократіи шло въ совершенно иномъ направленіи. Въ періодъ X—XII ст. не только возрастаетъ количество крупныхъ землевладѣльцевъ (феодаловъ), вслѣдствіе распространенія феодализма, образованія рыцарства, сословія министеріаловъ (въ особенности изъ прежнихъ помѣстныхъ управителей и имперскихъ придворныхъ чиновъ), присвоенія общинныхъ земель, образованія помѣстій во вновь завоеванныхъ на востокѣ земляхъ, но и крупные помѣстные владѣльцы попрежнему обнаруживаютъ стремленіе къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній: пользуясь обширной властью и правами, перешедшими къ нимъ отъ императора, они не упускали попрежнему случаевъ пріобрѣтенія полюбовно ли или насильственнымъ путемъ новыхъ земель. Чѣмъ успѣшнѣе была дѣятельность отдѣльныхъ аристократическихъ родовъ въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе усиливались они и въ политическомъ отношеніи, тѣмъ легче имъ было превратиться изъ обыкновенныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ территоріальныхъ государей, подчинивъ себѣ всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ вотчинъ, графовъ и бароновъ. Эти территоріальные государи были въ то же время и крупнѣйшими помѣщиками въ своемъ княжествѣ: таковы были и баварскіе герцоги, считавшіеся въ XIII вѣкѣ богатѣйшими государями, и герцоги австрійскіе еще до габсбурговъ, таковы были и маркграфы бранденбургскіе, въ значительной мѣрѣ и герцоги вюртембергскіе. На владѣніи землей вѣдь и покоилась ихъ власть, на немъ была построена и военная организація и феодализмъ и весь соціальный строй. Для пріобрѣтенія государственной власти необходимо было, слѣдовательно, прежде всего получить въ свои руки тѣ земли, съ которыми была связана публичная власть въ данной мѣстности, независимо отъ того, покоилась ли послѣдняя на ленныхъ или на аллодіальныхъ земляхъ.

Вслѣдствіе этого, произошла однако дифференціація среди той однородной системы крупнаго землевладѣнія, которая господствовала въ эпоху каролинговъ: въ то время, какъ одни повышались, другіе падали — рука объ руку съ превращеніемъ однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ государей, шелъ процессъ подпаденія другихъ подъ нихъ власть, а это повело въ свою очередь къ поглощенію послѣднихъ первыми. Въ результатѣ тѣ крупные землевладѣльцы, которые не сумѣли захватить въ свои руки государственную власть, подъ вліяніемъ образованія послѣдней, потери прежнихъ регалій, паденія земельныхъ рентъ, погибли въ неравной борьбѣ съ новой территоріальной властью. Въ XII и XIV ст. эти аристократическіе роды повсюду вымирали, ихъ замѣняли мелкіе землевладѣльцы въ видѣ министеріаловъ и рыцарей. Этого не случилось только въ такихъ мѣстностяхъ, какъ напр. прирейнскія земли, гдѣ существованіе многочисленныхъ очень крупныхъ помѣстій, духовныхъ (Тріеръ, Майнцъ, Вюрцбургъ, Кельнъ) и свѣтскихъ препятствовало стремленію немногихъ феодаловъ къ расширенію ихъ власти и вызвало образованіе многочисленныхъ графствъ съ правами верховной власти. Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ не только свѣтское, но и духовное землевладѣніе страдало отъ образованія территоріальныхъ государствъ.

Уже въ XI—XII ст., когда стали сокращаться доменіальныя земли императоровъ, и церковное землевладѣніе уменьшается: даренія въ пользу церкви, какъ со стороны королей, такъ и со стороны прочихъ землевладѣльцевъ хотя и продолжаются, но въ значительно меньшихъ размѣрахъ, а въ тоже время много земли уходитъ изъ рукъ церкви, частью вслѣдствіе передачи вассаламъ, частью вслѣдствіе захвата церковной земли герцогами и баронами, наконецъ вслѣдствіе неоднократныхъ секуляризацій церковныхъ земель, вродѣ отнятія около 1250 гуфъ у баварскихъ монастырей при Оттонѣ I, раздачи въ XI и XII ст. монастырскихъ земель свѣтской аристократіи и т. д. Въ XIII—XIV ст. мы не находимъ уже столь крупныхъ монастырскихъ владѣній, какъ въ IX—X ст. и владѣніе въ 300 гуфъ считалось уже весьма значительнымъ,—дѣйствительно, рѣдко монастыри имѣли большее количество. Въ XIII вѣкѣ даренія въ пользу нихъ совершенно прекратились; наоборотъ, доходы настолько уменьшились, что приходилось прибѣгать къ отчужденію церковныхъ земель. Если въ предыдущія столѣтія церкви занимались кредитными операціями, отдавая въ займы движимые капиталы, которыми они располагали, то къ концу средневѣковья имъ, наоборотъ, приходилось самимъ прибѣгать къ займамъ и задолженность нѣкоторыхъ изъ дудуховныхъ княжествъ (Констанцъ, Кельнъ, Майнцъ) достигаетъ къ концу средневѣковья весьма большихъ размѣровъ. Только во вновь завоеванныхъ земляхъ различнымъ духовнымъ орденамъ удалось образовать крупныя территоріальныя княжества, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Тевтонскій Орденъ.

Подобныя же черты развитія находимъ и въ Англіи: и здѣсь постепенно сокращаются владѣнія короля, на счетъ котораго обогащается аристократія, сосредоточивая въ своихъ рукахъ почти всѣ земли. Вильгельмъ Завоеватель былъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ въ странѣ, да и при его преемникахъ доменіальныя земли достигали еще весьма значительныхъ размѣровъ, ибо частыя конфискаціи, съ одной стороны, признаніе нецѣйствительнымъ (при Генрихѣ II) сдѣланныхъ ранѣе раздачъ (при Стефанѣ), съ другой стороны, препятствовали ихъ сокращенію. Лишь начиная съ Ричарда I и Іоанна Безз., продолжая Эдуардомъ II и Ричардомъ II, происходитъ раздача земель баронамъ, и хотя англійскіе короли отъ времени до времени даютъ обѣщанія не раздавать болѣе доманіальныхъ земель. и высшіе сановники неоднократно связываютъ себя присягой въ томъ, что не станутъ впредь принимать такихъ подарковъ, но фондъ королевскихъ доменъ сокращается все болѣе и болѣе: въ половинѣ XV вѣка въ рукахъ поземельной аристократіи сосредоточилось около половины всѣхъ земель королевства. Лишь къ концу вѣка, благодаря конфискаціи земель мятежныхъ лордовъ при Эдуардѣ IV и Ричардѣ III, домены нѣсколько увеличилась, но и то они по самой высшей оцѣнкѣ не превышали $^1/_5$ всѣхъ земель. Что касается другой половины земель, то—по вычисленіямъ М. М. Ковалевскаго—она принадлежала въ срединѣ XV столѣтія церкви, причемъ, подобно тому, какъ свѣтскія земли находились во владѣніи немногихъ крупныхъ вотчинниковъ—герцоговъ, графовъ, вице-графовъ и бароновъ, и среди духовенства архіепископы, епископы, аббаты и пріоры сосредоточивали въ своихъ рукахъ почти все поземельное владѣніе церкви, именно не меньше одной трети всѣхъ земель королевства, на долю же бѣлаго духовенства приходилась сравнительно небольшая часть земель. Такимъ обрааомъ въ Англіи церковныя владѣнія вплоть до XV вѣка не сокращались, и только въ этомъ столѣтіи дѣлаются попытки отнятія земель у церкви, но опять таки съ цѣлью раздачи ея вновь народившейся свѣтской аристократіи—владѣнія послѣдней продолжали непрерывно расширяться, въ политическомъ же отношеніи она хотя и играла большую роль, но не успѣла превратитяся въ самостоятельныхъ владѣтельныхъ государей, какъ это было въ Германіи (См. Ковалевскій. Обществ. строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, стр. 17—32).

И въ характерѣ самой помѣстной организаціи и веденія хозяйства въ помѣстьяхъ произошла рѣзкая перемѣна. Возьмемъ ли мы имперскія земли, монастырскія владѣнія или вотчины свѣтской аристократіи, мы повсюду замѣтимъ совершающійся процессъ распаденія прежняго помѣстнаго хозяйства, распаденія той единицы, которую представляло собой помѣстье—вилла. И это происходитъ во всѣхъ странахъ, хотя и въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаково скоро.

Уже съ XI ст. прежняя централизованная организація имперскихъ земель распадается, связь между отдѣльными имѣніями прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и iudices и сохраняется только одинъ maior, villicus, scultes, стоящій во главѣ данной виллы. Самостоятельное барщинное хозяйство болѣе не ведется, домены доставляютъ лишь опредѣленный для каждаго изъ нихъ servitium, тогда какъ все остальное остается въ рукахъ maior'овъ, графовъ и другихъ министеріаловъ. Съ XIII вѣка послѣдніе пріобрѣтаютъ все большую самостоятельность, образуютъ новое сословіе, должности ихъ превращаются въ наслѣдственныя вмѣстѣ съ землей, которая отдана въ качествѣ лена, нерѣдко они и прямо присваиваютъ себѣ доменіальныя земли. Но то же самое совершается повсемѣстно, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи и Англіи, и на помѣстьяхъ аристократіи, духовной и свѣтской. Барщинная земля либо вовсе исчезаетъ, либо значительно сокращается, ибо villicus или maior, Meier или maire, прежде простой приказчикъ изъ крѣпостныхъ, превращается въ министеріала съ рыцарскимъ достоинствомъ; будучи обязанъ доставлять вотчиннику продукты, производимые въ имѣніи и приносимые крѣпостными, не только присваиваетъ себѣ значительную часть доходовъ (усчитывать прикащиковъ представлялось почти невозможнымъ), но и передаетъ свою функцію по наслѣдству, хотя и даетъ присягу, что не будетъ дѣлать этого (изъ чего видно, какъ сильно укоренился этотъ обычай); иногда даже феодалъ вынужденъ соглашаться на переходъ должности до второго и даже третьяго поколѣнія, на чемъ дѣло конечно не останавливалось. Мало того, maior присоединяетъ къ своему, такимъ образомъ установившемуся, лену новыя части барской земли, обрабатывая ихъ въ свою пользу, отчуждаетъ части лена, заключаетъ договоры на значительные участки земли; отнятіе феодаломъ такихъ наслѣдственныхъ должностей у министеріаловъ и связанныхъ съ ними леновъ разсматривалось какъ своего рода государственный переворотъ. Стараясь предотвратить такое превращеніе прикащиковъ въ владѣльцевъ сеньоріальныхъ земель, феодалы устанавливали опредѣленный servitium, который maior обязанъ доставить, предоставляя ему весь получающійся сверхъ этого избытокъ дохода; они шли и дальше, просто сдавая въ аренду maior'у барщинную землю и заключая съ нимъ опредѣленный договоръ; наконецъ, поскольку наслѣдственность еще не успѣла установиться, они отнимали барскую землю (terra dominica), разбивали ее на части и отдавали ихъ въ аренду другимъ лицамъ (isti tenent de dominico часто встрѣчается въ земельныхъ книгахъ); иногда цѣлымъ общинамъ. Но въ особенности феодалы старались сохранить за собой по крайней мѣрѣ доходы, получаемые съ надѣльной земли и устранить посредничество прикащиковъ въ этомъ отношеніи. Съ этой цѣлью барщинная земля совершенно отдѣлялась отъ надѣльной и доходы отъ послѣдней должны были поступать непосредственно отъ крестьянъ, которые прямо сносились съ барской конторой, въ руки помѣщика, или же они сдавались на откупъ т. наз. фирмарію за опредѣленную сумму или, наконецъ, завѣдываніе ими передавалось особому лицу—фогту. Но такой образъ дѣйствія приводилъ неминуемо къ распаденію помѣстнаго хозяйства, ибо связь между барщинной землей и надѣльной прекращалась, и помѣстье расчленялось на двѣ самостоятельныя части, изъ коихъ одна обыкновенно представляла наслѣдственное держаніе прежнихъ maior'овъ или иныхъ лицъ, другая совершенно обособленно доставляла феодалу доходы тѣмъ или инымъ способомъ. Вотчинникъ переставалъ быть сельскимъ хозяиномъ, ибо барщинная земля болѣе не обрабатывалась на его страхъ и рискъ, онъ оставался лишь землевладѣльцемъ; вилла превращалась изъ хозяйственной единицы, состоявшей изъ извѣстнаго количества земли, исключительно въ субстратъ платежей и повинностей, которыя доставляютъ принадлежащія феодалу земли и которыя въ свою очередь отчуждаются и выдѣляются другимъ лицамъ по частямъ. Получается дисмембрація виллы, распаденіе прежнихъ крупныхъ помѣстій на рядъ мелкихъ, изъ виллъ образуются иногда совершенно мелкія имѣнья въ рукахъ не только аристократіи, но и духо-

ховенства и горожанъ: въ Бретани находимъ уже съ XII вѣка владѣнія, ограничивающіяся однимъ держаніемъ и состоящія изъ немногихъ arpents земли, въ Бургундіи виллы въ 18 дворовъ раздѣлены между 4 сеньорами (иногда помѣщику принадлежитъ всего одинъ вилланъ въ цѣломъ селѣ), а въ Пуату встрѣчаются помѣстья въ 1—2 и даже $^1/_5$ надѣла. Имѣнье въ 30 держателей считалось (во Франціи) уже значительнымъ, появилось слѣдовательно и вскорѣ стало господствующимъ мелкое хозяйство и мелкое землевладѣніе, причемъ классъ землевладѣльцевъ расширился за предѣлы феодальной аристократіи, включивъ въ свои ряды весьма много городскихъ патриціевъ [1]).

ГЛАВА II.

Барщина, личныя повинности и платежи.

Эти измѣненія не могли не отразиться на положеніи крестьянъ, облегчая крѣпостную зависимость и постепенное возвращеніе крестьянъ снова въ состояніе свободныхъ земледѣльцевъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи являлось установленіе разъ на всегда опредѣленныхъ платежей (они должны взиматься безъ насилія, такъ тихо, чтобы не разбудить дитя въ люлькѣ, не спугнуть пѣтуха съ насѣста), не зависѣвшихъ отъ произвола приказчика (который значительную часть ихъ присваивалъ себѣ), хотя при отсутствіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ эта опредѣленность могла быть лишь относительная.

Иногда даже говорится: приносимый въ качествѣ оброка пѣтухъ долженъ быть такой величины, чтобы онъ могъ вскочить на стулъ въ $1^1/_2$ фута вышины, а хлѣбъ, доставляемый крестьянкой, долженъ быть такой тяжести и толщины, какъ ея собственный задъ; сыръ долженъ быть настолько крѣпокъ, чтобы не разбился, будучи брошенъ объ стѣну.

А за этимъ слѣдовалъ дальнѣйшій и чрезвычайно важный шагъ—переводъ натуральныхъ повинностей и барщинныхъ работъ на деньги. Послѣднее обезпечивало феодалу опредѣленный доходъ и при распаденіи помѣщичьяго хозяйства являлось наиболѣе удобной для него формой дохода, тѣмъ болѣе, что продукты, доставляемые крестьянами въ натурѣ, были плохого качества [2]), а вслѣдствіе послѣдующаго паденія цѣнности денегъ эти платежи, при ихъ неизмѣняемости, оказались весьма выгодными и для крестьянъ. Что касается прежде всего реальныхъ оброковъ или тѣхъ, которые связаны съ землей и являются какъ бы платой за пользованіе послѣдней, то они (во Франціи) не только весьма рано уже пріобрѣтаютъ постоянный, опредѣленный характеръ, причемъ размѣръ обусловливается величиной надѣла, но уже въ XII вѣкѣ (отчасти даже въ XI ст. и раньше) частью превращены въ постоянные денежные платежи [3]), въ чиншъ, тяжесть котораго съ теченіемъ времени, съ паденіемъ цѣнности денегъ, все болѣе сокра-

---

[1]) Относительно этого процесса дисмембраціи виллы, см. для Англіи—Виноградовъ, ук. соч. Петрушевскій, II, стр. 166 и сл. Эшли, стр. 30—32. Hasbach. p. 21. Petit-Dutaillis (Reville), XXVIII и сл. Nasse, рус. изд. 38; для Франціи—Flach. II 81. и сл. Seignobos. p. 199. Boucomont. p. 53—56. Sée. Classes rurales. 149 и сл. 330 и сл. 560. Sée. Classes rur. en Bretagne. p. 32 и сл. 53—4. 88—91. Brants. p. 57; для Германіи—Lamprecht Deut. Wirt. I. 2. p. 771—75. Wittich. Grundherrsch. 304—18. Inama. II. 152—6. III. 1. p. 246—53.

[2]) Хлѣбъ, получаемый въ видѣ чинша, былъ равнозначущъ хлѣбу худшаго качества, овесъ вотчинникъ обязанъ принять, если лошадь, голодавшая три дня, соглашается ѣсть его, а вино, даже если оно столь кисло, что разъѣдаетъ ногу лошади, вставившей ее въ сосудъ съ этимъ виномъ.

[3]) Сначала устанавливается денежная цѣнноеть натуральныхъ повинностей (porcum unum VI denariorum) и допускается выборъ между ними (porcum unum aut pro porco V solidos), денежный эквивалентъ становится обычнымъ и его размѣръ фиксируется („certa")—viginti solidos pro carne et piscibus (Lamprecht. Franz. Wirtschaftsleben. p. 54).

щается; но и съ прибавленіемъ къ нему, вслѣдствіе этого, дополнительнаго чинша (surcens), этотъ платежъ все же являлся скорѣе символическимъ выраженіемъ правъ помѣщика на землю, чѣмъ дѣйствительнымъ оброкомъ. Тягостнѣе была другая часть чинша, уплачиваемая въ натурѣ (coutumes), въ видѣ хлѣба (къ Рождеству), яицъ (къ Пасхѣ) и всякой живности (куръ, овецъ, поросятъ) или же замѣнявшая чиншъ опредѣленная часть урожая (champart)—девятый, десятый снопъ (а также извѣстная часть винограда и т. д.). Въ этомъ случаѣ крестьянинъ не могъ убирать снопы съ поля, прежде чѣмъ приказчикъ сеньора не установилъ размѣровъ урожая и часть, принадлежащая сеньору, не была отнесена въ его амбаръ: крестьянскій хлѣбъ во теченіе всего этого времени лежалъ на полѣ и подвергался порчѣ отъ вѣтра и дождя [1]). Прогрессъ XIII и XIV ст. и заключался въ томъ, что объ эти тягостныя повинности, натуральный чиншъ и еще болѣе непріятный champart крестьянамъ удалось замѣнить опредѣленнымъ денежнымъ платежами. Въ Орлеанѣ, Нормандіи (XII ст.), Руссильонѣ, Лангедокѣ, Пуату, Бургундіи (въ XII ст.)—повсюду они превращаются постепенно въ невысокій денежный оброкъ („rentes qui ne croissent ni ne decroissent“) [2]). Еще чаще натуральныя повинности замѣняются опредѣленной денежной рентой въ Англіи. Наоборотъ, въ Германіи устраненіе натуральныхъ оброковъ составляетъ явленіе сравнительно рѣдкое, хотя чиншъ (Zins) и здѣсь превратился въ земельную ренту, опредѣляющуюся размѣрами надѣла, къ которой затѣмъ при спеціальныхъ культурахъ присоединились особые добавочные платежи. Повидимому эти спеціальные платежи, даже въ случаѣ превращенія основного чинша въ денежную ренту, сохраняли свой натуральный характеръ. Во всякомъ случаѣ помѣщики всегда оставляли за собой право выбора между денежнымъ и натуральнымъ оброкомъ.

Другой еще болѣе важный шагъ въ томъ же направленіи дѣлается въ смыслѣ замѣны барщины денежнымъ оброкомъ. Отдача барской земли на откупъ дѣлала излишнимъ барщину, какъ и вообще всякое сокращеніе ея позволяло освободить опредѣленныя группы виллановъ отъ этой тяжелой повинности. Но и вообще для феодала барщинный трудъ является повидимому далеко не всегда выгоднымъ. Барщинные дни сопровождались угощеніемъ крестьянъ, которое иногда достигало такихъ размѣровъ, что прокормленіе ихъ обходилось дороже, чѣмъ выручка отъ ихъ мало—интенсивнаго труда.

Въ эльзасскихъ источникахъ имѣются указанія вродѣ того, что по случаю ежегодной доставки вина въ Базель лодочники получаютъ обильное кушанье и столько вина, чтобы они только шатаясь могли дойти до лодки. Въ другомъ случаѣ барщинники могутъ претендовать на хлѣбъ величиной отъ колѣнъ до подбородка или такой величины, чтобы, взявъ его подъ мышку, нельзя было вложить палецъ за поясъ, при перевозкѣ они имѣютъ право на четвертную вина на каждой мили, а лошадямъ насыпается овесъ до ихъ груди. Косецъ имѣетъ право на столько скошенной травы, сколько въ состояніи поднять на концѣ косы, а при перевозкѣ на столько овса, сколько можетъ трижды забрать въ руку, кромѣ того онъ имѣетъ право взять себѣ полную телѣгу сѣна и съ каждаго перевезеннаго воза одинъ снопъ [3]).

Если при такихъ условіяхъ для феодала было выгоднѣе получать изъ года въ годъ опредѣленные платежи даже тамъ, гдѣ сохранилось сеньоріальное хозяйство, нанимая батраковъ для обработки барской земли, т. е. рабочую силу, въ пользованіи которой они были болѣе свободны, а военная дѣятельность—ихъ обычное занятіе — вызывала потребность въ значительныхъ денежныхъ суммахъ,

---

[1]) Son blé remaint de l'autre part
Qui est au vent et à la pluie
Au vilein malement ennuie
De son blé qui gist par le champ.
(Delisle, p. 64.)

[2]) Brutails. 151. 170. Delisle. p. 19. 49. Seignobos. p. 219. Sée, Classes rurales. p. 349—408. Bretagne. p. 63.

[3]) D'Avenel. I. 213 — 14. Hanauer. Paysans. 236. 242. Виноградовъ. Авг. 1886 г. стр. 285. Hagelstange. 36.

то и для крестьянъ такая замѣна обозначала значительное облегченіе, ослабляя зависимость ихъ и устраняя вмѣшательство сеньора въ ихъ жизнь; она превращала виллана изъ хозяйственнаго орудія своего господина въ свободно располагающаго своимъ трудомъ и временемъ человѣка, который вноситъ лишь извѣстную сумму денегъ въ пользу феодала. Замѣна барщины денежными платежами обозначала устраненіе стѣснительнаго контроля, неизбѣжно сопряженныхъ съ отбываніемъ повинностей насилій, произвола служащихъ въ экономіи лицъ, старавшихся извлечь изъ этого какъ можно больше выгоды для себя, обозначала освобожденіе крестьянъ отъ работъ въ пользу помѣщика въ страдную пору, работъ, сопряженныхъ съ растройствомъ ихъ собственнаго хозяйства. Недаромъ въ Англіи рядомъ съ юридическимъ различіемъ между держаніемъ по обычаю, т. е. юридически необезпеченнымъ, которое лордъ вправѣ отнять въ любой моментъ, и держаніемъ по формально заключенному договору проводится и другое различіе между двумя системами: оброчной и барщинной. Держанія, откупившіяся отъ барщины, даже прямо названы въ памятникахъ свободными, тогда какъ тѣ, которыя исправляютъ эти повинности, „рабочими, рабскими, вилланскими.“ Процессъ этотъ — коммутація—совершался конечно постепенно: исходной точкой было повидимому установленіе разъ на всегда точно опредѣленныхъ дней отбыванія барщины (по общему правилу виллянъ обязанъ былъ работать на лорда по три дня въ недѣлю отъ Михайлова дня—29 сент.—до праздника Петра въ веригахъ—1 авг. и по пяти дней еженедѣльно между 1 авг. и 29 сент.), причемъ старостѣ вмѣнялось въ обязанность тщательно слѣдить за недоимками въ работѣ и взыскивать ихъ деньгами. Такимъ путемъ постепенно устанавливался извѣстный тарифъ оцѣнокъ для каждой работы, и если первоначально денежные платежи носили форму штрафа за пропущенный день, то впослѣдствіи они, становясь обычными, превратились въ замѣнявшій барщину денежный оброкъ. Однако и будучи уже обычнымъ явленіемъ, такой денежный оброкъ все же долгое время по необходимости являлся лишь факультативнымъ: во многихъ описяхъ имѣній XIII вѣка противъ каждой натуральной повинности виллана значится денежный эквивалентъ, который взимался лордомъ по его желанію. Въ сотенныхъ спискахъ (Rotuli Hundredorum) мы находимъ не мало случаевъ, когда еще не установлено опредѣленнаго порядка и лордъ въ данномъ году беретъ съ виллана деньги, въ слѣдующемъ же требуетъ съ него снова opera: araturae, averagia и manuoperationes во всей ихъ полнотѣ. Зато въ другихъ случаяхъ—какъ видно изъ тѣхъ же списковъ—денежные платежи успѣли уже укорениться и лордъ лишь сохранилъ за собой право ad voluntatem вернуться снова къ барщинѣ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ платежи постепенно превращаются въ consuetudo manerii, пріобрѣтаютъ прочный характеръ освященной обычаемъ нормы, связывающей лорда и нарушеніе коей разсматривается какъ произволъ. Въ то время, какъ въ однихъ имѣніяхъ еще помнили имя лица, переведшаго барщину на деньги, въ другихъ денежные платежи настолько укоренились, что передача этой земли новому держателю „за отработки“, а не „за ренту“ считалась несправедливостью. Нерѣдко выкупъ совершался не отдѣльными лицами, а цѣлыми селами и даже округами — онъ становился обычаемъ цѣлой мѣстности и выигрывалъ въ прочности, иногда онъ приводилъ даже къ заключенію настоящихъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами и нарушеніе такой грамоты давало крестьянамъ искъ въ королевскомъ судѣ.

Конечно, какъ указываетъ П. Г. Виноградовъ, барщина еще долго не исчезала цѣликомъ, различіе между свободными отъ барщины и несвободными участками было лишь количественное, опредѣляясь главной массой повинностей: подобно тому, какъ барщинныя держанія плотятъ и небольшой оброкъ, и на оброчныхъ земляхъ остаются извѣстныя барщинныя обязанности (Авг. 1886 г. стр. 283). Такая коммутація, т. е. замѣна барщины оброкомъ, происходитъ уже въ XII вѣкѣ, и въ XIII ст.—по словамъ Д. М. Петрушевскаго—вилланъ, отбы-

вающій всѣ свои натуральныя повинности, чрезвычайно рѣдкое явленіе, и „безъ преувеличенія можно сказать, что въ кустумаріяхъ, составленныхъ въ это время, не найдется ни одного виллана, та или другая часть барщины котораго не была бы переведена на деньги“ (II. 140).

Ранѣе всего это произошло повидимому на королевскихъ доменахъ, гдѣ уже въ первой половинѣ XII вѣка (при Генрихѣ I) натуральныя повинности виллановъ были переведены на денежные платежи. Въ „Діалогѣ“ о казначействѣ (Dialogus de Scaccario), относящемся къ этой эпохѣ, говорится, что, когда король Генрихъ I „сталъ ѣздить въ заморскія и отдаленныя страны для подавленія возстаній, ему понадобились необходимыя для этого средства въ формѣ чеканной монеты“. Вмѣстѣ съ тѣмъ во время его поѣздокъ крестьяне „часто выходили къ нему съ сошниками своихъ плуговъ въ рукахъ въ знакъ того, что земледѣліе приходитъ въ упадокъ, ибо на нихъ лежали неисчислимыя тягости въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, которые они должны были доставлять изъ своего мѣстожительства въ различныя мѣстности королевства“. Потребности въ деньгахъ и непроизводительная трата времени вилланами при отбываніи натуральныхъ повинностей, какъ два основные фактора, вызвавшіе коммутацію, здѣсь ярко выступаютъ наружу. За королемъ вскорѣ послѣдовали и лорды, а затѣмъ и монастыри, хотя въ духовныхъ помѣстьяхъ коммутація совершалась медленнѣе, чѣмъ въ свѣтскихъ. На широкое и быстрое распространеніе послѣдней въ Англіи въ эпоху, предшествующую черной смерти 1349 г., обратилъ особенное вниманіе Роджерсъ. Six Cent. Ch. VIII. Другіе изслѣдователи подчеркнули фактъ существованія барщины еще во второй половинѣ XIV вѣка, а мѣстами даже въ XV и началѣ XVI ст. Однако, находя утвержденія Роджерса чрезмѣрно преувеличенными, когда онъ говоритъ, что почти всѣ уже платили вмѣсто барщины деньги, Пти-Дютаи все же признаетъ, что въ теченіе XIII ст. и первой половины XIV ст. барщина приходитъ въ упадокъ и только предостерегаетъ отъ крайняго оптимизма Роджерса. А Томасъ Пэджъ указываетъ на то, что въ отношеніи пастьбы скота барщина уже рано замѣнилась наемнымъ трудомъ, ибо она приходилась на опредѣленные дни и нельзя было поручить свиней или овецъ виллану, который служилъ только три дня въ недѣлю, а за пастухами пошли пахари и возчики и вскорѣ всѣ конныя службы оказались выкупленными, тѣмъ болѣе, что онѣ отбывались лишь зажиточными крестьянами: онѣ еще до Черной смерти 1349 г. были по общему правилу переведены на оброкъ. Что же касается ручныхъ работъ, выполнявшихся малоземельными вилланами, которые не въ состояніи были выкупиться отъ нихъ, да и исполняли такія работы, для которыхъ, въ особенности во время сѣнокоса и уборки хлѣба (когда требовалось много рабочихъ рукъ) невозможно было найти достаточнаго количества батраковъ въ эту эпоху, то Педжъ утверждаетъ, что они до половины XIV ст. были лишь отчасти замѣнены денежными платежами: изъ 78 изученныхъ Педжемъ мэноровъ въ 40 ручныя работы еще сохранились почти цѣликомъ, а въ 21 выполнялось не менѣе половины такихъ работъ барщиннымъ трудомъ.

Было бы ошибочно предполагать, что такія измѣненія въ хозяйственномъ строѣ помѣстья произошли лишь въ одной Англіи. Какъ указываетъ профессоръ Пискорскій, они имѣли мѣсто въ большомъ количествѣ и въ Каталоніи, гдѣ также, въ особенности въ XIV и XV ст., происходила замѣна не только натуральнаго оброка, но и личнаго труда крестьянъ опредѣленными денежными платежами на вѣчныя времена или на опредѣленные сроки. Обыкновенно замѣна личныхъ обязательствъ ежегоднымъ оброкомъ совершалась на основаніи откупа, единовременной уплаты опредѣленной суммы, и во многихъ случаяхъ именно это отступное, необходимое феодалу при стѣсненныхъ денежныхъ обязательствахъ, являлось рѣшающимъ моментомъ, побуждавшимъ его отказаться отъ барщины [1]). Во Франціи барщина (corvées, prières, preces) превращается въ разъ на всегда опредѣленную повинность, ибо договоромъ или обычаемъ опредѣляется число дней въ году, которое обязанъ работать виланъ (а не только неопредѣленная по времени задача), причемъ не только на югѣ, въ Руссильонѣ (не болѣе 8 дней), Лангедокѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ—въ Нормандіи,

[1]) Пискорскій, 134—42.

Аквитаніи, Бургундіи (не болѣе 4 дней) число барщинныхъ дней сокращается все болѣе и болѣе, достигая 1—3 дней въ годъ; иногда она даже совершенно исчезаетъ, какъ, напр., во Фландріи, во вновь основанныхъ съ конца XII ст. селеніяхъ Шампани, въ казенныхъ помѣстьяхъ Орлеана; въ другихъ случаяхъ сохраняются только общественныя помочи и сторожевая служба или подводная повинность, прочія же работы постепенно переводятся на деньги и замѣняются, въ особенности на виноградникахъ, поденнымъ трудомъ батраковъ.

Въ Германіи съ конца XIII ст., повидимому подъ вліяніемъ дробленія гуфъ, вслѣдствіе чего и связанныя съ ними повинности сильно дробились и нерѣдко совершенно исчезали, въ частности и барщинныя работы сильно сокращались, помѣщики предпочитали замѣнять ихъ своевременно деньгами (redemptio). Уменьшеніе площади барской земли и здѣсь способствовало этому и хотя расширеніе вновь распаханныхъ площадей общинныхъ земель (Beunde) и заставляло въ XIV вѣкѣ снова прибѣгать къ крестьянскому труду, но въ общемъ онъ повсюду сократился, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, составляя не болѣе 12 дней въ году, иногда же всего два или даже одинъ день въ годъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ остались лишь подводныя повинности, строительныя и уходъ за скотомъ, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ крестьянъ замѣнили дворовые крѣпостные [2]).

Наконецъ, и третья категорія повинностей, повинности чисто-личнаго характера—дурные обычаи, какъ ихъ называло населеніе, (mauvaises coutumes, malas consuetudines, malos usos), ибо они носили рабскій отпечатокъ, вытекая изъ первоначальнаго рабскаго состоянія (отъ котораго они и впослѣдствіи сохранились, распространившись и на прочихъ держателей),—постепенно измѣняютъсвой прежній характеръ, замѣняясь, поскольку они отдавались въ натурѣ, денежными платежами, сокращаясь, поскольку они являлись имущественными, до незначительныхъ размѣровъ, наконецъ исчезая вовсе, вслѣдствіе откупа или полной отмѣны ихъ. Среди этихъ повинностей на первомъ планѣ стояли различные поголовные платежи—признакъ несвободнаго состоянія, впослѣдствіи превращенные въ реальную тягость, лежащую на землѣ, которую держитъ крестьянинъ, въ сборъ съ дыма, со двора (fumagium, foagium, Herdpfennig, Rauchhuhn, Rauchhafer), какъ это происходило въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи; или же они превратились (во Франціи) изъ taille arbitraire (первоначально сеньоръ вправѣ взять любую часть: tailler à volonté) въ опредѣленный, взаимаемый соотвѣтственно размѣрамъ держанія, раскладочный сборъ—censive (къ нему иногда впрочемъ присоединяется taille extraordinaire), или, наконецъ, выражая собою одинъ лишь фактъ зависимости, понизились до минимальныхъ размѣровъ (tallagium, chevagium въ Англіи), до приношенія разъ въ годъ каплуна, корня имбиря или розы.

Таково далѣе присвоеніе сеньоромъ послѣ смерти виллана принадлежащаго послѣднему имущества цѣликомъ или частью, вытекавшее изъ права сеньора на все, что принадлежало крѣпостному, который—происходя изъ рабскаго состоянія—собственнаго имущества имѣть не могъ, а получалъ его лишь въ пожизненное пользованье, но не могъ распоряжаться имъ; онъ не могъ поэтому ни завѣщать его, ни отчуждать, и точно также не могъ пріобрѣтать землю на сторонѣ для себя, а лишь для сеньора. Постепенно, однако, переходъ всего имущества послѣ смерти къ сеньору замѣняется отдачей лучшей штуки скота и извѣстной денежной суммы, смотря по размѣрамъ земли (или только однимъ платежемъ), запрещеніе же отчуждать землю или пріобрѣтать ее на сторонѣ, замѣнялось уплатой въ пользу сеньора небольшой суммы при переходѣ земли.

---

[1]) Boucomont. p. 28. Brutails. p. 167. Molinier. p. 163. Seignobos. p. 258.216. Delisle. p. 126 и сл. Sée. p. 382—85. Ковалевскій, II. стр. 563 и сл. 577 и сл. 640—2.

[2]) Lamprecht. I. 864—66. Inama. III, 1. 407—14. Wittich. 321. Hagelstange. 31 и сл.

Въ Англіи формально вся земля принадлежала исключительно лорду и поэтому онъ во всякое время могъ отнять у виллана землю, а также взять ее себѣ послѣ смерти виллана, какъ и имѣлъ право на всю ту землю, которую виллань пріобрѣталъ въ другихъ мѣстахъ. Однако фактически случаи осуществленія этого права являлись исключеніемъ. Въ XIII вѣкѣ мы находимъ лишь отдѣльные случаи отобранія земли у крестьянъ и точно также недопускаемое прежде взятіе свободнаго участка на сторону въ эту эпоху уже замѣнилось испрашиваніемъ на это разрѣшенія лорда въ качествѣ простой формальности съ внесеніемъ за это извѣстной суммы денегъ. „Вырабатываются извѣстныя постоянныя нормы, обычаи, которые регулируютъ постоянно повторяющіеся факты брака, наслѣдованія, отчужденія и т. п... Подъ прикрытіемъ этого обычая совершаются между крестьянами сдѣлки и устанавливаются права, аналогичныя сдѣлкамъ и правамъ свободнаго гражданскаго оборота". Вступленіе лорда въ свои права на землю виллана становилось постепенно простой формальностью. Въ дѣйствительности земля переходила in manus domini лишь до тѣхъ поръ, пока не являлся наслѣдникъ умершаго, къ которому „по праву должна перейти эта земля наслѣдственнымъ порядкомъ", какъ говорится въ памятникахъ, и послѣдній безпрепятственно вступалъ въ свои права.

Изъ этого имущества сеньоръ имѣлъ право лишь на извѣстную небольшую часть—геріетъ. Первоначальное отнятіе почти всего недвижимаго имущества виллана (всѣ лошади, пчелы, свиньи, кромѣ одной, все шерстяное платье, лучшая голова рогатаго скота, котелъ) замѣнилось одной лучшей головой скота, при отсутствіи же скота лордъ не получалъ ничего; а еще чаще натуральный геріетъ (herietum) замѣнялся опредѣленнымъ денежнымъ платежемъ, которому присваивалось то же названіе. И другія сдѣлки совершаются вилланами безпрепятственно, какъ, напр., передача однимъ крестьяниномъ другому участка въ видѣ аренды; эта междукрестьянская аренда, въ XIII ст. сильно развилась, какъ видно изъ Д. М. Петрушевскаго.

Если первоначально она производилась въ формѣ сдѣлки между лордомъ и новымъ арендаторомъ, при которой прежній владѣлецъ совершенно устранялся (онъ возвращалъ землю сеньору, а послѣдній уже передавалъ ее арендатору), то вскорѣ форма измѣнилась: держатель испрашивалъ лишь разрѣшенія лорда на сдачу опредѣленному лицу земли на извѣстное количество лѣтъ и уплачивалъ за это разрѣшеніе денежную сумму. При этомъ виллань уже разсматривался, слѣдовательно, какъ дѣйствительный владѣлецъ земли, продолжая сохранять за собой—какъ видно изъ различныхъ памятниковъ—держательскія права на землю и пользуясь правомъ, въ случаѣ нарушенія договора арендаторомъ, искать съ него удовлетворенія судебнымъ порядкомъ.

Во Франціи mainmorte или relief (въ Испаніи—экзоркія и интестія), т. е. право на имущество виллана послѣ его смерти, уже въ XIII вѣкѣ измѣняется въ томъ смыслѣ, что имущество переходитъ къ дѣтямъ умершаго (если нѣтъ дѣтей, то наслѣдуетъ сеньоръ), не только въ томъ случаѣ, если они жили вмѣстѣ съ нимъ, но даже если они вели отдѣльное хозяйство, сеньору же уплачивается лучшая штука скота (meilleur catel въ Геннегау, halve-have въ Брабантѣ, Kurmede въ другихъ мѣстахъ Бельгіи) или лучшее украшеніе и извѣстные сборы при переходѣ имущества (lods et ventes).

Въ Германіи платежи по случаю смерти (Kurmede, Bahrenrecht, Sterbfall, Toder, Optimale, manus - mortua), равнявшіеся ранѣе всему или значительной части движимаго имущества, превращаются, какъ и прочіе сборы при отчужденіи имущества (Empfängnis, Vorhure), въ реальныя повинности, лежащія на надѣлѣ и уплачиваемыя съ каждаго участка, хотя бы самой незначительной величины („если на немъ еще помѣщается трехножный стулъ"); они замѣняются лучшей штукой скота (Besthaupt), или второй по качеству (сначала наслѣднику предоставлено отобрать лучшую голову скота, а затѣмъ уже выбиралъ помѣщикъ),

или лучшимъ платьемъ. При этомъ нерѣдко лучшей штукой считалась та, которую слуга сеньора, проходя по конюшнѣ или хлѣву, спиной къ скоту, ударилъ палочкой или просто издали выбралъ на глазомѣръ. Да и такая Kurmede разсматривалась уже въ XIII ст. многими какъ похищеніе чужого имущества, которое сеньоръ обязанъ вернуть его дѣйствительному собственнику. Наконецъ, Besthaupt принимаетъ и форму денежной суммы или получаетъ чисто символическій, выражающій подвластность лица сеньору, характеръ въ видѣ предоставленія сеньору трехножника, который и сжигался во дворѣ вдовы умершаго.

Вообще и въ Германіи отчасти установилось новое обычное право внутри имѣній, въ силу котораго крестьянинъ уже не находился въ полной зависимости отъ помѣщика: его имущество уже не считалось собственностью помѣщика, оно переходило по наслѣдству, оно съ разрѣшенія помѣщика отчуждалось или же послѣднему лишь предоставлялось право преимущественной купли, или наконецъ ему давалась извѣстная пошлина только съ отчуждаемаго имущества. Что держатели постепенно разсматриваются какъ собственники, видно изъ того, что они перестаютъ отвѣчать по обязательствамъ помѣщика и добиваются, съ другой стороны, права отягощать свои надѣлы, что ихъ держаніе признается наслѣдственнымъ владѣніемъ и устанавливается опредѣленный, признаваемый и помѣщикомъ, порядокъ наслѣдованія.

Сюда же относится вытекавшее изъ права сеньора на жену крестьянина т. наз. право первой ночи, также признакъ рабскаго состоянія, заключавшееся первоначально въ правѣ помѣщика пользоваться новобрачной (въ брачную ночь) до передачи ея мужу и замѣненной впослѣдствіи различными символическими дѣйствіями (ius coxae locandae, droit de jambage—право сеньора класть одну ногу въ постель новобрачной или переступать ногой черезъ нее, остатки прежняго дѣйствительно совершаемаго обычая) и денежными платежами (maritagium, formariage, merchetum) за разрѣшеніе вступить въ бракъ. Послѣднее носило въ Англіи названіе redemcio sanguinis—выкупъ повинности крови, во Франціи—culage, т. е. срываніе плодовъ, payer le cullage de mariage, droit de braconnage—обнимать, въ Испаніи—firma di spoli forzada, въ Германіи—lungferuzins, Hemdschilling, Freudengeld, даже cunnagium). И символическія дѣйствія и названія платежей прямо указываютъ на характеръ прежней повинности, причемъ долгое время такая замѣна являлась факультативной въ зависимости отъ воли помѣщика или желанія крестьянина [1]).

Въ то время, какъ огромное большинство изслѣдователей аграрнаго строя среднихъ вѣковъ (напр., М. М. Ковалевскій, П. Г. Виноградовъ, Бонмеръ, Вейнгольдъ и др.) стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что ius primae noctis являлось общераспространеннымъ въ средніе вѣка и лишь постепенно исчезло, (Delisle p. 75), въ особ. же Karl Schmidt въ спеціальномъ изслѣдованіи „Ius primae noctis“. 1881. отрицаетъ его существованіе. Но всѣ. ихъ возраженія сводятся къ тому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о такой обязанности крѣпостного, это есть ничто иное какъ шутка, которая заставляла виллана точно уплатить опредѣленную денежную сумму (Schmidt. p. 254), ибо они не сомнѣваются въ томъ, что онъ не могъ предпочесть уплатѣ предоставленіе новобрачной сеньору. Однако, не говоря уже о томъ, что самое существованіе такихъ платежей необъяснимо, если мы не будемъ исходить изъ того, что они являлись остаткомъ, замѣной прежней натуральной повинности (для всѣхъ прочихъ платежей мы находимъ такія натуральныя повинности), а также необъяснимы и приведенныя выше символическія дѣйствія (напр., право сеньора класть одну ногу въ постель новобрачной, непонятно, если не предположить, что это остатокъ ius primae noctis),—не говоря уже объ этомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что съ одной стороны, виллань могъ оказаться не въ состояніи уплатить данную денежную сумму, ибо (какъ мы увидимъ ниже) матеріальное положеніе крестьянъ было весьма плохое, и тогда имъ прихо-

[1]) Напр., въ Нормандіи въ 1419 г.: ou je puis et dois, s'il me plaist, aler couchier avecque l'espousée, en cas ou son mary ou personne de par lui ne me paieroit и т. д.

дилось выбирать отбываніе повинности въ натурѣ, а съ другой стороны, что взгляды на половыя отношенія были въ тѣ времена совершенно иныя, почему нельзя исходить изъ современныхъ представленій, какъ это дѣлаетъ Шмидтъ (p. 52): виллань могъ соглашаться на отбываніе права въ натурѣ, не усматривая въ этомъ ничего дурного, чтобы не лишиться необходимыхъ ему средствъ. Вѣдь—какъ сообщаютъ Мауреръ (Städteverfassung. II. 110) и Кригкъ (Deut. Bürgertum im Mitt. p. 319)—въ средніе вѣка почтенные горожане отдавали своихъ женъ и дочерей на заработки въ проституціонные дома, простое изнасилованіе—какъ указываетъ. Haeser (Gesch. der Medicin. III. 224)—являлось въ то время обычнымъ и считалось чѣмъ то невиннымъ.

Такіе же платежи вносятся крестьяниномъ въ случаѣ, если его дочь потеряла невинность (ибо здѣсь помѣщикъ во всякомъ случаѣ лишается возможности осуществить свое право)—въ Испаніи она называлась „кугусія"—или если она желаетъ выйти замужъ за предѣлы помѣстья (къ указанному выше присоединяется и потеря подданной и ея потомства, почему плата увеличивается). Самое же право перехода добыто уже крестьянами и (не только въ Англіи, но и) во Франціи и Германіи („Unterzug"),—въ Каталоніи это право называлось „ременса"; между помѣщиками заключаются договоры о допущеніи такихъ браковъ ихъ подданныхъ,

Рядомъ съ этими основными личными повинностями находимъ и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ какъ то: обязанность виллана удобрять своимъ скотомъ землю вотчинника, обязанность молоть муку на сеньоріальной мельницѣ, обязанность кормить помѣщика и его челядь въ теченіе пребыванія его въ данной мѣстности (droit de gite), повидимому остатокъ отъ прежнихъ временъ, когда помѣщикъ (вождь) преимущественно такимъ путемъ кормился на счетъ подвластнаго населенія (это и была главная форма оброка),—повинность, которая значительно ограничивается („Selb dritt mit zweien Winden und einem Vogelhund"—не болѣе чѣмъ съ двумя слугами, двумя борзыми псами и одной гончей), или вовсе замѣняется небольшими платежами.

Подобно тому, однако, какъ барщина далеко не исчезла вполнѣ въ теченіе средневѣковой эпохи, а обнаруживая лишь тенденцію къ такой постепенной замѣнѣ денежнымъ оброкомъ, отчасти даже въ Англіи, а тѣмъ болѣе на континентѣ еще въ значительной мѣрѣ сохранилась, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, такъ и перечисленныя выше личныя повинности далеко не повсюду замѣнялись денежными платежами и постепенно сводились къ минимуму. Даже въ Англіи остатки отъ этихъ рабскихъ повинностей, какъ они назывались, сохранились еще въ XVI вѣкѣ, въ Каталоніи всѣ шесть „дурныхъ обычаевъ" были окончательно отмѣнены (частью исчезли уже раньше) лишь въ 1486 г., во Франціи мы находимъ двѣ категоріи населенія — т. наз. свободныхъ держателей (vilains francs) и крѣпостныхъ; первые, въ противоположность послѣднимъ, освобождены совершенно отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ личныхъ повинностей, отбывая въ то же время барщину и прочія повинности и тягости. Они успѣли выкупить какъ обязанность брать разрѣшеніе (и платить за него) въ случаѣ вступленія въ бракъ (formariage) [1]) въ частности съ лицомъ, входящимъ въ составъ другого помѣстья, такъ и обязанность отдачи сеньору части имущества въ случаѣ смерти (main-morte), что даетъ имъ возможность свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, а taille arbitraire для нихъ замѣнена разъ навсегда опредѣленнымъ платежомъ—характерный признакъ лично-свободнаго (ибо крѣпостной есть taillable à merci, по усмотрѣнію сеньора); при этомъ, однако, во многихъ случаяхъ villain franc освобожденъ либо отъ main-morte, либо отъ taille arbitraire, а не отъ обѣихъ повинностей вмѣстѣ, или же освобожденіе отъ одной изъ нихъ предшествуетъ — иногда на многія десятилѣтія — прекращенію другой. И точно также въ Германіи мы находимъ съ одной стороны,

[1]) Для другихъ слоевъ населенія оно еще сохранилось въ денежной формѣ, а иногда даже въ натурѣ: имѣются судебныя рѣшенія, напр., въ Guyenn 1302 г., на основаніи которыхъ за сеньоромъ признается право „de premici, et de deflorement" и супруги, отказавшіеся подчиниться ius prima noctis", приговариваются къ наказанію.

крестьянъ, пріобрѣвшихъ право свободнаго отчужденія надѣла въ предѣлахъ вотчины, добившихся сокращенія (лучшая штука скота) или даже полной отмѣны правъ феодала на ихъ имущество и установленія платы за разрѣшеніе вступить бракъ (самое разрѣшеніе становится формальностью) до разъ навсегда опредѣленнаго размѣра; такое освобожденіе отъ личныхъ повинностей совершилось въ значительной мѣрѣ и въ Вестафаліи, и въ Саксоніи, Тиролѣ и т. д. А рядомъ съ ними сохранились попрежнему обширные слои крестьянскаго населенія, которые несли тѣ же тягости, что и раньше, и во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ уничтожены были вилликаціи и крестьяне подчинены были фогту, не только помѣщикъ, но и фогтъ взималъ съ нихъ различные платежи, получалъ Besthaupt и т. д. [1]).

ГЛАВА III.

Причины постепеннаго раскрѣпощенія крестьянъ.

Чѣмъ же обусловливались перемѣны, происшедшія въ положеніи крестьянъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья? Несомнѣнно, что фискальныя соображенія играли важную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ различныхъ повинностей и сокращенія чинша и оброковъ. Возможность получить сразу крупную сумму, выкупъ (во Франціи онъ достигалъ иногда 1300, 3200, 4850 ливровъ), которымъ сопровождалось освобожденіе отъ этихъ тягостей, имѣло огромное значеніе для феодала, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ, и неудивительно, что наиболѣе нуждавшійся въ звонкой монетѣ (см. кредитъ ниже) — король всегда первый вступалъ на этотъ путь. Но рядомъ съ этимъ имѣлись и другія, болѣе глубокія причины, которыя дѣлали не только возможнымъ, но и необходимымъ постепенное раскрѣпощеніе вотчиннаго населенія.

Эти причины заключались прежде всего въ обиліи свободныхъ земель, съ одной стороны, и въ рѣдкости населенія и медленномъ его приростѣ, съ другой стороны. И въ Англіи (въ особ. на сѣверѣ) и въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи имѣлись обширныя пространства, гдѣ посредствомъ расчистки лѣсовъ и истребленія хищныхъ животныхъ можно было создать новыя пахотныя поля, что дѣйствительно происходило въ періодъ 1290 — 1350 г.г. Еще большія незаселенныя площади открывались передъ переселенцами на сѣверѣ Фландріи и Брабанта, гдѣ они весьма рано стали корчевать обширныя пустоши (solitudines) и отвоевывать новыя пространства земли у моря и болотъ (polder'ы), устраивая плотины и заграждения отъ морскихъ волнъ [2]). Развивъ желѣзную энергію въ непрерывной борьбѣ съ суровой природой родины и заселивъ бременскую область и Гольштинію, фламандскіе, зеландскіе и фрисландскіе колонисты (отчасти они отправлялись и въ Англію) направились затѣмъ и къ востоку и расчистили отъ болотъ и лѣсовъ различныя мѣстности Тюрингіи, Лузаціи, Саксоніи, далѣе Бранденбурга, Мекленбурга и Лауенбурга, перешли въ прибалтійскія земли и наконецъ стали селиться и на югѣ — въ Богеміи. Покидая

---

[1]) О личныхъ повинностяхъ см. Англія—Виноградовъ, Журн. Мин. Май 1886 г. стр. 60—63, 67—72 и Авг. 276—9. 291. 299. Петрушевскій. II. 103—121, 182—92. 218—24. Hasbach. 24—25. Франція — Bonnemère I. p. 44—82. Delisle. p. 67—и сл. Seignobos. 219—21. 224. Brutails. 172. и сл. Sée. Bretagne. p. 65. Id. Classes rur. 177 — 80. 357 — 62. 386 и сл. Darmstädter. p. 216—17. Германія — Hagelstange. 23. Wittich. 322. Lamprecht. I. 925. и сл. 1178—86. 1191—94. 1199—1203. Inama. III. 1 p. 311—14. 398 — 400. Schmidt. 125—36. Бельгія—Brants. p. 62. и сл. Pirenne. I. 153 и сл. вообще, — Ковалевскій, passim, въ особ. гл. XIX—XXI перваго тома.

[2]) Pirenne. I. 157—60. 328—38. II. 511—12. D'Avenel. I. 272.

своего сеньора, они добивались значительной личной свободы (фламандское право вездѣ считалось существеннымъ улучшеніемъ правоваго положенія населенія); вмѣстѣ съ тѣмъ они заводили болѣе интенсивное хозяйство, примѣняя систему осушенія болотъ и возведенія плотинъ (слѣды ихъ дѣятельности въ Бранденбургѣ сохранились и до сихъ поръ), заводя луговое хозяйство, развивая скотоводство, устраивая молочныя мызы (vaccarie) и овчарни (berquerie).

За фламандцами и голландцами на востокъ пошли и нѣмцы, въ мѣстности, между Эльбой и Залой—саксонцы и тюрингенцы, въ Бранденбургъ и далѣе въ Лузацію и Мекленбургъ—саксонскіе и вестфальскіе крестьяне, въ альпійскія и придунайскія страны (Богемію, Моравію, Силезію, Тироль)—баварцы и прирейнскіе жители. Источники прямо указываютъ на то, что тяжелыя повинности и службы довели населеніе до крайней нищеты и вынудили покинуть отечество и унаслѣдованныя отъ отцовъ земли (1102 г.), что произволъ помѣщиковъ заставилъ крестьянъ бросить свои держанія и переселиться въ другія страны (памятники 1141 и 1146 гг.). Начавшись въ XII вѣкѣ, эта колонизація (германскимъ населеніемъ преимущественно славянскихъ земель германизація) продолжалась въ теченіе трехъ вѣковъ—XII, XIII и XIV.

Въ XII—XIII ст. нынѣшняя Тиролія была вполнѣ заселена нѣмцами (до Венеціанской области, Вероны и Виченцы), правильныя переселенія которыхъ происходили вплоть до XIII ст., и такая же колонизація Богеміи въ XII—XIII ст. привела къ тому, что въ концѣ XIV ст. пограничныя мѣстности Богеміи и Моравіи стали вполнѣ нѣмецкими. Заселеніе Мекленбурга было закончено уже въ XII вѣкѣ, Бранденбурга—въ XIII ст. Колонизація послѣдней, начавшись повидимому въ 1143 г., распространилась затѣмъ и на Лузацію, Мейссенъ, восточную Тюрингію, восточную Гольштинію, Померанію (она заселяется въ XIII ст.), Силезію (до 1260 г. возникло около 1500 новыхъ селеній и переселилось туда ок. 150—180 тыс. нѣмецкихъ колонистовъ) и Познань (въ XIII и XIV ст.). До XIV ст. продолжалось и заселеніе мѣстности между Эльбой и Залой нѣмецкими крестьянами. Только съ конца XIV ст. выселеніе во вновь завоеванныя страны, являвшееся угрозой для нѣмецкаго барона, прекращается [1]).

Населеніе уходило въ другія мѣстности, гдѣ оно пользовалось и личной свободой и большими правами на землю, а въ то же время убыль его не покрывалась естественнымъ приростомъ, вслѣдствіе чрезвычайно высокой смертности. Въ Англіи въ теченіе одного XIII вѣка находимъ цѣлый рядъ эпидемій и сильныхъ голодовъ (1201, 1247, 1257, 1258, 1259, 1271, 1294) и еще больше ихъ было въ предшествующемъ столѣтіи, въ Германіи съ 1326 г. по 1400 г. насчитывается 32 года эпидемій. Наиболѣе ужасной „международной“ (ибо она распространилась на всю Европу) эпидеміей являлась Черная смерть 1347—50 гг.—эпидемія моровой язвы, которая во всѣхъ странахъ Европы унесла отъ $^1/_3$ до половины населенія.

Черная смерть или чума, охватившая Европу въ 1347—1350 гг. (эпидемія находилась въ связи съ неурожаями и болѣзнями растеній, дождями и наводненіями, опустошеніями полей саранчой) появилась изъ Восточной Азіи, перейдя оттуда къ Каспійскому и Черному морямъ, въ Сирію и Малую Азію, и уже въ концѣ 1346 и 1347 гг. свирѣпствовала въ значительной части юго-восточной Европы. Изъ Константинополя и Сиріи она была занесена на торговыхъ судахъ, возвращавшихся съ Востока, въ торговыя города у Средиземнаго моря, въ Мессину, Геную, Амальфи и др. („замѣчательно, гдѣ бы ни приставали корабельщики—разсказываетъ лѣтописецъ—повсюду, всѣ, кто ни приходилъ съ ними въ сношенія, умирали, какъ будто бы ихъ дыханіе заключало въ себѣ смертоносный ядъ“). Вскорѣ прибрежныя мѣстности Италіи, Испаніи, Франціи (въ концѣ 1347 и нач. 1348 г.) была захвачены чумой, а затѣмъ она была занесена (въ авг. 1348 г.) и въ торговые порты Англіи. Отсюда, изъ портовыхъ городовъ и прибрежной полосы, эпи-

[1]) Hasse. 19—55. 74—6. Pirenne I. 160—61. Grossmann. 7. Inama. III. 1. 1—19. Behre. Absch. I. Brants. 44 и сл. Schulze. Kolonisierung und Germanisierung der Gebiete zwischen Elbe und Saale, p. 122 и сл.

демія уже стала распространяться въ глубь материка, сначала по Италіи (въ серединѣ 1348 г.), затѣмъ и въ другихъ странахъ средней Европы (особенно во Франціи), въ Германіи (въ 1349 г.) и въ Англіи, гдѣ 1 января началась въ Норвичѣ (еще въ ноябрѣ появилась въ Лондонѣ) и далѣе шла къ сѣверу, прекратившись лишь осенью слѣдующаго года [1]). Лѣтописцы, подъ вліяніемъ ужаса, охватившаго современниковъ, когда вымирали цѣлыя селенія и опустошенія превышали все дотолѣ извѣстное, хотя люди того времени не были избалованы въ этомъ отношеніи (и въ предыдущія десятилѣтія по нѣскольку мѣсяцевъ сряду свирѣпствовали голода и эпидеміи), утверждали, что изъ десяти человѣкъ пережилъ всего одинъ эту ужасную эпидемію (vix decima pars hominum fuisset relicta ad vitam). Но если это и преувеличено, то все же историки сходятся въ томъ, что въ Европѣ погибло не мѣнѣе третьей чаети населенія, ве Франціи, Англіи, быть можетъ, даже половина [2]).

Вслѣдствіе этого, въ Англіи — какъ указываетъ Роджерсъ — населеніе съ XIII до XVI ст. не возрастало [3]), и точно также во Франціи значительный ростъ населенія, начинающійся — по Левассеру — уже съ XI ст., съ половины XIV ст. смѣняется уменьшеніемъ его количества, такъ что еще въ концѣ XVI вѣка Франція не имѣла той численности какъ наканурѣ Черной смерти [4]), а въ Бельгіи, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (особ. въ Брабантѣ), численность населенія съ XIV ст. даже сократилась [5]).

Повсюду послѣ Черной смерти наступаетъ эпоха запустѣнія земель, зарастанія пахотей лѣсомъ, подъ вліяніемъ вымиранія цѣлыхъ имѣній, эпоха перехода выморочныхъ имуществъ обратно къ вотчиннику, который нерѣдко не находилъ людей, соглашающихся принять ихъ на себя и поэтому готовъ былъ на различныя уступки лишь бы найти держателей. Въ частности онъ соглашался на замѣну барщины денежнымъ оброкомъ, и въ Англіи тамъ, гдѣ еще сохранилась барщина, она была превращена въ оброкъ, нерѣдко меньшій по своимъ размѣрамъ, чѣмъ это было до моровой язвы. Но въ то же время такое огромное сокращеніе населенія въ связи съ превращеніемъ многихъ батраковъ въ арендаторовъ, да еще свободныхъ отъ барщины, привело повсюду къ повышенію заработной платы вдвое и болѣе, почему эпоха, слѣдующая за Черной смертью, характеризуется во всѣхъ странахъ Европы изданіемъ многочисленныхъ максимальныхъ таксъ на трудъ съ угрозой строгимъ наказаніемъ тѣмъ, кто будетъ принимать или давать болѣе высокую плату, и съ требованіемъ, чтобы сельскіе батраки не уходили въ города, а тѣ, которые ушли, вернулись бы обратно, разъ имъ дается возможность заработка [6]).

Къ этому присоединилось возникновеніе городскихъ поселеній, пребываніе въ которыхъ въ теченіе извѣстнаго времени (обыкновенно въ теченіе года и дня, но нерѣдко и въ продолженіе меньшаго срока—40 дней) дѣлало человѣка

---

[1]) Haeser. Geschichte der Medicin B. III. Die epidemischen Krankheiten. p.

[2]) Въ Англіи по Роджерсу (Economic Interpretation, p. 22) и Сибому (Fortnightly Review. II)—1/3, по Крейтону (History of Epidemies in Britain. 1891)., Gasquet'y (The Great Pestilence. 1893), Кеннингэму (рус. пер. I. 284), Петрушевскому (стр. 21)., Пэджу (p. 20)—1/2, по Ковалевскому (III. 343) отъ 1/3—1/2.

[3]) Сибомъ (Fortnightly Review. II. 149 и сл. IV. 87 и сл.) и М. М. Ковалевскій (III. 343) опредѣляютъ количество населенія Англіи какъ наканунѣ Черной смерти въ 4—5 милл., такъ и сто лѣтъ спустя, послѣ временнаго сокращенія до 2—2 1/2 милл.

[4]) Въ концѣ XVI ст. 14 милл., наканунѣ Черной смерти 20—28 милл. по Левассеру, 25 по Бодрильяру и Мартену, 34 милл. по Дюро де ла Малль. Ср. Ковалевскій. III. 302.

[5]) См. Wauters. Bullet. de l'acad. de Belg. 3. sèr. III. 1882., Pirenne. II. 517 — 18. Судя по количеству очаговъ въ Брабантѣ въ 1435, 1464, 1472 и 1492 г.г., населеніе въ теченіе XV ст. продолжало уменьшаться, сначала медленно, а къ концу вѣка весьма быстро.

[6]) См. Ковалевскій, т. III, отд. 2-ой.

свободнымъ (Stadtluft macht frei). Мало того, для того чтобы получить въ теченіе этого времени виллана обратно, сеньоръ доженъ былъ доказать его несвободное состояніе посредствомъ свидѣтелей, что было дѣломъ весьма нелегкимъ, такъ что въ результатѣ крѣпостному достаточно было добраться до одного изъ многочисленныхъ возникшихъ въ XII и сл. столѣтіяхъ городовъ, чтобы почувствовать себя свободнымъ за его привилегированной чертой. Уходъ крестьянъ въ города долженъ былъ быть значителенъ; еще въ XIV—XV ст., когда подъ вліяніемъ стѣсненій цехового режима приливъ въ города сократился, въ Германіи $^1/_2$—$^2/_3$ всѣхъ переселявшихся въ города происходила изъ окрестныхъ селъ [1]).

Вотчиннымъ владѣльцамъ приходилось идти на уступки, чтобы сохранить свое населеніе, а коль скоро одни вступали на этотъ путь, и другіе вынуждены были слѣдовать за ними, ибо крестьяне шли туда, гдѣ тягости были меньше. „Виллант—бѣглецъ и пришлый поселенецъ сдѣлались постоянными явленіями въ жизни феодальнаго общества“; подвижность населенія увеличивалась и вилланы стали въ большомъ количествѣ покидать своихъ помѣщиковъ, гдѣ они являлись несвободными, и селиться на земляхъ другихъ лицъ, нерѣдко въ непосредственномъ сосѣдствѣ, на болѣе льготныхъ условіяхъ, предпріимчивые же землевладѣльцы переманивали къ себѣ чужихъ людей какими-либо предоставляемыми имъ выгодами [2]). Личное холопство превратилось какъ бы въ мѣстное холопство, ибо съ новымъ помѣщикомъ прежніе вилланы вступали уже въ договорныя отношенія, въ качествѣ hôte, hospites, laeten, противополагаясь крѣпостнымъ. Барщина для нихъ либо вовсе отсутствуетъ (въ Англіи), либо строго опредѣлена (во Франціи), они освобождены отъ всѣхъ личныхъ повинностей—таліи, main-morte или Besthaupt, formariage или maritagium (хотя нѣкоторые сборы сохраняются), причемъ эта свобода гарантируется особымъ договоромъ. Неудивительно при такомъ образованіи многочисленной пловучей массы, въ противоположность безправному и отягченному повинностями осѣдлому крестьянству, что и въ отношеніи послѣдняго произволъ долженъ былъ замѣниться болѣе умѣренной, опредѣляемой договорами и закрѣпляемой мѣстными обычаями, эксплоатаціей, ибо вотчинникъ постоянно долженъ былъ имѣть въ виду, что притѣсненіе можетъ согнать крестьянина къ сосѣду, въ городъ или лѣсъ“. И не по требованію короля, который вовсе не вмѣшивался въ отношенія между феодалами и ихъ крестьянами, не подъ вліяніемъ подаваемаго имъ прекраснаго примѣра, а вслѣдствіе ухода крестьянъ на королевскія домены, гдѣ ранѣе всего было произведено повсюду раскрѣпощеніе крестьянъ, и другіе вотчинники вынуждены были для поддержанія связи населенія съ землей и изъ опасенія подвергнуть свои земли опустѣнію, идти по его стопамъ въ смыслѣ облегченія крѣпостничества и даже полной его отмѣны. И въ отношеніи собственныхъ крестьянъ, а не только пришельцевъ изъ другихъ мѣстъ, возникаетъ свободная аренда на 10 — 25 лѣтъ, иногда на меньшіе сроки, или, наоборотъ, пожизненно, за опредѣленный чиншъ или на условіяхъ половничества (крестьянинъ отдаетъ $^1/_2$ или $^1/_3$ жатвы); въ Германіи она появляется первоначально повидимому лишь на участкахъ, находившихся подъ интенсивными культурами (виноградниками), но позже и на другихъ участкахъ. Арендаторы становятся homines franci, не подлежа ни main-morte ни formariage (во Франціи), нерѣдко sine precio quod dicitur vorhure въ Германіи, съ отмѣной притомъ барщины, которая въ Англіи изъ 73 изслѣдованныхъ Пэджемъ имѣній въ 1371—80 г.г. сохранилась лишь въ 14 вполнѣ и то только въ

---

[1]) Ср. Bücher. Entst. p. 444—5. Inama III. 2. p. 29. Luchaire. Les communes françaises.

[2]) Одинъ крупный сеньоръ въ Ниверне, даруя личную свободу своимъ вилланамъ въ 1326 г., прямо говоритъ, что изъ-за существованія main-morte въ его помѣстьяхъ, крестьяне его уходятъ въ сосѣднее Бурбонне, гдѣ этой main-morte болѣе нѣтъ (Boucomont, p. 30). Многочисленные случаи подобнаго рода въ Бельгіи (Brants. 59—60).

отношеніи ручныхъ (и не упряжныхъ работъ), причемъ послѣднія въ виду сокращенія площади барской земли, значительно уменьшились [1]).

Если такова была общая тенденція развитія, то все же самая эволюція аграрнаго строя была въ отдѣльныхъ государствахъ неодинакова, ибо перечисленные моменты и складывались различно и дѣйствовали тутъ и тамъ не одинаково интенсивно, да и къ нимъ присоединялись еще иные факторы, задерживавшіе развитіе или отклонявшіе его въ ту или иную сторону.

ГЛАВА IV.

Положеніе крестьянъ въ Италіи, Англіи и Испаніи.

Весьма рано личное освобожденіе крестьянъ совершилось въ Италіи, гдѣ огромное значеніе имѣлъ ранній и быстрый ростъ городовъ, выступившихъ уже въ первой половинѣ XIII ст. (Лукка, Пиза, Флоренція, Сіена, Ассизи) на защиту всѣхъ бѣглецовъ, признавая ихъ немедленно свободными (даже допуская ихъ въ качествѣ свидѣтелей на судѣ, къ предъявленію исковъ и т. п.). Установившаяся вслѣдствіе этой возможности покидать помѣщика и искать убѣжища въ городѣ, фактическая свобода крестьянъ подтверждалась затѣмъ и формальнымъ заявленіемъ объ этомъ итальянскихъ коммунъ (отмѣняется вотчинная власть и вотчинный судъ, наслѣдованіе въ имуществѣ крестьянъ, барщина, штрафы и всякіе произвольные поборы) и укрѣплялась обыкновенно соглашеніемъ съ помѣщикомъ и совершавшимся чрезъ посредство города выкупомъ (въ XIII ст. въ Романьи, Эмиліи, Тосканѣ, Болоньи въ 1283 г., Ассизи въ 1210 г., Пармѣ въ 1266 г.). При этомъ городъ, производя самую операцію выкупа и опредѣляя денежную оцѣнку крестьянскихъ службъ и платежей и ихъ капитализацію, въ тоже время заставляетъ помѣщика принять тотъ или иной эквивалентъ (это право предоставлено городскому консулу); если же помѣщикъ отказывается отъ него подъ какимъ-либо предлогомъ, чтобы не выдать вольной (Ассизи) или въ случаѣ сопротивленія со стороны вотчинника отпустить виллана на свободу, городъ самъ выдаетъ вольную (Умбрія). Конечно, пріобрѣтая такимъ путемъ личную свободу, бѣглый холопъ, нашедшій себѣ защиту въ стѣнахъ города, не могъ претендовать на покинутый имъ участокъ, который неминуемо оставался въ рукахъ феодала. Однако, во многихъ случаяхъ предусмотрѣно и оставленіе надѣла за холопомъ, какъ, напр., въ статутахъ г. Тоди (въ Умбріи), гдѣ крѣпостной, получая свободу, либо теряетъ половину земли (а не всю), либо, уплативъ 30 лиръ, сохраняетъ ее цѣликомъ; точно также въ Пистоѣ, Луккѣ, Романьи, отпускъ на свободу происходитъ нерѣдко съ надѣломъ, съ передачей крестьянину земли на началахъ наслѣдственнаго эмфитевзиса за извѣстный выкупъ. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы обезземеленіе крестьянъ въ Италіи достигало значительныхъ размѣровъ; напротивъ сдача земли въ аренду освобожденнымъ отъ личной зависимости крестьянамъ являлась повидимому и для помѣщиковъ необходимостью, такъ какъ въ случаѣ ухода колоновъ въ города, они лишались необходимыхъ для обработки земли рабочихъ рукъ; замѣна же арен-

[1]) См. въ отношеніи Англіи—Page, p. 16—18. Виноградовъ, ук. соч. Май 1886 г. стр. 65—66. Петрушевскій, II. 83—86; Франціи—Seignobos. 45—49. 56. 64. 219—21. Boucomont, 3. 30. Delisle. 10 и сл. 52 и сл. d'Avenel. I. 272—4. Ковалевскій, II. 301 и сл. Darmstädter, 22—3. 107—8. Luchaire. Hist. des instit. II. 128 и сл. Sée. Bretagne, p. 43—4. 103—09. Sée. Champagne. 44—46. Sée. Classes rur. 224—38. 248 и сл. 569 и сл. Bonnemère p. 115 и сл.; Германіи—Inama III, 1. p. 393. Lamprecht. I, 2. p. 902—28. 972. Wittich. p. 326 и сл. Wopfner, 68 и сл. Бельгіи—Pirenne. Brants. 46—52. 60. Испаніи.—Пискорскій ук. соч. Италіи—Ковалевскій, II, 377 и сл.

даторовъ наемными рабочими была въ особенности съ половины XIV ст. послѣ опустошеній, произведенныхъ Черной смертью и установившейся дороговизны труда, едва ли возможна. Вслѣдствіе этого, мы можемъ наблюдать и во Флоренціи и въ Генуѣ, какъ первыми съемщиками являлись именно освобожденные отъ личной зависимости крестьяне; да и впослѣдствіи и здѣсь и въ Моденѣ, сплошь и рядомъ лица, арендующія землю, становятся лично свободными, а въ теченіе XIII и XIV ст. повсюду въ Италіи распространяется этимъ путемъ система половничества; при этомъ помѣщикъ доставляетъ неимѣющему средствъ арендатору необходимый рабочій инвентарь. А затѣмъ, начавшись въ Ломбардіи и Тосканѣ, освободительное движеніе перешло въ XIV—XV ст. и въ другія мѣстности Италіи (позже всего въ Венецію), гдѣ также, изъ опасенія лишиться крестьянъ и за соотвѣтствующій выкупъ вотчинники (путемъ отдѣльныхъ соглашеній) отказываются отъ службъ и повинностей и крѣпостное право мало по малу вымираетъ (Ковалевскій, т. II стр. 377—479).

Не столь гладко, какъ въ Италіи, совершался переворотъ въ аграрномъ строѣ Англіи. Здѣсь раскрѣпощеніе крестьянъ, постепенно происходя уже въ теченіе XIII и первой половины XIV ст., а также десятилѣтій, слѣдующихъ за Черной смертью, окончательно имѣло мѣсто лишь послѣ крестьянскаго возстанія 1381 г., извѣстнаго подъ именемъ возстанія Уота Тайлера, одного изъ главныхъ вождей возмутившихся виллановъ. Вопросъ о причинахъ, характерѣ и послѣдствіяхъ этого возстанія, имѣющій довольно большую литературу, заслуживаетъ особаго вниманія, въ виду того, что онъ охватываетъ собою въ сущности всю аграрную исторію Англіи XIV—XV ст. и посвященныя ему изслѣдованія дѣйствительно даютъ картину англійскаго аграрнаго строя всей этой эпохи.

Начавшись съ вспышки въ Эссексѣ въ маѣ 1381 г. во время взиманія новой разрѣшенной парламентомъ поголовной подати на содержаніе войска возстаніе затѣмъ распространилось и на кентское графство, сопровождаясь повсюду „къ величайшему поношенію и соблазну“ разрушеніемъ и поджогами, и многотысячная толпа (подъ предводительствомъ Уота Тайлера, Джэка Строу, Джона Болла и др.), хотя и плохо вооруженная, двинулась въ Лондонъ („у однихъ были только палки, у другихъ луки, ставшіе отъ дыма желтѣе слоновой кости и по одной стрѣлѣ—и съ такимъ оружіемъ они явились завоевывать королевство!“). Возстаніе было направлено противъ феодальнаго строя и крѣпостной организаціи труда („когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, кто былъ дворяниномъ?“—любимое двустишіе), возставшіе требовали для всѣхъ „одинаковой свободы и одинаковой власти“ („дѣла только тогда пойдутъ хорошо, когда имущество станетъ общимъ, когда не будетъ ни виллановъ ни дворянъ“), требовали далѣе секуляризаціи монастырской собственности. Эти требованія были формулированы лоллардами, „бѣдными священниками“, послѣдователями Виклефа, по своему положенію немногимъ отличавшимися отъ крестьянъ (это были преим. капелланы, нанимаемые настоятелями приходовъ; послѣдніе, сохраняя за собой доходы, не желали выполнять своихъ обязанностей, когда были установлены таксы на заработную плату, то и имъ приказано было умѣрить свои требованія); эти священники, охваченные желаніемъ воплотить въ жизни евангельскіе принципы, и стояли въ главѣ возстанія (напр., Джонъ Боллъ, „именующій себя пресвитеромъ“, Джонъ Роу—„преступнѣйшій пресвитеръ“ и др.). Изъ Эссекса, Кента и Лондона возстаніе распростанилось затѣмъ и, на цѣлый рядъ другихъ графствъ [1]), охвативъ значительную часть Англіи. Между тѣмъ въ Лондонѣ инсургенты потребовали отъ короля „различныхъ предосудительныхъ вещей“ и добились выдачи имъ освободительной грамоты, на основаніи которой имъ не только прощались всѣ совершенныя преступленія, но и даровалось право свободной торговли по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ Англіи, въ особ. же вилланскія

[1]) Въ г. Беверли, напр., нѣкоторые жители, „забывъ о своемъ благосостояніи“, вступили „въ заговоръ и возстали противъ именитыхъ и состоятельныхъ горожанъ, привлекши на свою сторону меньшихъ и менѣе состоятельныхъ лицъ“; они „присвоили себѣ королевскія права“ и стали дѣйствовать путемъ угрозъ и „иными безсмысленными способами“ и т. д.

службы замѣнялись арендой въ размѣрѣ не свыше 4 пенсовъ съ акра. Въ различныхъ графствахъ они кромѣ того добились отъ сеньоровъ еще особыхъ грамотъ, жаловавшихъ спеціальныя вольности, какъ то: права свободной охоты и рыбной ловли и на сеньоріальныхъ земляхъ, права имѣть въ своихъ домахъ ручныя мельницы и т. п. Но не долго они пользовались этими вольностями и какъ только возставшіе ушли съ грамотами изъ Лондона, повсюду началось подавленіе лордами небольшихъ крестьянскихъ шаекъ, а затѣмъ послѣдовалъ судъ и расправа надъ участниками („измѣнниками") и отнятіе всѣхъ дарованныхъ свободъ [1]).

Если Фруассаръ разсматриваетъ это возстаніе какъ заговоръ незадолго до того возникшей секты доллардовъ, поставившей себѣ цѣлью демократизировать одновременно и церковь и государство, а Стау обращаетъ главное вниманіе на подушный сборъ, установленный со всѣхъ совершеннолѣтнихъ въ предшествующемъ возстанію году, то впервые научное объясненіе далъ Роджерсъ, который усматриваетъ главную причину возстанія въ попыткѣ лордовъ возстановить послѣ Черной смерти 1348 г. отмѣненную въ предшествующее столѣтіе барщинную систему. Замѣна барщины денежнымъ оброкомъ — объясняетъ Роджерсъ — заставила лордовъ вести хозяйство при помощи вольнонаемныхъ батраковъ; между тѣмъ цѣны на трудъ, вслѣдствіе сильнаго сокращенія населенія послѣ моровой язвы, значительно повысились, и такъ какъ доходъ, извлекаемый лордами изъ земледѣлія, былъ и ранѣе невеликъ, то это возростаніе цѣнъ на трудъ поставило ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Въ виду того, что мѣропріятія государства, которыми оно старалось придти на помощь лордамъ путемъ установленія максимума заработной платы, оказались безплодными, лорды сдѣлали попытку вернуться къ прежней барщинной системѣ, на что въ сущности формально имѣли полное право (ибо все, чѣмъ пользовались вилланы, было только обычаемъ, на соблюденіе котораго соглашался и лордъ). Это то нарушеніе издавна установившагося обычая и вызвало возстаніе [2]). Такое объясненіе допускаетъ и Нассе [3]), а Охенковскій подкрѣпляетъ его ссылкой на слѣдующія три обстоятельства: во-1-хъ, въ законѣ 1378 г., т. е. изданномъ за 3 года до возстанія, говорится, что вилланы и держатели на вилланскомъ правѣ (villains, landtenants in villenage) не желаютъ ничего знать о своей зависимости, считаютъ себя свободными, отказываются отъ службы и платежей и оказываютъ сопротивленіе тѣмъ, кто желаетъ ихъ принудить къ этому, причемъ законъ оканчивается постановленіемъ, что условія крестьянскихъ держаній остаются тѣ-же, что и прежде (Охенковскій въ послѣднемъ усматриваетъ ссылку на юридически установленныя обязанности, выполнять которыя помѣщикъ заставлялъ крестьянъ). Во-2-хъ, лѣтописецъ Голайншедъ (Holinshed), жившій, правда, нѣсколько позже, но опирающійся на болѣе ранніе источники, указываетъ на то, что крестьяне считали себя очень угнетенными лордами, которые требовали отъ нихъ старыхъ платежей и службъ. Подтвержденіе его словъ Охенковскій усматриваетъ въ производимомъ повсюду возставшими сожженіи документовъ съ цѣлью совершенно уничтожить всякіе слѣды этихъ повинностей. Наконецъ, въ 3-хъ, изъ текста королевскаго указа, отмѣняющаго выданную ранѣе королемъ (во время возстанія) освободительную грамоту, мы узнаемъ, что устанавливая максимумъ денежныхъ платежей, королевская грамота дѣлала прибавку о сохраненіи болѣе низкой арендной платы, тамъ, гдѣ она уже имѣла мѣсто,—изъ чего видно—прибавляетъ Охенковскій,—что населеніе ни о какихъ службахъ знать не желало [4]). Къ этому Охенковскій дѣлаетъ однако и важное добавленіе,

[1]) Ходъ возстанія подробно изложенъ у Д. М. Петрушевскаго (въ первомъ томѣ) и у М. М. Ковалевскаго (во второмъ томѣ).
[2]) Rogers. History of Agriculture I. 77—83. Six Cent. 218—224. 253.
[3]) Nasse. рус. пер. 84.
[4]) Ochenkowski, p. 18—20.

подчеркивая значеніе статутовъ, изданныхъ въ 1350, 1352, 1389, 1406 и 1445 гг. противъ сельскохозяйственныхъ батраковъ и владѣющаго небольшимъ имуществомъ сельскаго населенія, изъ которыхъ видно, что государство не только старалось понизить заработную плату до существовавшаго предъ моровой язвой уровня, но и сильно ограничиваетъ свободу передвиженія, почти прикрѣпляя крестьянское населеніе къ землѣ тѣмъ, что оно запрещало уходить изъ имѣній и вообще покидать сельское хозяйство и обращаться къ другимъ промысламъ [1]). Наконецъ, на третій моментъ, являвшійся рядомъ съ указанными двумя (возстановленіе барщины и попытка прикрѣпленія вилановъ къ землѣ) существенной причиной возстанія и характеризовавшій эпоху второй половины XIV ст., обратилъ вниманіе М. М. Ковалевскій, подчеркнувъ то обстоятельство, что въ эту эпоху общіе выгоны, общинныя земли были огорожены лордами и сданы въ аренду. „Въ числѣ обвиненій, возводимыхъ на мятежниковъ, мы находимъ разрушеніе загородей или принужденіе собственниковъ и свободныхъ владѣльцевъ вернуть тѣмъ или другимъ оброчнымъ семьямъ нѣкогда принадлежавшіе имъ надѣлы". Далѣе „лѣтописецъ Кнайтонъ, влагаетъ въ уста главнаго вожака движенія протестъ противъ права охоты, присвоеннаго помѣщиками, и требованіе, чтобы каждому дозволено было бить дичь въ лѣсу и на полѣ", какъ это говорится и въ двѣнадцати иртикулахъ нѣмецкихъ крестьянъ (см. ниже). При этомъ и фактъ сдачи прежнихъ „открытыхъ" полей въ аренду и расширенія площадей, отводимыхъ подъ марки—вслѣдствіе чего размножалась дичь, нанося ущербъ крестьянскимъ полямъ—М. М. Ковалевскій приводитъ также въ связь съ моровой язвой 1348 г., вызвавшей запущеніе большого пространства земель [2]).

Но М. М. Ковалевскій ставитъ и самый вопросъ значительно шире: не отрицая отмѣченнаго Роджерсомъ „попятнаго движенія" (и приводя новыя соображенія въ пользу объясненія его попыткой возстановить барщину) онъ въ тоже время обращаетъ вниманіе на общій характеръ возстанія, на то, что „революціонное движеніе охватило собой не однихъ крѣпостныхъ и оброчныхъ, что къ нему примкнули и низшіе слои городскаго населенія" (лѣтописецъ Кнайтонъ говоритъ, что многіе ученики, отрубивъ голову мастерамъ, примкнули къ возставшимъ), что движеніе направлялось и противъ иностранцевъ и противъ всѣхъ, кто такъ или иначе вліялъ на пониженіе заработной платы или на сокращеніе размѣровъ туземнаго производства [3]). Онъ указываетъ, наконецъ на то, что изъ судебныхъ протоколовъ видно, что мятежники истребляли не только тѣ документы, въ которыхъ обозначены были слѣдуемыя съ нихъ службы и оброки, но и протоколы мировыхъ судей, податныхъ сборщиковъ, шерифовъ, мэровъ и ольдерменовъ.

Это вспыхнувшее почти одновременно въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Англіи возстаніе не производитъ однако единства преслѣдуемыхъ цѣлей, а имѣетъ—какъ говоритъ Стеббсъ—такой видъ, что „въ немъ соединились всѣ, кто имѣлъ или думалъ, что имѣетъ какое-либо основаніе быть недовольнымъ". Въ частности недовольство крестьянъ, вызванное попытками возстановить барщину и уничтожить свободу передвиженія, въ связи съ захватомъ общинныхъ земель, являлось повидимому—какъ указалъ П. Г. Виноградовъ—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ господствовавшаго въ аграрномъ строѣ Англіи противорѣчія между правомъ и фактомъ, между правами помѣщика, которыя онъ могъ осуществить въ любой моментъ (и которыя поддерживались теоретическими взглядами юристовъ) и фактически установившимися (но лишенными всякой юридической силы) обычаями (фактическимъ освобожденіемъ). Мысль о томъ, что эти противорѣчія въ результатѣ должны были повести къ рѣзкому столкновенію, коль скоро

[1]) Ibid, p. 15—17.
[2]) T. II. 555—56.
[3]) T. II. 552—54.

лендъ-лорды стали вновь настаивать на своихъ, въ дѣйствительности долгое время уже не примѣнявшихся въ жизни, правахъ, подробно развита и подкрѣплена тщательнымъ анализомъ фактическаго матеріала въ сочиненіи Д. М. Петрушевскаго; послѣдній въ общемъ положеніи о стремленіи крестьянъ къ сохраненію уже ранѣе добытыхъ и установленныхъ въ качествѣ обычая свободъ, какъ причинѣ возстанія, объединяетъ всѣ указанные предыдущими изслѣдователями моменты.

Противники теоріи Роджерса частью лишь предостерегаютъ противъ преувеличенія успѣховъ, сдѣланныхъ крестьянами въ смыслѣ достиженія свободы въ предшествующую эпоху (Пти-Дютаи, Кеннингэмъ), частью признавая общее положеніе о томъ, что крестьяне только добивались сохраненія достигнутыхъ вольностей, придаютъ однако главное значеніе не попыткѣ возстановить барщину, а злоупотребленію правомъ налагать штрафы (Эшли); на это обстоятельство какъ одно изъ многихъ, указываетъ и Д. М. Петрушевскій, онъ же подчеркиваетъ стѣсненія, которыя ставились крестьянамъ при пріобрѣтеніи земельныхъ участковъ на сторонѣ, чего въ предшествующую эпоху уже не было, и при переходѣ имущества въ предѣлахъ мэнора). Лишь нѣкоторые изъ нихъ (Гасбахъ, Педжъ, отчасти и Эшли) совершенно отрицаютъ его (и прочихъ изслѣдователей) основной тезисъ о попыткѣ возвращенія къ старинѣ, утверждая, что ея вовсе не было, а наоборотъ, помѣщики при отсутствіи держателей послѣ опустошеній, нанесенныхъ Черной смертью, вынуждены были идти и на дальнѣйшія уступки; они объясняютъ поэтому возстаніе 1381 г. желаніемъ крестьянъ (не помѣшать возвращенію къ старому, а) идти еще дальше и устранить и тѣ остатки несвободы, преимущественно въ видѣ личныхъ повинностей, которые еще сохранились къ концу XIV вѣка. Однако только Пэджъ подкрѣпилъ дѣйствительно свое возраженіе фактическими данными, приведя факты относительно дальнѣйшаго сокращенія барщины въ 1371—80 г.г. и эти данныя заставляютъ насъ признать, что рядомъ съ преобладающимъ теченіемъ къ ухудшенію положенія массъ крестьянскаго населенія, вызвавшимъ возстаніе, имѣлось послѣ Черной смерти и другое теченіе менѣе сильное, которое, являясь продолженіемъ движенія въ предшествующую эпоху, попрежнему выражалось въ уступкахъ со стороны помѣщиковъ.

Возстаніе окончилось неудачей для крестьянскаго населенія, съ внѣшней стороны, но не съ внутренней; оно въ результатѣ все-таки остановило обратное движеніе и движеніе въ смыслѣ раскрѣпощенія крестьянъ возобновилось: барщина продолжаетъ сокращаться (какъ въ концѣ XIII и первой половины XIV ст.) и въ XV вѣкѣ, исчезаютъ постепенно и личныя повинности. Какъ выяснилъ Пэджъ, въ изученныхъ имъ мэнорахъ въ половинѣ XV ст., оставалось весьма мало барщины и хотя въ протоколы мэноріальныхъ курій попрежнему вносятся имена бондменовъ или вилановъ, жившихъ внѣ мэнора, но вилланство эпохи Тюдоровъ являлось почти одной лишь юридической фикціей и можетъ имѣть лишь антикварный интересъ [1]). И точно также Савинъ въ своемъ изслѣдованіи объ англійскихъ крестьянахъ эпохи Тюдоровъ приходитъ къ тому выводу, что „большинство крѣпостныхъ получило свободу раньше XVI вѣка; трудно думать, чтобы даже вначалѣ эпохи Тюдоровъ вилланы составляли болѣе одного процента всего населенія“ [2]).

Въ Испаніи, въ особенности въ Каталоніи, находимъ въ значительной мѣрѣ сходное съ англійскимъ развитіе. Съ одной стороны, еще до Черной смерти бѣгство крестьянъ въ города заставило вотчинниковъ идти на уступки, переводя барщину на денежные платежи и отмѣняя нѣкоторые „дурные обычаи“, а съ другой стороны, моровая язва 1349 г., вызвавъ дальнѣйшія уступки со стороны помѣщиковъ, въ то же время заставила ихъ обратиться къ королевской власти относительно принятія мѣръ противъ эмиграціи въ города и установленія максимальныхъ цѣнъ на трудъ, ибо, согласно заявленіямъ, сдѣланнымъ земскими чинами на кортесахъ въ Вальядолидѣ, повышеніе заработной платы на сельскій трудъ и городскія ремесла было настолько

[1]) Page. End of villainage in England. p. 29.

[2]) Савинъ. Стр. 19. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ Роджерсъ, Лидэмъ и Чени).

значительно, что могло имѣть послѣдствіемъ запустѣніе земель, дороговизну припасовъ и разореніе помѣщиковъ. Но въ виду того, что установленныя правительствомъ таксы и здѣсь повидимому имѣли ту же судьбу, что и въ другихъ странахъ, т. е. не примѣнялись на практикѣ, и здѣсь обнаружилось сходное съ Англіей стремленіе замѣнить вздорожавшій свободный трудъ трудомъ подневольнымъ—именно трудомъ невольниковъ-сарацинъ, и новые даровые конкурренты грозили вытѣсненіемъ свободнаго труда. Это движеніе, въ смыслѣ замѣны крестьянъ сарацинами, съ одной стороны, и желаніе положить конецъ вѣковымъ поборамъ и вымогательствамъ, частью уже уничтоженнымъ, съ другой стороны, и привело повсюду къ возстаніямъ: на Майоркѣ, этой отнятой у мавровъ „жемчужинѣ Средиземнаго моря"—по выраженію мѣстныхъ историковъ—уже въ 1391 г., когда разграбленъ былъ г. Пальма, и въ еще болѣе сильной степени въ 1451 г., когда сильно пострадали и сборщики податей, причемъ сельское населеніе встрѣчало поддержку и въ городскихъ рабочихъ классахъ, и наконецъ въ 1462 г., когда разнесся слухъ о возстаніи въ Каталоніи. Такія же возстанія имѣли мѣсто въ Валенсіи и Кастиліи, въ Наваррѣ и Каталоніи. Подъ вліяніемъ этихъ возстаній, и нуждаясь постоянно въ деньгахъ, арагонскіе короли Хуанъ I и еще болѣе Мартынъ I въ концѣ XIV° и первой половины XV° ст. стали проводить идею выкупа крѣпостныхъ; однако, прелаты и свѣтскіе сеньоры оказывали этому сильнѣйшее сопротивленіе, чѣмъ вызывали новое броженіе среди крестьянъ (представители кортесовъ въ 1413 и 1432 гг. жаловались на то, что крестьяне рыли для нихъ могилы и ставили кресты какъ угрозы смертью); къ тому же сеньоры нерѣдко увеличивали число и размѣръ повинностей и распространяли крѣпостное право даже тамъ, гдѣ его никогда не было. Дѣло должно было кончиться соціальной революціей, тѣмъ болѣе, что королева Марія, условившись съ крестьянами, что съ уплатой 54 тыс. флор. они будутъ свободны отъ „дурныхъ обычаевъ", и получивъ деньги, не выполняла своего обѣщанія (формально для этого впрочемъ требовалось согласіе кортесовъ), удерживая деньги въ свою пользу. Въ виду этого, сеньоры считали „дурные обычаи" попрежнему существующими, крестьяне же, внеся выкупъ со столь великими усиліями и жертвами, утверждали, что они уже отмѣнены,—получилось противорѣчіе, которое вызвало возстаніе 1462 г. („мы будемъ платить ударами копій всякому, кто потребуетъ у насъ чинша"). Какъ выкупная операція, такъ и возстаніе окончилось полной неудачей. Но въ 1482 г., когда возстаніе повторилось, оно уже имѣло послѣдствіемъ отмѣну крѣпостного права (въ 1486 г.) Фердинандомъ Католикомъ. На основаніи „сентенціи" короля, крестьяне каждаго манса обязаны были уплатить 60 барселонскихъ солидовъ единовременно или выплачивать ежегодно ренту въ размѣрѣ 3 солид. за всѣ шесть дурныхъ обычаевъ, подлежавшихъ отмѣнѣ: крестьяне, подчиненные дѣйствію лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, подлежали уплатѣ 6 сол. единовременно или 6 ден. ежегодно за каждый изъ дурныхъ обычаевъ. Кромѣ дурныхъ обычаевъ отмѣняется также уголовная юрисдикція сеньоровъ. Всѣ повинности, являвшіяся результатомъ злоупотребленій сеньоріальной власти, какъ, напр., ius primae noctis, отмѣняются безъ всякаго вознагражденія. Отмѣнялись, наконецъ, всякаго рода барщинныя службы и приношенія натурой, не занесенныя въ грамоты или занесенныя туда путемъ обмана. Что же касается различныхъ платежей за земельныя держанія, то они остаются въ силѣ, если крестьяне, въ состояніи доказать, что свободны отъ нихъ. Точно также въ отношеніи земли они вправѣ распоряжаться лишь благопріобрѣтенными участками, мансы же они вправѣ покидать вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ имуществомъ, но обязаны уплатить всѣ долги сеньору и участокъ возвращается ему [1]).

ГЛАВА V.

Положеніе крестьянъ во Франціи и Германіи. Крестьянская война.

Наименѣе благопріятно было положеніе крестьянъ къ концу средневѣковья во Франціи и Германіи. Во Франціи всѣ короли изъ дома Капетинговъ, начиная отъ Людовиковъ VI и VII, вплоть до Филиппа Краснваго и Людовика X, постепенно

[1]) Пискорскій, стр. 149—214.

отмѣняютъ main-morte на своихъ доменахъ въ Иль де Франсъ, Орлеане, Лангедокѣ и Шампани, и точно также цѣлый рядъ сеньоровъ — дофенъ, графы Тулузскіе, Ниверне, Валуа и Блуа, церковь Nôtre-Dame въ Парижѣ, епископъ Реймскій, монастыри Сенъ-Дени и Сенъ-Жерменъ ужѣ въ XII вѣкѣ уничтожили main-morte. Многочисленныхъ vilains francs мы встрѣчаемъ однако лишь въ XIV ст. во всей сѣверной и западной Франціи (Нормандіи—вавассеры, Бретани, Пуату, Провансѣ—caslan, Лангедокѣ, Бсарнѣ), а также во Фландріи и во французской Швейцаріи (Невшатель), причемъ одни изъ нихъ освобождены отъ main-morte, другіе—отъ taille arbitraire, многіе вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ formariage. Освобожденіе крестянъ выразилось въ выкупѣ этихъ повинностей, а вовсе не въ освобожденіи отъ всякой феодальной зависимости, причемъ самая мѣра имѣла фискальный характеръ, и хотя въ предисловіи къ грамотѣ Людовика X и говорится въ пышныхъ выраженіяхъ о свободномъ состояніи людей, какъ естественномъ, основанномъ на ихъ природѣ, и о невозможности существованія неволи въ королевствѣ франковъ, т. е. свободныхъ людей, но сервы доменовъ должны были путемъ выкупа повинностей доставить Людовику необходимыя ему для веденія войны деньги. Все же въ результатѣ въ XV ст. во всей сѣверной и западной Франціи большинство населенія—особенно много во Фландріи, Брабантѣ—оказалось лично свободнымъ, не будучи подвержено никакимъ личнымъ повинностямъ или замѣняющимъ ихъ платежамъ и имѣя возможность свободно распоряжаться своей землей, на которую оно смотрѣло какъ на свою собственность.

Delisle утверждаетъ, что въ Нормандіи послѣдніе слѣды крѣпостного состоянія относятся къ XI ст. и что въ XII—XIV ст. ихъ не встрѣчается совершенно, какъ и нѣтъ освободительныхъ грамотъ (p. 17—24). Однако, онъ самъ же указываетъ на баршину, конную и ручную, на различныя повинности, которыя въ концѣ XII и въ теченіе XIII ст. были замѣнены денежными оброками, вслѣдствіе чего положеніе крестьянъ значительно улучшилось (p. 125—134). Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что ни main-morte ни formariage въ Нормандіи не встрѣчается, но въ то же время сообщаетъ, что съ XII. ст. крестьяне не имѣли права ни вступать въ бракъ съ лицами, принадлежащими другому сеньору, ни продавать или обременять долгами свои надѣлы, но что большинство сеньоровъ разрѣшало имъ и то и другое за небольшую плату и точно также при переходѣ земли къ наслѣдникамъ уплачивался relief въ пользу сеньора (p. 2. 19). Что это какъ не тѣ же институты main-morte и formariage? Только самые термины очевидно въ этой мѣстности не встрѣчаются. Мало того, натуральная повинность здѣсь, повидимому, была не всегда замѣнена денежной въ видѣ maritagium (p. 69 прим. 86 и p. 72).

Гораздо раньше, чѣмъ въ Нормандіи, раскрѣпощеніе крестьянъ началось, повидимому, въ Бретани, гдѣ уже съ X ст. имѣлись категоріи крестьянъ, свободныхъ отъ разныхъ личныхъ повинностей; однако, на другія слои населенія эти свободы распространены были лишь въ XIII ст., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бретани только въ XV ст. исчезла main-morte и taille arbitraire (mottiers, quevaisiers); остатки сохранились впрочемъ еще и въ послѣдующія столѣтія (Borderie. Mémoire sur le servage en Bretagne. p. 112. Sée. Etude sur les classes rurales en Bretagne au moyen-âge. p. 95—96. 103).

Въ различныхъ мѣстностяхъ Невшателя въ теченіе XIV ст. измѣнена main-marte, установлено право наслѣдованья до шестой степени родства, право свободнаго отчужденія надѣловъ съ уплатой въ пользу сеньора всего $^1/_{12}$ стоимости и свобода передвиженія (Darmstädter. p. 108).

Во Фландріи, Брабантѣ, Геннегау баршина, подушная подать, платежи при переходѣ имущества по наслѣдству и при вступленіи въ бракъ во многихъ случаяхъ совершенно исчезли или же превратились въ незначительные сборы уже начиная съ XIII ст., и къ концу средневѣковья огромное большинство сельскаго населенія Бельгіи состояло изъ лично-свободныхъ крестьянъ-чиншевиковъ. Рядомъ съ ними, однако, сохранились, въ особ. въ Брабантѣ и въ Геннегау и слои населенія, подлежавшіе formariage и „meilleur cattel“, т. е. обязанности отдать сеньору лучшую штуку скота, платья и т. д.; въ Люксембургѣ и въ особ. во Фландріи они составляли незначительное меньшинство (Brants. p. 66—73. Pirenne. I. 153. 330—4. II. 511—12).

Иное дѣло въ центрѣ и восточной Франціи—здѣсь прежнее крѣпостное состояніе сохраняется въ значительной мѣрѣ и кутюмы отводятъ ему много мѣста (Ниверне, Бурбоне, Маршъ, Труа и др. или по крайней мѣрѣ упоминаютъ о немъ (Мо, Витри, Овернь и др.); крестьяне называются иногда даже „hommes de corps“ („il tient et adheire à sa chaire et aux os“).

Въ Ниверне и Бурбоне крѣпостные не могли свидѣтельствовать противъ сеньора въ дѣлахъ уголовныхъ, уплачивали taille arbitraire, по усмотрѣнію вотчинника („exploitables haut et bas“), хотя размѣры ея фиксировались обычаемъ; droit de poursuite уже не осуществлялось къ концу средневѣковья въ смыслѣ принудительнаго возвращенія крѣпостного, покинувшаго помѣстье, но оно обозначало право сеньора на часть оставшагося послѣ смерти крестьянина имущества, гдѣ бы онъ ни умеръ; кромѣ того, по истеченіи извѣстнаго срока (30 лѣтъ въ Ниверне, 10 лѣтъ въ Бургундіи Франшкомте, Маршъ) оставленный имъ надѣлъ переходилъ къ сеньору. Барщина была незначительна (4 дня въ году въ Бурбонне. 12 дней въ Оверни), но различные платежи достигали весьма высокой суммы, отнимая болѣе $^2/_3$ доходовъ крѣпостного. Число лично (полу) свободныхъ по сравненію съ крѣпостными было тоже невелико, хотя вслѣдствіе отпущеній оно въ XIII ст. возростало все болѣе (они назывались bordeliers); они уплачивали сеньору кромѣ ежегодной ренты третью часть цѣны при отчужденіи имущества (кромѣ имущества пріобрѣтеннаго свободно на сторонѣ). Имущество переходило по наслѣдству только къ лицамъ, жившимъ вмѣстѣ съ умершимъ и имѣвшимъ съ нимъ общій столъ („le feu, le sel et le pain partent l'homme morte-main“), завѣщать они могли кому угодно, но только въ томъ случаѣ, если имѣлись лица, живущія совмѣстно съ наслѣдодателемъ, ибо только въ этомъ случаѣ все равно сеньоръ лишался этого имущества, при отсутствіи же ихъ наслѣдство переходило къ сеньору. Въ отличіе отъ bordeliers, съ имущества крѣпостныхъ сеньоръ получалъ $^1/_3$ при отчужденіи и въ томъ случаѣ, если оно было пріобрѣтено на сторонѣ. Въ общемъ положеніе bordeliers было немногимъ лучше крѣпостныхъ, хотя они все же пользовались большей личной свободой и въ ихъ составъ входили и горожане (позже и дворяне), а не только крестьяне (Boucomont. Des main-mortes personelle et réelle en Nivernais. 1896).

Въ Германіи повидимому еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Англіи послѣ моровой язвы, происходившее въ XIII—XIV ст. движеніе въ смыслѣ облегченія крѣпостной зависимости смѣнилось — какъ указываетъ Лампрехтъ — обратнымъ теченіемъ. Появилась масса безземельнаго несвободнаго населенія, питавшагося отъ общинныхъ угодій и не имѣвшаго никакого постояннаго заработка и крѣпкой осѣдлости, — населенія, которое рядомъ съ прочими личными повинностями уплачивало подушную подать и несло тяжелую барщину. Но положеніе и прочаго населенія повидимому ухудшилось, всѣдствіе захвата общинныхъ земель вотчинниками, которые по своему усмотрѣнію регулировали пользованіе общинными угодьями: они выдѣляли для себя лѣса, входъ въ которые вовсе не дозволялся крестьянамъ, ограничивали въ другихъ лѣсахъ право рубить деревья и запасаться топливомъ, травой и дерномъ, жечь уголь и золу, пасти скотъ, въ особенности свиней и козъ, разсматривая при этомъ общинныя лѣса какъ свою помѣщичью собственность, за пользованіе которою крестьяне должны платить опредѣленную сумму. Право охоты и рыбной ловли, поскольку оно не было объявлено регаліей территорріальныхъ государей, вотчинники присвоили себѣ, право разведенія пчелъ въ лѣсахъ, добыванія извѣстняка и т. д. также отняли у крестьянъ, за пользованіе выгонами установили высокіе платежи. Недаромъ однимъ изъ основныхъ требованій возставшихъ въ 1525 г. крестьянъ, изложенныхъ ими въ 12 статьяхъ (Zwölf Artikel), было возвращеніе общинамъ принадлежащихъ имъ полей и луговъ и всѣхъ, не пріобрѣтенныхъ помѣщиками путемъ покупки, лѣсовъ; „должна быть возстановлена прежняя свобода охоты, пастьбы скота и пользованія лѣсами“. Къ этому сокращенію крестьянскихъ угодій, приводившему къ разстройству ихъ хозяйства, присоединилось вызванное этимъ же захватомъ усиленіе барщины; послѣдняя была необходима для воздѣлыванія этихъ новыхъ присоединенныхъ къ помѣстью земель.

Наконецъ, ту частичную свободу переселенія, тотъ intercursus котораго крестьянамъ удалось добиться въ предшествующую эпоху посредствомъ соглашеній между помѣщиками, теперь у нихъ снова отнимаютъ, совершенно прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь такое же какъ въ Англіи и Испаніи реакціонное движеніе, но еще въ большей,. пожалуй, мѣрѣ, причемъ обнаруживаются одни и тѣ же моменты и тутъ и тамъ: захватъ общинныхъ, угодій, расширеніе барщины, ограниченіе права передвиженія. И рядомъ съ этимъ общимъ движеніемъ замѣчается и здѣсь, какъ въ Англіи и Испаніи, частичное продолженіе прежней тенденціи въ смыслѣ улучшенія положенія крестьянъ: оно—какъ указываетъ Инама-Стернеггъ — замѣтно въ южной Германіи, гдѣ продолжаютъ развиваться формы свободной аренды, въ особенности же въ Тиролѣ; здѣсь—какъ выяснилъ Вопфнеръ — положеніе крестьянъ въ XV ст. было благопріятное, установилась наслѣдственность держаній съ уплатой разъ навсегда опредѣленнаго невысокаго чинша и съ несеніемъ не тяжелыхъ повинностей, хотя и здѣсь велико было недовольство крестьянъ захватомъ общинныхъ угодій (пользованіе общинными лѣсами было чрезвычайно ограничено, такъ какъ они необходимы были для многочисленныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, принадлежавшихъ герцогу) и лишеніемъ ихъ права охоты и рыбной ловли.

Одни и тѣ же причины должны были привести къ одинаковымъ послѣдствіямъ—къ возстанію крестьянъ.

Уже съ половины XV ст. начинаются движенія среди крестьянъ, обнаруживается стремленіе послѣдовать примѣру добившихся свободы въ борьбѣ съ Габсбургами швейцарцевъ—„стать-швейцарцами“ (schweizerisch werden wollen), возникаютъ частичныя возстанія, (мы встрѣчаемъ ту же пѣсню, которая распѣвалась въ Англіи въ 1381 г.: „когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, гдѣ же былъ тогда дворянинъ?“) какъ напр. Ганса Бегейма изъ Никлаусгаузена въ 1476 г., проповѣдовавшаго въ вюрцбургской области о новомъ царствѣ Господнемъ, „гдѣ не будетъ ни князей, ни папы, никакихъ господъ и повинностей“ (вюрцбургскій епископъ велѣлъ ночью схватить его и сжечь и волненье утихло); „сырниковъ“ въ Нидерландахъ (въ 1491 г. они нарисовали на своихъ знаменахъ скверный ячменный хлѣбъ съ зеленымъ сыромъ), для подавленія котораго потребовалась большая военная сила; въ аббатствѣ Кемптенъ въ Швабіи въ 1493 г. (аббатъ заявлялъ: я поступаю такъ же, какъ и другіе сеньоры“). За ними послѣдовало образованіе въ 1500 г. крестьянскаго союза „Bundschuh“ (лапоть), совершившаго рядъ возстаній; возстаніе въ Вюртембергѣ („Бѣдный Конрадъ“) въ 1514 г., въ Каринтіи и Штиріи въ 1515 г. и пр. При этомъ рядомъ съ экономическимъ и политическимъ движеніемъ мы находимъ и здѣсь (какъ въ Англіи исходящую отъ лоллардовъ) религіозную проповѣдь (въ особенности подъ вліяніемъ гусситскихъ идей) основанной на Евангеліи свободы и равенства, („ничего кромѣ справедливости Божеской“), требованіе секуляризаціи церковныхъ земель и отмѣны десятины, („я сѣю хлѣбъ своими руками, а онъ переходитъ въ руки священника)“. Далѣе замѣчаемъ и въ Германіи (тоже, что въ Англіи), что движеніе не ограничивается крестьянами, а происходитъ и въ городахъ (въ Вѣнѣ въ 1462 г. въ Ахенѣ въ 1477 г., въ 80 гг. въ Кельнѣ, Ростокѣ, Брауншвейгѣ, Оснабрюкѣ, въ 1491 г. въ Магдебургѣ). Въ 1525 г. произошло всеобщее возстаніе, извѣстное подъ именемъ „Крестьянской войны“; оно подготовлялось уже въ предшествующіе годы, слышно было, что какіе то люди ходятъ по деревнямъ и, въ церквахъ и на рынкахъ, во время свадебъ и въ кабакахъ возбуждаютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, говоря, что власть послѣднихъ вовсе не отъ Бога, что они „наемники дьявола и сатана ихъ предводитель“. Всѣ ожидали его: „кто въ 1523 г. не умретъ, въ 1524 г. не погибнетъ въ водѣ, а въ 1525 г. не будетъ убитъ, тотъ спасется чудомъ“, говорили повсюду, и предсказаніе о наводненіяхъ 1524 г. вскорѣ превратило воду въ потоки человѣческой крови. Возставшіе (идеологами ихъ являлись Карлстадтъ и Ѳома Мюнцеръ) требовали свободнаго пользованія водами, воздухомъ и лѣсами, уничтоженія барщины, правильнаго судопроизводства, свободной проповѣди слова Божія и права выбирать своихъ пастырей (эти требованія изложены въ 12 статьяхъ); они первоначально добились значительныхъ успѣховъ, разбивая княжескія войска и заставляя князей во многихъ мѣстахъ идти на уступки. Возстаніе распространилось постепенно по всей Швабіи, Эльзасу,

Гессену, Тюрингіи, Баваріи (Франконіи), Тиролю, Зальцбургу, причемъ крестьяне стали предъявлять и требованія политическаго характера, настаивая на централизаціи власти въ рукахъ императора (съ отнятіемъ ея у князей), на учрежденіи единой монеты, вѣса и мѣры, на отмѣнѣ таможенъ и конвойныхъ денегъ и на установленіи свободы передвиженія. Соединеніе территоріальныхъ князей привело къ уничтоженію крестьянскихъ войскъ и постепенному прекращенію возстанія.

Непосредственный результатъ былъ и въ Германіи и въ Англіи одинаково неблагопріятенъ для крестьянъ, ибо возстаніе окончилось неудачей (причемъ въ Германіи оно сопровождалось гораздо большими жестокостями съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ въ Англіи), однако въ то время, какъ въ Англіи (какъ и въ Каталоніи) крестьяне все-таки добились своего, ибо обратное теченіе остановилось и раскрѣпощеніе вновь стало дѣлать большіе успѣхи, въ Германіи такіе результаты не могли быть достигнуты. Въ Англіи фактическая сила была въ рукахъ крестьянъ, ибо имѣлось и много свободныхъ земель и города могли принимать къ себѣ сельское населеніе, далѣе послѣднее къ концу XIV вѣка еще не успѣло даже достигнуть той цифры, какая имѣлась наканунѣ Черной смерти, а къ этому присоединился разгромъ англійской аристократіи во время борьбы алой и бѣлой розы. Въ Германіи черная смерть не нанесла столь значительныхъ опустошеній, какъ въ такихъ приморскихъ странахъ какъ Англія или Италія, города стали стѣснять доступъ сельскихъ жителей и уходъ туда сталъ сокращаться, территоріальная власть мелкихъ государей усиливалась, и—что самое главное—прекратился тотъ отливъ населенія на востокъ въ славянскія земли, который въ теченіе трехъ столѣтій (XII—XIV) являлся исходомъ для всѣхъ недовольныхъ, вызывалъ разрѣженіе населенія въ западныхъ областяхъ и заставлялъ феодаловъ идти на уступки. Если это отсутствіе исхода усиливало революціонное движеніе въ теченіе XV вѣка, то оно въ то же время приводило къ тому, что здѣсь—въ противоположность Англіи—установилось дѣйствительно adscriptio glebae и прикрѣпленіе къ землѣ совершилось не только юридически (стѣсненіе передвиженія), но и фактически. И хотя, какъ выяснили новѣйшія изслѣдованія (въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ высказывалось другое мнѣніе), положеніе крестьянъ послѣ Крестьянской войны и не ухудшилось (въ Баденѣ, Баваріи, Эльзасѣ, Тиролѣ, отчасти и въ Вюртембергѣ), но происшедшее въ XV ст. фактическое прикрѣпленіе къ землѣ осталось и въ послѣдующія столѣтія.

Какъ въ Англіи Роджерсъ (въ отношеніи XIV ст.), такъ въ Германіи Лампрехтъ является главнымъ сторонникомъ взгляда объ ухудшеніи положенія крестьянъ въ XV ст., къ которому (съ оговорками) впрочемъ присоединяются и Инама-Стернеггъ, и Зомерладъ (Handwört. der Staatswiss. Suppl. B. II), тогда какъ Іанссенъ, Максъ Ленцъ (Hist. Zeitschr. 1896), Гагельстанге, отчасти и Штольце (Vorgeschichte des Bauernkrieges) это отрицаютъ, усматривая причины Крестьянской войны въ другихъ моментахъ, преимущественно политическаго характера, отчасти, утверждая даже (какъ противники Роджерса въ отношеніи Англіи), что матеріальное положеніе крестьянъ къ концу средневѣковья улучшилось.

Соотвѣтственно юридическому и общее экономическое положеніе крестьянъ въ позднее средневѣковье на континентѣ (въ Англіи оно было нѣсколько лучше) не могло быть благопріятнымъ. Земля давала крестьянину весьма мало, ибо, сдѣлавъ значительные успѣхи въ смыслѣ экстенсивности—расширеніе площади посѣвовъ путемъ корчеванія лѣсовъ, осушенія болотъ и расчистки пустошей—сельское хозяйство въ отношеніи интенсивности стояло весьма низко. Велось хищническое хозяйство въ видѣ воздѣлыванія изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же истощающихъ землю злаковъ (кормовыхъ травъ, рѣпы, картофеля и т. п. не сѣяли, люцерна и клеверъ появились не ранѣе XVII—XVIII ст.), при отсутствіи искусственнаго удобренія и неумѣнія использовать естественное (навозъ выбрасывался въ рѣки или просто на улицу, заражая воздухъ и не принося пользы земледѣльцу), почему поля удобрялись далеко не ежегодно. Господствовала трехпольная система хозяйства (изъ трехъ полосъ земли, на которыя раздѣлялось

поле, одна засѣивалась озимыми хлѣбами, другая яровыми, а третья находилась подъ паромъ), при которой изъ трехъ полей ежегодно лишь одно поле доставляло полную жатву, второе (подъ яровыми посѣвами) только половину, а трѣтье—ничего, т. е. весь участокъ земли приносилъ лишь половину того, что могъ бы давать. Въ отпускныхъ грамотахъ XIV—XV ст. еще сплошь и рядомъ упоминается о томъ, что земли разрывались заступомъ: считалось, что соха нужна лишь для распашки поля въ 60 акровъ, но этого размѣра надѣлы отдѣльныхъ крестьянъ обыкновенно не достигали (Delisle); иногда впрочемъ соха пріобрѣталась сообща, составляя общинное имущество, и въ нее запрягалось 8—6 животныхъ, быковъ, рѣже лошадей. Борона обыкновенно отсутствовала, почему оставшіяся на поверхности сѣмена становились нерѣдко пищей птицъ, а дурныя травы не выпалывались, серпомъ же вырывались въ лучшемъ случаѣ лишь верхушки ихъ. Раціональному сельскому хозяйству препятствовали въ значительной мѣрѣ всевозможныя суевѣрія; различныя причитанія и языческіе обряды должны были обезпечить хорошую жатву, устранить враждебныя земледѣльцу силы [1]).

Получая отъ земли мало, крестьянинъ вынужденъ былъ однако много отдавать сеньору въ видѣ различныхъ оброковъ, чиншей и платежей, церкви вносить десятину, а королю различнаго рода подати. По вычисленіямъ д'Авенеля, земля доставляла 10 проц. дохода (съ ея продажной стоимости), изъ которыхъ 3—4 проц. уходило въ пользу помѣщика, если же прибавить къ этому еще прочіе платежи, да имѣть въ виду, что абсолютно эти 10 проц. составляли сами по себѣ весьма небольшую сумму, то для крестьянина останется очень немного. Инама-Стернеггъ также пришелъ въ тому выводу, что у средневѣковаго крестьянина оставалась лишь третья часть того небольшого дохода, который доставляла ему земля, ибо $^1/_3$ уплачивалась въ видѣ чинша и оброка помѣщику, изъ оставшихся 66 проц. $^1/_{10}$ или 6 проц. составляли десятину въ пользу церкви, а изъ этихъ 60 проц. $^1/_3$ шла въ пользу фогта и 10 проц. въ качествѣ государственныхъ податей, не считая остальныхъ сборовъ, барщины и т. д.

Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что и обстановка, въ которой проводилъ жизнь крестьянинъ, не отличалась удобствами, что питанье его было весьма скудное и т. д. Какъ видно изъ Морица Гейне, изба строится изъ дерева (опредѣлялось количество деревьевъ, которое можно брать безплатно для постройки дома) или глины, которая весьма цѣнится и добываніе которой регулируется особыми постановленіями, хотя глиняныя постройки, въ которыя вѣтеръ проникалъ со всѣхъ сторонъ, сравнивались съ гнѣздами ласточки; постройки изъ камня или кирпичей составляли въ селахъ рѣдкость даже въ эпоху широкаго распространенія зданій изъ кирпичей въ городахъ. Крыша была сдѣлана изъ соломы, тростника и черепицы, крѣпостью постройка не отличалась и признавалась удовлетворительной, если три человѣка тремя заступами не въ состояніи ее сорвать; вплоть до XV ст. изба разсматривалась какъ движимое имущество, ее перевозили съ мѣста на мѣсто, иногда увозили въ городъ, (цѣлыя деревни, вслѣдствіе этого, прекращали свое существованіе). Изба строилась низкая, чтобы удерживалась теплота въ зимнее время; освѣщалась она огнемъ съ очага, лучиной, иногда и факелами изъ смолы, оконъ обыкновенно не было; въ лучшемъ случаѣ существовали небольшія отверстія въ стѣнахъ, но они ничѣмъ не закрывались, ни стекломъ (которое было крайне дорого), ни бумагой (которой не было), а лишь затыкались соломой или какой-либо матеріей или деревомъ въ очень холодное время. Посреди избы, на голой землѣ разводился огонь, дымъ котораго выходилъ въ закрываемыя лишь на половину двери (верхняя часть отдѣлялась отъ нижней); кромѣ того имѣлась печь,

---

[1]) Передъ началомъ жатвы вокругъ сохи три раза обносился хлѣбъ съ зажженной восковой свѣчкой; для того, чтобы качество сѣмянъ было лучше, они бросались сквозь сито, сдѣланное изъ волчьей шкуры, въ которомъ было продѣлано тридцать отверстій; для удаленія гусеницъ зарывались кости вола въ землю; наливая вино, нужно было говорить: Saint-Martin bon vin и т. п. (Réville).

которая служила и для теплоты и для приготовленія пищи одновременно; въ этомъ же единственномъ помѣщеніи (иногда впрочемъ отдѣляли особыя комнаты для сна) проводила всю жизнь семья, вмѣстѣ съ домашней птицей и скотомъ; спали на землѣ, на соломѣ, или на печи, гдѣ могло помѣститься нѣсколько человѣкъ, у болѣе состоятельныхъ имѣлась и широкая фамильная кровать, на которой спала вся семья, какъ и оставшіеся ночевать гости. Спали голыми, ибо бѣлья не было; весь скорбъ крестьянина оцѣнивался сборщиками налоговъ въ нѣсколько солидовъ. Имѣлись лишь скамьи, которыя шли вокругъ избы, четырехугольный столъ, нерѣдко одинъ стаканъ для всѣхъ, изъ котораго пили поперемѣнно. Ревиль предлагаетъ называть XIV вѣкъ не вѣкомъ Данте или Петрарки, не вѣкомъ Столѣтней войны, не вѣкомъ компаса или пороха, а вѣкомъ рубашки, которая въ это время входитъ въ домашній обиходъ. Однако, въ дѣйствительности она составляла въ тѣ времена еще большую рѣдкость, такъ какъ холстъ былъ крайне дорогъ, и только короли и феодалы имѣли по нѣскольку рубахъ, получая ихъ въ подарокъ при торжественныхъ случаяхъ и оставляя потомкамъ въ наслѣдство. Питанье крестьянъ заключалось въ ячменной или ржаной похлебкѣ или хлѣбѣ (въ Англіи впрочемъ они ѣли и пшеницу), соленой рыбѣ (постная ѣда), овощахъ, сырѣ, яйцахъ; мясо подавалось только по праздникамъ („мясные дни"), ибо, вслѣдствіе частыхъ паденій скота [1]), его было весьма мало.

Большое количество всевозможныхъ кушаній потреблялось лишь на свадьбахъ и крестинахъ; тогда крестьянинъ тратилъ чуть ли не все, что онъ имѣлъ (закалывалъ имѣвшуюся скотину, вынималъ всѣ запасы хлѣба) и происходило сильнѣйшее обжорство и пьянство (послѣднее было въ средніе вѣка весьма распространено), но за этимъ слѣдовала жизнь впроголодь, еще большая нужда чѣмъ въ обычное время. Особенно же плохо приходилось во время войнъ, ибо война того времени должна была „кормиться войной", т. е. грабежомъ населенія, и вооруженныя шайки жгли и грабили, отнимали все добро у крестьянъ (во время Столѣтней войны между Англіей и, Франціей половина Франціи была опустошена), въ случаѣ же противодѣйствія съ ихъ стороны, сжигали на кострахъ и четвертовали ихъ, подвергая ужаснѣйшимъ пыткамъ. Большое опустошеніе производили и объѣзды короля по различнымъ мѣстностямъ, ибо — по выраженію Бюхера—король въ средніе вѣка правилъ страной въ видѣ „отхожаго промысла", переѣзжая изъ одного мѣста въ другое; при этомъ не только населеніе вынуждено было содержать его и свиту, но послѣдняя самымъ безпощаднымъ образомъ грабила жителей, отнимая у нихъ запасы, опустошая поля, такъ что крестьяне во время этихъ своеобразныхъ войнъ, производимыхъ своими же, убѣгали въ лѣса, оставляя свое имущество на произволъ судьбы. Еще хуже было во время часто повторявшихся голодовъ, когда приходилось питаться корнями, травой, древесной корой и даже человѣческимъ мясомъ: въ такія времена люди убивали и пожирали другъ друга, даже дѣти родителей и наоборотъ, чтобы только самимъ не умереть съ голоду. Хлѣбная торговля, которая была столь необходима въ этихъ случаяхъ, функціонировала весьма слабо и если даже припасы привозились въ мѣстность, страдавшую отъ голода, то лишь тогда, когда голодъ успѣлъ достигнуть большихъ размѣровъ и цѣны на хлѣбъ стояли столь высоко что крестьяне не въ состояніи были пріобрѣтать его. Феодаловъ это мало трогало, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда они опасались возстаній и поэтому (въ особенности монастыри) приходили на помощь голодному населенію. Они требовали отъ крестьянъ „patience et obeissance" и относясь къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ (Jacques bonhomme a bon dos, il souffre tout, т. е. спина его все вынесетъ) утверждали, что „der Bauer ist an Ochsen statt, nur dass er keine Hörner hat" (т. е. мужикъ тотъ же быкъ, только безъ роговъ), что „rustica gens optima flens, pessima gaudens". (См. Heyne. Deutsches Wohnungswesen. 158—164, 169, 181, 200. Delisle. p. 189. 287. 300—1. 311. Haeser. 235—36. Reville. p. 14—15. 40 Schultz. Höf. Leben. I. p. 121. Hagelstange 66—7. 109—113. 131. Sée. Classes rur. 540. 557. Brutails. Inama. III. 1. p. 405.

---

[1]) Walter Henley совѣтуетъ кормить поденщиковъ мясомъ падшей скотины, посоливъ и высушивъ его; другой англійскій писатель XIV ст. предлагаетъ вывозить мясо изъ Англіи, убивъ больной скотъ (Reville).

II. Города и промыслы.

Источники. Главными источниками для изученія характера промышленности и организаціи ея въ средніе вѣка являются цеховые статуты. Имѣется нѣсколько прекрасныхъ изданій (средневѣковыхъ) цеховыхъ статутовъ въ особ. германскихъ городовъ съ подробными комментаріями. Таково изданіе цеховыхъ уставовъ г. Любека (*Wehrmann. Die älteren lübeckischen Zunftrollen. 1864*), Люнебурга (*Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Lüneburg. 1883*), Риги (*Stieda und Mettig. Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. Riga. 1896*), Кельна (*Lösch. Die Kölner Zunfturkunden nebst anderen Gewerbeurkunden. 1907*), Парижа (*Lespinasse. Les métiers et corporations de la ville de Paris*), далѣе—безъ коментарій или почти безъ нихъ—статуты г. Гамбурга (*Rüdiger. Die ältesten hamburgischen Zunftrollen und Brüderschaftsstatuten. 1874*), Оснабрюка (*Philippi. Die ältesten osnabrückischen Gildeurkunden. 1890*), Грейфсвальда (*Krause. Die ältesten Zunftrollen der Stadt Greifswald, 1898*).

Весьма важны также собранные Шмоллеромъ статуты по исторіи страсбургскаго суконнаго цеха. *Schmoller. Die Strassburger Tucher- und Weberzunft. Urkunden und Darstellung. 1879.* Сборникъ избранныхъ документовъ по исторіи промышленности: *Fagniez. Documents rélatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce de la France. Vol. I—II.* Много документовъ, хотя и разрозненныхъ, также въ *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins* (Mone. Zunftorganisation von 13—16 Iahrhundert). Въ отношеніи источниковъ исторіи городовъ см. особ. *Hegel. Chroniken der deutschen Städte. 1862—1899* (26 томовъ), *Below und Keutgen. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte, 1901.*

Литература. По исторіи городовъ: Основные труды: *Hüllmann. Städtewesen im Mittelalter.* 4 Bände. 1825 и сл. *Maurer. Geschichte der Städteverfassung in Deutschland.* 4 Bände. 1869—71. *Hegel. Geschichte der Städteverfassung von Italien. Gengler, Geschichte der deutschen Stadtrechtsaltertümer. Hegel. Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter.* 2 Bde 1891. *Luchaire. Les communes francs. E. Mayer.* Deutsche und französische Verfassungsgeschichte. I—II. Краткій очеркъ: *Schröder.* Deutsche Rechtsgeschichte. § 51.

Спеціальныя изслѣдованія по вопросу о возникновеніи городовъ и городского строя. *Sohm. Die Entstehung des deutschen Städtewesens, 1890. Below. Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung. 1892.* Его же. *Entstehung der deutschen Stadtgemeinde. 1889. Rietschel. Markt und Stadt in ihrem rechtlichen Verhältnis. 1897. Keutgen. Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung. 1895. Liesegang. Niederrheinisches Städtewesen im Mittelalter. 1897. Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I. 1891. Wauters. Les libertés communales. 1878. Pirenne. Origines des constitutions urbaines au moyen-âge.* Révue histor. T. 57. 1895. Его-же. *Villes, marchés et marchands au moyen-âge.* Ibid. T. 67. Спеціально по вопросу о землевладѣніи въ городахъ: *Arnold. Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten. 1861. Des Marez. Etude sur la propriété foncière dans les villes du moyen-âge, spécialement en Flandre. 1898.*

Проблема о количествѣ населенія въ средневѣковыхъ городахъ, его составѣ и распредѣленіи имущества. Inama—Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 1. 1899. Его же. *Die Quellen der historischen Bevölkerungsstatistik.* (Statistische Monatsschr. B. XII). *Bücher.* Entstehung der Volkswirtschaft. 5. Aufl. 1906 (рус. изд. Возникн. народн.-хоз. 1907 г. вып. 2, очерки 10—12). Его-же замѣчательный трудъ о Франкфуртѣ, имѣющій и общее значеніе для хозяйственной исторіи средневѣковаго періода (*Bücher. Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV und XV Jahrh. B. I. 1885*). *Schoenberg. Finanzverhältnisse der Stadt Basel im 14 und 15. Iahrh. 1879* (даетъ много и для исторіи горо-

довъ и промысловъ). Изъ болѣе мелкихъ работъ заслуживаютъ вниманія: *Buomberger. Bevölkerungs- und Vermögensstatistik der Stadt und Landschaft Freiburg um die Mitte des 15. Jahrh.* 1900. *Eulenburg. Zur Bevölkerungs- und Vermögensstatistik des 15. Jahrh.* (Zeitschr. für Sozial- und Wirtschaftsgesch. B. 3), относ. Гейдельберга. *Pirenne. Les démembrements de la population d'Ypres au XV s.* (Viert. für Sozial - und Wirtschaftsgesch. B. I). *Iastrow. Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters.* 1886. Кромѣ того цифровыя данныя даютъ: *Reisner. Die Einwohnerzahl deutscher Städte in früheren Jahrhunderten.* 1902, (для Любека), *Eheberg. Strassburgs Bevölkerungszahl seit Ende des 15. Jahrh.* (Jahrb. für Nationaloekon. N. F. VI. VII), *Paasche. Die städtische Bevölkerung früherer Jahrhunderte.* (Jahrb. f. Nationaloekon. N. F. V), для Ростока, *Bungers. Beiträge zur mittelalterl. Topograhie, Rechtsgesch. und Sozialstat. der Städt Köln. 1899. Nuglisch. Die wirtsch. Leistungsfähigkeit deutscher Städte im Mitt.* (Zeitschr. f. Sozialwiss. 1906), распредѣленіе доходовъ въ Равенсбургѣ, Эсслингенѣ и др. См. также, *Schaefer* въ Gierke's Untersuchungen. B. 44 (Ueberlingen) и *Hartung* въ Schmoller's Jahrbuch. 1895. (Аугсбургъ), и для Парижа *Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers.* 1897.

По исторіи промышленности и цеховой организаціи въ средневѣковыхъ городахъ, сочиненія общаго характера: *Wilda. Das Gildewesen im Mittelalter. Gierke. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft.* 1868. (отд. о цехахъ). *Hegel.* Städte und Gilden. 1891. *Maurer.* Gesch. der Städteverfass. 1869—71. *Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung.* 1880, въ дѣйствительности всесторонняя характеристика средневѣковыхъ цеховъ въ Германіи и Франціи. *Schmoller.* Die Strassburger Tucher- und Weberzunft. 1879, (исторія шерстяной промышленности и цехового строя въ Германіи). *Inama-Sternegg.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. 1901. *Stieda. Zunftwesen* въ Handw. der Staatswiss. *Schoenberg. Zur wirtsch. Bedeutung des deutsch. Zunftwesens im Mitt.* 1869. (чрезмѣрная идеализація цеховой жизни). *Sombart. Der moderne Kapitalismus.* 1902. B. I. *Levasseur.* Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France jusqu'à 1789. T. I. *Martin-Saint Léon.* Histoire des corporations de métiers. 1897. *Cunnigham.* Growth of English Industry and Commerce T. I. *Ashley.* Introduction into the Economic History. *Ochenkowski.* Englands wirtschaftliche Entwicklung am Ausgang des Mittelalters. 1879. *Ковалевскій.* Экономическій ростъ Европы. Т. III. *І. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. Т. І. 1906.*

По вопросу о происхожденіи (и цѣли учрежденія) цеховъ: *Hartmann. Zur Gesch. der Zünfte im frühen Mitt.* (Zeitschr. f. Soz. und Wirtschaftsgesch. III.). *Nitzsch. Ministerialität und Bürgertum im 12. und 11. Jahrh. 1889. Stieda. Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens. 1876. Eberstadt. Magisterium und Fraternitas.* Его же. *Der Ursprung des Zunftwesens. 1900.* Противъ всего этого направленія: *Below. Die Entstehung des Handwerks in Deutschland* (Zeitschr. f. Soz und Wirtschaftsgesch. Его же. *Zur Entstehung der deutsch. Stadtverfassung* (Hist. Zeitschr. 1887). *Gothein.* Wirtschaftsgesch. des Schwarzwaldes. I. 1891. *Keutgen. Aemter und Zünfte. 1903.* Статьи моего отца: *М. И. Кулишеръ. Цехи на Западѣ и у насъ* (Рус. Мысль. 1887). Его же. *Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ* (Вѣстн. Евр. 1887). Отчасти и *Gross. The Gild Merchant. 1890.*

По отдѣльнымъ вопросамъ цехового строя (условія пріема въ цехъ, отношеніе между мастерами и подмастерьями, установленіе цѣнъ на промышленныя издѣлія, характеръ промышленной прибыли въ средніе вѣка и т. д.) см. литер. въ моей *Эволюціи прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ.*

ГЛАВА I.

Возникновеніе городовъ.

Возникновеніе городовъ обусловливается двумя моментами—сооруженіемъ крѣпости и устройствомъ рынка. Средневѣковый городъ есть прежде всего, какъ видно изъ его названія, огороженное мѣсто, городище, мѣсто, укрѣпленное

валомъ и рвомъ, Burg [1]), почему и жители его называются burgenses или „Bürger“ въ отличіе отъ сельскихъ жителей: „Bürger und Bauer scheidet nichts als die Mauer“. Городище служитъ сельскимъ жителямъ убѣжищемъ въ случаѣ нападенія врага, куда они скрываются съ семьями, скотомъ и пожитками. Въ Англіи Эдуардъ въ IX ст. (для защиты отъ нападеній датчанъ), на континентѣ Каролинги (въ Тюрингіи и Саксоніи) строятъ цѣлый рядъ такихъ пограничныхъ укрѣпленій изъ земли и дерева (въ видѣ исключенія Майнцъ, Кельнъ, Мерзебургъ имѣли каменныя стѣны) со сторожевыми башнями и брустверомъ (т. е, стѣной, доходящей до груди защитниковъ), нѣкоторые, въ виду спѣшности, строились днемъ и ночью. По прекращеніи враждебныхъ дѣйствій жители первоначально вновь возвращаются въ села, но заботятся о поддержаніи укрѣпленій. Изъ этой совмѣстной защиты и совмѣстной постройки и поддержанія городища возникаетъ впослѣдствіи обязанность всѣхъ городскихъ жителей выступать противъ врага, имѣть всегда необходимое вооруженіе, отбывать повинность сторожевой службы.

Съ другой стороны — городъ возникаетъ только тамъ, гдѣ въ связи съ огороженнымъ мѣстомъ находится рынокъ, market, mercatus, (mercari — покупать и продавать). Рынокъ находится внѣ крѣпостной стѣны, на порубежной чертѣ, тамъ стоятъ и межевые кресты — въ городъ иноплеменники не рѣшаются первоначально входить. (Ср. выше, стр. 43—5). Теорія происхожденія городовъ (Зома), придающая первостепенное значеніе рынку, рыночной организаціи и миру на рынкѣ (Marktfrieden, изъ котораго возникаетъ Stadtfrieden), вполнѣ правильно исходитъ изъ этого основнаго въ исторіи образованія городовъ момента.

Временныя переселенія сельскихъ жителей въ городище постепенно превращались въ постоянное жительство въ немъ — ихъ привлекала сюда и безопасность, ибо незащищенныя селенія подвергались постояннымъ опустошеніямъ, и наличность рынка, гдѣ можно было сбывать излишки своего хозяйства. Первоначально поселившіеся въ городѣ сельскіе жители занялись расчисткой участковъ, хлѣбопашествомъ и разведеніемъ садовъ и огородовъ, совмѣстно регулируя общинное пользованіе лѣсомъ, выгонами, водами (о Майнцѣ одинъ арабскій путешественникъ X ст. говоритъ, что онъ частью заселенъ, а частью засѣянъ), а равно и изготовленіемъ необходимыхъ въ хозяйствѣ промышленныхъ издѣлій. Но постепенно устанавливается спеціализація — сельское хозяйство отступаетъ на второй планъ, хотя оно отчасти сохраняется и впослѣдствіи (См. Below, Städteverfass. Bücher. Bevölk. v. Frankf) — и выдвигается занятіе немногими опредѣленными промыслами, въ зависимости отъ естественныхъ условій мѣстности, произведенія коихъ можно было сбывать являвшимся на рынокъ жителямъ, иноземнымъ купцамъ, съ одной стороны, окрестнымъ крестьянамъ, съ другой стороны.

Городскіе жители такимъ образомъ уже не образуютъ цѣльной въ хозяйственномъ смыслѣ общины, а лишь частичную общину, изготовляющую лишь опредѣленные продукты и зависимую въ отношеніи другихъ продуктовъ отъ лицъ, являющихся на рынокъ. Но и эта община сама по себѣ не представляется чѣмъ либо цѣльнымъ: мы имѣемъ передъ собой не только общину сельскую и городскую, на которыя распалась первоначально единая община, но и въ предѣлахъ города цѣлый рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ общинъ, составляющихъ особыя, но въ экономическомъ отношеніи, въ силу ихъ дальнѣйшей спеціализаціи, зависимыя другъ отъ друга общины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются

---

[1]) Burg равнозначуще городу, какъ это видно не только изъ окончаній многихъ старѣйшихъ городовъ — Регенсбургъ, Зальцбургъ, Вюрцбургъ, Страсбургъ и т. д., но также изъ присоединенія этого слова къ названіямъ иноземныхъ городовъ, (напр. Constantinispurc, т. е. Константинополь, Rumiburg, т. е. Римъ, Colnaburch, т. е. Кельнъ и др.).

[2]) Или castra, отчего въ Англіи окончанія городовъ на ceaster. (castrum, urbs, burg равнозначущи).

прямыя указанія на то, что городъ образовался изъ двухъ различныхъ сельскихъ общинъ; но сюда обыкновенно присоединялись еще и другія общины—общины тѣхъ странствующихъ ремесленниковъ, которые изъ другихъ мѣстностей приходили на рынокъ и осѣдали въ городѣ (см. М. И. Кулишеръ, ук. ст.); или же ихъ приглашали для пополненія города и для полученія новыхъ доходовъ короли и епископы—основатели города. Такъ образуются особыя общины кузнецовъ, гончаровъ, каменьщиковъ и т. п., причемъ каждая изъ нихъ была обыкновенно немногочисленна. Наконецъ, различныя группы купцовъ, появляющіяся на рынкѣ, пріобрѣтаютъ осѣдлость въ городѣ, устраиваютъ свои постоянныя факторіи, также нерѣдко по приглашенію. Всѣ эти отдѣльныя группы образуютъ городъ, городское населеніе—mercatores, negotiatores, emptores, Kaufleute; подъ этимъ названіемъ разумѣются, городскіе жители вообще, которые покупаютъ (а не продаютъ: купецъ и Kaufmann—покупающій) на городскомъ рынкѣ; послѣдній теперь уже переносится во внутрь укрѣпленія, ибо на немъ уже обмѣниваются жители, живущіе внутри стѣнъ, для нихъ прежде всего служитъ городъ, да и окрестные крестьяне уже болѣе не опасаются входить въ городъ. Поэтому впослѣдствіи межевые (рыночные) кресты оказываются далеко отъ рынка.

Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны городъ представляется уже чѣмъ то цѣльнымъ, отдѣлившимся отъ всей окружающей мѣстности. Дѣйствительно, онъ выдѣлился изъ нея, выдѣлился и по типу своей организаціи, которую онъ развилъ гораздо болѣе, выдѣлился и въ томъ смыслѣ, что по общему правилу за стѣнами горожане могли быть спокойны отъ нападенія, тогда какъ внѣ стѣнъ происходили постоянные разбои, какъ теперь въ Африкѣ, и когда ворота не были заперты, то грабители и впослѣдствіи врывались внутрь (см. Kriegk. Bürgerzwiste); выдѣлился и въ томъ, наконецъ, отношеніи, что въ случаѣ нападенія, всѣ граждане города отстаивали его совмѣстно. Но во всемъ другомъ цѣльности попрежнему не было и городъ еще долго распадался на всю ту массу отдѣльныхъ группъ, частичныхъ общинъ, которыя поселились въ немъ. Каждая изъ нихъ имѣла свою спеціальность, хотя, конечно, вполнѣ обособиться послѣднія еще долго не могли—почему впослѣдствіи безпрестанныя столкновенія между цехами изъ за отмежеваннаго каждому поля дѣятельности—каждая представляла собою самостоятельную общину; отдѣльная была община мясниковъ, отдѣльная кузнецовъ, отдѣльная ткачей, особую общину составляли купцы-венеціанцы, особую купцы-флорентинцы, купцы изъ Лукки или Сіены, ганзейцы со своей факторіей, особую—патриціи-землевладѣльцы, позже университетъ и т. д. Живя внутри одной и той же городской стѣны, они жили, однако, каждая особой жизнью и встрѣчались лишь на городскомъ рынкѣ. Каждая изъ нихъ селилась въ одной части города, на особой улицѣ и продолжала тамъ жить, отдѣленная отъ другихъ особыми воротами, которыя запирались на ночь и охранялись ночной стражей. Отсюда и впослѣдствіи эти особыя улицы, которыя даже носили названіе по профессіи жившихъ въ нихъ группъ. Представляя собою цѣльныя общины, эти профессіональныя группы составляли единое во всѣхъ отношеніяхъ—заботились о вдовахъ и сиротахъ оставшихся членовъ, имѣли своего партона въ церкви, отправляли совмѣстно богослуженіе, составляли особый отрядъ, совмѣстно устраивали развлеченія и т. д.

Города возникли на землѣ, принадлежавшей феодалу, и поэтому городскіе жители первоначально не имѣли свободнаго самоуправленія, а управленіе находилось въ рукахъ епископа, графа или лица, которому оно поручалось, нерѣдко это было то же лицо, которое завѣдовало рынкомъ (порядкомъ на немъ). Вслѣдствіе этого, города обязаны были уплачивать извѣстные подати и отбывать повинности публичнаго характера въ пользу Burgherr'a или Stadtherr'a, но личная свобода въ городѣ господствовала съ самаго начала — Stadtluft macht frei. Лишь постепенно, послѣ продолжительной борьбы, городъ добился независимости, добился образованія самостоятельнаго городского совѣта, который управлялъ

городомъ. Но и этотъ совѣтъ, ратуша еще долго не объединялъ города, не являлся представителемъ всѣхъ его частей, а избирался обыкновенно путемъ кооптаціи изъ аристократіи—патриціевъ, земледѣльцевъ, богатыхъ купцовъ, причемъ участіе это становилось наслѣдственнымъ—ratsfähige Geschlechter. Нужна была дальнѣйшая борьба между ними и прочимъ населеніемъ, особенно цехами, прежде чѣмъ и послѣднимъ удалось пробиться въ городской совѣтъ и принять участіе въ управленіи, причемъ нерѣдко завоеванное насильственнымъ путемъ право у нихъ вновь отнималось. При этомъ либо весь совѣтъ составлялся путемъ выборовъ отъ отдѣльныхъ организацій, либо рядомъ съ прежнимъ возникалъ дополнительный (erweiterter grosser Rat), либо образовывалась исполнительная комиссія (Fünfer, Zehner, Fünfzehner по числу членовъ), въ рукахъ которой находилось все управленіе. Это было уже шагомъ впередъ по пути къ объединенію города, но совершилось лишь въ концѣ средневѣковья. Иностранцы (особ. итальянскіе купцы или ломбарды), подмастерья, евреи, лица, не владѣвшія домомъ (Rauch)—не считались полноправными гражданами и не принимали участія въ выборахъ. (Pfahebürger, Ausbürger; servi camerae—евреи).

Наиболѣе старая теорія усматривала въ городахъ западно-европейскихъ народовъ непосредственное продолженіе городовъ, основанныхъ римлянами. Однако, уже Гюльманъ, Арнольдъ и Гирке выяснили ея несостоятельность, установивъ, что даже въ наиболѣе раннихъ итальянскихъ, испанскихъ и французскихъ городахъ ничего кромѣ чисто внѣшней связи съ римскими муниципіями провести невозможно, въ Германіи же и самыя римскія поселенія совершенно исчезли и остались однѣ лишь выстроенныя римлянами крѣпостныя стѣны и названія укрѣпленій. Гораздо дольше держалась выставленная Вильда и затѣмъ развитая Гирке и въ особенности Ницшемъ теорія происхожденія городовъ изъ городскихъ гильдій, охватывавшихъ первоначально все городское населеніе. Исходной точкой здѣсь является гипотеза о существованіи гильдіи для защиты интересовъ своихъ членовъ, которая образовалась изъ марки и въ свою очередь позже превратилась въ городскую общину. Изъ этой цѣльной гильдіи затѣмъ постепенно выдѣлялись отдѣльныя гильдіи, обнимавшія ту или другую часть населенія—купеческія ассоціаціи, ремесленные цехи и т. п. Лишь новѣйшими изслѣдованіями Карла Гегеля, Гросса, Белова эта теорія опровергнута. Какъ мы видѣли выше, дѣйствительность представляла нѣчто прямо противоположное тому, что утверждаютъ сторонники этой теоріи, развитіе шло не въ смыслѣ распаденія на части цѣльной гильдіи или общины, а въ видѣ постепеннаго болѣе крѣпкаго единенія первоначально совершенно разрозненныхъ общинъ и гильдій. Въ настоящее время въ сущности остались только двѣ теоріи—одна—теорія возникновенія городской общины изъ сельской, высказанная еще Маурером, подробно развитая Беловомъ, къ которому присоединяются въ значительной мѣрѣ также Кейтгенъ и Гегель; другая—теорія происхожденія города изъ рынка и городского строя изъ рыночной организаціи, сторонниками которой являются въ особенности Готейнъ, Шульте, Шредеръ, Зомъ, Гювеленъ. На первый взглядъ ученіе о происхожденіи городского строя изъ сельскихъ общинъ представляется весьма правдоподобнымъ—ибо, дѣйствительно мы имѣемъ дѣло съ тѣми же сельскими жителями, съ частью первоначальной марки, которые перейдя въ городъ, не только могли, но и должны были перенести туда свои обычаи, и образуя новую организацію, построить ее по типу той, къ которой они раньше принадлежали; и если впослѣдствіи городской строй оказывается значительно болѣе сложнымъ, чѣмъ организація марки, то все же первоначальный исходный пунктъ, основа могла быть заимствована оттуда, а впослѣдствіи уже дальше развита. И тотъ фактъ, что городъ образуется изъ нѣсколькихъ разнородныхъ общинъ, на первый взглядъ не противорѣчитъ этой теоріи, ибо при одинаковой разнообразіи въ организаціи сельскихъ общинъ этой эпохи и даже отколовшихся отъ нихъ ремесленныхъ группъ, не выработавшихъ еще первоначально организаціи отличной отъ общины, изъ которой они выдѣлились, или во всякомъ случаѣ мало развившихъ ее, строй сельской общины могъ явиться той организаціей, которая объединяла въ городѣ всѣ разнообразныя поселившіяся въ ней общины. Сомнѣніе вызываетъ, однако, уже то обстоятельство, что сельскія общины въ эпоху образованія городовъ—не раннѣе X—XI ст.—были уже крѣпостныя и ихъ организація и управленіе являлись въ значительной мѣрѣ результатомъ воли помѣщика, а не самихъ

крестьянъ. Конечно, нѣкоторое самоуправленіе сохранилось и впослѣдствіи, и оно могло быть перенесено въ городское поселеніе. Съ другой стороны, городъ съ самаго начала представляетъ собою поселеніе лично свободныхъ гражданъ, и даже крѣпостные, убѣгавшіе туда, по истеченіи года, пріобрѣтали свободу. Между тѣмъ вся организація сельской общины была разсчитана на крѣпостное, а не на свободное населеніе, и поэтому едва ли могла быть пригодна при образованіи городовъ. Однако, еще болѣе существеннымъ является другой фактъ, вытекающій изъ приведеннаго нами характера городской общины, какъ внѣшняго соединенія цѣлой массы разнообразныхъ враждебныхъ другъ другу общинъ. Вотъ именно это послѣднее обстоятельство еще гораздо болѣе, чѣмъ отличіе между крѣпостнымъ и свободнымъ населеніемъ, рѣзко отдѣляло городъ отъ сельской общины. Основой здѣсь по необходимости должна была явиться не единоплеменная, а междуплеменная организація, и именно институты послѣдняго рода успѣли уже раньше выработаться на рынкѣ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что городъ долженъ былъ пріобрѣсти организацію купеческой гильдіи—своеобразное измѣненіе теоріи гильдіи, ибо и купеческая гильдія составляла цѣльную общину и ея организація имѣла въ виду группы, преслѣдовавшія одинаковые интересы крѣпко сплоченныхъ членовъ. Нѣтъ, именно рыночные институты мы должны разсматривать какъ исходный моментъ въ образованіи города. Рынокъ есть не только основной моментъ, безъ котораго городъ возникнуть не можетъ, не только характерный признакъ эпохи городского замкнутаго хозяйства, гдѣ всѣ сношенія какъ между городомъ и деревней, такъ и между отдѣльными группами городскихъ жителей совершаются на рынкѣ, не только условіе развитія промысловъ и торговли въ городахъ, причина превращенія городовъ въ центры ремесла и торговли. Рынокъ составляетъ нѣчто большее—это тотъ первообразъ, который далъ свой обликъ городскому строю. Рыночное право (или купеческое право—ибо оно было предоставлено всѣмъ торговцамъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. всѣмъ лицамъ, посѣщавшимъ рынокъ) превратилось постепенно въ обще-городское право. Рыночный судъ, тотъ судъ, который—какъ мы видѣли выше—производился графомъ, епископомъ или его ставленникомъ во время рынка между посѣтителями рынка (общины, имѣющія рынокъ, подлежатъ всегда особому суду), сталъ, съ превращеніемъ рыночнаго мѣста въ постоянный, непрерывный рынокъ, т. е. въ городъ, городскимъ судомъ для рѣшенія тяжбъ между (враждебными другъ другу) членами различныхъ городскихъ корпорацій (каждая изъ нихъ имѣла кромѣ того свой собственный судъ для рѣшенія споровъ между членами той-же корпораціи, который по своему характеру являлся однороднымъ съ судомъ сельской общины, поскольку послѣдній не принадлежалъ феодалу). Все городское право, городской миръ (Stadtfrieden) возникло изъ того рыночнаго права, того мира, который обезпеченъ всякому на рынкѣ и по дорогѣ на рынокъ. Наконецъ, надзоръ за мѣрами и вѣсами, вѣдѣнію котораго Беловъ придаетъ первостепенное значеніе, опять таки заимствованъ городомъ изъ рынка; хотя уже Карлъ Вел. обратилъ вниманіе на мѣры и вѣсы (слѣдовательно, они регулировались уже въ эпоху, предшествующую возникновенію городовъ), но нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь шла лишь объ установленіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ на рынкахъ, гдѣ это было существенно въ виду многочисленности совершаемыхъ сдѣлокъ и вслѣдствіе возможности столкновеній, гдѣ вообще впервые появляется постоянное пользованіе ими (въ другихъ случаяхъ обходились безъ мѣръ и вѣсовъ), хотя и тамъ еще долгое время они были крайне несовершенны. Даже противники этой теоріи, какъ напр. Ритшель, Кейтгенъ, Варгесъ, Пиренне, признаютъ огромную роль городского обмѣна и городской торговли въ дѣлѣ образованія городовъ; для нихъ городской строй преим. созданіе иммигрирующихъ куицовъ, новыхъ купеческихъ колоній; но доказалъ ли все-таки Пиренне, что слово "mercator" (о поселеніяхъ mercatores вѣдь идетъ рѣчь) обозначаетъ „купецъ", а не—какъ утверждаетъ Бюхеръ (Возн. нар. хоз.)—всякій покупающій на рынкѣ? Не были ли эти „marcatores" переселенцами разнообразныхъ профессій (въ особ. ремесленниками)? Въ послѣднемъ случаѣ рыночная теорія сохраняетъ вполнѣ свое значеніе. (Ср. Rév. hist. 1898. май—іюнь. p. 61—66. и Дживелеговъ. Теоріи возникн. средневѣк. город.).

ГЛАВА II.

Городское населеніе.

Въ хозяйственномъ отношеніи города прежде всего, въ противоположность селамъ, представляютъ собою скопленіе населенія. Количество ихъ было—по крайней мѣрѣ, если имѣть въ виду города въ юридическомъ смыслѣ, т. е. всѣ мѣстности съ городскимъ управленіемъ,—довольно велико, въ Германіи въ XIII вѣкѣ было основано около 400 городовъ, въ XIV в. снова около 300, въ XV ст. не болѣе 100. Бюхеръ опредѣляетъ ихъ число въ концѣ средневѣковья въ 3000, причемъ на 2—2½ кв. мили въ югозап. Германіи, на 3—4 въ средней и сѣверозап. и на 5—8 въ восточной приходится городъ. Онъ составлялъ центръ для данной мѣстности и вмѣстѣ съ окружными селами образовывалъ особую цѣльную въ хозяйственномъ отношеніи единицу, подобно помѣстью въ раннее средневѣковье. При столь значительномъ количествѣ городовъ и болѣе или менѣе равномѣрномъ распредѣленіи ихъ по странѣ, это было вполнѣ мыслимо; каждая мѣстность имѣла свой городъ, вокругъ котораго она группировалась, и крестьянинъ могъ въ теченіе дня достигнуть городскаго рынка и къ вечеру вернуться обратно.

Было бы, однако, ошибочно думать — какъ это предполагали прежде (Арнольдъ, Гирке, Паули и др.), — что въ средніе вѣка существовали большіе города съ населеніемъ въ 50—100 и болѣе тысячъ. Даже наиболѣе крупные торговые центры имѣли 8 — 10 тыс. населенія въ исключительныхъ случаяхъ и болѣе, до 20 тыс., тогда какъ большинство городовъ насчитывало менѣе 5 тысячъ населенія. При всемъ томъ даже такіе города могли имѣть важное торгово-промышленное значеніе въ тѣ времена, когда рѣчь шла не о производствѣ для вывоза, требующемъ большого количества рабочихъ рукъ, а объ изготовленіи продуктовъ для мѣстнаго населенія. И если многіе города по своему характеру мало чѣмъ отличались отъ окружныхъ селъ, оставшись попрежнему сельскохозяйственными поселеніями [1]), то другіе [2]) не только имѣли развитое, основанное на широкой спеціализаціи, ремесло [3]), не только принимали дѣятельное участіе въ международной торговлѣ (даже Гамбургъ, который имѣлъ не болѣе 6—7 тыс. жителей, Kiesselbach. Die wirtsch. Grundlag. der deut. Hanse etc. p. 246), но могли и при наличности всего 5 тыс. населенія играть видную политическую роль: Иберлингенъ у Боденскаго озера принималъ участіе съ 1325 по 1495 г. въ 16 союзахъ городовъ и городской совѣтъ—der grosse Rat—состоялъ въ половинѣ XV ст. изъ 95 членовъ (населеніе же не превышало 5 тыс.).

Въ настоящее время мы располагаемъ уже болѣе или менѣе достовѣрными данными относительно численности населенія различныхъ средневѣковыхъ городовъ. Частью найдены результаты произведенныхъ въ тѣ времена переписей городовъ (Нюрнбергъ, Страсбургъ, Фрейбургъ) или отдѣльныхъ кварталовъ его (напр., Ипръ), частью имѣются данныя относительно податей, распространявшихся на все населеніе (Дрезденъ, Цюрихъ, Данцигъ) или иныя записи, составленная преимущ. въ податныхъ цѣляхъ, ох-

---

[1]) Въ г. Алленсбахѣ, напр., упоминается о существованіи одного лишь купца, да и тотъ торгуетъ сельскохозяйственными продуктами—виномъ и лошадьми.

[2]) Впрочемъ и они и въ отношеніи постройки домовъ и вслѣдствіе наличности внутри города не только общинныхъ лѣсовъ и пастбищъ, но и полей и огородовъ, также напоминали во многомъ села.

[3]) Во Франкфутѣ на Майнѣ находимъ, напр., въ обрабатывающей промышленности въ 1387 г. около ста, а въ 1440 г. свыше ста различныхъ спеціальностей (Bücher. Bevölker. v. Frankf. p. 141 и сл. 250 и сл.) и не меньше было число ихъ въ такихъ городахъ, какъ, напр., Любекъ, Кельнъ, Нюрнбергъ, Парижъ, Базель, Флоренція.

ватывающія по крайней мѣрѣ часть населенія полностью (Франкфуртъ, Базель, Ростокъ), изъ которыхъ можно посредствомъ соотвѣтствующихъ вычисленій получить приблизительную цифру городского населенія. Конечно и въ этихъ случаяхъ приходится исходить изъ предположеній недостаточно провѣренныхъ, въ особ. при опредѣленіи численности населенія на основаніи количества домохозяйствъ (слѣдуетъ ли считать на хозяйство 4 чел. иля 5 или 3—$3^1/_2$?) или на основаніи данныхъ объ одномъ лишь взрослмъ населеніи (Базель, Любекъ). Но все же ошибка здѣсь получается значительно меньшая, чѣмъ прежде, когда вычисленія производились на основаніи столь произвольныхъ данныхъ, какъ, напр., количество очаговъ, численность войска, выставленнаго городомъ, имущественныя подати или сборы на бѣдныхъ, которые касались лишь нѣкоторыхъ классовъ населенія, и т. п.

На основаніи этихъ вычисленій получается, что около 20 тыс. населенія насчитывалось въ Нюрнбергѣ (въ 1440 г. 20. 165), Страсбургѣ (въ 1473—1477 г.г. 20. 722, а не 90 тыс.), Ульмѣ (въ 1427 и 1489 г.г.), Любекѣ (въ XV ст. 20—23 тыс., въ XIV ст. меньше, а не 70—80 тыс., какъ утверждалъ Паули), Аугсбургѣ (въ 1475 г. 18 тыс.), около 10 тыс. во Франкфуртѣ на Майнѣ (въ XIV—XV ст. 9—10 тыс.), Ростокѣ (10—13 тыс.), Цюрихѣ (10—12 тыс.), Ипрѣ (9—10 тыс.), Реймсѣ ($10^1/_2$ тыс.). Базелѣ (9 тыс., а не 40—50 тысячъ), всего 5 тыс. во Фрейбергѣ (Саксонія), Равенсбургѣ, Гейдельбергѣ, Фрейбургѣ (Швейцарія), Майнцѣ (а не 90 тыс.), а въ Нердлингенѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ по 4 тыс., въ Мейссенѣ, Буцбахѣ и т. д., даже всего 2 тыс. Точно также и въ отношеніи англійскихъ городовъ въ XIV ст. (1377 г. на основаніи poll-tax, нѣчто вродѣ подушной подати со всѣхъ лицъ старше 14 лѣтъ) установлено, что огромное большинство городовъ имѣло менѣе 5 тыс. жителей, лишь нѣкоторые 5—10 тыс. (Іоркъ—11 тыс., Бристоль—$9^1/_2$, Плимутъ и Ковентри—7 тыс., Норвичъ 6 тыс., Линкольнъ, Салисбери, Линъ, Кольчестеръ—5 тыс.) и только Лондонъ 35 тыс.

Мало того, въ теченіе XIV—XV ст. во многихъ (крупныхъ) городахъ не только не наблюдается роста населенія, а наоборотъ, сокращеніе его, какъ, напр., во Франкфуртѣ (въ 1387 г. около 10 тыс., въ 1406 г. 7 тыс.); Базелѣ (старше 14 лѣтъ въ 1446 г. 7200 чел., въ 1454 г. всего $5^1/_2$ тыс.), Цюрихѣ (въ 1350 г. 12375 жителей, въ 1410 г. 10570 жит., въ 1467 г. 4713 чел.), Ипрѣ (въ 1412 г. 10736 чел., въ 1491 г. 7626).

А между тѣмъ наплывъ населенія изъ селъ въ города (въ XV ст. преим. изъ мелкихъ городовъ (см. выше) въ крупные), гдѣ господствовала личная свобода, да и благосостояніе было выше, былъ весьма значителенъ [1]); такъ что населеніе благодаря одному внѣшнему притоку должно было бы увеличиться въ 2—3 и болѣе разъ. Въ то же время и рождаемость была иовидимому (данныхъ пока собрано немного) очень велика (по словамъ лѣтописца XV ст. Конрада Столле въ семьѣ рождалось обыкновенно 8, 9, 10 дѣтей; въ родѣ Рорбахъ во Франкфуртѣ—по Бюхеру—9 рожденій на семью).

Изъ факта наличности незначительнаго количества дѣтей ($^0/_0$ отношеніе ко всему населенію)—въ средневѣковыхъ городахъ на семью приходится 1—2 дѣтей (Франкфуртъ, Базель, Ростокъ; Нюрнбергъ 1,64, Фрейбургъ 1,74, Ипръ—2, Кельнъ)—выясняется однако причина низкой численности населенія, несмотря на сильный наплывъ извнѣ и высокій коэффиціентъ рождаемости: сильная смертность дѣтей. Если искусственное сокращеніе ихъ числа посредствомъ дѣтоубійства практиковалось преимущественно въ раннее средневѣковье (у германцевъ, кельтовъ и англо-саксовъ въ равной мѣрѣ), впослѣдствіи же лишь въ періоды голодовъ, когда господствовалъ (см. Curschmann. Hungersnöte im Mitt.) даже каннбализмъ (хотя и въ позднѣйшую эпоху родители не подвергались наказанію за убійство собственныхъ дѣтей), то естественная смертность дѣтей, которая была высока даже въ состоятельныхъ семьяхъ [2]), а тѣмъ болѣе должна была быть сильна

---

[1]) Во Франкфуртѣ съ 1385 г. по 1499 г. 5300 новыхъ гражданъ, въ Бременѣ съ 1289 г. 1519 г. ок. 13 тыс., въ Ипрѣ за 16 лѣтъ во второй пол. XIV ст. 1800, въ Любекѣ за 35 лѣтъ 1317—1355 г.г. 6251.

[2]) Въ семьѣ Рорбахъ во Франкфуртѣ, помимо мертворожденныхъ, родилось за два вѣка 65 дѣтей, изъ коихъ всего 18 пережили отца, 12 вступили въ бракъ, всего 35 проц. достигли совершеннолѣтія. См. Бюхеръ. Возникн. нар. хоз., а также v. d. Ropp. Kaufmanns leben zur Zeit der Hanse 1987.

среди бѣдноты, приводила къ тѣмъ же результатамъ. Недостаточное развитіе врачебнаго искусства и отсутствіе врачебной помощи во время родовъ, приводило къ гибели массы дѣтей уже при самомъ рожденіи. Другіе умирали во время или послѣ крещенія, которое происходило въ церкви въ первые два-три дня; наконецъ антисанитарное состояніе городовъ, нечистота на улицахъ [1]) и въ домахъ, содѣйствуя распространенію эпидемическихъ болѣзней, конечно прежде всего отражались на дѣтской смертности.

Низкая производительность почвы не позволяла въ средніе вѣка населенію возрастать свыше извѣстныхъ предѣловъ и происходившія отъ времени до времени голода и чумныя эпидеміи (по Бюхеру, съ 1326 г. по 1400 г. насчитывается въ Германіи 32 года эпидемій, съ 1400—1500 г.—около 40; по Инама послѣ Черной смерти 1348—50 гг., въ XIV ст. 14 лѣтъ чумы, изъ коихъ половина случаевъ распространяется на всю Германію въ широкомъ смыслѣ) каждый разъ снова приводили вышедшее за эти предѣлы населеніе къ уровню средствъ существованія. Въ частности и города повидимому не могли прокормить болѣе 5—10 тысячъ населенія (а семья болѣе двухъ дѣтей), многіе даже и этого числа, отдавая свое населеніе другимъ болѣе счастливымъ городамъ, гдѣ этимъ путемъ пополнялись произведенныя эпидеміями опустошенія (иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ умирала десятая, шестая, даже четвертая часть населенія даже въ годы, когда не было всеобщей эпидеміи).

Техника производства была довольно примитивна, къ новымъ изобрѣтеніямъ, какъ къ „новшествамъ“ ремесленные цехи проявляли крайне враждебное отношеніе, рѣшительно запрещая всякое отступленіе отъ разъ установленныхъ правилъ, способъ производства, размѣры и качество продукта, матеріалъ,—все это точно опредѣлялось цѣховыми уставами), въ частности всякую замѣну ручного труда аппаратами (запрещеніе пользованія валяльной мельницей, самопрялкой и т. п.); въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда тотъ или другой цехъ вводилъ у себя болѣе усовершенствованные пріемы, онъ хранилъ ихъ въ строгой тайнѣ отъ цеховъ другихъ городовъ, производство стекла въ Венеціи, шелка—въ Болоньи, Луккѣ и др. итальянскихъ городахъ, часовъ и различныхъ металлическихъ предметовъ въ Нюрнбергѣ, ножеваго товара въ Золинченѣ и т. п.), запрещая подъ угрозой смертной казни разглашеніе секрета или переселеніе мастеровъ въ другіе города. А съ другой стороны, существованіе большого количества непроизводительнаго населенія въ городахъ налагало на производительные элементы тяжелое бремя. Въ то время, какъ въ настоящее время женскій полъ лишь немногимъ (въ Европѣ) превышаетъ мужской, въ средневѣковыхъ городахъ, гдѣ женщины въ цехи не допускались и могли лишь заниматься домашними работами, да помогать мужу (въ селахъ онѣ работали наравнѣ съ мужчинами), онѣ значительно превышали мужское населеніе, составляя на 1000 мужчинъ около 1200 (во Фрейбургѣ, Нюрнбергѣ, Ипрѣ [1220]), иногда даже болѣе (въ Базелѣ 1246, въ Ростокѣ 1295; во Франкфуртѣ 1100—1140); это приводило къ многочисленности женскихъ пріютовъ и монастырей (бекинъ, бекардъ) съ ихъ весьма невысокой нравственностью, въ виду вынужденнаго отреченія отъ міра. Далѣе, находимъ большое количество людей со всевозможными тѣлесными недостатками, дѣлавшими ихъ неспособными къ труду—прокаженыхъ, для которыхъ въ каждомъ, даже небольшомъ, городѣ имѣлись спеціальныя заведенія (съ большимъ числомъ сидѣльцевъ);

[1]) Свиньи бродили по улицамъ, а передъ домами были выстроены хлѣва для нихъ, дохлыя собаки, кошки, лежали по городу, нечистоты выбрасывались въ рѣки или же на улицу и лежали передъ домами и на площадяхъ. Король Филиппъ-Августъ, привыкшій къ запахамъ своей столицы, въ 1185 г. упалъ въ обморокъ, когда онъ стоялъ у окна дворца и проѣзжавшія мимо него телѣги взрывали уличныя нечистоты; самое латинское названіе Парижа Lutetia производили отъ lutum, переводя городъ грязи; а императоръ Фридрихъ едва не погрязъ въ нечистотахъ вмѣстѣ съ лошадью, проѣзжая въ 1485 г. по улицамъ Рейтлингена. (Alw. Schulz. Häusl. Leben).

слѣпыхъ, которыхъ во Франкфуртѣ (въ XIV ст.) насчитывалось 20—42 на 10.000 нас., въ Ипрѣ (въ 1431—1501 гг.) 36—39, тогда какъ теперь въ Германіи всего 7; безрукихъ и безногихъ калѣкъ, число которыхъ—они жили выпрашиваніемъ подаянія—подъ вліяніемъ вѣчныхъ войнъ и столкновеній съ кровопролитіями и неумѣнія врачей и еще болѣе отсутствія ихъ, а также вслѣдствіе многочисленныхъ членовредительныхъ наказаній, бросалось прямо въ глаза; наконецъ, безумныхъ, „дураковъ“ (во Франкфуртскихъ документахъ не менѣе 30 различныхъ названій для нихъ), содержаніе которыхъ (своихъ) въ особыхъ госпиталяхъ или замкахъ и высылка (чужихъ) на родину, составляло постоянный расходъ для городовъ,—крестовые походы дѣтей, виттова пляска въ прирейнскихъ городахъ, массовыя умопомѣшательства послѣ Черной смерти 1348 г. представляли собою эпидеміи, охватившія цѣлыя группы населенія на обширномъ пространствѣ.

Если при такихъ условіяхъ приходилось кормить много лишнихъ ртовъ, то и самый продуктъ (весьма незначительный) распредѣлялся весьма неравномѣрно; предположенія о равномъ распредѣленіи имущества въ средневѣковыхъ городахъ едва-ли выдерживаютъ критику [1]).

Небольшая группа населенія сосредочивала въ своихъ рукахъ почвы все имущество [2]), средній же классъ былъ повидимому незначителенъ [3]), тогда какъ огромное количество имѣлось бѣдняковъ съ минимальнымъ имуществомъ [4]) и даже лицъ, ничего рѣшительно не имѣвшихъ (во Фрейбургѣ 23 проц. всего населенія, въ Ипрѣ на 10 человѣкъ одинъ призрѣваемый, что вообще считалось нормальнымъ для брабантскихъ городовъ); такъ что предположенія Буомберга и Эйленбурга, что распредѣленіе имуществъ въ среднев вѣковыхъ городахъ было болѣе неравномѣрное, чѣмъ нынѣ, и даже прямо нездоровое повидимому подтверждается, по крайней мѣрѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время.

При этомъ наиболѣе состоятельными являются магистратъ и патриціи (землевладѣльцы; въ Гейдельбергѣ, Базелѣ, во Фрейбургѣ свыше 40 тыс. имущ.), а также (въ Парижѣ на первомъ планѣ) итальянскіе купцы [5]). Слѣдующую по размѣрамъ имущества (дохода) группу составляютъ мѣстные купцы, духовенство, врачи, за ними идутъ мелкіе торговцы и только въ концѣ ремесленники (за которыми слѣдуютъ только поденщики, женщины съ самостоятельнымъ заработкомъ, подмастерья и т. д.). Среди ремесленныхъ цеховъ лишь мясники и пекаря отличаются большей состоятельностью (въ Гейдельбергѣ, Базелѣ, Берлинѣ, Страсбургѣ), наоборотъ ткачи (въ Базелѣ, Гейдельбергѣ и т. д.) стоятъ особенно низко, ниже всѣхъ остальныхъ цеховъ, среди которыхъ, слѣдовательно, также обнаруживается значительное имущественное неравенство. Наконецъ, и въ предѣлахъ одного и того же цеха мы можемъ подмѣтить рѣзкія различія въ степени благосостоянія [6]).

---

[1]) Этого взгляда еще и теперь придерживается Бюхеръ, который во всемъ остальномъ уже пересталъ идеализировать средневѣковую жизнь.

[2]) Во Фрейбургѣ 2 проц. имѣли половину имущества, въ Базелѣ 3—5 проц. нас. 53—59 проц., имущ., въ Равенсбургѣ 4,6 % нас. имѣли 72,7 проц. имущ., въ Галлѣ 4,7 % нас. 52 проц. имущ.

[3]) Въ Гейдельбергѣ на средній классъ приходится менѣе третьей части всего имущества, въ Базелѣ менѣе $5^1/_2$ проц. плательщиковъ обладаютъ 1—10 тыс. гульд. имущ., во Фрейбургѣ средній классъ значительно слабѣе, чѣмъ въ настоящее время.

[4]) Въ Равенсбургѣ 63 проц. населенія имѣли менѣе 100 гульд., въ Базелѣ 52% нас. менѣе 30 гульд.

[5]) Одинъ изъ нихъ имѣетъ 458 тыс. дохода, другой 375 тыс., двое свыше 200 тыс., четверо 160—180 тыс., только за ними уже идутъ богатые мѣстные купцы.

[6]) Въ то время, какъ большинство ремесленниковъ въ Парижѣ имѣютъ менѣе 250 фр. дохода, доходъ нѣкоторыхъ ремесленниковъ составляетъ

ГЛАВА III.

Происхожденіе цеховъ.

Среди городскихъ корпорацій на первомъ планѣ по своему значенію (о купеческихъ гильдіяхъ рѣчь будетъ ниже, въ главѣ о торговлѣ) стоятъ ремесленныя гильдіи, мастерства или братства (gild, corporation, Amt, Handwerk, Zunft, Gewerke). Въ Италіи, гдѣ они появляются ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы ихъ находимъ уже въ IX—X ст., и въ большомъ количествѣ въ XI вѣкѣ. Во Франціи наоборотъ они лишь въ видѣ исключенія появляются въ XI ст., въ большинствѣ же случаевъ ихъ первые статуты относятся къ эпохѣ не ранѣе XII вѣка, еще позже цехи возникаютъ или, по крайней мѣрѣ, получаютъ свои уставы въ Англіи и Германіи—первые случаи встрѣчаются въ XII вѣкѣ, по общему правилу они имѣются впервые (въ томъ или иномъ городѣ) лишь въ XIII ст. При этомъ въ различныхъ городахъ цехи возникаютъ въ разное время (напр., въ Римѣ значительно позже, чѣмъ въ Венеціи или Болоньѣ, въ Гамбургѣ, Любекѣ раньше, чѣмъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Дрезденѣ, Мюнстерѣ, во фламандскихъ городахъ ранѣе, чѣмъ въ брабантскихъ) и точно также въ одномъ и томъ же городѣ одни ремесла принимаютъ цеховую организацію ранѣе, чѣмъ другія, иногда на разстояніи нѣсколькихъ столѣтій. Изъ первоначально немногихъ цеховъ постепенно, какъ путемъ дифференціаціи, такъ и вслѣдствіе возникновенія новыхъ ремеслъ или принятія старыми цеховой организаціи, возникаетъ въ XIV—XV ст. нѣсколько сотъ; уставы ихъ, состоявшіе ранѣе изъ немногихъ статей, становятся все болѣе и болѣе пространными, входя во всѣ подробности промысла и цеховой жизни. Цеховая форма получаетъ распространеніе за предѣлами ремеслъ: нотаріусы и мѣнялы, врачи и учителя, золотари и гробокопатели, нищіе и проститутки,—всѣ они объединяются въ цехи, избираютъ старѣйшинъ, образуютъ свой судъ, строго охраняютъ свою привилегію промысла.

Нищіе въ Базелѣ, Ульмѣ, Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ и др. городахъ имѣли цеховыхъ старѣйшинъ (Bettlermeister), запрещали пришлымъ нищимъ—конкуррентамъ испрашивать подаяніе, за исключеніемъ двухъ дней въ году; требовали отъ вновь вступающихъ знанія наизустъ „Отче нашъ“ и другихъ молитвъ, имѣли свой цеховой судъ, который состоялъ (въ Базелѣ) изъ семи нищихъ, „не носившихъ ни штановъ, ни ножа“. Судъ происходилъ торжественно подъ липой, причемъ предсѣдательствующій держалъ трость въ рукахъ, правое бедро его было обнажено, а нога зимою и лѣтомъ погружена во все время суда въ кадку, наполненную водой; по сторонамъ его сидѣли остальные шесть, также съ обнаженнымъ правымъ бедромъ; по окончаніи суда предсѣдатель ногою опрокидывалъ кадку и выливалъ воду. Въ Германіи въ половинѣ XV ст. существовало спеціальное братство прокаженныхъ, въ составъ котораго входили прокаженные всѣхъ мѣстностей по Рейну; годичное собраніе его происходило 1 марта въ Майнцѣ. Проститутки („общія“, „свободныя“, „странствующія“ женщины; къ нимъ въ средніе вѣка вовсе не относились съ презрѣніемъ, наоборотъ, онѣ являлись почетными гостями на свадьбахъ, депутатками при встрѣчѣ королей—выраженіе гостепріимства) также, какъ и другіе цехи, имѣли свою патронессу—св. Магдалину (до сихъ поръ осталась!) и въ день этой святой устраивали процессію; во главѣ ихъ стояли Frauenmeisterinnen, (напр., въ Лейпцигѣ), настоятельницы или „королевы“ (напр., въ Авиньонѣ, Женевѣ); онѣ просятъ городской совѣтъ (въ Нюрнбергѣ), чтобы онъ „ради Бога и справедливости“ не допускалъ конкурренціи, ибо иначе имъ трудно будетъ пропитывать себя „честно“ (См. М. И. Кулишеръ. Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ. Вѣстн. Евр. стр. 565—72. Maurer. II. 472. III. 105 — 110. Kriegk. Deut. Bürgert. im Mitt. 1871. гл. Frauenhäuser).

Вопросъ о происхожденіи (ремесленныхъ) цеховъ вызвалъ среди историковъ-экономистовъ и историковъ права не меньше споровъ, нежели проблема возникновенія городовъ и городского строя.

болѣе 1000 и даже 5000, а у одного шляпочника и одного суконщика онъ достигаетъ 9 и 19 тыс. фр. Въ Базелѣ изъ 172 кузнецовъ 8 имѣютъ свыше 1000 гульд. имущества, а 42 менѣе 50 гульд., изъ 97 мясниковъ 10 свыше 1000 гульд., 18 отъ 300 до 1000 и 34 менѣе 50.

Эйхгорнъ утверждалъ, что римскія корпораціи, въ рукахъ которыхъ находилась рыночная и промысловая полиція, превратились впослѣдствіи въ цехи. Мартенъ, Гартманъ, Фанье еще и до сихъ поръ стоятъ на такой точкѣ зрѣнія. Однако, еще Вильда, Мауреръ, во особ. же Гегель и Стида указали на то, что рыночная полиція могла у германцевъ возникнуть независимо отъ римлянъ, что римскіе цехи были организованы въ правительственныхъ цѣляхъ, что переворотъ, совершившійся въ періодъ 600—1200 г.г., былъ слишкомъ значителенъ и періодъ этотъ слишкомъ продолжителенъ, а развитіе промысловъ въ эту эпоху слишкомъ незначнтельно, чтобы римскіе институты могли сохраниться. Мартенъ и Фанье указываютъ на корпорацію (впрочемъ не ремесленную, а торговую) marchands de l'eau de Paris, о которыхъ упоминается еще въ 1121 г.; въ 1170 г. о нихъ говорится „consuetudines tales sunt ab antiquo". Далѣе извѣстно, что еще въ Лутеціи во времена Тиверія существовала корпорація nautes, наконецъ, названіе этого цеха (marchand de l'eau) есть ничто иное какъ переводъ римскаго mercatores aquae. Но едва ли изъ этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что она дѣйствительно произошла отъ этой римской коллегіи. Никакихъ доказательствъ въ этомъ смыслѣ не имѣется. Еще слабѣе указаніе Мартена на то, что корпорація парижскихъ мясниковъ несомнѣнно произошла отъ римской ассоціаціи этого рода, существовавшей въ римской Галліи, что видно изъ наслѣдственности ларей мясниковъ еще въ XII вѣкѣ—именно въ Римѣ существовала такая наслѣдственность. Однако, съ такой точки зрѣнія не только въ Франціи, но и въ Германіи, Бельгіи и др. странахъ должна оказаться цѣлая масса цеховъ римскаго происхожденія, ибо наслѣдственность промысла въ нихъ является не только въ X—XII ст., но и позже довольно частымъ явленіемъ. Наслѣдственность профессій есть явленіе на первыхъ ступеняхъ хозяйственной жизни обычное и вовсе не является чѣмъ-либо характернымъ для Рима. Впрочемъ въ видѣ подкрѣпленія къ этимъ фактамъ, которые—какъ Мартенъ и самъ признаетъ—еще не достаточны для доказательства, что въ Галліи сохранились остатки римской организаціи, Мартенъ ссылается на непреложный, по его мнѣнію, фактъ—въ дѣйствительности совершенно недоказанный—о томъ, что весь городской строй франкской эпохи развился изъ римскаго, такъ что странно было бы, чтобы одна составная часть civitas, коллегіи ремесленниковъ, совершенно исчезли; въ результатѣ онъ убѣжденъ, однако, лишь въ томъ, что какія то очень тонкія нити, пока еще плохо установленныя, связываютъ римскія корпораціи со средневѣковыми цехами.

Иное дѣло, если Гартманъ указываетъ на связь между византійскими цехами съ одной стороны, и цехами въ Равеннѣ и Римѣ, съ другой стороны. Въ этихъ мѣстностяхъ могли сохраниться римскіе порядки, ибо здѣсь, какъ справедливо указываетъ М. М. Ковалевскій, германскихъ нашествій почти или даже вовсе не было. Въ Равеннѣ мы находимъ въ IX вѣкѣ три цеха—мясниковъ, negotiatores и рыбаковъ. Въ частности, относительно послѣднихъ сохранился арендный договоръ 943 года, заключенный не только отъ имени наличныхъ членовъ, но и для ихъ дѣтей и внуковъ, причемъ изъ самаго договора видно, что онъ является возобновленіемъ болѣе стараго, который, надо полагать, также былъ заключенъ на три поколѣнія. А если такъ, то цехъ рыбниковъ, очевидно, существовалъ уже въ концѣ IX вѣка и весьма возможно, что онъ являлся продолженіемъ одного изъ тѣхъ цеховъ, которые имѣлись въ Италіи въ эпоху византійскаго господства въ VIII вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что въ эдиктѣ Льва Мудраго относительно византійскихъ цеховъ (IX ст.) установлены правила о продажѣ и покупкѣ товаровъ и о старѣйшинахъ цеховъ. Наконецъ, многое говоритъ за то, что цехъ рыбниковъ, упоминаемый въ 943 году, есть тотъ же, который мы находимъ въ 1100 году. Между тѣмъ въ послѣднемъ высшую должность составлялъ capitularius или maior, отъ имени котораго заключались договоры. Слово capitularius находится въ связи съ capitularium—вступной взносъ въ римскихъ коллегіяхъ. Это названіе также указываетъ на связь между древне-римскими и итальянскими цехами. (См. Hartmann въ Zeitschr. f. Soz-und Wirtschaftsgesch).

Гораздо дольше держалась въ наукѣ другая теорія—происхожденія цеховъ изъ союзовъ крѣпостныхъ, существовавшихъ въ помѣстьяхъ въ раннее средневѣковье.

На этой точкѣ зрѣнія стояли въ особенности Ничшъ и Гирке, но и другіе ученые — Мауреръ, Гейслеръ, Эйхгорнъ, Стида, въ значительной мѣрѣ признавали ее правильной. Исходнымъ положеніемъ являлось существованіе въ помѣстьяхъ ремесленныхъ корпорацій изъ крѣпостныхъ. Первоначально послѣдніе не имѣли корпоративной организаціи,

но уже тогда крѣпостные, производившіе промышленныя работы въ помѣстьяхъ, соединялись въ различныя группы по спеціальностямъ, причемъ каждая группа имѣла своего старѣйшину; такую же организацію имѣли и прочіе работники, дворовые охотники, пастухи и т. д. Такая группа называлась ministerium или officium, а стоявшій во главѣ ея—magister или praepositus. Онъ назначался вотчиннымъ владѣльцемъ, и ремесленники являлись его подчиненными—subjecti, famuli. Платы они не получали, а пользовались лишь харчами; корпоративныхъ правъ не имѣли никакихъ. Однако постепенно положеніе ихъ измѣнилось—не нуждаясь въ полномъ использованіи ихъ рабочей силы, вотчинникъ позволялъ имъ работать и на постороннихъ лицъ, они могли жить и внѣ помѣстья, натуральная плата замѣнилась денежной, они получали надѣлы, которые вскорѣ стали наслѣдственными, какъ наслѣдственной и обязанность доставленія промышленныхъ издѣлій помѣщику, которая соединялась съ этими ремеслами; они пріобрѣтали постепенно личную свободу, наконецъ, къ нимъ присоединились и новые свободные элементы, которые поступали подъ защиту вотчинника. Въ результатѣ помѣстныя ремесленныя организаціи постепенно пріобрѣтали корпоративный характеръ, корпоративныя права, превращались въ свободныя корпораціи и только нѣкоторыя обязанности ихъ по отношенію къ помѣщику еще впослѣдствіи указывали на ихъ первоначальное происхожденіе (Ср. Gierke, p. 176—80).

Въ качествѣ доказательствъ въ пользу этой теоріи приводятся прежде всего тѣ повинности и сборы, которые городскіе ремесленники обязаны были уплачивать еще въ позднѣйшую эпоху феодалу, которому принадлежалъ городъ—хотя они и были весьма незначительны, но являются остатками крѣпостного состоянія ремесленниковъ. Съ другой стороны, терминъ officium, которымъ обозначались цехи, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и техническимъ названіемъ помѣстныхъ ремесленныхъ организацій. Далѣе, старѣйшины цеховъ первоначально назначались феодаломъ, которому принадлежалъ городъ, позже цехи получили право предлагать лицъ, изъ среды которыхъ эти старѣйшины должны были назначаться, и еще позже стали сами выбирать своихъ старѣйшинъ. Наконецъ, мы дѣйствительно знаемъ, что при переходѣ изъ селъ въ города прежніе крѣпостные пріобрѣтали свободу, имѣемъ и данныя, что вотчинники разрѣшали своимъ крѣпостнымъ работать на публику.

Теорія вотчиннаго происхожденія цеховъ стала постепенно терять свою чистую форму, къ ней стали примѣшивать и объясненіе свободнаго происхожденія цеховыхъ организацій. У новѣйшихъ писателей (Бюхеръ, Шмоллеръ, Герингъ, Зомъ и др.) крѣпостные ремесленные союзы, съ одной стороны, и свободныя организаціи, съ другой стороны, являются двумя источниками, изъ которыхъ возникаютъ цехи.

Уже Вильда и Моне высказывали сомнѣніе въ правильности доказательствъ, приводимыхъ въ пользу вотчинной теоріи, находя, что приношенія ремесленниковъ должны быть разсматриваемы скорѣе въ качествѣ податей, тѣмъ болѣе, что они уплачиваются во многихъ случаяхъ ремесленниками, которые являются крѣпостными другихъ помѣщиковъ. Гфререръ же (какъ и Машеръ, Вильда и Мауреръ) указывали на существованіе свободныхъ ремесленниковъ въ помѣстьяхъ. Поэтому Мауреръ придавалъ свободнымъ ремесленникамъ гораздо больше значенія при образованіи цеховъ, чѣмъ крѣпостнымъ. Гирке также указываетъ на то, что цеховая организація, которая по самому характеру своему представляла противоположность помѣстному строю, возникла не только изъ организацій несвободныхъ ремесленниковъ, но имѣетъ и другіе корни, что образцомъ для вновь возникшихъ цеховъ являлись въ значительной мѣрѣ различныя корпораціи свободныхъ людей. И Стида признаетъ существованіе въ помѣстьяхъ рядомъ съ крѣпостными ремесленниками и свободныхъ: можно допустить, что съ самаго начала были и такіе цехи, которые не находились въ связи съ крѣпостными организаціями, или же цехи, въ составъ которыхъ входили какъ свободные, такъ и несвободные, тѣмъ болѣе, что многіе цехи съ самаго начала выбирали своихъ старѣйшинъ и послѣдніе не назначались вотчинникомъ. Вотъ поэтому-то Стида приходитъ къ тому выводу, что цеховой строй имѣетъ два источника—помѣстныя ассоціаціи, съ одной стороны, и свободные союзы,

съ другой стороны. Онъ утверждаетъ, что не соединенные первоначально ни въ какіе союзы ремесленники въ помѣстьяхъ, образовали впослѣдствіи союзы: сначала еще до Каролинговъ,—въ нихъ объединился многочисленный кухонный и пекарный, персоналъ монастырей (magister coquine, iuniores) — затѣмъ и другія отрасли. При Карлѣ В. такія организаціи уже имѣются: они находятся въ особыхъ помѣщеніяхъ (pisile, pisum) во главѣ съ minister. Съ конца XII вѣка замѣчается сильное движеніе въ города—сюда и они направляются, но пріобрѣтаютъ личную свободу, дѣло ограничивается немногими повинностями и здѣсь эти ремесленники присоединяются къ уже существующимъ организаціямъ ремесленниковъ (Stieda. Entst. des Zunftwes).

Въ самое послѣднее время появляется, однако, весьма рѣшительный протестъ и противъ этой измѣненной теоріи: стали указывать на то, что первый изъ двухъ источниковъ вотчинное происхожденіе цеховъ—не мыслимо и ничѣмъ не подтверждается. Беловъ, который наиболѣе рѣзко выступилъ противъ этой теоріи, доказываетъ неправильность ссылки на терминъ officium: въ дѣйствительности помѣстныя организаціи называются не officium, какъ цехи, а ministerium. Далѣе онъ обращаетъ вниманіе на то, что изъ назначенія старѣйшинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще не слѣдуетъ, что цехи эти были несвободнаго происхожденія. Это могло быть публичное право, и подобно тому, какъ изъ назначенія судьи еще не вытекаетъ, что лица, которыхъ онъ судитъ, рабы, нельзя выводить и того, что цехи, старѣйшина коихъ назначается властью, вотчинника, состоятъ изъ несвободныхъ. Беловъ выставляетъ и другія весьма существенныя соображенія—предположеніе о томъ, что свободные и несвободные ремесленники могли совмѣстно образовать цеховую организацію, совершенно противорѣчитъ фактамъ: во всѣхъ цеховыхъ статутахъ запрещается принимать несвободныхъ, свободные ремесленники защищаютъ себя этимъ путемъ отъ наплыва крѣпостныхъ. Дѣйствительно, иммунитеты имѣли въ теченіе всего средневѣковаго періода своихъ ремесленниковъ независимо отъ существованія городскихъ цеховъ. Такимъ образомъ мы находимъ въ позднѣйшее средневѣковье двоякаго рода ремесленниковъ, рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга. Если бы ремесленники изъ этихъ иммунитетовъ образовали впослѣдствіи цехи, то, имѣя въ виду существованіе повсюду въ городѣ не одного, а нѣсколькихъ иммунитетовъ, должны были бы образоваться въ городѣ нѣсколько цеховъ одной и той же спеціальности. Да и упоминаніе объ этихъ крѣпостныхъ ремесленникахъ встрѣчается не раньше, чѣмъ источники говорятъ о свободныхъ. Вообще въ огромномъ большинствѣ случаевъ, когда рѣчь идетъ о ремесленникахъ въ помѣстьяхъ, мы имѣемъ дѣло съ источниками позднѣйшаго періода, когда цехи уже существовали. Поскольку сходство между цехами и ассоціаціями въ помѣстьяхъ въ позднѣйшее средневѣковье замѣчается, есть много основаній предполагать, что наоборотъ помѣстныя организаціи впослѣдствіи заимствовали различныя черты у свободныхъ цеховъ. Что же касается ранняго средневѣковья, то ремесленники встрѣчаются въ помѣстьяхъ не группами, а единицами, ихъ число рѣдко больше 4—5, а во многихъ случаяхъ ихъ и вообще не было. Не установлена и самая постепенность перехода отъ работы на помѣщика къ производству на потребителя; если и впослѣдствіи ремесленники помѣстные не работали для рынка, то же не видно, какъ такой переходъ совершался: той посредствующей ступени, гдѣ они работаютъ частью для помѣщика, частью для рынка, мы не находимъ, и поэтому и та связь, которую въ этомъ якобы находятъ, вовсе не доказана. Мало того, вообще мы не вправѣ разсматривать всѣхъ встрѣчающихся въ помѣстьи ремесленниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ; въ однихъ случаяхъ это несомнѣнно свободные ремесленники, но часто и въ другихъ случаяхъ многое говоритъ за то, что работавшіе на помѣщика люди были лично свободны. Изъ того, что они платятъ оброкъ не слѣдуетъ, что они крѣпостные. Во многихъ случаяхъ оброкъ платился за пользованіе землей, предоставленной помѣщикомъ; есть случаи, когда такой оброкъ платятъ священники, рыцари, купцы и т. п. Точно также платежи въ пользу помѣщика-владѣльца города, вносимые городскими цехами, являются во многихъ случаяхъ

вознагражденіемъ за пользованіе земельными участками, въ другихъ случаяхъ за устройство ларей и лавокъ, въ особенности будокъ пекарей и мясниковъ; нерѣдко они имѣютъ публичный характеръ, являясь податями всякаго рода, причемъ, по господствовавшему тогда обычаю, послѣдніе вносились продуктами, а не деньгами, которыя были крайне рѣдки, — именно каждымъ уплачивались въ тѣхъ продуктахъ, которые онъ изготовлялъ. Наконецъ, они уплачиваются далеко не всѣми цехами и мы находимъ ихъ и въ т. наз. колоніальныхъ городахъ, т. е. въ Восточной Германіи, гдѣ не было никакихъ помѣстій (Below).

Послѣдній вопросъ относительно характера платежей внимательно изслѣдовалъ Готейнъ; при этомъ онъ обратилъ особое вниманіе какъ разъ на тѣ города, гдѣ, по распространенному мнѣнію, наиболѣе ярко выступали наружу остатки помѣстной организаціи ремеслъ, гдѣ ихъ находили въ XI—XII и даже XIII ст., какъ, напр., въ Страсбургѣ, Базелѣ, Трирѣ и т. п. Такъ, онъ выяснилъ, что въ Страсбургѣ въ древнѣйшія времена мы находимъ одновременно и свободныхъ и крѣпостныхъ ремесленниковъ, причемъ первоначально послѣдніе пользовались правомъ купли и продажи на городскомъ рынкѣ, платили и подати. Но затѣмъ они добились освобожденія отъ податей, лишившись, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ права сбыта на рынкѣ и вообще отдѣлившись отъ городскихъ жителей. Очевидно изъ нихъ не могли образоваться цехи, которые уже съ самаго начала, въ древнѣйшихъ городскихъ статутахъ имѣютъ тотъ характеръ, которымъ они отличались впослѣдствіи. Еще въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ такихъ крѣпостныхъ ремесленниковъ епископа, причемъ ремесленниковъ тѣхъ же спеціальностей, которыя одновременно существовали среди городскихъ цеховъ: таковы, напр., ремесленники, изготовляющіе кубки—они получаютъ ежедневно дерево для промысла, т. е. обязаны постоянно работать на епископа. Наоборотъ, свободные цеховые той же спеціальности обязаны лишь во время войны работать на него. Однако, именно изъ этого послѣдняго обстоятельства, что въ первомъ городскомъ статутѣ упоминаются повинности, отбываемыя нѣкоторыми цехами въ пользу епископа въ видѣ безвозмездно поставляемыхъ ему продуктовъ своего производства, сдѣлали выводъ, что эти ремесленные цехи произошли изъ несвободныхъ организацій. Въ дѣйствительности оказывается, что такая обязанность у цѣлаго ряда цеховъ—кузнецовъ, сапожниковъ, перчаточниковъ, цеховъ, изготовляющихъ кубки, ножны для мечей, существовала лишь при отъѣздѣ епископа на войну или ко двору, причемъ обязательныя повинности касались не однихъ лишь ремесленниковъ, а распространялись на всѣхъ горожанъ, съ той только разницей, что всѣ остальные вносили оброкъ въ сельскохозяйственныхъ произведеніяхъ (Gothein. p. 310—17). Точно также и относительно Базеля нѣтъ никакихъ доказательствъ о происхожденіи цеховъ изъ вотчинныхъ организацій. Списокъ цеховъ за 1200 г. упоминаетъ о слугахъ епископа (Ministerialen), стоявшихъ во главѣ цеховъ, но вовсе не говоритъ о несвободномъ характерѣ послѣднихъ. Если же мы изъ того факта, что начальникомъ является подчиненное епископу лицо, захотимъ сдѣлать такой выводъ, то придется отнести всѣхъ жителей города къ несвободнымъ, ибо Schultheiss также принадлежалъ къ людямъ епископа, также былъ изъ числа Ministerialen. Мало того, и вновь образовавшіеся впослѣдствіи цехи, состоявшіе уже во всякомъ случаѣ изъ свободныхъ, получили такихъ же начальниковъ. Что же касается платежей, то ихъ мы въ Базелѣ вовсе не находимъ—здѣсь существовала общая подать за землю, на которой поселились горожане и которая въ одинаковой формѣ уплачивалась всѣми, между прочимъ и ремесленниками (Gothein. 321—22). И относительно другихъ прирейнскихъ городовъ Готейнъ точно установилъ на основаніи провѣрки источниковъ отсутствіе какой бы то ни было связи между городскими цехами свободныхъ ремесленниковъ и помѣстными крѣпостными ремесленниками (p. 327 и сл.).

Послѣ рѣзкой критики Белова сторонники теоріи происхожденія цеховъ изъ крѣпостныхъ союзовъ не рѣшались болѣе поддерживать ее и даже Стида, первоначально отстаивавшій ее, вынужденъ былъ признать, что мы ни въ одномъ случаѣ не можемъ установить такой связи.

Только Эберштадтъ рѣшился вновь поднять этотъ вопросъ. Однако, онъ перенесъ уже контроверзу на нѣсколько иную почву. Если ранѣе главнымъ доказательствомъ въ пользу этой теоріи являлось указаніе на то, что городскіе цехи сохранили черты помѣстной несвободной организаціи

въ видѣ назначаемыхъ ими старѣйшинъ, въ видѣ платежей, вносимыхъ ими, и т. п., то Эберштадтъ обратилъ вниманіе на другую сторону, на характеръ существовавшихъ въ позднѣйшее средневѣковье въ помѣстьяхъ ремесленныхъ организацій, стараясь найти въ нихъ черты, свойственныя цеховому строю. Однако, прежде всего это обстоятельство совершенно ничего не доказываетъ, ибо помѣстные союзы—magisteria могли перестроиться по типу той организаціи, какою отличался цехъ, поскольку эти magisteria не исчезли вовсе, какъ это совершилось во многихъ случаяхъ въ XII—XIII ст. Мало того—какъ справедливо указываетъ М. М. Ковалевскій—въ Англіи такихъ magisteria вовсе не существовало, а между тѣмъ имѣлся весьма развитой цеховой строй. Да и въ Германіи рядъ городовъ и при томъ древнѣйшихъ, какъ Кельнъ, Майнцъ, Страсбургъ, Констанцъ, Любекъ, Гамбургъ, Рига, ничего не знаютъ объ организаціи ремеслъ въ magisteria, тогда какъ цехи встрѣчаются въ нихъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ уже съ середины XII вѣка. Точно также во Франціи не только въ Аррасѣ, Дуэ и Лиможѣ - какъ признаетъ Эберштадтъ—но и въ Руанѣ, Аміенѣ и др. городахъ, гдѣ имѣются многочисленные памятники, нѣтъ рѣчи о существованіи магистерій, но говорится подробно объ устройствѣ цеховъ. Наконецъ, если мы провѣримъ тѣ случаи, гдѣ magisteria встрѣчаются, то и тутъ нельзя открыть ни одного факта перехода magisterium въ цехъ и ничего, что доказывало бы корпоративное устройство поставленныхъ подъ власть магистра ремесленниковъ (Ковалевскій, III, 35—41).

Въ настоящее время должна быть признана господствующей теорія свободнаго происхожденія цеховъ. И она является единственно правильной. На это указали еще Вильда и Брентано [1]), отчасти признавали это также Мауреръ и Гирке. Мауреръ обращаетъ вниманіе на фактъ распространенія ремесленныхъ цеховъ по всему свѣту вплоть до Китая, изъ чего видно, что возникновеніе ихъ вызывалось одними и тѣми же потребностями, извѣстной внутренней необходимостью [2]). Гирке, правда, не замѣчаетъ ихъ всеобщаго распространенія и утверждаетъ, что цехи составляютъ чисто-германскій институтъ, но въ то же время онъ указываетъ, что возникновеніе цеховъ относится къ эпохѣ начинающагося разложенія древнихъ общинныхъ родовыхъ союзовъ [3]). Беловъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что движеніе изъ селъ въ города являлось иммиграціей свободныхъ, а не крѣпостныхъ и что вообще преувеличиваютъ количество несвободнаго населенія въ средніе вѣка [4]). На основаніи этого Зомбартъ приходитъ къ тому заключенію, что ремесленники были первыми, создавшими новыя организаціи и выдѣлившимися изъ старинныхъ союзовъ, племенныхъ, общинныхъ, семейныхъ, что мы должны ихъ разсматривать какъ продолженіе этихъ родовыхъ и мѣстныхъ союзовъ; профессія здѣсь явилась объединяющимъ моментомъ, какъ ранѣе имъ было общее происхожденіе или совмѣстное жительство [5]). М. И. Кулишеръ, съ другой стороны, разсматриваетъ ремесла въ раннюю пору ихъ развитія какъ отхожіе промыслы: въ каждомъ данномъ мѣстѣ ремеслами занимаются иностранцы или чужеродцы, вообще выходцы изъ другихъ мѣстностей [6]).

Дѣйствительно, если мы будемъ имѣть въ виду всеобщее распространеніе ремесленныхъ организацій въ самыхъ различныхъ странахъ, далѣе фактъ образованія городскихъ поселеній изъ переселившихся въ города сельскихъ жителей, выдѣлившихся изъ болѣе старыхъ общинныхъ союзовъ, наконецъ, то обстоятельство, что и въ первоначальныхъ сельскихъ общинахъ промышленное развитіе имѣло односторонній характеръ и члены общины занимались немногими опредѣленными группами промысловъ, развитію которыхъ способствовали мѣстныя условія,—то мы придемъ къ тому выводу, что цехи представляли собою выдѣлив-

[1]) Arbeitergilden. I. 37—8.
[2]) Maurer. II. 345.
[3]) Gierke. 224—26.
[4]) Below. Hist. Zeitschr. B. 58. p. 193 и сл.
[5]) Sombart. Kapitalismus. I. 128.
[6]) М. И. Кулишеръ. Цехи у насъ и въ Европѣ. Рус. Мысль. 1887. XI. Стр. 46.

шіяся изъ отдѣльныхъ первоначальныхъ общинъ частичныя общины, переселившіяся въ города и здѣсь продолжавшія каждый разъ тѣ промыслы, которые были распространены среди общины, отъ которой они откололись. Уже одно переселеніе ихъ въ городъ дѣлало ихъ свободными, хотя, конечно, не устраняло уплаты извѣстныхъ сборовъ или отбыванія опредѣленныхъ повинностей въ пользу владѣльца той мѣстности, гдѣ возникалъ городъ, а фактъ общаго происхожденія всѣхъ членовъ переселившейся общины рѣзко отдѣлялъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ элементовъ городского населенія, какъ свободныхъ, такъ—и тѣмъ болѣе—несвободныхъ; конечно, они не допускали въ свою среду несвободныхъ ремесленниковъ, работавшихъ на епископа или герцога.

Вмѣстѣ съ тѣмъ самый вопросъ о тѣхъ потребностяхъ, которыми было вызвано единеніе ремесленниковъ въ цехи, отпадаетъ—не инстинктивная потребность къ соединенію съ себѣ равными, какъ утверждаетъ Зомбартъ, и не внѣшнія условія, какъ полагаетъ Мауреръ, вызвали къ жизни эти новыя организаціи: имъ вообще не было надобности возникать вновь. Мы должны себѣ представить цехи не въ видѣ отдѣльныхъ союзовъ, въ которые соединились разрозненные индивиды, въ зависимости отъ производимаго ими промысла, а въ качествѣ группъ, изъ которыхъ каждая представляла собой съ самаго начала нѣчто цѣльное, объединялась родствомъ по крови и производила опредѣленную группу промысловъ.

Съ такой точки зрѣнія отпадаетъ и другой вопросъ, который былъ еще давно возбужденъ въ экономической литературѣ и на который давались весьма разнообразные отвѣты; вопросъ о томъ, какую цѣль преслѣдовали цехи, ради чего они возникли. Такъ Вильда обращалъ особое вниманіе на религіозный характеръ цеховъ и въ немъ усматривалъ первоначальную цѣль ихъ возникновенія [1]), другіе указывали на то, что цехи были первоначально военными организаціями и преслѣдовали цѣль взаимной защиты. По мнѣнію Шенберга, цехи вызваны желаніемъ устранить господствовавшую до того времени свободную конкурренцію, Шмоллеръ усматривалъ цѣль ихъ образованія въ установленіи самостоятельнаго суда надъ ремесленниками и освобожденіи послѣднихъ отъ суда другими лицами; Гюльманъ—въ недопущеніи постороннихъ къ участію въ сбытѣ промышленныхъ издѣлій и къ пользованію будками и ларями, въ устраненіи всякой конкурренціи и въ установленіи наслѣдственности привилегій; Стида, наконецъ, въ содѣйствіи развитію промысла.

Нельзя отрицать, конечно, того, что на первомъ планѣ для цеха стояло занятіе промысломъ и оказаніе другъ другу (членами цеха) содѣйствія въ этомъ отношеніи, но существенное значеніе для цеха имѣло и совмѣстное удовлетвореніе членами религіозныхъ потребностей, потребностей общенія, взаимная защита (цехъ какъ военный отрядъ), устройство собственнаго суда надъ своими членами и т. д. Однако—и это наиболѣе важно—всѣ эти стороны дѣятельности цеховъ составляли необходимое послѣдствіе самой ихъ организаціи, а не спеціальныя цѣли, ими преслѣдуемыя. Гирке справедливо указываетъ на то, что цехъ, какъ и гильдія и другіе союзы, и въ особенности первоначальная родовая община какъ первообразъ ихъ, охватываетъ человѣка цѣликомъ, во всѣхъ его проявленіяхъ,—въ противоположность новѣйшимъ союзамъ, имѣющимъ въ виду каждый разъ лишь опредѣленную сторону жизни. „Современныя ассоціаціи—говоритъ онъ—можно сравнить съ цѣлой массой взаимно пересѣкающихся круговъ; онѣ основываются на возможности принадлежать одному союзу одной частью своего „я“, другому—другой стороной своей личности, даже только опредѣленной частью своего имущества. Это предполагаетъ, однако, свободу личности, которая мыслима лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Средневѣковая ассоціація охватывала всего человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ... Несмотря на разнообразіе корпорацій, которое мы находимъ въ эту эпоху, государство пред-

[1]) Wilda. p. 344.

ставляло собой рядъ концентрическихъ круговъ, изъ коихъ одинъ охватывалъ другой или нѣсколько другихъ, но ни одинъ не перекрещивался съ другими [1]).

Таковы были всѣ ассоціаціи средневѣковаго періода, такой характеръ имѣли въ частности и цехи.

Цехъ составлялъ прежде всего единицу въ политическомъ отношеніи, представляя въ этомъ отношеніи тотъ же городъ, но только въ уменьшенномъ видѣ. Только чрезъ посредство цеха каждый отдѣльный членъ могъ принимать участіе въ городскомъ самоуправленіи, выбирая своего представителя въ городскую ратушу. И точно также городскіе сборы и повинности распредѣлялись между цехами, а не между отдѣльными лицами,— характерная черта того времени, когда политическая власть имѣла дѣло не съ отдѣльными гражданами, а съ корпораціями. Самоуправленія, права выбора собственныхъ старѣйшинъ и цехи добились лишь постепенно, послѣ продолжительной борьбы. Но въ поздѣйшее средневѣковье они имѣли уже свою ратушу (городская въ миніатурѣ), гдѣ происходили цеховыя собранія, свой судъ, которому подлежали не только члены цеха, но и семьи ихъ и который производился тѣми же старѣйшинами. Въ лицѣ послѣднихъ наиболѣе ярко выражалась разносторонность цѣлей преслѣдуемыхъ цехами— они были и управителями, и судьями, и военачальниками (предводителями цеха на войнѣ), завѣдывали цеховой казной и т. п. Въ тѣсной связи съ этимъ находится далѣе и то, что цехъ составлялъ особую единицу въ военномъ отношеніи. Они выставляли свой отрядъ во время войны, имѣли свои знамена; отъ каждаго вступавшаго въ цехъ требовалось обладаніе вооруженіемъ и взносъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ запасовъ оружія. Какъ организованный отрядъ, цехъ обязанъ былъ заботиться и о защитѣ города. Каждый цехъ жилъ (и въ этомъ въ свою очередь выражалась его политическая самостоятельность и обособленность) въ опредѣленной части города или на опредѣленной улицѣ, отчего сохранились и впослѣдствіи названія улицъ по ремесламъ. Онъ обязанъ былъ охранять соотвѣтствующую часть городской стѣны и ворота, нерѣдко городъ непосредственно былъ распредѣленъ на нѣсколько частей, изъ коихъ каждая часть была поручена опредѣленному цеху.

Столь же существенной являлась въ цеховой организаціи и религіозная сторона. Чѣмъ болѣе старинными являются цеховые уставы, тѣмъ больше мѣста отведено въ нихъ вопросамъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей, такъ что многіе изъ нихъ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы цехи учреждены исключительно для спасенія души своихъ членовъ. Всѣ они имѣютъ святыхъ въ качествѣ патроновъ, имѣютъ свои церкви и часовни, устраиваютъ религіозныя процессіи. Въ день почитаемыхъ цехомъ святыхъ происходитъ богослуженіе, причемъ всѣ члены цеха обязаны на немъ присутствовать, точно также они обязаны собираться для поминовенія усопшихъ членовъ. Въ связи съ этимъ находится и требованіе отъ вновь вступающихъ извѣстнаго количества воска, а также взиманіе многочисленныхъ штрафовъ въ видѣ воска—послѣдній шелъ на факелы, употребляемые при религіозныхъ процессіяхъ, и на свѣчи во время богослуженія. Взглядъ Моне, будто бы цехи и религіозныя братства были отдѣлены другъ отъ друга, совершенно неправиленъ. Лишь впослѣдствіи постепенно возникаютъ самостоятельныя религіозныя братства, независимо отъ различныхъ цеховъ, гильдій и иныхъ корпорацій. Въ средніе вѣка этого еще не было. Но точно также Вильда неправильно приписываетъ цехамъ религіозную цѣль какъ первоначально единственную. Нерѣдко дѣйствительно различныя преслѣдуемыя властями корпораціи, въ частности и цехи, гдѣ они находились въ такомъ положеніи, какъ и впослѣдствіи запрещенные союзы подмастерьевъ, принимали внѣшнюю форму религіозныхъ братствъ и дѣлали видъ, будто бы они никакихъ иныхъ цѣлей не имѣютъ въ виду—при борьбѣ это необходимо было. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они дѣйствительно ограничивались этимъ.

Рядомъ съ воскомъ и денежнымъ взносомъ вновь вступающій обязанъ былъ поставить цеху и извѣстное количество вина, а равно другіе съѣстные припасы и устроить угощеніе мастерамъ. Въ этомъ выражается—какъ и въ штрафахъ пивомъ и виномъ—то, что цехи не упускали изъ виду и цѣли общенія, что и въ этомъ отношеніи они составляли нѣчто цѣльное; между ними обнаруживалась въ этомъ въ особенности весьма крѣпкая связь, тѣмъ болѣе, что въ этой области принимали участіе не только члены цеха—мастера, но и ихъ семьи. И они являлись на цеховыя празднества, сходи-

---

[1]) Gierke. Rechtsgesch. der deut. Genoss. p. 226—7.
[2]) Wilda. p. 344.

лись въ цеховыхъ домахъ (Zunftstuben), и на нихъ распространялся цѣлый рядъ цеховыхъ постановленій. Такъ, напр., требованіе о происхожденіи—законномъ, свободномъ и т. д. относилось равнымъ образомъ и къ мастерамъ и къ женамъ ихъ, ибо и тѣ и другіе составляли части той единицы, которую образовывалъ цехъ. Самое названіе цеха (Zeche—попойка) свидѣтельствуетъ объ огромномъ значеніи общенія членовъ. (Въ связи съ этимъ находится и Meistersang). По той же причинѣ всѣ члены цеха составляли неразрывное цѣлое, ихъ обязанностью было содѣйствіе другъ другу въ нуждѣ, оказаніе помощи цехомъ обѣднѣвшимъ членамъ, вдовамъ и сиротамъ, участіе въ погребальной процессіи въ случаѣ смерти члена.

ГЛАВА III.

Характеръ цехового строя; формы производства.

Тѣ же характерные принципы цеховой жизни (солидарность всѣхъ членовъ цеха между собой и замкнутость цеха по отношенію ко всѣмъ другимъ корпораціямъ и лицамъ), которые мы находитъ во всѣхъ другихъ областяхъ, проявлялись и въ сферѣ дѣятельности цеховъ какъ хозяйственныхъ ассоціацій. И здѣсь обнаруживался принципъ равенства всѣхъ, одинаковой выгоды для всѣхъ членовъ, пользованія всѣмъ на равныхъ условіяхъ. Поэтому сырой матеріалъ пріобрѣтался сообща, если же кто либо покупалъ его самостоятельно, то обязалъ былъ, по требованію всякаго другого, уступить ему часть по той же цѣнѣ, какую самъ заплатилъ, обязанъ былъ сообщить другимъ о своей покупкѣ, о предпринимаемой имъ поѣздкѣ для этой цѣли и т. д. Поэтому и объемъ производства былъ установленъ для каждаго; было запрещено держать свыше извѣстнаго числа подмастерьевъ и учениковъ, пріобрѣтать болѣе опредѣленнаго количества сырья, имѣть болѣе одной лавки или будки. Поэтому далѣе цехъ имѣлъ свои приспособленія, которыми пользовались всѣ члены (валяльныя мельницы, красильни, точильни, лавки и т. п). По той же причинѣ, наконецъ, цѣна товаровъ, сбываемыхъ цехомъ, опредѣлялась сообща и запрещено было брать ниже установленной цѣны, какъ и платить подмастерью выше опредѣленной совмѣстно членами цеха платы, не дозволено было и отбивать подмастерьевъ или заказчиковъ у другого мастера или брать начатую другимъ работу.

Съ другой стороны, замкнутость цеха по отношенію къ внѣшнему міру выражалась въ области хозяйственной жизни въ т. наз. принципѣ Zunftzwang'a. Подобно тому, какъ въ отрядѣ, составляемый цехомъ для охраны города, входили только члены его, въ устраиваемыхъ имъ богослуженіяхъ и процессіяхъ, какъ и въ пиршествахъ и попойкахъ участвовали, только они и ихъ семьи, такъ только лица, входившія въ составъ даннаго цеха, могли производить товары даннаго рода и сбывать ихъ (изъ своихъ рядовъ) на рынкѣ. Вытекая, слѣдовательно, изъ общаго характера всей цеховой организаціи (проявляющагося и во всѣхъ другихъ сторонахъ цеховой жизни) и не являясь чѣмъ-либо присущимъ однимъ лишь цехамъ (мы находимъ то же и у всѣхъ другихъ средневѣковыхъ корпорацій), Zunftzwang первоначально представлялъ собою, какъ и исключительность во всѣхъ другихъ сторонахъ цеховой жизни, лишь явленіе фактическаго характера, не требовавшее никакой спеціальной регламентаціи; ибо лишь опредѣленная тѣсно сплоченная группа лицъ занималась извѣстнымъ промысломъ и стоящіе внѣ этого круга не обнаруживали намѣренія нарушить ея фактическую монополію, а тѣмъ болѣе производить тѣ же издѣлія, не будучи принятыми въ составъ цеха. Однако, уже тогда, въ противоположность удовлетворенію всѣхъ другихъ потребностей жизни (отправленію суда, устройству религіозныхъ процессій и т. п.), что было доступно всѣмъ корпораціямъ, хотя и производилось каждой отдѣльно, исключительность въ экономическомъ отношеніи, устанавливая связующее звено между всѣми корпораціями и союзами, входившими въ составъ городской общины, раздѣленіе труда между ними, въ то же время создавала

зависимость каждой изъ нихъ отъ всѣхъ остальныхъ, ибо отмежевывала каждой опредѣленную область производства, въ которую не могъ вторгаться никто другой. Такая зависимость усилилась съ теченіемъ времени съ открытымъ провозглашеніемъ въ цеховыхъ уставахъ принципа Zunftzwang'а, который сталъ теперь не только фактическимъ, но и юридическимъ, такъ какъ долженъ былъ предупредить возникнувшія съ разныхъ сторонъ попытки „вторгаться“ въ промыслъ, т. е. производить его или сбывать промышленныя издѣлія, не принадлежа къ данному цеху (такіи лица назывались Störer или Pfuscher, chambrelans и цехи расправлялись съ ними весьма жестоко). Въ Магдебургѣ, Вѣнѣ, Мюльгаузенѣ въ концѣ XII и первой половинѣ XIII ст. въ Оксфордѣ и Іоркѣ со времени Генриха I и II короли и герцоги надѣляютъ цехи привилегіей промысла, запрещая кому бы то ни было заниматься послѣднимъ, если онъ не принятъ въ цехъ—consortium, communio, unio, gilda (nisi sit de gilda illa), а изъ семи ремесленныхъ грамотъ, нѣмецкихъ городовъ, относящихся къ XII вѣку, въ шести Zunftzwang прямо указанъ въ качествѣ цѣли образованія цеха. Если же въ другихъ случаяхъ еще и впослѣдствіи не высказана въ статутахъ обязательность принадлежности къ цеху всѣхъ желающихъ заниматься даннымъ промысломъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ извѣстный періодъ она отсутствовала (какъ полагаетъ Зомбартъ) или существовала категорія цеховъ, гдѣ господствовала свобода промысла (какъ утверждаетъ Эберштадтъ). Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что такая обязательность, войдя въ обычай, предполагалась общеизвѣстной и не подлежащей сомнѣнію, почему во многихъ случаяхъ дѣло ограничивалось указаніемъ въ статутѣ размѣровъ взноса, который обязанъ былъ уплатить каждый вновь вступающій. Zunftzuang могъ конечно имѣть различный характеръ и объемъ въ зависимости отъ того, являлись ли цехи вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими корпораціями, пользовались ли они автономіей, составляли ли вмѣстѣ съ тѣмъ „Einung“ (въ понятіе послѣдней входило право цеховъ по собственному усмотрѣнію опредѣлять обязательныя для всѣхъ членовъ цѣны производимыхъ товаровъ—минимальныя таксы). Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда цехи не были признаны городской властью или были „запрещены“, основной признакъ цеховой организаціи, недопущеніе посторонних къ промыслу, сохранился; и если въ различныхъ городахъ цехи возникаютъ чрезвычайно поздно (въ нѣкоторыхъ французскихъ городахъ, какъ указываетъ Hauser, не ранѣе XVI ст.), то изъ такой поздней регламентаціи ихъ и признанія правительствомъ вовсе еще не слѣдуетъ отсутствіе ихъ въ качествѣ ремесленныхъ союзовъ, осуществляющихъ привилегію производства даннаго промысла, во весь предшествующій періодъ.

Принципъ Zunftzwang'а—враждебность по отношенію ко всѣмъ чужимъ (рядомъ съ равенствомъ и братствомъ внутри данной корпораціи), составляетъ основу всей промышленной политики средневѣковыхъ городовъ (или вообще промышленной политики въ средніе вѣка, ибо она заключалась въ политикѣ отдѣльныхъ городовъ), проникнутой покровительствомъ городскому ремеслу и враждой къ другимъ городамъ, пригородамъ и жителямъ окрестныхъ селъ. Ввозъ промышленныхъ издѣлій, произведенныхъ внѣ города (тѣхъ промысловъ, которые имѣлись въ городѣ), былъ либо вовсе запрещенъ (запретительная система),—за исключеніемъ ярмарочныхъ дней, когда онъ былъ свободенъ для всѣхъ—либо обставленъ чрезвычайными стѣсненіями (протекціонныя пошлины, право продажи лишь оптомъ въ теченіе опредѣленнаго срока и т. д.). Либо, наконецъ, онъ былъ предоставленъ на усмотрѣніе цеха, къ сферѣ котораго онъ относился, подъ его контроль (въ отношеніи доброкачественности товара), что приводило къ тому же запрещенію, ибо, признавая привезенныя издѣлія негодными, цехъ не только устранялъ иногородную конкурренцію, но удерживалъ также въ свою пользу часть конфискованныхъ товаровъ или штрафныхъ денегъ. Эти постановленія составляли стѣсненіе не только для иногородних и мѣстныхъ (городскихъ) купцовъ, которые почти не могли торговать въ городѣ промышленными

издѣліями (за исключеніемъ лишь такихъ, которыя въ большинствѣ городовъ не производились, какъ напр., шелковыя ткани, издѣлія изъ стекла, которыя изготовлялись почти исключительно въ итальянскихъ городахъ, сукно высшаго качества, выдѣлываемое въ Италіи и Фландріи, металлическія издѣлія Нюрнберга—и поэтому допускались къ ввозу), но въ еще большей степени для жителей пригородныхъ селъ, которыя на протяженіи нѣсколькихъ миль отъ города (Bannmeile) не могли производить промышленныхъ издѣлій для сбыта, а обязаны были покупать ихъ въ городѣ. При этомъ крестьяне не только вынуждены были пріобрѣтать исключительно произведенныя цехомъ промышленныя издѣлія, но и пріобрѣтая ихъ въ обмѣнъ на привозимые ими въ городъ сельско-хозяйственные продукты, были сами совершенно неорганизованы, не имѣли предъ собой крѣпко сплоченныхъ цеховыхъ мастеровъ, которые заранѣе сообща устанавливали минимальную цѣну продаваемыхъ ими издѣлій и строго слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ членовъ цеха не нарушалъ этого постановленія. Къ тому же городъ всячески стѣснялъ пріѣзжавшаго на городской рынокъ крестьянина, ограничивая время продажи, не дозволяя ему вывозить обратно привезенныхъ продуктовъ, нерѣдко даже устанавливая для него максимальныя цѣны (таксы), выше которыхъ онъ не могъ продавать хлѣбъ, домашнюю птицу, скотъ, овощи и т. д.; Шмоллеръ, слѣд., правильно указываетъ на то, что городская политика имѣла въ виду интересы ремесленника и старалась всячески поставить въ невыгодное положеніе крестьянина.

Сила цеховыхъ ремесленниковъ усугублялась стѣснительностью доступа въ составъ цеха въ виду различныхъ требованій, предъявляемыхъ къ каждому вновь вступающему, вслѣдствіе чего количество ихъ не могло достигнуть значительныхъ размѣровъ. Этимъ не только облегчался надзоръ за выполненіемъ всѣми членами установленныхъ сообща правилъ (при большой численности ихъ онъ едва-ли былъ бы мыслимъ), но и самый Zunftzwang пріобрѣталъ крупное практическое значеніе (еслибы всякій, желающій заниматься промысломъ, могъ вступить въ соотвѣтствующій цехъ, Zunftzwang имѣлъ бы чисто формальный характеръ), обезпечивая привилегію производства за немногими, предоставляя имъ монопольное положеніе. Условія, которымъ необходимо было удовлетворять для того, чтобы стать мастеромъ, членомъ цеха, были троякаго рода. Во 1-хъ, въ отношеніи происхожденія кандидата—не допускались иностранцы и даже иногородніе, несвободные (дѣти рабовъ и крѣпостныхъ), незаконорожденные, дѣти лицъ, принадлежащихъ къ т. наз. позорящимъ или безчестнымъ занятіямъ (къ послѣднимъ относились ткачи льняныхъ издѣлій, мельники, кожевники, пастухи, банщики, цирульники, музыканты, ночные сторожа, палачи, гробокопатели и др.), причемъ нерѣдко требовалось доказательство свободнаго и законнаго рожденія (отъ „честныхъ“ родителей) также жены и предковъ до четвертаго поколѣнія включительно. Во 2-хъ, требованія техническаго характера—прежде чѣмъ стать мастеромъ, нужно было пробыть извѣстное, нерѣдко весьма продолжительное время (7 лѣтъ) ученикомъ, а затѣмъ работать у мастера въ качествѣ подмастерья, совершить странствованіе по различнымъ городамъ и выполнить пробную работу (Meisterstück, chef d'oeuvre, essay). Наконецъ, въ 3-хъ, требованія матеріальнаго свойства—установлена цѣлая система вступительныхъ взносовъ (съ ученика, подмастерья, вновь вступающаго мастера), требуется обладаніе извѣстнымъ имуществомъ, не говоря уже объ устройствѣ обильнаго пиршества („чѣмъ лучше будетъ угощеніе, тѣмъ больше онъ заслужитъ благодарности“), вызывавшимъ значительные расходы, и о расходахъ, сопряженныхъ съ изготовленіемъ пробной работы (матеріалъ и инструменты нерѣдко пріобрѣтались подмастерьемъ на собственный счетъ, изготовленный же продуктъ поступалъ въ пользу цеха).

Въ отношеніи этихъ требованій, предъявляемыхъ при вступленіи въ цехъ, господствующая теорія различаетъ два періода въ исторіи цехового строя—періодъ средневѣковый или періодъ расцвѣта цеховъ и періодъ упадка, относя-

щійся къ XVI—XVIII ст. Одно направленіе, проводящее это различіе весьма рѣзко и имѣющее своихъ представителей преимущественно среди нѣмецкихъ ученыхъ (въ особ. Шенбергъ), утверждаетъ, что постановленія стѣснительнаго характера, являющіяся результатомъ погони за наживой (и съ этой цѣлью сокращенія числа мастеровъ), не существовали еще въ средніе вѣка, когда „величественныя, по истинѣ благородныя черты", обнаруживаются въ статутахъ, имѣвшихъ ввиду, въ отличіе отъ послѣдующаго періода, интересы не только членовъ цеха, но и потребителей и подмастерьевъ. Другое направленіе, сторонниками котораго являются преимущественно французскіе и англійскіе историки и экономисты, а также и нѣкоторые новѣйшіе нѣмецкіе, признавая, что уже весьма рано встрѣчаются многія изъ тѣхъ требованій, которыя мы находимъ впослѣдствіи, утверждаетъ, однако, что они еще не преслѣдовали цѣли стѣсненія доступа въ цехъ, какъ это было впослѣдствіи и что этотъ переворотъ произошелъ лишь во второй половинѣ XIV и въ XV ст., подъ вліяніемъ возрастанія народонаселенія и ухудшенія условій сбыта, когда цехи постепенно пріобрѣтаютъ характеръ исключительности, столь рѣзко бросающійся въ глаза въ особ. въ XVII—XVIII ст.

Въ дѣйствительности, однако, мы находимъ всѣ перечисленныя выше требованія въ томъ числѣ даже такія, которыя, какъ, напр., пробная работа, разсматриваются обыкновенно какъ появившіяся наиболѣе поздно уже въ XIII—XIV ст.: пробная работа, напр., составляетъ въ XIV ст. обычное явленіе [1]). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что цеховые статуты являются ничѣмъ инымъ, какъ записями нормъ обычнаго права, которыя могли существовать уже задолго до ихъ внесенія на пергаментъ, почему есть основанія предполагать, что они возникли и примѣнялись въ жизни гораздо раньше. Что же касается характера постановленій, то конечно въ самой наличности ихъ еще нельзя усматривать стремленія къ стѣсненію доступа въ цехъ. Многія изъ нихъ обусловливались потребностями цеховой жизни; такъ, напр., взносы денежные необходимы были на нужды цеха—для пріобрѣтенія различныхъ приспособленій техническаго характера, для покупки оружія, нужнаго при сторожевой службѣ; воскъ нуженъ былъ для богослуженія, угощенія находились въ связи съ потребностями общенія. Другія постановленія вызывались необходимостью пріобрѣтенія знаній и провѣрки ихъ: таково, напр., странствованіе подмастерьевъ (при отсутствіи промышленныхъ школъ и характерѣ техники того времени), пробная работа. Наконецъ, они могли вытекать изъ присущей тому времени вообще вражды къ иностранцамъ или иногороднимъ (непринятіе ихъ въ цехъ), или изъ какихъ либо средневѣковыхъ предразсудковъ, представленій о сословной чести и достоинствѣ свободныхъ людей, почему, напр., недопущеніе дѣтей „безчестныхъ" родителей, т. е. опредѣленныхъ („позорныхъ") профессій, незаконорожденныхъ, несвободныхъ. Но во всякомъ случаѣ, даже стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы всетаки получимъ въ результатѣ, что цехи, не стремясь вовсе къ этому, все же на практикѣ должны были устранять цѣлую массу лицъ, не удовлетворявшихъ тѣмъ или другимъ требованіямъ, вытекавшимъ изъ дѣйствительныхъ нуждъ цеха или изъ предразсудковъ того времени. Однако, другого рода факты заставляютъ даже усумниться въ отсутствіи такого намѣренія у цеховъ. Если цехи требовали наличности опредѣленнаго, иногда весьма значительнаго имущества у вновь

[1]) Мы находимъ ее: въ Любекѣ (портные въ 1370 г., скорняки въ 1386 г. и др.), въ Ригѣ (золотыхъ дѣлъ мастера въ 1360 г., бочары въ 1370 г. и др.), въ Гамбургѣ (пекари въ 1375 г.), въ Данцигѣ (кузнецы въ 1387 г.), въ Майнцѣ (портные въ 1391 г.), въ Штеттинѣ (кузнецы въ 1313 г.), въ Берлинѣ (пекари въ 1272 г.), въ Кельнѣ, Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ, Фрейбергѣ, а также въ Лондонѣ, Римѣ, Венеціи, Флоренціи въ томъ же XIV ст.; въ Парижѣ уже въ XIII ст. (сѣдельники, пирожники, ткачи шелковыхъ матерій и др.). См. мою Эволюцію прибыли съ капитала, т. I. стр. 347 и сл.

вступающихъ; если производимая кандидатомъ пробная работа нерѣдко состояла въ изготовленіи такого предмета, который вышелъ совсѣмъ изъ употребленія и былъ почти неизвѣстенъ, и производилась она такъ, что никакого вывода объ умѣньи подмастерья нельзя было сдѣлать, наконецъ, даже могла быть вовсе замѣнена уплатой извѣстной суммы въ пользу цеха; если многіе цехи прямо опредѣляли максимумъ членовъ,—то едва-ли все это можно объяснить чѣмъ-либо инымъ какъ не стремленіемъ къ исключительности, къ монополизаціи промысла въ рукахъ немногихъ мастеровъ, посредствомъ затрудненія доступа всѣмъ остальнымъ желающимъ.

Бременскій сапожный цехъ (статуты 1300 и 1388 г.г.) допускаетъ лишь тѣхъ лицъ (постороннихъ, въ отличіе отъ дѣтей мастера), которыя имѣютъ имущество цѣнностью въ 8 фун. марокъ серебра; постановленіе—по словамъ Бемерта—очень жестокое для людей несостоятельныхъ, которымъ этимъ путемъ вовсе закрывался доступъ въ цехъ, ибо это была весьма солидная для того времени сумма: при вступленіи въ члены городской ратуши имущественный цензъ въ XIV ст. равнялся 32 ф. мар. Въ другихъ городахъ требовалось нерѣдко еще большее имущество: въ Гамбургѣ (пекаря и бочары 1375 г.) и въ Люнебургѣ (сапожники 1389 г.) въ 20 мар., въ Любекѣ—до 30 мар. Такое требованіе постоянно встрѣчается и въ цеховыхъ уставахъ Риги, Вернигероде, Грейфсвальда, въ Парижѣ и Сентъ-Омерѣ даже въ отношеніи подмастерьевъ; въ Англіи кто не располагаетъ годовымъ доходомъ въ 20 шилл., не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье (См. мою Эвол. приб. I. 355).

Пробная работа нѣмецкихъ кузнецовъ состояла нерѣдко въ томъ, что подмастерье долженъ былъ изготовить подковы для лошадей, не снимая мѣрки и даже не взглянувъ ближе на ногу лошади, передъ нимъ только проѣзжали два—три раза на ней (Beck). Во французскихъ цехахъ не только изготовляются нерѣдко въ качествѣ пробной работы предметы, совершенно вышедшіе изъ употребленія, но кромѣ того опредѣляется низшая цѣнность пробной работы и устанавливаются особые взносы въ пользу лицъ, присутствовавшихъ при изготовленіи пробной работы. Въ то же время сыновья мастеровъ (въ Аміенѣ, Пуатье, Брюсселѣ и др. городахъ) освобождаются вовсе отъ выполненія пробной работы (См. Эвол. приб. I. 347 и сл.).

Мы находимъ цѣлый рядъ т. наз. замкнутыхъ цеховъ, т. е. такихъ, гдѣ былъ установленъ максимумъ членовъ и новые принимались лишь постольку, поскольку мѣсто очищалось умершими мастерами. Въ Любекѣ, напр., латунники (въ 1330 г.), игольный цехъ (1356 г.), рыбники (1376 г.) опредѣляютъ число мастеровъ въ 12, въ Штеттинѣ ограничено число башмачниковъ, бондарей, въ Нюрнбергѣ—жестяниковъ, красильщиковъ, въ Гамбургѣ—бондарей, ткачей и др., въ Руанѣ—шапочниковъ. Почти повсюду ограничено число мясниковъ, обыкновенно и пекарей, суконщиковъ, кузнецовъ, ибо здѣсь продажа производилась изъ опредѣленныхъ прилавковъ или предметы изготовлялись въ особыхъ мастерскихъ, число которыхъ (по словамъ цеха) не могло быть увеличено (См. мою Эвол. приб. I. 356).

Это объясненіе цѣли цеховыхъ постановленій подтверждается и различными коментаріями къ нимъ, въ которыхъ цехи сами иногда объясняютъ причину тѣхъ или иныхъ мѣръ: напр., увеличеніе вступительныхъ взносовъ необходимо для того, чтобы воспрепятствовать ученикамъ самостоятельно начинать производство по окончаніи срока ученичества (брюссельскіе шерстоткачи въ 1481 г.). Или же они аргументируютъ слѣдующимъ образомъ (Ульмъ): среди сельскихъ ткачей много лицъ сомнительной репутаціи, не отбывшихъ надлежащимъ образомъ ученичества; отъ этого страдаютъ они, цеховые ремесленники, почему производство ткачей должно быть на будущее время монополіей ткацкаго цеха и всякій, желающій заниматься этимъ ремесломъ обязанъ пріобрѣсти право гражданства въ городѣ за 22 гульд. и заплатить 4 гульд. въ цехъ.

Тѣмъ не менѣе, если первое изъ названныхъ направленій, усматривающихъ двѣ эпохи въ исторіи цеховъ въ зависимости отъ ихъ духа и стремленій, не выдерживаетъ критики и является результатомъ идеализаціи средневѣковой хозяйственной жизни вообще и ремесла въ частности, то вторая версія содержитъ въ себѣ несомнѣнно долю правды. Нельзя не признать, что въ XVI—XVIII ст.

стѣснительность доступа въ цехъ была еще больше, чѣмъ въ предшествующій періодъ, и требованія, предъявляемыя цехомъ, дошли до геркулесовыхъ столбовъ въ смыслѣ ихъ стѣснительности и безсмысленности. Но — и это крайне существенно — мы имѣемъ въ данномъ случаѣ передъ собой лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ институтовъ, которые существовали уже раньше, а вовсе не что-либо новое, неизвѣстное болѣе ранней эпохѣ.

Ухудшеніе совершалось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для цеховъ экономическихъ условій, въ частности потери ими монопольнаго положенія на рынкѣ, вслѣдствіе допущенія привоза произведенныхъ внѣ города издѣлій, а также появленія конкуррентовъ въ лицѣ нецеховыхъ, которые также стали заниматься промыслами (Zunftzwang потерялъ свое значеніе). Однако, вслѣдствіи этого, на ряду съ усиленіемъ стѣсненій доступа, лица не попавшія въ цехъ, имѣли теперь возможность работать и не будучи членами цеха. Такимъ образомъ, два періода въ исторіи цеховъ несомнѣнно получатся, но различіе между ними заключается не въ иномъ духѣ цеховыхъ постановленій, а въ различномъ положеніи цеховъ на городскомъ рынкѣ. Что же касается момента увеличенія населенія, то нельзя конечно отрицать, что онъ является однимъ изъ тѣхъ факторовъ, которые, ухудшивъ въ XVI и слѣд. ст. матеріальное положеніе цеховыхъ мастеровъ, тѣмъ самымъ еще усилили въ цехахъ духъ исключительности. Сторонники перваго направленія, усматривавшіе въ средневѣковыхъ цехахъ идеалъ во всѣхъ отношеніяхъ и утверждавшіе, что перемѣна (въ видѣ статутовъ, затруднявшихъ всячески доступъ въ цехи), создавшая изъ цеховъ нѣчто прямо противоположное, каррикатуру на ихъ прежній обликъ, произошла не ранѣе XVI—XVII ст., могли ссылаться на это обстоятельство, до тѣхъ поръ, пока, не было доказано, что постановленія стѣснительнаго характера появились уже гораздо раньше. Напротивъ, второе направленіе признающее этотъ послѣдній фактъ, а именно то, что стѣсненія существовали уже въ XIV—XV ст., едва ли можетъ приводить ростъ населенія въ качествѣ причины, вызвавшей такое измѣненіе въ характерѣ цеховъ. И въ Англіи и во Франціи населеніе вплоть до XVI ст. отличается стаціонарнымъ характеромъ и если въ первой половинѣ XIV ст. и можно предполагать возрастаніе его, то съ середины этого столѣтія, подъ вліяніемъ черной смерти 1348 и сл. г.г. (см. выше, стр. 62—3) оно смѣнилось сильнымъ сокращеніемъ и лишь съ конца вѣка могло снова постепенно возвращаться къ прежней цифрѣ. Въ Германіи, дѣйствительно, съ конца XIV ст. прекратился отливъ населенія въ восточныя окраины, однако, это обстоятельство могло бы во всякомъ случаѣ оказать свое вліяніе не ранѣе половины или, по крайней мѣрѣ, начала XV ст., но ужъ никакъ не въ XIV вѣкѣ.

Во второмъ, умѣренномъ направленіи есть и другая доля правды: нельзя отрицать того, что въ исторіи цеховъ существовалъ извѣстный, въ однихъ городахъ и странахъ болѣе, въ другихъ менѣе продолжительный періодъ, когда цехи, не имѣя вовсе статутовъ или составляя таковые, не устанавливали стѣснительныхъ правилъ въ отношеніи вновь вступающихъ. Однако — и это опять-таки чрезвычайно существенно — отсутствіе такихъ правилъ вовсе не объяснялось существованіемъ въ эту эпоху якобы вполнѣ свободной „германской“ корпораціи, (что противорѣчило бы и всему характеру цеховой организаціи, проявляющейся во всѣхъ другихъ сторонахъ ея), а тѣмъ обстоятельствомъ, повидимому, что первоначально ремесло переходило отъ отца къ сыну въ предѣлахъ небольшой группы лицъ, входившей въ составъ первоначальной промышленной общины.

Именно въ древнѣйшихъ цеховыхъ статутахъ мы находимъ наслѣдственность цеховъ (равенскіе рыболовы X ст., венеціанскіе шорники, кожевники, мясники, солевары X ст., вормскіе рыбаки XI ст., парижскіе мясники XII вѣка, различные ранніе англійскіе статуты и т. д.); и если многіе изъ нихъ еще и впослѣдствіи отказываются принимать въ цехъ постороннихъ (напр., мясники въ различныхъ французскихъ городахъ, кузнецы въ норманскихъ городахъ еще въ XIV—XV ст., пекари въ прирейнскихъ городахъ и т. д.), то большинство вынуждено было допускать впослѣдствіи и ихъ въ свою среду, и эту перемѣну мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., цехи г. Гекстера, бременскіе сапожники) въ состояніи прямо установить при сравненіи цеховыхъ уставовъ болѣе ранней и болѣе поздней эпохи.

Однако, разница между „своими“ и „чужими“ проводилась и впослѣдствіи, и въ то время, какъ первые непосредственно получали право занятія промысломъ (самый фактъ достиженія совершеннолѣтія давалъ сыну мастера или лицу, женившемуся на дочери или вдовѣ мастера, право стать мастеромъ), вторые — характерная черта всѣхъ цеховыхъ уставовъ (см. Эвол. приб., стр. 357 и сл.)—должны были удовлетворять различнымъ, нерѣдко весьма стѣснительнымъ условіямъ (изготовленіе сложной пробной работы, внесеніе значительной суммы и т. д.), при отсутствіи которыхъ не допускались вовсе; во всякомъ случаѣ, даже если и для „своихъ“ устанавливались какія-либо условія пріема, они были несравненно легче, чѣмъ тѣ, которымъ должны были удовлетворять посторонніе, не принадлежавшіе къ семьѣ мастера [1]).

Въ такомъ разграниченіи своихъ и чужихъ проводился повидимому въ хозяйственной области знакомый и другимъ сторонамъ цехового строя принципъ участія въ цеховой жизни не только полноправныхъ мастеровъ, но и ихъ семействъ: подобно тому, какъ семья принимала участіе въ устраиваемыхъ цехомъ празднествахъ, религіозныхъ процессіяхъ, пользовалась поддержкой въ случаѣ смерти мастера, семьѣ въ ея цѣломъ принадлежали и цеховыя привилегіи—сынъ мастера, лицо, женившееся на дочери его или вдовѣ, имѣло первоначально исключительное, а позже преимущественное право на производство того ремесла, которое производилъ отецъ и мужъ, на переходъ къ нимъ принадлежавшихъ ему правъ.

Бюхеръ указываетъ на то, что характерной для поздняго средневѣковья, для эпохи городского хозяйства, формой промышленности является ремесло въ тѣсномъ смыслѣ слова или работа на сбытъ, гдѣ производитель владѣетъ орудіями производства и матеріаломъ и продаетъ за опредѣленную цѣну готовый продуктъ. Этимъ ремесло отличается, съ одной стороны, отъ работы на заказъ, когда производитель получаетъ лишь вознагражденіе за свой трудъ, но ему не принадлежатъ инструменты и матеріалъ (онъ получаетъ ихъ отъ потребителя) и самый процессъ производства совершается по указанію (и даже подъ руководствомъ) потребителя; а съ другой стороны—отъ домашней промышленности, гдѣ матеріалъ (иногда и орудія) также не принадлежатъ производителю, а доставляются ему предпринимателемъ и послѣдній сбываетъ потребителю произведенный рабочимъ товаръ. Если работа на заказъ соотвѣтствуетъ предшествующей эпохѣ, а домашняя промышленность слѣдующей (XVII—XVIII ст.), то изъ этого не слѣдуетъ, что первая не сохранилась, а вторая не появилась уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (въ особ. итальянскихъ и фламандскихъ городахъ) и отрасляхъ производства (суконная, шелковая промышленность) въ позднее средневѣковье. Но все же цеховой организаціи и замкнутому городскому хозяйству наиболѣе соотвѣтствуетъ, повидимому, ремесло въ видѣ работы на сбытъ, ремесло, доставляющее готовый продуктъ на городской рынокъ или выдѣлывающее предметы по заказу потребителя изъ собственнаго матеріала цехового мастера и въ его мастерской. И повидимому такой характеръ имѣло большинство отраслей промышленности въ разсматриваемую эпоху.

Еще до Бюхера изслѣдователи англійскаго хозяйства въ средніе вѣка (Ochenkowski, p. 53—4. Rogers. Six Cent. изд. Pannwitz, p. 136. 267. Эшли) указали на постепенное вытѣсненіе работы на заказъ ремесломъ, сбывающимъ готовый продуктъ, въ теченіе XII—XV ст. Теорія Бюхера вызвала возраженія со стороны Белова (Zeitschr. f. Soz-und Wirtschaftsgesch. V. 227 и сл.), къ которому присоединились Зомбартъ, М. М. Ковалевскій, Де Маресъ и др., однако, возраженіе Белова въ сущности сводится къ указанію на то, что и въ предыдущую эпоху существовало рядомъ съ работой на заказъ ремесло, доставляющее потребителю готовый товаръ, и что, наоборотъ, нѣкоторые промыслы вплоть до XIX ст. сохранили форму работы на заказъ. Но если первое обстоятельство ничего не доказываетъ въ отношеніи

[1]) Они освобождались отъ семилѣтняго ученичества, отъ вступительнаго взноса, иногда даже отъ пробной работы, такъ что техническая квалификація замѣнялась происхожденіемъ.

поздняго средневѣковья, то и второе не можетъ устранить общаго положенія, что большинство промысловъ въ XIII—XV ст. сбывало готовый продуктъ. М. М. Ковалевскій же (Экон. ростъ III. 123) справедливо подчеркнулъ существованіе въ Италіи уже въ ранніе времена, въ особ. въ области текстильнаго производства, домашней промышленности съ торговымъ капиталомъ и наемными рабочими, дополнивъ этимъ приведенную теорію Бюхера.

При этомъ цеховое ремесло средневѣковой эпохи отличается трехстепенной градаціей въ видѣ существованія учениковъ, подмастерьевъ и полноправныхъ членовъ цеха—мастеровъ; аналогичную градацію мы находимъ въ другихъ организаціяхъ того времени: рыцарствѣ, церкви, университетахъ. Мастеру дозволялось обыкновенно держать не болѣе 1—2 учениковъ (собственныя дѣти сюда не входили), а срокъ ученія продолжался въ Германіи около 4, въ Италіи 5—7, въ Англіи 7, во Франціи 6—8 лѣтъ, причемъ допускалась (во Франціи) замѣна 1—2 лѣтъ ученичества уплатой мастеру извѣстной суммы; во Франціи и Англіи ученикъ получалъ въ послѣдніе годы небольшое вознагражденіе. Если и ученикъ при семилѣтнемъ срокѣ ученичества и несложности средневѣковой техники (впрочемъ нерѣдко вмѣсто обученія мастеръ заставлялъ его заниматься домашними работами, пользуясь имъ въ качествѣ прислуги) въ послѣдніе годы являлся уже настоящимъ работникомъ, то такой характеръ имѣлъ во всякомъ случаѣ подмастерье. Между тѣмъ плата подмастерьевъ устанавливалась односторонне цеховыми мастерами, цехомъ въ его совокупности,—это (входило въ составъ его автономіи. Въ предупрежденіе того, чтобы мастеръ не отбивалъ хорошаго подмастерья у другого, цехъ опредѣлялъ максимумъ поштучной или поденной платы, свыше которой ни одинъ мастеръ не вправѣ платить своему подмастерью подъ страхомъ наказанія. Такое неблагопріятное положеніе подмастерьевъ не могло бы, однако, вызывать какихъ либо дальнѣйшихъ послѣдствій, если бы эта ступень была лишь временной, переходной, по истеченіи извѣстнаго времени, къ званью мастера, какъ это могло и должно было бы быть при существованіи мелкой формы производства—ремесла, не требовавшаго сколько нибудь значительнаго капитала, а, слѣдовательно, доступнаго каждому, кто выучился данному промыслу. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно другой отрицательной стороны средневѣковой промышленной жизни, чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня, длившагося отъ восхода до заката солнца, а нерѣдко продолжавшагося и при искусственномъ освѣщеніи, и составлявшаго обыкновенно 14—16 часовъ въ сутки (только строительные рабочіе работали меньше, да и вознаграждались лучше),—впрочемъ, она умѣрялась „синимъ“ понедѣльникомъ, когда подмастерья, послѣ воскресной попойки, не являлись на работу. Такъ какъ подмастерье работалъ за однимъ станкомъ съ мастеромъ, а слѣдовательно, и послѣдній едва ли прекращалъ работу раньше, то и въ этомъ случаѣ подмастерье не могъ бы жаловаться, если бы по истеченіи извѣстнаго времени становился мастеромъ и этотъ продолжительный рабочій день шелъ бы въ его пользу.

Однако, предположеніе о томъ, что ступень подмастерья была дѣйствительно лишь временной, долгое время господствовавшее въ исторической литературѣ, которая идеализировала средневѣковый цеховой бытъ (разъ доступъ въ цехъ былъ въ тѣ времена свободенъ, то очевидно—по этой теоріи—всякій подмастерье долженъ былъ стать мастеромъ) должно въ настоящее время считаться опровергнутымъ. Выяснилось, что подъ вліяніемъ стѣсненій доступа въ цехъ (см. выше, стр. 97), большое количество подмастерьевъ оставалось въ этомъ положеніи всю жизнь (имѣлись даже женатые, жившіе внѣ дома хозяина), образуя уже въ XIV—XV ст. постоянный промышленный рабочій классъ, и поэтому продолжительный рабочій день и низкая плата должны были вызвать столкновенія между подмастерьями и хозяевами. Уже въ XIV ст. происходятъ среди подмастерьевъ волненія, столкновенія между ними и мастерами, вызывающія среди послѣднихъ

вопросъ о томъ, какъ сохранить власть надъ своими „слугами“ (valet, Knecht, servant), возникаютъ какъ стачки („заговоры“) среди подмастерьевъ (требованіе повышенія платы, сокращенія рабочаго дня) въ видѣ одновременнаго прекращенія работы и ухода изъ города (у подмастерьевъ-кузнецовъ техническій терминъ „den Meistern den Hammer legen“), такъ и постоянные союзы подмастерьевъ. Будучи вызваны общимъ стремленіемъ въ средніе вѣка къ соединенію въ корпораціи лицъ одного и того же сословія, эти организаціи свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что подмастерья считали себя чѣмъ то совершенно отличнымъ отъ цеховъ, какъ союзовъ цеховыхъ мастеровъ, преслѣдовали иные интересы. Возникнувъ первоначально, какъ и всѣ прочія организаціи въ эпоху ихъ гоненія, въ видѣ исключительно религіозныхъ братствъ, союзы подмастерьевъ вскорѣ стали преслѣдовать и цѣли экономическаго свойства, почему повсюду вызывали противодѣйствіе со стороны цеховъ и попытки къ ихъ уничтоженію.

Такимъ образомъ, хотя господствовавшая въ средніе вѣка ремесленная форма производства сама по себѣ, казалось бы, не должна была вызывать распаденія лицъ, участвующихъ въ производствѣ, на двѣ категоріи—мастеровъ-господъ и подмастерьевъ-слугъ, изъ коихъ вторые были подчинены первымъ, но цеховой строй съ его стѣсненіями доступа въ цехъ неминуемо приводилъ къ тому, что чуть ли не одновременно съ образованіемъ цеховъ возникъ и рабочій вопросъ, и цехъ разбился на двѣ группы лицъ съ рѣзко отличнымъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ. Повидимому, внутренняя причина этого состояла въ самой недостаточности мѣстнаго городского рынка, который при незначительной платежеспособности мѣстнаго крестьянскаго населенія уже весьма рано былъ бы переполненъ промышленными издѣліями, если бы всякій подмастерье по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ работы у хозяина имѣлъ возможность завести самостоятельную мастерскую. Такое положеніе дѣлъ вело неминуемо къ переходу къ инымъ формамъ производства, работающимъ на болѣе широкій рынокъ и въ лицѣ подмастерьевъ подготовлялось необходимое для этой формы производства постоянное рабочее населеніе.

III. Обмѣнъ

(Торговля, деньги, кредитъ, пути сообщенія).

Важнѣйшіе источники. Въ отношеніи *ганзейской* торговли: *Hansisches Urkundenbuch*, вышло 8 томовъ, доходящихъ до 1463 г.; *Hanserecesse* (постановленія ганзейскихъ сеймовъ), ч. I (1256—1430) въ 8 томахъ (изд. Коппманомъ), ч. II (1431—1476) въ 7 томахъ (изд. Роппомъ) и ч. III (1477—1530), вышло 5 томовъ (изд. Шеферомъ), *Hansische Geschichtsquellen,* сборники документовъ, относящихся къ отдѣльнымъ вопросамъ ганзейской исторіи, съ весьма интересными коментаріями (введеніями). Среди нихъ особенно интересны акты, отосящіеся къ торговлѣ Ганзы съ Англіей (т. VI. Kunze, Hanseakten aus England), къ торговлѣ Риги съ различными городами и странами (таможенныя записи: т. V. *Stieda.* Revaler Zollbücher und Quittungen des 14. Jahrhunderts), къ торговлѣ въ Шоненѣ (Сконіи) (*Schäfer.* Das Buch des lübeckischen Vogtes auf Schonen) и др. Въ отношеніи *левантійской* торговли: *Tafel und Thomas. Urkunden zur ältesten Handels - und Staatsgeschichte der Republik Venedig.* 3 Bde. 1856—57. *Davidsohn. Forschungen zur Geschichte von Florenz.* 4 Bde. 1896—1908. *Mas—Latrie. Traités de paix et de commerce* et documents divers concernant les rélations des chrétiens avec les Arabes de l'Afrique septentrionale au moyen-âge. 1866. 1872. *Blancard. Documents inedits sur le commerce de Marseille au moyen-âge.* 1884—1885. *Pardessus. Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle.* 6 vols. 1828—45. Кромѣ того для исторіи торговли ук. періода: *Fagniez. Documents rélatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France.* 2 vols 1898—1900.

Чрезвычайно важны изданныя въ послѣднее время *торговыя книги* нѣсколькихъ средневѣковыхъ купцовъ—ганзейскихъ (любекскаго *Das Handlungsbuch von Herrmann und Iohann Wittenborg,* ed. Mollwo. 1901; гамбургскаго—*Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen,* ed. Nirrnheim, 1895; ростокскаго—*Iohann Tölners Handlungsbuch von 1345—1350,* ed. Koppmann. 1885), французскихъ—*Les livres de compte des frères Bonis, marchands Montalbanais du XIV s.,* éd. Forestié. 1890—94 въ Archives historiques de la Gascogne, *Le livre de comptes de Jacme Olivier, marchand narbonnais du XIV siècle.* éd. Alph. Blanc. 1899, вышелъ пока лишь второй томъ: *Le livre-journal du maître Ugo Teralh, notaire et drapier à Forcalquier,* éd. Paul Meyer, Notices etc. de la Bibl. Nation. v. 36), а также извлеченія изъ торговыхъ книгъ—купцовъ-евреевъ сѣверозападной Франціи нач. XIV ст. (*Loeb* въ Révue des études juives. 1884), регенсбургскихъ купцовъ (*Ebner. Ein Regensburger kaufmännisches* Hauptbuch aus den Iahren 1383—1407. Verhandl. des histor. Ver. der Oberpfalz. B. 45), венеціанскихъ купцовъ (*Sieveking.* Schmollers Iahrbuch. B. 25), торговаго дома Медичи (*Sieveking. Die Handelsbücher der Medici.* Sitzungsber. der Akad. der Wissensch. in Wien. B. CLI).

Литература. Сочиненія общаго характера, излагающія почти исключительно одну внѣшнюю исторію средневѣковой торговли: торговыя сношенія между различными націями, торговые пути и товары, а равно организацію торговли. *Falke. Geschichte des deutschen Handels.* 1859. *Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. B. I—II. 1879. Sartorius. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. 1830. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France. T. I. 1885. Schaube. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. 1906. Noel. Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus reculés.* T. I. 1894. *Beer.* Geschichte des Welthandels. B. I. T. 2. Отдѣлы о торговлѣ, путяхъ сообщенія, кредитѣ и т. д. въ слѣд. сочиненіяхъ: *Inama-Sternegg.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. *Cunningham.* Growth of English Industry and Commerce in Middle Age. *Ashley.* Introduction into the Economic History and Theory. *Ochenkowski.* Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgang des Mittelalters. *Pirenne. Geschichte Belgiens.* B. I. II. 1899. 1900.

Сочиненія, касающіяся торговой дѣятельности отдѣльныхъ городовъ и странъ: *Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen.* 1887. B. I (Urkunden). II (Darstellung). *Heynen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. 1905. Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 1881. Kiesselbach. Die wirtschaftlichen Grundlagen der deutschen Hanse und die Handelsstellung Hamburgs. 1907. Stieda. Hansisch-venetianische Handelsbeziehungen im 15. Jahrh. 1894. Häpke. Brügges Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmarkt. 1908. Sartorius. Urkundliche Geschichte des hansischen Stahlhofes zu London. 1851. Warnkönig. Flandrische Staats- und Rechtsgeschichte. 1835—42. Walter Stein. Beiträge zur Geschichte der deutschen Hanse bis um die Mitte des 15. Jahrh. 1900.* Его-же. *Die Genossenschaft der deutschen Kaufleute in Brügge in Flandern. 1890. Никитскій. Исторія экономическаго быта Вел. Новгорода. 1893. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой. 1879. Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des 14. Jahrh. 1895. Winckler Die deutsche Hansa in Russland. 1886. Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Yver. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII et au XIV s. 1902. Michel. Histoire du commerce et de navigation de Bordeaux. I. 1867. Finot. Etudes historiques sur les rélatione commerciales entre la France et la Flandre au moyen-âge. 1894. Juritsch. Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zur husitischen Revolution. 1907.*

Внутренняя исторія торговли — количество сбываемыхъ товаровъ различныхъ категорій, размѣры торговыхъ оборотовъ вообще, различныя категоріи купцовъ, численность судовъ, издержки транспорта, цѣны, въ особенности же общій характеръ торговли, какъ она была въ дѣйствительности, а не только должна была быть, согласно различнымъ договорамъ, постановленіямъ и т. д. — изслѣдована гораздо меньше: *Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. 1902. Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. 1900. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. II. 1885. Keutgen. Der Grosshandel im Mittelalter* (Hansische Geschichtsblätter. 1901). *Below. Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter.* (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1900), моя ст. *Josef Kulischer. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter.* (Zeitschr. für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Wien. 1908). *Stieda. Ueber die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter* (Abhandl. der Preuss. Akad. d. Wiss. 1903), а также *Daenell. Die Blütezeit der deutschen Hanse.* 1906 (особ. B. II. Buch 3.) Много даетъ и для исторіи торговли замѣчательный трудъ Гольдшмидта по исторіи торговаго права (*Goldschmidt. Universalgeschichte des Handelsrechts. I. 1891*).

По отдѣльнымъ вопросамъ средневѣковаго обмѣна: 1) *пути и средства сообщенія—Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels. 1889. Knüll. Historische Geographie Deutschlands im Mittelalter.* 1903. *Lindsay. History of the merchant chipping.* 1874—6. *Huber. Die geschichtliche Entwicklung des modernen Verkehrs. 1893. Sommerlad. Das Verkehrswesen im deut. Mittelalter.* Handw. der Staatswiss., а также Schulte. ук. соч. (особ. альпійскіе переходы).

2) *ярмарки*: *Huvelin. Essai historique sur le droit des marchés et des foires. 1897. Bourquelot. Etudes sur les foires de Champagne.* (Mémoires etc. de l'academie des inscriptions et belles lettres). 1865. *Goldschmidt. Die Geschäftsoperationen auf den Messen der Champagne* (Zeitschr. für des. Handelsrecht. B. 40). *Kriegk. Frankfurter Bürgerzwiste und Zustände im Mittelalter. 1862* (франкфуртская ярмарка) и Schulte ук. соч. (ярмарки Шампани, Женевы, Ліона).

3) *товарищества*: *Schmidt. Die Entwickelung und Verbreitung der Handelsgesellschaften. 1883. Silberschmidt. Die Commenda. Schmoller. Gesch. Entw. der Unternehmung* (Jahrbuch für Gesetzgelung etc. B. 15). *Weber. Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter. 1889* (итальянскія товарищества). *Keutgen. Hansische Handelsgesellschaften, vorn. des XIV. Jahrh.* (Viert. f. Soz.- und Wirtschaftsgesch. 1906), и Goldschmidt. Universalgesch.

4) *денежное обращеніе*: *d'Avenel. Histoire de la propriéte etc. T. I. Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der Neueren Zeit.* 1904 (въ дѣйствительности ограничивается средневѣковымъ періодомъ). *Hanauer. Etudes économiques sur l'Alsace.* T. I (les monnaies). 1876. *Grosse. Münzstudien.* 1854. *Kruse. Kölnische Geldgeschichte bis 1386.* 1888. *Soetbeer. Beiträge zur Gesch. des Geld- und Münzwesens in Deutschl.,* а также *Inama-Sternegg,* ук. соч. (этотъ отдѣлъ прекрасно изложенъ), *Schanz,* ук. соч. Lamprecht, ук. соч. Schmoller въ Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1900.

5) *кредитъ*: *Neumann. Geschichte des Wuchers in Deutschland. 1865. Рота-Кауфманъ. Исторія банковъ* (важно для Италіи). *Meltzing. Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer. 1906*; кромѣ фирмы Медичи дается характеристика дѣятельности отдѣльныхъ флорентинскихъ компаній второй пол. XIII и первой пол. XIV ст. *Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger.* 1896. B I (введеніе касается средневѣковаго періода). *Des Marez. La lettre de foire à Ypre au XIII s. 1901. Delisle. Mémoire sur les opérations financières des Templiers. 1889. Prutz. Die finanziellen Operationen der Hospitaliter* (Sitzungsber. der Münch. Akad. d. Wiss. 1906). *Sieveking. Genueser Finanzwesen von XII. bis XIV. Jahrh.* 1898 (особ. т. II. Casa di S. Giorgio). *Nasse. Das venetianische Bankwesen im XIV. XV. XVI. Jahrh.* (Jahrb. für Nationaloekon. 1879). *Génestal. Rôle des monastères comme établissements de crédit.* 1901. Кромѣ того: Davidsohn ук. соч., Schulte ук. соч., мое ук. соч., Yver ук. соч., Schaube ук. соч., особ. же Goldschmidt ук. соч.

6) *размѣры оборотовъ, судоходства, издержки транспорта и. т. п.*: *Lauffer. Danzigs Schiffs- und Warenverkehr am Ende des XV. Jahrh. 1893. Stieda.* Revaler Zollbücher- und Quittungen (Hans. Geschichtsquellen. V). *Müller. Geleitwesen und. Güterverkehr zwischen Nürnberg und Frankfurt a. M. im XV Jahrh.* (Viert. f. Sozial- und Wirtschaftsgesch. 1907). *Schaube. Die Wollausfuhr Englands vom Jahre* 1273. (Viert. für Sozial und Wirtschaftsgesch. 1908), *Wendt. Lübecks Schiffs-und Warenverkehr in den Jahren 1368—1369.* Lübeck. 1902. *Sattler. Der Handel des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte* (Hansische Geschichtsblätter. 1877), а также ук. соч. Schulte, Daenell, Sombart, Davidsohn.

ГЛАВА I.

Торговые пути, торговые города и ярмарки.

Исходную точку въ развитіи западно-европейской торговли составляютъ Крестовые походы—они знаменуютъ собою появленіе международной торговли, ибо все то, что мы находимъ въ предшествующія столѣтія, не шло далѣе зачатковъ въ этомъ направленіи. Попытки итальянскихъ городовъ (Амальфи и Венеціи) вытѣснить Константинополь изъ того центральнаго положенія, которое онъ занималъ въ предшествующія столѣтія въ торговыхъ сношеніяхъ между западомъ и востокомъ, совершая широкій кругъ моремъ мимо него и вступая въ непосредственныя сношенія съ магометанскимъ міромъ, относятся уже къ IX—X ст. Но лишь со времени Крестовыхъ походовъ, этихъ многочисленныхъ пилигримствъ въ Святую землю, которыя, какъ и всѣ пилигримства вообще (см. раннее средневѣковье) должны были вліять оживляющимъ образомъ на торговыя сношенія и которыя ознакомили европейцевъ съ новыми странами и ихъ продуктами,—лишь съ этого времени на Средиземномъ морѣ возникаютъ постоянныя (вмѣсто прежнихъ случайныхъ) торговыя сношенія между европейско-романско-христіанскимъ и арабско-магометанскимъ міромъ. Въ теченіе всей эпохи, обнимающей XII—XV ст. вплоть до открытія морского пути въ Индію, Средиземное море составляло торговый путь изъ сѣверо-итальянскихъ, а также каталонскихъ и южно-французскихъ прибрежныхъ городовъ въ страны Востока—Египетъ, Сирію и Палестину, Малую Азію, Византію, отчасти и сѣверную Африку и являлось, въ особенности благодаря правильно изъ года въ годъ отправляемымъ генуэзскимъ и венеціанскимъ, а позже и флорентинскимъ флотиліямъ, средствомъ снабженія Европы цѣнными произведеніями странъ Востока вплоть до Индіи и Китая включительно.

Другой торговый путь въ средніе вѣка составляли сѣверныя моря—Нѣмецкое и Балтійское, которыя соединяли восточныя страны—Русь и Польшу, Скандинавскій полуостровъ съ Англіей, Фландріей и Брабантомъ, причемъ здѣсь посредствующимъ звеномъ и центральнымъ мѣстомъ, подобно итальянскимъ городамъ на Средиземномъ морѣ, являлись сѣверо-германскіе города, вендскіе, померанскіе, лифляндскіе, прусскіе. Отъ нихъ шелъ путь съ одной стороны въ

Новгородъ и Псковъ, въ Бергенъ и Сконію, а съ другой стороны въ Брюгге и Лондонъ—во всѣхъ этихъ мѣстахъ Ганзейскій союзъ образовавшійся фактически уже въ XII—XIII вѣкѣ, а формально съ 1370 г., основалъ свои торговыя факторіи—конторы.

Связь между этими обоими морями, южнымъ и сѣвернымъ центромъ международной торговли, установилась первоначально посредствомъ происходившихъ въ герцогствѣ Шампань ярмарокъ, куда сходились народы сѣвера и юга для взаимнаго обмѣна своихъ продуктовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что еще и въ XII—XIII ст. существовало то взаимное недовѣріе при сношеніяхъ между иноплеменниками, которое является характернымъ для предыдущихъ эпохъ хозяйственной жизни, недовѣріе, покоившееся на реальныхъ фактахъ въ видѣ насильственныхъ дѣйствій, которымъ подвергались купцы, попадая на территорію другого народа, какъ со стороны государей, такъ и со стороны мѣстныхъ жителей [1]). Неудивительно при такихъ обстоятельствахъ, что купцы еще долго не соглашались ѣздить въ другія страны, не хотѣли рисковать своей жизнью и имуществомъ. Только на нейтральномъ мѣстѣ, не принадлежавшемъ никому въ отдѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодно расположенномъ въ географическомъ отношеніи, могли встрѣчаться купцы различныхъ племенъ и народовъ. Такимъ нейтральнымъ мѣстомъ, такой порубежной чертой являлось независимое графство Шампань, лежавшее между Германіей, Франціей и Италіей. Путь изъ Италіи въ Англію пересѣкалъ Шампань и точно также путь изъ Средиземнаго моря по Ронѣ велъ прямо въ это графство. Но еще важнѣе, чѣмъ въ географическомъ отношеніи, было нейтральное и въ политическомъ отношеніи положеніе Шампани. Оно было независимымъ отъ Франціи графствомъ и вслѣдствіе этого было свободно отъ тѣхъ войнъ, которыя въ эту эпоху разоряли Францію; являясь совершенно нейтральной почвой для всѣхъ сосѣднихъ народовъ, оно имѣло независимыя отъ Франціи сношенія съ другими странами—на югъ чрезъ Арелатъ, на сѣверъ чрезъ Верхнюю Лотарингію. Здѣсь-то шесть разъ въ году происходили ярмарки (въ связи съ церковными празднествами), чередуясь между собой, именно по двѣ въ Труа по верхней Сенѣ и въ Бри между Сеной и Марной (въ Провансѣ), и по одной въ Баръ на р. Объ и въ Ланьи на Марнѣ. Всѣ онѣ вмѣстѣ продолжались почти круглый годъ. Сюда-то и стекались караваны купцовъ со всѣхъ сторонъ—изъ Франціи, Италіи и Испаніи, Савои и Швейцаріи, Фландріи и Брабанта, Германіи и Англіи. Здѣсь итальянцы и купцы съ юга Франціи сбывали всѣмъ другимъ народамъ, въ особенности народамъ сѣверныхъ странъ, произведенія Востока въ обмѣнъ на фламандское и брабантское, позже и англійское сукно, на льняныя издѣлія южно-германскихъ городовъ, мѣха и другіе сырые продукты сѣвера.

Съ половины XII до половины XIV вѣка процвѣтали ярмарки Шампани, являясь посредниками между югомъ и сѣверомъ. Съ начала XIV вѣка соціальныя условія измѣнились, измѣнился и торговый путь и рынокъ—наступила новая эпоха въ исторіи торговли. Шампань перестала быть нейтральнымъ мѣстомъ, войдя въ составъ французской монархіи, такъ что и на Шампани отражались тѣ войны, которыя вели французскіе короли, въ особенности войны съ фламандскими герцогами и городами и столѣтняя война съ Англіей. Итальянцы и нѣмцы хотя и не принимали участія въ этихъ войнахъ, но сильно страдали отъ нихъ, такъ какъ не могли уже безпрепятственно привозить товары въ Шампань, и они старались найти другой путь для торговыхъ сношеній. Но если это было поводомъ къ установленію непосредственнаго торговаго обмѣна между различными народами, то сущность состояла въ томъ, что вообще потребность въ нейтральномъ мѣстѣ съ теченіемъ времени уменьшалась: чѣмъ чаще итальянцы, французы, фламандцы, нѣмцы встрѣчались въ Шампани, тѣмъ болѣе они при-

[1]) См. ниже, гл. III.

выкали къ мирнымъ торговымъ сношеніямъ съ чужеземцами, постепенно переставали смотрѣть на нихъ какъ на враговъ, въ свою очередь научались уважать права иноплеменниковъ—тѣмъ болѣе, что въ Шампани они были поставлены на равную ногу, всѣ пользовались одинаковыми правами и ни одному городу не отдавалось предпочтенія передъ другими. Въ связи съ этимъ и совершилась перемѣна: купцы стали ѣздить уже въ другія страны—нѣмцы въ Италію, итальянцы въ Германію, въ особенности же во Фландрію и Англію. Торговыя сношенія между сѣверомъ и югомъ направлялись теперь преимущественно черезъ Гибралтарскій проливъ и Бискайскій заливъ, установлены были ежегодные рейсы между Италіей и Фландріей. Такимъ образомъ, къ двумъ центральнымъ морскимъ путямъ—по Средиземному, Сѣверному и Балтійскому морямъ—присоединился и третій морской соединительный путь по Атлантическому океану: въ 1314 году (по Schaube, Histor. Zeitschr. 1908. H. 1. p. 37) первая венеціанская галера появляется въ гавани Анверъ (Антверпена) и вмѣстѣ съ тѣмъ таможенные доходы пяти ярмарокъ Шампани (Ланьи неизвѣстно) упали съ 8380 ливровъ въ 1296 г. до 1152 ливровъ въ 1340—41 г.г. [1]).

Рядомъ съ морскимъ путемъ сохранялся впрочемъ и путь по сушѣ, именно вдоль Рейна или же рѣчной по Рейну, которымъ направлялись товары изъ Италіи во Фландрію.

Онъ шелъ чрезъ Альпы и далѣе на Базель, Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Кобленцъ, Кельнъ и Утрехтъ, откуда отправлялись моремъ въ Англію, или же изъ Кельна далѣе на Аахенъ, Льежъ, Брюссель, Мехельнъ, Гентъ и Брюгге. Если путь совершался по Рейну, то прерывался на нѣсколько частей, вслѣдствіе того, что около Бингена не рѣшались проѣзжать въ виду скалъ и водоворота, а въ нижней части рѣки Кельнъ устроилъ свой штапель, требуя перегрузки товаровъ на кельнскія суда.

Въ Кельнѣ этотъ путь соединялся съ другимъ важнымъ путемъ, который шелъ съ запада на востокъ (чрезъ Вестфалію, Брауншвейгъ) на Гамбургъ въ Любекъ. Такимъ образомъ Любекъ и Гамбургъ были соединены съ Кельномъ и далѣе съ Брюгге.

Меньше значенія въ торговомъ отношеніи имѣлъ путь изъ Майнца на Франкфуртъ (на Майнѣ), Эйзенахъ или Гота, Эрфуртъ и Лейпцигъ, откуда (или изъ Галле) онъ шелъ дальше до Регенсбурга или же чрезъ Эрфуртъ, Арнштадтъ, Зоннебергъ въ Нюрнбергъ.

Наконецъ, изъ Нюрнберга и Регенсбурга, а равно изъ другихъ южногерманскихъ (въ томъ числѣ и австрійскихъ) городовъ шелъ важный торговый путь въ Италію, прежде всего въ Венецію, чрезъ Альпы.

Этотъ путь направлялся на Меммингенъ, мимо Боденскаго озера, чрезъ Хуръ, Меранъ, Тріентъ, Верону. Изъ альпійскихъ переходовъ существенное значеніе имѣлъ восточный—Бреннеръ, чрезъ который отправлялись, какъ изъ Венеціи, такъ и изъ Болоньи, Рима и Вероны, хотя путь между Стерцингомъ и Боценомъ былъ часто почти непроходимъ. Далѣе много ѣздили чрезъ Септимеръ, гдѣ о содержаніи удобнаго пути заботились хурскіе епископы (онъ шелъ на Хіавенну), съ начала XIII вѣка также чрезъ вновь открытый Сенъ-Готтардскій переходъ (здѣсь впервые былъ выстроенъ цѣпной мостъ изъ желѣза неизвѣстнымъ изобрѣтателемъ—удивительное для того времени явленіе, ибо желѣзные мосты появились лишь много вѣковъ спустя—Schulte. p. 110), который соединялъ Миланъ съ городами Боденскаго озера и направлялся далѣе къ сѣверу до Страсбурга и Фландріи; наконецъ пользовались и путемъ на Монъ-Сени (крутая тропинка) при путешествіяхъ изъ Италіи во Францію. Наоборотъ, Сенъ-Бернаръ, который также являлся обычнымъ переходомъ изъ Италіи во Францію, со времени открытія Сенъ-Готтарда потерялъ свое значеніе; Симплонъ, вслѣдствіе значительныхъ трудностей перехода, и Монъ-Женевръ также отступаютъ на второй планъ.

Среди городовъ этой эпохи въ качествѣ важныхъ рынковъ выдвинулись естественно тѣ, которые лежали у торговыхъ путей, т. е. прежде всего у Средиземнаго, Сѣвернаго и Балтійскаго морей, а затѣмъ расположенные у торговыхъ

[1]) Schulte. 165. 348. D'Avenel. 458.

трактовъ, прорѣзывавшихъ материкъ Европы. Но и изъ нихъ далеко не всѣ пріобрѣли одинаковое торговое значеніе. Географическое положеніе, въ особенности судоходность рѣки, приморское расположеніе у устьевъ рѣки или при впаденіи притока, или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было перейти рѣку въ бродъ (отсюда многочисленность городовъ, названія которыхъ оканчиваются на furt), либо тамъ, гдѣ измѣнялся уровень воды и совершалась перегрузка товаровъ [1]), обладанье гаванью, защищенной отъ бури и непогоды, далѣе наличность собственной промышленности, предпріимчивость жителей и ихъ умѣнье развить свое мореходство и судостроеніе,—все это уже съ самаго начала имѣло существенное значеніе, и вмѣстѣ съ политическими условіями независимости играло затѣмъ все болѣе существенную роль, вслѣдствіе чего одни города пріобрѣтали центральное торговое значеніе въ европейскомъ и европейско-левантійскомъ обмѣнѣ, другіе же въ лучшемъ случаѣ снабжали только себя да близлежащія мѣстности необходимыми продуктами, рѣзко выражая принципъ замкнутаго городского хозяйства и не выходя за предѣлы послѣдняго.

Такъ, напр., для Венеціи имѣло огромное значеніе ея островное положеніе („венеціанцы живутъ въ самой водѣ, во всемъ мірѣ нѣтъ народа столь пригоднаго для борьбы съ моремъ“—говоритъ апульскій лѣтописецъ XI ст.), притомъ у закрытаго съ трехъ сторонъ и глубоко врѣзывающагося здѣсь въ континентъ Европы Адріатическаго моря, благодаря чему Венеція, находясь у Средиземнаго моря, вмѣстѣ съ тѣмъ не испытывала всѣхъ тѣхъ неудобствъ, которыя доставляло открытое море; въ частности корабли, находившіеся въ ея гавани совершенно не чувствовали морскихъ бурь. Въ то же время изъ Венеціи прямой безпрепятственный путь велъ чрезъ устья р. Бренты, которая снабжала водами венеціанскія лагуны, въ Альпы и дальше къ сѣверу, такъ что „городъ лагунъ“ являлся естественнымъ посредникомъ между европейскими странами и моремъ. Отсюда, изъ Венеціи, и производились главныя торговыя сношенія по Средиземному морю. Ежегодно отправлялось нѣсколько флотилій въ важнѣйшіе торговые рынки [2]).

Такія же флотиліи по Средиземному морю отправляла и Генуя; и ей благопріятствовало мѣстоположеніе—въ наиболѣе сѣверной мѣстности западной части Средиземнаго моря, у врѣзывающагося въ материкъ залива, т. е. въ мѣстности наиболѣе близко находящейся къ центральной полосѣ Европы; съ послѣдней она соединялась нѣсколькими удобными альпійскими переходами, направлявшими движеніе къ морю, именно на Геную съ ея прекрасной морской гаванью.

Среди городовъ, являвшихся посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между западнымъ и восточнымъ міромъ, это два города—Венеція („второй Константинополь какъ называли“) и Генуя выдѣлялись своей силой и своимъ положеніемъ въ странахъ Востока, гдѣ имъ уже во время Крестовыхъ походовъ удалось пріобрѣсти значительныя владѣнія.

Генуя завладѣла частью Антіохіи и Лаодикіи, затѣмъ получила треть Арзуфа и Цезареи и часть Іерусалима, въ особенности же треть Акки, которая занимала центральное мѣсто въ левантійской торговлѣ, а впослѣдствіи пріобрѣла и владѣнія въ Триполисѣ и Кипрѣ (г. Фамагуста), Греціи (рядъ острововъ—Хіосъ, Самосъ, Никарія и др.) и наконецъ въ Крыму и у Чернаго моря, гдѣ Каффа составляла главную генуэзскую колонію и важный торговый пунктъ въ торговлѣ съ Персіей, Центральной Азіей и Китаемъ. Еще болѣе

---

[1]) Ср. Cons. Précis d'histore du commerce. I. 191.

[2]) Одна флотилія (изъ Венеціи) отправлялась въ Черное море; выходя изъ Венеціи между 8 и 20 Іюня, она раздѣлялась на три части—одна посѣщала гавани пелопоннезскаго побережья и приставала, затѣмъ къ Константинополю, другая направлялась къ южнымъ берегамъ Чернаго моря, въ Синопъ и Трапезундъ, третья шла въ сѣверномъ направленіи и заходила въ Тану и Каффу. Сирійскій флотъ отходилъ между 8 и 25 августа и на обратномъ пути (изъ Сиріи) заходилъ въ Кипръ, Кандію, Морею. Третья эскадра назначалась въ Александрію и прочія сѣверо-африканскія гавани и выходила изъ Венеціи въ сентябрѣ (Беръ. Ист. всем. торг. I. 163).

значительны были пріобрѣтенія венеціанцевъ. Послѣдніе захватили третью часть Сидона и Тира и благодаря этому наиболѣе укрѣпили свое положеніе въ Сиріи, сохраняя здѣсь свое могущество даже въ тѣ времена, когда во всѣхъ другихъ мѣстахъ оно было почти утрачено; а съ завоеваніемъ Константинополя крестоносцами въ 1204 г. за венеціанцами упрочилось первенство во вновь основанной Латинской имперіи, они получили (помимо предмѣстья Пера въ Константинополѣ) три восьмыхъ всей территоріи, такъ что владѣли теперь лучшими торговыми пунктами на протяженіи отъ Константинополя до Адріатическаго побережья.

Сравнительно съ Генуей и Венеціей, всѣ остальные города, итальянскіе, провансальскіе и каталонскіе играли лишь второстепенную роль въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, являлись „торговыми народами второго и третьяго разряда", какъ ихъ называетъ Гейдъ.

Такъ г. Амальфи, который едва ли не ранѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ городовъ вступилъ въ торговыя сношенія съ Сиріей, Палестиной и Египтомъ, уже въ 1130 г. потерялъ свою самостоятельность, а въ 1135 г. лишился своего флота: конкурренты амальфитянъ—пизанцы произвели внезапное нападеніе на городъ, захватили его, уничтожили флотъ и совершенно разграбили жителей. Если отъ величія Амальфи скоро остались лишь незначительные слѣды, то и торжество его соперницы—Пизы продолжалось не долго, ибо происходившая съ XII вѣка почти безпрерывная борьба съ Генуей—и Пиза и Генуя стараются вытѣснить другъ друга изъ Сиріи и Палестины, поджигаютъ факторіи, грабятъ товары—привела ее къ упадку и закончилась битвой при островѣ Мелоріи въ 1284 г., которая оказалась роковой для Пизы: 33 галеры и 10 тыс. человѣкъ были захвачены генуэзцами, а въ 1290 г. послѣдніе разрушили ея гавань Портопизано и засыпали устья Арно. Флоренція долгое время являлась лишь промышленнымъ (суконная, шелковая промышленность), но не торговымъ центромъ, не имѣя ни собственной гавани, ни флота, и будучи вынуждена, вслѣдствіе этого, отправлять свои шерстяныя ткани чрезъ посредство Генуи, Анконы и въ особенности Венеціи. Лишь съ начала XV вѣка, послѣ того какъ Флоренція овладѣла Пизой и пріобрѣла ея гавань Ливорно, она рѣшила построить собственный флотъ и самостоятельно вступить въ торговыя сношенія со странами Востока, требуя, въ качествѣ преемницы Пизы, передачи ей всѣхъ тѣхъ владѣній, которыми прежде, до утраты своего торговаго могущества, обладала Пиза. Континентальные сѣверо-итальянскіе города имѣли значеніе лишь для внутренней европейской торговли (Миланъ, Піаченца), въ особенности для денежной торговли (Лукка, Сіена, Римъ). Что же касается, наконецъ, расположенныхъ у Средиземнаго моря каталонскихъ (аррагонскихъ) городовъ—среди нихъ на первомъ мѣстѣ стояла Барселона—и южно-французскихъ, изъ коихъ Монпелье, Марсель и Нарбонна находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, то ихъ вліяніе на Востокѣ было совсѣмъ незначительно. Въ Трапезундѣ уже съ конца XIII вѣка не встрѣчаемъ никого, кромѣ венеціанцевъ, генуэзцевъ и флорентинцевъ—ни каталонскихъ купцовъ, ни купповъ изъ Лангедока или Прованса, а съ конца XIV вѣка провансальцы исчезаютъ изъ Византіи, прекращаются торговыя сношенія Франціи и съ Египтомъ. Вообще „довольно невзрачный видъ имѣли двѣ французскія галеры, отправлявшіяся на Востокъ, рядомъ съ венеціанскими и генуэзскими эскадрами". Въ XV вѣкѣ испанской торговли уже совсѣмъ не было, лишь многочисленныя суда каталонскихъ пиратовъ наводили страхъ на мореплавателей и прибрежныхъ жителей въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ.

Торговля между Западной Европой и странами Востока сосредоточивалась, такимъ образомъ, въ сущности въ рукахъ двухъ городовъ — Венеціи и Генуи (въ XIV ст. и Флоренціи), сосредоточивалась благодаря тому, что эти города не ограничивались отправкой торговыхъ эскадръ на Востокъ, но одновременно съ этимъ посылали торговыя флотиліи и въ страны Запада—Фландрію, Англію, сѣверную Францію, снабжая ихъ произведеніями Востока и становясь единственными посредниками въ этомъ обмѣнѣ между двумя частями свѣта. Тѣ же итальянцы, устроивъ факторіи во всѣхъ этихъ странахъ, держали въ своихъ рукахъ и денежныя и банковыя операціи.

Когда проходъ венеціанскихъ и генуэзскихъ судовъ чрезъ Гибралтаръ былъ затрудненъ, вслѣдствіе нападеній пиратовъ, во Фландріи сильно поднимались цѣны на пряности и благовонія Востока, и многихъ товаровъ, привозимыхъ оттуда, невозможно было достать, ибо нидерландскіе купцы

сами не посѣщали Средиземнаго моря. Съ половины XV вѣка среди семи рейсовъ установленныхъ для флорентинской эскадры, было опредѣлено и ежегодное плаваніе во Фландрію и Англію. Значеніе итальянцевъ въ Англіи было настолько велико, что одна угроза генуэзскихъ галеръ въ 1434 г. уѣхать обратно заставила короля стать на ихъ сторону въ ихъ спорѣ съ таможенными властями; пользуясь широкими привилегіями въ Англіи, итальянцы въ тоже время не допускали англійскихъ купцовъ въ Средиземное море: генуэзцы грабили появлявшіеся тамъ англійскіе корабли.

Среди всѣхъ западно-европейскихъ странъ одна лишь Германія составляла исключеніе, хотя и не въ томъ смыслѣ, чтобы она обходилась безъ посредничества итальянскихъ городовъ, а въ томъ отношеніи, что—въ противоположность всѣмъ другимъ странамъ — нѣмцы не получали отъ итальянцевъ произведенія Востока, а сами пріѣзжали за ними, частью въ Брюгге, куда прибывали итальянскія галеры, частью же и прежде всего, сухимъ путемъ въ Венецію.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ венеціанцы и генуэзцы начали посѣщать Фландрію и Англію, обходя ярмарки Шампани, и нѣмцы, которые только ради нихъ туда и пріѣзжали, стали ѣздить въ Венецію, не боясь теперь уже болѣе отправляться въ чужія страны ради непосредственныхъ сношеній; это избавило южную германію отъ того захвата торговли итальянцами и монополизаціи ея ими, которую мы наблюдаемъ во всѣхъ другихъ странахъ. Значеніе Венеціи отъ этого еще болѣе усилилось: она стала центромъ международной торговли (emporium orbis, какъ ее называетъ Петрарка) стала постояннымъ рынкомъ, на которомъ обмѣнъ совершался въ теченіе всего года. Здѣсь, на Ріальто и на вымощенной площади св. Марка, гдѣ находились городскіе вѣсы, на колоннадѣ собирались купцы (зачатки биржи) и „безъ шуму, безъ споровъ, безъ словъ, какъ бы одними кивками головы заключались всѣ торговыя операціи города или, вѣрнѣе, всего міра“, и только банкротство какого-либо купца, возвѣщаемое сильными стуками по его кассѣ, прерывало эту тишину (Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. I. 72—3).

Желая монополизировать въ своихъ рукахъ весь торговый обмѣнъ между Западомъ и Востокомъ, Венеція однако не могла и нѣмцамъ дозволить ѣздить дальше на Востокъ и пріобрѣтать товары помимо адріатической республики, ибо на Адратическое море она смотрѣла какъ на свою собственность, стараясь провозглашенную ею теорію о единовластіи Венеціи у Адріатическаго моря превратить въ дѣйствительность. „Нѣмецкій купецъ, пріѣзжавшій въ Венецію,—говоритъ Шульте—находился уже въ морѣ, онъ плавалъ на гондолахъ въ соленой водѣ, но дальше, въ открытое море его все таки не пускали—здѣсь его иниціатива встрѣчала преграду, здѣсь его предпріимчивости былъ положенъ предѣлъ“ (Schulte. I. 354—5).

Обѣщая нѣмецкимъ купцамъ всевозможныя льготы, которыми они не пользовались въ Венеціи, въ особенности же возможность путешествій по Средиземному морю, генуэзцы старались отвлечь ихъ отъ посѣщенія Венеціи. Но если Венеція называла фондако (торговое подворье) нѣмецкихъ купцовъ „optimo membro di questa sita“ (лучшимъ членомъ города), а отсутствіе нѣмецкихъ купцовъ считала крайне пагубнымъ для себя, „ибо для вывоза товаровъ, привозимыхъ въ большомъ количествѣ, мало путей изъ фондако“,—то и нѣмецкіе города, несмотря на троекратное запрещеніе имп. Сигизмунда торговать съ Венеціей и на всевозможныя стѣсненія, оставались ей вѣрны, и видя безплодность своихъ запрещеній, императоръ вынужденъ былъ ихъ отмѣнить (Stieda. Hans.—venet. Handelsbez.).

Соперничество генуэзцевъ и венеціанцевъ между собою въ вопросѣ о привлеченіи нѣмецкихъ купцовъ въ свои стѣны являлось лишь частичнымъ выраженіемъ той постоянной борьбы, которая происходила между ними, въ особенности въ странахъ Востока, ибо было бы весьма ошибочно полагать, что веноціанцы и генуэзцы, захвативъ въ свои руки левантійскую торговлю, мирно уживались другъ съ другомъ. Подобно тому, какъ Пиза уничтожила Амальфи, Генуя и Флоренція—Пизу, такъ Венеція и Генуя вели непрерывную борьбу за первенство въ торговлѣ, разрушали укрѣпленія, блокировали гавани, жгли суда и грабили товары взаимно, а византійскій императоръ пользовался этой враждой и нерѣдко тайно возбуждалъ венеціанскія и генуэзскія факторіи другъ противъ друга.

Особенно усилилась эта вражда съ начала XIII вѣка, когда возгорѣлась кровопролитная колоніальная война между обоими городами, охватившая

всю Сирію и все Средиземное море и прекратившаяся лишь тогда, когда общій непріятель—сарацины, успѣли уже захватить Антіохію и Триполисъ и направлялись къ главному оплоту крестоносцевъ — Акрѣ; послѣдній палъ въ 1291 г. и вина въ томъ, что основанныя крестоносцами государства снова очутились въ рукахъ сарацинъ, въ значительной мѣрѣ падаетъ на итальянскихъ купцовъ съ ихъ безграничной жадностью и взаимной завистью,—какъ говорятъ современники. Впрочемъ потеря Сиріи ихъ ничему не научила, вражда продолжалась и въ послѣдующія столѣтія и носила тотъ же острый характеръ (Heyd). Но вытѣснить имъ другъ друга нигдѣ не удавалось и если въ однихъ мѣстностяхъ преобладаніе въ торговлѣ принадлежало временно венеціанцамъ, въ другихъ—генуэзцамъ, то повсюду все-таки и тѣ и другіе сохраняли торговыя связи; сравненія съ финикіанами, съ морскими разбойниками, эпитеты вродѣ „жаба, морская змѣя, болотная лягушка", примѣняемыя архіепископомъ Тессалоники къ адріатической республикѣ, вслѣдствіе ея самовластія, эксплоатаціи населенія въ Византіи, погони за наживой,—столь же примѣнимы и къ ея постоянной соперницѣ—Генуѣ.

Весьма выгоднымъ въ географическомъ отношеніи расположеніемъ пользовались и прибрежные ганзейскіе города. Изъ внутренней Германіи, по рѣкамъ идущимъ параллельно съ юга на сѣверъ, Везеру, Эльбѣ, Одеру, Вислѣ товары транспортировались внизъ къ морю, откуда они уже доставлялись ганзейцами въ другія страны. И точно также привозимые моремъ товары шли изъ приморскихъ городовъ вверхъ по теченію рѣкъ внутрь страны. Тамъ, гдѣ морской берегъ образуетъ уголъ, гдѣ онъ сильнѣе врѣзывается въ континентъ и гдѣ этотъ уголъ вмѣстѣ съ тѣмъ является устьемъ рѣки, тамъ естественно концентрируется торговый обмѣнъ. Поэтому то Гамбургъ на Эльбѣ, Штеттинъ на Одерѣ, Данцигъ на Вислѣ находились въ особенно выгодномъ положеніи— они являлись послѣдними складочными пунктами для вывозимыхъ изъ Германіи и первыми для привозимыхъ туда товаровъ. Здѣсь рѣчныя суда замѣнялись морскими и здѣсь штапельное право, т. е. право останавливать проѣзжающія суда и заставлять ихъ перегружать товары и сбывать ихъ мѣстнымъ купцамъ, имѣло свои чисто физическія основанія. Они вмѣстѣ съ Любекомъ, расположеннымъ у наиболѣе глубоко врѣзывающагося въ континентъ пункта юго-западной части Балтійскаго моря, играли первую роль среди ганзейскихъ городовъ. Менѣе выгодно было положеніе ганзейскихъ городовъ, лежавшихъ вверхъ по рѣкѣ, но рѣчной путь, направлявшійся къ морю и соединявшій внутреннія области Германіи съ послѣднимъ, доставлялъ и имъ возможность дѣятельнаго участія въ торговомъ обмѣнѣ на сѣверныхъ моряхъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда измѣненіе въ быстротѣ теченія или уровнѣ воды вызывало необходимость перегрузки товаровъ на другія суда или же сухопутная дорога подходила къ рѣкѣ и товары съ возовъ перегружались на корабли; во всѣхъ этихъ случаяхъ городъ могъ осуществлять свое штапельное право не хуже чѣмъ при расположеніи у моря или у устья рѣки. Отсюда торговое значеніе такихъ ганзейскихъ городовъ, какъ Кельнъ на Рейнѣ, Магдебургъ на Эльбѣ, Франкфуртъ и Бреславль на Одерѣ—они всѣ находились въ такомъ положеніи. Если сюда еще прибавимъ такіе приморскіе города, какъ Ростокъ, Стральзундъ, Висмаръ, Бременъ, то будемъ имѣть всѣ важнѣйшіе ганзейскіе города, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ торговлю на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ.

Повсюду на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ ганзейцамъ удалось стать твердой ногой—въ Англіи, гдѣ они вывозили изъ Бостона (въ послѣдней четверти XIV вѣка) 76 проц. всего экспортируемаго оттуда сукна; во Фландріи, гдѣ ганзейская контора въ Брюгге представляла собою —по выраженію ганзейцевъ— „складочное мѣсто, на которомъ преимущественно зиждется нѣмецкая Ганза"; въ Скандинавскихъ государствахъ, гдѣ—по словамъ короля Густава Ваза—мѣстные купцы превратились въ „факторовъ и маклеровъ", состоящихъ на службѣ у ганзейцевъ; наконецъ, въ Новгородѣ, гдѣ ганзейская контора являлась „тѣмъ живымъ источникомъ, изъ котораго образовались всѣ остальныя": въ Новгородѣ— говорили ганзейцы—„легче всего и при небольшомъ капиталѣ стать человѣкомъ".

Во всѣхъ этихъ странахъ имъ удалось добиться широкихъ вольностей, благодаря которымъ они, оттѣсняя отъ торговли мѣстныхъ и другихъ иноземныхъ купцовъ, а нерѣдко и дѣйствуя насиліемъ противъ другихъ иностранцевъ (напр., въ отношеніи англичанъ, пріѣзжавшихъ въ Норвегію или Данію, голландцевъ, отправлявшихся въ Балтійское море), забрали всю торговлю между сѣверными странами въ свои руки и не терпѣли въ ней никакихъ конкурентовъ. Но требуя для себя всевозможныхъ привилегій, въ Англіи, Фландріи, скандинавскихъ государствахъ, Новгородѣ, они въ то же время вовсе не думали предоставлять англичанамъ, фламандцамъ и другимъ народамъ въ свою очередь такія же права въ ганзейскихъ городахъ: не принадлежавшіе къ союзу купцы не могли ни пріѣзжать въ ганзейскіе города, ни вступать въ компанію съ тамошними купцами или пріобрѣтать у нихъ товары и корабли.

Въ противоположность торговлѣ на Средиземномъ морѣ, сосредоточенной въ рукахъ двухъ-трехъ городовъ, которые находятся въ непрерывной борьбѣ какъ между собой, такъ и съ другими городами, желающими вступить въ непосредственный обмѣнъ съ Востокомъ,—на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ торговля велась Ганзейскимъ союзомъ (онъ назывался „der gemeine deutsche Kaufmann“, communis mercator), образовавшимся изъ ряда отдѣльныхъ договоровъ и военныхъ предпріятій нѣмецкихъ городовъ и состоявшимъ въ XIV—XV ст. изъ свыше 70 городовъ—вендскихъ, померанскихъ, саксонскихъ, вестфальскихъ, прусскихъ, лифляндскихъ. Однако, уже изъ приведенныхъ выше указаній видно, что изъ этого числа лишь немногіе города играли роль въ торговомъ обмѣнѣ на сѣверныхъ моряхъ, тогда какъ значеніе остальныхъ было второстепенное и даже третьестепенное. Самую сплоченность ганзейскихъ городовъ не слѣдуетъ преувеличивать; когда Ганза, не желая, чтобы за неправильныя дѣйствія однихъ городовъ въ другихъ странахъ, привлекали къ отвѣту и другіе города, заявляла, что она не есть организованный союзъ—societas, collegium, а лишь конфедерація городовъ съ цѣлью охраны и регулированія торговли и мореходства, то это въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Наибольшую солидарность города проявляли во внѣ, въ сношеніяхъ съ другими странами, во время пребыванія на чужбинѣ, въ Лондонѣ, Брюгге, Новгородѣ, и основнымъ положеніемъ союза было пріобрѣтеніе одинаковыхъ привилегій для всѣхъ членовъ, не допуская, чтобы отдѣльные города или купцы пользовались особыми, не принадлежащими другимъ, преимуществами. Однако, уже въ борьбѣ за пріобрѣтеніе этихъ привилегій отдѣльные города, заинтересованные въ нихъ менѣе другихъ, отказывались принимать участіе: Кельнъ, Люнебургъ, Дортмундъ, не лежавшіе у моря, не интересовались вопросами мореплаванія и не соглашались нести расходовъ на морскія войны (почти ни одна война не велась всѣми городами вмѣстѣ), на преслѣдованіе пиратовъ, на различныя заморскія предпріятія; прусскіе города вообще находили для себя убыточнымъ давать значительныя суммы въ общихъ интересахъ. Отдѣльные города, вслѣдствіе этого выходили изъ союза (напр., Бреславль, Кульмъ, Галле), другіе, въ особенности Кельнъ, рѣшительно проводили принципъ, что городъ не обязанъ подчиняться рѣшенію сейма, если это не соотвѣтствуетъ его собственнымъ выгодамъ, и прусскіе города, несмотря на запрещеніе сеймовъ, продолжали по прежнему строить суда для иностранцевъ. Самыхъ сеймовъ, на которыхъ рѣшались всѣ важнѣйшіе вопросы, было немного—съ 1363 г. (первый сеймъ) до конца XV вѣка менѣе 50 (съ 1400—1440 г. всего 12, а съ 1440 г. до 80-хъ г.г. XV в. всего 7), изъ нихъ большинство въ Любекѣ, причемъ большею частью присутствовали представители всего 10—20 городовъ.

Было бы ошибочно также предполагать, что внутри ганзейскаго союза купцы различныхъ городовъ пользовались одинаковыми правами. Ганзейская контора въ Бергенѣ находилась въ рукахъ вендскихъ городовъ и попытки другихъ группъ городовъ принять участіе въ управленіи ея, оказывались

безуспѣшными, и точно также Висби и Любекъ не допускали прусскихъ городовъ въ составъ организаціи новгородской конторы, да и лифляндскіе города не пользовались тамъ равноправнымъ положеніемъ. Еще болѣе обнаруживалась отчужденность городовъ между собою на родинѣ, гдѣ проводилось строгое разграниченіе между горожанами и купцами другихъ ганзейскихъ городовъ, и послѣдніе пользовались лишь немногими преимуществами по сравненію съ „гостями“ (т. е. неганзейцами), а въ прусскихъ и лифлядскихъ городахъ въ XV в. даже ставились на равную ногу съ послѣдними. Борьба между городами выражалась особенно ярко въ штапельномъ правѣ, изъ за котораго города, лежавшіе на одной и той же рѣкѣ, нерѣдко вели между собой ожесточенную борьбу, не желая пропускать провозимые товары къ морю. Въ результатѣ и на сѣверныхъ моряхъ лишь нѣсколько городовъ, на первомъ планѣ вендскіе города съ Любекомъ во главѣ, составлявшіе центръ союза и шедшіе рука объ руку, вслѣдствіе однородности ихъ интересовъ, а вовсе не весь ганзейскій союзъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ торговый обмѣнъ, подобно Генуѣ и Венеціи на Средиземномъ морѣ (Daenell, II. 293—300. 311—13. 392).

Вліяніе итальянцевъ и ганзейцевъ въ торговлѣ было одинаково и въ другомъ отношеніи: монопольныя ихъ стремленія привели къ тому, что большинство европейскихъ странъ не въ состояніи было вести самостоятельную торговую политику, не играло активной роли въ торговлѣ; въ этихъ странахъ если и возникли всетаки торговые города и рынки, то они были весьма немногочисленны—во всей Англіи въ половинѣ XIV ст. имѣлось не болѣе 170 богатыхъ купцовъ—существовали лишь тамъ, гдѣ появлялись итальянцы и ганзейцы и имѣли значеніе въ торговлѣ лишь постольку, поскольку послѣдніе ихъ посѣщали; наконецъ, во многихъ случаяхъ мѣстные купцы на нихъ почти не фигурировали вовсе. Такою пассивною ролью вынуждены были довольствоваться и Новгородъ и Псковъ; и Скандинавскія страны съ ганзейскими рынками—Бергеномъ, Сконіей, и съ второстепенными портами—Стокгольмомъ, Копенгагеномъ (=Kaufmannshafen, т. е. купеческій портъ); и Англія съ Лондономъ и Гуллемъ, центрами итальянской и ганзейской торговли, и т. наз. южными „пятью портами“, изъ которыхъ выдвинулись Сандвичъ, Портсмутъ и Саузгемптонъ, куда приставали венеціанскія и генуэзскія галеры, наконецъ, Дублиномъ, который одинъ только изъ шотландскихъ городовъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ нидерландскими гаванями; наконецъ Нидерланды, которые также не имѣли самостоятельной торговли,—лишь благодаря тому, что въ Брюгге сосредоточивался обмѣнъ сѣверной части Европы, что тамъ устроили свои факторіи венеціанцы, флорентинцы, генуэзцы, съ одной стороны, ганзейцы, съ другой стороны, и Брюгге сталъ „маклеромъ христіанскихъ народовъ“, Фландрія сыграла важную роль въ средневѣковой торговлѣ.

Несмотря на нѣкоторую отдаленность Брюгге отъ морского берега, съ которымъ онъ былъ соединенъ небольшимъ искусственнымъ водянымъ путемъ, что вызывало необходимость перегрузки товаровъ и ставило его въ менѣе выгодное положеніе по сравненію съ городами, лежавшими какъ бы у самой периферіи морскихъ волнъ и являвшимися непосредственной цѣлью морскихъ судовъ, какъ напр., Лондонъ или Антверпенъ,—несмотря на это жители г. Брюгге могли съ гордостью заявлять, что „Фландрія—это истина безспорная и очевидная—есть страна коммерческая, которую посѣщаютъ купцы самыхъ различныхъ націй“ и Брюгге въ XIV—XV ст. считался знаменитѣйшимъ городомъ міра по числу привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ.

По своему торговому значенію, Брюгге обнаруживаетъ большое сходство съ Венеціей, ибо оба города являлись центрами и притомъ едва ли не единственными центрами международной торговли,—одинъ сѣвернымъ, другой южнымъ—замѣнившими собою ярмарки Шампани,—центрами, гдѣ происходилъ торговый обмѣнъ не періодически только, а въ теченіе всего года. Но при всемъ сходствѣ бросается въ глаза и огромное различіе: фламандскіе купцы никогда не устраивали факторій въ другихъ странахъ и переставъ посѣщать ярмарки Шампани, они, не имѣя торговаго флота, не играли болѣе активной роли въ торговлѣ, а получали товары изъ другихъ странъ отъ итальянцевъ и ганзейцевъ, отчасти отъ кастильскихъ и португальскихъ купцовъ. Мало того, въ то время, какъ итальянцы не допускали непосредственныхъ сношеній между иностранными купцами, пріѣзжавшими

въ Италію, жители Брюгге ограничивались посреднической функціей маклеровъ въ торговыхъ сношеніяхъ между купцами различныхъ національностей, пріѣзжавшими въ Брюгге, совершенно не стѣсняяя, слѣдовательно, иноземныхъ купцовъ въ ихъ торговыхъ операціяхъ; и въ этомъ отношеніи они сохранли нейтральный характеръ ярмарокъ Шампани.

Мало развита была и активная торговая дѣятельность французскихъ городовъ, ибо и здѣсь торговля, какъ товарная, такъ и денежная, находилась преимущественно въ рукахъ итальянцевъ (рядомъ съ ними играли значительно менѣе важную роль ассоціаціи мѣстныхъ торговцевъ, распространявшія свою дѣятельность на цѣлыя рѣчныя системы и провинціи). Въ лицѣ Жака Кера, посылавшаго 7 кораблей изъ Монпелье на Востокъ въ Египетъ, Сирію, Киръ, впервые выступилъ въ серединѣ XV вѣка на сцену крупный французскій коммерсантъ (современники оцѣнивали его имущество въ милліонъ экю или 11 милл. фр. на нынѣшнія деньги); но все же, при всемъ своемъ могуществѣ, онъ былъ единственнымъ, и онъ лишился милости французскаго короля, прекратился и кратковременный расцвѣтъ французской торговли на Востокѣ. Монпелье Нарбонна, Марсель (послѣдній на пути къ долинѣ Роны, и на морскомъ пути изъ южной Италіи въ Испанію) не могли сравниться по своему значенію съ итальянскими городами.

Значительную роль игралъ только Бордо въ устьѣ Жиронды (торговля виномъ), Нантъ, Руанъ (всѣ они пользовались тѣмъ же выгоднымъ въ торговомъ отношеніи географическимъ положеніемъ, какъ Антверпенъ, Гамбургъ, Штеттинъ), въ особенности же Парижъ, расположенный на пути изъ долины Роны къ Сѣверному морю и въ Англію и отъ средняго Рейна въ сѣверную Испанію; между тѣмъ путь къ востоку отъ бассейна Сены и Оазы встрѣчалъ многочисленныя естественныя препятствія, сѣверо-восточное побережье не имѣло портовъ, а берегъ къ сѣверу отъ устьевъ Сены изобиловалъ мелями и скалами [1]).

Въ XIV вѣкѣ и въ особенности первой половинѣ XV выдвинулась Женева со своими ярмарками, замѣнившими отчасти ярмарки Шампани и; занимая столь же выгодное географическое положеніе какъ и послѣднія, женевскія ярмарки стали важнымъ торговымъ центромъ для южной части Европы—Италіи, Франціи и южной Германіи, пока къ концу XV вѣка они не уступили свое мѣсто возникшимъ неподалеку (и находившимся въ столь же благопріятномъ положеніи) ліонскимъ ярмаркамъ.

Изъ германскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) городовъ внутри континента на первомъ планѣ стоятъ прирейнскіе, мимо которыхъ шелъ путь изъ Италіи во Фландрію—Вормсъ, Страсбургъ, Шпейеръ (Майнцъ менѣе выдвигался); далѣе Франкфуртъ на Майнѣ, ярмарки (первая нѣмецкая международная ярмарка) котораго посѣщались въ концѣ XIV вѣка купцами всей юго-западной, позже и сѣверной Германіи (франкфуртская ярмарка являлась платежнымъ срокомъ для купцовъ юго-запада Германіи) отчасти и итальянцами; въ особенности же („святой“) Кельнъ, который, благодаря своему выгодному географическому положенію, являлся конечнымъ пунктомъ для транспортовъ вверхъ и внизъ по Рейну.

Въ Кельнѣ, гдѣ важнѣйшій водный путь внутренней Европы, Рейнъ, перекрещивался съ путемъ изъ Брюгге въ Любекъ, создалось естественное штапельное право на лѣсъ, соль, рыбу, медъ, въ особенности же вино, доставляемое Кельномъ съ верхняго Рейна въ Нидерланды и Англію (фламандцы не допускались вверхъ по Рейну); Кельнъ установилъ и непосредственныя сношенія съ Венеціей и Парижемъ. Въ XV вѣкѣ однако торговля Кельна падаетъ: ежегодные доходы съ акциза на привезенное вино сокращаются съ 24 тыс. (въ 1432—51 гг.) до 14—16 тыс. (въ 1452—76 гг.), еженедѣльные съ акциза на сукно (откупъ) съ 150 мар. (съ 1387—89 гг.) до 45 мар. (1429—50 гг.) какъ и доходъ съ пошлинъ на металлы, южные плоды, воскъ и т. п.

[1]) Götz. 521—24 (28).

Среди южно-германскихъ городовъ выдвинулись въ качествѣ крупныхъ торговыхъ центровъ тѣ, которые находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ международнымъ рынкомъ—Венеціей. Таковы были Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Констанцъ, Базель, Вѣна, откуда отправлялись купеческіе караваны въ Венецію; вмѣстѣ съ тѣмъ эти города имѣли свою промышленность, производившую для экспорта. Таковъ былъ и Цурцахъ, гдѣ (на открытомъ мѣстѣ, во время церковныхъ празднествъ) происходила въ XV ст. международная ярмарка, обмѣнъ произведеній различныхъ странъ (См. Herzog. Die Zurzacher Messen. 1898).

Нюрнбергъ производилъ для вывоза металлическія издѣлія, Констанцъ—холстъ, Ульмъ и Аугсбургъ—бумажныя ткани, Базель—сукно. Кромѣ баварскихъ, швейцарскихъ, австрійскихъ городовъ (они перечислены у Симонсфельда—Fondaco dei Tedeschi) въ торговлѣ съ Венеціей принимали участіе также Прага (здѣсь имѣлся даже публичный домъ подъ названіемъ „Венеція"), Краковъ, Львовъ и т. д. При этомъ Аугсбургъ, Ульмъ, Базель лежали въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ поворотъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Прага, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ островъ на рѣкѣ облегчаетъ переходъ чрезъ нее. Роль этихъ городовъ въ европейской торговлѣ заключалась преимущественно въ снабженіи южной и сѣверной Германіи привезенными изъ Венеціи левантійскими товарами, а также собственными промышленными издѣліями. Нюрнбергъ въ XV ст. однако пошелъ еще дальше, направивъ свою торговую дѣятельность и въ Польшу, Богемію, Венгрію, въ особенности же въ прусскіе и лифляндскіе города, Любекъ, Фландрію и Брабантъ гдѣ нюрнбергскіе купцы пріобрѣли различныя привилегіи и стали непріятными конкуррентами для ганзейцевъ (Daenell, II. 268–80). Нюрнбергъ—центръ Европы, благодаря своей торговлѣ, говорилъ о немъ астрономъ XV вѣка Мюллеръ, который тамъ и поселился по этой причинѣ.

Между торговыми городами, съ одной стороны, и ярмарочными пунктами, съ другой стороны, есть повидимому, какъ это указано было въ послѣднее время, значительное различіе. Торговые города имѣютъ собственное купечество, ведущее активную торговлю съ другими городами и странами и посѣщающее различныя ярмарки и рынки; но ярмарки въ этихъ городахъ не устраиваются и пріѣзжающіе къ нимъ иногородніе и иностранные купцы подвергаются всевозможнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, ибо они не должны конкуррировать съ мѣстными купцами. Таковы напр., Генуя, Венеція, Любекъ, Гамбургъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Марсель, Монпелье. Въ противоположность имъ, ярмарочные пункты активной роли въ торговлѣ не играютъ, собственнаго купечества у нихъ нѣтъ. Благодаря особымъ привилегіямъ, которыя предоставляются иностранцамъ, благодаря особо выгодному центральному географическому положенію въ отношеніи другихъ странъ, они привлекаютъ къ себѣ иностранныхъ купцовъ, которые здѣсь встрѣчаются и производятъ обмѣнъ товаровъ между собой; мѣстные же жители ограничиваются лишь вспомогательной къ торговлѣ дѣятельностью, выступая въ качествѣ маклеровъ, экспедиторовъ, грузчиковъ, иногда и мѣнялъ, при стекающихся на ярмарку иностранныхъ купцахъ. Такой характеръ имѣла торговля въ Шампани, а по прекращеніи этихъ ярмарокъ, въ Брюгге, Франкфуртѣ на Майнѣ, Женевѣ, Цурцахѣ, позже въ Ліонѣ, Лейпцигѣ и Антверпенѣ.

По сравненію съ этими ярмарками, имѣвшими международное значеніе, объединявшими купцовъ нѣсколькихъ странъ, отступаютъ на второй планъ прочія средневѣковыя ярмарки болѣе мѣстнаго характера. Такова ярмарка въ Нердлингенѣ, имѣвшая значеніе для Швеціи и Баваріи, въ Страсбургѣ, въ Боценѣ (Тироль); фламандскія ярмарки въ Туру, Ипрѣ, Лилль, Гехтѣ; изъ англійскихъ—ярмарки въ Вестминстерѣ, Стербриджѣ, изъ французскихъ—Сенъ-Дени около Парижа (онѣ назывались foires de Lendit). См. Warnkönig. Flandrische Staats- und Rechtsgeschichte. B. II. Bückling. Die Bozener Märkte bis zum dreissigjähr. Kriege. 1907. Schulte. Handel und Verkehr. etc. Häpke. Brügges Entwickl. 1908. Huvelin. Hist. du droit etc. Borel. Les foires de Genéve au XV s. 1892.

ГЛАВА II.

Объекты торговли, размѣры ея; пути сообщенія.

Какъ мы установили въ предыдущихъ главахъ, господствующимъ въ позднее средневѣковье является принципъ замкнутаго городского хозяйства. Этотъ принципъ является по своему существу враждебнымъ всякому развитію торговой дѣятельности. Изъ него вытекаетъ, что огромное большинство средневѣковыхъ городовъ никакой торговой политики не вело и вести не могло, или, по крайней мѣрѣ, ихъ хозяйственная политика была торговой политикой лишь въ томъ смыслѣ, что она затрагивала и торговлю, стѣсняла ее, старалась ее элиминировать. Въ сущности же это была лишь промышленная политика, ибо, будучи направлена къ покровительству городскимъ промысламъ, она всячески препятствовала какъ привозу произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій, такъ и сбыту городскихъ промышленныхъ произведеній не-ремесленниками (торговцами), а равно стѣсняла вывозъ производимаго въ окрестныхъ селахъ хлѣба въ другія мѣстности, требуя привоза его исключительно на городской рынокъ. Этотъ характеръ средневѣковаго экономическаго строя въ качествѣ замкнутаго городского хозяйства подтверждается при разсмотрѣніи тѣхъ категорій товаровъ, которые фигурировали какъ объекты торговаго обмѣна.

На первомъ планѣ среди нихъ стояли сырыя произведенія Востока: пряности, благовонія, красильныя вещества, южные плоды,—главные предметы торговли на Средиземномъ морѣ; къ нимъ присоединялись и нѣкоторыя промышленныя издѣлія Востока—шелковыя и бумажныя ткани, стеклянные предметы и т. п.

Пряности—перецъ, имбирь, гвоздика, мускатный цвѣтъ и мускатный орѣхъ, корица, кардамонъ и др. привозились арабами съ Малабарскаго побережья (въ Индіи), Зондскихъ и Молукскихъ острововъ, на рынки Малой Азіи и Египта (Бейрутъ, Тавриза, Тана, Трапезунтъ, Александрія и др.) и здѣсь закупались итальянскими купцами. Въ виду ихъ разгорячающаго и возбуждающаго дѣйствія, они потреблялись въ Европѣ, какъ въ качествѣ лекарственныхъ снадобій (согрѣвающее средство, облегчающее пищевареніе и т. д.), такъ и въ видѣ приправъ къ кушаньямъ и напиткамъ.

Наибольшее значеніе среди пряностей, какъ и вообще во всей средневѣковой торговлѣ, имѣлъ перецъ, который фигурировалъ нерѣдко даже въ качествѣ платежнаго средства (при покупкѣ земель, при уплатѣ городами займовъ, при внесеніи пошлинъ, чиншей, какъ приданное и т. п.) и игралъ въ торговлѣ того времени такую же роль, какъ въ XIX вѣкѣ чай и хлопокъ для англійской торговли; такъ что даже масштабомъ грузоспособности кораблей служило вмѣщаемое ими количество перца, къ которому приводился уже всякій иной грузъ, и самые купцы получили прозвище „мѣшковъ перца“ (Pfeffersäcke).

Такую же двоякую роль (медицинскихъ средствъ и арамотическихъ веществъ) играли и благовонія—мира и ладанъ, бальзамъ и алой, произведенія богатой пахучими цвѣтами и растеніями Аравіи (и сосѣднихъ странъ—бальзамъ изъ Египта), а также амбра, мускусъ и др. Какъ и пряности (мускатъ, гвоздика, корица) они представлялись поэтамъ того времени чѣмъ-то возвышеннымъ и прекраснымъ и служили для картиннаго изображенія придворной жизни (См. мою Эволюцію прибыли, т. I. стр. 162 и сл.). Съ Востока привозились и красильныя вещества: шафранъ—желтая краска (но въ то же время составная часть различныхъ лекарствъ и приправа къ кушанью); бразильское дерево—красная краска изъ передней Индіи (примѣнялась и въ живописи), квасцы изъ Малой Азіи, придававшіе тканямъ яркій цвѣтъ. Наконецъ, южные плоды во многихъ случаяхъ, напр., абрикосы (они назывались „сливы изъ Дамаска“), изюмъ („виноградъ изъ Дамаска“) появились впервые въ европейской торговлѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Тогда же впервые были привезены съ Востока бумажныя и шелковыя ткани (изъ названій ихъ даже видно ихъ происхожденіе)—муслинъ (отъ гор. Мозула),

балдахинъ (отъ Багдада), дамастъ (отъ Дамаска), золотомъ расшитыя ткани, называвшіяся panna Alexandrina, ковры, которыми (со времени Крестовыхъ походовъ) стали обивать стѣны, по образцу восточныхъ народовъ. Хотя европейцы и пересадили вскорѣ эти производства на свою почву (итальянцы—шелковое, французы—ковровое), но впослѣдствіи наиболѣе изящныя шелковыя издѣлія и почти всѣ бумажныя ткани получались изъ странъ Востока (бархатъ и тафта изъ Греціи) и ковры носили названіе „heidnisch Werk". Весь вывозъ оттуда состоялъ, такимъ образомъ, изъ предметовъ роскоши высокой цѣнности, которыя только и въ состояніи были вынести большія издержки перевозки, предметовъ, потребляемыхъ преимущественно феодальной аристократіей и церковью, лишь отчасти и городскимъ состоятельнымъ населеніемъ.

Произведеніямъ Востока европейцы съ своей стороны почти ничего противопоставить не могли и были вынуждены уплачивать благородными металлами, почему отливъ денегъ изъ Европы на Востокъ (къ „нехристямъ") былъ въ средніе вѣка весьма значителенъ. Главные европейскіе товары, въ которыхъ ощущали потребность левантійскія страны—хлѣбъ, оружіе и строительный лѣсъ, были, какъ предметы необходимые для войны, запрещены римской куріей къ продажѣ „сарацинамъ"; только благодаря тому, что эти запрещенія систематически нарушались (Пиза вывозила на Востокъ стальные клинки, Венеція—строительный лѣсъ, импер. Фридрихъ II—хлѣбъ изъ Сициліи, хотя самъ же онъ участвовалъ въ Крестовыхъ походахъ), нѣкоторая часть ввоза покрывалась вывозомъ.

Къ этимъ предметамъ вывоза еще присоединялись яркія и блестящія шерстяныя ткани (на Востокѣ производились шелковыя и бумажныя издѣлія, но не было шерстяныхъ), фламандскія, сѣверо-французскія и каталонскія, въ особенности же флорентинскія алаго цвѣта (спеціально предназначенныя для „турокъ"), цвѣтныя бусы и поддѣльные драгоцѣнные камни изъ Венеціи и прочія ничего не стоющія, но вызывавшія большой спросъ на Востокѣ, бездѣлушки. Наконецъ, итальянцы доставляли за высокія цѣны, въ особенности египетскимъ султанамъ, похищаемыхъ ими преимущественно у побережьевъ Чернаго моря рабовъ, изъ которыхъ составлялось войско султана—мамелюки (mamluk значитъ „рабъ"), рабынь же, черкешенокъ и др. вывозили въ Европу.

Въ противоположность торговлѣ на Средиземномъ морѣ, объекты ганзейской торговли состояли преимущественно изъ громоздкихъ массовыхъ продуктовъ, которые только и могли провозиться морскимъ и рѣчнымъ путемъ.

Таковы были продукты земледѣлія и скотоводства—хлѣбъ, шерсть, кожи, воскъ, марена; лѣсоводства—строевой лѣсъ, уголь, смола, зола; охоты—мѣха; рыболовства—камбала, осетръ, въ особенности же сельдь—„маленькая соленая морская рыбка", ежегодно проходившая стадами чрезъ Зундскій проливъ мимо Сконіи и Ютландіи, а въ XV ст. переселившаяся въ значительной мѣрѣ къ берегамъ Голландіи, почему на ней и могъ построить впослѣдствіи свои богатства Амстердамъ; наконецъ, соль изъ Люнебурга, Шотландіи, Франціи (Байе) и Португаліи, вино изъ Пуату, Гаскони и Испаніи, нѣмецкое пиво (особенно изъ Гамбурга и Висмара), янтарь, камни для построекъ и жернововъ.

При этомъ, въ то время, какъ въ левантійской торговлѣ фигурировали почти исключительно произведенія Востока, которыя вывозились въ Европу, здѣсь, въ области ганзейской торговли, всѣ страны были одновременно и странами вывоза и странами привоза, такъ что не происходило значительнаго отлива денегъ изъ однихъ государствъ въ другія. На первомъ планѣ стояла хлѣбная торговля. Хотя 95 проц. городовъ Германіи (и столько же несомнѣнно другихъ странъ) не знали никакой хлѣбной торговли, а лишь получали необходимый для жителей хлѣбъ отъ крестьянъ пригородныхъ селъ и дальше никуда не вывозили его, но поскольку хлѣбная торговля существовала вообще, она сосредоточивалась въ рукахъ Ганзы; то незначительное меньшинство городовъ, которое занималось хлѣбной торговлей, состояло именно изъ ганзейскихъ городовъ, лежавшихъ у Балтійскаго побережья.

Въ Гамбургѣ, Штеттинѣ и Данцигѣ, Любекѣ, Бременѣ, Стральзундѣ, Висмарѣ и Ростокѣ сосредоточивался весь хлѣбъ, производимый въ Даніи, Швеціи, сѣверной Германіи (Гольштиніи, Мекленбургѣ, Помераніи, Бран-

денбургѣ), Богеміи, Силезіи и Польшѣ. Эти города частью заставляли крестьянъ приморскихъ мѣстностей возить хлѣбъ исключительно въ ихъ гавань (сторожевыя суда слѣдили за этимъ), частью посредствомъ штапельнаго права захватывали въ свои руки всѣ продукты, которые шли внизъ по рѣкѣ изъ внутренней Германіи и славянскихъ странъ. Вывозился изъ ганзейскихъ городовъ хлѣбъ въ Голландію и Фландрію, Англію, Шотландію, Францію, отчасти и на Скандинавскій полуостровъ и въ Новгородъ. Но изъ этихъ же странъ, въ особенности изъ Англіи, Швеціи, Франціи нерѣдко происходилъ и вывозъ хлѣба, такъ что разграниченія между странами хлѣбнаго экспорта и импорта въ сущности провести невозможно. Это объясняется частью тѣмъ обстоятельствомъ, что голодовки происходили во всѣхъ странахъ (даже въ ганзейскихъ городахъ и приморскихъ областяхъ Германіи и Польши), такъ что хлѣбъ вывозился каждый разъ туда, гдѣ наиболѣе силенъ былъ въ данное время голодъ и наиболѣе высоко стояли цѣны, обѣщая наибольшую прибыль; частью же тѣмъ, что невозможность провоза сушей приводила, напр., къ тому, что сѣверныя графства Англіи вывозили хлѣбъ на материкъ, а не въ южныя части страны, нуждавшіяся въ хлѣбѣ и вынужденныя покупать хлѣбъ изъ Германіи и Польши у ганзейскихъ купцовъ. Но кромѣ того хлѣбная торговля въ средніе вѣка приняла своеобразный характеръ по той причинѣ, что коммерческіе интересы выступали на первый планъ не только въ ганзейскихъ городахъ, которые допускали вывозъ хлѣба даже тогда, когда тамъ ощущался недостатокъ, но и вообще у королей и феодаловъ, въ амбарахъ которыхъ скоплялись отъ приношеній крестьянъ значительные запасы хлѣба и которые старались сбыть ихъ наиболѣе выгоднымъ образомъ. Послѣдніе либо вели самостоятельно хлѣбную торговлю, какъ императоръ Фридрихъ II, неаполитанскіе герцоги или магистры Тевтонскаго ордена, либо разрѣшали ганзейскимъ купцамъ свободный вывозъ производимаго въ странѣ хлѣба (и пріобрѣтаемаго у крупныхъ помѣстныхъ владѣльцевъ), какъ это дѣлали короли англійскіе. Устанавливая, по требованію народныхъ массъ запрещеніе вывоза хлѣба, многіе государи въ то же время продавали купцамъ лиценціи на вывозъ хлѣба, обходя такимъ образомъ (съ выгодой для себя, вслѣдствіе дохода отъ лиценцій) запрещеніе—это широко практиковалось особенно въ Англіи—и даже въ годы неурожая и голода отказывались прекратить свою торговлю хлѣбомъ (напр., магистры тевтонскаго ордена). (См. мою Хлѣбную торговлю въ средніе вѣка. Народн. Хозяйст. 1901 г.).

Изъ промышленныхъ издѣлій и здѣсь, если не считать привозимыхъ изъ Италіи и левантійскихъ странъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, единственнымъ объектомъ оживленной торговли являлось фламандское и брабантское сукно высшихъ сортовъ; тонкія крашенныя сукна составляли важный объектъ средневѣковой торговли.

Аррасъ производилъ легкій „рашъ“ (саржу), С.-Омеръ, Брюгге и Валенсіеннъ „say“ и полосатыя матеріи, Гентъ и Ипръ ярко-красныя тонкія ткани изъ англійской шерсти; къ нимъ присоединялись (зеленыя и красныя) французскія сукна (изъ Бургундіи, Шампани, Прованса), отчасти (въ гораздо меньшей степени) голландскія и нѣмецкія, въ XV ст. и англійскія. Значеніе торговли сукномъ, именно фламандскимъ, выясняется изъ торговыхъ книгъ ганзейскихъ купцовъ: и ростокскій купецъ Тельнеръ 1345—50 г.г. закупаетъ фламандское сукно для сбыта его въ розницу у себя на родинѣ; и любекскій купецъ Виттенборгъ въ 1346—60 г.г. пріобрѣтаетъ сукно во Фландріи, Брабантѣ и Англіи; и гамбургскій купецъ Гельдерсенъ торгуетъ сукномъ изъ 34 мѣстностей, которыя, за исключеніемъ трехъ, относятся къ Нидерландамъ и сѣверной Франціи, въ томъ числѣ половина находится въ Фландріи. Съ половины XIV ст. вывозъ англійской шерсти во Фландрію, сѣверную Францію и Италію замѣняется вывозомъ выдѣланнаго въ самой же Англіи сукна. (См. Mollwo p. LXX. Nirrnheim. p. LXV—VI. Stieda. Quellen. p. 26. Lohmann. Engl. Wollengew. въ Schmollers Forschungen).

Такимъ образомъ, въ позднее средневѣковье обмѣнъ преимущественно заключался въ сбытѣ городскихъ промышленныхъ издѣлій мѣстнымъ помѣщикамъ и крестьянамъ и въ пріобрѣтеніи у послѣднихъ произведеній сельскаго хозяйства городскими жителями. Привозимые съ Востока сырые продукты (пряности, благовоныя, красильныя вещества и пр.) и промышленныя издѣлія, составляя предметы большой рѣдкости и цѣнности, для огромнаго большинства не только сельскаго, но и городского населенія не могли имѣть никакого значенія. Европейскія

же произведенія сельскаго хозяйства и промышленности вывозились въ другія мѣстности лишь изъ тѣхъ немногихъ районовъ, гдѣ имѣлись избытки произведеній почвы (въ хлѣбѣ и т. п.) или гдѣ (при отсутствіи избытковъ) удавалось, въ ущербъ мѣстнымъ жителямъ, производить вывозъ необходимыхъ для мѣстнаго потребленія запасовъ; или наконецъ, гдѣ промышленность, пользуясь фактической монополіей выдѣлки какихъ-либо промышленныхъ издѣлій, незнакомыхъ другимъ городамъ и странамъ и выйдя за предѣлы ремесленной формы производства, имѣла возможность сбывать свои продукты въ другихъ городахъ и государствахъ. Однако, рядомъ съ типичными средневѣковыми городами, враждебно относящимися къ торговлѣ и проводящими принципъ замкнутаго домашняго хозяйства, для котораго торговля является лишь необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ зломъ, — мы находимъ и дѣйствительно торговые города, которые старались расширить свою торговлю, свою торговую власть надъ міромъ (вмѣстѣ съ политической). Эти города—мы разсмотрѣли ихъ выше—были немногочисленны; на первомъ планѣ стояли ганзейскіе и итальянскіе, и если они по своему характеру выходили далеко за предѣлы замкнутаго городского хозяйства, то небольшое количество ихъ, съ одной стороны, и ограниченность объектовъ ихъ торговли, съ другой стороны, приводила къ тому, что и они не могли измѣнить общій обликъ городского хозяйственнаго строя. Связь ихъ съ послѣднимъ выражалась въ особенности въ томъ, что они являлись не только центрами международной торговли, но, въ противоположность послѣдующимъ періодамъ хозяйственной жизни, въ то же время были и центрами, ведущими самостоятельную торговую политику. Въ средніе вѣка каждый торговый городъ прежде всего проводилъ свою торговую политику независимо отъ всѣхъ другихъ городовъ и отъ центральной королевской власти, заключая самостоятельно торговые договоры съ государями въ интересахъ исключительно своихъ купцовъ и выговаривая только для себя различнаго рода привилегіи: право посѣщать данную страну, оставаться въ ней долѣе опредѣленнаго—ярмарочнаго—срока, торговать въ розницу, вступать въ непосредственныя мѣновыя сношенія съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, не уплачивать пошлинъ или платить ихъ въ пониженныхъ размѣрахъ, вывозить тѣ или иные товары. Мало того, эта торговая политика была направлена въ ущербъ всѣмъ другимъ городамъ, ибо иногородніе купцы не могли продавать въ розницу въ данномъ городѣ, вступать между собою въ непосредственныя сношенія, помимо мѣстныхъ купцовъ, нерѣдко не могли даже вести мимо города товары, а обязаны были сбыть ихъ мѣстнымъ купцамъ (штапельное право). Наконецъ, торговая политика заключалась и въ томъ, чтобы въ другихъ странахъ не допустить иныхъ купцовъ къ обладанію одинаковыми, съ выговоренными для своихъ, привилегіями, почему при заключеніи торговыхъ договоровъ устанавливалось, что никакіе иные купцы не будутъ пользоваться такими же пониженными пошлинами, не будутъ имѣть права вывозить тѣ или иные товары и даже вообще пріѣзжать въ страну; тамъ же, гдѣ этого оказывалось недостаточно, прибѣгали прямо къ насилію и изгоняли изъ данной страны всѣхъ купцовъ другихъ странъ и городовъ, оставляя для себя монополію торговаго посредничества въ сношеніяхъ этой страны со всѣми другими странами.

Выраженіемъ этой торговой политики, этого стремленія къ развитію торговли, иногда въ ущербъ мѣстному населенію, (вывозъ хлѣба въ другія страны, вслѣдствіе чего появлялся на родинѣ голодъ; это происходило нерѣдко въ ганзейскихъ городахъ), являлось значительное развитіе купеческаго класса въ этихъ городахъ (напр., Венеціи, Генуѣ, Любекѣ, Данцигѣ, Аугсбургѣ и др., тогда какъ напр. во Франкфуртѣ, который былъ лишь ярмарочнымъ пунктомъ, торговый классъ весьма незначителенъ). Знатные нобили и патриціи держали въ своихъ рукахъ торговлю въ Венеціи, Флоренціи, Генуѣ, Констанцѣ, Аугсбургѣ. Равенсбургѣ, Любекѣ и др. городахъ (по крайней мѣрѣ въ теченіе среѣневѣковаго періода). Въ этихъ городахъ выборныя власти состояли изъ купцовъ (венеціанскіе дожи, бургомистры, амтманы и ратманы ганзейскихъ и южно-германскихъ городовъ). Даже короли и гер-

цоги (имп. Фридрихъ II, короли неаполитанскіе) иногда занимались торговлей

Въ этихъ немногихъ торговыхъ центрахъ и только въ нихъ торговые обороты достигали значительныхъ размѣровъ. Но нельзя согласиться съ Зомбартомъ, что средневѣковая торговля имѣла ремесленный характеръ, отличалась столь же ограниченными размѣрами, какъ производство ремесленника того времени. Тѣ города, которые вели дѣйствительно торговую политику, расширяя свою торговую дѣятельность и препятствуя развитію торговли другихъ городовъ, получили уже въ тѣ времена торговый характеръ, имѣвшій мало сходства съ господствующимъ типомъ ремесленнаго города. Конечно, если мы станемъ сравнивать обороты средневѣковой торговли, т. е. торговли этихъ городовъ, съ современнымъ торговымъ обмѣномъ, то получится—какъ указываетъ Зомбартъ—тотъ выводъ, что весь товаръ, фигурировавшій въ торговлѣ какого-нибудь торговаго центра того времени въ теченіе года, равняется грузу двухъ-трехъ судовъ нашего времени; что по размѣрамъ оборота главные торговые порты средневѣковья соотвѣтствуютъ совершенно мелкимъ торговымъ пунктамъ конца XIX вѣка [1]). Но любопытно, что, взявъ въ качествѣ критерія не только эпоху XVI—XVIII ст., но даже XIX вѣкъ, только не конецъ его, а первую половину, мы получаемъ совсѣмъ иной результатъ: размѣры оборотовъ въ позднѣйшее средневѣковье оказываются вовсе не столь незначительными, какъ можно было бы предполагать. Чрезъ Сенъ-Готтардъ изъ Италіи въ Германію перевозилось въ XIV—XV ст. въ среднемъ 1250 тонъ ежегодно, что въ настоящее время, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, можно перевезти на двухъ товарныхъ поѣздахъ. По сравненію съ нынѣшними 300 тыс., эти 1250 тонъ представляются совершенно мизернымъ числомъ, но въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, провозилось въ среднемъ лишь около 4 тыс. тонъ въ годъ, т. е. всего втрое болѣе того количества, которое транспортировалось въ XIV вѣкѣ [2]). Вывозъ различныхъ ганзейскихъ городовъ во второй половинѣ XIV вѣка составлялъ на современныя нѣмецкія марки свыше $4^1/_2$ милл. въ Любекѣ (1368 г.), свыше $3^1/_2$ милл. въ Гамбургѣ (1371 г.), свыше 3 милл. въ Стральзундѣ (1384 г.), причемъ цифры эти, полученныя на основаніи данныхъ о фунтовой пошлинѣ, взимаемой въ годы войны, въ мирное время должны были быть еще болѣе значительны [3]).

Въ то же время, по Стеббсу (Constitutional History. T. II), при Эдуардѣ III и Ричардѣ II всѣ земельныя подати не превышали 120 тыс. ф. ст. или 5 милл. мар., т. е. были втрое менѣе торговыхъ оборотовъ однихъ лишь прусскихъ и четырехъ вендскихъ городовъ (въ 1368—69 гг. $15^1/_2$ милл. мар. въ годъ); если имѣть въ виду, что въ настоящее время (не одни обороты этихъ городовъ, а) весь привозъ и вывозъ Германіи ($11^1/_2$ милліард. въ 1903 г.) всего вчетверо болѣе государственныхъ доходовъ Англіи (ок. 3 милліард.), то для средневѣковаго періода получится болѣе благопріятное отношеніе торговыхъ оборотовъ къ государственнымъ доходамъ (Keutgen. Hans. Handelsgesellsch. p. 284).

Изъ Англіи въ 1273 г. было вывезено, преимущественно итальянцами и ганзейцами (повидимому въ сѣверную Францію и Фландрію), 33 тыс. тюковъ шерсти, что составляло—по вычисленіямъ Шаубе (Die Wollausfuhr Englands vom Jahre 1273. p. 178)—цѣнность въ 20.000.000 современныхъ герм. марокъ.

Если имѣть при этомъ въ виду общій характеръ хозяйственной жизни того времени, небольшое количество обращавшейся въ средніе вѣка монеты, въ особенности же, незначительность населенія даже въ крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ (городъ въ 10 тыс. жит. составлялъ рѣдкое явленіе, см. выше стр. 83—4), малые размѣры имущества и доходовъ даже у состоятельныхъ людей (см. выше), то приведенныя цифры торговыхъ оборотовъ окажутся весьма значительными для того времени. Сравнивая же ихъ за извѣстный періодъ, мы

[1]) Sombart. I. 166—68.
[2]) Schulte. I. 722—24.
[3]) Stieda. Revaler Zollbücher. Hans. Geschichtsquellen. V. p. LVII.

получаемъ и довольно быстрое возрастаніе торговаго обмѣна: такъ, по вычисленіямъ Лампрехта, торговые обороты по среднему Рейну (судя по уплаченнымъ пошлинамъ), составляли въ 70-хъ годахъ XIII вѣка отъ 935 до 1870 килогр. серебра въ годъ, т. е., 187—374 тыс. мар. (на современныя нѣмецкія деньги), сто лѣтъ спустя они достигали 44 тыс. килогр. сер. или почти 9 милл. мар., т. е., возросли въ 40 разъ, а въ половинѣ XV вѣка равнялись 186—217 тыс. килогр. сер. (63½ милл. мар.), т. е., снова возросли въ нѣсколько разъ [1]).

Предположеніе о незначительности размѣровъ торговли не подтверждается и свѣдѣніями о количествѣ судовъ, плававшихъ на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ: въ 1368 г. въ Любекъ прибыло 423 корабля и ушло 871 [2]). Число судовъ, посѣщавшихъ Данцигскій портъ, какъ установилъ Лауфферъ, рѣзко возрастало въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XV вѣка 400—600 ежегодно, а въ 90-хъ годахъ достигло 600—700 [3]). Конечно, вмѣстимость судовъ была не велика—по Денелю (II. 347) ганзейскіе корабли рѣдко содержали болѣе 250 регистр. тоннъ; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и такія суда, будучи нагружены малообъемистыми дорогими товарами (напр., пряностями и шелковыми тканями и т. п.), представляли собою высокую цѣнность. Такого рода грузомъ были въ особенности наполнены суда, плававшія по Средиземному морю. Между тѣмъ и въ области торговли между итальянскими городами и Востокомъ мы находимъ капиталы въ 70 тыс. мар. уже въ XII вѣкѣ (напр., Майрано въ Венеціи) [4]), и въ отдѣльной экспедиціи купецъ помѣщалъ обыкновенно уже въ первой половинѣ XIII вѣка капиталъ въ 17—20 и болѣе тысячъ марокъ [5]), а такихъ экспедицій предпринималось одновременно нѣсколько: ибо купецъ—Зомбартъ упускаетъ это изъ виду—снаряжалъ нѣсколько кораблей одновременно въ различныя страны или по крайней мѣрѣ принималъ въ нихъ участіе.

О существованіи крупныхъ торговцевъ въ средніе вѣка свидѣтельствуютъ напр., такіе факты, какъ то, что торговая компанія Векингузенъ и К°, которая вела операціи между Любекомъ, Брюгге и Венеціей, произвела въ теченіе одного 1409 года на 60 тыс. марокъ оборотовъ (Stieda. Hans.-venet. 37—48), что въ 1420 г. въ венеціанскомъ подворьѣ лежало 2000 фунтовъ янтаря (Simonsfeld. Fondaco. II. p. 37—8), а въ 1325 г. компанія Барди-Перуччи получила разрѣшеніе на вывозъ изъ неаполитанскаго королевства 30 тысячъ тонъ хлѣба (Davidsohn. Forsch. z. Gesch. von Florenz. III. №№ 828, 848, а также 533, 643, 695, 736). Германъ Рекъ изъ Нюрнберга бѣжалъ изъ Венеціи, оставивъ долговъ на сумму въ 25000 дукатовъ (Simonsfeld, l. № 387). Торговый домъ Скотти изъ Піаченцы вывезъ въ 1273 г. англійской шерсти на сумму въ 1.250.000 совр. герм. мар. (Schaube. Viert. 1908. p. 179—83).

Такое развитіе торговли въ средніе вѣка способно даже вызвать наше удивленіе, если мы будемъ имѣть въ виду тѣ огромныя препятствія, которыя встрѣчалъ купецъ на каждомъ шагу своей дѣятельности. Шульте указываетъ на то, что южно-германскіе купцы въ послѣднія столѣтія средневѣковья посѣщали не только Венецію, но и Геную, ибо въ противоположность Венеціи, которая имъ не давала возможности ѣхать дальше моремъ, они чрезъ Геную могли переправляться на корабляхъ въ Испанію. Въ подтвержденіе того обстоятельства, что нѣмецкіе купцы (изъ Констанца, Санктъ-Галлена и др. городовъ) дѣйствительно ѣздили чрезъ Геную въ Барселону, Валенсію, Тортозу и обратно, онъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ,—и все это исключительно случаи захвата вышедшихъ изъ Генуи судовъ, по дорогѣ въ Испанію провансальскими, каталонскими, генуэзскими пиратами, случаи разграбленія товаровъ близъ Ниццы или Майорки жителями послѣдней [6]). Это обстоятельство прекрасно иллюстрируетъ характеръ

[1]) Lamprecht. Deut. Wirtschaftsleben im Mitt. II. 344—45. 349.
[2]) Stieda. Hans. Geschichtsblätter. 1884 p. 81.
[3]) Lauffer. Danzigs Schiffs-und Warenverkehr am Ende des XV Jahrh.
[4]) Heynen, p. 122.
[5]) Schaube. Handelsgesch. der Mittelmeerromanen etc. p. 155. 156. 162. 168. 205. 207.
[6]) Schulte. I. p. 543—44. 547—48.

средневѣковой торговли: идетъ ли рѣчь о торговыхъ путяхъ или о томъ, какіе товары составляли объектъ торговли, о качествѣ или количествѣ ихъ, всегда главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній являются данныя относительно ограбленныхъ каравановъ, отнятыхъ въ той или иной мѣстности судовъ или товаровъ, на что купцы жалуются государю той мѣстности, гдѣ они потерпѣли убытокъ, или о чемъ они сообщаютъ на родину. Крупнѣйшіе труды по исторіи торговли Гейда, Шульте, Шаубе, Ивера и мн. др., въ значительной мѣрѣ основаны именно на такого рода фактахъ. Стида прямо указываетъ на эти свѣдѣнія, какъ на важный источникъ при изученіи средневѣковой торговли [1]).

Такой фактъ, напр., какъ ограбленіе въ 1247 г. на Тирренскомъ морѣ однимъ изъ адмираловъ императора Фридриха римскихъ купцовъ, которые везли между прочимъ 34½ тюка французскаго сукна, указываетъ на существованіе экспорта французскаго сукна; доказательствомъ того, что купцы изъ Лукки и Пистои посѣщали ярмарки Шампани, служитъ фактъ нахожденія ихъ въ 1242 г. въ купеческомъ караванѣ (въ составъ послѣдняго входили и купцы изъ другихъ городовъ), на который было произведено нападеніе піачентинцами, причемъ купцы лишились цѣнностей въ товарахъ, деньгахъ и лошадяхъ на 17 тыс. ливр.—по показанію потерпѣвшихъ, или 12 тыс. ливр., какъ признавали виновные; сумма эта въ 300 тыс. соврем. терм. мар. во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о значительности оборотовъ, производимыхъ на ярмаркахъ Шампани (Bourquelot. I. 178). А существованіе торговаго пути изъ Италіи во Фландрію чрезъ Сенъ-Готтардъ на Страсбургъ и Люксембургъ уже въ началѣ XIV вѣка засвидѣтельствовано тѣмъ, что пфальцкій дворянинъ Людвигъ Киркель, подъ предлогомъ, что германскій императоръ у него въ долгу, ограбилъ въ 1303 г. миланскаго купца Бертрама де Венто: замокъ Киркель находится на этомъ пути. (Schulte. I. 211. 425—27).

Такой дворянинъ Киркель вовсе не составлялъ явленія исключительнаго свойства. Какъ указываетъ Фрицъ Мейеръ, изучавшій жизнь средневѣковья на основаніи поэтическихъ произведеній того времени, разбойники принадлежали главнымъ образомъ къ высшимъ слоямъ населенія. Рыцари строили свои замки вблизи торговыхъ трактовъ и когда они замѣчали ѣхавшаго купца, то производили на него нападеніе; въ случаѣ сопротивленія, его убивали, если же купецъ сдавался, то во всякомъ случаѣ лишался своего имущества, ибо подъ предлогомъ взиманія проѣздныхъ сборовъ, у него отнимали рѣшительно все, нерѣдко и его самаго забирали въ плѣнъ для полученія выкупа (Fritz Meyer. Die Stände, ihr Leben und Treiben, dargestellt nach den altfranzösischen Artus- und Abenteuerromanen. 1892. p. 76—7. Stengels Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der roman. Philologie. № 82). „Лѣса, покрывавшіе берега рѣкъ, способствовали нападеніямъ на купеческія суда, а крѣпкія стѣны замка давали возможность сохранить захваченную добычу". Какъ бы иллюстраціей къ этому общему положенію является слѣдующій случай. Графы Монфорскіе въ 1308 г. сообщаютъ въ Венецію, что изъ за короля Рудольфа и другихъ королей, они введены въ огромные расходы, вслѣдствіе чего и въ виду недостатка средствъ, а вовсе не изъ грабительскихъ цѣлей, имъ пришлось захватить 100 тюковъ сукна у купцовъ, проѣзжавшихъ по Боденскому озеру, цѣнностью въ 10 тыс. мар. Впрочемъ они готовы вернуть эти товары, если имъ будетъ заплочено 6 тыс., вернуть съ убыткомъ для себя, ибо при продажѣ они могли бы выручить гораздо больше (Schulte. p. 383). Даже короли не гнушались такого рода поступковъ: датскій король захватывалъ проѣзжавшіе чрезъ Зундъ корабли (Stieda въ Abh. der Akad. d. Wiss. p. 14), французскій король посылалъ своихъ адмираловъ для каперства венеціанскихъ галеръ, отправлявшихся по Атлантическому океану во Фландрію (Schulte. I. 548), а неаполитанскіе корабли изъ Анжуйской династіи даже поставляли корсарамъ необходимыя для пиратства суда и дѣлились съ ними награбленной добычей (Iver. p. 33).

При такихъ условіяхъ трудно, собственно говоря, даже представить себѣ какимъ образомъ въ средніе вѣка могла существовать вообще торговля и могли даже возникнуть компаніи со значительными оборотами. А между тѣмъ не слѣ-

---

[1]) Stieda. Quellen der. Handelsstatistik im Mittelalter. p. 13—18.

дуетъ упускать изъ виду, что къ этимъ препятствіямъ присоединялся еще цѣлый рядъ другихъ, сильно стѣснявшихъ торговое движеніе. Идеаломъ дороги являлась такая, гдѣ три лошади могли идти рядомъ или же „гдѣ можетъ проѣхать невѣста, не зацѣпивъ возъ съ покойникомъ“ [1] [2]). Возьмемъ ли мы Францію, Англію, Германію или Италію, Скандинавскія государства,—повсюду перевозка товаровъ совершалась по общему правилу на вьючныхъ животныхъ (лошадяхъ и ослахъ), которыхъ приходилось разгружать каждый вечеръ; любопытно, что ѣздить верхомъ и передвигаться было равнозначуще въ тѣ времена (говорили „ѣздить верхомъ черезъ море“); рѣже прибѣгали къ двухколеснымъ повозкамъ [3]). Инымъ путемъ не было возможности передвигаться или перевозить товары, ибо большія повозки легко переворачивались на дорогахъ, которыя представляли собою либо вспаханное поле, либо луга, поросшіе травой; каждый годъ приходилось заново протаптывать путь, причемъ пользоваться имъ можно было лишь лѣтомъ и при хорошей погодѣ; зимой и въ дождливое время дорога была непроходима [4]). О мостахъ упоминается правда начиная съ XIII вѣка, въ Италіи и Фландріи и раньше, и хотя постройка ихъ считалась богоугоднымъ дѣломъ и основаніемъ для полученія индульгенцій, но все же появляются они лишь въ незначительномъ количествѣ и только тамъ, гдѣ невозможно было переходить рѣки въ бродъ; мосты эти были деревянные и часто повозка по нимъ проѣхать вовсе не могла (они и не были предназначены для повозокъ: non curribus). Въ области Ганзы мы находимъ, напр., въ XIV вѣкѣ нѣсколько мостовъ (о „совершенныхъ“, построенныхъ съ огромными расходами, каменныхъ мостахъ лѣтописцы особо упоминаютъ какъ о чрезвычайно важномъ явленіи). Но даже „прекрасный“ каменный мостъ у г. Миндена былъ сорванъ ледоходомъ [5]); въ области Мозеля построенный римлянами (каменный) мостъ являлся до половины XIV ст. единственнымъ; только въ сѣверной Италіи мосты повидимому находились въ нѣсколко лучшемъ состояніи [6]).

Улучшеніе дорогъ вовсе и не входило въ интересы жителей той мѣстности, чрезъ которую лежалъ путь, ибо чѣмъ хуже была дорога, тѣмъ больше требовалось добавочныхъ лошадей, тѣмъ больше дохода приносили кузницы (починка телѣгъ, подковъ), наконецъ, тѣмъ больше оставляли проѣзжающіе во время остановокъ за потребляемые ими продукты [7]). Для сеньоровъ же выгодно было не строить дороги и мосты, а ухудшать и разрушать ихъ, ибо—помимо того, что плохая дорога облегчала нападенія и грабежи—по принципу, „что съ воза упало, то пропало“ (Grundruhrrecht), сеньоръ присваивалъ себѣ всякую вещь, дотронувшуюся до его земли, такъ что товары, попадавшіе на землю, когда телѣга ломалась или опрокидывалась при паденіи животнаго, становились собственностью сеньора [8]). Чѣмъ дольше продолжалось путешествіе, тѣмъ большій доходъ доставлялъ сеньору и конвой, т. е. охрана людей и ихъ имущества посредствомъ всадниковъ, которые сопровождали проѣзжающаго; впрочемъ послѣдній нерѣдко имѣлъ характеръ т. наз. „мертваго“ конвоя, гдѣ все ограничивалось полученіемъ квитанціи въ уплатѣ конвойныхъ денегъ. Эти квитанціи

---

[1]) Maurer. Gesch. der Dorfverfassung, p. 286.

[2]) Въ области Майна архіепископъ Бальдуинъ впервые въ 1329 г. расширилъ дорогу по Мозелю, по которой ранѣе едва въ состояніи была проходить ненагруженная лошадь, настолько, что вьючная лошадь или оселъ могли безопасно передвигаться (Lamprecht. II. 242).

[3]) Götz. Verkehrswege. 531. 554. 557. 561. Yver. Les marchands. etc p. 69.

[4]) Huber. Gesch. Entwickl. p. 218 и сл. Handwört. der Staatswiss. s. v. Wege. B. VII.

[5]) Daenell. II. 446.

[6]) Sehaube. p. 732 и сл.

[7]) Götz. p. 548.

[8]) Sommerlad. Das Verkehrswesen im deut. Mitt. Handw. Suppl. II. p. 942—3.

являлись уже простымъ средствомъ вымогательства; они нисколько не охраняли проѣзжающихъ, наоборотъ собственные же люди сеньора нападали на уплатившаго и грабили его, а воюющія стороны уже во всякомъ случаѣ не обращали вниманія на грамоту о безпрепятственномъ проѣздѣ, даже если она была выдана самимъ императоромъ. Нерѣдко спеціально портили дороги и устраивали всевозможныя стѣсненія и преграды (строили на сушѣ мосты, протягивали цѣпи чрезъ рѣку), чтобы обезпечить себѣ сборы при проѣздѣ купцовъ мимо многочисленныхъ таможенъ. Ради этой послѣдней цѣли былъ установленъ и „Strassenzwang“, т. е. запрещеніе замѣнять разъ навсегда установленную худшую дорогу лучшей и болѣе прямой; для борьбы съ обходомъ дорогъ и таможенъ князья строили высокія башни, господствовавшія надъ всей окрестностью, отнимая весь товаръ у нарушавшихъ постановленія купцовъ, заключали даже союзы, причемъ предписывали остановку въ опредѣленныхъ мѣстахъ [1]). Это находилось въ связи съ безчисленнымъ количествомъ таможенныхъ заставъ: въ XIV вѣкѣ насчитывалось 64 заставы на Рейнѣ, 35 на Эльбѣ и 77 на Дунаѣ въ Нижней Австріи [2]). Вообще транспортъ по Рейну, вслѣдствіе многочисленности таможенъ, былъ крайне стѣсненъ; по Лампрехту, на разстояніи между Бингеномъ и Кобленцомъ рейнскія пошлины составляли свыше $^2/_3$ цѣнности товара. Не даромъ Mathias Paris говоритъ о „furiosa Teutonicorum insania“ [3]). [4]).

Конечно скорость передвиженія при подобныхъ условіяхъ не могла быть велика: въ теченіе дня въ среднемъ проѣзжали 5—7 миль, въ Альпахъ впрочемъ лишь при смѣнѣ лошадей (Götz) [5]).

Значительно благопріятнѣе чѣмъ на сушѣ были условія развитія морской торговли. Конечно, и моря кишѣли пиратами, которыми становились даже ганзейскіе матросы въ безработное время, а Grundruhrrecht замѣнялось на морѣ береговымъ правомъ, т. е. правомъ прибрежныхъ владѣльцевъ на товары, выброшенные на ихъ землю во время кораблекрушенія. Однако, и ганзейцамъ и итальянскимъ городамъ удалось добиться отмѣны по отношенію къ нимъ (въ Англіи уже въ 1238 г., если хотя бы одинъ изъ потерпѣвшихъ крушеніе спасется), берегового права, заклейменнаго названіемъ берегового разбоя,—хотя и не безъ сопротивленія со стороны различныхъ государей, напр., короля датскаго. [6]). Суда и теперь еще избѣгали открытаго моря [7]), двигаясь вдоль береговъ и многократно приставая; не умѣли лавировать противъ вѣтра и при противномъ вѣтрѣ не могли выходить изъ гавани или, выйдя оттуда, при измѣненіи его, возвращались обратно. Въ зимнее время, вслѣдствіе сильныхъ бурь, мореплаванье прекращалось на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ въ теченіе 3—$3^1/_2$ мѣсяцевъ (съ 11 ноября до 2—22 февраля). Морскія карты хотя и

---

[1]) Götz. 549. Schulte. 429. Schaube. 335.

[2]) Lamprecht. Wirtschaftsleben im Mitt. II. 307—8.

[3]) Sommerlad. I. c. 943. Falke. Gesch. d. deut. Zollwes. 66. 74—5.

[4]) Короли, феодалы города—всѣ они равно безцеремонно тормозили торговлю таможнями; къ счастью, нѣкоторымъ городамъ удалось добиться освобожденія своихъ гражданъ отъ таможенныхъ сборовъ; въ такомъ положеніи находились, напр., Нюрнбергъ и Кельнъ въ отношеніи Рейна, отчасти также Страсбургъ, Майнцъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Женева, Венеція и Миланъ (Schulte). Фламандскіе и брабантскіе города также взаимно освобождали своихъ купцовъ отъ таможенныхъ сборовъ (Häpke).

[5]) Изъ Марселя въ Провансъ на ярмарку путешествіе продолжалось 22 дня и провозъ обходился въ 75 совр. герм. мар. съ тюка въ 300—400 фунтовъ (Schaube).

[6]) Prutz. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. p. 358. Lappenberg. II. 711. Daenell. II. p. 374, (358).

[7]) Иногда они впрочемъ—какъ указываетъ Шаубе (p. 153)—на Средиземномъ морѣ при благопріятномъ вѣтрѣ совершенно покидали изъ виду Сицилію и Критъ.

существовали уже съ конца XIII ст., но ганзейцы, французы ими не пользовались, замѣняя ихъ особыми указаніями фарватеровъ, гаваней, морскихъ теченій и т. д.; съ начала XIV ст. итальянцамъ былъ уже извѣстенъ и компасъ (въ болѣе примитивной формѣ и ранѣе), а въ XV ст. онъ примѣняется и ганзейцами, французами и т. д. [1]).

Указатель фарватеровъ и т. д. (ганзейцы пользовались имъ съ XIV ст. на протяженіи отъ Гибралтаря до Финскаго залива (Seebuch, routier de mer) былъ составленъ первоначально повидимому въ западной Франціи, затѣмъ переработанъ во Фландріи и дополненъ ганзейцами въ отношеніи Сѣвернаго и Балтійскаго морей.

Уже въ концѣ XII ст. у различныхъ авторовъ упоминается о магнитѣ, свойства котораго весьма полезны для мореплаванья; а въ арабскомъ сочиненіи („Сокровищница купцовъ") 1242 г. говорится о „рыбкѣ изъ тонкаго и полаго желѣза, которою пользуются мореплаватели и которая отличается тѣмъ, что будучи брошена въ море, она держится на поверхности и головой своей указываетъ на сѣверъ, а хвостомъ на югъ". Въ XIII ст. магнитъ (marinette, marinière; въ Сициліи—calamita, т. е. лягушка) примѣняется какъ итальянцами, такъ и французами и испанцами; въ началѣ XIV ст. магнитъ получилъ неподвижное положеніе, будучи помѣщенъ въ коробку и прикрѣпленъ къ ней, и получился компасъ (bossolo—компасъ—значитъ коробка), изобрѣтеніе его приписывается генуэзцу Флавіо Джойо (См. Noel. II. 4—7 Roncière. Hist. de la marine franç. II. 505—12).

Сооружаются и маяки—въ XIII ст. близъ Фальстербо у входа въ Зундскій проливъ, у Травемюнде, далѣе въ устьяхъ Эльбы, Везера, Мааса (хотя огни на нихъ не всегда содержались въ порядкѣ). Веніаминъ изъ Туделы относитъ къ чудесамъ каменный маякъ близъ Александріи. Особенно много было маяковъ у французскихъ береговъ—какъ у Средиземнаго моря (у Эгъ-Мортъ въ XIII ст., Марселя и др.), такъ и въ Атлантическомъ океанѣ: на югѣ маякъ около Байонны и уже въ XII ст. около мыса Кордуана, огни котораго поддерживались эремитами, какъ въ древности священный огонь весталками; въ 1468 г. выстроенъ маякъ у порта Ларошеля, содержимый городомъ, еще раньше въ половинѣ XIV ст. въ Ко (Нормандія), называвшійся Sainte-Adresse, въ началѣ XIV ст. въ Кале, въ Дюнкеркъ и т. д. (См. Roncière. Hist. de la marine française. T. II. 1900. p. 537—545).

Помимо отсутствія таможенъ и другихъ стѣсненій, морской путь имѣлъ огромное преимущество предъ путешествіемъ по сушѣ, вслѣдствіе несравненно большей вмѣстимости судовъ и скорости передвиженія.

Лондонскіе граждане правда еще въ XV вѣкѣ имѣли всего 4 корабля вмѣстимостью болѣе 120 тоннъ, ганзейскія суда содержали обыкновенно 200—250 тоннъ и цѣнность ихъ составляла не болѣе 3 тысячъ соврем. марокъ, въ прусскихъ городахъ (Тевтонскаго ордена) и Ригѣ строились и болѣе крупныя суда въ 400 и болѣе тоннъ, но они уже не могли входить въ цѣлый рядъ портовъ, въ особенности нидерландскихъ.

Итальянскія невы (лат. „navis") перевозили 1—$1^1/_2$ тысячи человѣкъ и въ одной надпалубной части 250 тоннъ товара, а католонскія суда вмѣщали 420—630 тоннъ, т. е. въ сотни разъ болѣе, чѣмъ двухколесная повозка съ ея $1^1/_2$—2 тоннами товара (иногда при 10—12 волахъ) [2]). При этомъ вмѣсто 5—7 миль въ день проѣзжали 18—20 миль (въ прямомъ направленіи), иногда и гораздо болѣе—24—32 мили.

Лишь вслѣдствіе ряда остановокъ въ промежуточныхъ гаваняхъ, отправленные изъ Венеціи товары получались въ странахъ Востока—на Кипрѣ, въ Бейрутѣ, Родосѣ, Яффѣ—чрезъ 22—$33^1/_2$ дня, а путешествіе изъ Антверпена или Брюгге въ Любекъ или Гамбургъ продолжалось 11—18 дней, иногда впрочемъ всего 7 дней (Götz. 558—9. 567—9. 621—3. 668. Daenell. II. 350).

Если мы будемъ имѣть въ виду въ особенности эти два послѣдніе момента,—съ одной стороны, возможность провоза большаго количества товаровъ моремъ,

---

[1]) Roncière. Histoire de la marine française. II. 1900. p. 506. 510—14.

[2]) Lindsay. History of merchant chipping. I. 494. Hirsch. Danzigs Handels- und Gewerbsgeschichte. p. 264. Götz. 541. 624—25. Stieda. Revaler Zollbücher. p. LXIX. Daenell. II. 345—8.

а съ другой стороны, гораздо большую скорость морского пути, ибо изъ Константинополя въ Венецію ѣздили моремъ втрое скорѣе, чѣмъ сушей (одинъ мѣсяцъ вмѣсто 93 дней), а изъ Италіи во Фландрію путешествіе продолжалось гораздо меньше моремъ, чѣмъ по Рейну, хотя Атлантическій океанъ и называли „моремъ тьмы“ и боялись его безбрежной ширины,—то мы поймемъ, что главные торговые пути въ средніе вѣка должны были быть морскіе, что моря должны были имѣть преобладающее значеніе въ средневѣковой торговлѣ.

Даже перевозка товаровъ изъ Нюрнберга на франкфуртскую ярмарку, совершаемая частью по Майну (отъ Бамберга до Франкфурта), частью гужевымъ способомъ (отъ Нюрнберга до Бамберга), обходилась на 20—25 проц. дешевле, чѣмъ перевозка исключительно сушей, ибо фрахтъ сушей составлялъ въ среднемъ (въ концѣ XV ст.) 3 пф. на милю и центнеръ груза, водой же всего 1 пф. (Joh. Müller. Geleitswesen etc. zwischen Nürnberg und Frankfurt a. M. p. 383 и сл.).

ГЛАВА III.

Организація торговли; общій характеръ коммерческой дѣятельности въ средніе вѣка.

Вѣчная опасность, которой подвергался средневѣковый купецъ, какъ во время путешествіи на ярмарку или на рынокъ, такъ и во время пребыванія на послѣднемъ, опасность въ видѣ нападенія и ограбленія иноплеменниками, какъ и съ другой стороны, подозрительное отношеніе къ нему со стороны иноземцевъ, къ которымъ онъ пріѣзжалъ и съ которыми вступалъ въ торговый обмѣнъ, (они также опасались враждебныхъ дѣйствій съ его стороны),—вызвали появленіе цѣлаго ряда своеобразныхъ институтовъ и организацій, какъ то: карамановъ, адмиралтействъ, купеческихъ подворій и факторій, ярмарокъ, консуловъ и маклеровъ-посредниковъ и др.

Цѣлыми караванами ѣздили итальянскіе купцы на ярмарки Шампани, туда же отправлялись караваны купцовъ изъ южно-германскихъ и фламандскихъ городовъ. Изъ этихъ карамановъ постепенно образовались въ различныхъ городахъ купеческія гильдіи, изъ года въ годъ правильно отправлявшіяся на ярмарки Шампани. Итальянскіе города составили обширную корпорацію—„союзъ итальянскихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки Шампани и Франціи“ [1]), возникла корпорація провансальскихъ и корпорація лангедокскихъ купцовъ (посѣщающихъ ярмарки Шампани). Цѣлью ихъ являлось взаимное содѣйствіе во время пути и на рынкѣ, совмѣстная защита отъ нападеній, соглашеніе относительно покупныхъ и продажныхъ цѣнъ, пользованіе сообща пріобрѣтенными въ той или иной мѣстности торговыми привилегіями.

Сухопутнымъ караванамъ соотвѣтствовали на морѣ флотиліи, эскадры или адмиралтейства (conservae, samflot), т. е. караваны судовъ; это дѣлалось для защиты отъ пиратовъ. Прусскіе ганзейскіе города требовали (въ 1399 г.), чтобы флотиліи ѣздили въ количествѣ не менѣе 20 судовъ, причемъ предъ отъѣздомъ всѣ карабельщики должны были присягать въ томъ, что ни въ коемъ случаѣ не покинутъ другихъ, не уйдутъ отъ эскадры и будутъ подчиняться предводителю (адмиралу) каравана. Въ дѣйствительности караваны эти были гораздо многочисленнѣе—напр., т. наз. соляныя флотиліи, приходившія въ Данцигъ, состояли изъ 50 и болѣе судовъ (Lauffer. p. 10). Въ Венеціи о такихъ совмѣстныхъ путешествіяхъ упоминается уже въ 1131 г. О нихъ имѣются спеціальныя постановленія въ пизанскомъ Consolato di mare, въ марсельскихъ, генуэзскихъ и аррагонско-каталонскихъ статутахъ. Караваны уходили въ опредѣленное время

[1]) Universitas mercatorum Italie nundinas campaniae ac regnum Franciae frequentantium.

года, по пути оставляли въ той или другой гавани часть судовъ, предназначенныхъ для данной мѣстности, которые нерѣдко крейсировали между ближайшими портами, а затѣмъ на обратномъ пути флотилія снова забирала ожидавшіе ее въ различныхъ гаваняхъ суда и въ полномъ составѣ возвращалась обратно.

Такія періодически отходящія флотиліи назывались mudua (navium и соотвѣтственно времени ихъ отъѣзда, (въ Венеціи) различали mudua pascae resurrectionis domini, mudua aestatis или S. Petri, mudua mensis augusti и mudua iberni. Каждый корабль, подобно каждому купцу въ караванѣ, былъ снабженъ оружіемъ—метательными машинами (баллистами), самострѣлами (арбалетами), копьями и т. д., причемъ по постановленію Ганзы, судно въ 100 ластъ должно было имѣть оружія не менѣе, чѣмъ на 20 человѣкъ, болѣе крупныя—соотвѣтственно больше.

Къ этимъ торговымъ судамъ нерѣдко присоединялись спеціальныя военныя—конвойныя или адмиральскія суда (въ Англіи въ XIV ст., въ Нидерландахъ ок. 1400 г. Convoyschiffe, въ Италіи и Ганзѣ гораздо раньше), для защиты каравана, въ особенно же опасныя времена флотиліи вовсе не выходили и торговля пріостанавливалась. И морскія путешествія вызвали образованіе съ теченіемъ времени купеческихъ морскихъ гильдій (Kauffahrergilden), въ особенности въ ганзейскихъ городахъ (нѣчто сходное, впрочемъ, замѣчаетъ Гольдшмидтъ и въ Италіи, p. 191), гдѣ купцы даннаго города, посѣщавшіе опредѣленный рынокъ, объединялись въ особую компанію: Bergenfahrer, Nowgorodfahrer, Rigafahrer, Revalfahrer, Narwafahrer, Stockholmfahrer, Schonenfahrer.

Особенно много такихъ компаній было въ Любекѣ, но и въ другихъ городахъ (напр. Кельнѣ, Ростокѣ, Грейфсвальдѣ, Стеттинѣ, Люнебургѣ, Дортмундѣ) мы находимъ всегда нѣсколько гильдій, въ особенности Englandfahrer, которые въ Гамбургѣ состояли изъ 35 купцовъ, Flandernfahrer—въ Гамбургѣ ихъ было 84—затѣмъ компаніи, посѣщавшія русскіе города (Новгородъ, Ригу и т. д), или скандинавскіе рынки (Копенгагенъ, Борнгольмъ, Сконію, Малме, или вообще Данію). См. Bruns. Die lübecker Bergenfahrer. Hans. Geschichtsquellen. N F. B. II.

Не только въ пути, но и по прибытіи на мѣсто назначенія, въ другую страну, купцы сохраняли ту-же солидарность, составляли нѣчто цѣльное, объединенное между собою и въ то-же время чуждое населенію той мѣстности, куда они пріѣзжали, рѣзко отдѣленное отъ него. Поселенія купцовъ или факторіи (ложи) представляли собою опредѣленную часть города улицу или даже цѣлый кварталъ, укрѣпленный стѣною, на случай нападенія со стороны мѣстныхъ жителей. Внутри его находилось торговое подворье (гостиный дворъ, fondaco или dogana) гдѣ жили купцы и хранились ихъ товары.

Такія ложи (logiae или loggia) имѣли итальянцы повсюду, какъ въ левантійскихъ, такъ и въ западно-европейскихъ городахъ, уже въ XII вѣкѣ въ Сициліи и Сиріи, въ XIII ст. на Кипрѣ, Сардиніи, Майоркѣ, въ Аррагоніи, Каталоніи, южной Франціи, Нидерландахъ, на ярмаркахъ Шампани. Внутри факторіи помѣщался palatium консула, фондако для храненія и продажи товаровъ, церковь, галерея со сводами для защиты отъ дождя и жары, гдѣ происходили собранія купцовъ и др. При этомъ каждая „нація“ или купцы каждаго города—генуэзцы, пизанцы, венеціанцы, флорентинцы, имѣли обыкновенно свою особую ложу и свое особое фондако, венеціанцы въ Александріи имѣли даже два подворья (съ половины XIII ст.) [2]).

---

[1]) Fondaco происходитъ отъ арабскаго funduc, точно также dogana (отсюда франц. douane — таможня) есть арабское слово (см. Goldschmidt, p. 98. Anm. 11).

[2]) Только провансальскіе, лангедокскіе и каталонскіе города иногда (напр., въ Тирѣ въ концѣ XII ст.) составляли одну общину съ общими консулами и судомъ, ибо число купцовъ, пріѣзжавшихъ изъ каждаго отдѣльнаго города (Монпелье, Марсель, Сенъ-Жиль, Барселоны) было слишкомъ незначительны, чтобы купцы каждаго изъ нихъ могли составлять самостоятельное цѣлое. Такія же соединенныя купеческія общины существовали, какъ мы видѣли выше (стр. 127), на ярмаркахъ Шампани.

Ганзейцы имѣли четыре основныя факторіи или конторы— (съ XII ст.) въ Новгородѣ, Лондонѣ, (съ XIII ст.) въ Брюгге и (съ пол. XIV ст.) въ Бергенѣ, кромѣ того рядъ болѣе мелкихъ [1]). Въ исторіи извѣстенъ ихъ „Stalhof“ (steelyard) въ Лондонѣ [2]), расположенный на берегу Темзы; названіе его происходитъ, однако, не отъ стали („стальной дворъ“—какъ обыкновенно утверждаютъ), а отъ staleu — производить осмотръ и клейменіе сукна (которое играло важную роль въ экспортѣ ганзейцевъ изъ Англіи), слѣд. „суконный дворъ“. Извѣстны и ихъ гостиные дворы, готландскій и нѣмецкій (дворъ св. Петра) въ Новгородѣ; они были огорожены высокимъ тыномъ съ крѣпкими воротами и окружены на семь шаговъ кругомъ незастроенной полосой земли, отдѣлявшей ихъ отъ прочихъ (русскихъ) поселеній, отъ самаго Новгорода.

Въ Бергенѣ поселеніе ганзейскихъ купцовъ, ихъ факторія называлась „die deutsche Brücke“ (нѣмецкій мостъ, Tyskebrüggen, возможно что въ смыслѣ „Landungsbrücke“, т. е. та часть города, гдѣ приставали нѣмцы); въ ней находилось 30 строеній, принадлежавшихъ ганзейцамъ, и ихъ церковь. Въ Брюгге ихъ подворье—„des coepmans huys“ (т. е. домъ купцовъ) и площадь остерлинговъ (такъ назывались ганзейцы, ибо пріѣзжали во Фландрію съ востока). Ганзейскіе купцы обязаны были всегда держать на готовѣ латы и оружіе (на случай нападенія туземцевъ); повсюду туземнымъ жителямъ запрещалось ночевать на нѣмецкомъ дворѣ, а ганзейцамъ оставаться на ночь внѣ отведенной для нихъ части города; туземцы не могли входить даже въ церковь, ибо въ церкви (и въ Новгородѣ, и въ Брюгге, и въ Бергенѣ) хранились товары и вѣсы и здѣсь же предъ алтаремъ производились нерѣдко торговыя операціи. Въ нѣмецкой церкви св. Петра въ Новгородѣ внизу въ сводахъ помѣщались бочки, тюки полотенъ и вообще всѣ громоздкія вещи, привезенныя съ Запада, здѣсь же хранились вымѣненныя у русскихъ мѣха, внутри церкви стояли ящики съ разнымъ товаромъ, а для вина было отведено привиллегированное мѣсто при алтарѣ; вообще церковь упоминается въ источникахъ почти исключительно въ качествѣ товарнаго склада (Костомаровъ. Никитскій).

И въ другихъ мѣстахъ первоначальное поселеніе купцовъ въ нанятыхъ домахъ замѣнялось сосредоточеніемъ ихъ въ опредѣленномъ подворьѣ, какъ напр., купцовъ южно-германскихъ городовъ, пріѣзжавшихъ въ Венецію, въ извѣстномъ „fondaco dei Tedeschi“ (т. е. гостиный дворъ нѣмцевъ), — одно изъ наиболѣе благоустроенныхъ и красивыхъ зданій средневѣковаго періода, — или по крайней мѣрѣ, при отсутствіи такового, въ извѣстной части города, въ замкнутой факторіи, какъ, напр., ганзейцевъ въ Ковно, купцовъ изъ южной Германіи въ Вѣнѣ, Прагѣ („deutsches Dorf“, окруженное стѣной и валомъ). Такія подворья (Kaufhäuser или Gredhäuser) возникли (во многихъ мѣстахъ по требованію итальянцевъ) и въ прирейнскихъ и другихъ нѣмецкихъ городахъ (въ XIV ст. въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Кельнѣ, Фрейбургѣ, Базелѣ, Страсбургѣ, въ XV ст. въ Вормсѣ, Констанцѣ, Ульмѣ), гдѣ былъ запрещенъ иногороднимъ купцамъ прежній обычай останавливаться въ харчевняхъ (какъ бы подъ покровительствомъ хозяина) и они обязаны были и сами проживать (въ особыхъ помѣщеніяхъ—Gadem) и хранить привезенные товары и производить продажу ихъ исключительно въ „гостиномъ дворѣ“, расположенномъ у рѣки (Рейна, Дуная) или озера (напр., Боденскаго); въ немъ же хранились вѣсы и производился осмотръ товаровъ и взиманіе пошлины (какъ и въ нѣмецкомъ подворьѣ въ Венеціи) [3]). Между ними и итальянскими фондако или ганзейскими „дворами“ нельзя найти (въ противоположность мнѣнію Шульте р. 520 и сл., которое не подтверждается приводимыми ими же фактами) никакого существеннаго различія. И въ то же время эти подворья пріѣзжихъ купцовъ ничего общаго не имѣютъ съ тѣми торговыми рядами, въ которыхъ мѣстные жители сбывали свои

---

[1]) Таковы Полоцкъ, Ковно; Бостонъ, Линнъ, Ипсчвичъ, Гуллъ, Ярмутъ; Копенгагенъ, Малме. Ставеренъ; Амстердамъ, Слуисъ и др.

[2]) Такое же названіе имѣли ганзейскія подворья въ Линнѣ и Бостонѣ.

[3]) Уже первыя строенія такого рода окружены стѣнами и находятся на противоположномъ городу сторонѣ рѣки, соединяясь съ городомъ лишь (подъемными) мостами; напр., г. Виртенъ на Мозелѣ въ X ст. (Claustrum muro instar oppidi exstructum ab urbe quidem Mosa interfluente seiunctum sed pontibus duobus interstratis ei annexum). Lamprecht. Deut. Wirtsch. II. p. 252.

продукты; Генглеръ (Stadtrechtsaltertümer. p. 330 и сл.), совершенно ошибочно смѣшиваетъ эти двѣ столь различныя по своему происхожденію и характеру вещи.

Если въ отдѣльныхъ поселеніяхъ купцовъ (особыхъ улицахъ, подворьяхъ) выражается отсутствіе довѣрія между лицами различной національности, то тѣмъ же проникнуты и такіе обычаи, какъ, напр., отнятіе руля и парусовъ у итальянскихъ судовъ по прибытіи ихъ въ Александрію (они отдавались обратно не ранѣе чѣмъ всѣ торговыя операціи были закончены и купцамъ разрѣшалось возвращаться домой), какъ появленіе на ярмаркѣ въ панцырѣ и съ лукомъ [1]), какъ многочисленные ярмарочные обычаи и привилегіи, составлявшіе исключеніе изъ общаго права того времени. На ярмаркахъ средневѣковый обмѣнъ сосредоточивался по преимуществу и число ихъ было весьма велико, хотя, за исключеніемъ немногихъ ярмарокъ международнаго характера (они указаны выше), почти всѣ остальныя имѣли значеніе лишь для небольшого района. На нихъ (преим. на крупныхъ, международныхъ ярмаркахъ) выработался своеобразный кодексъ (международнаго) торговаго права, которое должно было предупреждать столкновенія между купцами различныхъ національностей, городовъ и племенъ. Такъ прежде всего ярмарка являлась убѣжищемъ, гдѣ нельзя было никого преслѣдовать за дѣйствія, совершенныя внѣ ярмарки, въ особенности нельзя было ни задержать должника ни захватить его товары. Далѣе на ярмаркѣ отмѣнялось такъ называемое право репрессалій: пріѣзжавшіе на ярмарку купцы не отвѣчали за долги или за преступленія, совершенныя ихъ соотечественниками внѣ ярмарки (но не на самой ярмаркѣ—это обыкновенно особо оговаривается); если данный городъ отказывался выдать бѣглаго должника, то купцы этого города и ихъ товары могли быть захвачены повсюду, но только не на ярмаркѣ. Имущество, оставшееся послѣ умершаго иностранца, не присваивалось, какъ въ обыкновенное время, мѣстнымъ управителемъ (государемъ), а выдавалось согласно составленному имъ завѣщанію или, при отсутствіи послѣдняго, его соотечественникамъ. Учреждался особый ярмарочный судъ съ ускореннымъ суммарнымъ производствомъ (summarie et de plano), безъ соблюденія обычныхъ сложныхъ формъ (sine figura et longo strepitu iudicii, non servata sollempnitate); въ Англіи этотъ судъ назывался court of piepowder (т. е. судъ пыльныхъ ногъ) [2]).

Ярмарка происходила всегда въ теченіе опредѣленнаго срока—мѣсяца, шести недѣль, 40 дней, послѣ чего купцы обязаны были покинуть данную мѣстность; продолжительность ея совпадала съ религіозными празднествами въ честь почитаемаго въ данной мѣстности святого (это наиболѣе рѣзко выражается во времени происходившихъ въ графствѣ Шампань шести—особенно важныхъ для всей Европы—ярмарокъ). Она распредѣлялась на нѣсколько частей: предварительный періодъ, когда купцы пріѣзжали, распаковывали и раскладывали товары, далѣе, опредѣленные дни для продажи тѣхъ или иныхъ издѣлій (въ Шампани сначала суконная ярмарка, затѣмъ ярмарка кожъ и одновременно пряностей, благовоній и красильныхъ веществъ, привозимыхъ съ Востока). Наконецъ, послѣдній періодъ—разсчетные дни. Одинъ періодъ смѣнялся другимъ, когда раздавался крикъ „hare, hare“ (herbei, sus), обычный возгласъ, примѣняемый при созывѣ сосѣдей, призывѣ на помощь и т. д. [3])

Какъ во главѣ каравановъ на сушѣ и на морѣ, такъ и во главѣ образовавшихся изъ нихъ купеческихъ гильдій стояли „capitanei universitatis merca-

---

[1]) См. Wauters. Libertés communales de Belgique. p. 253.

[2]) Названіе это объясняютъ обыкновенно такимъ образомъ, что судъ происходилъ столь же скоро, какъ пыль падаетъ съ ногъ (Huvelin. p. 419).

[3]) Есть и цѣлый рядъ другихъ объясненій слова „hare“ (напр., hare отъ hora—часъ, отъ Halle—лавка, отъ haraho—площадь, отъ haret—граница, отъ hirechare—два слова: Hirche (Kireche—церковь) и Halle, отъ ha—rou и т. д.), но всѣ они весьма искусственны (ср. Huvelin. p. 520).

torum", Hansegrafen или consuls sur mer, которые являлись старѣйшинами купцовъ, предводителями ихъ во время путешествія и пребыванія на ярмаркѣ или рынкѣ. Съ образованіемъ постоянныхъ факторій въ различныхъ странахъ они превращаются въ постоянныхъ представителей купечества даннаго города, въ альдермановъ (или ольдермановъ, т. е. старѣйшинъ), консуловъ (vicecomes, baiulus, podesta, capitano); при нихъ (обыкновенно ихъ два, три) состоялъ совѣтъ (совѣтъ „мудрыхъ", присяжные), нотаріусы (ранѣе всего и здѣсь корабельный нотаріусъ во время пути), клерки и писцы, лица, завѣдующія подворьями складами и т. д; караваны же и гильдіи имѣли теперь своихъ особыхъ отъ этихъ лицъ предводителей.

Консулы (въ особенности итальянскіе) на Востокѣ (мы ихъ находимъ повсюду, и нерѣдко по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ они упоминаются, опредѣляемъ рынки, на которыхъ торговали, въ особенности венеціанцы и генуэзцы), капитаны провансальскихъ, лангедокскихъ и итальянскихъ купеческихъ гильдій на ярмаркахъ Шампани и ольдермены ганзейскихъ конторъ являются частью выборными (изъ среды купцовъ), частью (впослѣдствіи) назначаемыми городомъ для факторіи должностными лицами (по статутамъ Флоренціи достаточно 12, по статутамъ Марселя 10—20, по статутамъ Пизы—5, Піаченцы—3 купцовъ даннаго города, пребывающихъ въ какой либо мѣстности, для выбора консула). Съ одной стороны, они завѣдовали дѣлами факторіи, издавали обязательныя для всей купеческой общины постановленія и, наконецъ, производили (при участіи выборныхъ отъ купечества) разборъ тяжбъ между членами общины (какъ постоянными, такъ и временно пребывающими), притомъ всегда на основаніи собственнаго, а не чужого (т. е. туземнаго) права. Съ другой стороны, въ сношеніяхъ съ населеніемъ той мѣстности, гдѣ устроена факторія, консулы въ средніе вѣка являлись посредниками между всей купеческой общиной и туземнымъ населеніемъ (первоначально между кочующимъ торговымъ племенемъ, караваномъ, и властями того мѣста, гдѣ онъ останавливался), которые (отдѣльнымъ лицамъ Ганза это рѣшительно запрещала) заключали (торговые) договоры, отъ имени всей купеческой организаціи; послѣдними регулировались права и привилегіи иноземныхъ купцовъ. Договоры эти были чрезвычайно многочисленны (даже небольшой, не игравшій значительной роли въ торговлѣ, итальянскій городъ Анкона заключилъ въ XII—XIII ст. 302 договора), ибо даже заключенные на „вѣчное" время договоры должны были (какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ) каждый разъ вновь подтверждаться при вступленіи на престолъ новаго короля, герцога или султана, въ знакъ того, что мирное состояніе продолжается, хотя бы этому никакое столкновеніе не предшествовало.

Иной характеръ имѣетъ повидимому институтъ маклеровъ-посредниковъ (sensarius отъ араб. simsar; courtier, Unterkäufer), которые также имѣли существенное значеніе въ средневѣковой торговлѣ. Въ противоположность консуламъ, представителямъ купеческой общины, они являются представителями иноземнаго населенія, съ которыми пріѣзжіе купцы вступаютъ въ торговыя сношенія. Они возникли, какъ въ настоящее время выясняется, изъ тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ первоначально (до появленія подворій) останавливались купцы — иностранцы и подъ покровительствомъ которыхъ (пользуясь ихъ гостепріимствомъ) они находились. Такъ какъ иностранецъ былъ безправенъ, то хозяинъ являлся его защитникомъ, и въ виду того, что онъ самъ, вслѣдствіе господства междуплеменной вражды, не могъ вступать въ торговый обмѣнъ съ туземнымъ населеніемъ, посредникомъ являлся этотъ домовладѣлецъ, заключавшій сдѣлку нерѣдко на собственное имя. Впослѣдствіи онъ постепенно превратился въ помощника, сопровождавшаго купца во время всей его торговой дѣятельности въ данной мѣстности. Эти помощники-маклеры образуютъ особыя корпораціи, пользующіяся исключительнымъ правомъ посредничества; нерѣдко купцы даже обязаны къ нимъ обращаться, не могутъ производить операцій помимо нихъ. Они являются оцѣнщиками, свидѣтелями при заключеніи сдѣлки, экспертами по опредѣленію качества товаровъ. Но имъ повсюду и вездѣ запрещена ихъ прежняя дѣятельность—пріобрѣтеніе товаровъ на свое имя, какъ и вообще какое бы то

ни было участіе въ сдѣлкѣ. При торговыхъ подворьяхъ и во время ярмарокъ имѣлось обыкновенно значительное количество маклеровъ, причемъ они распадались на различныя спеціальности—маклеры по продажѣ вина, лошадей, по измѣренію сукна, по перевозкѣ товаровъ, корабельные маклера, какъ и маклеры въ области страхованія, заключенія браковъ и т. п. (См. Goldschmidt. Ursprünge des Mäklerrechts. Zeitschr. für Handelsrecht. B. XXVIII., а также Universalgesch. p. 250 и сл. Huvelin. Hist. du droit etc. p. 529 и сл. Schmoller. Tucher-und Weberzunft. p. 430—31. Falke. I. 266. и сл.).

Въ средніе вѣка торговецъ по общему правилу сопровождалъ самъ свои товары, разъѣзжая съ ярмарки на ярмарку и стараясь посѣтить возможно большее число ихъ (ярмарки происходили поочередно) [1] [2], почему,—какъ подчеркиваетъ Охенковскій—въ торговлѣ того времени главную роль игралъ личный трудъ купца, а не его капиталъ. Однако, необходимость посѣщать значительное число рынковъ и поддерживать сношеніе съ различными, нерѣдко весьма отдаленными другъ отъ друга, мѣстностями, заставляла обращаться къ спеціальнымъ перевозчикамъ товаровъ (carraterii, vecturarii, muliones) или же держать факторовъ или приказчиковъ (famulus, institor; рядомъ съ ними имѣются ученики—discipuli, garzoni, встрѣчаются даже дѣвушки), которые посылались съ торговыми цѣлями въ различныя мѣстности, проходя такимъ образомъ извѣстную подготовительную школу. Посѣтители ганзейскихъ конторъ состояли въ значительной мѣрѣ изъ такихъ факторовъ (26 кельнскихъ факторовъ въ Лондонѣ), принципалы которыхъ оставались дома [3]. Съ ними заключался нерѣдко своеобразный договоръ Sendeve, который Реме отождествлялъ съ договоромъ товарищества на вѣрѣ [4], а Левинъ съ комиссіоннымъ договоромъ [5], тогда какъ—какъ выяснилъ Молдво—здѣсь имѣется своеобразная переходная ступень отъ договора довѣренности: то же лицо, будучи попрежнему не болѣе какъ довѣреннымъ въ отношеніи къ принципалу, въ дѣйствіяхъ съ третьими лицами выступаетъ уже отъ своего имени, за чужой счетъ—довѣренный и комиссіонеръ здѣсь сливаются [6]. И въ южно-германской торговлѣ, въ особенности же въ итальянскихъ договорахъ, гдѣ повсюду имѣется добавленіе—самъ или чрезъ посредство товарищей или факторовъ, слугъ или учениковъ—факторы не только получаютъ опредѣленную плату, но нерѣдко участвуютъ и въ прибыляхъ, помѣщая свои капиталы въ предпріятіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятія factor и socius даже признаются равнозначущими.

Изъ этого видно, насколько товарищество являлось въ средніе вѣка необходимой организаціей торговли (и всякія другія формы клонились къ превращенію въ товарищество съ равноправными отношеніями), организаціей, которая—въ противоположность весьма распространенному до недавняго времени мнѣнію—вовсе не возникаетъ по общему правилу лишь съ конца XV и начала XVI вѣка, а напротивъ—какъ выяснили Молдво и Беловъ—представляетъ собою (не только въ Италіи, но и въ Германіи) нѣчто свойственное средневѣковому періоду. Господствующимъ является при этомъ товарищество временное, заключаемое на три—шесть лѣтъ, еще чаще на одно опредѣленное торговое путешествіе, причемъ

---

[1]) Итальянскіе купцы отправлялись въ началѣ года на ярмарку въ Ланьи (Шампань), на масленицу въ Ипръ, послѣ Пасхи въ Брюгге, въ маѣ переѣзжали въ Англію, возвращались затѣмъ обратно, чтобы попасть на ярмарку въ Лиллѣ, а затѣмъ въ Провансѣ въ сентябрѣ, въ ноябрѣ посѣщали послѣднюю ярмарку Шампани (въ Труа) и къ концу года возвращались домой (Cp. Des Marez. La lettre de foire. p. 75).

[2]) Недаромъ базельскій купецъ Андреасъ Риффъ говоритъ, что онъ „мало времени проводилъ въ своей жизни спокойно, безъ того, чтобы сѣдло не грѣло ему задъ“ (Geering. Basels Handel etc. 412).

[3]) Daenell. B. II. 326.

[4]) Zeitschr. für Handelsrecht. N. F. 27.

[5]) Lewin. Das Kommissionsgeschäft im Hansagebiet. 1887.

[6]) Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen, p. LVI и сл.

одинъ и тотъ же торговецъ нерѣдко вступаетъ одновременно въ нѣсколько разнообразныхъ товариществъ, направляющихъ свою дѣятельность въ различныя мѣстности. Такую форму имѣетъ вся итальянская торговля на Средиземномъ морѣ, какъ и вся морская ганзейская торговля (товарищества возникаютъ въ области морской торговли и развиваются тамъ наиболѣе сильно). Либо капиталъ доставляется обоими участниками (collegantia, societas maris, societas vera—изъ послѣдняго названія быть можетъ вытекаетъ, что это была первоначально единственная форма), но только одинъ изъ нихъ производитъ торговыя операціи (tractator, portator, portat trans mare—in terra—caboratum), причемъ онъ помѣщаетъ одну треть капитала, прибыль же дѣлится пополамъ; либо tractator только прилагаетъ свой трудъ (commenda, accommenda—отъ слова commendare: поручать, ему поручается товаръ) и тогда ему принадлежитъ $^1/_4$ вырученной прибыли; онъ является въ послѣднемъ случаѣ карабельщикомъ, который принимаетъ отъ различныхъ лицъ (commendator) товары для продажи ихъ въ другихъ странахъ. Рядомъ съ этими формами (они нерѣдко переходятъ одна въ другую и не различаются современниками, даже названія обоихъ иногда прилагаются и къ той и къ другой безразлично) нынѣшняго товарищества на вѣрѣ (которое образовалось изъ нихъ впослѣдствіи) существуетъ и полное товарищество (compagna, cumpenie, mascopie), возникшее повидимому среди родственниковъ и являвшееся соединеніемъ труда и капитала на началахъ солидарной и неограниченной отвѣтственности всѣхъ участниковъ (e compagnie, e la sua compagnia). При производствѣ торговыхъ операцій въ нѣсколькихъ странахъ необходимость знакомства съ путями сообщенія, торговыми обычаями, многочисленными и сложными таможенными тарифами требовала такого одновременнаго участія нѣсколькихъ лицъ (заинтересованныхъ притомъ своимъ капиталомъ), которыя обыкновенно селились въ различныхъ мѣстностяхъ и тамъ производили закупку и продажу товаровъ за счетъ компаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, соединеніе капиталовъ нѣсколькихъ лицъ, къ чему присоединялись сбереженія другихъ лицъ (отдаваемыя компаніи подъ проценты), давало компаніи возможность закупать товары въ значительномъ количествѣ, даже скупать весь запасъ, имѣющійся въ данной мѣстности (тѣмъ болѣе, что въ средніе вѣка количество товаровъ, доставляемыхъ на рынокъ, было вообще невелико), и затѣмъ произвольно регулировать цѣны. Съ конца XIV ст. эти компаніи усиливаются все болѣе и болѣе и возникаетъ рядъ крупныхъ ассоціацій съ большимъ количествомъ участниковъ и очень значительными капиталами; торговля между южно-германскими и итальянскими городами находилась въ рукахъ немногихъ крупныхъ торговыхъ компаній (напр., „великой равенсбургской компаніи“). И одновременно съ ростомъ послѣднихъ въ XV ст. раздаются жалобы на монополизацію ими различныхъ отраслей торговли (напр., жалобы Ганзы въ пол. XV ст. на компаніи итальянскихъ и фламандскихъ купцовъ, повышающихъ цѣны въ Брюгге, на компанію, скупавшую всѣ издѣлія лейденскихъ ткачей; въ то же время упоминается въ аугсбургскихъ лѣтописяхъ о монопольныхъ ассоціаціяхъ, скупающихъ товары въ Венеціи большими партіями и затѣмъ продающихъ ихъ по произвольно повышеннымъ цѣнамъ). Лишь продолженіемъ этихъ товариществъ являются тѣ крупныя компаніи начала XVI ст., которыя своимъ монопольнымъ характеромъ вызывали возмущеніе Лютера и Цвингли и которыя обыкновенно разсматриваются какъ нѣчто новое, характерное для періода XVI вѣка.

Эти товарищества, ассоціаціи имущественнаго характера, не слѣдуетъ смѣшивать съ купеческими гильдіями, о которыхъ мы уже упоминали выше. Послѣднія представляютъ собою, въ противоположность торговымъ компаніямъ, соединенія лицъ, а не капиталовъ. Мало того, компанія есть одно цѣльное предпріятіе, члены ея ведутъ торговыя операціи за общій страхъ и рискъ и дѣлятъ между собой сообща вырученную прибыль. Гильдіи же являются соединеніемъ цѣлаго ряда лицъ, изъ коихъ каждое имѣетъ самостоятельное предпріятіе, ведетъ

торговлю за свой счетъ, независимо отъ другихъ; цѣль гильдіи—какъ мы указывали выше (стр. 127)—состоитъ во взаимной защитѣ и взаимномъ содѣйствіи во время пути и на рынкѣ, въ соглашеніяхъ относительно высоты цѣнъ и т. п. Поэтому то внутри купеческой гильдіи, ассоціаціи купцовъ той или иной національности, могли возникать (и дѣйствительно возникали) отдѣльныя торговыя компаніи; напр., купцы различныхъ южно-германскихъ торговыхъ городовъ, совершавшіе путешествія въ Венецію съ торговыми цѣлями, представляли собою несомнѣнно цѣлый рядъ гильдій, объединявшійся венеціанскимъ фондако и тамошними нѣмецкими консулами, но внутри этихъ гильдій образовались торговыя компаніи Мейтинговъ, Гумписовъ, Вельзеровъ, принимавшія постепенно монопольный характеръ.

Средневѣковыя гильдіи, какъ мы видѣли выше, возникли изъ совмѣстныхъ путешествій купцовъ, образовались изъ купеческихъ каравановъ, отправлявшихся на ту или иную ярмарку. Эти кочующіе караваны впослѣдствіи осѣли въ той или иной мѣстности и монополизировали торговлю на мѣстномъ рынкѣ и въ извѣстномъ районѣ, (въ бассейнѣ той или иной рѣки—въ особ. во Франціи); монополизировали, однако, лишь розничную торговлю, тогда какъ оптовая попрежнему была свободна, и въ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ отъ времени до времени членами этой гильдіи для закупки товаровъ оптомъ въ другихъ странахъ, могли принимать участіе и иныя лица, они могли и по возвращеніи обратно сбывать оптомъ товары различнымъ мѣстнымъ торговцамъ. Такимъ образомъ, имѣются съ одной стороны гильдіи даннаго города, для вступленія въ которыя необходимо удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ (полная аналогія съ ремесленными цехами) и которыя пользуются исключительнымъ правомъ торговли въ розницу привозными товарами въ данной мѣстности. А съ другой стороны, существуютъ упомянутыя нами выше universitates или гильдіи въ видѣ Englandfahrer, Nowgorodfahrer, universitas et societas mercatorum et cambitorum Lombardorum, Italicorum nundinas Campaniae frequentantium и др. (см. выше, ст. р. 127). т. е. ассоціаціи купцовъ, производящихъ торговлю съ тѣми или иными странами, вступленіе въ которыя не стѣснено и торговля которыхъ имѣетъ оптовый, международный характеръ. Обыкновенно участники послѣднихъ входятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ гильдій перваго рода, для того, чтобы имѣть возможность сбывать не только оптомъ, но и въ розницу привезенные изъ другихъ странъ товары. Гильдіи розничныхъ торговцевъ (gilda mercatorum) нерѣдко (въ особ. въ германскихъ городахъ) именуются гильдіями суконщиковъ (Gewandschneidergilden, incisores panni), ибо главную ихъ привилегію составляетъ продажа иноземнаго (фламандскаго, англійскаго) сукна въ розницу, хотя часто они торгуютъ и другими товарами, въ особ. привознымъ виномъ. Отъ этихъ гильдій, состоявшихъ изъ знатныхъ людей и имѣвшихъ большое значеніе въ средневѣковыхъ городахъ, отличаются по своему болѣе низкому соціальному положенію гильдіи (третьяго рода) мелочныхъ торговцевъ, (Krämer, institor). Послѣдніе, въ противоположность осѣдлымъ розничнымъ торговцамъ, (Gewandschneider, Kaufleute), сохранили свой кочевой характеръ, являлись коробейниками, странствовавшими съ рынка на рынокъ, по замкамъ и монастырямъ, разнося въ небольшомъ количествѣ различные предметы украшенія, металлическія, деревянныя издѣлія, а равно матеріи, хотя продажа послѣднихъ составляла привилегію Gewandschneider'овъ. Надо впрочемъ признать, что вопросъ о характерѣ средневѣковыхъ гильдій еще далеко не выясненъ и многое въ источникахъ допускаетъ и иное толкованіе (См. особ. статью Keutgen'a въ Hans. Geschichtsblätter. 1901. Below въ Iahrb. für Nationaloekon. 1900. Gross. Gild Merchant. Hegel. Städte und Gilden. Doren. Untersuch. zur Gesch. der Kaufmannsgilden des Mittelalters. Schmollers Forschungen. 1893).

Разсматривая всю широкую область коммерческой дѣятельности въ средніе вѣка, мы поражаемся чрезвычайно мало развитой спеціализаціей занятій. Если ремесло или обрабатывающая промышленность рѣзко отдѣлена отъ торговли и въ области самаго ремесла отдѣльные промыслы отграничены другъ отъ друга (за тѣмъ, чтобы эти границы не переступались, зорко слѣдитъ каждый цехъ), то съ другой стороны торговля оптовая и розничная, перевозка товаровъ, денежныя и кредитныя операціи и многое другое тѣсно связаны и производятся одними и тѣми же лицами. Транспортный промыселъ не выдѣлился въ особую

спеціальность—купецъ, единолично торгующій, или одинъ изъ членовъ компаніи или наконецъ прикащикъ или факторъ сопровождаетъ товары; корабли принадлежатъ купцамъ, перевозящимъ на нихъ свои товары. Даже матросы являются отчасти и торговцами, пользуясь правомъ везти съ собой извѣстное количество товаровъ и торговать ими.

Купецъ, перевозящій свои товары, торгуетъ самыми разнообразными товарами одновременно, не вырабатывая себѣ какой-либо спеціальности. Сукно и хлѣбъ, перецъ, корица, шафранъ и другія пряности, кожи и мѣха, лѣсъ, рыба различныхъ сортовъ,—все это фигурируетъ одновременно въ качествѣ объекта торговли въ одной и той же торговой книгѣ. Тотъ же купецъ, закупая въ другихъ странахъ товары оптомъ, частью продаетъ ихъ снова оптомъ мѣстнымъ торговцамъ, частью самъ сбываетъ ихъ въ розницу, какъ это видно изъ сохранившихся торговыхъ книгъ того времени (См. напр., торговыя книги Тельнера, Виттенборга и др.). Мало того, установленное Беловымъ положеніе, что въ средніе вѣка не было особаго сословія, особой категоріи оптовыхъ торговцевъ, которые не занимались бы совершенно продажей въ розницу, подтвердилось и изслѣдованіями Кейтгена, который въ одномъ лишь Аугсбургѣ нашелъ особую корпорацію оптовиковъ (рядомъ съ розничными торговцами), ограничивающимися только этой областью торговли; во всѣхъ другихъ случаяхъ имѣются лишь корпораціи деталистовъ, которые одни лишь вправѣ продавать въ розницу, тогда какъ оптовой торговлей можетъ заниматься всякій, даже и не—купецъ.

Далѣе тотъ же купецъ, занимающійся товарной торговлей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я показалъ въ своемъ изслѣдованіи „Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter“, мѣняла и банкиръ, онъ занимается въ тоже время и размѣномъ денегъ, и вексельными операціями, и въ особенности ссудами подъ проценты. Выдѣленіе ломбардовъ и евреевъ въ качествѣ единственнаго класса, занимающагося кредитными сдѣлками, не выдерживаетъ критики, ибо съ одной стороны подъ, ломбардами въ средніе вѣка понимались всѣ итальянскіе купцы, которые вели товарную и денежную торговлю съ Англіей, Франціей, Фландріей и т. д., а съ другой стороны, мы не можемъ разбить итальянскихъ купцовъ на двѣ особыя группы—занимающіяся только товарной торговлей или только кредитными операціями. Всѣ они, какъ флорентинцы (компаніи Фрескобальди, Барди, Перуччи, Моччи, Спини и т. д.), такъ и венеціанцы, генуэзцы, торговые дома Сіены, Болоньи, Лукки соединяютъ товарныя операціи съ ссудными (банкирскими); итальянскіе банки въ то же время спекулируютъ въ области товарной торговли (см. ниже), и даже крупнѣйшая фирма Медичи, которую до новѣйшаго времени считали исключительно банкирскимъ домомъ, какъ выяснилось на основаніи изслѣдованій Зивекинга, вела въ то же время обширную торговлю пряностями Востока, итальянскими шелковыми издѣліями и т. д. И точно также евреи, какъ видно изъ торговыхъ книгъ, опубликованныхъ Лебомъ и изъ данныхъ, приведенныхъ Шаубе, и въ XIII—XV ст. (а не только до XI ст.) занимались не одними лишь банкирскими операціями, но и оптовой и розничной торговлей товарами. Если мы съ другой стороны возьмемъ ганзейцевъ, купцовъ южногерманскихъ, французскихъ и т. д., которыхъ считаютъ обыкновенно исключительно торговцами товарами, то увидимъ изъ Hanseakten и изъ другихъ источниковъ, что ганзейцы въ Англіи, Жакъ Керъ во Франціи и т. д. давали королямъ, баронамъ и даже мелкимъ торговцамъ и ремесленникамъ деньги подъ проценты.

Необходимость соединенія торговли товарной съ банкирскими сдѣлками вызывалась тѣмъ, что купцы (напр., итальянцы и ганзейцы въ Англіи) для сохраненія своихъ привилегій въ товарной торговлѣ (шерстью, сукномъ, хлѣбомъ и т. д.), вынуждены были оказывать услуги королямъ, постоянно нуждавшимся въ деньгахъ, открывая имъ кредитъ, да и имѣли часто свободные капиталы, вслѣдствіе перерывовъ въ товарной торговлѣ, вызываемыхъ войнами и т. п. И точно также банкиры должны были стать и купцами, такъ какъ у

нихъ оставались переданные въ закладъ и не выкупленные должниками вещи, которыя нужно было какъ-нибудь сбыть; да и будучи придворными банкирами, они получали постоянно порученія доставить ко двору различные предметы роскоши и т. д. или же для войска въ случаѣ войны, хлѣбъ, одежду, оружіе. Наконецъ, банкирамъ нерѣдко уплачивали не наличными деньгами, а продуктами, сельско-хозяйственными произведеніями королевскихъ или сеньоріальныхъ доменъ или же взамѣнъ уплаты деньгами давали выгодныя торговыя привилегіи (право вывоза запрещенныхъ другимъ купцамъ товаровъ и т. д.). Но банкирамъ иногда уплачивали и инымъ образомъ за долги: короли предоставляли имъ различные государственные доходы—подати, таможенные сборы, монету, соляные источники, рудники, для покрытія долга. Отсюда банкиры становились не только купцами, но и сборщиками податей, монетчиками, горнопромышленниками. Итальянцы, въ особенности, соединяли всѣ эти операціи и въ Англіи и во Франціи и въ Нидерландахъ и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій въ своихъ рукахъ.

Изъ торговыхъ книгъ братьевъ Bonis, французскихъ купцовъ (г. Монтобана) XIV ст. мы узнаемъ, что они постоянно занимались слѣдующими операціями. Выдавали ссуды подъ векселя, подъ залогъ движимостей, подъ землю, принимали вклады, производили сборъ таліи, брали на откупъ десятину и иные церковные доходы. Далѣе они, торговали матеріей, обувью, золотыми и серебряными издѣліями, пряностями, оружіемъ, сѣдлами, порохомъ, выдѣлывали лекарственныя снадобья, восковыя свѣчи, кондиторскія издѣлія, отдавали лошадей на прокатъ, устраивали похоронныя процессіи, не считая различныхъ случайныхъ функцій. (Les livres de comptes des frères Bonis. Ed. Forestié. 1890. I. Introd. XXVII).

Крупнѣйшая торговая фирма средневѣковаго періода—торговый домъ Медичи во Флоренціи съ отдѣленіями въ Римѣ, Миланѣ и т. д. занималась одновременно какъ вексельными и ссудными (ссуды и государямъ и купцамъ, и ремесленникамъ) депозитными, такъ и комиссіонными, страховыми, фрахтовыми операціями, а равно товарной торговлей въ широкихъ размѣрахъ; торговлей и шерстью, и фабрикатами, (какъ-то: сукномъ, шелковыми тканями, шапками и перчатками), и пряностями и иными левантійскими товарами—перцемъ, сахаромъ, хлопкомъ, квасцами и т. п., наконецъ, золотыми и серебряными издѣліями, которыя доставлялись ко двору. Для флорентинскаго отдѣленія на первомъ планѣ стояли банковыя операціи, хотя рядомъ съ ними производилась и товарная торговля, въ Брюгге Медичи являлись прежде всего импортерами пряностей, изъ Англіи они вывозили сукно, но кредитовали также англійскихъ королей.

Точно также товарищество купцовъ-евреевъ во Франціи (Франшкомте) 1300—1318 г.г. производило — какъ это видно изъ его торговыхъ книгъ (выдержки напечатаны Лебомъ)—какъ денежныя, кредитныя и финансовыя операціи, такъ и торговлю матеріями самыхъ различныхъ сортовъ, виномъ, но также всевозможными сельско-хозяйственными продуктами и промышленными издѣліями.

Относ. этого, какъ и операцій гамбурскаго купца Гельдерсена, фирмы Рунтингеръ въ Регенсбургѣ и др. см. мои „Warenhändler“ etc.

ГЛАВА III.

Денежное обращеніе и денежная торговля.

Въ позднѣйшее средневѣковье денежное хозяйство постепенно проникаетъ во всѣ сферы экономической жизни: не только въ городахъ обмѣнъ совершается при посредствѣ денегъ, но и въ помѣстьяхъ—какъ мы видѣли выше—натуральныя повинности и барщина превращаются въ денежные платежи. Однако, развитіе хозяйственной жизни въ этомъ направленіи сильно тормозилось недостаткомъ въ деньгахъ, недостаточнымъ количествомъ благородныхъ металловъ, обращавшихся въ странѣ.

Весь запасъ благородныхъ металловъ къ концу XV вѣка Лексисъ опредѣляетъ въ 7 милл. килогр. или 1200—1300 милл. мар. серебра и 500 килогр. или 1000 милл. мар. золота, а всего въ 2—2⅓ милл. мар. По другимъ вычисленіямъ этотъ запасъ не превышалъ 680 милл. (Якобъ)—1 милліарда мар. (Пешель) и даже 500 милл. (Gerboux) [1])

Возьмемъ ли мы однако, болѣе высокую или болѣе низкую цифру, мы должны во всякомъ случаѣ имѣть въ виду, что въ предшествующія столѣтія этотъ запасъ былъ значительно меньше, ибо лишь во второй половинѣ XV вѣка добыча серебряныхъ рудниковъ (въ Саксоніи, Богеміи, Тироліи, Венгріи, Зальцбургѣ) сильно возрастаетъ. Лексисъ опредѣляетъ добычу серебра въ 1260—1450 г.г. въ 27 тыс. килогр. ежегодно и лишь въ 1450—1500 г.г. въ 44 тыс. килогр., золота и серебра вмѣстѣ въ 11,9 милл. мар. ежегодно до половины XV вѣка и въ 14,8 милл. мар. въ концѣ XV вѣка. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что приведенныя выше цифры означаютъ весь запасъ драгоцѣнныхъ металловъ, а не одну лишь обращающуюся въ странѣ монету: по словамъ того же Лексиса, изъ 7 милл. килогр. серебра—запасъ въ 1500 г.—бо́льшая часть состояла изъ предметовъ украшенія, посуды и т. д. и меньшая часть приходилась на долю орудій обращенія, наконецъ, значительное количество послѣднихъ извлекалось изъ оборота, сохраняясь въ качествѣ сбереженій (причемъ скоплялось въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій), зарывалось въ землю (напр., въ большихъ размѣрахъ во Франціи во время столѣтней войны съ Англіей) или отдавалось на храненіе церквамъ и монастырямъ, въ подвалахъ которыхъ—напр., ордена Тампліеровъ, ордена Госпиталитовъ, Тевтонскаго ордена—скоплялись нерѣдко огромныя богатства какъ въ слиткахъ, такъ и въ монетѣ и всевозможныхъ драгоцѣнностяхъ изъ золота и серебра [2]).

Недостаточность орудій обращенія подтверждается тѣми значительными затрудненіями, которыя вызывалъ всякій крупный платежъ. Послѣ того, какъ Ричардъ Львиное Сердце отнялъ у населенія десятую часть имущества на Крестовый походъ, доставленіе выкупа его изъ плѣна въ размѣрѣ 150 тыс. марокъ серебра кельнскаго вѣса представило огромныя трудности, и пришлось для этого переплавить въ монету церковную утварь, въ особенности кубки [3]). Короли неоднократно вынуждены были прибѣгать вслѣдствіе крайней нужды въ деньгахъ къ выпуску кожанныхъ денегъ [4])—прототипу современныхъ бумажныхъ денегъ. Болѣе ранніе виды денегъ (различные продукты, не металлы) хотя и встрѣчались несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествующій періодъ, но все же не выходили изъ употребленія. Не только хлѣбъ (смолотый) составлялъ нерѣдко платежное средство [5]), и существовало даже выраженіе „Korngeld“ въ противоположность „Pfenniggeld“ (монета), но и другіе товары (монетный дворъ въ Моравіи еще въ XIII в. платилъ королю за откупъ краснымъ сукномъ. Juritsch. p. 4) фигурировали даже въ области международной торговли въ качествѣ денегъ: въ итальянскихъ источникахъ XII вѣка находимъ обѣщаніе покрыть обязательство на ⅓ перцемъ, на ⅓ бразильскимъ деревомъ и на ⅓ квасцами и ладаномъ, при отсутствіи же послѣднихъ товаровъ однимъ лишь перцемъ [6]). Генуя еще въ 1378 г.,

---

[1]) Lexis. Gold und Goldwährung. Id. Silber und Silberwährung въ Handwd. Staatswiss. Peschel. Zeitalter der Entdeckungen. p. 26 и сл. Michel Chevalier-Dictionn. d'écon. pol. (Métaux précieux). Helferich. 50—60.

[2]) См. Delisle. Templiers. p. 2 и сл. Prutz. Sitzungsber. der Akad. der Wiss. zu München. philos.-philol. Kl. 1906, p. 12 и сл. Sattler. Lamprecht. II. 379.

[3]) Schanz. Engl. Handelspol. I, 483.

[4]) Имп. Фридрихъ II во время осады Фавенцы въ 1241 г., Іоаннъ Безземельный, франц. короли Людовикъ IX и Іоаннъ Добрый (въ 1360 г.), венеціанскіе дожи (Luschin. p. 138. Roscher. III. 319. Schanz. I. 485. Raumer. Hohenstaufen. V. 461. Wachsmuth. Kulturgesch. II. 312).

[5]) См. Tille. Getreide als Geld. Jahrb. f. Nationaloek. p. XX. 1900. p. 730 и сл. 752.

[6]) Schaube, p. 164.

нуждаясь въ значительныхъ средствахъ на отправленіе посольства, объявляетъ, что она готова сдѣлать заемъ въ перцѣ, обѣщая вернуть его въ монетѣ или въ томъ же натуральномъ видѣ [1]); а въ Германіи имѣется постановленіе конца XV вѣка, которымъ подтверждается—хотя повидимому уже безрезультатно—обязанность при отсутствіи монеты (которая названа уже просто деньгами) принимать другіе товары въ качествѣ платежа [2]). Отсюда постоянныя запрещенія вывозить золото и серебро въ слиткахъ, монетѣ и утвари или уплачивать ими по векселямъ безъ особаго каждый разъ разрѣшенія короля [3]), отсюда требованіе, чтобы пріѣзжіе купцы пріобрѣтали на всю вырученную сумму товары (въ Венеціи, въ Англіи). Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти мѣры вызывались не только недостаткомъ въ деньгахъ и стремленіемъ увеличить ихъ количество, но и двумя другими соображеніями: извлечь доходъ изъ лицензій, выдаваемыхъ королемъ за право вывоза монеты и слитковъ, посредствомъ которыхъ короли, наполняя свои сундуки, въ дѣйствительности обходили запрещеніе (въ Англіи Генрихъ VII), или же желаніемъ предотвратить отливъ изъ страны лучшей монеты, вывозъ которой только и запрещается (во Франціи: въ годы особенно сильной порчи монеты).

Еще болѣе неблагопріятно для развитія денежнаго хозяйства было другое обстоятельство: качество монеты и чрезвычайная путаница въ области денежнаго обращенія.

Счетной единицей былъ и въ позднее средневѣковье фунтъ серебра (ливръ, лира), раздѣлявшійся на 20 солидовъ (шиллинговъ) и 240 динаріевъ или пфениговъ, причемъ попрежнему только послѣдніе, динаріи, дѣйствительно чеканились и составляли орудіе обращенія. Однако, цѣнность динаріевъ понижалась все болѣе и болѣе и рядомъ съ кельнскими и регенсбургскими динаріями, содержавшими около $1^1/_2$ граммъ (1,4 гр.) серебра, и англійскими стерлингами (стерлингами назывались ганзейцы въ Англіи) (также около $1^1/_2$ гр.), и сохранившими въ теченіе долгаго времени тотъ же вѣсъ и содержаніе, благодаря чему они широко распространились по Германіи и Франціи,—мы находимъ фламандскіе, голландскіе, любекскіе, трирскіе и другіе динаріи, составлявшіе не болѣе $^1/_3$ кельнскаго динарія. Эти динаріи уже ничего общаго съ фунтомъ серебра не имѣли (240 дин. представляли собою значительно менѣе фунта серебра по содержанію и названіе фунта обозначало теперь не фунтъ серебра, а количество въ 240 динаріевъ); въ Госларѣ ихъ стали выпускать въ видѣ совершенно тонкихъ пластинокъ, чеканенныхъ лишь съ одной стороны (ибо тонкость не допускала двусторонней чеканки), почему они и назывались Hohlpfennige или (по латински) брактеаты.

Низкая цѣнность динаріевъ, почему перевозка ихъ была крайне затруднительна (для транспорта изъ Піаченцы 15 мѣшковъ въ 200 фунтовъ имперіаловъ—въ Піаченцѣ динаріи имѣли это названіе—необходимо было 16 вьючныхъ животныхъ), и потребность въ болѣе крупной монетѣ заставила итальянскіе города—Верону, Венецію, Флоренцію уже съ конца XII вѣка (за ними послѣдовали: Болонья, Сіена, Лукка, Піаченца въ первой половинѣ XIII в.) чеканить и солиды, которые ранѣе представляли собою лишь счетную единицу, именно, чеканить монету въ 12 динаріевъ (позже и въ 24—26 денаріевъ). Эта монета въ противоположность брактеатамъ, получила названіе grosso или grossi (т. е. крупные, массивные, въ 12 piccoli, т. е. маленькіе); за Италіей послѣдовала Франція со своими grossi (albi) turonenses или турнозами, соотвѣтствовавшими (grossus) 12 динаріямъ, или 12 parvi turonenses (чеканка производилась въ г. Туръ). А затѣмъ и

[1]) Sieveking. Genueser Finanzwesen vom XII—XIV. Jahrh. Ц. 157.
[2]) Tille, l. c.
[3]) Въ Англіи въ 1299, 1307, 1382, 1478 г.г., во Франціи въ 1304, 1309, 1322, 1332 г.г., въ Аррагоніи въ 1315, 1455 и др. г.г.

чешскій король Венцель II призвалъ флорентинцевъ для выдѣлки крупной монеты по образцу итальянской, и пражскіе „грошены“ (отъ grossus) вскорѣ распространились по австрійскимъ территоріямъ (меейссенскіе грошены) и вызвали (въ теченіе XIV вѣка) подражаніе и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи (Schulte, 330). Рядомъ съ появившейся, такимъ образомъ, въ XIII—XIV ст. крупной серебряной монетой, которая повсюду не только по названію, но и по характеру являлась однородной, чеканенной по образцу итальянской, мы находимъ съ конца XIII ст., въ особенности въ южной и западной Германіи, и новую мелкую серебряную монету въ видѣ геллеровъ (чеканились они въ г. Галлъ), содержавшихъ первоначально $^1/_3$ грамма и чеканенныхъ съ обѣихъ сторонъ. Благодаря усиленной чеканкѣ ихъ императорами, постоянству ихъ содержанія, въ особенности же вслѣдствіе того, что геллеры были приведены въ опредѣленное соотношеніе съ другими монетами (какъ 1 къ 2 или къ 8), и фунтъ геллеровъ долженъ былъ равняться флорентинскому гульдену,—они вскорѣ стали какъ бы имперской монетой; но желаніе сохранять такое соотвѣтствіе должно было привести вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ухудшенію геллера по мѣрѣ пониженія въ цѣнности гульдена и другихъ монетъ [1]).

Гульдены представляютъ собою золотую монету (гульденъ, т. е. golden, и обозначаетъ „золотой“) и подобно грошенамъ (denarii grossi de argento) являюттся также итальянской монетой, которая — какъ это было съ грошенами въ отношеніи динаріевъ—должна была замѣнить собою сильно понизившіеся (съ $4^1/_2$ граммъ серебра почти до 2 и ниже) grossi или шиллинги. Пользуясь первоначально для крупныхъ платежей византійской и арабской золотой монетой, итальянскіе города, въ особенности Флоренція и еще ранѣе, повидимому, Венеція, стали чеканить золотую монету въ $3^1/_2$ грамма чистаго золота, которая должна была соотвѣтствовать фунту (лирѣ), содержа 20 солидовъ (20 florenі argentei) и 240 динаріевъ. Повторилось вновь то же движеніе: съ половины XIII вѣка florenі aurei или просто florenі (отсюда флорины, т. е. флорентинская монета) или дукаты (такъ они назывались въ Венеціи, такъ какъ имѣли изображеніе дожа—dux) чеканятся въ Англіи (флорины или нобели) и Франціи (écu d'or; на нихъ былъ изображенъ король со щитомъ), съ XIV вѣка и въ Богеміи (снова призываются итальянцы), гдѣ только и добывалось золото; позже ихъ чеканятъ и императоры (Людовикъ Баварскій) которые предоставляютъ (золотая булла) всѣмъ курфюрстамъ право чеканки золотыхъ монетъ по образцу флорентинскаго гульдена. Послѣднее дѣйствительно долгое время повсюду выполнялось; установилась одинаковая система, и до конца XV вѣка гульденъ (иногда Schildgulden отъ французскаго écu или реалъ—regalis aureus, т. е. королевскій, подражаніе французскому écu) сохранялъ свою цѣнность, хотя въ прирейнскихъ мѣстностяхъ онъ въ концѣ XV в. содержалъ всего $2^1/_2$ грамма золота.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ прежде всего установить фактъ постояннаго паденія цѣнности монеты, вслѣдствіе сокращенія содержащагося въ ней количества благороднаго металла. Это являлось прежде всего послѣдствіемъ крайняго несовершенства техники въ области чеканки монеты, которая производилась при помощи молота и получала посредствомъ щипцовъ форму диска. Такъ какъ монета при такихъ условіяхъ не выходила вполнѣ круглой и штемпель не покрывалъ всей монеты (по краямъ онъ отсутствовалъ), то монеты одного и того же достоинства уже при выпускѣ получались весьма разнообразныя, различаясь другъ отъ друга (динаріи) на 40 проц. и болѣе; онѣ легко изнашивались и еще легче обрѣзывались. Отдѣльные куски, выступавшіе по краямъ, какъ бы прямо вызывали на это, но дѣло шло и дальше—щипцами обрѣзывались куски монеты, причемъ захватывалась и чеканка, отрѣзывались цѣлыя полосы вокругъ монеты; найдено значительное количество (въ нѣсколько

[1]) Inama. III. 2 p. 380 и сл.

фунтовъ вѣса каждый разъ) такихъ отрѣзанныхъ частей монеты. Чѣмъ дольше обращалась монета, тѣмъ болѣе она изнашивалась и обрѣзывалась: послѣдняя операція иногда производилась тутъ же по выпускѣ. Изъ этого феодалы и короли сдѣлали тотъ выводъ, что позже выпущенную монету, для того, чтобы она по своему содержанію равнялась ранѣе чеканенной, можно дѣлать менѣе полновѣсной и такимъ образомъ присвоить въ свою пользу всю ту выгоду, которую извлекали бы другіе при обрѣзываніи монеты. Вслѣдствіе этого, къ концу года чеканилась монета меньшаго содержанія, чѣмъ въ началѣ года—въ Брауншвейгѣ въ XIV ст., напр., чеканилось изъ марки серебра въ срединѣ года 29 шилл., въ слѣдующіе же мѣсяцы 31, 33 и даже 35. Этой операціей, однако, не ограничивалась порча монеты въ фискальныхъ интересахъ: феодалы выпускали ежегодно, два раза или даже три-четыре раза въ годъ (ad tria fora, т. е. для каждой ярмарки) новую монету, которую населеніе обязано было вымѣнивать, возвращая въ казну старую монету (revocationes, innovationes, mutationes). При этомъ оно получало обыкновенно за 16 старыхъ динаріевъ 12 новыхъ того же достоинства, слѣд., несло ежегодно убытка на 25 проц. (или 16 новыхъ динаріевъ, но съ меньшимъ содержаніемъ серебра); выгода же для фиска была гораздо меньше, ибо чеканка новой монеты обходилось весьма дорого. Къ этому средству прибѣгали и французскіе короли, въ особ. Филиппъ Красивый, получившій прозваніе фальшивомонетчика (Данте поэтому помѣщаетъ его въ аду) и Іоаннъ, въ теченіе 14 лѣтъ измѣнившій 86 разъ цѣнность серебрянной монеты, прибѣгали и испанскіе монархи, и нѣмецкіе курфюрсты и города, занимаясь наперерывъ порчей монеты. Частныхъ лицъ виновныхъ въ этомъ они подвергали смертной казни, утверждая, что фальшивомонетчики привыкли быть сваренными въ кипящей водѣ, или заливая имъ горло расплавленнымъ металломъ. И въ то же самое время короли считали себя вправѣ повышать или понижать цѣнность монеты по своему усмотрѣнію, именно повышать, когда ожидались крупныя поступленія и понижать, когда предстояли значительные расходы для короля, „когда этого требуютъ его дѣла“— таковъ былъ принципъ финансовой политики. Французскіе же короли, преслѣдуя за это феодаловъ, исходили не изъ ущерба, наносимаго странѣ выпускомъ низкопробной монеты, а изъ принадлежащаго королю исключительнаго права „понижать цѣнность монеты и дѣлать ее тоньше“.

Въ теченіе всего средневѣковаго періода идетъ борьба населенія за „denarius perpetuus“, вѣчную монету, которая не измѣнялась бы по нѣскольку разъ въ годъ; населеніе говорило, что такія перемѣны пагубнѣе чумы и разгрома страны врагами и называло князей ворами: non duces, sed fures. Поскольку это требованіе удавалось осуществить, это происходило не безвозмездно: теряя выгоду, извлекаемую изъ порчи монеты, король взамѣнъ этого выговаривалъ въ свою пользу либо новую подать на обращеніе (иногда подать альтернативнаго свойства: или уплачивать въ новой монетѣ, или же въ старой, но съ приплатой особаго сбора), либо ежегодную подать съ движимаго имущества, либо налогъ поочажный, привратный или питейный (послѣдній въ особ. давалъ ему несравненно больше, чѣмъ монетный доходъ). Эти подати носили названіе Münzgeld, Ungeld, monetagium, monneyage, morabotinum. Однако, такое введеніе вѣчной монеты составляло явленіе сравнительно рѣдкое, большею частью пониженіе монеты въ цѣнности производилось и впослѣдствіи до конца XIV и начала XV ст., вызывая нерѣдко внезапное повышеніе цѣнъ, бунты и мятежи. Неудивительно при такихъ условіяхъ, если внутренняя стоимость монеты понижалась чуть ли не ежегодно (кельнскіе динаріи, лучшая монета XIII ст., съ 1280 по 1380 г. ухудшались ежегодно на 2,8 проц.), если въ Англіи изъ фунта серебра въ 1344 г. чеканилось 20 шилл., а въ 1464 г. 37 шилл., если въ Германіи гульденъ съ $23^1/_2$ каратовъ (въ 1354 г.) понизился до 19 каратовъ (въ 1432 г.), а во Франціи въ XVI вѣкѣ ливръ представлялъ собой не болѣе $^1/_{39}$ своего первоначальнаго вѣса.

Такимъ образомъ, въ сущности говоря, въ средніе вѣка всякая монета была

неполновѣсной (биллоной), ибо между ея номинальной цѣнностью и дѣйствительнымъ содержаніемъ металла было огромное разстояніе (при имп. Генрихѣ IV на нѣкоторыхъ монетныхъ дворахъ чеканились почти мѣдные пфенниги), не только вслѣдствіе дороговизны (4—6 проц.) чеканки, расходы которой несло населеніе, но и вслѣдствіе той прибыли, которую извлекали государи, чеканя нерѣдко 18 ливровъ изъ слитка, купленнаго за 4 ливра. И это продѣлывали не только императоры и короли французскіе или англійскіе, но и всѣ тѣ многочисленные феодалы и бароны, прелаты и города, которые, во Франціи въ XIII ст. въ количествѣ болѣе 80 (въ началѣ XIII ст. впрочемъ уже всего 30),—въ Германіи находимъ въ концѣ среднихъ вѣковъ около 600 монетныхъ дворовъ — чеканили монету. Такая многочисленность сортовъ монеты, выпускаемыхъ изъ различныхъ монетныхъ дворовъ и изъ одного и того же монетнаго двора въ разное время съ постояннымъ измѣненіемъ чекана (въ теченіе 150 лѣтъ съ половины XIII до конца XIV ст. были выпущены вѣнскіе пфенниги столькихъ же различныхъ видовъ чеканки, а на 32 года правленія Бернгарда изъ дома Асканіевъ приходится около 100 брактеатовъ разнаго чекана, т. е. чеканъ мѣнялся 3 раза въ годъ),—вызывала крайнюю путаницу въ орудіяхъ обращенія, приводя къ тому, что на одномъ и томъ же рынкѣ обращались монеты самаго разнообразнаго сорта, качества и достоинства. Хотя государи и признавали единственной валютой выпускаемую ими (и притомъ только послѣднюю выпущенную) монету и „геллеръ являлся деньгами только въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ чеканенъ“, а рейнскіе курфюрсты даже неоднократно запрещали у себя обращеніе чеканенной императоромъ монеты (Inama, III. 2. 367), но въ дѣйствительности монеты оказывались международными; во Франціи, напр., въ XIII и XIV ст. обращались рядомъ съ королевскими и сеніоріальными монетами, также арабскія, сицилійскія, византійскія, флорентинскія, на югѣ—миланскіе фунты и венеціанскіе дукаты, въ Шампани—испанскіе реалы, бургундскіе и англійскіе нобили и нидерландскія кроны (d'Avenel. I. 58) [1]).

Любекскія и кельнскія монеты, англійскіе стерлинги въ XIII ст. и французскіе турнозы въ XIV ст. обращались повсюду. Еще болѣе распространены были венеціанскіе grossi и дукаты и флорентинскіе fiorini, свидѣтельствуя о торговомъ господствѣ этихъ городовъ; они стали міровыми деньгами [2]). Да и не удивительно: въ то время, какъ чеканъ другихъ монетъ измѣнялся два—три и болѣе разъ въ годъ, чешскіе грошены сохраняли свой чеканъ изъ года въ годъ, а венеціанскіе дукаты не измѣняли заимствованнаго изъ Византіи чекана въ теченіе пятисотъ лѣтъ со времени четвертаго крестоваго похода.

Самая чеканка монетъ герцогами и баронами по образцу этихъ наиболѣе ходячихъ монетъ (найдено 85 различныхъ подражаній стерлингу) приводила къ установленію на практикѣ однообразныхъ системъ; однако, такое подражаніе, будучи соединено съ стремленіемъ къ извлеченію дохода изъ монеты, все таки не приводило къ цѣли, ибо чеканя гульдены по образцу флорентинскихъ (иногда это было даже предписано городамъ) или турнозовъ, государи старались дѣлать ихъ по возможности менѣе полноцѣнными, сокращая, слѣдовательно, содержаніе въ нихъ золота; только монетные союзы, соглашенія между отдѣльными князьями или городами относительно одинаковой монетной единицы, напр., союзъ рейнскихъ курфюрстовъ (11 князей и 74 города), сдѣлавшій рейнскій гульденъ

---

1) Въ Бордо вмѣсто 17 ливровъ turonenses (tournois) можно было уплатить либо три золотыхъ écus, либо двѣ henrigues новыхъ, либо два рейнскихъ гульдена или пять аррагонскихъ или три итальянскихъ (au chat).

2) Въ Германіи такой ходячей монетой являются въ XIII ст. англійскіе стерлинги, позже французскіе турнозы, затѣмъ богемскіе и мейссенскіе грошены, а съ половины XIV ст., золотыя монеты—флорентинскіе гульдены французскаго и нидерландскаго чекана, а на юговостокѣ венеціанскіе и венгерскіе (Luschin. 240).

типичной нѣмецкой золотой монетой и установившій опредѣленный курсъ другихъ мѣстныхъ и иностранныхъ монетъ, способны были ввести нѣкоторый порядокъ въ монетное обращеніе [1]). Во Франціи тотъ же результатъ постепенно былъ достигнутъ выкупомъ королевской властью права чеканки у различныхъ феодаловъ, предписаніемъ другимъ опредѣленной пробы при чеканкѣ монеты, въ особенности же установленіемъ королевской монеты въ качествѣ законнаго платежнаго средства по всей странѣ рядомъ съ монетами феодаловъ, имѣвшими лишь мѣстное обращеніе.

Купцы въ свою очередь прибѣгали къ различнымъ средствамъ для устраненія той неопредѣленности и неустойчивости въ монетѣ, которая господствовала въ средніе вѣка: съ одной стороны, вмѣсто монеты они пользовались по прежнему драгоцѣнными металлами, въ особенности серебромъ, въ слиткахъ, т. е. болѣе примитивнымъ средствомъ, взвѣшивая слитки; феодалы боролись съ этимъ, устанавливая для монетныхъ дворовъ монополію покупки серебра, ибо замѣна монеты слитками грозила имъ потерей дохода отъ чеканки монеты. Или же купцы прибѣгали къ взвѣшиванію самой монеты, принимая динаріи лишь по вѣсу въ цѣлыхъ фунтахъ и маркахъ, — исходъ хотя и необходимый, но сопряженный съ значительной затратой непроизводительнаго труда для хозяйства, ибо неся расходы по чеканкѣ монеты, населеніе не имѣло никакой пользы отъ нея. Но и поскольку прибѣгали къ монетѣ, въ средніе вѣка всегда проводилось различіе между монетой реальной, обращающейся въ странѣ, moneta usualis et dativa („gäng und gäbe“) и монетой счетной или эффективной (monnées parlées); послѣдняя отличалась отъ первой не только въ томъ отношеніи, что долгое время не чеканилось такихъ монетъ (солидовъ и фунтовъ), которыя составляли болѣе высокую счетную единицу, извѣстное количество дѣйствительно обращавшейся монеты (динаріевъ),—но и въ томъ смыслѣ, что ея цѣнность, равняясь номинальной цѣнности монеты даннаго сорта (напр., динарія), была выше цѣнности дѣйствительной монеты (того же динарія, обращавшагося въ странѣ), многократно испорченной и вслѣдствіе этого понизившейся въ содержаніи металла. Самое существованіе такой счетной или нормальной монеты являлось выраженіемъ укоренившагося въ населеніи убѣжденія въ неполноцѣнности существующей въ обращеніи монеты (пагамента), которую при платежахъ сводили къ опредѣленному количеству нормальной или разсчетной монеты, дѣйствительно содержащей извѣстное количество драгоцѣннаго металла. Поэтому мы находимъ записи вродѣ такой: 212 ливровъ 18 су неполновѣсной монеты, которыя равняются 106 ливрамъ 9 су чистой монеты (т. е. вдвое менѣе), или встрѣчаемъ записи въ различныхъ монетахъ (forte, moyenne, faible) [1]), или же вычисленіе поступленій въ полноцѣнныхъ écu, которыя соотвѣтственно постепенному пониженію цѣнности sous французскими королями, въ теченіе года приравниваются къ 20, 30, 40, 50 и даже 80 въ одномъ и томъ же году [3]). Кредиторы казны и поставщики ея конечно вынуждены были принимать монету (новую монету мѣстнаго чекана) по ея номинальной цѣнѣ, но населеніе старалось предотвратить печальные результаты фальсификаціи ея (въ видѣ вліянія на цѣны), принимая монету лишь по ея дѣйствительному содержанію, почему купцы между собой совершали договоры на старую болѣе полновѣсную или на иностранную монету.

---

[1]) Впрочемъ даже Rappenmünzbund, къ которому принадлежали многіе города западной Германіи въ XV ст., не могъ предотвратить уменьшенія содержанія монеты на $^1/_2$ въ теченіе 75 лѣтъ—низкая техника чеканки, обрѣзываніе монеты и изнашиваніе ея привели къ этому.

[2]) Marca probati, fini, recti, albi, puri argenti съ одной стороны, и non probati, nigri argenti, съ другой стороны (Luschin: 141).

[3]) Въ Мерзебургѣ, напр. лотъ серебра въ началѣ года приравнивался 20 пфеннигамъ, съ 1 мая до 24 авг. 48 пфен. (вслѣдствіе уменьшенія содержанія ихъ по мѣрѣ приближенія къ концу года).

При подобныхъ условіяхъ современныя понятія монометаллизма и биметаллизма едва ли примѣнимы къ средневѣковому періоду, когда вообще о валютѣ, т. е. законной монетной единицѣ, въ сущности не можетъ быть рѣчи. Золото стало значительно позднѣе чеканиться чѣмъ серебро и вплоть до половины XIV вѣка оно играло сравнительно незначительную роль въ обмѣнѣ, причемъ соотношеніе между серебромъ и золотомъ колебалось въ различные періоды отъ 1:10 до 1:12, доходя временно и до 1:14. Соглашеніе между герцогомъ бургундскимъ Карломъ Смѣлымъ и Эдуардомъ IV англійскимъ въ 1469 г. въ Брюгге устанавливаетъ цѣнность между серебромъ и золотомъ въ размѣрѣ 1:12. Конечно, къ концу средневѣковаго періода платежи при покупкѣ значительныхъ цѣнностей, по долгамъ, при выдачѣ приданнаго часто производились золотомъ, какъ во Франціи и Германіи, преимущественно на Рейнѣ, такъ и въ особенности въ Италіи, гдѣ золото старались даже сдѣлать единственнымъ законнымъ платежнымъ средствомъ при крупныхъ сдѣлкахъ, оставляя серебро лишь для мелкихъ. Однако, даже во Флоренціи граница между ними не была точно указана и установить опредѣленное отношеніе между золотомъ и серебромъ на продолжительное время не удавалось, и только въ Венеціи одно время всѣ платежи въ размѣрѣ свыше 48 солидовъ обязательно производились золотомъ. Слишкомъ далеко заходятъ поэтому Сетберъ и Гроте, утверждая, что въ послѣднія столѣтія средневѣковья существовала золотая валюта, серебро же являлось лишь размѣнной (билонной) монетой [1]); хотя, съ другой стороны, и Ганауеръ неправъ, утверждая, что золотая монета являлась не болѣе какъ товаромъ, цѣна котораго подвергалась постояннымъ колебаніямъ [2]). Наиболѣе правильнымъ является повидимому объясненіе Лампрехта и Крузе, которые называютъ господствовавшее въ тѣ времена состояніе „фактическимъ“ биметаллизмомъ, причемъ послѣдній прибавляетъ: биметаллизмъ этотъ существовалъ не въ томъ смыслѣ, что государство объявляло серебро платежной единицей наряду съ золотомъ, на основаніи извѣстнаго соотношенія между ними, а въ смыслѣ фактическихъ условій, возможности, поскольку не было особо оговорено, производить платежъ и въ золотѣ и въ серебрѣ [3]). Дѣйствительно, въ противоположность мнѣнію Сетбера, даже въ Италіи золото не могло вытѣснить серебряныхъ grossi или grossoni, на которые велись счеты и записи въ торговыхъ книгахъ и которыми уплачивали за fiorini d'oro: только тотъ, кто особо условился получить fiorino d'oro in oro, т. е. золотомъ, получалъ таковое [4]).

Хаотическое состояніе денежнаго обращенія, многочисленность обращавшихся на одномъ и томъ же рынкѣ видовъ монеты, постоянная замѣна однихъ монетъ другими, плохая чеканка ихъ, широкое распространеніе фальшивой монеты,—все это вмѣстѣ, въ связи съ требованіемъ, чтобы платежи производились именно въ данной монетѣ, вызывало въ средніе вѣка существованіе особаго промысла мѣнялъ (cambiatores, campsores) или „банкировъ“ (bancherii отъ слова banco—столъ, на которомъ лежали мѣшки съ монетами), занимавшихся размѣномъ монеты (или покупкой монеты, какъ говорили въ тѣ времена), промысла столь же сложнаго и труднаго [5]), какъ и доходнаго; ибо мѣняла долженъ былъ обладать свѣдѣніями о томъ, сколько долей чистаго серебра или золота содержала въ себѣ всякая монета, которая ему вручалась (онъ узнавалъ это посредствомъ взвѣшиванья или просто на взглядъ, на основаніи продолжительной практики), долженъ былъ знать, сколько монетъ всякаго другого рода равняются по стоимости монетѣ того рода, которая размѣнивалась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

По арабскимъ источникамъ, мѣнялы встрѣчаются уже въ X вѣкѣ въ Палермо; въ 1111 году мѣнялы г. Лукки даютъ клятву на будущее время воздерживаться отъ обмановъ, воровства и фальсификаціи, и клятву эту

---

[1]) Soetbeer. Litteraturnachweis über Geld-und Münzwesen. 1892. p. 1. Grote. Münzstudien I, p. 140.

[2]) Hanauer. Etudes économiques sur l'Alsace. I. p. 16. 19. 34.

[3]) Lamprecht. II. 397. Kruse. Kölnische Geldgeschichte. p. 83.

[4]) Schmoller. Jahrb. 1255—58.

[5]) „Онъ долженъ быть внимательнымъ и аккуратнымъ, работать день и ночь и постоянно вести счеты, чтобы у него все было въ порядкѣ“ (Уццано 1442 г.).

приказали вырѣзать на мраморномъ камнѣ, вставленномъ въ притворѣ собора. Въ теченіе XII вѣка мѣнялы, объединенные въ корпораціи, встрѣчаются повсюду въ итальянскихъ городахъ (Генуѣ, Амальфи, Венеціи, Болоньи), гдѣ они въ церквахъ или на площадяхъ передъ церковью устраиваютъ свои столы и лари; а затѣмъ мы ихъ находимъ и въ другихъ городахъ и странахъ, какъ Востока, такъ и Запада, почти исключительно въ лицѣ тѣхъ же итальянцевъ (въ Монпелье самая церковь называлась Ecclesia beate Marie de Tabulis, ибо здѣсь находились „tabuli“ итальянцевъ), и даже поскольку размѣнъ монеты считался правительственной регаліей (какъ это было, напр., въ Англіи), послѣдняя отдавалась на откупъ тѣмъ же итальянцамъ.

Тѣми же обстоятельствами (характеромъ монеты) вызывалась и другая денежная операція, производимая также мѣнялами или банкирами рядомъ съ размѣномъ монеты: переводъ денегъ по книгамъ, т. е. удовлетвореніе кліентовъ, когда одинъ долженъ былъ уплатить другому, посредствомъ переписыванія суммъ въ торговыхъ книгахъ со страницы платящаго на страницу получающаго (pagare in banko, „giro“—джиро обозначаетъ кругъ), чѣмъ избѣгалась самая уплата деньгами. Широко это практиковалось уже на ярмаркахъ Шампани (въ началѣ XIII вѣка), гдѣ пріѣзжіе торговцы передавали привезенные съ собою деньги мѣнялѣ, а по окончаніи ярмарки производили платежи посредствомъ зачета и перевода по книгамъ, въ которыхъ указаны были „debet“ и „credit“, только разница дѣйствительно выплачивалась наличными. Если размѣнъ монетъ заставлялъ мѣнялу всегда держать наготовѣ самыя разнообразныя монеты, за которыми къ нему могли бы обратиться, какъ и золото и серебро въ слиткахъ, слѣд., производить операцію покупки монеты и слитковъ, то переводъ платежей предполагалъ въ свою очередь существованіе вкладовъ, т. е. передача денегъ мѣнялѣ, съ тѣмъ, чтобы они хранились у него и по требованію возвращены были обратно вкладчику или уплачены, по его указанію, другому лицу, его кредитору. Операція вкладовъ практиковалась въ Италіи въ значительныхъ размѣрахъ, почему банкротство мѣнялы или банкира отражалось на широкихъ кругахъ населенія, которое привлекалось къ депонированію денегъ нерѣдко высокими процентами по вкладамъ, уплачиваемымъ банкирами.

Проценты по вкладамъ (мы ихъ находимъ уже въ началѣ XIII вѣка въ Венеціи, какъ и у флорентинскихъ компаній, напр., Барди) достигали у Медичи (у которыхъ герцогъ Бургундскій, придворные и духовныя лица помѣщали свои деньги) 10—12 проц. Особенно расширялись эти операціи подъ вліяніемъ превращенія итальянскихъ банкировъ (въ Англіи, Франціи, королевствѣ обѣихъ Сицилій), въ сборщиковъ десятины и прочихъ папскихъ налоговъ, а также въ сборщиковъ мѣстныхъ податей и таможенныхъ пошлинъ; всѣ эти суммы депонировались у нихъ (у товарищества Spini, напр., съ 1300 до 1303 г. 137 тыс. зол. флор. или $1^1/_3$ милл. герм. марокъ папскихъ суммъ), а затѣмъ выплачивались ими, по мѣрѣ надобности, должникамъ этихъ лицъ: напр., по порученію папы Бонифація VIII компанія Франчези перевела неаполитанскому королю Карлу 4 тыс. унцій зол. или около 200 тыс. совр. герм. мар., а кардиналлегату Бертранду изъ Болоньи было выплачено компаніей Acciajuoli въ теченіе 10 мѣсяцевъ 1323—24 г., по порученію папской куріи, 230 тыс. зол. флор., что составляетъ огромную, въ особенности для того времени, сумму въ 1 милліонъ рублей.

Наконецъ, въ связи съ тѣми же неудовлетворительными условіями денежнаго обращенія, возникло и новое орудіе платежа—вексель. Слово „вексель“ обозначаетъ обмѣнъ (и латинское cambium и нѣмецкое Wechsel значитъ обмѣнъ, то же bill of exchange, lettre de change), причемъ въ средніе вѣка понимали подъ этимъ обмѣнъ или размѣнъ денегъ, и различали лишь два вида послѣдняго. Съ одной стороны, обмѣнъ непосредственный одной монеты на другую, въ томъ же мѣстѣ и немедленно совершаемый мѣнялой въ видѣ передачи взамѣнъ извѣстнаго количества одной монеты соотвѣтствующаго количества другой,—это то, что мы называемъ размѣномъ (о немъ рѣчь была выше), обмѣнъ изъ рукъ въ руки, почему онъ и обозначался „Handwechsel“, cambium manuale (cambium sine litteris). А съ другой стороны, существовалъ тотъ же обмѣнъ де-

негъ или размѣнъ, но въ другое время (cambium per litteras) и въ другомъ мѣстѣ. Итальянскіе (провансальскіе и др.) купцы, отправляясь на ярмарки Шампани для пріобрѣтенія фламандскаго сукна и другихъ товаровъ, и желая избѣгнуть перевозки съ собой значительнаго количества монеты, обходившейся весьма дорого (требовалось большое количество лошадей) и сопряженной съ опасностью быть ограбленнымъ, и также имѣя въ виду, что имъ все равно на ярмаркѣ придется произвести размѣнъ монеты на мѣстную, предпочитали произвести этотъ же размѣнъ у себя въ Италіи и за уплоченную монету брали не другую монету, а письмо, документъ, на основаніи котораго (при предъявленіи его) получали соотвѣтствующую сумму по прибытіи на ярмарку. Точно также и сборщики десятины (т. е. подати въ пользу церкви), рискуя быть по дорогѣ ограбленными, не везли ее изъ Англіи въ Римъ, а оставаясь въ Англіи, вносили ее въ различныхъ монетахъ мѣнялѣ въ Лондонѣ (timens maris periculа—пишетъ одинъ сборщикъ—fecі cambium cum sociis societatis Bardorum), который выдавалъ имъ кредитный документъ на полученіе данной суммы въ флорентинской монетѣ въ Римѣ, причемъ этотъ документъ они чрезъ нарочнаго посылали папской куріи. Это различіе по мѣстности, разстояніе (distancia loci) являлось (вмѣстѣ съ различіемъ въ монетѣ) характерной чертой средневѣковаго векселя (иногда впрочемъ разстояніе являлось лишь фикціей), иныхъ векселей мы въ эту эпоху не находимъ.

До самаго послѣдняго времени полагали (и это излагается до сихъ поръ въ учебникахъ политической экономіи и торговаго права), что первоначальную форму векселя составлялъ (не простой, а) переводный вексель, т. е. приказъ объ уплатѣ, посылаемый третьему лицу (банкирскій домъ выдавалъ документъ лицу, внесшему денежную сумму, въ которомъ приказывалъ своему отдѣленію, чтобы оно уплатило предъявителю сего документа). Однако, какъ выяснилъ Гольдшмидтъ, наиболѣе старинные векселя (генуэзскіе второй половины XII вѣка, начиная съ 1155 г., найденные въ сохранившемся архивѣ одного нотаріуса того времени) являются простыми векселями (не приказами, а) обѣщаніями платежа, векселями, выданными на себя (а не на другихъ лицъ) въ такой формѣ: „я, Соломанъ, заявляю, что получилъ отъ тебя Огерія 15 фунтовъ генуэзскихъ динаріевъ, которые обязуюсь дать тебѣ или твоему фактору въ Александріи въ размѣрѣ $2^3/_4$ византій (византійская монета) за фунтъ“. Первоначально повидимому уплата по векселю производилась тѣмъ же самымъ лицомъ, которое получило деньги, и вся суть операціи состояла, слѣдовательно, въ томъ, что мѣняла или банкиръ, а не купецъ, мѣнявшій деньги, везъ монету къ мѣсту назначенія (гдѣ происходила уплата по векселю), т. е. банкиръ несъ весь рискъ, сопряженный съ перевозкой монеты, онъ вѣдь все равно везъ съ собой монету на ярмарку для производства тамъ размѣнныхъ операцій; или же банкиръ даже не везъ ее съ собой, а, пріѣхавъ въ мѣсто назначенія, получалъ тамъ деньги отъ своихъ кредиторовъ или за продаваемые имъ товары и изъ этихъ денегъ уплачивалъ по векселю. Но вскорѣ (уже въ началѣ XIII вѣка) въ векселяхъ добавляется, что уплату обязанъ произвести либо онъ, либо его довѣренный (per me vel meum nuncium, solvere seu solvi facere promittit), который находился въ мѣстѣ назначенія. Послѣднему сообщалось объ этомъ, посылалось письмо (littera di pagamento, lettre de payement), которое называлось „tracta“ (отсюда слово „тратта“, которымъ мы обозначаемъ переводный вексель), въ противоположность самому векселю (carta) и которое являлось лишь добавленіемъ къ нему, а не самостоятельнымъ документомъ; ибо лишь вексель обязывалъ банкира къ уплатѣ, если бы лицо, на имя котораго онъ посылалъ письмо (трассатъ), отказалось уплатить по векселю. Лишь къ концу средневѣковаго періода этотъ приказъ (письмо, тратта) сталъ дѣйствительнымъ (переводнымъ) векселемъ и первый документъ (простой вексель) оказался при платежахъ на разстояніи излишнимъ.

Возникнувъ первоначально повидимому въ области морской торговли, а затѣмъ перейдя и въ сферу сухопутной торговли, вексель уже въ XIII вѣкѣ широко распространился въ качествѣ выдаваемаго купцами документа во всей южной и юго-западной Европѣ, т. е. повсюду, гдѣ появлялись итальянцы въ качествѣ банкировъ и купцовъ (въ 1315 г. герцогъ Іоаннъ разрѣшаетъ итальянцамъ, пріѣзжающимъ во Фландрію, производить размѣнъ монеты непосредственно или при помощи выдачи векселей: quod possint cambire cum litteris seu sine litteris); Пеголотти, писавшій въ первой половинѣ XIV вѣка, приводитъ уже разницу вексельныхъ курсовъ на различные города, а изъ книги Уццано XV вѣка видно, что непосредственныя вексельныя операціи производились между всѣми наиболѣе важными торговыми пунктами Италіи, Франціи, Испаніи, Фландріи (а также Лондономъ). Только въ Германіи вексель появился лишь въ XIV вѣкѣ и хотя и тамъ примѣнялся въ торговлѣ съ Фландріей (и тамъ находимъ векселя вмѣстѣ съ дополнительными приказами—траттами), но не имѣлъ въ средніе вѣка такого значенія, какъ въ итальянской торговлѣ [1]).

ГЛАВА V.

Кредитныя операціи.

Рядомъ съ денежными операціями находимъ въ средніе вѣка и кредитныя въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ. Прежде всего въ формѣ поземельнаго кредита или купли-продажи ренты. Владѣлецъ земли или дома получаетъ подъ нее денежную сумму (капиталъ) и обязуется вплоть до возвращенія ея (или въ случаѣ невозвращенія въ извѣстный срокъ, т. е. лишь съ опредѣленнаго времени) отдавать кредитору доходы со своей земли (или дома); онъ продаетъ ренту съ земли, кредиторъ покупаетъ ее.

Уже въ раннее средневѣковье возникла рядомъ съ непосредственной куплей-продажей своего рода временная продажа, при которой земля сразу переходитъ въ руки лица, уплатившаго за нее (выдавшаго ссуду), но лишь въ случаѣ невыкупа ея въ теченіе извѣстнаго срока, въ продолженіе котораго онъ (кредиторъ) пользуется доходами съ нея, превращается въ его собственность, (ältere Satzung). (См. выше, стр. 46). Позже изъ сдѣлки купли-продажи заимствуется другая форма: въ виду опасеній со стороны покупателя, что пріобрѣтенная земля могла бы быть потребована въ теченіе извѣстнаго времени обратно имѣющими право на нее сородичами, поручители обязаны на это время предоставить покупателю какое-либо иное имущество, которое переходитъ къ нему въ случаѣ отнятія у него купленной земли; однако, въ виду того, что перейти къ нему это имущество должно лишь въ случаѣ наступленія такого обстоятельства, оно остается пока въ рукахъ поручителя, который отдаетъ лишь документъ — символическая передача покупателю. Позже это стало примѣняться и въ отношеніи временной продажи до выкупа, т. е. кредита, такимъ образомъ, что земля оставалась въ рукахъ должника, кредиторъ же получалъ лишь суррогатъ-документъ, пользуясь доходами съ земли вплоть до момента возвращенія ему проданной суммы (jüngere Satzung).

Въ позднее средневѣковье широко распространена такая купля-продажа ренты, причемъ рента становилась вѣчной и составляла реальную повинность, тягость, уплачиваемую всякимъ, кто являлся въ данное время владѣльцемъ участка. Выкупъ „проданной“ ренты обыкновенно (по истеченіи извѣстнаго времени) не допускался. Въ особенности церкви и монастыри, „купившіе“ ренту и получившіе возможность вѣчнаго и постояннаго помѣщенія свободныхъ капи-

[1]) Относ. вексельныхъ операцій въ области Ганзы см. Neumann. Gesch. des Wechsels im Hansagebiete. Beil. z. Zeitschr. f. Handelsr. Pauli. Lübeckische Zustände im Mittelalter и торговую книгу Vicko von Geldersen'a, изд. Mollwo.

таловъ, боролись противъ—постепенно входившаго въ употребленіе—допущенія выкупа. Но съ другой стороны, хотя появленіе кредитныхъ документовъ, дающихъ право на полученіе ренты, мобилизовало ее, такъ какъ покупатель могъ уступить ее другому лицу и такимъ образомъ получить обратно помѣщенный капиталъ, но у должника и онъ не могъ потребовать свой капиталъ обратно, такъ какъ это поставило бы должника въ чрезвычайно неблагопріятное, иногда прямо безвыходное, положеніе [1]).

Какъ установили Делиль и Бореперъ (для Нормандіи), Ганауеръ (для Эльзаса), Моне и Лампрехтъ (для прирейнскихъ мѣстностей), Винтеръ (для Гессена) и д'Авенель (для Иль-де-Франса, Орлеане, Франшкомте и всей южной Франціи), обычнымъ процентомъ въ области этого реальнаго (съ правомъ выкупа или безъ него) кредита (подъ обезпеченіе недвижимостей) являлось (какъ въ значительной мѣрѣ и при пожизненныхъ или наслѣдственныхъ рентахъ) 10 проц. (т. е. соотношеніе между отданнымъ капиталомъ и получаемой ежегодной рентой составляло 10 со ста) не только въ XII—XIII, но и въ XIV ст. (лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ онъ составляетъ во второй половинѣ XV ст. 7—8 проц.) и только въ XV вѣкѣ понижается до 8—6, иногда даже до 5 проц. (Hanauer. Etudes économiques sur l'Alsace T. I. p. 552 и сл. Delisle. Classes agricoles en Normandie. 213 и сл. Lamprecht. Wirtschaftsleben. II. 609—10. Winter. Zur Gesch. des Zinsfusses im Mitt. Zeitschr für Sozial-und Wirtschaftsgesch. IV. p. 161 и сл. d'Avenel p. 86 и сл. Arnold. Gesch. d. Eigent).

Вѣчная рента легко превращалась въ (болѣе высокую) пожизненную,—форма кредита къ которой охотно прибѣгали города, выплачивая лицамъ, помѣстившимъ у нихъ капиталы (окрестные землевладѣльцы, городскіе жители, вдовы и сироты и т. д.) пожизненно ренту изъ опредѣленнаго источника городскихъ доходовъ. Или же кредиторамъ непосредственно передавался въ завѣдованье данный источникъ дохода и они покрывали изъ него постепенно свой долгъ. Такъ поступали уже весьма рано (итальянскіе) города: Генуя уже въ половинѣ XII вѣка (въ 1164 г.) передаетъ товариществу—monte—изъ 7 лицъ за полученный капиталъ, который раздѣливъ на семь равныхъ частей— partes, loca—опредѣленные городскіе доходы на 11 лѣтъ (при этомъ любопытно, что уже въ эту эпоху капиталъ раздѣляется не равномѣрно, а 2 участника берутъ по 2 loca, 2 по 1, одинъ половину и 2 по 1/4).

Займы заключались городами съ иногородними подъ отвѣтственностью всѣхъ горожанъ всѣмъ своимъ имуществомъ (nos omnes et singulas personas, terras, possessiones et bona), т. е. за поручительствомъ всѣхъ городскихъ жителей (въ Брюггѣ подпись 300 жителей), вслѣдствіе чего получалась возможность захватывать ихъ товары и ихъ самихъ, когда они находятся внѣ города (это дѣлалось дѣйствительно) въ случаѣ неуплаты долга городомъ. Это значительно облегчало городамъ полученіе кредита, необходимаго на пріобрѣтеніе различныхъ верховныхъ правъ отъ феодаловъ (таможенныхъ сборовъ, монеты, судебной власти, налога съ евреевъ и ломбардовъ и т. п.), на веденіе войнъ (какъ указываетъ Эренбергъ, кредитъ составлялъ важное оружіе городовъ въ борьбѣ за свободу, за политическую независимость) и на потребности городской жизни (расширеніе городской площади, возведеніе построекъ и т. п.).

Итальянскіе города къ концу средневѣковья производятъ уже консолидацію своихъ долговъ, образуя обширныя ассоціаціи кредиторовъ (massa, maona), внося заемъ въ государственную долговую книгу (cartulario) и устанавливая переходъ паевъ по наслѣдству и отчуждаемость ихъ. Въ нѣмецкихъ городахъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья займы также превращаются какъ бы въ постоянный источникъ дохода (въ Базелѣ въ 1361—1482 гг. насчитывается всего три года, когда не было заключено новыхъ займовъ), составляя значительную часть городскихъ доходовъ (напр., въ Кельнѣ въ 1378 г. 45 проц., въ 1392 г. 50 проц.) и приводя въ нѣкоторыхъ

[1]) Кредитная сдѣлка и здѣсь, слѣдовательно, еще не выдѣлилась вполнѣ изъ купли-продажи.

случаяхъ къ прекращенію платежей (Гамбургъ) городомъ или, вслѣдствіе необходимости введенія новыхъ податей для уплаты процентовъ и погашенія займа, къ открытому мятежу жителей и перевороту въ городскомъ управленіи (Кельнъ, Дортмундъ). См. Stieda. Städtische Finanzen im Mittelalter. Jahrb. für Nationaloekon. 1899. XVII, p. 34 и сл.

Государи (короли, феодалы духовные и свѣтскіе) не менѣе городовъ нуждались въ кредитѣ, въ особенности на веденіе многочисленныхъ войнъ; но въ виду того, что заемъ составлялъ личный долгъ короля, а не долгъ всего населенія, преемники же отказывались платить по долгамъ своего предшественника, такой кредитъ былъ сопряженъ для банкировъ съ чрезвычайно большимъ рискомъ. Если они (иностранные купцы) все-таки соглашались — хотя далеко не всегда — на заключеніе даже значительныхъ по тому времени займовъ, то либо въ разсчетѣ на возможность покрыть ихъ изъ предоставляемыхъ имъ различныхъ статей дохода или инымъ путемъ, посредствомъ полученія новыхъ выгодныхъ привилегій; либо подъ вліяніемъ прямого принужденія (принудительный заемъ) или косвеннаго: они вѣдь рисковали лишиться своихъ торговыхъ привилегій, откупа монеты, пошлинъ, рудниковъ и даже быть изгнанными изъ страны или не получить обратно прежнихъ долговъ, въ случаѣ отказа отъ участія въ дальнѣйшихъ займахъ.

Англійскіе короли постоянно нуждались въ деньгахъ на веденіе войнъ и на уплату жалованья солдатамъ и, встрѣчая отказъ отъ парламента въ ассигнованіи средствъ и установленіи экстраординарныхъ налоговъ, вынуждены были обращаться къ итальянскимъ банкирамъ, отчасти и къ мѣстнымъ купцамъ и монастырямъ за ссудой денегъ. Король Генрихъ III вынужденъ былъ заложить свои драгоцѣнности, парадныя одежды и даже реликвіи св. Эдуарда; у него было столько долговъ, что при его появленіи на улицѣ раздавались крики его кредиторовъ, и онъ заявлялъ публично, что нужда его столь велика, что милосерднѣе дать ему денегъ, чѣмъ нищему на паперти. Сто лѣтъ спустя Эдуардъ III въ 1340 г. объявилъ парламенту, что онъ подъ своимъ личнымъ поручительствомъ занялъ массу денегъ за границей и если эти долги не будутъ уплочены, то ему придется вернуться въ Брюссель и тамъ остаться въ качествѣ заложника своихъ кредиторовъ. Вслѣдствіе неуплаты этихъ долговъ, итальянскія фирмы, оказывавшія кредитъ Эдуарду III, обанкротились: когда товарищество Барди въ 1345 г. прекратило платежи, долгъ англійскаго короля составлялъ 900 тыс. флор. золотомъ или около $8^1/_2$ милл. современныхъ герм. марокъ, требованія товарищества Перуччи равнялись 600 тыс. флор. золота или $5^1/_2$ милл. мар. Ричардъ II уже не могъ получить денегъ отъ иностранныхъ купцовъ, которые заявили что дадутъ деньги лишь подъ вѣрное обезпеченіе, между тѣмъ послѣдняго именно не было; парламентъ также отказалъ ему въ деньгахъ на веденіе войны съ Франціей, говоря, что лорды готовы сами идти на войну, но денегъ не имѣютъ, и король вынужденъ былъ бросить мысль о походѣ. Генриху V уже удалось получить у парламента субсидію на веденіе войны съ Франціей, но такъ какъ суммы эти поступали недостаточно быстро, то онъ желалъ заключить заемъ подъ эту субсидію при поручительствѣ трехъ герцоговъ. Но онъ получилъ менѣе четвертой части необходимой ему суммы, для реализаціи всей суммы пришлось заложить корону и драгоцѣнности короля (Sinclair. History of the public revenue of the British Empire. T. I).

Задолженность духовныхъ феодаловъ являлась прежде всего результатомъ тѣхъ крупныхъ суммъ, которыя уплачивались ими при занятіи епископскихъ кафедръ какъ въ видѣ т. наз. servitia communia, т. е. пошлины, вносимой за утвержденіе папой въ санѣ—она была различна по отдѣльнымъ епархіямъ [1])—такъ и въ видѣ—неопредѣленныхъ по своимъ размѣрамъ—„подарковъ“, которые дѣлались различными претендентами приближеннымъ папы; послѣдніе могли оказать вліяніе на замѣщеніе вакантнаго мѣста тѣмъ или инымъ лицомъ, въ виду чего

[1]) Архіепископы аквилейскій, кельнскій, майнцкій, трирскій, зальцбургскій платили 10 тыс. флор., люттихскій, метцскій, вердюнскій, утрехтскій, бреславльскій, реймскій 4—7 тыс., другіе $1^1/_2$—3 тыс., епархіи женевская, аугсбургская всего 500—600 гульд.

конкурренты старались въ своихъ обѣщаніяхъ перещеголять другъ друга, а это создавало для счастливаго соперника крупные долги: во второй половинѣ XV вѣка задолженность архіепископа констанцкаго достигала 150 тыс. флор. и весь доходъ его имѣній уходилъ на уплату процентовъ, такъ что ему оставалось не болѣе 400 фл. въ годъ [1]).

Заключеніе долга обставлялось всевозможными поручительствами, (поручители были солидарно отвѣтственны и въ случаѣ несвоевременной уплаты долга обязаны были пріѣхать въ указанное кредиторомъ мѣсто и подвергнуться личному задержанію), залогомъ драгоцѣнностей (государи отдавали свою корону, папы— тіару и т. д.), встрѣчается даже генуэзскій вексель 1251 г., выданный подъ залогъ трона имп. Фридриха II (Goldschmidt). Кромѣ того въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, кредиторъ обязанъ былъ (помимо выговореннаго процента) уплатить особые проценты за промедленіе въ размѣрѣ 10 проц. за каждые два мѣсяца (отъ ярмарки до ярмарки), т. е. 60 проц. въ годъ и кромѣ того до уплаты всей суммы нести путевыя издержки и расходы по содержанію одного купца съ лошадью и слугой, иногда даже двухъ купцовъ съ лошадьми и слугами.

Заключеніе договора производилось, въ особенности если должникомъ являлся иногородній, въ присутствіи двухъ (и болѣе) свидѣтелей, мѣстныхъ жителей (которые могли фигурировать лишь въ отношеніи суммы, не превышавшей цѣнности ихъ имущества), съ представленіемъ поручительства (нерѣдко жителей того города, откуда былъ покупатель), которые часто являлись такими же должниками, какъ и покупатель, такъ что различіе между должникомъ и поручителями исчезало. Поручители иногда обязывались (въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляя въ свою очередь поручителей) въ случаѣ неуплаты въ срокъ явиться въ городъ, гдѣ проживаетъ кредиторъ и не уѣзжать оттуда ранѣе чѣмъ будетъ уплоченъ долгъ (Einlager). Къ этому присоединялась передача въ залогъ драгоцѣнностей, выдача письменныхъ кредитныхъ обязательствъ (векселей), въ особенности высокопоставленными покупателями, иногда и внесеніе сдѣлки въ городскую книгу (Liber memorandorum. Ratsdenkelbuch). При отсутствіи поручителей и залога городской совѣтъ, напр., гамбурскій, обращался къ совѣту того города, гдѣ жилъ плательщикъ, напр., Люнебурга, съ просьбой о понужденіи его къ уплатѣ, если же это не приводило къ цѣли, то подвергалъ аресту его земляковъ. люнебургскихъ купцовъ, находившихся въ данное время въ Гамбургѣ. (Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. Bearb. von Nirrnheim. 1895. Einl. p. XXIX—XXXV). Ср. Des Marez. La lettre de foire, p. 17 и сл., 40 и сл.

Отъ епископовъ, аббатовъ и другихъ духовныхъ лицъ, съ которыми итальянскіе купцы заключали займы, они требовали, помимо обычнаго поручительство другихъ лицъ, гарантію папы за уплату долга и въ случаѣ неуплаты обращались къ нему съ требованіемъ понудить духовное лицо къ возвращенію суммы,— эта было единственное средство получить долгъ обратно. И папа дѣйствительно нерѣдко подъ угрозой отлученія отъ церкви заставлялъ его, если не уплатитъ всю сумму и немедленно, то во всякомъ случаѣ вступить въ соглашеніе съ кредиторами относительно размѣровъ суммы, которую онъ въ состояніи вернуть, и сроковъ ея уплаты (Ср. Schulte. 230—72).

Кредитъ въ средніе вѣка имѣетъ почти исключительно потребительный характеръ, выражаясь преимущественно въ формѣ кредита государей (почти всецѣло потребительнаго) и городовъ (отчасти потребительнаго, отчасти на производительныя нужды), который по своимъ особенностямъ лишь отчасти (главнымъ образомъ кредитъ городовъ) отличается отъ кредита частныхъ лицъ.

Гораздо меньшее значеніе имѣлъ кредитъ коммерческій, въ области торговли, (т. е. заемъ капиталовъ для помѣщенія ихъ въ торговлѣ) который развился лишь въ итальянскихъ городахъ, въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Въ то время, какъ купля-продажа товаровъ въ кредитъ у итальянскихъ и южно-

[1]) Franz Keller. Die Verschuldung des Hochstiftes Konstanz im XIV und XV Jahrh. 1903. p. 42.

французскихъ купцовъ составляла явленіе вполнѣ обычное, и выработались даже опредѣленные сроки кредитованія (8 дней, $2^1/_2$ мѣсяца, $3^1/_2$ мѣсяца). Ганза не желала допускать даже отсрочекъ въ платежѣ по купленнымъ товарамъ, и въ отношеніи торговли съ русскими и лифляндскими городами ей удалось настоять на такомъ запрещеніи. Въ другихъ мѣстностяхъ впрочемъ провести это постановленіе на практикѣ оказывалось невозможнымъ, ибо ганзейцы, вынуждены были давать товары въ кредитъ, а, слѣдовательно, и покупать ихъ въ кредитъ., какъ это дѣлали ихъ конкурренты не-ганзейцы. Широкое распространеніе такихъ операцій мы можемъ усмотрѣть изъ сохранившихся отъ средневѣковой эпохи торговыхъ книгъ нѣмецкихъ купцовъ; самое веденіе этихъ книгъ являлось результатомъ существованія сдѣлокъ въ кредитъ, ибо то, что было совершено на наличныя, въ тѣ времена считали излишнимъ записывать; въ этомъ случаѣ вѣдь никакихъ обязательствъ не возникало. Срокъ былъ нерѣдко весьма продолжителенъ, составляя (напр., въ торговой книгѣ гамбургскаго купца Вико фонъ Гельдерсена конца XIV вѣка) обыкновенно отъ одного до шести мѣсяцевъ, иногда отъ 9 мѣсяцевъ до года и даже въ видѣ исключенія $1^1/_2$ года. Въ качествѣ времени уплаты назначается какой-либо большой праздникъ (Пасха, Троица, Постъ и т. д.), или какая-либо большая ярмарка (напр., франкфуртская), причемъ часто не указанъ опредѣленный день, а лишь приблизительный срокъ (во время открытія навигаціи, весною, между Пасхой и Троицей, осенью), или же должнику предоставленъ выборъ между двумя сроками; наконецъ, иногда кредиторъ сохраняетъ за собой право требовать уплаты по собственному усмотрѣнію.

Рядомъ съ кредитомъ, вытекавшимъ изъ отсрочки платежа по купленнымъ товарамъ, въ итальянской торговлѣ фигурируетъ и кредитъ, основанный на ссудѣ денегъ. Онъ принимаетъ въ области торговли различную форму, въ зависимости отъ того, кто несетъ рискъ—кредиторъ или должникъ. Въ первомъ случаѣ получается морской заемъ (foenus nauticum) или, по аналогіи съ нимъ, такой же заемъ для торговыхъ операцій на сушѣ: купецъ, отправляющійся на ярмарку (navigantі vel euntі ad nundinas) обязывается вернуть полученную сумму съ процентами въ случаѣ благополучнаго возвращенія (sana navi, salvum in terra, ad portunam Dei et maris); во второмъ случаѣ онъ просто выдаетъ вексель, обязательство въ уплатѣ независимо отъ всякихъ случайностей (Goldschmidt. 412—16). Вексель, такимъ образомъ, изъ документа, облегчающаго размѣнъ денегъ, постепенно становится общимъ орудіемъ кредита, примѣняемымъ какъ въ случаѣ отсрочки въ уплатѣ за товаръ, такъ и въ случаѣ полученія денежной суммы въ качествѣ ссуды, причемъ, однако, и здѣсь сохраняется все же основной характеръ средневѣковаго векселя—уплата въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ деньги получены,—остатокъ первоначальныхъ функцій, выполняемыхъ векселемъ [1]). При этомъ, несмотря на запрещенія какъ церкви, такъ и свѣтскихъ властей давать деньги въ ростъ (напр. въ Англіи въ 1341,1391 г.г., во Франціи въ 1312 г.) взиманіе процентовъ было широко распространено. (См. стр. 153 и сл., 157).

Третью форму, наконецъ, составляетъ употребленіе банкирами помѣщенныхъ у нихъ вкладовъ для операцій въ области товарной торговли, результатомъ чего являлось замедленіе въ обратной выдачѣ вкладовъ и даже отказъ въ этомъ, а также, вслѣдствіе неудачъ въ торговлѣ, банкротство этихъ учрежденій и потеря вкладчиками помѣщенныхъ у нихъ денегъ. Въ Венеціи въ 1374 г. банкамъ запрещено было торговать металлами, тканями, шафраномъ и другими

[1]) Своеобразную форму векселя представляетъ собою lettre de foire или littera obligatoria, распространенная въ Англіи и Фландріи. Де-Маресъ, открывшій въ архивахъ г. Ипра нѣсколько тысячъ такихъ обязательственныхъ документовъ XIV ст. (См. Des Marez. La lettre de foire à Ypre. Mém. de l'acad. royale.) называетъ lettre de foire векселемъ сѣвера, въ противоположность настоящему векселю итальянскаго происхожденія. Примѣняется littera obligatoria въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ платежа, всегда съ прибавленіемъ обязательства уплатить такому-то или его приказу.

товарами, впослѣдствіи было постановлено, что они могутъ торговать лишь на собственныя деньги, но не на деньги, помѣщенныя у нихъ вкладчиками, но на практикѣ они попрежнему смотрѣли на вклады, какъ на полученную взаймы сумму, которой они вправѣ (уплачивая за нее проценты) свободно располагать [1]).

Переходя отъ должниковъ къ кредиторамъ, необходимо отмѣтить прежде всего, что тѣ же города, въ особенности же духовныя учрежденія, которыя нерѣдко нуждались въ деньгахъ, во многихъ случаяхъ ссужаютъ другихъ лицъ свободными капиталами, извлекая изъ этого значительные доходы. Какъ указываетъ Лампрехтъ, уже въ X вѣкѣ церкви выступали въ качествѣ банковыхъ учрежденій, ссужая преимущественно свободныхъ крестьянъ подъ залогъ принадлежащихъ послѣднимъ земель, а въ XI вѣкѣ они давали значительныя суммы императорамъ Генриху III и IV. Эти операціи церквей и монастырей были возможны, благодаря скопленію значительныхъ денежныхъ дареній отъ вѣрующихъ лицъ, а также благодаря помѣщенію у нихъ (какъ въ единственныхъ безопасныхъ мѣстахъ) значительныхъ суммъ на храненіе; они приняли еще большіе размѣры въ слѣдующія столѣтія съ возникновеніемъ монашествующихъ орденовъ. Среди послѣднихъ на первомъ планѣ стоитъ орденъ тампліеровъ, который съ конца XII до начала XIV вѣка представлялъ собою едва ли не крупнѣйшее банковое учрежденіе Европы (значеніе имѣли, хотя и не столь крупное, и кредитныя операціи тевтонскаго, францисканскаго, іоаннитскаго орденовъ) съ двумя центральными конторами (templum) въ Парижѣ и Лондонѣ и отдѣленіями въ различныхъ французскихъ городахъ и въ левантійскихъ странахъ. Короли французскіе и англійскіе, бароны и монастыри помѣщали у тампліеровъ свои капиталы, направляли туда поступленія отъ податей и земель, поручали имъ уплату по векселямъ, выплату пожизненныхъ рентъ и переводъ денегъ, получали отъ нихъ денежныя ссуды или гарантію въ уплатѣ занимаемой суммы [2]).

Въ теченіе всего времени своего существованія тампліеры являлись банкирами крестовыхъ походовъ: производили сборъ десятины, сборъ св. Петра и другихъ доходовъ, предназначенныхъ на крестовые походы, доставляли необходимыя суммы изъ Европы въ страны Востока, выплачивали платежи во время походовъ. Они же завѣдывали финансами различныхъ французскихъ бароновъ, Іоанна Безземельнаго, королей аррагонскихъ и неаполитанскихъ, въ особенности же королей французскихъ — Филиппа-Августа, Людовика Св., Филиппа Смѣлаго и Филиппа Красиваго. „Templum“ являлся королевской казной, къ нему поступали государственные доходы и онъ производилъ платежи за счетъ короля (уплата жалованій, пенсій, погашеніе долговъ, содержаніе дипломатическихъ агентовъ, выдача субсидій союзникамъ и т. п.). См. Delisle ук. соч.

Значительно позже духовныхъ учрежденій выступили на сцену въ качествѣ банкировъ евреи — въ Германіи не ранѣе XI вѣка; XII и XIII ст. являются эпохой широкаго развитія ихъ кредитныхъ операцій.

Король Генрихъ II, короли венгерскіе и герцоги силезскіе, епископы бамбергскіе, констанцкіе, французскія аббатства, графы Монпелье, Тулузскіе и др. обращаются къ евреямъ за ссудой денегъ и въ обезпеченіе (и погашеніе) долга отдаютъ имъ на откупъ таможенные доходы, различныя подати, даже общее завѣдованье финансами (Schulte. 328—9). Въ архіепископствѣ кобленцкомъ еврей—управитель со своимъ секретаремъ (iudei domini) имѣетъ еврейское казначейство и ведетъ книги на еврейскомъ языкѣ (Lamprecht. I. 1472). При входѣ каждаго итальянскаго судна въ гавань Арль епископъ арльскій получаетъ 20 сол., а его „еврей“ — какъ его просто называютъ источники — 4 солида (Schaube. 562). Въ Саксоніи при герцогѣ Балдуинѣ еврей Менадье завѣдуетъ чеканкой монеты (знаки на монетѣ весьма сходны съ еврейскими буквами). Въ Германіи евреи еще въ XIV вѣкѣ производятъ крупныя кредитныя операціи (въ 1377 г. повѣшенъ еврей Симонъ Сигбургъ, которому рыцари и феодалы по нижнему Рейну были должны на сумму въ

[1]) Nasse. Das venetianische Bankwesen im XIV. XV. XVI. Jahrh. Jahrb. für Nationaloek. 1879, p. 334 и сл.

[2]) Delisle. Mémoire sur les opérations financières des Templiers. Académie des Inscriptions et Belles-lettres. T. 39.

27 тыс. мар., въ концѣ XIV вѣка. Симонъ Сельгенштадтъ далъ рейнскимъ городамъ крупную сумму на пріобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія и онъ же ссудилъ городъ Франкфуртъ 10 тыс. гульд.—Kriegk.). Въ Испаніи вплоть до конца XV вѣка въ ихъ рукахъ находился сборъ податей и управленіе финансами страны (они носили титулъ tesorero mayor, т. е. главнаго казначея) и еврей Исакъ Абраванель привелъ финансы страны въ то цвѣтущее состояніе въ которомъ они находились — какъ указываетъ Геблѐръ—при Фердинандѣ и Изабеллѣ. Въ Англіи же и во Франціи они были изгнаны уже въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, здѣсь, какъ и въ Нидерландахъ и Италіи, они уступили мѣсто итальянскимъ купцамъ и банкирамъ. Впрочемъ и въ Германіи (см. Stobbe) главную категорію ихъ должниковъ въ XV ст. составляютъ ремесленники (сапожники, портные, шорники), которые берутъ мелкія суммы (въ Регенсбургѣ въ качествѣ денежной единицы берется 30 пф.) на короткій срокъ подъ закладъ матеріала (въ Нюрнбергѣ запрещено ремесленникамъ брать подъ закладъ матеріала болѣе, чѣмъ стоитъ матеріалъ и заработная плата, получаемая за его обработку); крестьянъ же ссужаютъ преимущественно монастыри, итальянцы и мѣстные торговцы.

Третій періодъ (особ. XIV—XV ст.) въ развитіи банковаго дѣла въ средніе вѣка (первый—монастыри и монашескіе ордена, преим. въ X—XIII ст., второй—евреи преим. въ XII—XIII ст.) знаменуетъ собою дѣятельность итальянскихъ банкировъ, извѣстныхъ преимущественно подъ именемъ „ultramontani, transalpini“ т. е. торговцы изъ мѣстностей по ту сторону Альпъ, „lombardi“ т. е. купцы изъ Ломбардіи (отъ ломбардовъ и самая ломбардная операція, т. е. ссуда подъ закладъ движимостей, получила свое названіе; векселя назывались нерѣдко „litterae lombardorum“) или „caorsini“, т. е. купцы изъ г. Cahors въ южной Франціи. Уже къ началу XIII (и даже концу XII ст.) относятся кредитныя операціи піачентійскихъ, болонскихъ и римскихъ купцовъ въ Англіи и Франціи. Затѣмъ выступаютъ на сцену банкиры Асти, Лукки, Сіены, въ особенности же флорентинцы, (наиболѣе важны три флорентинскія компаніи: Барди, Перуччи, Аккаюоли, позже Альберти и во второй пол. XV ст. Медичи) которые съ конца XIII вѣка сосредоточиваютъ крупнѣйшія денежныя и банкирскія операціи въ своихъ рукахъ. Въ Англіи при Эдуардѣ I, и въ особенности же при Эдуардѣ III, во Франціи при Филиппѣ Красивомъ и его преемникахъ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, во Фландріи, флорентинскія товарищества становятся королевскими банкирами, сборщиками податей, принимаютъ вклады, берутъ на откупъ чеканку монеты.

Дѣятельность ихъ однако не могла быть долговѣчна: будучи вынуждены, въ интересахъ сохраненія и расширенія своихъ привилегій въ области товарной торговли, заключать крупные займы съ королями и герцогами, они должны были, при невозможности заставить послѣднихъ уплатить, кончить банкротствомъ: за первыми крупными флорентинскими товариществами (Моччи, Спини, Черчи нери и Черчи біанчи, Фрескобальди) послѣдовали вскорѣ и придворные банкиры французскаго короля Гвиди-Франчези (Франчези они назывались вслѣдствіе ихъ дѣятельности во Франціи), на имущество которыхъ въ 1308 г. открытъ былъ конкурсъ; а въ половинѣ XIV вѣка, послѣ свыше полувѣковой дѣятельности и три крупнѣйшія товарищества Перуччи, Барди и Аккаюоли (въ 1314 г. Барди имѣли пять представителей въ Англіи, шесть во Фландріи, четыре во Франціи и Шампани), оказались несостоятельными. Во второй половинѣ XIV вѣка ихъ смѣнили Альберти (и Гвиниги изъ Лукки), а въ XV ст. выступилъ на сцену банкирскій домъ Медичи, производившій обширныя разсчетныя и вексельныя операціи со всѣми важнѣйшими торговыми центрами, принимавшій вклады и выдававшій ссуды какъ королямъ и баронамъ, такъ и ремесленникамъ и торговцамъ. Уже съ XII—XIII ст. и генуэзскіе банкиры имѣли своихъ агентовъ во Франціи, Испаніи, Константинополѣ, Палестинѣ, но въ особенности въ XIV—XV ст. банки въ Венеціи (особенно извѣстна фирма Соранцо) и Генуѣ (напр. банкъ Центуріони, у котораго находилась въ качествѣ залога папская тіара, впослѣдствіи выкупленная Лоренцо Медичи) достигли высокаго развитія. Въ 1407 г. былъ учрежденъ извѣстный генуэзскій банкъ св. Георгія—первый публичный банкъ; онъ представлялъ собою ассоціацію кредиторовъ генуэзской республики (многочисленныя товарищества государственныхъ кредиторовъ были слиты въ одно цѣлое) на паяхъ (съ уплатой дивиденда) и доставлялъ впослѣдствіи посредствомъ выпуска новыхъ акцій необходимыя республикѣ

средства (напр. съ 1416 г. ок. 100 тыс. лиръ), а также производилъ за нее платежи, на покрытіе которыхъ получалъ различныя доходныя статьи или генуэзскія колоніи и въ скоромъ времени сталъ собственникомъ почти всѣхъ регалій государства и колоніальныхъ его владѣній.

ГЛАВА VI.

Экономическая (каноническая) доктрина и дѣйствительность.

Средневѣковая экономическая доктрина въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ хозяйственной жизни того времени. Какъ исходной точкой въ развитіи средневѣковаго хозяйственнаго быта является аграрный коммунизмъ, сельская община съ отсутствіемъ индивидуальной собственности на землю (быть можетъ, первоначально, съ отсутствіемъ частной собственности вообще),—такъ и ученіе Отцовъ Церкви разсматриваетъ коммунизмъ какъ естественное состояніе (iure naturali omnia sunt communia omnibus) и всякую частную собственность какъ уклоненіе отъ него: лишь вслѣдствіе грѣхопаденія появилось „мое „и“ твое“ (divisio rerum). Однако, (соотвѣтственно постепенно возникшей и все болѣе распространявшейся частной собственности) представители церкви признавали частную собственность необходимымъ зломъ, хотя скорѣе наказаніемъ чѣмъ благодѣяніемъ для человѣчества. Идеаломъ остается общая собственность, она единственно допустима для духовенства. Если же для мірянъ допускается индивидуальная собственность, то изъ этого не слѣдуетъ что они вправѣ присваивать себѣ и объявлять своей собственностью болѣе, чѣмъ это нужно каждому; въ послѣднемъ случаѣ они обязаны отдать избытокъ бѣднымъ. Стремленіе къ обогащенію безусловно порицается. Богатство опасно для души, ибо—говоритъ св. Іеронимъ—обогащеніе одного всегда происходитъ насчетъ потери другого, (dives autem iniquus aut iniqui haeres).

Выводомъ изъ этого является то, что каноническая доктрина ранняго средневѣковья признаетъ только двѣ отрасли производства—прежде всего сельское хозяйство (cultura), которая составляетъ естественную дѣятельность человѣка и которою онъ наилучше можетъ служить Богу, и далѣе въ качествѣ второй,—обработку даровъ природы (промыслы—artificium), которая должна находиться въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ (здѣсь имѣется еще въ виду трудъ ремесленный въ сферѣ замкнутаго домашняго хозяйства). Торговля же (negotiatio, mercatura) совершенно не признается; она не только запрещена духовенству, но недопустима и для мірянъ: тѣмъ, что Господь выгналъ купцовъ изъ храма—читаемъ у св. Златоуста—онъ выразилъ, что купецъ не можетъ нравиться Богу, почему ни одинъ христіанинъ не долженъ заниматься торговлей, иначе онъ будетъ изгнанъ изъ церкви. Купцомъ является, по этому ученію, всякій, кто продаетъ предметы въ томъ же видѣ, въ какомъ купилъ ихъ; не есть купецъ только тотъ, кто пріобрѣтаетъ вещь для того, чтобы обрабатывать ее (это то, что мы называемъ промышленной дѣятельностью: покупка матеріала ремесленникомъ). Если торговля признается опасной для души (папа Левъ Вел. находитъ, что торговля безъ обмана составляетъ явленіе рѣдкое), то тѣмъ болѣе враждебно каноническая доктрина относится къ ссудному проценту, называя отдачу денегъ взаймы подъ проценты ростовщичествомъ (usura), занятіемъ предосудительнымъ (turpe lucrum), ибо въ этомъ случаѣ человѣкъ получаетъ больше, чѣмъ отдалъ (вѣдь основной принципъ ученія церкви: mutuum date nihil inde sperantes); взиманіе процента есть дѣйствіе несправедливое, результатъ жадности, которая подъ видомъ человѣколюбія обманываетъ другихъ, эксплоатируетъ нуждающихся. Поэтому ссудный процентъ безусловно запрещенъ не только духовенству, но и мірянамъ; первымъ каноническое законодательство угрожаетъ лишеніемъ сана,

вторымъ—отлученіемъ отъ церкви, къ чему присоединяются и свѣтскія наказанія.

И ученіе о торговлѣ и процентѣ соотвѣтствовало эпохѣ ранняго средневѣковья, когда торговля была сопряжена съ насиліемъ и обманомъ (см. выше, стр. 43), а ссудныя операціи, носившія исключительно потребительный характеръ, являлись обогащеніемъ на счетъ бѣдныхъ, преимущественно разорившихся мелкихъ землевладѣльцевъ—крестьянъ (см. выше, стр. 46). Но если въ общемъ ученіе церкви, такимъ образомъ, гармонировало съ замкнутымъ домашнимъ хозяйствомъ, являлось выраженіемъ его, то, съ другой стороны, вліянія на хозяйственную жизнь оно имѣло весьма мало: оно не въ состояніи было ни бороться съ стремленіемъ людей къ обогащенію вообще, ни помѣшать развитію торговли, росту которой „Божій миръ", господствовавшій въ церкви, наоборотъ содѣйствовалъ (см. выше, стр. 44, тѣсная связь торговли съ богослуженіемъ), ни наконецъ уничтожить ссудный процентъ, который взимался въ особ. въ той или иной формѣ духовенствомъ.

Все то, противъ чего боролась каноническая доктрина, приняло въ позднее средневѣковье еще болѣе обширные размѣры. Самая дѣятельность церкви находилась въ противорѣчіи съ этимъ ученіемъ. Монастыри накопили обширную земельную собственность, практикуемое ими призрѣніе бѣдныхъ сильно пало; мало того, когда появлялись люди, которые желали вернуть церковь къ христіанскому идеалу, организовать ее соотвѣтственно Евангелію, то они не только встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны папы и епископовъ, не желавшихъ отказаться отъ своихъ богатствъ, но и подвергались преслѣдованію, отлученію отъ церкви въ качествѣ еретиковъ и сожженію на кострахъ. (См. Hundeshagen Schriften und Abhandl, I. Glaser. Die Franziskanische Bewegung. Münch. volkswirtsch. Abhandl).

Не оказавъ вліянія на жизнь, каноническая доктрина, наоборотъ, сама измѣнилась соотвѣтственно измѣнившемуся хозяйственному строю, болѣе приноровившись къ господствовавшему въ позднѣе средневѣковье городскому хозяйству. Правда, попрежнему проповѣдывалась любовь къ ближнему и какъ результатъ ея защита неимущихъ, порицался всякій эгоизмъ и нажива на счетъ другихъ, болѣе слабыхъ. Но измѣнилось отношеніе къ торговлѣ. Находя, что каждый (благоустроенный) городъ долженъ производить въ своихъ стѣнахъ какъ пищевые продукты, такъ и промышленныя издѣлія, Ѳома Аквинскій (XIII ст.) въ то же время вовсе не исключаетъ совершенно торговую дѣятельность. Онъ указываетъ на то, что едва ли можно найти городъ, который въ состояніи вполнѣ обойтись безъ привоза съѣстныхъ припасовъ, и находитъ, что торговля нужна и для продажи тѣхъ товаровъ, которые имѣются въ городѣ въ избыткѣ. Ѳома Аквинскій не усматриваетъ чего-либо грѣховнаго въ торговой прибыли, если только она умѣренныхъ размѣровъ, а равно если торговля производится въ цѣляхъ общественныхъ, ради того, чтобы въ отечествѣ не ощущалось недостатка въ необходимыхъ для поддержанія жизни предметахъ. Въ послѣднемъ случаѣ прибыль не есть цѣль сама по себѣ, а какъ бы плата за трудъ. Онъ возстаетъ не противъ прибыли какъ таковой, а лишь противъ ничѣмъ не ограниченной погони за наживой. Но тогда возникаетъ вопросъ: гдѣ же естественные предѣлы прибыли? Ѳома Аквинскій даетъ и на это отвѣтъ, говоря, что доходы каждаго должны опредѣляться его сословнымъ положеніемъ, должны дать ему возможность вести приличествующій данному сословію образъ жизни. Этимъ самымъ устраняется прежнее ученіе о равенствѣ всѣхъ: исходной точкой становится реальная жизнь средневѣковаго періода съ ея сословными перегородками. „Подняться выше своего сословія грѣшно, ибо раздѣленіе на сословія установлено Богомъ". И другіе канонисты исходятъ изъ существованія „дохода, необходимаго для пропитанія сообразно съ состояніемъ даннаго лица".

Отсюда не трудно вывести и то, какова должна быть цѣна, „справедливая цѣна“. Это та цѣна, которая соотвѣтствуетъ расходамъ продавца съ прибавленіемъ приличествующаго его состоянію дохода. При этомъ, по ученію Ѳомы Аквинскаго, цѣна можетъ быть повышена, если вещь была до продажи улучшена, или, когда въ другомъ мѣстѣ и въ другое время цѣны стояли иныя, или, наконецъ, если продавецъ при доставкѣ товара съ одного мѣста въ другое подвергался риску. Въ каждый данный моментъ существуетъ въ данной мѣстности одна лишь справедливая цѣна и цѣны не должны поэтому измѣняться въ зависимости отъ внезапныхъ колебаній спроса и предложенія. Съ цѣлью обезпеченія справедливой цѣны, канонисты рекомендуютъ установленіе властями обязательныхъ таксъ на различные предметы.

Исходной точкой въ канонической доктринѣ поздняго средневѣковья является, какъ видно изъ приведеннаго, городское хозяйство; совершенство замкнутаго городского хозяйства состоитъ и въ томъ, что оно возможно меньше пользуется услугами торговли, и въ томъ, что, каждый, благодаря заботамъ управителей, въ состояніи добывать соотвѣтствующій его сословному положенію доходъ [1]). Но въ то же время, допуская измѣненіе цѣнъ въ зависимости отъ риска, отъ измѣненія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ и т. д., каноническая доктрина имѣетъ въ виду не только ремесленника, сбывающаго свои товары на городскомъ рынкѣ, гдѣ колебанія цѣнъ не могутъ быть значительны, но и купца въ междугородской и международной торговлѣ, гдѣ цѣны подвержены гораздо болѣе рѣзкимъ измѣненіямъ.

См., напр., Henrici a Gandavo Aurea Quodlibeta (конца XIII ст.), гдѣ субъективные моменты при установленіи цѣны широко принимаются во вниманіе. Исходя изъ того основного положенія, что продавать предметъ дороже, нежели за него заплочено, можно лишь въ томъ случаѣ, если произведены измѣненія въ товарѣ, Генрихъ изъ Гента толкуетъ, однако, эти слова Златоуста въ томъ смыслѣ, что не только измѣненіе вслѣдствіе труда, но и всякое иное—это характерно для того, какъ старая доктрина приспособилась къ новымъ условіямъ жизни—допускаетъ повышеніе цѣны. Эти измѣненія могутъ быть троякаго рода: во 1-хъ, ratione loci—когда кто-либо перевозитъ товаръ изъ мѣста, гдѣ онъ имѣется въ избыткѣ, туда, гдѣ онъ составляетъ рѣдкость, то цѣнность товара, вслѣдствіе измѣненія въ мѣстѣ, возрастаетъ; во 2-хъ, ratione temporis—когда кто-либо, пріобрѣтя товары въ то время, когда они дешевы, продаетъ ихъ тогда, когда они дороги, онъ можетъ ихъ продать дороже, чѣмъ купилъ, ибо цѣнность ихъ, вслѣдствіе сохраненія, за это время возросла; въ 3-хъ, ratione ementis—когда кто-либо, будучи знатокомъ данныхъ товаровъ, покупаетъ наиболѣе цѣнные изъ нихъ, то онъ вправѣ ихъ немедленно же продать дороже.

Измѣнилось, наконецъ, и ученіе о ростѣ. Конечно, основное положеніе запрещенности ссуднаго процента сохранилось, но въ него была внесена существенная поправка. Различалось вознагражденіе—ссудный процентъ—двоякаго рода: за понесеніе убытка (damnum emergens), вслѣдствіе несвоевременной уплаты долга, и за неполученіе прибыли (lucrum cessans), вслѣдствіе отдачи денегъ въ ссуду. Послѣдняго Ѳома Аквинскій не допускалъ, ибо „человѣкъ не долженъ продавать того, чего онъ не получилъ“, да и многое могло помѣшать ему получить; и впослѣдствіи, хотя и указывали на то, что заимодавецъ могъ бы помѣстить свои деньги въ торговлѣ и извлечь изъ нихъ прибыль, но все же (въ средніе вѣка) этотъ аргументъ (lucrum cessans), какъ оправданіе ссуднаго процента, не признавался канонической доктриной. Но тотъ же Ѳома Аквинскій допускалъ, что „лицо, дающее взаймы, можетъ, не совершая грѣха, договориться

[1]) Какъ указываетъ Мауренбрехеръ (Thomas von Aquinos Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. T. I. 1898), Ѳома Аквинскій настолько проникнутъ представленіемъ о замкнутомъ городскомъ хозяйствѣ, что и пребываніе въ городѣ онъ считаетъ естественнымъ и сожалѣетъ людей, которые, вслѣдствіе случайности или какого-либо несчастія, вынуждены жить внѣ города.

съ должникомъ о полученіи вознагражденія за убытокъ... Это не будетъ продажей пользованія деньгами (т. е. ростовщичествомъ), а лишь средствомъ избѣжать убытковъ". На основаніи этого и создалось ученіе о томъ, что заимодавецъ вправѣ требовать отъ должника вознагражденія за убытокъ, понесенный имъ отъ несвоевременной уплаты долга, и такъ какъ убытокъ этотъ возрасталъ съ увеличеніемъ просрочки, то опредѣленная пеня могла замѣняться процентами въ зависимости отъ времени просрочки. При такихъ условіяхъ всякій могъ со спокойной совѣстью взимать проценты. Необходимо было лишь при заключеніи договора выговорить себѣ краткій срокъ уплаты, къ которому должникъ не въ стояніи былъ вернуть ссуду,—на это время процентовъ нельзя было взимать—а затѣмъ прибавить, что въ случаѣ неуплаты къ сроку, должникъ обязанъ вознаградить кредитора за понесенные имъ убытки въ размѣрѣ столькихъ-то процентовъ (обыкновенно 60%).

Примѣръ долгового обязательства. Всѣмъ, кто прочтетъ настоящій документъ, привѣтъ въ Господѣ. Да будетъ извѣстно, что мы получили въ Лондонѣ отъ... сто четыре марки настоящими, законными стерлингами. Вышеозначенныя марки мы обѣщаемъ сполна возвратить и уплатить вышеозначеннымъ купцамъ или ихъ довѣренному, который представитъ настоящее письмо 1-го августа въ New Temple въ Лондонѣ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что, если эти деньги не будутъ уплочены въ означенномъ мѣстѣ и въ означенное время, то по истеченіи указаннаго срока, мы обѣщаемъ платить имъ каждые два мѣсяца по одной маркѣ съ каждыхъ десяти марокъ въ вознагражденіе за убытки, которые они вслѣдствіе этого могутъ понести (pro recompensatione damnorum); такъ что убытки и расходы, а также капиталъ могутъ быть взысканы вмѣстѣ съ издержками за содержаніе одного купца съ лошадью и съ однимъ слугой за все время до полной уплаты вышеозначеннаго... И за вышесказанное мы согласны отвѣчать гдѣ бы то ни было и передъ всякимъ трибуналомъ, отказываясь за себя и за нашихъ преемниковъ отъ всякой помощи каноническаго или гражданскаго права, индульгенцій и привилегій и т. д.

Если каноническая доктрина приспособилась къ хозяйственной жизни, то все же она, идя навстрѣчу дѣйствительности, устанавливала извѣстныя стѣсненія: не допускала высокой прибыли въ торговлѣ, требовала установленія властями цѣнъ (таксъ) на товары, запрещала взиманіе роста при отсутствіи просрочки и т. д. На практикѣ, однако, даже эти ограниченія не имѣли значенія и каноническая доктрина оказала свое вліяніе лишь въ томъ смыслѣ, что создались различные институты торговаго права, извѣстныя формы, посредствомъ которыхъ обходились ея запрещенія [1]). Таксы, т. е. максимальныя цѣны на различные предметы, правда, устанавливались городскими властями въ средніе вѣка, нерѣдко точно вычислялись при опредѣленіи ихъ издержки производителя, къ которымъ прибавлялся соотвѣтствующій его состоянію доходъ,—т. е. выполнялось то, чего требовало каноническое ученіе. Однако, устанавливались такіи максимальныя таксы лишь на нѣкоторые предметы, именно, преимущественно на съѣстные припасы, тогда какъ въ отношеніи промышленныхъ издѣлій существовали наоборотъ минимальныя таксы, которыя устанавливались различными цехами въ ихъ интересахъ (запрещеніе членамъ цеха продавать ниже опредѣленной цѣны). Да и максимальныя таксы, поскольку онѣ имѣлись, въ особенности таксы на хлѣбъ, мясо, рѣдко выполнялись на практикѣ, большей же частью совершенно игнорировались (относительно таксъ см. мою Эволюцію прибыли, т. I, стр. 365—396, гдѣ этотъ вопросъ подробно разобранъ).

Въ связи съ этимъ и прибыль при продажѣ товаровъ далеко не всегда соотвѣтствовала требованіямъ канонической доктрины, какъ это можно усмотрѣть изъ того, что различные ремесленники достигали значительнаго благосостоянія и

---

[1]) Напр., договоръ бодмереи: ссуда подъ обезпеченіе судна или находящихся на немъ товаровъ съ уплатой процента въ случаѣ благополучнаго возвращенія (взамѣнъ простой ссуды подъ проценты).

богатства (см. мою Эвол. приб.). Еще болѣе послѣднее имѣло мѣсто въ области торговли: по вычисленіямъ Дорена (Florent. Wollengewerbe etc. I. 111), сбытъ англійской шерсти во Флоренціи доставлялъ 75—90 проц. чистой прибыли; въ торговлѣ между Брюгге и Венеціей разница между покупными и продажными цѣнами, за вычетомъ издержекъ, составляла 100—200 проц.; а венеціанскіе купцы по занятымъ капиталамъ выплачивали 25—50 проц. на срокъ данной экспедиціи (2—3 мѣсяца), что даетъ представленіе о выручаемой ими прибыли [1]). Вообще и въ области ремесла и въ сферѣ торговли господствовало то стремленіе къ наживѣ, которое такъ порицала церковь и противъ котораго боролась—безрезультатно—средневѣковая каноническая доктрина.

Что касается взиманія процента, то лица, дававшія деньги въ ростъ, несомнѣнно сознавали грѣховность своихъ поступковъ; не одинъ торговецъ, мучимый совѣстью, на смертномъ одрѣ давалъ распоряженіе о возвращеніи полученныхъ въ качествѣ ссуды денегъ своимъ должникамъ и даже отказывалъ все свое имущество церкви. Различнымъ благотворительнымъ ассоціаціямъ было дано папой разрѣшеніе принимать пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги, а крупные банки, съ цѣлью избѣжать гнѣва церкви и въ заботахъ о душѣ своей, отчисляли ежегодно извѣстную часть доходовъ въ пользу монастырей, монашескихъ орденовъ и иныхъ духовныхъ учрежденій. Запрещеніе взиманія процента приводило далѣе къ тому, что кредитныя сдѣлки нерѣдко замѣнялись участіемъ въ прибыляхъ торговаго дома и съ этой цѣлью учреждалось товарищество, въ которомъ капиталистъ и предприниматель являлись участниками, дѣлившими вырученную прибыль на извѣстныхъ условіяхъ (см. выше, о товариществахъ). Или же запрещеніе обходилось посредствомъ заключенія сдѣлки на различную монету и процентъ принималъ форму разницы, выручаемой на курсѣ монеты. Но торговцы шли и дальше и брали проценты, не указывая ихъ лишь въ долговомъ документѣ, а обозначая сумму обязательства большую, нежели та, которая была дѣйствительно уплочена. Въ другихъ случаяхъ и къ такому замаскированію процента не прибѣгали, а прямо опредѣляли его, называя лишь не ростомъ, а „подаркомъ“ (donum), принятыми на себя кредиторомъ расходами, „вознагражденіемъ за оказанныя имъ услуги (recompensatio utilium serviciorum) и за понесенные имъ труды“, какъ выражались короли англійскіе, неаполитанскіе и др. при уплатѣ процента итальянскимъ банкирамъ. Наконецъ, говорили о процентахъ за промедленіе, а наиболѣе рѣшительные и прямо выговаривали себѣ „usurae“; даже магистры Тевтонскаго ордена, давая капиталы ордена въ ссуду, требовали отъ должника ежегодной уплаты „Zinsen“ (tenetur 20 marc, do sal her uns von czinsen alle jar 2 marc uff weynachten, т. е. получилъ 20 марокъ, за которые обязанъ платить ежегодно на Рождество двѣ марки процентовъ).

Каноническая доктрина, такимъ образомъ, обнаруживала свое вліяніе преимущественно въ видѣ различнаго рода обходовъ, которыми прикрывались ссудныя операціи, но устранить уплату процентовъ церковь тѣмъ менѣе могла, что сама же она въ лицѣ римской куріи платила проценты флорентинскимъ банкирамъ, съ которыми заключала займы, а отдѣльные ея представители, занимавшіеся банковыми операціями (въ особенности монашескіе ордена) получали проценты за выданныя ссуды. Даже учреждаемыя церковью съ половины XV ст. въ общественныхъ интересахъ кредитныя учрежденія—montes pietatis—которыя должны были освободить населеніе отъ ига ростовщиковъ, брали при выдачѣ ссудъ 8—15 проц., именно большую сумму, чѣмъ они уплачивали за вклады. При такихъ условіяхъ не приходится удивляться тому, что итальянскіе купцы прямо говорятъ объ обычномъ въ ихъ отечествѣ процентѣ, а Леонардо Пизано (въ началѣ XIII ст.) въ своемъ учебникѣ приводитъ задачи по вычисленію процентовъ (нѣкто отдалъ сто фунтовъ подъ проценты въ 4 динарія съ фунта въ

[1]) См. мою Эвол. приб. т. I. 223—237.

мѣсяцъ подъ залогъ дома, т. е. 20 проц. въ годъ), если землевладѣльцы, горожане, города даютъ деньги въ ростъ. Даже св. Иветта (въ XIII ст.) ради своихъ дѣтей разрѣшила отцу отдать ея имущество подъ проценты, причемъ лѣтописцы, сообщая объ этомъ, оправдываютъ ея поступокъ тѣмъ—это особенно характерно—что въ тѣ времена это не считалось грѣховнымъ и многіе достойные люди поступали такимъ же образомъ.

При такихъ условіяхъ, разъ не только евреи и т. наз. ломбарды (т. е. итальянцы) занимались „ростовщичествомъ“, и объясненіе многократныхъ изгнаній тѣхъ и другихъ изъ различныхъ городовъ и странъ (несмотря на то, что папа называлъ ломбардовъ „сыновьями церкви“, своими „купцами и банкирами“) тѣмъ, что они эксплоатировали населеніе, не выдерживаетъ критики. Избіенія евреевъ были выгодны, какъ для ихъ должниковъ, освобождавшихся такимъ путемъ отъ обязанности платежа долговъ, такъ и для королей и князей, присваивавшихъ себѣ имущество убитыхъ и изгнанныхъ; иногда представитель короля уже заранѣе объявлялъ, на случай, если произойдетъ нападеніе на евреевъ, все ихъ имущество принадлежащимъ королю. Та же цѣль достигалась впрочемъ простымъ признаніемъ притязаній евреевъ по долгамъ недѣйствительными, какъ это сдѣлалъ, напр., императоръ Венцель въ 1389 г. (знаменитая Schuldentilgung): капиталъ и проценты не подлежали взысканію, евреи же должны были вернуть полученные въ залогъ предметы; за это императоръ получалъ отъ должниковъ 15 проц. съ той суммы, которую они задолжали евреямъ. Еще болѣе выгодны, однако были эти насилія для лицъ, занимавшихся ссудными операціями и освобождавшихся такимъ путемъ отъ непріятныхъ конкуррентовъ (изъ Англіи евреи были изгнаны въ 1290 г., почти одновременно съ предоставленіемъ брату короля герцогу Ричарду Корнуэльскому исключительной привилегіи на производство ссудныхъ операцій). Но по своему характеру вражда какъ къ нимъ, такъ и къ итальянскимъ банкирамъ (въ Англіи неоднократныя нападенія на ломбардовъ, въ Швейцаріи и въ ганзейскихъ городахъ недопущеніе ихъ) нисколько не отличается отъ той междуплеменной вражды, которая составляетъ характерную черту средневѣковья и которая обнаруживается вездѣ и повсюду въ отношеніи иностранцевъ, въ особенности торговцевъ, какъ товарами, такъ и деньгами. Достаточно обратиться для этого къ источникамъ ганзейской исторіи—избіенія ганзейцевъ въ Англіи, въ Нидерландахъ, въ Новгородѣ и нападенія съ ихъ стороны, въ свою очередь, на англійскія и фламандскія суда, на новгородцевъ—являются обычнымъ явленіемъ и даютъ столь же кровавую картину, какъ насилія, производимыя итальянцами на Востокѣ, какъ кровопролитная борьба итальянскихъ городовъ (Венеціи, Генуи, Пизы и т. д.—см. выше, стр. 110—112) между собою на Средиземномъ морѣ, въ Италіи, въ левантійскихъ странахъ.

Будучи неосуществимо на практикѣ, запрещеніе ссуднаго процента (онъ былъ запрещенъ—какъ выяснилъ Эндеманъ—и евреямъ) давало должникамъ возможность избѣгать уплаты не только условленнаго процента, но и самаго капитала въ виду недѣйствительности сдѣлки (поэтому генуезцы въ самый договоръ вносили оговорку объ отказѣ должника оспаривать дѣйствительность его въ виду ростовщическаго характера); а королямъ оно доставляло даже поводъ преслѣдовать своихъ кредиторовъ за ростовщичество (какъ сдѣлалъ, напр., Ричардъ II, что лишило его впрочемъ дальнѣйшаго кредита). Но въ то же время эти запрещенія, усиливая рискъ и суживая и безъ того узкій кругъ лицъ, располагающихъ и въ тоже время соглашающихся помѣстить свой капиталъ въ видѣ ссуды, приводили естественно къ господству весьма высокаго заемнаго процента. На ярмаркахъ Шампани въ 1311 г. разрѣшенный ордонансомъ процентъ составлялъ 20 со ста, и этотъ процентъ былъ повидимому господствующимъ въ XII—XIII ст. и въ Венеціи (de quinque sex per annum secundum usum patriae nostrae) и въ Генуѣ (de quatuor quinque—25 проц.) и во Флоренціи (его же приводитъ въ качествѣ обычнаго Леонардо Пизано) и въ Англіи. Въ другихъ случаяхъ впрочемъ (даже въ торговомъ кредитѣ) онъ составлялъ гораздо больше: 25—50 проц. (въ Венеціи) не въ годъ, а на время торговой экспедиціи, т. е. 2—3 мѣсяцевъ, во Флоренціи отъ 20—30 проц., доходя до 218—$266^2/_3$ проц. Съ переселеніемъ туда евреевъ, процентъ для нихъ пониженъ

былъ сначала до 20, а затѣмъ и до 15. Въ различныхъ городахъ Германіи имъ и итальянцамъ (ломбардамъ) разрѣшено брать $21^2/_3$, $32^1/_2$ и даже $43^1/_3$ проц. (т. е. $1,1^1/_2$ или 2 гелл. въ недѣлю съ фунта). Этотъ послѣдній процентъ Шульте считаетъ (въ потребительномъ кредитѣ) обычнымъ, иногда ломбарды берутъ 54,2 и $86^1/_2$ и даже $216^2/_3$ со ста (Гюльманъ). Ломбардамъ населеніе предпочитало евреевъ (см. мою ст. Warenhändler und Geldausleiher l. c., Ehrenberg. I. 66. Schanz. Engl. Handelspol. I. 551), ибо послѣдніе брали болѣе низкіе проценты и, въ случаѣ уплаты долга до срока, брали только за истекшее время, тогда какъ ломбарды требовали сумму за весь выговоренный срокъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Новое время.

(Отъ открытія Америки до Французской Революціи).

Періодъ XVI—XVIII ст. характеризуется прежде всего объединеніемъ городовъ (съ прилежащими селами) въ болѣе крупныя территоріальныя единицы, охватывающія болѣе или менѣе значительныя части страны, а затѣмъ и цѣлыя государства. Въ связи съ этимъ находится возникновеніе внутренней торговли, междугородского обмѣна (не только немногими предметами сырья, какъ въ средніе вѣка, но и промышленными издѣліями) на протяженіи всей объединенной въ хозяйственномъ отношеніи территоріи; нарожденіе промышленности, которая производитъ не для мѣстнаго только, а для болѣе обширнаго рынка, постепенно совпадающаго съ предѣлами государства. А вмѣстѣ съ тѣмъ та политика исключительности, которая составляетъ отличительную черту среднѣвѣковаго города, переходитъ теперь на эти болѣе крупныя территоріальныя единицы. Создавая національную промышленность, содѣйствуя развитію внутренней торговли, государство вмѣстѣ съ тѣмъ—подобно городу въ средніе вѣка—замыкается въ своихъ границахъ, не допускаетъ привоза иностранныхъ (какъ прежде иногородныхъ) продуктовъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно стѣсняетъ его.

Оно идетъ и за предѣлы своей территоріи и стремится къ развитію не только внутренней, но и внѣшней торговли, къ пріобрѣтенію колоній, исключительнаго права торговли съ другими странами, вытѣсняетъ оттуда купцовъ иныхъ націй, тормозитъ всѣми силами развитіе торговли и судоходства другихъ народовъ. И это есть не болѣе какъ продолженіе прежней политики городовъ, (см. выше стр. 117,120), перенесеніе ея лишь наболѣе широкую, національную почву. Однако разница заключается не только въ послѣднемъ, но еще болѣе въ томъ отношеніи, что въ средніе вѣка такую политику развивали лишь немногіе отдѣльные города, именно торговые центры, тогда какъ всѣ остальные города не стремились къ развитію своей торговли, теперь же стремленіе къ торговому преобладанію, борьба изъ за торговой монополіи является всеобщей, всѣ страны придерживаются не только промышленной, но и торговой политики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ содѣйствія развитію собственной внѣшней торговлѣ, хотя и не всѣ достигаютъ одинаковыхъ успѣховъ въ этомъ направленіи.

Наконецъ, такой же характеръ пріобрѣтаетъ политика въ области сельскаго хозяйства и землевладѣнія. Мѣропріятія отдѣльныхъ феодаловъ въ ихъ помѣстьяхъ замѣняются постепенно все болѣе и болѣе общими государственными постановленіями въ области аграрнаго строя: помѣстной организаціи и крестьянскихъ повинностей, землевладѣнія и землепользованія. И въ то же время покровительство сельскому хозяйству въ видѣ содѣйствія распространенію новыхъ культуръ и улучшенныхъ породъ скота, расширенію площади посѣвовъ и веденію болѣе раціональнаго хозяйства становится важнымъ пунктомъ программы государственной политики.

Термины: національное хозяйство и національная политика слѣдовательно наиболѣе правильно выражаютъ характерныя черты періода XVI—XVIII ст. Экономическая политика этой эпохи имѣетъ въ виду интересы страны какъ цѣлаго; она осуществляется государствомъ; она выражается въ созданіи рынка, охватывающаго постепенно всю государственную территорію; она заключается въ рядѣ мѣропріятій, относящихся къ аграрному строю и сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ внутренней и внѣшней, путямъ и средствамъ сообщенія—на протяженіи всей страны или по крайней мѣрѣ значительныхъ частей ея.

Названіе меркантилизма или меркантильной системы, которымъ характеризуютъ нерѣдко хозяйственный строй этого періода, имѣетъ въ виду преимущественно именно эти государственныя мѣропріятія или государственную регламентацію въ области различныхъ отраслей хозяйства, которая должна создать національную торговлю и промышленность, развитое сельское хозяйство, улучшенные пути сообщенія, монету, мѣры и вѣсы и многое другое (см. Бюхеръ. Возникн. нар. хоз., рус. пер. I. 123). Такъ мы понимаемъ въ настоящее время слово „меркантилизмъ"; прежнее представленіе, согласно которому меркантилизмъ заключался въ стремленіи къ привлеченію возможно большаго количества звонкой монеты въ страну, въ настоящее время уже оставлено. Но и правильно понимаемый терминъ меркантилизма все же выражаетъ лишь одну сторону: хозяйственную политику, упуская изъ вида второй моментъ—дѣйствительность, самый характеръ хозяйства (замѣну городского хозяйства національнымъ).

Съ другой точки зрѣнія разсматриваетъ экономическое развитіе XVI—XVIII ст. Марксъ, называя этотъ періодъ эпохой ранняго капитализма или первоначальнаго накопленія (въ отличіе отъ послѣдующей эпохи развитаго капитализма или капиталистическаго накопленія). Отмѣчая этимъ терминомъ фактъ развитія промышленности, работающей для болѣе обширнаго рынка, онъ въ особенности подчеркиваетъ соціальный моментъ: раздѣленіе между трудомъ и капиталомъ, вслѣдствіе появленія особаго класса капиталистовъ-предпринимателей, съ одной стороны, и класса рабочихъ, съ другой стороны, возникновеніе въ связи съ образованіемъ широкаго рынка, крупнаго капитала какъ фонда, доставляющаго прибавочную цѣнность или прибыль. Но и въ этомъ опредѣленіи указывается лишь одна сторона происшедшаго въ хозяйственной жизни переворота.

Наконецъ, Бюхеръ, называя періодъ XVI—XVIII ст. періодомъ народнаго хозяйства, гдѣ предметы проходятъ чрезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они отъ производителя доходятъ до потребителя, хотя и имѣетъ въ виду національный характеръ хозяйственнаго строя и экономической политики, но объединяетъ подъ этимъ терминомъ не только разсматриваемый періодъ, но и всю эпоху отъ XVI ст. до настоящаго времени. Между тѣмъ отъ періода національнаго или народнаго хозяйства XVI—XVIII ст. слѣдуетъ отличать послѣдующую эпоху международнаго или мірового хозяйства, когда экономическая жизнь выходитъ далеко за предѣлы отдѣльныхъ государствъ или націй. (О характерѣ періода мірового хозяйства см. второй томъ моей Эволюціи прибыли. Девятнадцатый вѣкъ. СПБ. 1908).

I. Населеніе.

Литература. Сочиненія о населеніи этой эпохи вообще. *Süssmilch. Die göttliche Ordnung in denen Veränderungen des menschlichen Geschlechts. etc. 1742.* 4 изд. Baumann'a. 1775. *Dieterici. Ueber die Vermehrung der Bevölkerung seit dem Ende des 17. Jahrh. 1850.* (Preuss. Akad. d. Wissensch.). *Levasseur. La population francaise.* Histoire de la population avant 1789. T. I. 1889. p. 188—288. T. II. 1891. L.I. II. passim, особ. p. 286 и сл. *Inama-Sternegg. Geschichte der Bevölkerungsbewegung.* Handwört. der Staatswiss.

Сочиненія касающіяся, отдѣльныхъ мѣстностей. *Mallet. Recherches historiques et statistiques sur la population de Genève* (1549—1833). 1837 (Annales d'hygiène publ. XVII). *Beloch. Bevölkerungsgeschichte der Republik Venedig.* (отъ XV ст. до франц. революціи). Jahrb. für Nationaloekon. 1899. B. XVIII. *Salvioli. La colonizzazioni in Sicilia nei secoli XVI—XVII.* (Vierteljahrsch. f. Sozial-und Wirtschaftsgesch. B. I). *Roller. Die Einwohnerschaft der Stadt Durlach in ihren wirtschaftlichen und kulturgeschichtlichen Verhaltnissen. 1907. Eheberg. Strassburgs Bevölkerungszahl seit Ende des 15. Jahrh.* (Jahrb. f. Nationaloekon. N. F. B. VII. VIII). *Schmoller. Die preussische Einwanderung und ländliche Kolonisation des 17. und 18. Jahrh.* (Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs- Verwaltungs-und Wirtschaftsgeschichte). 1898. *Weiss. Histoire des refugiés protestants en France.* 1885. *Sundbärg. Bevölkerungsstatistik Schwedens* 1750—1900. XIV. Intern. Kongress f. Hygiene u. Demogr. 1907.

Данныя о населеніи разсматриваемаго періода имѣются также въ слѣд. сочиненіяхъ: а) общихъ курсахъ политич. экономіи, статистики и т. д. *Conrad. Statistik. T. I.* (Grundriss zum Studium der polit. Oekon. IV). *Rümelin. Statistik.* (Schoenberg. Handbuch der polit. Oekon. B. I.). *Prinzing. Handbuch der medizinischen Statistik. 1906,* особ. *Behre. Geschichte der Statistik in Brandenburg-Preussen,* особ. p. 151—207 (населеніе Пруссіи XVII—XVIII ст.). б) въ монографіяхъ по исторіи промышленности, торговли и т. д. этого періода: *Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter.* 1897. p. 394—430 (населеніе Вюртемберга въ XVII—XVIII ст.). *Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes.* B. II. 1884. p. 111 и сл. 207 и сл. (населеніе Фогтланда въ концѣ XVIII ст.). *Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI. Jahrh. und ihr Verfall.* 1888. p. 144 и сл. (населеніе Испаніи въ XVI—XVII ст.). *Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution.* 1906. p. 469—492. *Brutails. Economie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime.* 1889. Ch. VI. Dèmographie. *Rogers. Six Centuries of Work and Wages.* гл. XII (населеніе Англіи въ XVI—XVII ст.). *Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст.,* пер. подъ ред. А. И. Чупрова. 1897. (гл. о населеніи). *Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle.* 1906. p. 349—376 (населеніе Англіи въ XVIII вѣкѣ), а также ук. выше (см. стр. 49) сочиненія объ эпидеміяхъ *Haeser'a, Sticker'a, Lersch'a* (Gesch. der Volksseuchen. 1896). См. также мою ст.: *Iosef Kulischer. Ueber die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise um die Wende des XVIII und in der ersten Hälfte des XIX Jahrh.* Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1906.

Относительно численности населенія въ различныхъ странахъ въ разсматриваемый періодъ имѣется нѣсколько больше свѣдѣній, чѣмъ о средневѣковой эпохѣ, хотя еще въ 1753 г. предложеніе произвести народную перепись было отвергнуто англійскимъ парламентомъ, ибо перепись „обнаружила бы врагамъ Англіи ея слабость и обозначала бы полную гибель послѣднихъ остатковъ англійской свободы“ [1]). При отсутствіи достовѣрныхъ цифръ неудивительно, что существовали самыя противорѣчивыя предположенія относительно численности населенія: если Грегори Кингъ утверждалъ въ 1696 г., что населеніе Англіи удвоится—достигнетъ 11 милл.—въ 2300 г. (на самомъ дѣлѣ уже въ 1906 г. насчитывалось $36^1/_2$ милл.), то онъ все же былъ оптимистомъ по сравненію съ Прайсомъ (и многочисленными его сторонниками), находившимъ (въ 1773 г.), что населеніе Англіи сокращается (сократилось съ конца XVII вѣка). Все свидѣтельствуетъ наоборотъ о томъ, что въ противоположность средневѣковому періоду, когда населеніе Англіи находилось въ стаціонарномъ состояніи (Роджерсъ находитъ и въ XIV ст. и въ XVI ст. тѣ-же $2^1/_2$ милл.), съ быстрымъ развитіемъ ея хозяйственной жизни начался и значительный ростъ населенія въ XVII вѣкѣ (по Роджерсу оно въ теченіе XVII ст. удвоилось), въ особенности же въ XVIII ст. Какъ видно изъ вычисленій Финлэзона на основаніи данныхъ

---

[1]) Неужели-же—восклицаетъ одинъ изъ членовъ парламента—найдется хоть одно человѣческое существо, столь смѣлое и столь безстыдное, чтобы сдѣлать подобное предложеніе!

о крещеніяхъ и погребеніяхъ—населеніе возросло почти на милліонъ или на 17 проц. въ теченіе первой половины XVIII ст., и на 3 милл. или болѣе 50 проц. во второй половинѣ вѣка (5,1 милл. въ 1700 г., 6 милл. въ 1750 г. и 9,18 милл. въ 1801 г.). При этомъ, подъ вліяніемъ развитія промышленности, измѣнилось распредѣленіе населенія между отдѣльными частями страны (Тойнби): съ 1700 по 1750 г. оно особенно выросло во вновь возникшихъ центрахъ хлопчатобумажной (Ланкаширъ) и каменоугольной индустріи (Дюргемъ и Нортумберлендъ), а также въ районахъ производства металлическихъ и гончарныхъ издѣлій (Стаффордширъ, Уарвикширъ).

И во Франціи съ XVII вѣка (20 милл.) замѣчается ростъ населенія, но религіозныя преслѣдованія, войны и голода снова прервали его (въ нач. XVIII ст. было всего 18 милл.) и лишь ко времени революціи численность его достигла 26 милл. (Levasseur). Въ Пруссіи политическій и экономическій подъемъ XVIII вѣка ярко выражается въ численности населенія, которое удвоилось въ полъ-столѣтія 1688 — 1740 г. (въ 1688 г. 1,11 милл., въ 1715 г. 1,67 милл. и въ 1740 г. 2, 38 милл.) и снова болѣе чѣмъ удвоилось въ царствованіе Фридриха Великаго (въ 1740 г. 2,38 милл. и въ 1786 г. 5,63 милл.). И въ другихъ мѣстностяхъ Германіи послѣ сильнаго сокращенія населенія (по Рюмелину на половину) въ эпоху Тридцатилѣтней войны, замѣчается значительный ростъ его. Въ особенности въ Вюртембергѣ оно въ теченіе второй половины XVII вѣка почти удвоилось (хотя все же не достигло той цифры, которая существовала наканунѣ 30-лѣтней войны), быстрый ростъ перваго 30-лѣтія XVIII ст. смѣнился затѣмъ болѣе медленнымъ темпомъ, но къ концу XVIII вѣка оказалось почти 4 тыс. чел. на квадр. милю вмѣсто 2272 за 100 лѣтъ до того (Troeltsch). Наоборотъ, на Пиренейскомъ полуостровѣ населеніе возрастаетъ лишь въ теченіе XVI вѣка (удваивается: $4^1/_4$ милл. въ началѣ и 8,4 милл. въ концѣ вѣка) — эпоха хозяйственнаго роста Испаніи—и обнаруживаетъ уменьшеніе въ слѣдующую эпоху: въ 1723 г. 5,8 милл. или почти на 3 милл. менѣе чѣмъ въ 1594 г., результатъ дурнаго управленія страной, показатель застоя въ экономической жизни (Häbler). Въ общемъ въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ плотность населенія сильно увеличилась: если въ 1700 г. Англія имѣла менѣе 2 тыс., Нидерланды нѣсколько больше и только Франція 2400 жит. (Вюртембергъ 2200) на квадр. милю, Данія же и Шотландія всего 800—900, то сто лѣтъ спустя Англія и Нидерланды достигали $3^1/_2$ тыс., Вюртембергъ 4 тыс. и даже Саксонія 2700 тыс., а въ Пруссіи, плотность населенія, будучи абсолютно невелика (1600 чел.), и въ Богеміи (съ 1500 до 3192) успѣла возрости въ 2—$2^1/_2$ раза (Schmoller Umrisse). Общее количество населенія увеличилось въ Европѣ съ 95 милл. въ 1600 г. до 130 милл. въ 1700 г. и до 188 милл. въ 1800 г.

Измѣнилось и соотношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ: Артуръ Юнгъ утверждалъ—преувеличивая—что въ цвѣтущихъ странахъ, какъ Англія, половина населенія живетъ въ городахъ, во Франціи же тамъ проживаетъ всего четвертая часть (по Лавуазье и Де-Помеллю также $^1/_3$—$^1/_4$ населенія). Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его описаній, въ Англіи городская жизнь была гораздо болѣе развита чѣмъ въ другихъ странахъ (въ Вюртембергѣ городское населеніе также не превышало $^1/_4$, въ Гессенѣ и Силезіи $^1/_5$; если въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Пруссіи оно доходило до 40 проц., то не столько вслѣдствіе роста городовъ, а преимущественно изъ за существованія обширныхъ пустопорожнихъ сельскихъ мѣстностей). Arbuthnot объясняетъ ростъ большихъ городовъ тремя причинами: торговлей, парламентомъ и „другими“ увеселеніями, въ дѣйствительности имѣя въ виду одинъ Лондонъ, о которомъ Гроунтъ въ 1662 г. писалъ, что голова—Лондонъ слишкомъ велика для туловища—Англіи, и что населеніе его возрастаетъ втрое скорѣе чѣмъ во всей остальной Англіи; въ концѣ XVIII вѣка Лондонъ сосредоточивалъ, по Эдену $^1/_{10}$, по Юнгу $^1/_6$ населенія Англіи. (Hasbach. Einhegungen). Промышленные центры — Манчестеръ, Бирмингамъ, Шеффильдъ,

Ливерпуль превратились въ половинѣ XVIII вѣка — еще въ эпоху предшествующую появленію машинъ—изъ небольшихъ городовъ съ 4—5 тысячнымъ населеніемъ въ города съ 20—40 тыс. жителей (Бристоль имѣлъ даже 100 тыс. жителей), хотя большими городами они и другія поселенія (Лидсъ, Галифаксъ, Норвичъ) стали лишь къ концу XVIII вѣка, когда прядильная машина и фабрика стала привлекать тысячи населенія изъ окрестныхъ селъ.

Во Франціи наканунѣ революціи насчитывалось около 80 городовъ съ числомъ жителей свыше 10 тыс. (сто лѣтъ спустя 235 городовъ), сосредоточивавшихъ около 2 милл. населенія (сто лѣтъ спустя $3^1/_2$ милл.)—среди нихъ на первомъ планѣ Парижъ съ 600 тыс. иЛіонъ съ 135 тыс. Вѣна и Римъ также имѣли въ XVIII вѣкѣ 150—200 тыс. (нѣсколько меньше Венеціи), Берлинъ же насчитывалъ еще въ срединѣ XVII вѣка менѣе 10 тыс. населенія и лишь сто лѣтъ спустя оно достигло 100 тысячъ.

Въ отношеніи движенія населенія при сравненіи періода XVII—XVIII ст. съ XIX вѣкомъ получается значительная разница: и брачность и рождаемость и смертность была повидимому гораздо выше въ разсматриваемую эпоху, чѣмъ въ XIX вѣкѣ.

Брачность была въ XVIII вѣкѣ повидимому болѣе значительна, чѣмъ въ первой половинѣ и въ особенности въ концѣ XIX вѣка, составляя на тысячу жителей во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка 8,8 (въ Руссильонѣ 9) вмѣсто 7,9 во второй половинѣ XIX вѣка, въ Швеціи 8,9 въ 1771—1780 г.г. вмѣсто 6,0 въ 1896—1900 г.г., въ Ольденбургѣ 10,0 въ 1760—69 г.г. вмѣсто 8,2 въ 1891—1900 г.г., въ Пруссіи 10,2 (въ 20 курмаркскихъ городахъ)—9,2 (въ 1056 курмаркскихъ селахъ) въ эпоху Фридриха Великаго и Зюсмильха вмѣсто 9,2 (въ городахъ)—8 (въ селахъ) въ 1867—86 г.г. (въ Пруссіи вообще) и 8,4 въ 1896—1900 г.г.

Болѣе значительна была и рождаемость, составляя на 1000 населенія во Франціи во второй половинѣ XVIII ст. 37—39 (въ Руссильонѣ 42), тогда какъ въ 1841—50 г.г. 27,4, а въ 1896—1900 г.г. 22,0 (на одинъ бракъ приходилось 4—$4^1/_2$ рожденій вмѣсто 3 въ концѣ XIX вѣка); въ Швеціи въ 1750—60 г.г. 36,2, въ 1841—50 г.г. 31,1, а въ 1896—1900 г.г. 26,9; въ Ольденбургѣ въ 1760—69 г.г. 36,6 въ 1841—50 г.г. 30,5 въ 1891—1900 г.г. 35,2); въ Пруссіи, по Зюсмильху, $33^1/_3$ въ селахъ и 36 въ городахъ (Курмарки), съ исправленіемъ Вернике 40,5 и 41—42, 34.6 (въ 1783—89 г.г.)—39 (въ 1752—56 г.г.) въ Магдебургѣ (герцогствѣ) и 40 по Кроме и Трельтшу для всего государства (въ 1784—88 г.г.) тогда какъ въ 1896—1900 г.г. 38,1. Почти та же цифра получается для Вюртемберга во второй половинѣ XVIII вѣка (1715—55=39,6, 1757—61=41, 1780—86=42—$42^1/_2$, 1794—99=41,2), тогда какъ въ 1887—91 г.г. 33,9 (въ 1879—88 г.г. 38,7). Зюсмильхъ устанавливаетъ рождаемость въ размѣрѣ 4 дѣтей на одинъ бракъ, что подтверждается вычисленіями Бере (для Пруссіи вообще въ 1688—1756 г.г. 3,9, въ 1757—1805 г.г. 4,6), въ Фойхтландѣ (Саксоніи) въ 1777—96 г.г. 4,6, въ городахъ 1782—91 всего 3,15—3,45. (Bein. Tab. VI).

Еще болѣе значительный контрастъ получается въ отношеніи смертности, которая равнялась во Франціи при Людовикѣ XVI 30—33 на 1000 населенія (въ 1841—58 г.г. 23,3, въ 1896—1900 г.г. 20,7), въ Швеціи въ 1751—70 г.г. 28,8 (мужчины) и 26,5 (женщины), въ 1841—60 г.г. 21,7 и 20,1 и въ 1891—98 г.г. 16,1 и 15,9; въ Ольденбургѣ 1760—69 г.г. 29,7, въ 1841—60 г.г. 22,6 и въ 1891—1900 г.г. 20,5. Зюсмильхъ вычислилъ смертность (въ нормальные годы) въ большихъ городахъ въ 40 на тысячу населенія, въ городахъ вообще въ 33, въ сельскихъ мѣстностяхъ въ 26, въ странѣ вообще въ 28. Цифры эти слишкомъ благопріятны. Бере получилъ для Пруссіи 33,3 (1748—55 г.г.) и 29,2 (1765—86 г.г.), тогда какъ въ 1891—1900 г.г. она не превышала 24,6 (въ 1841—50 г.г. впрочемъ 29,1); въ Вюртембергѣ 31,7 (1749—55 г.г.)—36,8 (1757—61 г.г.).—26,3—28,0 (1780—85 гг.)—34,6 (1794—99 г.г.) вмѣсто 29,3 (1874—83 г.г.)—25,2 (1884—93 г.г.).

Высокій коэффиціентъ смертности долженъ былъ наиболѣе отразиться на смертности дѣтей. Дѣйствительно, она была несравненно выше, чѣмъ въ настоящее время. Дѣтей рождалось много, но $^1/_3$—$^1/_5$ ихъ не выживала и одного года (въ Лейпцигѣ умирало въ первомъ году изъ тысячи родившихся 355, въ Пруссіи, по Зюсмильху, 250, въ Швеціи 205, по Галлею — въ Бреславлѣ—295, въ Женевѣ 260 въ XVI ст., 237 въ XVII ст. и 202 въ XVIII ст.), тогда какъ теперь умираетъ не болѣе $^1/_{10}$—$^1/_5$ (въ Швеціи 102, въ Пруссіи ок. 200); а до десяти лѣтъ доживала всего половина (во Франціи, по Дюпре

де Сенъ-Мору, 490, по Дювиллару, 551; Галлей опредѣляетъ въ 495, Бауманъ въ 532, Варгентинъ въ 611), теперь $^3/_4$.

Некеръ указывалъ на то, что четверть всего населенія умираетъ ранѣе трехъ лѣтъ, другая четверть до 25 лѣтъ и третья четверть, не доживъ 50 лѣтъ. И это подтверждается вычисленіями Дювиллара и другихъ статистиковъ, составившихъ таблицы смертности: черезъ полъ-столѣтія вымирало въ XVIII вѣка $^3/_4$ даннаго поколѣнія (по Дюпре де Сенъ-Мору, до 50 лѣтъ доживало изъ 1000 чел. 242, по Прайсу 286, по Дювиллару 297, по Варгентину 385; до 25 лѣтъ доживало 419—482 по Бауману, Зюсмильху, Галлею, Дюпре, Прайсу, Дювиллару, по Керсебому 550), теперь же остается еще половина. Средняя продолжительность жизни не превышала (во Франціи) 25—27 лѣтъ, достигая въ настоящее время (тамъ же) 40 и болѣе.

На продолжительные періоды и въ странѣ, взятой въ цѣломъ, рождаемость превышала смертность, напр., въ Пруссіи на 30 проц. (и въ 1688—1756 гг. и въ 1757—1805 гг. на 100 умершихъ 130 рождающихся) въ саксонскомъ Фойхтландѣ на 28—50 проц. (въ 1782—91 гг.), во Франціи же всего на $8^1/_2$ проц., (1086 рожденій на 1000 смертей). Но въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (во Франціи: Бретань, Орлеане, Руссильонъ, Бургундія, Нормандія), въ особенности въ городахъ, гдѣ въ настоящее время смертность особенно низка, она, наоборотъ, была выше рождаемости. Поэтому и Галлей и Бауманъ, и другіе статистики того времени находили, что дѣйствительную прибыль населенія надо искать въ деревняхъ, большіе же города только питаются приливомъ оттуда (въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Аугсбургѣ, по Зюсмильху, на 100 умершихъ приходилось 96—85 родившихся, въ Вѣнѣ и Римѣ всего 80, въ Зальцбургѣ даже 78). При крайне антисанитарномъ состояніи городовъ, когда экскременты валялись на улицахъ и площадяхъ (каждый крестьянинъ, пріѣзжавшій въ Берлинъ на рынокъ, обязанъ былъ, по постановленію 1671 г., вывезти изъ города возъ нечистотъ), свиньи свободно бродили по улицамъ (запрещенія и даже угрозы конфискаціей найденныхъ во время большихъ праздниковъ свиней, въ виду ихъ огромнаго количества, ни приводили ни къ чему) и хлѣва для нихъ были устроены передъ окнами, во многихъ городахъ еще не было водопроводовъ, а въ Парижѣ лишь въ 1782 г. устроены были тротуары, — нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что эпидемическія болѣзни постоянно свирѣпствовали въ городахъ и вызывали огромную смертность. Въ Парижѣ посреди улицы находились водосточныя канавы, издававшія отвратительный запахъ и служившія очагомъ заразы; чтобы не слышать его, приходилось ходить вдоль домовъ, но это было сопряжено съ рискомъ быть облитымъ выбрасываемыми и выливаемыми нечистотами; ретирады почти отсутствовали, вслѣдствіе чего населеніе удовлетворяло свои потребности на дворѣ (и выбрасывало нечистоты на улицу), въ небольшихъ городахъ это продѣлывалось даже посреди улицы; Лувръ, въ Испаніи даже королевскій дворецъ были совершенно загажены (Alw. Schulz. p. 71 и слѣд.). Въ отдѣльные годы и даже десятилѣтія, подъ вліяніемъ войнъ [1]), эпидемій чумы [2]), тифа, оспы, кроваваго поноса, кори, смертность даже въ странѣ, взятой въ цѣломъ, не покрывалась рождаемостью, напр., въ Германіи въ эпоху Тридцатилѣтней войны соотношеніе между умершими и родившимися составляло въ среднемъ 100 : 96,7, въ Вюртембергѣ въ 1634—39 гг, населеніе сокращалось ежегодно на 15,4 проц. (Rümelin).

---

[1]) Во время шведско-польской войны въ Восточной Пруссіи въ 1656 г. было сожжено 13 городовъ, 249 мѣстечекъ и селеній, убито 23 тыс. чел. и взято въ плѣнъ 34 тыс., въ Помераніи во время семилѣтней войны населеніе уменшилось на 10 проц.

[2]) Въ Восточной Пруссіи, по различнымъ вычисленіямъ въ 1709—10 гг. вымерло около третьей части населенія, въ Магдебургѣ въ 1709 г. населеніе подъ вліяніемъ чумы, сократилось съ 8 до 5 тыс. чел., въ Данцигѣ въ этомъ году 1836 родившихся и 24533 умершихъ, а вообще за періодъ 1601—1750 гг. въ Данцигѣ число умершихъ составляло на 83 тыс. болѣе числа родившихся.

Если переселеніе изъ селъ въ города, вслѣдствіе хроническаго превышенія смертности въ нихъ надъ рождаемостью (въ Данцигѣ, напр., въ періодъ 1601—1750 г.г. умерло на $82^1/_2$ тыс. болѣе, чѣмъ родилось), являлось необходимостью, то и для многихъ странъ привлеченіе переселенцевъ и во всякомъ случаѣ недопущеніе эмиграціи собственнаго населенія составляло вопросъ существованія. Въ Баденѣ, Австріи, Савоѣ, Польшѣ, Саксоніи и др. мѣстностяхъ правительство всѣми силами старалось воспрепятствовать выселенію жителей, заключало даже съ другими правительствами соглашенія о взаимной выдачѣ бѣглыхъ подданныхъ, хотя эти постановленія и договоры рѣдко приводили къ цѣли. Весьма строго эти запрещенія проводились въ отношеніи промышленниковъ, которые не должны были распространять новыя изобрѣтенія и отрасли промышленности въ другихъ странахъ, почему, напр, въ Бельгіи (въ 1698 г.) запрещалась эмиграція кружевниковъ, въ Австріи стекольщиковъ (богемскихъ), въ Пруссіи (при Фридрихѣ Вел.) чулочниковъ. Въ случаѣ невыполненія требованія вернуться, посылались (напр., въ Венеціи) люди, которые должны были убить мастера, сообщившаго свое искусство другимъ странамъ; одно уже подозрѣніе, что данный промышленникъ можетъ выселиться, влекло за собой (въ Англіи въ отношеніи мастеровъ шерстяныхъ и металлическихъ издѣлій, съ 1750 г. распространено на всѣ отрасли) обязанность внести залогъ, агенты же, уговаривавшіе англичанина эмигрировать, подвергались наказанію въ 15 мѣс. тюрьмы и 300 ф. ст. штрафа [1]). Тѣмъ не менѣе, именно благодаря многочисленнымъ переселеніямъ—періодъ XVI—XVIII ст. представляетъ собою такую эпоху промышленной эмиграціи—въ различныхъ странахъ Европы распространились новыя, ранѣе не извѣстныя отрасли производства. Въ XVI вѣкѣ въ особенности англійскіе протестанты (во время преслѣдованій въ царствованіе Маріи), итальянцы (изъ Локарно), евреи, изгнанные изъ Испаніи, и голландцы во время господства Альбы выселялись въ другія страны—итальянцы перенесли во Францію шелковую и зеркальную промышленность, фламандцы—кружевную, въ Германіи нидерландцы и евреи оживили торговлю (франкфуртская, лейпцигская ярмарки). Послѣ отмѣны нантскаго эдикта начинается обширная эмиграція гугенотовъ изъ Франціи (выселилось ок. 50 тыс. семействъ, 290—300 тыс. чел.) въ разныя страны Европы: Нидерланды (въ 1687 г. насчитывалось ок. 75 тыс. французовъ), Пруссію (въ 1720 г. ихъ было 17 тыс.), Австрію, Прирейнскія страны, Англію (въ концѣ XVII ст. въ Лондонѣ было ок. 60 тыс. гугенотовъ). Такія отрасли промышленности, какъ, напр., производство табачныхъ издѣлій, мыла, шелковыхъ тканей, тонкаго сукна и кожи, часовъ, лентъ (на новомъ станкѣ), чулковязальную машину—все это эти страны получили благодаря гугенотамъ. Во Франціи же подъ вліяніемъ этой эмиграціи промышленнаго населенія, сократилась торговля Ліона и Марселя, ткацкое производство Реймса (половина станковъ осталась безъ работы), Турена (число шелковыхъ ткачей сократилось съ 40 до 4 тыс.), бумажное производство Лимузена и Прованса. Если французская промышленность съ ея изящнымъ вкусомъ и красивыми издѣліями была создана итальянцами, прусская—гугенотами, то Англія, славившаяся на всю Европу своими шерстяными издѣліями, обязана была этому прежде всего голландцамъ и фламандцамъ, періодическія переселенія которыхъ (ткачей) въ теченіе семи вѣковъ съ XI до XVIII вѣка доставили Англіи все—отъ перваго ознакомленія населенія съ производствомъ шерстяныхъ тканей до производства „new draperies“, т. е. смѣшанныхъ съ шелкомъ и льномъ матерій, отличавшихся яркими цвѣтами и разнообразіемъ рисунка—тонкихъ тканей для высшаго общества и легкихъ издѣлій для тропическихъ странъ. Въ области кораблестроенія, посѣва кормовыхъ травъ, даже производства хлопчатобумажныхъ матерій, которыя создали въ XIX вѣкѣ міровую индустрію

[1]) См. мою ст. Die Ursachen den Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise. Schmollers Jahrbuch. 1906. p. 73 и сл.

Англіи, голландскіе переселенцы были ея учителями (см. мою ук. статью). Въ Пруссію съ 1685 г. по 1805 г., благодаря вѣротерпимости (de laisser à chacun la liberté d'aller au ciel par quel chemin il luit plait, какъ говорилъ Фридрихъ Вел.), переселилось около 350 тысячъ колонистовъ, бѣжавшихъ преимущественно отъ преслѣдованій въ другихъ странахъ. Это были протестанты изъ Пфальца (7 тыс. чел. въ 1680—99 г.г.), архіепископства Зальцбургскаго (20 тыс чел. въ 1732 г.), Швейцаріи 6—7 тыс., Богеміи, въ особ. же французскіе гугеноты (ок. 20 тыс. чел.), а также нѣмцы изъ Вюртемберга (въ 50-хъ и 60-хъ г. г. XVIII вѣка изъ Вюртемберга эмигрировало вообще въ среднемъ свыше 2 тыс. чел. ежегодно или $^1/_2$ проц. населенія) и другихъ мѣстностей. Это была планомѣрная колонизація, сопровождаемая выдачей пособій на дорогу и на устройство хозяйства, освобожденіемъ отъ податей на 2—15 лѣтъ, отъ пошлинъ и т. п., въ особенности же раздачей земли колонистамъ (огромное большинство ихъ составляли крестьяне, только гугеноты и нѣк. др. поселились въ городахъ и занялись промыслами). Они были поселены отчасти въ Силезіи на помѣщичьихъ земляхъ, гдѣ выдавалось по 150 талер. землевладѣльцамъ за каждый вновь образованный крестьянскій дворъ, отчасти же и преимущественно на королевскихъ доменахъ въ Курмаркѣ (ок. 50 тыс.), Восточной Пруссіи—на пустовавшихъ или вновь расчищенныхъ земляхъ. По Вегаймъ-Шварцбаху, къ концу жизни Фридриха Вел. „приблизительно третья часть населенія или около милліона людей состояло изъ колонистовъ и потомковъ колонистовъ, поселившихся со времени великаго курфюрста въ Пруссіи“, изъ коихъ около 400 тыс. (285 тыс. переселилось) приходилось на эпоху Фридриха Вел. Въ эту же эпоху (см. Hasse. Besied. des deutsch. Bodens. 27—30. 57—62) совершалась сильная эмиграція нѣмцевъ въ Венгрію (въ 1712 г. ок. 14 тыс., въ 1763—76 г.г. ок. 80 тыс.) и Польшу (пров. Познань), французовъ, голландцевъ, въ особ. же англичанъ въ Америку, въ которой, по Левассеру, къ концу XVIII в. насчитывалось ок. $9^1/_2$ милл. европейскаго населенія (6,7 милл. въ сѣв. Америкѣ—изъ нихъ $4^1/_2$ милл. въ Соед. Штатахъ—и 2,7 милл. въ Южн. Америкѣ, изъ нихъ 1,7 въ испанск. влад. и почти 1 милл. въ Бразиліи).

II. Сельское хозяйство и аграрный строй.

Литература. Богатая литература существуетъ въ отношеніи *Германіи*. Трудовъ общаго характера, которыя охватывали бы всю Германію какъ для предыдущей эпохи Инама-Стернеггъ, Лампрехтъ: Ковалевскій даже всю Европу) для этого періода не существуетъ. То, что имѣется изъ общихъ сочиненій, заключается въ нѣсколькихъ статьяхъ, гдѣ сопоставляются различныя мѣстности на основаніи отдѣльныхъ монографій. Таковы статьи: *Below. Der Osten und der Westen Deutschlands* (въ Historische Bibliothek. B. XI. 1900), *Caro. Probleme der deutschen Agrargeschichte* (Viert. für Sozial-und Wirtschaftsgesch. B. V. 1907), *Jordan-Rozwadowski. Die Bauern des 18. Jahrh. und ihre Herrn im Lichte der neuesten deutschen Forschungen* (Jahrb. f. Nationaloek. 1900. B. XX), *Theodor Knapp. Ueber Leibeigenschaft in Deutschland seit dem Ausgang des Mittelalters* (Zeitschr. der Savigny-Stift. f. Rechtsgesch. Germ. Abt. 1898. B. XIX), а также брошюра *Fuchs'a. Die Epochen der deutschen Agrargeschichte und Agrarpolitik.* 1898, и различныя главы въ *Lamprecht. Deutsche Geschichte*, особ. B. VI. p. 348 и сл. B. VII. p. 777 и сл. B. IX. p. 217 и сл. (интересно написаны). Сюда же относятся статьи Георга Кнаппа, соединенныя въ двухъ книжкахъ: *Georg Knapp. Grundherrschaft und Rittergut.* 1897 (сопоставленіе аграрнаго строя сѣверной и южной Силезіи, Австріи и Пруссіи, сѣверо-западной Германіи, по Виттиху, съ прочими частями Германіи) и *Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit.* 1891. (ст. Die bäuerliche Leibeigenschaft im Osten и Erbunterthänigkeit etc). Краткій очеркъ аграрнаго строя Германіи въ эту эпоху даетъ *Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte* (въ 4 изд.. 1902 г. § 67). Наконецъ, полное, хотя также краткое и притомъ устарѣлое, изложеніе

по всѣмъ странамъ содержитъ извѣстный трудъ *Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa.* 1861. (Дается не только освобожденіе крестьянъ, но и аграрная исторія какъ средневѣковаго, такъ и послѣдующаго періода). XV и XVI ст. изложены въ книгѣ *Зеворта*, переработанной В. И. Лучицкимъ, *Исторія новаго времени.* 1885. Въ противоположность всѣмъ указаннымъ сочиненіямъ, разсматривающимъ почти исключительно аграрный строй, у *Goltz, Geschichte der deutschen Landwirtschaft. B. I.* 1902., находимъ свѣдѣнія о развитіи сельскаго хозяйства въ XVIII ст. и въ особ. сельскохозяйственной литературы этой эпохи. Подробныя данныя о положеніи сельскаго хозяйства имѣются въ многотомномъ трудѣ *Stadelmann, Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur,* особ. важенъ т. II. о дѣятельности Фридриха Вел.

Въ противоположность общимъ работамъ, преимущественно компилятивнаго характера, *монографіи по аграрной исторіи отдѣльныхъ мѣстностей Германіи* за разсматриваемый періодъ представляютъ собою рядъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій на основаніи архивнаго матеріала (свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ въ нихъ почти не содержится, мало затрагиваются и вопросы крестьянскаго зэмлепользованія, главную проблему составляютъ права и обязанности крестьянъ, сеньоріальный строй и аграрныя условія). Наиболѣе важны (капитальные) труды: *Georg Knapp. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Teilen Preussens.* 1887. (Объ этомъ *Schmoller. Der Kampf des preussischen Königtums um die Erhaltung des Bauernstandes.* Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1888). *Grünberg. Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren, Schlesien.* 1893. (Его-же другая книга: *Studien zur oesterreichischen Agrargeschichte*). *Grossmann. Ueber die gutsherrlich—bäuerlichen Verhältnisse in der Mark Brandenburg vom 16. bis zum 18. Jahrh.* 1890. Schmollers Forschungen (Объ этомъ *Fuchs. Zur Geschichte des gutsherrlich—bäuerlichen Verhältnisses in der Mark Brandenburg.* Zeitschr. der Savigny-Stift. Germ. Abt. XII. 1891). *Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* 1896. (Ганноверъ и сосѣднія области). *Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften.* 1888. (Померанія и Рюгенъ). *Ludwig. Der badische Bauer im 18. Jahrh.* 1896. Кромѣ того: о положеніи крестьянъ въ Бранденбургѣ (вслѣдствіе сочиненія Гроссмана устарѣло) *Korn. Geschichte der bäuerlichen Rechtsverhältnisse in der Mark Brandenburg.* (Zeitschr. für Rechtsgesch. 1873), въ Помераніи—*Brünneck. Die Leibeigenschaft in Pommern* (Zeitschr. der Savigny-Stift. IX. 1888), въ Восточной Пруссіи—Его-же. *Die Leibeigenschaft in Ostpreussen.* Тамъ-же. VIII. 1887). Его-же. *Die Aufhebung der Leibeigenschaft durch die Gesetzgebung Friedrich des Gr. etc.* Тамъ-же. X. XI. 1889. 1890). Силезія—*Dessmann. Geschichte der schlesischen Agrarverfassung.* 1904. Мекленбургъ—*Böhlau. Ueber Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg.* (Zeitschr. für Rechtsgesch. X. 1872). Шлезвигъ-Гольштинія—*Hanssen. Die Aufhebung der Leibeigenschaft etc. in den Herzogtümern Schleswig und Holstein.* 1861. Баварія—*Hausmann. Die Grundentlastung in Bayern. 1892. Schmelzle. Der Staatshaushalt in Herzogtum Bayern im 18. Jahrh. 1900* (въ обоихъ содержится очеркъ о положеніи крестьянъ). Общій очеркъ о Баденѣ (по Лудвигу), Гессенѣ (по Виттиху), Баваріи и Вюртембергу (по собственнымъ работамъ) имѣется въ ст. *Theodor Knapp. Die Grundherrschaft im süd-westlichen Deutschland vom Ausgang des Mittelalters.* Zeitschr. der Savigny-Stift. Germ. Abt. XXII. 1901. (Теперь напечатано и въ сборникѣ его сочиненій по аграрной исторіи). Для другихъ менѣе крупныхъ территорій и отдѣльныхъ мѣстностей имѣются еще слѣд. работы: *Kraaz. Bauerngut und Frohndienste in Anhalt vom 16.—19. Jahrh.* 1898 (Conrad's Sammlung), *Danneil. Geschichte des magdeburgischen Bauernstandes* (2 тома; доходитъ до XVII ст.). *Hesse. Entwicklung der agrar-rechtlichen Verhältnisse im Stifte, späteren Herzogtum Verden.* 1900. (Conrad's Sammlung). *Haun. Bauer und Gutsherr in Kursachsen.* 1891. (составлено на основаніи одного сборника крестьянскихъ повинностей и мірскихъ обычаевъ XVIII ст.). *Ehrler. Agrargeschichte der Iohanniterherrschaft Heitersheim.* 1900. *Meyer. Guts-und Leibeigentum im Fürstentum Lippe.* (Jahrb. f. Nationaloek. 1896. B. XII).

Франція. Чрезвычайно много для пониманія сельскохозяйственнаго развитія Франціи въ XVIII ст., отчасти и для изученія аграрнаго строя, даетъ дневникъ Артура Юнга о его путешествіяхъ по Франціи: *Arthur Joung. Voyages en France pendant les années 1787, 1788, 1789.* (Цит. по изд. Guillaumin. 1860. 2 vols. Bibl. des sciences mor. et polit.). Имѣется далѣе рядъ общихъ сочиненій, касающихся всей Франціи и затрагивающихъ въ равной мѣрѣ, какъ помѣстную организацію и условія землевладѣнія, такъ и поло-

женіе сельскаго хозяйства. Таковы капитальные труды: *Н. И. Карѣева. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка* 1879 (касается, однако, и болѣе ранняго періода), *И. В. Лучицкаго. Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи* (преимущественно въ Лимузенѣ). 1900. *Wolters. Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1790.* 1905 (Много новаго). Спеціально вопросу о развитіи сельскаго хозяйства посвящена статья *Levasseur'a. Des progrès de l'agriculture française dans la seconde moitie du XVIII siècle* (Révue d'écon. polit. 1898), вопросу объ арендной платѣ и цѣнахъ на землю—изслѣдованіе *Zolla. Des variations du revenu et du prix des terres en France aux XVII et XVIII siècles* (Annales de l'école libre des sciences politiques. 1893—1894.). *D'Avencl. Histoire économique de la propriété, des salaires etc.*—въ первомъ томѣ (1894) даетъ кромѣ исторіи цѣнъ на хлѣбъ, на землю, арендной платы, и характеристику аграрнаго развитія и сельскаго хозяйства. Много интереснаго у *Champion. La France d'après les cahiers.* 1789. Paris. 1897. *Babeau. La vie rurale dans l'ancienne France* 2 éd. 1885 и *Le village sous l'ancien régime* 3. éd. рисуетъ общую картину жизни крестьянъ и общиннаго управленія, но при этомъ недостаточно разграничиваетъ отдѣльныя эпохи (въ особ. XVII—XVIII ст. отъ предыдущаго періода). Изъ болѣе старыхъ сочиненій укажемъ *Doniol. Histoire des classes rurales en France.* 1857. *Bonnemère. Histoire des paysans.* 4 éd. 1889 (третій томъ относится къ XVII—XVIII ст.). *Leymarie. Histoire des paysans en France.* 1858. *Dareste de la Chavanne. Histoire des classes agricoles en France.* 1858. *Lavergne. Economie rurale de la France depuis 1789.* Paris 1860. *Boiteau. Etat de la France en 1789.* Paris. 1861. *Moreau de Jonnès. Etat economique et social de la France depuis Henri IV jusqu'a Louis XIV.* 1868, а также извѣстные труды *Taine'a. Origines de la France contemporaine* и *Toqueville. L'ancien régime et la Révolutien.*

Среди сочиненій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей Франціи, наиболѣе цѣнны: *Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution.* 1906 (Богатство матеріала, выводы не только для Бретани, но и общаго характера). *Bernier. Essai sur le Tiers—Etat et les paysans de Basse—Normandie au XIII siècle.* 1892 (Интересныя картины общаго строя жизни крестьянъ и другихъ группъ сельскаго населенія Нормандіи). *Brutails. Note sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime.* 1889. (Недурной очеркъ сельскаго хозяйства, населенія и сеньоріальныхъ повинностей Руссильона). *Calonne. La vie agricole sous l'ancien régime dans le nord de la France.* 2 éd. 1885 (Относится преим. къ Артуа, Пикарди и Фландріи, интересныя свѣдѣнія). *Dénis. Lectures sur l'histoire de l'agriculture dans le departement de Saine-et-Marne.* 1881 (сельское хозяйство, отчасти и положеніе крестьянъ въ центрѣ Франціи). *Bloch. Etudes sur l'histoire economique de la France* (1760—1789). 1900 изучаетъ (въ одной изъ статей этого сборника) лишь вопросъ о распредѣленіи земельной собственности въ Орлеане. *Sagnac* въ двухъ своихъ статьяхъ (Rév. d'hist. mod. et contemp. 1901 и Rèv. du synth. hist. 1906) знакомитъ только французскую публику съ результатами изслѣдованій И. В. Лучицкаго. Нѣкоторыя данныя для аграрной исторіи Франціи XVIII ст. содержатся также у *Jaurès. La Constituante* (Histoire Socialiste. T. I) и *Wahl. Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution. B. I.*, а также *Levasseur. La population française. T. I.* и въ сочиненіяхъ по исторіи хлѣбной торговли: *Araskhaniantz. Die französische Getreidehandelspolitik bis zum* Jahre *1789*, 1882. *Аванасьевъ. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ.*

Англія. Изъ современниковъ наиболѣе любопытны *Coke. Scriven treatise of copyhold customary and ancient domesne tenure u Blakstone. Considerations on copyhold.* И то и другое посвящено выясненію юридическаго положенія крестьянскаго населенія. Послѣднее подробно разсматривается въ прекрасномъ трудѣ *Савина. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ.* 1903. Огораживанія и обезземеленье крестьянъ обстоятельно изучены у *Hasbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen.* 1894, *Gay. Zur Geschichte der Einhegungen in England* 1903. *Nasse. Feldgemeinschaft in England* etc. (есть рус. пер.). *Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle.* 1906 (подробно разсматривается ходъ огораживаній XVIII ст.). Этотъ вопросъ затрагиваютъ также: *Marx. Das Kapital.* B. I. *Ashley.* Introduction. *Cunningham. Growth of English Industry and Commerce in Moderne Times. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ.* 1898. *Green. Inclosures since 1760.* Econ. Rev. VI. *Rae. Whe have the Jeomanry perished?* (Contempor Review. 1883). Въ связи съ этимъ *Levy. Der Untergang kleinbäuerlicher Betriebe in England* (Jahrb. f. Nationaloek. 1903) и (противъ

него) *Hasbach. Der Untergang des englischen Bauernstandes in neuer Beleuchtung* (Arch. f. Sozialwiss. 1907). См. также *Pollock. Land Laws. Pollock—Maitland. History of English Law. Rogers. Six Cent.*, его-же *Economic Interpretation of History* и т. VII. *Hist. of Agriculture* (вышло послѣ его смерти). *Faber. Entstehung des Agrarschutzes in England.* 1888.

Въ отношеніи *Швейцаріи*, (Савои, Лотарингіи).—*Darmstädter. Die Befreiung der Leibeigenen in Savoyen, der Schweiz und Lothringen* 1897. *Claassen. Schweizerische Bauernpolitik im Zeitalter Zwinglis.* 1899. *Испаніи—Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens und ihr Verfall.* 1886 (глава о сельскомъ хозяйствѣ), *Бельгіи—Brants. Essai historique sur la condition des classes rurales en Belgique jusqu'au XVIII siècle.* Mém. de l'acad. royale etc. 1880. (въ отношеніи XVII—XVIII ст. касается почти исключительно развитія сельскаго хозяйства). Много данныхъ для различныхъ странъ содержитъ *Naudé. Getreidehandelspolitik Europäischer Staaten vom XIII bis XVIII Jahrh.* 1896. (Acta Borussica, изд. Берл. акад.).

ГЛАВА I.

Оживленіе въ области сельскаго хозяйства.

Въ XVII—XVIII ст. замѣчается значительное оживленіе въ области сельскаго хозяйства. Господствовавшія вѣками системы полеводства признаются неудовлетворительными, обнаруживается желаніе перейти отъ трехпольной системы къ болѣе интенсивной культурѣ, какъ и вообще замѣнить унаслѣдованные отъ отцовъ и дѣдовъ принципы хозяйства раціональной организаціей его.

Прекращеніе вѣкового застоя обнаружилось прежде всего въ появленіи богатой агрономической литературы, оригинальной и переводной, въ формѣ энциклопедій, журналовъ и монографій,—литературы, трактовавшей о вопросахъ полеводства и животноводства, объ агрономіи, агрономической химіи и экономіи сельскаго хозяйства (все это было въ тѣ времена тѣсно связано вмѣстѣ и изучалось одними и тѣми же лицами).

Первыя агрономическія сочиненія появляются въ Западной Европѣ уже весьма рано—въ XIII вѣкѣ въ Италіи (Petrus de Crescentiis), въ XVI вѣкѣ во Франціи (Charles Etienne: „Maison rustique"), въ Германіи (Heresbach, Coler), не считая переводовъ римскихъ писателей на различные языки—Варрона, Колумелы, Палладія. Эти сочиненія имѣютъ форму частью разговоровъ между различными вымышленными лицами по вопросамъ наилучшаго способа веденія хозяйства, частью составлены въ видѣ сельскохозяйственныхъ календарей и альманаховъ, заключающихъ въ себѣ и много суевѣрій, напр. о вліяніи луны на растенія и животныхъ, частью, наконецъ, представляютъ собою и систематическія сочиненія. Въ Германіи создалась цѣлая т. наз., Hausväterlitteratur, и тотъ фактъ, что книги извѣстныхъ авторовъ перепечатывались въ почти неизмѣненномъ видѣ разными книгопродавцами и издавались вновь, свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, съ которымъ относилось общество къ агрономической литературѣ (См. Goltz. I. 290 и сл. 305. 316). Однако, новыхъ принциповъ веденія хозяйства напрасно было бы искать въ этихъ сочиненіяхъ, дѣло ограничивается указаніемъ на необходимость различныхъ частичныхъ измѣненій,—эпоха провозглашенія новыхъ идей, ведущихъ къ кореннымъ реформамъ, эпоха оживленія въ области сельскаго хозяйства была впереди.

Одновременно съ появленіемъ новой агрономической литературы въ XVIII ст. стали возникать и сельскохозяйственныя общества во всѣхъ странахъ Европы, государство же, поощряя образованіе послѣднихъ, со своей стороны принимаетъ различныя поощрительныя мѣры къ развитію сельскаго хозяйства: оно выписываетъ и раздаетъ населенію сѣмена новыхъ растеній и племенной скотъ, устраиваетъ сельскохозяйственныя станціи и питомники, поощряетъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ, создаетъ учрежденія сельскохозяйственнаго кредита, выдаетъ преміи за разведеніе новыхъ культуръ и примѣненіе новыхъ видовъ удобреній.

Движеніе исходило изъ Нидерландовъ, гдѣ уже съ XVI ст. широко примѣнялась (во Фландріи) культура клевера и рѣпы и чрезъ засѣваніе кормовыми

травами парового поля совершался переходъ отъ трехпольной къ плодосмѣнной системѣ. А изъ Нидерландовъ оно перешло въ Англію.

Подобно тому, какъ изъ Голландіи англичане заимствовали свою технику суконнаго производства (XIII—XVI ст.) -см. выше, стр. 66—свѣдѣнія въ области мореходства и кораблестроенія. (См. мою статью въ Schmollers Jahrbuch. 1906), какъ и въ сферѣ банкового дѣла и биржевыхъ операцій, такъ и раціональная сельскохозяйственная культура была перенесена изъ Голландіи въ Англію. „Голландцы—говоритъ Роджерсъ—занимались земледѣліемъ, обнаруживая при этомъ терпѣніе и прилежаніе садовниковъ. Имъ удалось достигнуть значительныхъ успѣховъ въ области разведенія какъ растеній, необходимыхъ для человѣческаго питанія, такъ и тѣхъ, которыя удовлетворяютъ изысканному вкусу. Они насъ обучили земледѣлію и садоводству. Они были первымъ народомъ, начавшимъ окружать свои жилища клумбами, палисадниками, красивыми цвѣтниками. Они сажали плодовыя деревья, улучшали растенія, вводили новые корни и травы, необходимые для людей и животныхъ. Голландцамъ—заключаетъ онъ—мы должны быть благодарны за то, что въ Англіи нѣтъ болѣе цынги и проказы, что непрерывно слѣдующія одна за другой жатвы замѣнили систему оставленія полей подъ паромъ, что найденъ и усовершенствованъ плодосмѣнный сѣвооборотъ, что населеніе Великобританіи возросло, количество же рогатаго скота и овецъ увеличилось въ десять разъ, а по вѣсу и качеству повысилось втрое" (Six Cent.).

Уже англійскіе агрономы XVII вѣка, среди нихъ на первомъ планѣ натурализовавшійся въ Англіи голландецъ Гартлибъ, другъ Мильтона, и Платтесъ, также голландецъ по происхожденію, стараясь объяснить англичанамъ, какимъ образомъ голландцы стали учителями другихъ народовъ въ области сельскаго хозяйства, пропагандировали новую раціональную систему хозяйства, основанную на перемѣнномъ сѣвооборотѣ. Она должна была замѣнить собою обычное трехпольное хозяйство (паръ, озимь, ярь) введеніемъ въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ: турнепса, райграса, клевера, посѣвъ которыхъ даетъ возможность устранить непроизводительныя паровыя поля. Въ XVIII вѣкѣ эти новые принципы хозяйства получили дальнѣйшее развитіе, благодаря дѣятельности Петро Тулля, „джентльмэна изъ Беркшира", который уже въ 1701 г. сталъ примѣнять рядовой посѣвъ, а въ 1731 г. выпустилъ книгу, ставившую во главѣ угла плодоперемѣнную систему хозяйства, гдѣ различныя растенія послѣдовательно идутъ одно за другимъ, приготовляя нѣкоторымъ образомъ почву одно для другого и устраняя то утомленіе почвы, которое вызывается слишкомъ однообразной культурой злаковыхъ растеній. Сѣмена, брошенныя Туллемъ и его предшественниками, попали на благодарную почву: цѣлое поколѣніе лордовъ-землевладѣльцевъ подхватило новое ученіе и стало примѣнять его на своихъ помѣстьяхъ, стараясь такимъ путемъ увеличить свои доходы. Едва ли не наиболѣе извѣстенъ среди нихъ лордъ Тоуншендъ, покинувшій послѣ своей ссоры съ Вальполемъ въ 1730 г. столицу и начавшій примѣнять въ своемъ имѣніи въ Райнгеймѣ въ графствѣ Норфолькскомъ ту новую систему раціональнаго хозяйства, съ которой онъ успѣлъ ознакомиться еще во время своего пребыванія въ Голландіи въ качествѣ англійскаго посланника. Дренажъ болотистой почвы, удобреніе мергелемъ, разведеніе искусственныхъ луговъ, введеніе новаго, знаменитаго „норфолькскаго" четырехпольнаго сѣвооборота изъ турнепсовъ, ячменя, клевера и пшеницы,—все это создало то образцовое норфолькское хозяйство, слава о которомъ розпространилась вскорѣ далеко за предѣлами Англіи; автора ея, разводившаго турнепсы, прозвали Turnip—Townshend [1]).

Другіе лорды (маркизъ Рокингемъ, герцогъ Бедфордскій, лордъ Эджремонтъ, лордъ Клеръ, лордъ Галифаксъ) вскорѣ послѣдовали его примѣру, занятіе земледѣліемъ стало модой и всякій считалъ себя пригоднымъ руководить самостоятельно своимъ хозяйствомъ, производить опыты и дѣлать нововведенія.

[1]) Ср. Mantoux. p. 148 и сл.

Писатели этого времени разсказываютъ, что аристократы бесѣдовали объ удобреніи и дренажѣ, о выгодности того или иного сѣвооборота, о разведеніи рогатаго скота и свиней съ неменьшимъ оживленіемъ, чѣмъ ихъ отцы объ охотѣ, лошадяхъ и собакахъ. Интересъ къ сельскому хозяйству сталъ распространяться и въ другихъ кругахъ населенія: „цехъ земледѣльцевъ—говоритъ Артуръ Юнгъ—обнимаетъ въ настоящее время всѣ сословія, начиная отъ герцога и кончая ремесленнымъ подмастерьемъ“. Лондонскіе жители, проводившіе пять дней въ недѣлю въ коммерческихъ дѣлахъ, занимались остальные два дня сельскимъ хозяйствомъ. Люди, готовившіе себя къ совершенно инымъ профессіямъ, покидали ихъ и посвящали себя этому столь пріятному повидимому и независимому занятію. Врачи, адвокаты, пасторы, купцы, солдаты, моряки—всѣ стали въ то же время сельскими хозяевами [1]).

Вскорѣ новая страсть къ занятію земледѣліемъ перешла за предѣлы Англіи, зараза сообщилась французамъ. „Около 1750 года—говоритъ Вольтеръ—французскій народъ, пресыщенный стихами, трагедіями, комедіями, операми, романами и еще болѣе размышленіями о морали и о богословскихъ вопросахъ, сталъ наконецъ думать о хлѣбѣ. Даже виноградники были забыты, говорили лишь о пшеницѣ и ржи. Писали полезныя вещи о земледѣліи, которыя читались всѣми, за исключеніемъ однихъ... крестьянъ. Возвращаясь домой изъ Opéra-Comique, устанавливали тотъ фактъ, что Франція имѣетъ массу хлѣба для вывоза“ [2]). Толчокъ исходилъ изъ Англіи: подобно тому, какъ англичане старались перенять у голландцевъ ихъ усовершенствованную сельскохозяйственную культуру, французы наблюдали то, что происходило по ту сторону Ламанша, и не могли не надивиться тому, что англичане, благодаря развитію своего сельскаго хозяйства, достигли возможности покрывать потребность въ хлѣбѣ собственнымъ производствомъ, тогда какъ Франція въ 1715—1755 г.г. вынуждена была еще ввозить пшеницы на 200 милліоновъ ливровъ [3]).

Если французскія агрономическія сочиненія начала XVIII вѣка содержали еще много суевѣрій (вродѣ тайны тайнъ Лаперріера, посредствомъ которой увеличивалось количество хлѣба чудеснымъ образомъ), а затѣмъ агрономическая литература въ теченіе полустолѣтія почти совершенно заглохла, то, начиная съ 1750 года, Францію сразу захлестнула цѣлая волна выходившихъ одно за другимъ и посвященныхъ сельскому хозяйству сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, монографій, словарей, періодическихъ изданій.

Началось съ изданія переводовъ цѣлаго ряда англійскихъ писателей, какъ напр., Hale'a, экземпляры котораго чрезъ посредство мѣстныхъ интендантовъ раздавались крестьянамъ, въ особенности же извѣстнаго Тулла, книга котораго въ переработкѣ Дюгамеля вышла въ 1751 году. Въ появившемся въ томъ же году первомъ томѣ (д'Аламберовской) „Энциклопедіи“ уже имѣется принадлежащая перу Дидро статья „сельское хозяйство“—въ качествѣ совершенно новой науки—и въ ней излагается рядомъ съ господствующими системами земледѣлія и новая, предложенная Туллемъ. Затѣмъ французы стали и самостоятельно разрабатывать вопросы сельскаго хозяйства, настаивая на необходмиости распашки пустопорожнихъ земель и пастбищъ („такая распашка обозначаетъ расширеніе территоріи, увеличеніе количества подданныхъ, ростъ доходовъ страны и усиленіе ея могущества“), въ особенности же Патулло своей небольшой, ясно и просто написанной книжкой о плодосмѣнной системѣ ознакомилъ широкіе слои населенія съ новымъ раціональнымъ способомъ хозяйства. При этомъ онъ заходитъ еще дальше своихъ учителей, отдавая половину и даже двѣ трети пахотныхъ земель подъ кормовыя травы,— подъ „искусственные луга“, какъ во Франціи стали называть плодосмѣнную культуру. Французы пошли дальше и въ другомъ отношеніи: они старались привести въ связь новую науку сельскаго хозяйства съ химіей и физикой и поставить ее на вполнѣ научныя основанія,

---

[1]) Rogers. Chap. XVII.
[2]) Voltaire. Dictionnaire philosophique. IV.
[3]) Wolters. p. 158. 165—166. 201.

изучая питаніе растеній и соотношеніе между ихъ произрастаніемъ и неорганическими субстанціями почвы (Wolters. 158—170. 200—210).

Вторая половина XVII вѣка составляетъ, такимъ образомъ, и во Франціи эпоху сильнаго оживленія въ области сельскаго хозяйства: наканунѣ революціи послѣднимъ интересовались ничуть не менѣе, чѣмъ политическими и религіозными вопросами. Сельское хозяйство—читаемъ въ Journal Économique 1763 г.—не должно оставаться въ рукахъ тѣхъ, чей кругозоръ ограниченъ и кто, не будучи въ состояніи подняться выше повседневныхъ интересовъ, не можетъ разобраться въ томъ, что правильно и что неправильно. Находили, что на службу сельскому хозяйству должны идти лучшіе умы. При этомъ ссылались на древнихъ, которые и въ области сельскаго хозяйства, по мнѣнію французовъ того времени, достигли совершенства, знали даже якобы травосѣяніе. Древніе только тѣхъ признавали богами, кто ихъ научилъ пользоваться дарами природы—Цереру, Вакха, Триптолема, и имена извѣстнѣйшихъ людей заимствованы отъ названій растеній (Лептулъ, Фабій, Пизонъ, Цицеронъ), культуру которыхъ они усовершенствовали [1]). По примѣру этихъ древнихъ грековъ и римлянъ, во Франціи, какъ и въ Англіи, крупнѣйшіе люди посвятили себя новой дѣятельности. Шуазель, Ларошфуко, маркизъ Тюрбильи, даже Вольтеръ становятся агрономами—„Choisel est agricole et Voltaire est fermier“ вошло въ поговорку—Пармантье разводитъ картофель (отсюда названіе картофеля—parmentière), Добантонъ вводитъ мериносовое овцеводство; возникаетъ ежемѣсячный Journal Économique, затѣмъ Almanach du bon jardinier, учреждается цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ обществъ—въ Реннѣ, Тулузѣ,Ліонѣ, Орлеанѣ и т. д., парижское общество издаетъ „Mémoires d'agriculture“, въ которыхъ принимаетъ участіе самъ Артуръ Юнгъ—„оракулъ англійскаго земледѣлія“, Лавуазье, Дюпонъ де-Немуръ, Буланже изучаютъ сельское хозяйство.

И въ Германіи вторая половина XVIII вѣка составляетъ эпоху оживленія въ области сельскаго хозяйства. Со всѣхъ концовъ Европы Германія, въ особенности Пруссія, старается заимствовать новыя усовершенствованія. „Завоевавъ мирнымъ путемъ цѣлую провинцію“—какъ говорилъ Фридрихъ Великій въ 1753 г., когда было осушено 225 тысячъ моргеновъ по Одеру,—прусскій король привлекъ сюда колонистовъ, и послѣдніе принесли съ собой изъ Франціи, Богеміи, Пфальца, Голландіи свѣдѣнія о лучшихъ способахъ обработки земли и разведенія скота, о посѣвѣ клевера и табаку, устроили мызы по голландскому образцу, которыя и назывались „Holländereien“. Фридрихъ Вел. рекомендовалъ землевладѣльцамъ „англійскую“ систему хозяйства, подъ которой понималъ посѣвъ кормовыхъ травъ, и засѣянныя ими пространства, онъ, по примѣру французовъ, называлъ „искусственными лугами“. Изъ Италіи онъ выписывалъ сѣмена лупины, предписывалъ разведеніе картофеля (cartoufle отъ tartoufle—въ Италіи его смѣшивали, вслѣдствіе внѣшняго сходства, съ трюфелями—tartuffolo) на своихъ доменахъ, поощрялъ разведеніе испанскихъ мериносовыхъ овецъ, и еще большій, быть можетъ, памятникъ воздвигъ себѣ впервые введенной организаціей поземельнаго кредита („Landschaften“), ибо если и до него „болѣзнь“ въ видѣ задолженности дворянскаго землевладѣнія была несомнѣнна, то „лекарство“ было ранѣе неизвѣстно,—какъ писалъ Юстусъ Мезеръ [2]).

Въ связи съ учрежденіемъ, начиная съ 1727 года, почти во всѣхъ (около двадцати) нѣмецкихъ университетахъ каѳедръ камеральныхъ наукъ, въ составъ которыхъ входило и сельское хозяйство, и въ Германіи находимъ во второй половинѣ XVIII вѣка богатую, основанную на детальномъ знакомствѣ съ англійскими и французскими авторами (и на заимствованіяхъ у нихъ), сельскохозяйст-

---

[1]) Wolters. p. 170—177.

[1]) Stadelmann. Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur. B. II. p. 42—55. Goltz. I. p. 447—476.

венную литературу, оказавшую, въ лицѣ камералистовъ, большое вліяніе на государей, государственныхъ дѣятелей и землевладѣльцевъ.

Назовемъ хотя бы Пфейффера и Юсти, Цинке, издавшаго 16 томовъ „Leipziger Sammlungen", своего рода періодическое изданіе, гдѣ почти все написано имъ самимъ, Крюница, автора (неоконченной) энциклопедіи въ 72 томахъ, Антона, написавшаго пятитомную исторію сельскаго хозяйства (доведена до XV вѣка),—послѣ него и вплоть до настоящаго времени исторія сельскаго хозяйства Германіи написана всего два раза—Лангеталемъ и Гольцомъ.

Еще большее значеніе имѣли сельскіе хозяева-практики, изучившіе земледѣліе не только въ Германіи, но и въ Англіи, Нидерландахъ, частью и во Франціи, среди нихъ особ. Іоаннъ Христіанъ Шубартъ—„благодѣтель человѣчества", какъ называетъ его Теэръ. Послѣ удачныхъ опытовъ съ посѣвомъ клевера, свекловицы, марены, табаку, онъ явился убѣжденнымъ сторонникомъ плодосмѣнной системы хозяйства и подъ его вліяніемъ цѣлый рядъ высокопоставленныхъ владѣльцевъ обширныхъ имѣній стали вводить у себя усовершенствованія, а отъ императора Іосифа II Шубартъ за свои труды по распространенію клевера получилъ званіе „рыцаря священной римской имперіи von dem Kleefelde" [1] [2]).

Результаты новаго движенія, успѣхи, сдѣланные въ области сельскаго хозяйства въ смыслѣ осуществленія новыхъ идей, примѣненія на практикѣ системы раціональнаго хозяйства, были не одинаковы въ различныхъ государствахъ. Больше всего было достигнуто въ Англіи, гдѣ постепенный переходъ къ травосѣянію начался уже весьма рано, гдѣ въ XVIII ст. уже совершалась въ значительной мѣрѣ замѣна прежняго трехпольнаго хозяйства улучшеннымъ зерновымъ. Какъ указываетъ Роджерсъ, въ то время, какъ до XVII ст. въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи замѣчается полнѣйшій застой, съ этого времени обнаруживается значительный прогрессъ въ видѣ распространенія посѣвовъ кормовыхъ травъ и корнеплодовъ, и уже въ концѣ XVII ст. сѣмена клевера встрѣчаются во всѣхъ прейсъ-курантахъ цѣнъ, не только на лондонскомъ, но и на другихъ рынкахъ. Но все же было бы ошибочно думать, что Англія уже въ XVIII ст. перешла къ плодосмѣнной системѣ. „Цѣликомъ, т. е. въ смыслѣ чередованія опредѣленныхъ категорій растеній, характера распашки и удобреній—говоритъ Брантсъ—эта послѣдняя система долгое время примѣнялась лишь во владѣніяхъ герцога Норфолькскаго [3]).

Такой выводъ подтверждается и свидѣтельствами современниковъ. Съ одной стороны, Лауренсъ и Мекферсонъ, писавшіе въ 1727 и 1729 г.г., говорятъ о значительныхъ улучшеніяхъ, совершившихся въ предшествующія десятилѣтія: „за послѣдніе годы во многихъ имѣніяхъ новыя улучшенія приняты во всемъ ихъ объемѣ, хотя—рѣчь идетъ о первой четверти XVIII вѣка—на гораздо большемъ числѣ хозяйствъ вліяніе современной техники очень мало или даже совсѣмъ не отразилось". (Цит. у Toynbee). Точно также изъ жалобы Артура Юнга въ 1770 году, что едва ли многимъ болѣе половины, въ крайнемъ случаѣ двѣ трети всѣхъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ разводятъ клеверъ, мы получаемъ представленіе о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ сельскимъ хозяйствомъ Англіи съ конца XVII вѣка. Но, съ другой стороны, тотъ же Артуръ Юнгъ упоминаетъ о томъ, что лишь съ 60-хъ годовъ XVIII ст. сталъ распространяться рядовой посѣвъ Тула и поэтому находитъ (въ 1770 т.), что „въ земледѣліи за послѣдніе десять лѣтъ сдѣлано больше опытовъ и открытій, обнаружено вообще больше здраваго смысла, чѣмъ раньше въ цѣлую сотню лѣтъ", нѣсколько умаляя, правда, при этомъ—какъ указываетъ Манту (р. 153)—заслуги предшественниковъ.

---

[1]) Goltz. I. p. 319—389.

[2]) Іоаннъ Бергенъ, возставая противъ существованія общинныхъ пастбищъ, непопускающихъ устраненія паровыхъ полей, сравнивалъ ихъ съ публичными женщинами, „которыми пользуется всякій въ видахъ наслажденія, но о которыхъ не заботится никто".

[3]) Brants. Mém. cour. publ. par l'Acad. royale de Belgique. T. XXXII. p. 210 и сл.

Значительно меньше было достигнуто повидимому во Франціи.

На весьма пессимистической точкѣ зрѣнія стоитъ Н. И. Карѣевъ. Упрекая сельскохозяйственную литературу въ томъ, что она „писалась нерѣдко теоретическими фантазерами и кабинетными книгоѣдами, совершенно незнакомыми съ практикою", и что „исходной точкой ея было не бѣдственное состояніе народа, а печальное положеніе сельскаго хозяйства", онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „безъ коренныхъ реформъ въ аграрныхъ отношеніяхъ вся агрономія тогдашняго времени оставалась въ большинствѣ случаевъ пустой забавой праздныхъ людей—ихъ агрономическіе опыты (за исключеніемъ картофельныхъ опытовъ) иногда не отличались отъ модной затѣи m-me Помпадуръ одѣваться молочницей, и ихъ трактаты приносили столько же пользы, сколько вся развившаяся подъ вліяніемъ агрономической моды агрикольная поэзія" (Карѣевъ. Стр. 235—39). Точно также Бернье (по поводу Нормандіи) указываетъ на отсутствіе необходимыхъ удобреній; доставать ихъ приходилось нерѣдко изъ отдаленныхъ мѣстностей, но стоившіе здѣсь 25 ливровъ туки обходились съ перевозкой въ 100 ливровъ, не считая сломанныхъ телѣгъ, убитыхъ животныхъ и раненныхъ людей (ибо дороги кишѣли разбойниками). Поэтому огромное большинство прибѣгало къ старому, вѣками испытанному, способу: сожигали мохъ и кустарникъ и золой посыпали землю. „Но могло ли земледѣліе развиваться при такихъ условіяхъ? Конечно, нѣтъ, несмотря на доклады сельскохозяйственнаго общества въ Каенѣ, и большинство мѣстностей Нормандіи не производило необходимаго жителямъ количества хлѣба" (Les paysans de Basse—Normandie. p. 26—30).

Дѣйствительно, Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Франціи въ 1787—89 г.г., относится довольно скептически къ дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ, говоря, что они устанавливаютъ преміи и печатаютъ глупости, но что народъ все равно не умѣетъ читать и ему поэтому безразлично, что общества издаютъ (I. p. 27). Патулло сравнивалъ консервативность французскаго крестьянскаго населенія съ той боязнью всякаго рода новшествъ, которая господствовала среди фламандскихъ рыбаковъ. Когда послѣдніе въ сѣтяхъ, брошенныхъ въ море для ловли сельдей, находятъ случайно попавшихъ макрелей, они тотчасъ же бросаютъ ихъ обратно въ море, ибо отцы ихъ всегда ловили макрелей исключительно удочкой (Wolters. 232).

Трудность убѣдить крестьянъ въ томъ, что тѣ или другія нововведенія выгодны для нихъ же самихъ, агрономъ XVII вѣка Кербра объяснялъ тѣмъ, что крестьяне имѣютъ основанія относиться съ недовѣріемъ ко всякимъ такого рода совѣтамъ, ибо въ прошломъ они слишкомъ часто были обманываемы подъ видомъ обѣщаній, клонящихся якобы къ ихъ добру [1]). Но боязнь порвать со стариной несомнѣнно еще болѣе обусловливалась невѣжествомъ и суевѣріями. Можно ли было разсчитывать на значительное распространеніе новыхъ идей въ области агрономіи, новыхъ культуръ и системъ земледѣлія среди населенія, которое заклинаніями боролось съ гусеницами и другими насѣкомыми, уничтожавшими молодые отростки, или отлучало отъ церкви животныхъ, портившихъ овощи, ассигнуя иногда ежегодно опредѣленную сумму на подобнаго рода борьбу, а съ другой стороны, служило молебны за здравіе тѣхъ животныхъ, которыя были полезны земледѣльцу [2]). При такихъ условіяхъ приходится конечно удивляться даже тѣмъ успѣхамъ, которые мы замѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ.

Въ XVI—XVII ст. и первой половинѣ XVIII ст. во Франціи—какъ указываетъ Henry Sée [3])—сельское хозяйство стояло еще на весьма низкой ступени развитія, почти не сдѣлавъ успѣховъ со времени средневѣковаго періода, когда всего одно изъ трехъ полей засѣвалось, другое представляло собою пастбище, а третье находилось подъ паромъ. Во многихъ случаяхъ, однако, земля отдыхала гораздо дольше: шесть, восемь и даже болѣе, вплоть до двадцати лѣтъ, такъ что предъ распашкой ее приходилось вновь расчищать изъ подъ зарослей и лѣса. Подобно тому, какъ въ позднѣйшее средневѣковье нерѣдко встрѣчаются

[1]) D'Avenel. T. I, p. 293.
[2]) D'Avenel. T. I. p. 298.
[3]) Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution. Paris. 1906. p. 379—413.

крестьяне, „обрабатывающіе землю руками“, и въ эту эпоху мы еще находимъ случаи воздѣлыванія 7—8 арпановъ (арпанъ=1/2 десят.) земли заступомъ или мотыкой,—такія мѣстности назывались „раемъ для лошадей и адомъ для людей“. Но и въ другихъ мѣстахъ въ теченіе всего разсматриваемаго періода обычнымъ орудіемъ являлась деревянная соха, притомъ весьма примитивнаго устройства, напоминавшая во многомъ ту, которая описана еще Виргиліемъ; при помощи ея можно было только взбороздить землю, но не вспахать ее, и двѣ трети площади оставались нетронутыми. При этомъ посѣвъ производился слишкомъ поздно, травы выпалывались весьма небрежно, что вредило не только ближайшему урожаю, но и слѣдующимъ. Удобреній было мало, и крестьянинъ вынужденъ былъ тратить чуть ли не третью часть своего времени на собираніе листьевъ, папоротника и тростника, смѣшивая ихъ съ тѣмъ небольшимъ количествомъ навоза, которое давали плохо питавшіяся коровы; для послѣднихъ не хватало пастбищъ, корма доставало лишь настолько, чтобы не дать имъ умереть съ голоду.

Если мы сравнимъ съ этимъ то, что нашелъ Артуръ Юнгъ въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, то увидимъ, что хотя въ предшествующіе полъ-вѣка были сдѣланы несомнѣнные успѣхи, но успѣхи эти были лишь частичные, происходили только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и обозначали лишь нѣкоторое измѣненіе прежней системы хозяйства, но вовсе не коренную ломку ея. Отъ французской сохи Артуръ Юнгъ—сравнивая ее съ англійской—вовсе не приходитъ въ восторгъ [1]), и даже въ 1800 году усовершенствованная соха еще составляла исключеніе, и вообще во многихъ мѣстностяхъ сельскохозяйственная культура стоитъ, по его словамъ, „не выше чѣмъ у гуроновъ“ [2]). Съ другой стороны, уже въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка Journal Èconomique сообщалъ, что „искусственные луга“ въ большинствѣ провинцій съ каждымъ годомъ расширяются все болѣе и болѣе, что культура рѣпы, турнепса, клевера, эспарсета встрѣчается и на сѣверѣ и въ центральной Франціи. Проникшій изъ Англіи и Швейцаріи картофель, благодаря усиліямъ Парментье и поощренію, исходящему отъ двора—онъ долженъ былъ ежедневно подаваться къ столу короля, цвѣты картофеля Марія Антуанета даже носила въ петлицѣ—сталъ вскорѣ, въ особенности въ годы неурожая, обычной „пищей бѣдняковъ“ [3]), какъ его уже тогда называли, хотя Артуръ Юнгъ утверждалъ, что „99/100 рода человѣческаго едва ли согласятся потреблять картофель“ [4]). Однако, наиболѣе характерную черту Франціи, по словамъ того же Юнга, составляло то, что „все, что онъ нашелъ хорошаго, либо приходилось на мѣстности съ особо плодородной почвой, какъ, напр., Фландрію, Эльзасъ, долину Гаронны, либо являлось результатомъ культуры какихъ-либо спеціальныхъ растеній, приспособленныхъ къ климату центральной и южной Франціи, какъ напр., маисъ... Не странно ли—прибавляетъ онъ—что въ то время, какъ въ Англіи наименѣе плодородныя земли наилучше воздѣланы или во всякомъ случаѣ обработаны не хуже, чѣмъ прочія, во Франціи лишь очень плодородныя земли эксплоатируются надлежащимъ образомъ?“ [5]).

Фландріей, Артуа, Эльзасомъ Юнгъ остался весьма доволенъ, но переѣзжая въ сосѣднія провинціи, Пикарди, Франшкомте, „вы попадаете—по его словамъ—въ совершенно новое государство, вы переходите границу, отдѣляющую здравый смыслъ отъ неразумія. Тамъ вы находитесь въ саду, но перейдите рѣку, и вы очутитесь на поляхъ лѣнивыхъ людей. Тамъ умъ человѣческій дѣятеленъ и смѣтливъ, здѣсь онъ находится въ состояніи застоя и безжизненности“ (Joung. II. 118. 122). Однако, дальше, въ особенности къ югу и западу пошли снова поля, засѣянныя люцерной и эспарсетомъ,

---

[1]) A. Joung. I, p. 116.
[2]) Тамъ-же, p. 146.
[3]) Wolters. p. 229 и сл.
[4]) Joung. II. 121.
[5]) Joung. T. II. p. 135.

мѣстами встрѣчаются полное отсутствіе паровыхъ полей (на сѣверѣ они практикуются даже на лучшихъ участкахъ), на (крайнемъ) югѣ даже правильно устроенное орошеніе полей (особенно въ Провансѣ и Лангедокѣ), по поводу котораго у Юнга вырвалось восклицаніе, что англичане объ этомъ понятія не имѣютъ и что въ интересахъ торговли они не усумнятся произвести экспропріацію частныхъ лицъ, но ради земледѣлія, для устройства каналовъ орошенія—никогда! По адресу же французскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ онъ прибавляетъ: что сказать о нихъ, когда мы видимъ, что они тратятъ свое время и деньги на распространеніе плужковъ, конныхъ мотыкъ и красильныхъ растеній, въ то время какъ двѣ трети страны не знаютъ орошенія земель! (Joung. II. 150—52). Въ заключеніе Юнгъ, подчеркивая большое распространеніе во Франціи паровыхъ полей, замѣчаетъ, что, когда Людовикъ XIV разорялъ народъ ради того, чтобы посадить своего внука на испанскій тронъ и для завоеванія Фландріи и Эльзаса, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы свое государство гораздо болѣе богатымъ, счастливымъ и могущественнымъ, если бы устранилъ паровыя поля въ десяткѣ своихъ провинцій или ввелъ въ другихъ культуру рѣпы" (Joung. II. 140). Относительно распространенія новыхъ культуръ см. Brutails, p. 65 и сл. Calonne, p. 80 и сл.

Такую же параллель между второй половиной XVIII вѣка и предшествующей эпохой проводитъ Гольцъ въ отношеніи Германіи. До середины XVIII вѣка—говоритъ онъ—„хозяйство вращалось въ печальномъ и весьма пагубномъ заколдованномъ кругѣ": обычный способъ обработки земли доставлялъ слишкомъ мало корма для скота; вслѣдствіе этого, невозможно было держать много скота и за недостаткомъ корма коровы въ теченіе зимы настолько теряли силы, что къ веснѣ онѣ не въ состояніи были подняться съ мѣста и идти на пастбище и ихъ приходилось привязывать за хвостъ и тащить туда,—отсюда они и назывались „Schwanzvieh". Являвшееся же послѣдствіемъ этого отсутствіе удобреній въ свою очередь приводило къ низкому уровню полевого хозяйства, вызывая недостаточно глубокое вспахиванье, разбивку полей на грядки, на середину которыхъ сваливались удобренія, ибо для всего поля ихъ не хватало, расточительную затрату сѣмянъ,—и конечнымъ результатомъ былъ низкій урожай хлѣбовъ и соломы. Все это должно было совершенно измѣниться съ распространеніемъ культуры кормовыхъ травъ, ибо послѣднія, доставляя возможность расширенія скотоводства, устраняли первопричину всѣхъ золъ—недостатокъ удобреній. Однако, во второй половинѣ XVIII вѣка произошла лишь частичная перемѣна въ этомъ отношеніи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (весьма широко въ Баденѣ), обыкновенно только въ крупныхъ хозяйствахъ, часть парового поля была отведена подъ культуру клевера и другихъ кормовыхъ травъ [1]); „въ садахъ, на пастбищахъ и паровыхъ поляхъ, повсюду гдѣ только возможно было, стали сажать картофель, сажали его въ большомъ количествѣ, даже виноградники вынуждены были уступить ему мѣсто". Плодосмѣнная же система, въ цѣломъ, которая примѣнялась уже въ XVIII ст. въ Англіи, иногда встрѣчалась и во Франціи, въ Германіи была еще совершенно неизвѣстна, тѣмъ болѣе, что и въ теоріи она появилась здѣсь не ранѣе начала XIX вѣка (Теэра), и если въ крупныхъ хозяйствахъ уже и ранѣе слѣдовали принципу Юсти, что поле вовсе не нуждается въ отдыхѣ, то въ крестьянскихъ хозяйствахъ съ ихъ строго установленнымъ сѣвооборотомъ объ этомъ еще пока и рѣчи быть не могло.

Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ отчасти и объясненіе того факта что, несмотря на столь сильное оживленіе сельскохозяйственной литературы въ XVIII вѣкѣ, несмотря на всяческое содѣйствіе со стороны государства и общества распространенію новыхъ земледѣльческихъ культуръ, на практикѣ было достигнуто столь мало. „Акръ огороженной земли стоитъ четырехъ акровъ общинной"—говоритъ англійскій агрономъ XVII вѣка, во Франціи же существованіе общинныхъ сервитутовъ приводитъ къ уничтоженію вновь разведенныхъ виноградниковъ пасущимся скотомъ (Brutails. Econ. rur. du Roussillon, p. 50) и еще

[1]) См. Ludwig. Der badische Bauer im 18. Jahrh. p. 142—43.

въ 1753 и 1756 гг. вызываетъ запрещеніе жать усовершенствованными инструментами, ибо это „лишало бы бѣдняка соломы, которой онъ въ своей хижинѣ покрывается и согрѣваетъ окоченѣвшіе члены". Юсти въ своемъ сочиненіи „Von denen Hindernissen einer blühenden Landwirtschaft" обращаетъ вниманіе на другой фактъ, на невозможность улучшеній при томъ состояніи, когда крестьянинъ едва пробивается изо дня въ день и лишь съ трудомъ добываетъ необходимыя для платежа податей средства. Еще дальше идутъ писатели XVIII вѣка, выставляющіе прямо требованіе „отмѣны узурпированныхъ правъ и крѣпостного права", подъ которымъ понималось вообще всякое ограниченіе личной или имущественной свободы.

Едва ли не наиболѣе рѣзко выражаетъ эту мысль Артуръ Юнгъ постоянно встрѣчающимися въ его дневникѣ замѣчаніями, вродѣ слѣдующихъ: „если вы когда-либо и гдѣ-либо встрѣчаете пустопорожнія земли, хотя на нихъ вполнѣ можно было бы произвести улучшенія, знайте, что онѣ принадлежатъ какому-нибудь крупному сеньору" или: „плохая обработка, нищенскія жилища, навѣрное земля кого-либо изъ тѣхъ блестящихъ особъ, которыхъ я видѣлъ вчера во время придворной церемоніи въ Версальскомъ дворцѣ... признакомъ величія принцевъ крови и высокопоставленныхъ особъ являются пустоши, поросшія верескомъ земли, ихъ резиденціи окружены лѣсами, весьма населенными оленями, вепрями и волками".

ГЛАВА II.

Личная зависимость крестьянскаго населенія.

Нѣмецкіе историки-экономисты расчленяютъ понятіе крестьянскаго права (въ широкомъ смыслѣ этого слова) на три института, на три категоріи правъ помѣщиковъ и обязанностей по отношенію къ нимъ крестьянъ въ XVI—XVIII ст., а именно: Leibherrschaft, Grundherrschaft и Gerichtsherrschaft. Первая—Leibherrschaft—имѣетъ лично—правовой характеръ, выражается въ извѣстныхъ правахъ помѣщика на личность крестьянина, въ различнаго рода ограниченіяхъ, стѣсняющихъ свободу крестьянина, какъ то: свободу передвиженія, избранія занятій, вступленія въ бракъ, распоряженія имуществомъ, наслѣдованія, занятія извѣстныхъ дожностей и т. д. Въ противоположность этому, Grundherrschaft является институтомъ вещнаго права, заключается въ правахъ сеньора на землю своего васалла-крестьянина, въ правѣ на барщину, оброкъ, всякаго рода чинши и десятины, въ формѣ которыхъ помѣщику уплачивается рента съ крестьянской земли. Характеромъ этихъ отношеній опредѣляются вмѣстѣ съ тѣмъ права крестьянина на землю, которыя могутъ быть весьма различны, начиная отъ держанія лишь до тѣхъ поръ, пока заблагоразсудится помѣщику („bis weiter"), и вплоть до граничащаго съ собственностью наслѣдственнаго эмфитевзиса. Наконецъ, Gerichtsherrschaft имѣетъ публично—правовой характеръ и заключается въ сеньоріальной юрисдикціи (патримоніальной юрисдикціи) въ томъ, что помѣщикъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и судьей надъ своими крестьянами, а это въ свою очередь сопровождается различными платежами и повинностями въ его пользу.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это дѣленіе имѣетъ главнымъ образомъ теоретическое значеніе, на практикѣ же различнаго рода категоріи правоотношеній соединялись, хотя и не всегда, въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Одинаковыя повинности и платежи являлись выраженіемъ не только юрисдикціонной и помѣстной (сеньоріальной) власти помѣщика, но и правъ его на личность крестьянина, ибо ограниченія свободы личности нерѣдко успѣли свестись къ однимъ лишь денежнымъ платежамъ за то или иное разрѣшеніе, выдаваемое помѣщикомъ. Поэтому не всегда можно установить, изъ какого рода власти помѣщика

вытекаютъ тѣ или иные поборы и оброки, на чемъ они основываются въ каждомъ данномъ случаѣ. И точно также однородныя ограниченія находятся въ связи съ разнообразными правами сеньора, напр., особенно важныя постановленія (обычнаго права), стѣсняющія право наслѣдованія крестьянъ, право распоряженія недвижимостью, являются результатомъ какъ личной зависимости ихъ, такъ и того, что верховное право на землю принадлежитъ сеньору.

Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ такое разграниченіе отдѣльныхъ категорій правъ и обязанностей представляется вполнѣ возможнымъ и оно облегчаетъ опредѣленіе того, въ какомъ направленіи совершалась эволюція аграрнаго строя въ XVI—XVIII ст., въ особенности выясненіе того обстоятельства, какъ измѣнялась степень личной несвободы крестьянъ и права и обязанности ихъ по землѣ и въ чемъ заключалось различіе (въ этомъ отношеніи) между отдѣльными странами Западной Европы. Въ связи съ этимъ необходимо прежде всего отмѣтить, что то общее положеніе, которое мы встрѣчаемъ въ особенности въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ по аграрной исторіи и которое сводится къ идеѣ объ ухудшеніи положенія крестьянъ въ періодъ XVI—XVIII ст., не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями. Какъ мы видѣли выше (см. стр. 61—76), по сравненію съ эпохой ранняго средневѣковья уже въ XIII—XV ст. замѣчается прогрессъ въ смыслѣ раскрѣпощенія крестьянъ, и не только въ Англіи въ это время въ значительной мѣрѣ исчезала крѣпостная зависимость, но и въ другихъ странахъ—въ сѣверной Италіи, въ различныхъ областяхъ Испаніи (Каталонія, Наварра, Майорка), въ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантонахъ (Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Гларусъ, Аппенцелль) крестьяне уже къ концу среднихъ вѣковъ освободились отъ всякой личной зависимости, сеньоріальной юрисдикціи и повинностей, превратились частью въ свободныхъ землевладѣльцевъ, частью въ лично свободныхъ арендаторовъ помѣщичьей земли. Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій освобожденіе крестьянъ дѣлаетъ успѣхи и въ другихъ мѣстностяхъ и странахъ, въ особенности во Франціи и французской Швейцаріи, въ Западной Германіи, гдѣ до XVI ст. лишь нѣкоторымъ категоріямъ крестьянъ удалось достигнуть болѣе благопріятнаго правового положенія. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ западной Германіи мы наблюдаемъ даже реакцію въ періодъ, предшествующій Крестьянскимъ войнамъ, то она все же имѣла лишь временный характеръ, и послѣ Крестьянскихъ войнъ не продолжалась (см. выше, стр. 74) болѣе. Только въ отношеніи восточныхъ областей Германіи можно утверждать, что положеніе крестьянскаго населенія ухудшилось; это ухудшеніе въ смыслѣ большаго прикрѣпленія къ землѣ, усиленія барщины и умаленія правъ крестьянъ на землю, происходило преимущественно въ эпоху Тридцатилѣтней войны и слѣдующаго за ней столѣтія, но съ половины XVIII вѣка появляются уже мѣропріятія, ведущія къ постепенному, хотя и медленному, раскрѣпощенію крестьянъ. Въ Пруссіи, Австріи, Мекленбургѣ, Гольштиніи это движеніе начинается весьма поздно и поэтому продолжается вплоть до половины XIX вѣка, въ другихъ странахъ совершенное освобожденіе крестьянъ имѣло мѣсто уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка и эти заключительные шаги могли быть сдѣланы уже тогда, благодаря тому, что постепенное облегченіе крѣпостного состоянія началось гораздо раньше, за сто-двѣсти и болѣе лѣтъ до французской революціи. Съ точки зрѣнія представленія объ усиленіи крѣпостной зависимости въ XVI — XVIII ст. освобожденіе крестьянъ къ концу XVIII вѣка явилось бы чѣмъ то внезапнымъ, не вытекающимъ изъ всего предшествующаго развитія, не могло бы быть объяснено какъ послѣдній актъ совершавшагося вѣками процесса.

Изъ того факта, что въ Англіи крѣпостное состояніе исчезло въ значительной мѣрѣ уже къ концу среднихъ вѣковъ, во Франціи и западной Германіи, постепенно облегчаясь, прекратилось къ концу XVIII и началу XIX ст., а въ Пруссіи и Австріи, послѣ періода ухудшенія, отмѣнялось съ начала XIX вѣка,—мы можемъ сдѣлать и другой выводъ, что и въ области крестьянскаго вопроса

какъ и въ распространеніи другихъ институтовъ освободительнаго характера, движеніе шло съ запада на востокъ. Конечно, о рѣзкихъ переходахъ едва-ли можетъ быть рѣчь, — и подобно тому, какъ уже въ эпоху до Тридцатилѣтней войны мы находимъ зачатки, а нерѣдко и весьма развившіяся формы тѣхъ институтовъ, которые рѣдко выступаютъ наружу въ теченіе XVII и первой половины XVIII ст., и по мѣсту можно отмѣтить лишь постепенный переходъ; разница же между отдѣльными частями Европы заключается въ томъ, что институты, получившіе въ однихъ мѣстностяхъ полное развитіе, въ другихъ остановились на полъ-пути, на предшествующей ступени или что явленія, характерныя для данной мѣстности, въ сосѣдней съ ней не достигли столь широкаго распространенія и встрѣчаются лишь спорадически.

Оба эти положенія — различіе по мѣсту съ запада на востокъ, и все же лишь постепенный переходъ, подтверждаются при анализѣ условій личной зависимости крестьянскаго населенія, условій несвободы, обозначаемыхъ понятіями villainage, servage, Leibeigenschaft или Leibherrschaft. Между Англіей и Франціей (въ особенности сѣверной и западной частью послѣдней), мы не находимъ того рѣзкаго различія въ этомъ отношеніи, которое можно было бы предполагать на первый взглядъ, исходя изъ обычнаго предположенія о прекращеніи крѣпостнаго права въ Англіи въ теченіе двухъ столѣтій, слѣдующихъ за крестьянскимъ возстаніемъ (Уата Тайлора) 1381 г., въ противоположность господству сеньоріальнаго режима во Франціи вплоть до революціи. Въ то время какъ Эшли утверждаетъ, что превращеніе прежнихъ тягостей въ безвредныя курьезныя подробности копигольда совершилось въ XV—XVI ст. [1]), другіе изслѣдователи— Кеннингэмъ, Гасбахъ—указываютъ на то, что не только въ XVI ст. еще сохранились остатки прежнихъ виллановъ, но и въ XVII ст. копигольдеры — по Коку, писателю XVII ст., третья часть населенія — подлежали значительнымъ ограниченіямъ [2]).

А. Савинъ, подробно изслѣдовавшій положеніе копигольдеровъ, установилъ несомнѣнную связь между крѣпостными держателями или вилланами и обычными держателями или копигольдерами. По мѣрѣ того, какъ число виллановъ съ XIV ст., въ особенности же съ XV ст. сокращается, возникаетъ новая категорія держателей—копигольдеры: постепенно, почти незамѣтно изъ вилланскаго держанія выросъ копигольдъ, т. е. держаніе на основаніи копіи, копіи соотвѣтствующей меноріальной записи о допущеніи ихъ лордами къ владѣнію землей. Въ то время, какъ первоначально вилланское держаніе и копигольдъ составляютъ синонимы, копигольдъ XVII—XVIII ст. является держаніемъ свободнымъ и обезпеченнымъ, пользующимся охраной судовъ общаго права. Но даже и въ эту эпоху сохраняются извѣстныя ограниченія, (отъ нихъ свободны только фригольдеры). Копигольдъ не переходитъ ни ко вдовѣ, ни по завѣщанію, при отчужденіи или наслѣдованіи въ пользу лорда вносится плата (за допускъ— fine), максимумъ которой опредѣленъ королевскими судьями въ размѣрѣ двухгодичнаго дохода съ земли. Въ началѣ XVII ст. Норденъ упоминаетъ еще о геріотѣ или правѣ лорда на лучшую голову скота, этотъ платежъ встрѣчается повидимому и впослѣдствіи [3]).

Съ другой стороны, во Франціи—какъ указываютъ Брютайль, Сэ, Бернье, Н. И. Карѣевъ — начиная съ XVI вѣка, личность крестьянина почти повсюду свободна; платежами и повинностями онъ обязанъ сеньору главнымъ образомъ въ силу того, что онъ сидитъ на землѣ сеньора. Если нѣкоторыя кутюмы сох-

---

[1]) Эшли, стр. 543.

[2]) Кеннингэмъ, стр. 458—59. Hasbach. p. 70—71.

[3]) Савинъ, стр. 58-и сл., 77 и сл., 124 и сл. Въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ сохранились еще въ XVII ст. (и XVIII ст.) такія повинности, какъ „выкупъ крови“, меркетъ, т. е. плата при выходѣ замужъ или рожденіи внѣ брака, даже нѣкоторые виды барщины. Савинъ, стр. 136. 139. 420—1. Hasbach. p. 71.

равнялись сервовъ въ лицѣ т. наз. gens de main-morte или de post, то въ XVIII вѣкѣ на это смотрѣли какъ на исключеніе. „Съ этой точки зрѣнія всѣ кутюмы раздѣлялись на свободныя (franches) и несвободныя (serves или main-mortables); къ послѣднимъ относились кутюмы средней и въ особенности восточной Франціи (Нивернэ, Маршъ, Шампань, Франшкомте, Эльзасъ, Витри, Овернь, Шатобріанъ, Труа, Бургонь и нѣк. др.)“ [1]). Въ западной же и сѣверной Франціи (т. е. наиболѣе близкихъ къ Англіи и Нидерландамъ провинціяхъ, личная несвобода успѣла въ значительной мѣрѣ исчезнуть уже въ послѣднія столѣтія средневѣковья (см. выше, стр. 71) въ XVII — XVIII ст. же она составляла лишь исключеніе.

Среди такихъ остатковъ старины наиболѣе извѣстны сохранившіеся въ Бретани mottiers или motoyers и quevaisiers. Первые подлежали main-morte, т. е. наслѣдство переходило послѣ смерти къ сеньору, уже при отсутствіи сыновей, и кромѣ того уплачивали taille arbitraire, подушный сборъ, но большинство ихъ было освобождено герцогомъ Бретанскимъ (на его доменахъ) въ 1486 г., а въ слѣдующія столѣтія и оставшіеся постепенно исчезали; въ отношеніи вторыхъ main-morte наступала при отсутствіи наслѣдниковъ, жившихъ въ одномъ домохозяйствѣ съ умершимъ, въ этомъ случаѣ имѣла мѣсто désherence, т. е. имущество переходило къ сеньору, и въ связи съ этимъ, въ предупрежденіе обхода этого постановленія, запрещалось отчуждать имущество безъ ясно выраженнаго согласія сеньора, который при этомъ получалъ $^1/_3$—$^1/_4$ продажной цѣны; quevaisiers отчасти сохранились вплоть до революціи. (Sée. p. 8—21).

Main-morte, (см. выше, стр. 57—8. 71—2), явленіе исключительное въ сѣверной и западной Франціи, была широко распространена въ восточныхъ провинціяхъ ея, а также въ прилегающихъ странахъ — Савоѣ, французской Швейцаріи, части Лотарингіи и Люксембурга. Тѣ полтора милліона сервовъ, которые насчитывались во Франціи наканунѣ революціи, находились именно въ восточной части ея. Здѣсь встрѣчались даже, правда въ видѣ рѣдкаго исключенія, hommes de corps, gens de poursuites, которые почти совсѣмъ не пользовались личной свободой,—въ лицѣ ихъ еще сохранилось средневѣковое крѣпостное право и по своему положенію они подходили къ крѣпостнымъ восточной Германіи, ибо были прикрѣплены къ землѣ и не могли ее покинуть.

Main-morte мы находимъ здѣсь въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ, обыкновенно въ смягченной формѣ, гдѣ ограниченія сводились къ наслѣдованію сеньоромъ имущества при отсутствіи наслѣдниковъ, жившихъ вмѣстѣ съ умершимъ; иногда же въ соединеніи съ другими ограниченіями въ видѣ обора при вступленіи въ бракъ или въ видѣ подушной подати. Въ Савоѣ въ XVI вѣкѣ еще существовала группа taillables или main-mortables, которые могли свидѣтельствовать противъ сеньора лишь при отсутствіи иныхъ свидѣтелей, не могли занимать общественныхъ должностей, носить извѣстной одежды и обязаны были присягать сеньору на колѣняхъ и съ обнаженной головой. (Darmstädter. p. 17—18. 28—30. 83—85. 96—100. 107—11. 209). Въ Нивернэ уже въ 1570 г. всего четвертая часть крестьянскихъ земель принадлежала сервамъ; $^3/_4$ земель составляли „bordelages“, но и держатели послѣднихъ подлежали значительнымъ стѣсненіямъ: при отчужденіи земли $^1/_2$ полученной платы принадлежала сеньору и т. п. (Boucomont. 107—111).

Лотарингія представляетъ собою переходную ступень отъ восточной Франціи и прилегающихъ къ ней областей къ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи (поскольку въ послѣдней не имѣло мѣста уже полное освобожденіе крестьянъ). Во французской части Лотарингіи еще встрѣчается main-morte, въ прилагающей къ Германіи — уже нѣмецкая Leibeigenschaft [2]). Послѣдняя охватываетъ Баденъ, Вюртембергъ, Пфальцъ, часть Эльзаса, нѣмецкой Швейцаріи и Баваріи. Во всѣхъ этихъ странахъ — юго-западная Германія — господствуетъ принципъ, что пребываніе въ опредѣленной мѣстности, принадлежность къ несвободной общинѣ

[1]) Brutails. Econ. rur. du Roussillon, p. 6. Sée. Classes rur. en Bretagne du XVI s. p. 7. Bernier. Norm. p. 6.) Карѣевъ, стр. Boucomont. p. 112.

[2]) Darmstaedter. p. 160—173.

дѣлаетъ человѣка несвободнымъ, несвободное состояніе является поэтому результатомъ рожденія отъ несвободной матери (partus sequitur ventrem), пріобрѣтенія недвижимости въ данной мѣстности, пребыванія въ ней въ теченіе извѣстнаго времени. Прекращается же оно преимущественно отпущеніемъ на волю, т. е. переходомъ въ другую мѣстность, но за выкупъ, размѣръ котораго опредѣляется особо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Изъ этого видно, что дѣйствительнаго закрѣпощенія не было, ибо все зависило отъ уплаты опредѣленной — нерѣдко впрочемъ весьма высокой — суммы. И самыя ограниченія, связанныя съ несвободнымъ состояніемъ, успѣли фактически исчезнуть и свестись къ извѣстнымъ платежамъ, за которыя выдавались всевозможныя разрѣшенія, напр. при вступленіи въ бракъ; main-morte же, т. е. наслѣдованіе сеньоромъ въ извѣстныхъ случаяхъ, здѣсь выражалось лишь въ отдачѣ лучшей (или второй по качеству) штуки скота (Besthaupt) или же 1, 3, 5 проц. съ цѣнности движимости, но зато происходило (послѣ смерти) всегда, независимо отъ наличности тѣхъ или другихъ наслѣдниковъ [1]).

Подвигаясь дальше къ сѣверу и востоку мы замѣчаемъ усиленіе несвободнаго состоянія. Въ сѣверо-западной части Германіи, напр. Вестфаліи французская main-morte, и притомъ въ усиленномъ видѣ, превратившись въ половину всего движимаго имущества (а въ случаѣ одновременной смерти обоихъ супруговъ — все имущество, такъ что дѣти оставались ни съ чѣмъ), соединялась съ западно-германскимъ Besthaupt, т. е. уплачивалась во всякомъ случаѣ, независимо отъ наличности наслѣдниковъ, хотя бы даже сыновей; къ этому присоединилась обязанность уплаты при вступленіи въ бракъ, уплаты если дѣвушка рожаетъ внѣ брака (см. выше, стр. 59—60), служба дѣтей крестьянъ въ качествѣ дворовыхъ (въ случаѣ неисполненія — право прибѣгать къ тѣлесному наказанію), недопущеніе жалобъ въ судъ безъ согласія сеньора. Въ другихъ впрочемъ мѣстностяхъ сѣверо-запада, особенно въ Ганноверѣ, находимъ баденскую и вюртембергскую Leibeigenschaft и даже отпущенное на волю, хотя и безъ земли, населеніе [2]).

По словамъ Гаусмана, въ Баваріи, начиная съ XVI вѣка, крѣпостное состояніе уменьшается и хотя еще въ земскомъ уложеніи 1756 г. цѣлый титулъ посвященъ Leibeigenschaft, но имя это было гораздо страшнѣе того, что подъ нимъ въ дѣйствительности скрывалось. Конечно, если соединять съ этимъ названіемъ нѣчто приближающееся къ рабству, или ту форму крѣпостничества, которую оно приняло въ Пруссіи и въ особенности въ Мекленбургѣ, Лифляндіи, то баварскіе крестьяне едва ли подойдутъ сюда, но въ тоже время, по сравненію съ Баденомъ, Эльзасомъ, Вюртембергомъ, ихъ положеніе было значительно тяжелѣе,—они подвергались тѣмъ же ограниченіямъ, какъ и жители Вестфаліи. Если при такихъ условіяхъ Кретмайръ, писавшій въ 1770 году, все таки утверждаетъ, что крѣпостные и свободные крестьяне походили другъ на друга какъ двѣ капли воды, то изъ этого мы можемъ сдѣлать лишь тотъ выводъ, что и прочее, якобы свободное, крестьянское населеніе фактически, вслѣдствіе злоупотребленій со стороны помѣщиковъ, подкупности администраціи (Гаусманъ ее рисуетъ яркими красками) и существованія сеньоріальнаго суда, находилось въ столь же зависимомъ положеніи, какъ и „eigene Leute“ (Hausmann. p. 7. 16—17. 20. 23. 27. Schmelzle, p. 46. Theod. Knapp. Zeitschr., p. 24. 26).

Въ Австріи крѣпостное состояніе первоначально являлось результатомъ положенія: „das Kalb folgt der Kuh“, т. е. дѣти несвободной матери — несвободны, но затѣмъ оно было расширено: unfreie Hand zieht die Kinder mit sich herab“, такъ что и рожденіе отъ несвободнаго отца при свободной матери влекло крѣпостную зависимость; мало того, и такое существованіе одного свободнаго и другого несвободнаго супруга становилось невозможнымъ, ибо бракъ съ несвободной вызывалъ въ свою очередь потерю свободы „trittst du meine Henne, so wirst du mein Hahn“. Къ тому же приводило

[1]) Ludwig. p. 33—52. Theod. Knapp. Zeitschr. XXII.

[2]) Wittich. p. 223. 236. 245—53. 259. 324—28. 368. 373. 388 Theodor. Knapp. Grundherrschaft. l. c.

наконецъ, и поселеніе свободнаго въ предѣлахъ помѣстья,—кто самъ не является помѣщикомъ, долженъ имѣть надъ собой помѣщика. Крѣпостной—Unterthan, т. е. подданный—подвергается всевозможнымъ ограниченіямъ личной свободы, причемъ здѣсь, въ противоположность юго-западной Германіи, эти ограниченія имѣютъ вполнѣ реальный характеръ, имѣя цѣлью не уплату извѣстной суммы за разрѣшеніе, легко выдаваемое, а дѣйствительное недопущеніе ухода крестьянъ, ибо помѣщикъ нуждался въ ихъ рабочей силѣ (добровольное же отпущеніе за весьма крупную сумму въ 200—1000 гульд. составляло крайне рѣдкое явленіе); отсюда принужденіе какъ дѣтей крестьянъ въ теченіе 3—7 лѣтъ работать въ качествѣ дворовыхъ, такъ и вообще всѣхъ, живущихъ поденной платой, предлагать свою рабочую силу помѣщику,—при этомъ обычная плата всячески сокращалась, выдаваемая же пища оказывалась часто совершенно негодной (мясо отъ больного или павшаго скота) [1]).

Въ юго-восточной части Германіи (Баварія, Австрія) крѣпостная зависимость была значительно тяжелѣе, чѣмъ во всѣхъ западныхъ государствахъ Германіи. Наконецъ, въ сѣверо-восточной Германіи—Пруссіи, Мекленбургѣ, Шлезвигъ-Гольштиніи, Лифляндіи на крестьянъ уже прямо смотрѣли какъ на вещь, утверждали, что „ихъ личность и имущество принадлежитъ господину и все, что они пріобрѣтаютъ, идетъ въ пользу господина“ (резолюція земскихъ чиновъ въ Курмаркѣ) [2]), ихъ называли „рабами въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это понимаетъ римское право, поскольку это согласуется съ христіанской вѣрой“ [3]). Они не только прикрѣплены были къ помѣстью, не могли вступать въ бракъ безъ согласія господина и т. д., но и прямо продавались безъ земли. Намекъ на это мы находимъ уже въ Баваріи [4]), въ Бранденбургѣ такая продажа безъ земли—признакъ рабства—безусловно практиковалась уже въ XVII ст. [5]), а въ Мекленбурѣ была признана въ 1757 году [6]). Въ Восточной Пруссіи крестьяне не только отдавались въ наемъ, но и продавались, обмѣнивались и закладывались [7]), въ Шлезвигѣ и Гольштиніи они проигрывались въ карты, вымѣнивались на собакъ [8]), въ Лифляндіи продавались съ публичнаго торга [9]); въ Помераніи эта продажа стала обычнымъ правомъ и современники говорили о „ежедневно происходящей настоящей торговлѣ неграми“ (Рейхенбахъ) [10]). Отсюда уже было рукой подать до крѣпостного права въ Польшѣ и Россіи, гдѣ Екатерина II болѣе милліона душъ раздарила своимъ фаворитамъ.

ГЛАВА III.

Аграрный строй въ Англіи.

Съ конца XV вѣка аграрное развитіе Англіи совершается въ двоякомъ направленіи: въ смыслѣ распространенія овцеводства, съ одной стороны, и захвата землевладѣльцами общинныхъ угодій, съ другой стороны,—какъ результатъ того и другого, происходитъ образованіе крупныхъ хозяйствъ. Въ Англіи уже въ XIV и XV ст. производство шерсти достигло значительныхъ размѣровъ.

---

[1]) Grünberg. Bauernbefreiung etc. B. I. p. 3—35.
[2]) Grossmann. p. 94.
[3]) Transehe—Roseneck. Gutsherr und Bauer in Livland im 17.—18. Jahrh, p. 163.
[4]) Hausmann., p. 22.
[5]) Grossmann, p. 54.
[6]) Böhlau. Ueber Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg.
[7]) Brünneck. Leibeigenschaft in Ostpreussen, p. 56. 59.
[8]) Hanssen. Die Aufhebung der Leibeigenschaft etc.
[9]) Transehe-Roseneck. p. 163.
[10]) Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes etc. nach archival. Quellen aus Neu-Vorpommern und Rügen. 1888. p. 179.

„Издержки, связанныя съ войнами Эдуардовъ и Генриховъ—говоритъ Роджерсъ—покрывались преимущественно поступленіями съ ввозныхъ пошлинъ на шерсть, огромныя суммы, выплачиваемыя Англіей римской куріей и различнымъ духовнымъ лицамъ съ XIII—XV ст., прежде всего посылались ломбардскими банкирами въ Фландрію въ видѣ шерсти, а затѣмъ уже оттуда переводились деньгами въ Италію". Въ 1454 г. палата общинъ составила списокъ изъ 44 сортовъ шерсти, вывозъ которыхъ допускался изъ Англіи, цѣнностью отъ 13 до $2^1/_2$ ф. ст., за связку въ 364 фунта, причемъ это были повидимому 44 различныя марки, которыя составляли предметъ обмѣна на фламандскомъ рынкѣ и большинство которыхъ производилось лишь въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Англіи. Съ половины XV вѣка овцеводство въ Англіи расширяется еще болѣе; Кеннингемъ приводитъ это въ связь съ крестьянскимъ возстаніемъ 1381 г. Онъ находитъ, что крестьяне, разочарованные въ своихъ надеждахъ на свободу, едва-ли работали послѣ возстанія особенно усердно, попытки же обрабатывать землю наемнымъ трудомъ, вслѣдствіе высокой заработной платы, не могли приводить къ благопріятнымъ послѣдствіямъ; выходъ изъ этихъ затрудненій состоялъ въ превращеніи пахотей въ пастбища, ибо для пастьбы скота требовалось гораздо меньше рабочей силы, чѣмъ для обработки полей. Это объясненіе слѣдовало бы, однако, формулировать нѣсколько иначе, выставляя на первый планъ не столько отсутствіе усердія со стороны крестьянъ, отбывающихъ барщину, сколько невозможность вообще возстановить послѣднюю, несмотря на удачный для лендъ-лордовъ исходъ возстанія 1381 года (см. выше, стр. 69 и сл.). Съ половины XVI ст. начинается и быстрый ростъ цѣнъ на шерсть (какъ указываетъ Роджерсъ), новый стимулъ расширенія овцеводства, которое давало къ тому же легче сбываемый и транспортируемый и болѣе прочный продуктъ. Отсюда жалобы на то, что тамъ, гдѣ прежде были цѣлыя селенія, теперь имѣется лишь овчаръ со своей собакой, что дома и церкви превращены въ овчарни; до сихъ поръ—говорится въ одномъ памфлетѣ—намъ нужны были собаки для охраны овецъ, но лучше бы этихъ овецъ съѣли лисицы, ибо отъ нихъ погибаютъ цѣлые города и селенія, погибнетъ и все государство.

Не слѣдуетъ конечно принимать всѣ эти и многія другія жалобы въ буквальномъ смыслѣ, какъ и вообще нѣтъ основанія предполагать, что замѣна земледѣлія овцеводствомъ была явленіемъ всеобщимъ, а не охватывала лишь нѣкоторыя мѣстности Англіи. Понятными эти жалобы становятся лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду, что расширеніе овцеводства сопровождалось нарушеніемъ лордами исконно установившихся обычаевъ—захватомъ общинныхъ земель. Попытки превращенія общинныхъ земель въ частную собственность помѣщика мы находимъ уже въ средніе вѣка и Мертонскій статутъ 1236 года (а затѣмъ Вестминстерскій 1285 г.) призналъ этотъ образъ дѣйствій лордовъ законнымъ, предоставивъ имъ свободную заимку, если только остается достаточное пространство общиннаго пастбища. Такое растяжимое постановленіе открыло широкій просторъ дѣятельности землевладѣльцевъ: наступаетъ періодъ систематически производимыхъ „огораживаній" (inclosures). Помѣщикъ присваивалъ себѣ опредѣленную часть общиннаго пастбища или иныхъ угодій, производилъ размежеваніе, и, наконецъ, обводилъ ее изгородью; это послѣднее дѣйствіе казалось англичанамъ наиболѣе существеннымъ и поэтому его названіе (огораживанье) было распространено на весь процессъ.

На этихъ-то занятыхъ лордами общинныхъ земляхъ они и разводили преимущественно овцеводство, и сюда относятся жалобы вродѣ того, что прежніе жители, лишившись заработка и выгоновъ, превращаются въ бродягъ, нищихъ и преступниковъ или же умираютъ съ голода. Общинныя пастбища отнимаются у крестьянъ, соединяются въ крупныя фермы, на которыхъ пасутся тысячи овецъ,

[1]) Кеннингемъ. Ростъ англ. промышл. и торг., т. I. 346.

и сдаются въ аренду обыкновенно на короткій срокъ, благодаря чему является возможнымъ повышеніе каждый разъ ренты и присвоеніе землевладѣльцемъ въ свою пользу выгодъ новаго пастбищнаго хозяйства, осуществленіе принципа—превратить землю, дававшую 20 шилл. аренды, въ землю, доставляющую 20 ф. ст. Наиболѣе выгоднымъ такое хозяйство являлось въ среднихъ, центральныхъ графствахъ, гдѣ цѣна шерсти стояла повидимому наиболѣе высоко, цѣны же на хлѣбъ были весьма низки и гдѣ производство хлѣба для внѣшнихъ рынковъ, вслѣдствіе неудовлетворительности сухопутныхъ путей сообщенія и отдаленности отъ моря, являлось почти немыслимымъ, такъ какъ издержки провоза превышали цѣну продукта. Въ связи съ этимъ становится правдоподобнымъ предположеніе, которое высказываетъ Эдвинъ Френсисъ Грэ, утверждая, что именно въ этихъ внутреннихъ графствахъ огораживанія только и имѣли мѣсто,—въ противовѣсъ господствующему мнѣнію, согласно которому огораживанія XV—XVI ст. охватили половину и даже $^2/_3$ Англіи.

Въ подтвержденіе своей мысли Грэ ссылается на слѣдующія данныя. Во 1-хъ, на свидѣтельство писателя XV вѣка Роуса, который упоминаетъ объ огораживаніяхъ общинныхъ земель и распространеніи овцеводства, происходившихъ уже въ половинѣ XV вѣка, однако, говоритъ лишь о Midlands; во 2-хъ, на законъ 1597 года, изданный противъ огораживаній, который не распространяется на сѣверозападныя, восточныя и южныя графства, ибо тамъ огораживанія не производятся въ значительныхъ размѣрахъ; наконецъ, на то, что въ XVII вѣкѣ жалобы на огораживанія раздаются, главнымъ образомъ, изъ Варвикшира, Сомерсетшира, Лейчестершира, Бедфордшира, Букингемпира [1]).

Во всякомъ случаѣ сравненіе вліянія огораживаній этой эпохи съ опустошающими послѣдствіями Черной смерти 1348—50 г.г. (Гасбахъ) является преувеличеннымъ не только потому, что огораживанія производились лишь въ отдѣльныхъ областяхъ Англіи, но и по той причинѣ, что лорды захватывали повидимому лишь часть общинныхъ земель, на что они имѣли право согласно Вестминстерскому статуту, тогда какъ остальная часть оставалась еще два столѣтія спустя неогороженной. Какъ указываетъ Гасбахъ, огораживанія являются для насъ совершенно непонятными, если мы будемъ ихъ разсматривать въ качествѣ цѣлаго ряда слѣдующихъ одно за другимъ незаконныхъ дѣйствій; г. А. Савинъ подчеркиваетъ сложность англійскихъ поземельныхъ отношеній и беззащитность держаній копигольдеровъ въ эпоху Тюдоровъ, почему крестьянскія земли могли войти въ составъ большихъ домеповъ безъ малѣйшаго нарушенія дѣйствующаго права и обычая [2]). Пришлось издавать рядъ новыхъ законовъ, направленныхъ противъ обезземеленья крестьянъ, но всѣ они остались на бумагѣ.

Теоретически отношенія копигольдера къ лорду конструируются какъ личный договоръ, почему всякій перерывъ держанія формально возвращаетъ копигольдъ въ руки лорда, который какъ бы отъ себя уже передаетъ его (жалуетъ) другому лицу—наслѣднику или пріобрѣтателю. Изъ Литльтона, писавшаго въ концѣ XV ст. (и началѣ XVI) видно, что въ эту эпоху копигольдъ еще былъ весьма мало обезпеченъ, что произволу лорда открывалось еще много простора. Даже у наслѣдственнаго держателя противъ изгнанія лордомъ имѣются только фактическія, но не юридическія гарантіи. Лордъ не захочетъ нарушить разумнаго обычая въ виду уваженія къ нему, изъ страха предъ местью или пассивнымъ сопротивленіемъ населенія. Королевскіе судьи въ эту эпоху еще отказываютъ въ искѣ изгнанному наслѣднику, но если послѣднему удалось утвердиться силой и истцомъ является недовольный лордъ, то судъ можетъ войти въ разсмотрѣніе обычая, коимъ оправдывается отвѣтчикъ, и отказать лорду въ искѣ. Еще и Кичинъ (Kitchin), сочиненіе котораго вышло въ 1580 г., выражаетъ сомнѣніе—несмотря на его доброжелательное отношеніе къ копигольдерамъ—относительно права послѣднихъ возбуждать искъ о вторженіи (вслѣдствіе отнятія земли) противъ лорда, и только въ послѣдующее столѣтіе устраняется постепенно

[1]) Gray, p. 27. 46. 60—62.
[2]) Hasbach. p. 26. 29. Савинъ, 150—56.

произволъ лорда, вслѣдствіе вмѣшательства судовъ общаго права въ интересахъ держателей. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ во всякомъ случаѣ лордъ могъ удалить со своей земли крестьянъ, не встрѣчая преградъ ни въ меноріальномъ обычаѣ, ни въ охранявшихъ этотъ обычай королевскихъ судахъ. Рядомъ съ наслѣдственными держаніями имѣлось много пожизненныхъ или такихъ, которыя давались на нѣсколько жизней—въ обоихъ случаяхъ земля въ результатѣ возвращалась къ лорду, который могъ ее отдать кому хотѣлъ или присоединить къ своему домену. Если онъ теперь даже не присоединялъ ее сразу къ домену, но передавалъ на основаніи общаго права (фригольдъ, а не копигольдъ), то имѣлъ впослѣдствіи всегда полную возможность по окончаніи срока аренды вернуть себѣ землю обратно. (См. Савинъ, стр. 78. 92 и сл. 100. 106 и сл. 142—156. 206. 402. и сл.)

Мы находимъ рядъ законовъ, направленныхъ противъ дальнѣйшаго образованія крупныхъ фермъ (запрещается законъ 1489 г. для острова Уайта—имѣть аренды болѣе чѣмъ на 10 мар. ежегодной ренты), противъ распространенія овцеводства (закономъ 1535 г. не дозволяется держать болѣе 2000 овецъ) и въ связи съ этимъ противъ разрушенія сельскохозяйственныхъ строеній, необходимыхъ для хлѣбопашества (законъ 1489 г., распространяющійся на всю Англію). Но когда кардиналъ Вольсей, не ограничиваясь этимъ, сталъ требовать возстановленія ранѣе разрушенныхъ строеній и возвращенія огороженныхъ земель подъ хлѣбопашество (законъ 1517—18 г.г.) и сдѣлалъ попытку осуществить эти постановленія на практикѣ, отдавъ приказъ (въ 1529 г.) срывать устроенныя ранѣе изгороди,—онъ потерпѣлъ полную неудачу, и послѣ его паденія преемники его уже не слѣдовали по его стопамъ. И впослѣдствіи законы, направленные противъ огораживаній, издавались неоднократно, иногда возобновлялись изъ года въ годъ (съ 1563 по 1593 г.), причемъ они относятся преимущественно къ годамъ, слѣдовавшимъ за голодовками и высокими цѣнами на хлѣбъ, ибо въ послѣднихъ населеніе усматривало результатъ огораживаній (послѣ возстанія 1549 г. и голодовки 1550 г.—законъ о сохраненіи земледѣлія 1552 г.; неурожаи и голодовки 1594—97 г.г. вызвали статутъ 1598 г.). Но въ задачу законодателей повидимому вовсе не входило осуществленіе ихъ на практикѣ, ибо законодатели состояли изъ тѣхъ же лордовъ-огораживателей, и многочисленные статуты тѣмъ легче оставались на бумагѣ, что эти же лорды были и призваны проводить ихъ въ жизнь въ качествѣ мировыхъ судей. А въ 1623 г. всѣ прежніе законы (до статута 1563 г. включительно) были отмѣнены, такъ какъ лишь напрасно занимали мѣсто въ кодексѣ: они „представляли собой такой запутанный лабиринтъ, что не могли приносить все равно никакой пользы“. Неудивительно, что огораживанія продолжались попрежнему.

По Эшли періодъ огораживаній продолжается съ 1470 по 1600 г., причемъ съ 1530 г. движеніе замедляется. Кеннингемъ, Чини и Протеро также устанавливаютъ полуторавѣковый періодъ огораживаній, которыя съ конца XVI вѣка прекращаются и снова возобновляются въ началѣ XVIII ст. Однако, какъ указываютъ Гасбахъ и Грэ, огораживанія въ XVII ст. не пріостанавливаются: изъ молчанія писателей этой эпохи еще нельзя дѣлать подобнаго вывода, ибо писатели успѣли уже свыкнуться съ огораживаніями какъ съ явленіемъ вполнѣ обыденнымъ, и если литература предшествующаго столѣтія слишкомъ много кричала о бѣдствіяхъ, вызываемыхъ устройствомъ изгородей на общинныхъ выгонахъ, преувеличивая ихъ размѣры, то въ XVII ст. она обходила ихъ въ значительной мѣрѣ молчаніемъ, интересуясь другими вопросами.

Впрочемъ далеко не вполнѣ: и въ XVII ст. мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ такого рода мѣста: огораживатель кровожадный вепрь съ двумя дьявольскими клыками, изъ коихъ одинъ—деньги, которыми онъ вербуетъ себѣ друзей и достигаетъ того, что власти смотрятъ на него сквозь пальцы, а другой—нечистая совѣсть, которая не боится плыть по морю крови прямо въ адъ“. И въ эту эпоху говорилось о прекрасныхъ поляхъ, которыя превращены въ печальныя и грустныя пустыни, по милости ужасныхъ огораживателей, „какъ будто бы они стремились рано или поздно довести бѣдняковъ до голодной смерти“, описывались муки ихъ въ аду, а въ 1607 г. огораживанія вызвали даже открытое возстаніе въ среднихъ графствахъ. (Gay. p. 54—63).

---

[1]) Cheney. Social changes in England, p. 103—4. Prothero. The Pioners and Progress of English Farming. Cunnigham. Vol. II, p. 53.

Однако, несмотря на все это, до XVIII вѣка обезземеленье крестьянскаго населенія въ Англіи совершалось еще весьма медленно, оно приняло широкіе размѣры лишь въ XVIII вѣкѣ.

„Еще въ послѣднія десятилѣтія XVII ст.—говоритъ Марксъ—іомены, независимые крестьяне, были многочисленнѣе класса фермеровъ. Они еще составляли главную силу, на которую опирался Кромвель . . . Около 1750 года классъ іоменовъ исчезъ, а въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка исчезли и послѣдніе слѣды общинной собственности земледѣльцевъ“ (Kapital. I. 2. Aufl. 253—4). Къ нѣсколько болѣе позднему времени относитъ обезземеленье фригольдеровъ или іоменовъ Тойнби. „Многочисленные и благоденствовавшіе въ XV ст. фригольдеры—читаемъ у него—пострадали нѣсколько отъ огораживаній въ XVI вѣкѣ, и хотя въ XVII вѣкѣ отъ времени до времени слышатся жалобы на консолидацію фермъ, однако нѣтъ основаній полагать, чтобы число фригольдеровъ за это время значительно уменьшилось. Въ концѣ XVII ст. въ Англіи существовало, по разсчету Грегори Кинга, 180.000 фригольдеровъ, а менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе тогдашніе памфлетисты и даже такіе осторожные писатели, какъ Артуръ Юнгъ, говорятъ о мелкихъ собственникахъ, какъ о фактически исчезнувшемъ явленіи. . . . Человѣкъ, незнакомый съ исторіей Англіи за промежуточный періодъ—продолжаетъ онъ—могъ бы подумать, что произошла какая-либо истребительная война или насильственная соціальная революція, вызвавшая переходъ собственности отъ одного класса къ другому. Но хотя предположеніе, сдѣланное въ такой формѣ и невѣрно, тѣмъ не менѣе мы вправѣ сказать, что дѣйствительно произошла революція необыкновенной важности. Съ 1700 года начинается постепенное исчезновеніе фригольдеровъ, однако быстрымъ этотъ процессъ сталъ лишь приблизительно съ 1700 года. Существуютъ несомнѣнныя доказательства, что можно было найти много іоменовъ еще въ 1770 г., но въ 1787 г. Артуръ Юнгъ признаетъ, что іомены фактически исчезли въ большей части страны“ (стр. 66—71).

Марксъ относитъ исчезновеніе крестьянства въ Англіи къ первой половинѣ XVIII вѣка, Тойнби—ко второй половинѣ этого столѣтія. Еще дальше въ этомъ отношеніи идетъ Рэ въ своей статьѣ: „Why have the yeomanry perished“, утверждая, что особенно гибельнымъ явился для іоменовъ періодъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, начиная съ 1813—14 г. г., что „Веллингтонъ и Блюхеръ при Ватерло уничтожили англійское крестьянство“ (ибо съ паденіемъ континентальной системы конкурренція иностраннаго хлѣба вызвала паденіе цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи) [1]).

Если окончательное уничтоженіе іоменовъ дѣйствительно относится лишь къ XIX вѣку, то все же нельзя не признать, что наиболѣе сильный ударъ имъ былъ нанесенъ уже въ XVIII вѣкѣ [2]), подъ вліяніемъ измѣнившагося характера огораживаній. Въ предшествующія столѣтія огораживанія совершались отдѣльными землевладѣльцами, переходившими къ системѣ крупныхъ фермъ, въ XVIII вѣкѣ они являлись общественнымъ процессомъ, происходившимъ по опредѣленному плану; прежде огораживанія выражались въ захватѣ лордомъ болѣе или менѣе значительной части общинныхъ земель, теперь они состояли въ уничтоженіи остатковъ коммунистическаго аграрнаго строя и установленіи полной частной собственности на землю: образовывались округленныя, независимыя другъ отъ друга владѣнія, которыя окружались изгородями, показателями ихъ самостоятельности и индивидуализаціи. Между тѣмъ на этихъ пережиткахъ прежней, давно исчезнувшей, общинной организаціи покоилось хозяйство фригольдеровъ или іоменовъ,—оно было тѣсно связано съ существованіемъ общинныхъ пастбищъ, съ правомъ выгонять свой скотъ на земли сосѣдей послѣ уборки хлѣбовъ и т. п., и съ отмѣной ихъ оно оказывалось нежизнеспособнымъ, не будучи въ состояніи приноровиться къ новому аграрному строю.

А этотъ новый аграрный строй имѣлъ въ виду раціональную систему хозяйства, для которой окаменѣвшіе остатки старины являлись безусловнымъ

[1]) Contemporary Rewiew. 1883.
[2]) Ср. Levy въ Jahrb. f. Nationaloek. 1903.

препятствіемъ. Прогрессъ въ области земледѣлія требовалъ прежде всего уничтоженія чрезполосности земель, прекращенія т. наз. открытыхъ полей (т. е. полей, открытыхъ для общиннаго выпаса скота послѣ снятія жатвы), ибо они вынуждали слѣдовать разъ навсегда установленному однообразному сѣвообороту и въ опредѣленное время производить тѣ или другія сельскохозяйственныя работы. Еще Фицгербертъ въ 1539 г. совѣтовалъ соединять разбросанные чрезполосно участки земли, говоря, что если акръ земли приносилъ шесть пенсовъ до того, какъ онъ огороженъ, то онъ будетъ приносить впослѣдствіи восемь пенсовъ, благодаря удобренію отъ скота, который будетъ ходить и лежать на немъ днемъ и ночью. А агрономы XVII вѣка говорили, что бѣднякъ съ двумя акрами огороженной земли былъ бы богаче, чѣмъ съ 20 акрами „открытаго поля“. Въ связи съ этимъ находилось стремленіе къ расширенію площади распашки путемъ превращенія общинныхъ земель (common), обширныхъ неплодородныхъ пространствъ, которыми пользовались лишь въ качествѣ пастбищъ, въ пахотныя поля; а для того, чтобы и эти земли могли войти въ общій, болѣе раціональный сѣвооборотъ, необходимо было подѣлить ихъ, превратить въ частную собственность. Дѣйствительно, еще въ XVII вѣкѣ большая часть графствъ имѣла обширныя песчаныя поросшія кустарникомъ площади земли, иногда сплошныя болотистыя равнины, а на крайнемъ сѣверѣ Англіи на пространствѣ 150 миль глазъ не находилъ ни одной обработанной полосы. Во второй половинѣ XVIII вѣка былъ произведенъ дренажъ обширныхъ болотъ въ цѣломъ рядѣ графствъ, вообще же въ теченіе XVIII вѣка было огорожено и поступило подъ плугъ свыше трехъ милл. акровъ общинныхъ (пастбищныхъ) земель, площадь сельскохозяйственной обработки такимъ образомъ, сильно возросла. При этомъ, по мнѣнію Гасбаха, распашка худшихъ почвъ производилась не потому, что не было лучшихъ, а по той причинѣ, что лучшіе участки, будучи употреблены въ цѣляхъ разведенія новыхъ породъ скота и на производство продуктовъ животноводства, доставляли болѣе значительный доходъ. Въ то время, какъ въ предшествующую эпоху имѣлись лишь маленькіе и тщедушные экземпляры рогатаго скота, не многимъ отличавшіеся отъ того, что получалось, когда они бродили въ полудикомъ состояніи, въ теченіе XVIII вѣка путемъ скрещиванья созданы были новыя породы, конструкція которыхъ въ видѣ тонкихъ костей, короткихъ членовъ, маленькой головы, мало развитыхъ роговъ прямо указываетъ на ту цѣль, которую себѣ ставили при ихъ разведеніи: добыть какъ можно больше мяса и возможно лучшаго качества, устраняя все остальное, что не являлось необходимымъ для этого. Въ особенности Лондонъ предъявлялъ обширный спросъ на продукты скотоводства: сосредоточивая въ своихъ стѣнахъ болѣе $^1/_{10}$ всего населенія Англіи, притомъ наиболѣе состоятельную его часть, дворъ, парламентъ, владѣльцевъ государственныхъ фондовъ, онъ (по Эдену) въ 1732 г. потреблялъ 28 милл. фунт. говядины и 14 милл. ф. баранины, а полъ-вѣка спустя (въ 1794 г.) 50 милл. ф. говяжьяго и 25 милл. ф. бараньяго мяса, т. е. вдвое больше, и даже отдаленныя отъ него мѣстности могли, благодаря сооруженію шоссейныхъ дорогъ, производить мясо и другіе продукты для лондонскаго рынка [1]).

Такимъ образомъ въ XVIII вѣкѣ въ Англіи, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ агрономической литературы, не только земледѣліе, но и скотоводство дѣлало значительные успѣхи, а разведеніе овецъ и производство шерсти смѣнилось разведеніемъ новыхъ породъ рогатаго скота и барановъ для сбыта мяса, масла, молока. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что и самое отношеніе государства къ огораживаніямъ было совершенно иное, чѣмъ прежде (по крайней мѣрѣ формально,—ибо фактически государство и прежде имъ не препятствовало) тѣмъ болѣе, что огораживанія вѣдь совершались теперь не отдѣльными лицами, а всѣми жителями данной мѣстности, по взаимному соглашенію. Именно (третью

[1]) Hasbach. p. 13—14.

характерную черту огораживаній XVIII вѣка (первыя двѣ—производство ихъ въ качествѣ общественнаго процесса, уничтожающаго остатки аграрнаго коммунизма) составляло то, что они совершались не противозаконно, какъ въ XV—XVII ст., а на легальномъ основаніи. Марксъ поэтому и говоритъ о „парламентарной формѣ грабежа“ въ XVIII вѣкѣ, о томъ, что „законъ самъ явился теперь средствомъ захвата народныхъ земель“ — въ этомъ выразился „прогрессъ“, — что посредствомъ „bills for inclosures of commons“, т. е. статутовъ, „лендъ-лорды сами себѣ дарили народныя земли въ частную собственность“ [1]). Происходило это такимъ образомъ, что землевладѣльцы, заинтересованные въ уничтоженіи черезполосицы и „открытыхъ“ полей и въ дѣленіи общинныхъ пустошей, созывали собраніе, на которомъ владѣльцы $^4/_5$ всей земли, подлежащей превращенію въ индивидуальную собственность, должны были дать на это свое согласіе, послѣ чего подавалась соотвѣтствующая петиція въ парламентъ. Разсмотрѣвъ петицію и произведя (иногда) анкету, парламентъ издавалъ билль, коимъ разрѣшалось огораживаніе. Всего такихъ биллей въ XVIII вѣкѣ издано свыше 1700. За биллемъ слѣдовало самое перераспредѣленіе земель, дѣленіе пустошей и округленіе владѣній, поручаемое парламентомъ 3—7 комиссарамъ съ весьма широкими полномочіями [2]).

Однако, несмотря на такой, съ внѣшней стороны, вполнѣ законный характеръ, фактически и эти огораживанія производились исключительно въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, мелкіе же держатели терпѣли отъ нихъ прямой ущербъ. Они лишались возможности выпаса скота на общинной землѣ и на чужихъ поляхъ послѣ уборки хлѣба и получали взамѣнъ этого лишь небольшой клочекъ пастбища, почему вынуждены были сократить количество содержимаго скота. Мало того, комиссары, назначаемые парламентомъ, состоявшимъ изъ тѣхъ же крупныхъ землевладѣльцевъ, принадлежали также либо къ числу послѣднихъ, либо къ угоднымъ лордамъ лицамъ.

Лишь въ 1801 году появился законъ, согласно которому комиссарами при огораживаніяхъ не могутъ быть лица, имѣющія какія-либо права на огораживаемыя земли, а равно сосоящія или состоявшія на службѣ у владѣльцевъ этихъ земель. До этого времени, т. е. въ эпоху, когда огораживанія производились въ особенно широкихъ размѣрахъ (съ 1760 до 1797 г.), способъ назначенія комиссаровъ обезпечивалъ крупнымъ землевладѣльцамъ лучшія земли и вообще возможность произвести огораживанія на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Имѣя это въ виду, а также то обстоятельство, что часть издержекъ по подачѣ петиціи въ парламентъ (они составляли отъ 180 до 300 ф. ст.) и далѣе расходы по возведенію изгородей на отведенномъ участкѣ тяжело ложились на мелкихъ владѣльцевъ—іоменовъ; мы поймемъ, что послѣдніе должны были протестовать противъ огораживаній. Однако, они не рѣшались вступать въ борьбу съ сильными, иногда даже подъ вліяніемъ угрозъ подписывали петиціи; а во многихъ случаяхъ они, несмотря на свою многочисленность, владѣли менѣе чѣмъ $^1/_5$ всѣхъ земель, такъ что ихъ согласія вовсе и не требовалась. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ іомены набирались смѣлости подать протестъ противъ петиціи; такой протестъ былъ связанъ съ значительными расходами, да и не приводилъ къ цѣли, ибо по полученіи петиціи отъ своихъ же родственниковъ и друзей, члены парламента лишь для вида производили анкету, и затѣмъ заранѣе изготовленный билль вступалъ въ силу. Только въ тѣхъ волненіяхъ, которыми иногда сопровождалось самое производство огораживаній, выражалось неудовольствіе іоменовъ: появляются толпы народа, препятствующія расклеиванію объявленій о предстоящихъ огораживаніяхъ, они производятъ даже насиліе надъ комиссарами.

Выйдя изъ огораживаній задолженными и обѣднѣвшими, получивъ худшіе участки и лишившись возможности держать скотъ въ прежнемъ размѣрѣ, іомены вынуждены были идти на встрѣчу крупнымъ землевладѣльцамъ, стремившимся къ расширенію своихъ владѣній—продавать имъ свои земли. Въ однихъ случаяхъ

[1]) Marx. Kapital. I, 2 Aufl. p. 253.
[2]) Mantoux, p. 155 и сл.

они превращались въ крупныхъ фермеровъ на помѣстьяхъ этихъ же лордовъ, если имъ удавалось выручить отъ продажи участка значительный необходимый для веденія хозяйства капиталъ; въ другихъ случаяхъ они покидали насиженныя мѣста и уходили въ города, — кто имѣлъ капиталъ искалъ счастья во вновь возникшей крупной промышленности въ качествѣ фабриканта, кто его не имѣлъ— такихъ было огромное большинство—въ качествѣ рабочаго, питая собою армію фабричнаго рабочаго населенія во вновь зараждавшейся крупной промышленности [1]). Населеніе Манчестера за четверть вѣка съ 1773 по 1801 г. возросло съ 27 до 95 тысячъ, Больтона съ 5 до 17 тыс., Лидса съ 17 до 53 тыс., въ Бирмингемѣ въ 1760 г. насчитывалось 30 тыс. жителей, въ 1801 г. 73 тысячи. Населеніе шло изъ селъ въ города, притекая со всѣхъ сторонъ въ центры фабричной промышленности; обезземеленье крестьянъ являлось какъ бы необходимымъ для созданія новой индустріи, для снабженія ея рабочей силой.

ГЛАВА IV.

Аграрный строй во Франціи.

Было бы ошибочно предполагать, что разсмотрѣнныя нами перемѣны въ области аграрнаго строя Англіи составляли что-либо исключительно ей свойственное: однородныя явленія мы можемъ найти и на континентѣ. Такъ, расширеніе овцеводства въ XVI вѣкѣ, столь характерная, казалось бы, для Англіи черта, повторяется и въ Германіи въ томъ же столѣтіи, гдѣ также издаются запрещенія противъ содержанія чрезмѣрно большихъ стадъ овецъ; происходитъ оно какъ въ Испаніи, такъ и во Франціи [2]).

Главными производителями тонкой шерсти въ эту эпоху являются, по словамъ современниковъ, Англія, Прирейнскія области Германіи и Франція (Haun. Kursachsen, p. 35 и сл., 78 и сл. Goltz. I. 470—1. Roscher, II. 801). Въ послѣдней—какъ указываетъ Левассеръ—съ половины XVIII ст. не только появляется цѣлый рядъ изслѣдованій о развитіи тонкоруннаго овцеводства (сочиненія Abbé Carlier 1770 г. Felician 1778 г., Roland de la Platière 1779 г., Michel 1784 г.), предлагающихъ скрещиванье различныхъ породъ и иныя системы, но и дѣйствительно устраиваются овчарни и примѣняются усовершенствованные пріемы (Levasseur. Rév. p. 8). Въ Испаніи уже со средневѣковаго періода центральныя и южныя провинціи были покрыты стадами бродячихъ овецъ (merinos, transhumantes), которыя лѣтомъ паслись въ горахъ Леона, Бургоса, Толедо, Куенсы, а съ начала осени стадами въ 10 тысячъ головъ переходили въ южныя провинціи—Эстремадуру, Андалузію. Владѣльцами ихъ были испанскіе гранды, епископы и монастыри, въ XVI ст. и самъ король; въ эту эпоху въ Новой Кастиліи насчитывалось свыше 6 милл. овецъ (Naudé. 201—2. Sugenheim. 43—44).

Далѣе, и на континентѣ Европы мы наблюдаемъ, въ особенности въ XVIII вѣкѣ (какъ и въ Англіи) расчистку обширныхъ пространствъ болотъ и пустошей и превращеніе ихъ въ пахотныя поля и заливные луга. Въ одной сѣверной Голландіи въ 1612—1631 г.г. произведено было осушеніе пяти озеръ, составлявшихъ 24 тыс. моргеновъ, а всего—по вычисленіямъ геолога Старинга—съ 1540 г. по 1795 г. въ Нидерландахъ, къ сѣверу отъ р. Мааса, отвоевано у моря свыше 85 тыс. гектаръ. Въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ осушены значительныя пространства по Одеру, Гавели, Вартѣ [3]). Во Франціи еще при Генрихѣ IV осушенныя пространства освобождались отъ обложенія, а въ 1764 г. это постановленіе было возстановлено въ томъ смыслѣ, что такія

---

[1]) Mantoux. p. 155—171.

[2]) Stolze. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges. p. 48. Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII Jahr., p. 231.

[3]) См. Stadelmann. Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur. T. II. pass.

земли освобождаются на 20 лѣтъ отъ десятины, декретъ же 1766 г., подобно баварскому 1762 г., приглашалъ и иностранцевъ воздѣлывать пустопорожнія земли, предоставляя имъ одинаковыя съ французами льготы—свободу отъ десятины, taille и всѣхъ другихъ налоговъ на 15 лѣтъ.

Н. И. Карѣевъ (стр. 198—99) утверждаетъ, что эти законы не привели къ благопріятнымъ результатамъ, такъ какъ они способствовали лишь образованію цѣлыхъ компаній, желавшихъ просто напросто нажиться. Наоборотъ, по мнѣнію Вольтерса, въ годы, слѣдующіе за этими декретами, всѣ бросились на расчистку новыхъ земель (даже Вольтеръ хвалился этимъ) и по словамъ Некера, въ 1766—1780 г. г. было вновь воздѣлано свыше 950 тысячъ морг., хотя впослѣдствіи значительная часть ихъ была вновь покинута. Огромное значеніе расширенію площади пахатныхъ полей придаетъ Левассеръ; онъ находитъ, что успѣхъ, сдѣланный сельскимъ хозяйствомъ Франціи во второй половинѣ XVIII ст., заключался не столько въ интенсификаціи его, сколько въ увеличеніи пространства, поступавшаго подъ плугъ, и ставитъ это въ связь съ наблюдаемымъ въ эту эпоху (какъ видно изъ д'Авенеля) ростомъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Сэ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что во Франціи еще въ началѣ XVIII вѣка пространство пустопорожнихъ земель было весьма велико, и если во Фландріи, Эльзасѣ, Иль де Франсѣ площадь воздѣланныхъ земель значительно превышала размѣры пустошей, то въ Бретаніи обработанныя земли не превышали $^3/_5$—$^1/_2$ всей площади, въ Гаскони составляли меньшую часть, а въ Руссильонѣ всего $^1/_7$.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ указываетъ Сэ, произошла значительная перемѣна, причемъ среди лицъ, занимавшихся воздѣлываньемъ пустошей, мы находимъ, какъ это можно установить на основаніи ходатайствъ, заявленныхъ съ цѣлью воспользоваться привилегіями, предоставленными декретами 1762 и слѣд. г.г., какъ крестьянъ такъ и дворянство и третье сословіе [1]). Въ особенности сеньоры въ большомъ количествѣ сдаютъ въ аренду необработанныя общинныя земли, находящіяся въ предѣлахъ ихъ владѣній и употребляемыя ранѣе въ качествѣ пастбищъ, не взирая на то, что они этимъ нарушаютъ права своихъ крестьянъ на общинные выгоны. Нерѣдко возникающія такимъ путемъ держанія столь же многочисленны какъ тѣ, которыя существовали въ данной мѣстности до расчистки новыхъ земель [2]).

Изъ этого, однако, видно, что и во Франціи расширеніе площади сельскохозяйственной культуры находилось въ тѣсной связи съ устраненіемъ остатковъ коммунальной собственности, что и здѣсь улучшенія въ области сельскаго хозяйства, происходившія въ XVIII вѣкѣ, не могли не сопровождаться переворотомъ въ области аграрнаго строя. Droit de glanage, т. е. собиранье колосьевъ послѣ жатвы, являлось правомъ „всѣхъ старпковъ и калѣкъ, маленькихъ дѣтей и другихъ не могущихъ работать“, а droit de vaine pâture (въ предѣлахъ одной общины или droit de parcours въ предѣлахъ нѣсколькихъ общинъ), т. е. право пастьбы скота на поляхъ сосѣдей послѣ уборки хлѣба, приводило къ уничтоженію посѣвовъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ вводился новый усовершенствованный сѣвооборотъ.

Сеньоры жаловались на то, что droit de glanage порождаетъ бездѣльниковъ, которые превратили это право въ свою профессію, причемъ они не выжидаютъ даже пока хлѣбъ связанъ въ снопы и свезенъ съ поля, а берутъ колосья изъ сноповъ; въ то же время чувствуется недостатокъ въ сельскихъ батракахъ, ибо гораздо выгоднѣе и легче заниматься гланажемъ. Поэтому одни (Cahiers) требовали, чтобы во время жатвы имѣлась стража, которая не допускала бы никого, кто не имѣетъ отъ мѣстныхъ властей свидѣтельства на право производства гланажа, и чтобы лица, осуществляющія это право безъ свидѣтельства, подлежали тюремному заключенію. Другіе землевладѣльцы поступали проще, снимая изгороди съ полей лишь одновременно съ выгономъ скота на поля (такъ что промежутка для собиранья колосьевъ не оставалось) или производя уборку жатвы такимъ образомъ, что ничего уже не оставалось послѣ этого (Jaurès, 187—89).

[1]) Sée, p. 367—68. Ср. Brutails, p. 15.
[2]) Sée, p. 434—43.

Не только дворянство, но и крестьяне жаловались на эти коммунальныя права, говоря, что земля составляетъ ихъ собственность лишь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, пока зрѣетъ хлѣбъ, тогда какъ въ теченіе остальныхъ восьми мѣсяцевъ они, вслѣдствіе господства droit de vaine pâture, не могутъ пользоваться своей землей. Они говорили, что на ихъ земли совершается какъ бы непрерывный набѣгъ, либо въ интересахъ сеньоровъ, либо въ выгодахъ жителей общины, и они всѣми силами старались избавиться отъ этого [1]). Результатомъ этого было то, что уже декретъ 1769 г. отмѣнилъ droit de parcours, а устраненіе droit de vaine pâture предоставилъ самимъ землевладѣльцамъ. Фактически и оно постепенно исчезало. Но бѣднѣйшее населеніе еще долго не могло примириться съ этими нововведеніями и нерѣдко насильственнымъ путемъ боролось противъ нихъ.

Еще враждебнѣе оно относилось къ превращенію общинныхъ земель (communaux) въ частную собственность. Захваты общинныхъ угодій сеньорами производились уже въ средніе вѣка, когда они—какъ мы видѣли выше (стр. 72). —запрещали пользованье, лѣсомъ дозволяли брать только сухой лѣсъ, опредѣляли число свиней, которыя могутъ пастись въ лѣсу, аословъ, козъ, иногда и барановъ, вовсе не допускали [2]). Съ XVI вѣка сеньоры обратили свое вниманіе и на общинныя пустоши и опираясь на званіе prémier habitant и на взглядъ юриспруденціи, согласно которому общинныя владѣнія являются даромъ или уступкой со стороны помѣщиковъ въ извѣстныя времена года, а въ другое время требовали за это извѣстной платы, пользу крестьянъ, начинаютъ ограничивать право пользованья ими, а нерѣдко и просто объявляютъ ихъ своими и огораживаютъ, пользуясь тѣмъ, что крестьяне не имѣютъ документовъ, устанавливающихъ ихъ общинныя права. Мало того, уже при Франциск I происходили въ широкихъ размѣрахъ захваты общинныхъ земель посредствомъ подлога документовъ и другихъ обманныхъ дѣйствій. Въ связи съ этимъ, а также вслѣдствіе вызванныхъ отчасти этими насиліями возстаній крестьянъ въ 1525 г., 1548 и 1558 г. г. (они сопровождались страшными неистовствами: крестьяне даже пили кровь своихъ жертвъ) были изданы законы, запрещавшіе отнятіе у своихъ подданныхъ угодій и грозившіе (1579 г.) строгими наказаніями сеньорамъ, которые, воспользовавшись волненіями крестьянъ, произвели у нихъ захваты земель. Однако это мало помогало: сеньоры приступили къ дѣлежу общинныхъ земель, причемъ себѣ присваивали третью часть, откуда и самое дѣленіе носило названіе triage; въ другихъ случаяхъ сеньоръ получалъ даже $^2/_3$ земель (cantonnement). Нерѣдко сеньоръ заставлялъ крестьянъ продать ему остальную часть общинной земли и хотя законъ запрещалъ это (эдиктъ 1620 г.—такъ же, какъ и тріажъ,—заявляя, что земли даны крестьянамъ, „чтобы они могли прокармливать свой скотъ и посредствомъ удобреній дѣлать болѣе плодородными свои нивы", но крестьянскія общества, сильно обремененныя податями, все же вынуждены были нерѣдко соглашаться на такую продажу. Ордонансъ 1659 г. упоминаетъ о томъ, что многія общины, продавшія свои земли сеньорамъ, вовсе ничего не получили изъ выговоренныхъ суммъ, вслѣдствіе насилій со стороны пріобрѣтателей, которые заставили ихъ написать, что долгъ полученъ. Всѣдствіе этого, общины возстанавливаются во всѣхъ правахъ на отчужденныя ими, на какихъ бы то ни было условіяхъ, за послѣдніе 20 лѣтъ земли, и точно также ордонансъ 1659 г. объявилъ недѣйствительными всѣ сдѣлки по отчужденію общинныхъ земель, совершенныя, начиная съ 1620 года,

---

[1]) Jaurès, p. 187. 194.

[2]) См. Delisle. Etudes sur les clases rurales en Bretagne au moyen-âge. Sée. Les classes rurales et le régime domianial en France au moyen âge. 1901. p. 502—62. Schmidt. Les seigneurs, les paysant et la propriété rurale en Alsace au moyen-âge. 1896. p. 135. 144.

независимо отъ тѣхъ договоровъ, указовъ, судебныхъ рѣшеній, на которыхъ этотъ переходъ основывался [1]).

Слабость крестьянъ и существенная причина невозможности съ ихъ стороны противостоять захватамъ сеньоровъ заключалась въ несогласіяхъ крестьянъ между собою, въ томъ, что—какъ указываютъ Н. И. Карѣевъ и Жоресъ—въ средѣ крестьянъ образуются двѣ враждебныя партіи, изъ коихъ одна стоитъ за, другая противъ огораживаній общинныхъ земель. Болѣе состоятельные крестьяне, какъ и городскіе жители, извлекали выгоду отъ огораживаній, такъ какъ имѣли возможность пріобрѣтать въ аренду у сеньоровъ нерѣдко обширные участки земли. Менѣе состоятельные, а такихъ было огромное большинство, не въ состояніи были вносить арендную плату, но все-таки тѣ изъ нихъ, которые не держали скота, не имѣли основаній протестовать, нѣкоторые же, наоборотъ, желали раздѣла общинной земли, чтобы завести раціональное хозяйство на ней. Сильно страдали, наоборотъ, малоземельные крестьяне, для которыхъ возможность пасти и нѣсколько головъ скота на общинномъ пастбищѣ составляла важное подспорье въ хозяйствѣ, особенно же печально было положеніе безземельныхъ батраковъ, которые вынуждены были теперь продавать свой скотъ, такъ какъ при раздѣлѣ общиннаго пастбища (какъ и въ Англіи) вовсе не пользовались правомъ на участокъ. Мало того, и о самомъ способѣ дѣлежа среди крестьянъ возникли споры, ибо одни, особенно отцы большихъ семействъ, просили раздѣла поголовнаго, мелкіе собственники находили болѣе выгоднымъ подворный, а крупные желали раздѣла, пропорціональнаго собственности каждаго. Вслѣдствіе такого различія интересовъ среди общинниковъ, случалось, что во время раздѣла происходили бурныя сцены, доходившія до вооруженнаго столкновенія [2]).

Въ результатѣ и во Франціи послѣдствіемъ уничтоженія комунальныхъ сервитутовъ и общинной собственности было обезземеленье части крестьянскаго населенія, было образованіе крупныхъ фермерскихъ хозяйствъ.

Сеньоры еще и впослѣдствіи указываютъ на то, что „злонамѣренные люди, ничего не имѣющіе и завидующіе собственникамъ, извлекающимъ доходы изъ обработки пустошей, ломаютъ по ночамъ изгороди и пускаютъ свой скотъ пастись по полямъ“, крестьяне же въ различныхъ „Cahiers“ жалуются на соединеніе 2—3 фермъ въ однихъ рукахъ и требуютъ, чтобы землевладѣльцы обязаны были возстановить разрушенныя ими усадьбы, въ которыхъ осталась только голубятня и помѣщеніе для лѣсничаго; указываютъ на сотни семействъ, которыя, вслѣдствіе слома хижинъ, лишились крова и вынуждены уйти въ города въ поискахъ за заработкомъ. „Пусть всѣ собственники— читаемъ въ одномъ Cahier 1789 г.—имѣющіе нѣсколько фермъ, не отдаютъ ихъ одному фермеру, но пусть на каждой фермѣ будетъ одинъ фермеръ, какъ это было прежде. Пусть особенно большія фермы въ четыре или пять сохъ будутъ раздѣлены на двѣ, а самая значительная ферма не превышаетъ 300 арпановъ пахати“. (d'Avenel. Hist. de la propriété. I. 284—86. Jaurès 215—19. Sée. p. 261—62. Карѣевъ. Стр. 123).

Однако въ то время, какъ въ Англіи система крупныхъ фермъ стала господствующимъ явленіемъ, во Франціи она—какъ указываетъ И. В. Лучицкій—наканунѣ революціи лишь впервые зарождалась; она пустила глубокіе корни лишь на церковныхъ, монастырскихъ земляхъ и едва начала развиваться на земляхъ дворянства и городской буржуазіи. Мало того, крупныя фермы мы находимъ лишь на сѣверѣ Франціи (да и то не вездѣ, въ Брестани напр., ихъ почти не было), но и здѣсь они не были преобладающей формой держанія и крестьяне противодѣйствовали распространенію ихъ и путемъ усиленнаго спроса на мелкіе участки, соглашаясь иногда уплачивать какую угодно цѣну, даже

[1]) Canchy. De la propriété communale en France. Renauldon. Traité historique et pratique des droits seigneuriaux, p. 532 и сл. Laveleye. La propriété. 4-e. éd. 1891. p. 246 и сл. Jaurès. 202—7. Babeau. Le village sous l'ancien régime..

[1]) Карѣевъ. Стр. 75. 124—25. 131—34. Jaurès. 202. 210—14. Sée. 235—37. 310. Calonne. p. 136 и сл.

превышающую обычную арендную плату, и посредствомъ открытой борьбы. Господствующимъ во Франціи явилось—въ противоположность Англіи и Пруссіи и подобно всей западной части Германіи—мелкое крестьянское землевладѣніе и землепользованье [1]).

Впрочемъ, вопросъ о распредѣленіи земель во Франціи въ XVIII ст. между отдѣльными группами населенія, какъ и внутри самой группы земель, находящейся въ рукахъ крестьянъ является весьма спорнымъ. Буато, слѣдуя указаніямъ писателей XVIII ст., утверждаетъ, что земли сосредоточивались въ немногихъ рукахъ, что $^2/_3$—$^3/_4$ и даже $^9/_{10}$ страны принадлежали королю и 400 лицъ. Тенъ дѣлитъ всѣ земли на 5 частей: $^1/_5$ принадлежитъ королю и коммунамъ, $^1/_5$ дворянству, $^1/_5$ духовенству, $^1/_5$ третьему сословію и $^1/_5$ сельскимъ жителямъ. Наоборотъ, Токвиль, а также Лавернь, Бабо, Калонъ и др. находятъ, что половина и даже $^2/_3$ крестьянъ были мелкими собственниками и всему крестьянскому классу принадлежала половина (по Зибелю $^1/_3$) земель королевства [2]). Эти два взгляда однако, намъ кажется вовсе не столь противорѣчивы, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ: одни стоятъ повидимому на юридической, другіе на фактической точкѣ зрѣнія.

Юридически вся земля и въ XVIII вѣкѣ еще составляла собственность сеньоріальныхъ владѣльцевъ, т. е. короля дворянства и монастырей, которые обладали dominium directum, т. е. верховнымъ правомъ собственности на землю, крестьяне же являлись лишь наслѣдственными арендаторами (эмфитевтами) обработываемыхъ ими земель, уплачивавшими чиншъ и ренту за землю, на которой они сидѣли. Но эта наслѣдственная аренда въ связи съ правомъ распоряженія участкомъ (правомъ продавать его, сдавать въ аренду, дарить, закладывать) сильно приближалась къ праву собственности [3]), какъ на нее дѣйствительно смотрѣли многіе юристы XVIII вѣка. Если поэтому крестьяне, въ рукахъ которыхъ находились земельные участки, назывались „propriétaires-cultivateurs въ отличіе отъ батраковъ и арендаторовъ чужой земли, т. е. лицъ, не обрабатывавшихъ самостоятельно землю, то не слѣдуетъ все же упускать изъ виду, что это не была ихъ полная собственность, ибо на ней лежали чинши, платежи при переходѣ земли (lods et ventes) и т. п. [4]). Такого рода (ограниченныхъ) собственниковъ только и имѣетъ въ виду Артуръ Юнгъ, когда онъ упоминаетъ о чрезвычайномъ распространеніи мелкой крестьянской собственности во Франціи, которая въ суммѣ составляетъ $^1/_3$ всего королевства [5]), или когда онъ прославляетъ частную собственность, противопоставляя ее арендѣ [6]).

Точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ земли, принадлежавшей (въ качествѣ такой неполной собственности) крестьянскому сословію, мы имѣемъ весьма мало. Мы знаемъ лишь, что въ Лимузенѣ и Гіеннѣ, т. е. въ центральной Франціи, она составляла 50 проц., сѣвернѣе же повидимому меньше: въ Орлеанезо—40 проц., въ Лаонне 30 проц., въ Бретани еще меньше (Sée. p. 63. Bloch, p. 106. Marion, p. 3 и сл. Лучицкій, ук. соч.). Другія данныя не даютъ однообразной картины: въ то время, какъ въ однихъ случаяхъ Cahiers жалуются на то, что привилегированныя сословія владѣютъ половиной и даже $^2/_3$ всѣхъ земель, что „духовенство и дворянство захватило лучшія и наиболѣе плодородныя земли“, у крестьянъ же имѣются худшіе участки, въ другихъ слу-

---

[1]) Лучицкій. Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи. 1900. Стр. 167—73. 123.

[2]) Boiteau. Etat de la France en 1789. Paris. 1889. p. 49. Tocqueville. L'ancien régime. 1877. p. 117. Babeau. La vie rurale dans l'ancienne France. p. 1885. p. 130. H. Sybel. Gesch. der. Revolutionszeit. 1897. I. p. 24.

[3]) Ср. Brutails. p. 149.

[4]) Young. II. p. 198, 214.

[5]) Карѣевъ, стр. 31 и сл.

[6]) Поражаясь системой орошенія, устроенной на югѣ Франціи и прекрасной культурой, несмотря на неблагопріятную скалистую почву, онъ восклицаетъ: „возбуждать вопросъ о причинѣ этого, значило бы оскорблять добрый смыслъ—это могла сдѣлать только собственность. Дайте человѣку въ собственность голую скалу, онъ сдѣлаетъ изъ нея садъ; дайте ему садъ въ аренду на девять лѣтъ, онъ превратитъ его въ пустыню“ (I. p. 64).

чаяхъ, наоборотъ, подчеркивается преобладаніе крестьянскаго землевладѣнія (Wolters, p. 17—28).

И. В. Лучицкій указываетъ и на крайнюю неравномѣрность въ распредѣленіи крестьянскихъ земель въ предѣлахъ одной и той же провинціи между отдѣльными приходами—полная почти обездоленность однихъ приходовъ и относительно значительное надѣленіе землей другихъ составляетъ характерную черту порядковъ, установившихся во всей почти Франціи наканунѣ революціи. Примѣромъ можетъ служить Лимузенъ, гдѣ въ однихъ приходахъ крестьяне владѣютъ едва 4,8 проц., въ другихъ же 98 проц. всей земли.

Съ одной сторонывы, дѣляется—какъ указываетъ Бернье—классъ крупныхъ крестьянскихъ владѣльцевъ, крестьянской аристократіи, появляется рядомъ съ gentilhomme и honnête homme (vavasseur), который „гордится не столько своими предками, сколько своими внуками"—насмѣшка надъ нимъ—и который постепенно прибираетъ къ рукамъ земли сосѣднихъ сеньоровъ и становится quasi-сеньоромъ ихъ крестьянъ [1]). А съ другой стороны, мы находимъ въ XVII—XVIII ст. обширную категорію мелкихъ собственниковъ; въ Бретани большинство имѣло менѣе 5 и даже всего 1—2 гект. (46 проц.). Артуръ Юнгъ поражался чрезвычайнымъ дробленіемъ участковъ, доходящимъ нерѣдко до того, что плодовое дерево съ 10 земли составляетъ самостоятельную ферму („Число крестьянскихъ владѣній столь велико, что англичане даже едва ли въ состояніи будутъ себѣ представить"). Gimel опредѣляетъ число самостоятельныхъ землевладѣльцевъ въ разсматриваемую эпоху въ 4,6 милл., Лучицкій въ 5 милл., взявъ, однако, за исходную точку Лаонне съ его крайней парцеляціей земель. Вольтерсъ находитъ эту цифру преувеличенной, ссылаясь на то обстоятельство, что еще въ 90-хъ гг. XIX ст. при 34 милл. населенія имѣлось всего 4.193 милл. сельскихъ хозяевъ и 3½ милл. собственниковъ, почему число крестьянъ—собственниковъ въ XVIII вѣкѣ едва ли могло быть болѣе 4 милліоновъ [2]).

Малоземелье крестьянъ въ смыслѣ доли, приходящейся на каждаго, должно было вести къ дальнѣйшему расширенію общей площади земель, обрабатываемыхъ крестьянами, частью вслѣдствіе стремленія крестьянъ тратить всѣ свои сбереженія на покупку земель у привилегированныхъ классовъ, частью путемъ аренды земель у послѣднихъ. И то и другое мы дѣйствительно замѣчаемъ въ рѣзко выраженной формѣ. Въ противоположность взгляду Маріона, Рамо и другихъ писателей, въ особенности 80-хъ годовъ относительно концентраціи земельной собственности и притомъ въ рукахъ привилегированныхъ классовъ, И. В. Лучицкій констатируетъ, на основаніи тщательныхъ изслѣдованій, тотъ фактъ, что какъ въ центральной и южной Франціи, такъ и въ сѣверныхъ областяхъ, процессъ перемѣщенія собственности въ періодъ, непосредственно предшествующій революціи, былъ направленъ не въ сторону концентраціи собственности, а въ смыслѣ ея раздробленія, и обнаруживалъ, хотя съ различной интенсивностью въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, тенденцію къ расширенію крестьянскихъ земель на счетъ владѣній дворянства и въ особенности городской буржуазіи [3]). Французская аристократія не обнаруживала интереса къ веденію самостоятельнаго хозяйства (тоже: Bernier, Brutails и др.) и изъ наличности обширныхъ помѣстій еще не слѣдуетъ, что на нихъ велось и крупное хозяйство. Помѣстья эти сдавались по частямъ въ аренду крестьянамъ, частью въ формѣ вѣчно-наслѣдственной аренды, т. е. съ правомъ наслѣдственнаго пользованья по прямой линіи, но безъ права передачи, частью—въ большинствѣ случаевъ—въ формѣ отдачи земли во временное пользованье на 3—4, позже (въ XVIII ст.) 6—9 лѣтъ. По словамъ

---

[1]) Этотъ типъ подробно описанъ у Bernier, p. 172—301.

[2]) Wolters. p. 5 и сл Лучицкій ук. соч. и Мелкое землевлад., Baudrillart. Les popul. agricoles de la France. 1885. T. I. Marion. Les rôles du vingtième dans le pays Toulousain. Révol. franç. p. 413 и сл. Sée, p. 66 и сл.

[3]) Лучицкій. Крест. землевл., стр. 130. 173—6. 183—9. 196—201.

Артура Юнга, въ $^{7}/_{8}$ Франціи преобладаетъ половничество: арендаторъ отдаетъ половину (рѣже $^{1}/_{3}$) всѣхъ продуктовъ, землевладѣлецъ же доставляетъ ему половину живого инвентаря и сѣмянъ. Арендаторы эти никогда не могутъ быть спокойны за завтрашній день; они вынуждены занимать чуть ли не ежегодно хлѣбъ у землевладѣльца, чтобы прокормиться до ближайшаго урожая, хлѣбъ, который составляетъ смѣсь ячменя съ овсомъ, они находятся поэтому въ постоянной задолженности, и землевладѣльцы смотрятъ на нихъ какъ на своихъ слугъ, которыхъ они могутъ прогнать въ любое время, если они почему либо не понравились господину,—на многихъ имѣньяхъ такая смѣна арендаторовъ происходитъ почти непрерывно [1]).

Къ этому присоединялся еще значительный ростъ арендныхъ цѣнъ по d'Авенелю и Зола, онъ имѣлъ мѣсто въ 1640—70 гг. (1650—75 гг.), затѣмъ смѣнился понижательнымъ движеніемъ вплоть до 40-хъ, 50-хъ годовъ XVIII ст. послѣ чего возобновилось рѣзкое возрастаніе аренды, размѣры которой во второй половинѣ XVIII вѣка превысили даже уровень третьей четверти XVII вѣка (по d'Авенелю арендная плата съ гектара пахоти въ 1651—75 гг. 19,2 фр., въ 1726—50 гг. $13^{3}/_{4}$ фр., въ 1776—1800 гг. 26 фр. съ гектора сѣнокосовъ—48, 35 и 44 фр.). Это находится повидимому въ связи съ уровнемъ хлѣбныхъ цѣнъ: за періодомъ низкихъ цѣнъ съ 1660 по 1750 г. во Франціи (какъ и въ Англіи) слѣдовала эпоха высокихъ цѣнъ какъ на различные хлѣба, такъ и на другіе сельскохозяйственные продукты— мясо, масло, молоко. По Зола, увеличеніе составляло 60—85 проц., по Біенеме (для Парижа) припасы вздорожали въ $1^{1}/_{2}$—2 раза [2]). Возрастаніе цѣнъ на произведенія сельскаго хозяйства побуждало сеньоровъ (какъ и въ Англіи) къ захвату общинныхъ угодій, превращенію ихъ въ пахотныя поля и отдачѣ послѣднихъ въ аренду по высокой цѣнѣ, но если благодаря этому площадь пахотей (и искусственныхъ луговъ) и значительно расширилась, то все же всю выгоду отъ этого извлекли одни землевладѣльцы: и Зола и Сэ сходятся въ томъ, что арендная плата не отставала отъ цѣнъ на хлѣбъ и даже опередила и превысила ихъ. Чтобы и половники не ускользнули отъ этого, помѣщики ввели дополнительные къ половинѣ продукта денежные платежи, которые повышались все болѣе и болѣе (Sée).

Любопытно при этомъ, что и арендаторы, являясь совершенно посторонними по отношенію къ сеньору лицами и вступая съ нимъ въ договоръ чисто-вещнаго характера, тѣмъ самымъ, однако, подпадали подъ его власть и становились какъ бы временными подданными его. И этотъ принципъ распространялся не только на крестьянъ, но и на городскихъ жителей и на привилегированныя сословія. Дворяне, державшіе земли отъ сеньоровъ, также являлись лишь ограниченными землевладѣльцами и даже отношенія чисто-феодальныя не были свободны отъ платежей. На основаніи déclarations (подаваемыхъ при обложеніи vingtième или 5 проц. сборомъ съ чистаго дохода, введеннымъ въ 1749 г.) и нѣкоторыхъ rôles, можно установить фактъ существованія въ XVIII вѣкѣ и для дворянскихъ земель (terres nobles) такихъ же почти условій держанія, какъ и для держаній крестьянскихъ и буржуазныхъ, и фактъ обложенія тѣхъ и другихъ такими же повинностями и платежами. Вообще говоря, „всѣ три рода держанія—дворянское, буржуазное и крестьянское перепутываются другъ съ другомъ", различіе сводится лишь къ титулу владѣльца, всѣ остальныя сословныя разграниченія исчезаютъ [3]).

Если, такимъ образомъ, сеньоріальный режимъ еще и къ концу XVIII существовалъ, если принципъ „nulle terre sans seigneur" дѣйствовалъ по прежнему, и распространялся даже на арендаторовъ, какъ и на держателей приви-

---

[1]) Young. II, p. 200—02. Лучицкій стр. 150 и сл. 165. Sée. p. 241 и сл., 255 и сл. Brutails. p. 114 и сл. 134. Calonne. p. 60 и сл.

[2]) D'Avenel. T. I. p. Zolla. Des variations du revenu et du prix des terres en France aux XVII et XVIII siècles. Annales de l'école libre des sciences polit. 1893. p. и сл. Levasseur. Rév. d'écon. polit. 1898. Sée. p. 260—61. Denis. hist. de l'agricult dans le départ. de Saine-et-Marne. 1881, p. 294.

[3]) Sée. p. 31. Лучицкій, стр. 226—39. Boucomont. 54.

легированныхъ сословій, то это расширеніе его вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняло самый характеръ режима, самую сущность аграрнаго строя, устраняя различіе между крестьянами и прочими держателями, превращаясь въ извѣстныя права помѣщика по отношенію ко всякому, кто обрабатываетъ его землю. Мало того, такое коренное измѣненіе характера сеньоріальнаго режима сопровождалось его паденіемъ, постепеннымъ исчезновеніемъ. Первое и не было бы мыслимо безъ послѣдняго, ибо приравненіе крестьянскихъ держаній по характеру платежей и повинностей (какъ и въ отношеніи правъ держателя на землю) къ привиллегированнымъ только и могло совершиться вслѣдствіе того, что обязанности крестьянина, все болѣе и болѣе сокращаясь и облегчаясь, постепенно свелись до минимума, оказались не болѣе значительными, чѣмъ повинности и платежи другихъ держателей, почему и крестьянскія земли постепенно превратились почти въ полную собственность.

Такъ, главный платежъ, сеньоріальная рента или чиншъ съ земельнаго участка—въ денежной формѣ — не измѣняется въ теченіе XVI—XVIII ст., а слѣдовательно, при значительномъ паденіи цѣнности денегъ, облегчается; обыкновенно денежная рента составляетъ весьма незначительную сумму, а иногда и вовсе исчезаетъ. Нѣсколько тяжелѣе была, существовавшая, впрочемъ, не повсюду, натуральная рента, но и ея размѣръ въ XVI—XVIII ст. не повышался. Личныя повинности, вродѣ taille personnelle, aide и т. д. почти совсѣмъ прекратились, произвольной барщины также нѣтъ болѣе. Поскольку мы вообще находимъ еще барщину, она не составляетъ тягости, не превышая 2—3 дней въ годъ: вѣдь сеньоры не вели самостоятельнаго хозяйства и не нуждались въ трудѣ крестьянъ; еще чаще она превращалась въ весьма небольшую денежную сумму, не измѣняющуюся вѣками. Гораздо большее значеніе имѣли т. наз. droits casuels (случайныя права) —они уплачивались не постоянно, а лишь при наступленіи особыхъ обстоятельствъ, — именно rachat, т. е. уплата при полученіи наслѣдства, и lods et ventes, сборъ въ пользу сеньора при отчужденіи имущества (въ Русильонѣ шестая часть цѣнности имущества). И то и другое было весьма доходно для сеньора, являлось остаткомъ прежняго права его на все имущество крестьянина. Но этимъ платежамъ, ложившіяся—въ противоположность рентѣ, барщинѣ и другимъ повинностямъ — весьма тяжело на крестьянъ (тѣмъ болѣе, что въ XVIII ст. былъ установленъ и государственный налогъ съ наслѣдства), подлежали и привиллегированныя сословія: и они уплачивали во многихъ случаяхъ rachat, достигавшій иногда размѣровъ годоваго дохода, и для нихъ были установлены quints, reliefs и т. д. соотвѣтствовавшіе droits de lods et ventes [1]).

Неблагопріятное положеніе крестьянскаго населенія обусловливалось не этими разъ навсегда установленными платежами, а тѣмъ произволомъ, который господствовалъ въ странѣ, тѣми широкими правами, которыя предоставлялись помѣщикамъ и которыя они могли по желанію всегда использовать. Рядомъ съ обыкновенной, почти исчезавшей, барщиной существовали corvées extraordinaires, барщина, которая отбывалась отъ времени до времени, въ случаѣ необходимости напр. выстроить сгорѣвшій замокъ сеньора, исправить мельницу, проложить дорогу (она выражалась также въ перевозкѣ войскъ и т. п.). Опредѣленныхъ размѣровъ для этого рода барщины не было установлено, и если она могла быть ранѣе явленіемъ довольно рѣдкимъ, то съ конца XVII ст., со времени сооруженія многочисленныхъ каналовъ, шоссейныхъ дорогъ, гаваней, мостовъ и т. д. она должна была стать чрезвычайнымъ зломъ для крестьянскаго населенія [2]).

---

[1]) Brutails. p. 160—64 Лучицкій, стр. 239 и сл. Ср. Sée, p. 31. 83—118.

[2]) Будучи пораженъ прекрасными французскими дорогами (въ противоположность плохимъ англійскимъ), Артуръ Юнгъ (I. p. 7—8) прибавляетъ въ одномъ мѣстѣ: „дорога привела бы меня въ восхищеніе, если бы

Точно также рента, сократившаяся до минимума, все же была весьма тяжела для крестьянъ, вслѣдствіе существованія круговой поруки и повинности по очереди исправлять обязанность сборщика ренты, отвѣтственнаго за всю доставляемую сеньору сумму. Иногда сеньоръ годами не требовалъ уплаты ренты, а затѣмъ внезапно, хотя бы даже въ неурожайный годъ, взыскивалъ и за всѣ предшествующіе годы; это обозначало полный разгромъ крестьянскаго хозяйства [1]). Далѣе еще Тенъ выяснилъ тотъ огромный ущербъ, который наносило крестьянамъ исключительное право охоты, принадлежавшее сеньору [2]).

Д'Авенель указываетъ на то, что въ средніе вѣка право охоты предоставлялось всѣмъ жителямъ общины, противъ того, долгое время, пока страна была покрыта лѣсами и охота была не удовольствіемъ, а тяжелымъ занятіемъ, сеньоръ даже „обязанъ охотиться въ теченіе мѣсяца, если держатели этого требуютъ, если же онъ продолжаетъ охоту въ теченіе болѣе значительнаго срока, то онъ получаетъ снопъ ржи или овса съ души населенія . Въ королевскихъ лѣсахъ уже съ XIV вѣка запрещалось охотиться, но не однимъ только крестьянамъ, ибо ордонансъ угрожалъ „всякому дворянину потерей головы, а всякому другому— повѣшеньемъ“. Въ XV вѣкѣ крестьянамъ еще дозволялось охотиться на лисицъ и барсуковъ, ловитъ жаворонковъ и другихъ маленькихъ птицъ, въ XVI вѣкѣ за это ссылали на галеры, отрѣзывали уши: право охоты какъ на доменахъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ принадлежало однимъ сеньорамъ (d'Avenel, I. 219—23). „Жатва здѣсь—пишетъ Артуръ Юнгъ— такова, какъ она должна быть въ помѣстьяхъ принцевъ крови, т. е. состоитъ изъ зайцевъ, фазановъ, оленей и дикихъ звѣрей. . . . сеньоры, окружаютъ себя лѣсами и хищными животными, а не хорошо воздѣланными фермами (Young. I. 91. 124).

Ради того удовольствія, которое сеньоры имѣли отъ охоты, крестьяне вынуждены были спокойно смотрѣть, какъ птицы портили ихъ посѣвы, а волки пожирали ихъ скотъ. Ради этого уничтожались изгороди, ибо они мѣшали разведенію дичи и охоты, воспрещалось полоть сорныя травы и косить сѣно, ранѣе чѣмъ куропатка выведетъ свои яйца, которыя она кладетъ въ сѣнѣ, иногда для сохраненія дичи убивались собаки и кошки у крестьянъ. Существовало общее запрещеніе держать у себя оружіе; но для владѣльцевъ мануфактуръ дѣлалось исключеніе; опасны же были всѣ тѣ, „кто не можетъ отвѣчать имуществомъ за свои дѣйствія, а слѣдовательно легко можетъ стать преступникомъ“. Мало того, сеньоры даже позволяли себѣ охотиться на засѣянныхъ участкахъ, уничтожать поля и виноградники крестьянъ, когда же послѣдніе пробовали протестовать противъ этого, то получали въ отвѣтъ: „скажи слово, и ты умрешь“ [3]) [4]).

Злоупотребленія и вымогательства со стороны служащихъ у сеньора лицъ, жесткость самихъ помѣщиковъ, которымъ иногда доставляло прямо удовольствіе насиловать и тиранизировать своихъ „подданныхъ“ — все это составляетъ характерную черту періода, именуемаго „ancien régime“.

Безнаказанность же сеньоровъ, хотя бы они совершали прямыя преступленія, вытекала изъ общаго характера государственнаго строя, въ частности и изъ существованія сеньоріальной юстиціи: уголовная юстиція, правда, постепенно сокращается, хотя еще въ XVII—XVIII ст. она мѣстами существуетъ даже въ отношеніи преступленій, угрожающихъ смертной казнью, „феодальная“ же юстиція, т. е. судебное разбирательство по всѣмъ дѣламъ, касающимся нарушенія правъ помѣщиковъ и обязанностей крестьянъ, гдѣ

я не зналъ о тяжелыхъ повинностяхъ несчастныхъ земледѣльцевъ, принудительный трудъ которыхъ создалъ это благолѣпіе“.

[1]) Sée. p. 92. 191. Brutails. p. 163—64.

[2]) Taine. L'ancien régime. p. 70 и сл.

[3]) Sée. p. 150—153. Карѣевъ, стр. 53 и сл. Bernier. p. 134.

[4]) Такой же характеръ имѣло разведеніе голубей, которые портили поля; голуби считались священными.

помѣщики являются слѣд. судьями въ собственномъ дѣлѣ, сохраняется въ полной мѣрѣ и она то является особенно выгодной для сеньоровъ: принужденіе ко всякаго рода незаконнымъ повинностямъ и поборамъ, доходы съ самаго процесса, конфискація имущества въ видѣ наказанія—все это обогащало карманы сеньоровъ, и поэтому они всячески отстаивали права юрисдикціи [1]).

Такимъ образомъ сеньоріальный режимъ въ видѣ (обязательныхъ, установленныхъ) платежей и повинностей исчезалъ, но связанный съ нимъ произволъ и злоупотребленія сохранялись попрежнему. Матеріальное положеніе крестьянъ, крайне бѣдственное въ предшествующую средневѣковую эпоху, едва-ли улучшилось. Конечно, мы находимъ и состоятельныхъ крестьянъ, движимое имущество которыхъ оцѣнивается (при переходѣ по наслѣдству) въ 1100, 1800, 1900, 2100, 3400 и даже 8500 ливровъ [2]), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — по словамъ путешественниковъ (Шатобріана, Гибера, Артура Юнга) — встрѣчаются деревянныя (и даже въ видѣ исключенія каменныя) дома, крытые черепицей или сланцемъ [3]) хотя любопытно, что даже въ описаніи жилища богатаго крестьянина идетъ рѣчь о томъ, что полъ состоитъ изъ земли, утрамбованной сѣномъ, а крыша изъ соломы смѣшанной съ камышемъ. Но состоятельные крестьяне были лишь рѣдкимъ явленіемъ. Большинство крестьянъ обладало крайне незначительнымъ движимымъ имуществомъ, не достигавшимъ даже цѣнности въ 100 ливр., иногда не превышавшимъ 20 ливр. Съ нашелъ въ одной сеньоріи 24 случая гдѣ наслѣдство было менѣе 100 ливр. (среди нихъ случаи въ 9, 11, 22, 23, 30, 35 ливр.). Общимъ правиломъ являлась повидимому хижина, крытая соломой, откуда и названіе ея — chaumierè; имѣла она весьма печальный видъ, иногда возвышалась такъ мало надъ землей, что походила скорѣе на погребъ. Люди, животныя (поросята, козы), домашняя птица жили всѣ вмѣстѣ лишь отдѣленныя перегородкой подъ одной крышей, въ одномъ и томъ же сыромъ, покрытомъ навозомъ помѣщеніи, среди испареній, исходившихъ отъ животныхъ [4]). Но даже, когда изба была раздѣлена на три части, хлѣвъ, ригу и помѣщеніе для людей, послѣдніе все таки на зиму переходили въ хлѣвъ, такъ какъ тамъ было теплѣе. И Локъ въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, и Шатобріанъ сто лѣтъ спустя подчеркиваютъ тотъ фактъ, что избы были окружены чрезвычайной грязью, не имѣли ни оконъ, ни печей, а дымъ выходилъ чрезъ единственное отверстіе — дверь; избу приходилось окружать со всѣхъ сторонъ навозомъ, для защиты жителей отъ холода, (Brutails p. 224) проходившаго въ незакрытыя отверстія, ибо поскольку эти отверстія существовали — иначе было совсѣмъ темно—они не были закрыты стеклами [5]). Даже когда жилище было построено изъ хорошаго матеріала и не заслуживало названія хижины, стеколъ оно все-таки не имѣло, совершенно необычайное для англичанина зрѣлище— какъ говоритъ Артуръ Юнгъ; хорошія постройки — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—но ни одного окна со стеклами [6]). Послѣднія считались особенной роскошью и въ доказательство богатства Лотарингіи въ эпоху до тридцатилѣтней войны указывалось на то, что тамъ крестьяне имѣли стекляныя окна [7]).

Другое явленіе, сильно поразившее Артура Юнга, было отсутствіе обуви у населенія: ни чулокъ, ни башмаковъ не было, иногда даже ходили безъ лап-

[1]) Sée. p. 117—127. Bernier. p. 144—46.
[2]) Sée. p. 463. 465. Brutails. p. 216 и сл. Bernier. p. 206 и сл.
[3]) Young. I. 21. 32. 34. 72. Guibert. Voyages dans diverses parties de la France en 1775. p. 151. 271. Châteaubriand. Mémoires d'outre-tombe. I. 273.
[4]) „Счастливъ тотъ крестьянинъ, въ избѣ котораго не мычитъ корова, не хрюкаетъ поросенокъ, не блеетъ овца".
[5]) Babeau. La vie rurale. p. 13 и сл. Calonne. p. 189 и сл. Bernier. p. 49—50 Sée. p. 458 и сл. Théron de Montaugé. L'agricult. dans le pays Toulousain. 1869. p. 59 и сл.
[6]) Young. I. p. 28. 32. 34. 35. 39. 332.
[7]) Babeau p. 20.

тей, хотя они и могутъ гордиться—прибавляетъ онъ—тѣмъ, что ихъ босыя ноги ходятъ по прекрасно сооруженному шоссе [1]). Немногимъ лучше была пища: такъ какъ пшеница и рожь шли на продажу для платежа податей и на уплату сеньоріальныхъ повинностей, то оставались только худшіе сорта ржи, непринимаемые сеньоромъ, ячмень и овесъ. Далѣе употреблялись въ пищу рыба, свиное сало, масло, яйца, овощи. Мясо же составляло почти такую же рѣдкость какъ и въ средніе вѣка и появлялось лишь въ праздничные и воскресные дни, почему воскресная одежда и называлась: habit à la viande [2]). Юнгъ разсказываетъ, что французы вообще ѣдятъ мало мяса, и что въ г. Лейракъ убиваютъ всего пять быковъ въ годъ, тогда какъ въ Англіи въ такомъ же городкѣ понадобилось бы 2—3 въ недѣлю. Онъ самъ присутствовалъ во время ужина фермеровъ, состоявшаго изъ большого количества мало апетитнаго хлѣба, массы капусты, жиру и воды, мяса же было приготовлено для нѣсколькихъ десятковъ людей столько, сколько съѣли бы въ Англіи шесть фермеровъ, ругая хозяина за его скупость [3]).

Такъ было въ обыкновенные годы; слѣдуетъ ли удивляться тому, что во время голодовокъ крестьяне ѣли траву, какъ разсказываютъ Лабрюеръ и Мого, на основаніи собственныхъ наблюденій, что эпидеміи тифа, дезинтеріи, оспы не прекращались, что въ плохіе годы $^1/_4$—$^1/_5$ населенія жили подаяніями, что во многихъ мѣстностяхъ смертность всегда превышала рождаемость и вообще продолжительность человѣческой жизни была въ среднемъ не болѣе 25 лѣтъ [4]).

Тенъ сравниваетъ французскій народъ наканунѣ революціи съ человѣкомъ, находящемся по горло въ водѣ и рискующимъ при малѣйшемъ пониженіи дна, при небольшомъ хотя бы волненіи, потерять почву подъ ногами и утонуть [5]). Такой волной явилась повидимому попытка сеньоровъ во второй половинѣ XVIII вѣка возстановить свои прежніе права на чинши и ренты, которые уже давно не осуществлялись Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне заявляли, что имъ неизвѣстно, кому принадлежитъ земля, на которой они сидятъ, они десятилѣтіями не платили никакой ренты, не отбывали сеньоріальныхъ повинностей; сеньоры не требовали отъ нихъ ничего, такъ какъ уже ихъ предки перестали получать эти платежи. Сеньоріальный режимъ, уже и такъ значительно измѣнившій свой прежній характеръ и постепенно исчезавшій, грозилъ окончательно прекратиться. Однако этому не суждено было совершиться. Сеньоры стали взыскивать накопившіяся за много лѣтъ недоимки, возстановлять давно прекратившіеся платежи, доискиваться своихъ старыхъ правъ. „Съ одного конца Франціи до другого—говоритъ Шере—сеньоры стали провѣрять свои документы, возобновлять свои terriers, выкапывать права, отъ которыхъ имѣли благоразуміе отказаться ихъ предки, изобрѣтать новыя, возбуждать безконечные процессы противъ недоимочныхъ крестьянъ, вести съ ними безжалостную борьбу“. (Cherest. Chute de l'anc. rég. I. 50). Попытка сеньоровъ осуществить на практикѣ стоявшія на бумагѣ, хотя заглохшія уже права должна были привести къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ такого же рода дѣйствія, происходившія въ Англіи за четыре вѣка до того.

ГЛАВА V.

Аграрный строй въ Германіи.

При изученіи аграрнаго строя Германіи въ предшествующіе вѣка необходимо исходить изъ установленнаго Георгомъ Кнаппомъ различія между Grund-

[1]) Young. I. p. 31. 38. 53. 69. 148.

[2]) Calonne. p. 211—217. Sée. p. 466—67. Bernier. p. 26. 51—52. Babeau. p. 102 и сл. 112 и сл.

[3]) Young. I. p. 73. 78.

[4]) Levasseur. Population francaise. I. 1889. p. 258 и сл. 278. Babeau. p. 120. 100. Calonne. p. 227 и сл. Sée p. 471. 489—91. Brutails. p. 41. 103. Bernier. p. 30—32. 43 и сл. 64—71.

[5]) Taine p. 440.

herrschaft и Gutsherrschaft [1]). Grundherrschaft обозначаетъ тотъ сеньоріальный строй, который покоится всецѣло на полученіи сеньоромъ отъ крестьянъ извѣстныхъ рентъ, чиншей и платежей, тогда какъ самостоятельнаго хозяйства сеньоръ не ведетъ, не становится помѣщикомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Иное дѣло Gutsherrschaft: и здѣсь имѣются платежи въ пользу сеньора, но на первомъ планѣ стоятъ не эти доходы, получаемые съ крестьянскихъ земель, а тѣ, которые сеньоръ извлекаетъ посредствомъ веденія своего помѣщичьяго хозяйства; онъ является прежде всего сельскимъ хозяиномъ, обрабатывающимъ землю за свой страхъ и рискъ посредствомъ подневольнаго труда своихъ крѣпостныхъ.

Различіе проводится между Западомъ и Востокомъ: Франція и вся западная Германія представляютъ собою страны сеньоріальнаго, основаннаго на крестьянскихъ платежахъ, аграрнаго строя, восточная Германія и далѣе Польша и Россія являются государствами съ помѣщиками—сельскими хозяевами, имѣющими самостоятельное хозяйство. Характерную черту первыхъ составляетъ мелкое крестьянское хозяйство, уплачивающее оброкъ, вторыхъ—крупныя помѣщичьи хозяйства, обрабатываемыя барщиннымъ трудомъ [2]).

Это разграниченіе двухъ системъ аграрнаго строя имѣетъ несомнѣнно научное значеніе, въ частности въ отношеніи Германіи оно указываетъ на тотъ историческій процессъ, который въ результатѣ создалъ двѣ столь отличныя по своему характеру и экономическимъ условіямъ и интересамъ, отдѣляемыя другъ отъ друга Эльбой, части Германской имперіи — западъ (Баденъ, Вюртембергъ, прирейнскія мѣстности и т. д.) и востокъ (главнымъ образомъ восточныя прусскія провинціи, Мекленбургъ и т. д.). Западная Германія въ XVI—XVIII ст. представляетъ собою какъ бы естественное продолженіе Франціи: и тутъ и тамъ то развитіе аграрнаго строя, которое началось уже съ XII — XIII ст., совершается и впослѣдствіи въ томъ же направленіи. Крупныя помѣстья — виллы ранняго средневѣковья (въ особенности эпохи карловинговъ) распались на отдѣльныя части, связь между ними и цѣлымъ—сеньоріальнымъ управленіемъ сокращалась, самостоятельное хозяйство сеньора все болѣе исчезало, а вмѣстѣ съ нимъ уменьшалась и барщина, зависимость крестьянскихъ держаній теряла свой прежній характеръ, сведясь къ опредѣленнымъ платежамъ и оброкамъ. Возьмемъ ли мы Баденъ, гдѣ маркграфъ почти на пространствѣ всего герцогства сосредоточивалъ сеньоріальныя права въ своихъ рукахъ,—и верховное право на землю, и права личнаго характера, и патримоніальную юрисдикцію (лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ были вкраплены тѣ или другія права отдѣльныхъ сеньоровъ), мы найдемъ здѣсь почти полную собственность крестьянъ на землю, которую держатель можетъ свободно отчуждать, обременять долгами, а въ извѣстныхъ предѣлахъ и дѣлить; на ней лежатъ лишь опредѣленные чинши (въ деньгахъ и натурѣ, особенно въ видѣ куръ), платежи при продажѣ, обмѣнѣ или наслѣдованіи ($^1/_3$ — $^1/_5$) — соотвѣтственно французскимъ lods et ventes и rachat; существовала и небольшая барщина (2—4 недѣли въ году), какъ результатъ сеньоріальной юрисдикціи [3]). И въ Баденѣ охотничьи наклонности маркграфа наносили большой вредъ крестьянамъ, которымъ несмотря на доброжелательное отношеніе къ нимъ государей-сеньоровъ, запрещалось бороться съ кабанами, иногда даже днемъ стадами опустошавшими виноградники, запрещалось и устраивать изгороди съ заостренными кольями и выше чѣмъ до пояса, такъ какъ

---

[1]) Это подраздѣленіе производится независимо отъ ук. выше дѣленія сеньоріальныхъ правъ на Leibherrschaft, Grundherrschaft и Gerichtsherrschaft.

[2]) См. особ. Georg Knapp. Bauernbefreiung. 1887. B. I. Einleitung. Fuchs. Epochen der deutschen Agrargeschichte. Caro. Probleme der deutschen Agrargeschichte. Jordan-Rozwadowski. Die Bauern des 18. Jahrh. Lamprecht. Deutsche Geschichte. B. IX. 1907. p. 217—282.

[3]) Ludwig. 18—32. 52—65. 85—86.

иначе дичь при перескакиваніи черезъ нихъ (на крестьянскія поля) могла бы повредить себѣ [1]).

Или обратимся къ сѣверозападной Германіи, гдѣ территорія распадалась на многочисленныя мелкія княжества и графства (Брауншвейгъ—Вольфенбюттель, Геттингенъ-Грубенгагенъ, Бременъ, Верденъ, Гилдесгеймъ, Люнебургъ, Каленбергъ, Ганноверъ и др.), мы и здѣсь увидимъ, какъ съ XIV—XV вѣка крестьяне (мейеры) постепенно превращаются въ наслѣдственныхъ держателей, и уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка правильно уплачивавшій чиншъ держатель, хотя юридически и могъ быть смѣщенъ помѣщикомъ, но фактически сохранялъ пожизненно свое держаніе, а нерѣдко передавалъ его и своимъ наслѣдникамъ. Превращеніе государственной властью въ теченіе XVI вѣка чиншей въ разъ навсегда установленные платежи, размѣръ которыхъ не можетъ повышаться, запрещеніе произвольно удалять крестьянъ съ ихъ дворовъ, а въ различныхъ мѣстностяхъ и прямое признаніе держаній наслѣдственными (въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка) укрѣпило эту уже фактически устанавливавшуюся наслѣдственность и превратило крестьянскія земли въ ихъ частную собственность, обремененную лишь чиншемъ и десятиной, рѣдко барщиной, и ограниченную обязанностью испрашивать разрѣшеніе сеньора при отчужденіи земли [2]).

И точно также и государства средней Германіи, будетъ ли то Ангальтъ, Липпе или курфюрство Саксонское, обнаруживаютъ преобладаніе въ видѣ наслѣдственной аренды (превратившейся въ таковую изъ пожизненной) съ правомъ обремененія земли долгами съ разрѣшенія помѣщика и правомъ отчужденія ея на основаніи одного лишь заявленія и даже безъ этого; отнятіе участка допускалось лишь въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, въ особенности въ случаѣ неплатежа чинша въ теченіе ряда лѣтъ, веденія плохого хозяйства, совершенія преступленія.

Правда, рядомъ съ этимъ urgens et improvisa necessitas, т. е. крайняя потребность въ земельномъ участкѣ со стороны помѣщика, давала ему право отнять землю у крестьянина, и въ различныхъ мѣстностяхъ сѣверозападной Германіи помѣщики дѣлали попытки расширенія этимъ путемъ своихъ владѣній; если въ большинствѣ случаевъ съ такихъ присоединенныхъ къ помѣстью земель они, однако, обязаны были уплачивать попрежнему всѣ слѣдуемыя съ крестьянскихъ держаній государственныя подати, то въ сѣверномъ Ганноверѣ и этого постановленія не существовало, что значительно облегчило образованіе крупныхъ дворянскихъ и церковныхъ помѣстій въ эпоху обезлюденья деревень во время Тридцатилѣтней войны (Wittich. 57. 61. 393—98. 406—7). И въ образовавшихся такимъ путемъ крупныхъ помѣстьяхъ, гдѣ велось самостоятельное хозяйство съ производствомъ хлѣба на вывозъ, существовала и довольно тяжелая барщина въ видѣ разнообразныхъ работъ по обработкѣ помѣщичьей земли и перевозки хлѣба, упряжныхъ и ручныхъ. но всегда въ разъ на всегда установленномъ количествѣ дней (1—2 или 1—3) въ недѣлю безъ права помѣщика ихъ произвольно увеличивать. Вообще связь между самостоятельнымъ веденіемъ хозяйства помѣщиками и барщиной здѣсь выступаетъ весьма рѣзко наружу: только тамъ, гдѣ имѣлись такія помѣстья, барщина не была замѣнена денежными оброками. Но случаи такого рода составляли явленіе довольно рѣдкое, ибо крупныя помѣстья далеко не играли той роли въ сѣверо-западной Германіи, какъ въ сѣверо-восточной; помѣщики и не стремились къ этому, и владѣнія отдѣльныхъ сеньоровъ обыкновенно не составляли чего-либо цѣльнаго, будучи разбросаны по частямъ въ различныхъ мѣстностьхъ (Wittich. 14—17. 185 и сл. 217—19): подобно тому, какъ современный капиталистъ не обязанъ быть собственникомъ всѣхъ акцій какой-либо фабрики, такъ и помѣщикъ того времени не долженъ былъ непремѣнно обладать верховной властью надъ всѣми крестьянами данной общины—говоритъ Георгъ Кнаппъ (Grundherrsch. p. 85).

Но конечно и въ области земельнаго строя, какъ и въ сферѣ ограниченій личной свободы, переходъ отъ Франціи и западной Германіи къ Пруссіи, австрійскимъ землямъ, Мекленбургу и Гольштиніи совершался посте-

[1]) Ibid. p. 92.
[2]) Wittich, p. 21. 26. 32—35. 44. 63—7. 82—3. 358. 377—392. 409—11.

ненно. Такую переходную ступень представляла собою въ особенности Баваріи, гдѣ рядомъ съ наслѣдственными и пожизненными держаніями встрѣчаются и такія, которыя могутъ быть отняты помѣщикомъ въ любое время (Freistift), хотя онъ долженъ былъ имѣть къ этому какую либо основательную причину. Въ связи съ этимъ и крупныя помѣщичьи хозяйства были въ Баваріи гораздо больше распространены, чѣмъ въ западной Германіи; хотя земское право 1616 г. значительно сократило барщину, лишая этимъ владѣльцевъ обширныхъ помѣстій соотвѣтствующихъ рабочихъ силъ, но уже съ XVI вѣка здѣсь совершался процессъ, именуемый „Bauernlegen“. При наличности т. наз. „дурныхъ“ правъ на землю (т. е. не на наслѣдственныхъ и не пожизненныхъ) это и не было удивительно, ибо такіе участки помѣщикъ имѣлъ полное право присоединить къ своему хозяйству,—между этими двумя моментами, характеромъ держаній и распространеніемъ крупныхъ помѣстій примѣръ Баваріи позволяетъ установить несомнѣнное взаимодѣйствіе.

Однако, полосой широкаго распространенія крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ являются мѣстности, лежащія къ востоку отъ Эльбы; разбросанныя тамъ и сямъ въ средней Германіи, въ особенности въ Липпе-Детмольдъ, Ангальтѣ, Баваріи помѣстья знаменуютъ собою лишь преддверье къ господству этого характернаго для странъ по ту сторону Эльбы, для восточной части Германіи аграрнаго строя.

Лудвигъ и Теодоръ Кнаппъ усматриваютъ отличительную особенность этихъ восточныхъ мѣстностей въ томъ, что здѣсь вся сеньоріальная власть какъ надъ личностью крестьянина, такъ и надъ землей и наконецъ въ видѣ патримоніальной юрисдикціи соединяется въ однихъ рукахъ, въ лицѣ одного и того же помѣщика [1]). Еще болѣе подчеркиваетъ соединеніе патримоніальной юрисдикціи надъ цѣльнымъ замкнутымъ комплексомъ владѣній съ верховнымъ правомъ на землю (въ восточной Германіи) Іорданъ-Розвадовскій [2]), а Каро утверждаетъ даже, что лишь въ качествѣ лица, обладающаго юрисдикціей помѣщикъ могъ требовать отъ крестьянъ столько барщины, сколько считалъ нужнымъ и только этимъ, по его мнѣнію, можно объяснить то сильное распространеніе барщины, которое мы находимъ на востокѣ [3]). Однако, несостоятельность такого рода противопоставленія восточной Германіи западной выясняется уже изъ факта сосредоточенія троякаго рода власти (надъ личностью, на землю и юрисдикціонной) въ рукахъ французскихъ помѣщиковъ, и если мы и находимъ въ Баденѣ, Эльзасѣ, Ганноверѣ, Баваріи отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, которымъ не принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сеньоріальная юрисдикція надъ ихъ крестьянами, то все же по общему правилу эти обѣ власти не перекрещиваются: маркграфъ баденскій, крупнѣйшій землевладѣлецъ въ странѣ, есть въ то же время и единственное лицо, обладающее юрисдикціей, въ Липпе, Ангальтѣ, Вюртембергѣ территоріальные государи и въ Нижней Саксоніи помѣщики представляютъ собою и юрисдикціонную власть и сеньоріальную, только первая шире послѣдней и распространяется и на мѣстности, гдѣ они не являются землевладѣльцами. Сосредоточеніе въ рукахъ государей сеньоріальной власти по крайней мѣрѣ всегда сеньоріальной юрисдикціи, а частью и верховнаго права собственности на землю составляетъ гораздо болѣе характерную черту западной Германіи въ отличіе отъ восточной, гдѣ всякій помѣщикъ есть самъ себѣ государь и гдѣ королевскія домены имѣли значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что на нихъ могли производиться первые эксперименты раскрѣпощенія крестьянъ.

Виттихъ подчеркиваетъ самостоятельность помѣстій восточной Германіи, ихъ цѣльность какъ въ юридическомъ отношеніи—такъ какъ государственная власть не играла никакой роли—такъ и въ экономическомъ смыслѣ, ибо помѣстье состояло изъ двухъ тѣсно связанныхъ частей—земли, непосредственно обрабатываемой за счетъ помѣщика, и земли крестьянской, поставляющей ему необходимую рабочую силу,—въ то время, какъ въ западной Германіи этой связи

[1]) Ludwig, p. 18—19. Theodor Knapp. Grundherrschaft, p. 75—81.
[2]) Iordan—Rozwadowski, p. 363.
[3]) Caro. Probleme, p. 439.

не существуетъ и помѣщичья земля является въ сущности не болѣе какъ привилегированнымъ земельнымъ участкомъ, по своимъ размѣрамъ нерѣдко не многимъ превышающимъ обычныя крестьянскія держанія [1]). Въ восточной Германіи и эти крестьянскія держанія были часто крупныхъ размѣровъ, а тѣмъ болѣе земли, предназначенныя для помѣщичьяго хозяйства. „Когда возможность пріобрѣтенія добычи посредствомъ войнъ и набѣговъ исчезаетъ, тогда аристократія приступаетъ къ расширенію своихъ владѣній частью путемъ захвата общинныхъ угодій, лѣсовъ и невоздѣланныхъ пустошей, частью же и прежде всего отнятіемъ земли у крестьянъ и присоединеніемъ ея къ помѣщичьему хозяйству". (Brünneck). Въ курфюршествѣ бранденбургскомъ, въ Средней Маркѣ за полъ столѣтія, предшествующія Тридцатилѣтней войнѣ, было выкуплено 426 крестьянскихъ участковъ, составлявшихъ въ общей сложности $1563^1/_3$ гуфъ и площадь помѣщичьихъ земель (хозяйствъ) возросла вполтора раза—съ 3228 до 4792 гуфъ [2]). Въ Богеміи въ первой половинѣ XVII вѣка образуются латифундіи въ 20—30 тысячъ моргеновъ пахатной земли, луговъ и пастбищъ [3]). А въ Мекленбургѣ изъ $12^1/_2$ тыс. крестьянскихъ дворовъ, насчитывавшихся въ эпоху Тридцатилѣтней войны, въ 1848 г. сохранилось всего 1213. Усадьбы мекленбургскихъ дворянъ, которые отнимали у своихъ крестьянъ землю, сравнивались съ берлогами хищныхъ звѣрей, которые опустошаютъ все окружающее и создаютъ тишину кладбища [4]).

Первопачально присоединеніе крестьянскихъ дворовъ совершалось на вполнѣ законномъ основаніи: вслѣдствіе ухода крестьянъ въ города и оставленія ими незаселенныхъ дворовъ, либо посредствомъ покупки земель у крестьянъ съ ихъ согласія, или же въ видѣ отнятія земли у крестьянъ, небрежно ведущихъ хозяйство и не отбывающихъ возложенныхъ на нихъ повинностей Къ этому присоединилось вскорѣ и лишеніе крестьянъ земли, хотя и съ вознагражденіемъ ихъ, съ цѣлью устройства на нихъ новой помѣщичьей усадьбы и веденія самостоятельнаго хозяйства, что должно было повести, вслѣдствіе широкаго толкованія, къ сильному обезземеленью крестьянъ: курфюрсты бранденбургскіе уже въ 1540 и 1572 г.г., ссылаясь на издавна существующій обычай, разрѣшаютъ выкупъ крестьянскихъ земель, если помѣщикъ самъ желаетъ проживать на этихъ участкахъ [5]).

Если необходимость уплаты за отнятыя земли свидѣтельствуетъ о наличности у крестьянъ извѣстныхъ правъ на нихъ, то впослѣдствіи въ эпоху Тридцатилѣтней войны помѣщики не только имѣли всѣ основанія присоединять къ своимъ имѣніямъ покинутые въ большомъ количествѣ дворы, образуя такимъ путемъ крупныя помѣстья, но и пользуясь обезлюденіемъ селъ, могли заселять ихъ новыми колонистами на новыхъ условіяхъ, при которыхъ эти держатели могли бы быть лишены въ любое время занимаемыхъ ими участковъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ въ Пруссіи наслѣдственныя держанія, они сильно отличались отъ западно-германской наслѣдственной аренды, ибо получивъ во время Тридцатилѣтней войны отъ помѣщика даромъ опустошенный участокъ съ нѣкоторымъ инвентаремъ, крестьянинъ естественно не обладалъ никакими правами на это имущество, не могъ не только отчуждать или закладывать землю, но не вправѣ былъ даже распоряжаться домомъ или живымъ инвентаремъ: кромѣ урожая ничто ему не принадлежало. Въ всѣхъ этихъ отношеніяхъ такія держанія почти не отличались отъ временныхъ, которыя могли быть отняты у крестьянъ въ любое время; разница заключалась лишь въ томъ, что здѣсь земля переходила къ наслѣдникамъ, причемъ, однако, среди нихъ помѣщикъ по своему усмотрѣнію выбиралъ одного и передавалъ ему дворъ, тогда

[1]) Wittich, p. 12—18.
[2]) Grossmann, p. 28.
[3]) Grünberg. Bauernbefreiung, p. 39. 106.
[4]) Sugenheim, p. 433.
[5]) Georg Knapp. Bauernbefreiung, p. 37—39. Grossmann, p. 15.

какъ во второмъ случаѣ—ненаслѣдственные ласситы—крестьянинъ былъ ничѣмъ инымъ какъ батракомъ, который въ видѣ вознагражденія за свой трудъ—отбываемую имъ барщину—получалъ въ пользованіе избу и клочекъ земли. Въ Мекленбургѣ, Гольштиніи, Лифляндіи, Богеміи (uneingekaufte Rustikalisten), Моравіи, Помераніи, Восточной Пруссіи такого рода держанія во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка были господствующими и хотя фактически нерѣдко, хотя далеко не всегда, и они переходили къ наслѣдникамъ, но зависѣло это все же отъ воли помѣщика, и общій принципъ былъ тотъ, что „крестьянинъ не долженъ днемъ приготовлять себѣ постель, такъ какъ онъ не можетъ знать, будетъ ли онъ еще ночевать на томъ же мѣстѣ“ [1]).

При такихъ условіяхъ помѣщикъ имѣлъ конечно полную возможность присоединять къ своимъ имѣньямъ земли цѣлыхъ селъ, какъ это совершалось въ Мекленбургѣ, Помераніи, Силезіи, и неудивительно, что въ Средней Маркѣ (Бранденбургское курфюрство) число крестьянскихъ дворовъ съ 1624 до 1727 г. сократилось съ 7600 до 6922 [2]). Такими постановленіями, какъ указъ 1616 г. въ Померавіи, 1621 г., 1633 г., 1654 г. въ Мекленбургѣ, допускавшими неограниченное „Abschlachten der Bauern“, вполнѣ признавалось отсутствіе у крестьянъ какихъ-либо правъ на землю. И какъ въ этихъ странахъ, такъ и въ Шлезвигъ-Гольштиніи и др. вплоть до начала XIX вѣка не издавалось никакихъ распоряженій въ защиту крестьянскаго населенія [3]).

Иное дѣло въ Пруссіи и Австріи: здѣсь была сдѣлана попытка борьбы съ „Bauernlegen“, вызывавшаяся соображеніями фискальнаго свойства: правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы помѣщичья земля (Rittergut), освобожденная отъ земельной подати, не расширялась на счетъ крестьянской. По этой причинѣ, однако, дѣло ограничивалось первоначально постановленіемъ, что характеръ (крестьянскихъ) земель остается тотъ же, независимо отъ того, кто въ данное время владѣетъ ими, и слѣд. уплачиваются тѣ же подати (указъ 1669 г. для Моравіи, 1717 г. для Богеміи), чѣмъ какъ бы санкціонировался захватъ крестьянскихъ земель; или же (впослѣдствіи, частью въ виду того, что подати въ этихъ случаяхъ перелагались на остальныя крестьянскія земли) мѣропріятія правительства выражались въ требованіи, чтобы на крестьянскихъ земляхъ никто кромѣ крестьянъ не сидѣлъ (указъ для Богеміи 1751 г., Моравіи и Силезіи 1768—1771 г.г., эдикты Фридриха I, 1709 г. и Фридриха-Вильгельма 1714 и 1717 г.г.), причемъ и здѣсь участь каждаго отдѣльнаго крестьянина не охранялась, а забота распространялась лишь на все крестьянство въ цѣломъ, ибо было безразлично, кто изъ крестьянъ сидѣлъ на данномъ дворѣ. Однако даже эти умѣренныя постановленія не достигали своей цѣли, и когда Фридрихъ-Вильгельмъ I, возмущенный поведеніемъ своего родственника Маркграфа Шведтскаго, издалъ въ 1739 г. приказъ: „чтобы ни одинъ васаллъ, кто бы онъ ни былъ, начиная отъ маркграфовъ и вплоть до самаго низшаго, не смѣлъ прогонять крестьянъ съ ихъ дворовъ безъ достаточнаго основанія и безъ немедленной передачи двора другому крестьянину“,—дворянство Восточной Пруссіи отказалось выполнить этотъ указъ, ссылаясь на то, что на королевскихъ доменахъ производится такое же сокращеніе крестьянскихъ дворовъ, и ему удалось добиться измѣненія этого указа въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи надлежащихъ крестьянъ для передачи имъ освободившихся участковъ, такая передача не обязательна; это конечно лишало эдиктъ всякаго реальнаго значенія.

---

[1]) Hanssen. Die Aufhebung der Leibeigenschaft etc. in Schleswig und Holstein, p. 17. Georg Knapp, p. 47—50. Grünberg, p. 55 и сл. 70. Grossmann, p. 90 и сл. Brünneck. Leibeigenschaft in Pommern., p. 104 и сл. Fuchs. Der Untergang der Bauernstandes.

[2]) Grossmann, p. 71.

[3]) Böhlau. Leibeigenschaft in Mecklenburg. p. 409—10. Georg Knapp. II. 21. Lamprecht. Deut. Gesch. B. IX, p. 260. Fuchs, p. 17—18. 43 и сл. 68 и сл.

Еще менѣе могли быть осуществлены на практикѣ мѣропріятія, не ограничивавшіяся запрещеніемъ лишенія крестьянъ земли въ будущемъ, но имѣвшія въ виду возстановленіе отнятыхъ у нихъ ранѣе и присоединенныхъ къ другимъ крестьянскимъ участкамъ или помѣщичьимъ владѣніямъ земель,— цѣль, преслѣдуемая Маріей Терезіей и Фридрихомъ Великимъ: земли, принадлежавшія крестьянамъ, въ Силезіи до 1733 г., въ Богеміи до 1751 г. и въ Моравіи до 1776 г., въ Пруссіи до Семилѣтней войны (т. е. до 1756 г.), подлежали возвращенію. Въ Восточной Пруссіи указъ Фридриха Великаго вовсе не былъ приведенъ въ исполненіе, какъ это обнаружилось въ 1806 году (и тогда 1756 г. былъ замѣненъ 1772), Западная Пруссія была присоединена лишь въ 1772 г., такъ что указъ могъ быть примѣненъ лишь значительно позже. Только въ Силезіи онъ строго проводился, не взирая на личность землевладѣльца, и возстановленныя дворы составили $3^1/_2$ проц. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Но въ 1807, а еще болѣе въ 1816 г., всякая охрана крестьянскихъ земель была отмѣнена; въ Австріи же она продолжала дѣйствовать вплоть до 1848 года [1]).

Крестьяне разсматривались какъ принадлежность даннаго помѣстья, какъ вещь, но находящаяся въ собственности не лица, а другой вещи [2]); въ Помераніи ихъ называли недвижимостью, капиталомъ, вложеннымъ въ помѣстье и оцѣненнымъ вмѣстѣ съ послѣднимъ [3]),—что не мѣшало впрочемъ, какъ мы видѣли выше, продавать крестьянъ и отдѣльно отъ земли. Вся ихъ рабочая сила принадлежала помѣстью, барщина не была ограничена,—такая не регулированная барщина считалась „прекраснѣйшей жемчужиной дворянскихъ имѣній“ [4]), и съ расширеніемъ послѣднихъ и барщина должна была возрастать, ибо „воздѣлывать поля наемными людьми значило бы черпать воду рѣшетомъ“,—гласитъ чешская пословица [5]). Все свое время крестьянинъ проводитъ на помѣщичьихъ поляхъ, подгоняемый управителями съ кнутомъ въ рукахъ, (почему ихъ и называли въ Австріи „карабачниками“) [6]) и лунными ночами онъ вынужденъ пользоваться для обработки пзнуренными лошадьми своего собственнаго участка, какъ это сообщали очевидцы на основаніи своихъ наблюденій въ Помераніи и Гольштиніи [7]). Если, какъ утверждаетъ Кнаппъ, крѣпостное право поздняго какъ и ранняго средневѣковья не было институтомъ, предназначеннымъ для мученія людей, [8]) то подобная характеристика наоборотъ примѣнима къ крѣпостничеству, которое мы находимъ въ восточной Германіи въ XVII—XVIII ст., гдѣ барщина превратилась въ „египетскія казни“, въ мученія, какихъ себѣ не позволяютъ „даже турки и другіе язычники“, не оставляя крестьянину „ничего кромѣ жизни въ голодѣ и нищетѣ“ и приводя отъ времени до времени къ бунтамъ, сопровождающимся жестокостямъ съ обѣихъ сторонъ [9]).

Различіе въ характерѣ аграрнаго строя отразилось и на ходѣ освобожденія крестьянъ и самыхъ условіяхъ его. Въ Англіи въ сущности никакого освобожденія крестьянъ не было, повинности и платежи сами собою въ силу обычнаго права постепенно исчезали; не было его и во Франціи, ибо отмѣна въ теченіи нѣсколькихъ часовъ (съ 8 час. веч. до 2 час. ночи) того, что было создано тысячелѣтіемъ (знаменитая „Варѳоломеевская ночь привилегій и злоупотребленій“ 4 августа 1789 г.) съ дополнительнымъ уничтоженіемъ всѣхъ феодальныхъ правъ безъ вознагражденія, по законамъ 28 авг. 1792 г. и 17 іюля 1793 г. едва ли подходитъ подъ это понятіе.

[1]) Dessmann. p. 95 и сл. Grünberg. I. p. 56. 121—123. 242—253. Knapp. I. p. 51—55. Grossmann. 88. Golz. I, 421.
[2]) Böhlau. p. 413.
[3]) Fuchs. p. 174—176.
[4]) Hausmann. p. 60.
[5]) Grünberg I. p. 38.
[6]) Ibid. I. 107.
[7]) Hanssen. p. 25. Knapp. I. 70.
[8]) Knapp. Grundherrschaft. p. 84.
[9]) Knapp. I. p. 41. II. 44. Grünberg. I. p. 102. 128—130.

Только въ Савоѣ, которая всегда придерживалась принцина „sempre avanti Savoia“, Карлъ Эммануилъ III, о которомъ Фридрихъ Великій говорилъ, что безъ короля Сардинскаго онъ считалъ бы для себя позорнымъ быть королемъ, не дожидался революціи, говоря, что государь долженъ принимать реформы ранѣе, чѣмъ ихъ требуютъ подданные, и находя, что, подобно тому, какъ для сооруженія улицъ, церквей, крѣпостей можно экспропріировать владѣльцевъ земли, и вредное для общества учрежденіе можетъ быть отмѣнено противъ воли заинтересованныхъ лицъ. Если первый эдиктъ 1762 г., уничтожавшій окончательно фактически уже исчезнувшія ограниченія личной свободы, не имѣлъ долго реальнаго значенія, ибо за нѣчто абстрактное, обидное лишь по своему названію, крестьяне не желали платить чего то вполнѣ конкретнаго—денегъ (выкупъ былъ факультативный), то слѣдующій, изданный спустя 10 лѣтъ, эдиктъ 1772 г., отмѣнявшій чинши, ренты, платежи при переходѣ имущества и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь феодальный строй, былъ встрѣченъ крестьянами съ энтузіазмомъ и повсюду общины постановили произвести выкупъ. Несмотря на протестъ сеньоровъ, что земля вся принадлежитъ имъ, что король своимъ ордонансомъ уничтожаетъ дворянство и остается одна лишь денежная іерархія. что всѣ существовавшіе до сихъ поръ платежи справедливы, что если уничтожать все, что можетъ быть сопряжено со злоупотребленіями, то ничего не останется,—все же въ 1792 г., когда маркизъ Монтескіу, генералъ французской республики, перешелъ чрезъ границу Савои, феодальный режимъ былъ отмѣненъ и лишь половина выкупныхъ платежей осталась еще не уплаченной, выплата ихъ и прекратилась. (Darmstädter. p. 33. 34—36. 41—60).

Сходство между аграрнымъ развитіемъ французскихъ территорій и западной Германіи обнаруживается ясно при сопоставленіи съ изложеннымъ хода освобожденія крестьянъ въ Баденѣ, гдѣ маркграфъ Карлъ Фридрихъ, одинъ изъ первыхъ послѣдователей ученія физіократовъ, извѣстный своей попыткой введенія единаго поземельнаго налога (въ трехъ общинахъ), по рецепту физіокатовъ,—не ограничился полной отмѣной личной несвободы въ 1783 г., однимъ своимъ названіемъ (Leibeigenschaft) вызывавшей возмущеніе, но и сдѣлалъ попытку отмѣны всѣхъ постоянныхъ платежей, обременявшихъ землю, которая превращалась въ полную собственность крестьянъ, съ уплатой 25-кратнаго размѣра этихъ платежей. Послѣднее правда, будучи, въ противоположность первой мѣрѣ, связано съ уплатой денегъ, имѣло первоначально мало реальнаго значенія и подвигалось весьма медленно; лишь значительно позже окончательно были уничтожены всѣ остатки крѣпостнаго строя. (Ludwig. p. 132 и сл. 140 и сл. 145 и 184).

Хотя и въ западной Германіи процессъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія растянулся на весьма значительный періодъ времени, но все же здѣсь онъ происходилъ съ гораздо меньшими треніями и значительно легче, чѣмъ въ восточныхъ областяхъ. Въ отношеніи ограниченій личнаго характера рѣчь шла въ сущности лишь объ уничтоженіи „самаго имени рабства“, которое ложилось позорнымъ пятномъ на данномъ слоѣ населенія; что же касается верховныхъ правъ помѣщика на землю, то раскрѣпощеніе сводилось къ замѣнѣ ежегодныхъ платежей уплатой опредѣленной, такъ или иначе исчисленной, капитальной суммы. Положеніе помѣщиковъ отъ этого нисколько не измѣнялось, необходимо было лишь найти приложеніе для этихъ капиталовъ, которое доставляло бы столь же вѣрные доходы, какъ ранѣе. Иное дѣло къ востоку отъ Эльбы—здѣсь нужно было еще начинать съ начала, создавъ свободу личности крестьянина, превратить его изъ безправнаго арендатора въ собственника земли, перевести барщину на деньги; послѣднее было сопряжено съ особенно большими трудностями, ибо возможность дальнѣйшаго веденія хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ зависѣла для помѣщика отъ наличности безземельныхъ сельскихъ батраковъ, которыми можно было бы замѣнить подневольную рабочую силу — барщинный трудъ. Поэтому здѣсь долгое время реформы ограничивались одними королевскими доменами, не затрагивая частныхъ помѣстьевъ. Только личная свобода крестьянъ (въ Австріи въ 1786 г., въ Пруссіи въ 1707 г.) была установлена и на послѣднихъ. Выкупъ же крестьянскихъ земель и окончательное уничтоженіе сеньоріальнаго строя совершилось лишь въ связи съ революціей 1848 г.

Подобно тому, какъ еще въ средніе вѣка и въ XVI ст. короли французскіе и испанскіе производили личное освобожденіе крестьянъ на своихъ имѣніяхъ, подобно маркграфу баденскому и королю баварскому, и Марія-Терезія въ Австріи уничтожила прежнюю систему аграрнаго строя лишь на королевскихъ доменахъ, разбивъ ихъ на небольшіе участки и заселивъ наслѣдственными лично-свободными арендаторами, причемъ, вслѣдствіе прекращенія крупныхъ хозяйствъ, самая потребность въ барщинѣ исчезла [1]). Попытка же Іосифа II въ 1789 г. превратить и на частныхъ помѣстьяхъ всѣ натуральныя повинности и барщинныя работы въ денежные платежи (съ сохраненіемъ ихъ до 18 проц. валоваго дохода земли) оказалась неудачной, ибо не было возможности найти необходимую для крупныхъ помѣстій свободную рабочую силу. Прежняя система сохранилась вполнѣ до 1848 г.: лишь тогда революція заставила осуществить идею Іосифа II въ видѣ превращенія барщины въ выкупные платежи, изъ коихъ крестьяне несли лишь третью часть (другая треть возложена на государство, третья вовсе отброшена) [2]). Только личную свободу (свобода вступленія въ бракъ, избранія занятій, передвиженія, отмѣна дворовой службы) удалось Іосифу II установить и на частныхъ помѣстьяхъ въ 1781 г. Въ Пруссіи даже послѣдняя мѣра могла быть проведена лишь 26 лѣтъ спустя,—для этого необходимо было пережить французскую революцію и полное уничтоженіе монархіи Фридриха Великаго. Затѣмъ Пруссія пошла и дальше, но медленнымъ, черепашьимъ шагомъ, (вплоть до 1850 г.), все время ставя на первый планъ интересы юнкеровъ-помѣщиковъ, ожидая пока образуется обширная армія безземельныхъ голодныхъ батраковъ, увеличивавшаяся дальнѣйшимъ присоединеніемъ крестьянскихъ участковъ къ помѣстьямъ; послѣднему покровительствовало самое законодательство: мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель посредствомъ отдачи части ихъ помѣщикамъ, возникавшая въ другихъ странахъ, въ Савоѣ, Баденѣ, была осуществлена въ Пруссіи (къ востоку отъ Эльбы)—наслѣдственные держатели отдавали $^1/_3$, прочіе половину своего участка землевладѣльцу (законъ 1811 года) [3]). Отсюда то нищенское состояніе сельскаго населенія, которое мы находимъ въ восточныхъ частяхъ Пруссіи и до сихъ поръ.

[1]) Grünberg. l. p. 290 и сл.
[2]) Ibid. I. p. 314 и сл. 375 и сл.
[3]) Georg Knapp. I, p. 161 и сл. 184 и сл.

III. Формы промышленности и рабочій классъ.

Литература. Болѣе старая литература, давая свѣдѣнія о различныхъ отрасляхъ производства и цеховой организаціи, не проводитъ однако различія между рѣмесломъ и кустарной формой производства, а говоритъ лишь о мелкомъ производствѣ („petite industrie", „Kleingewerbe"), а нерѣдко и прямо смѣшиваетъ цеховое производство съ ремесленнымъ: съ другой стороны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ въ источникахъ о крупномъ производствѣ, фабрикахъ или мануфактурахъ принимается существованіе дѣйствительно централизованныхъ мануфактуръ (см. стр. 220). Лишь самыя новыя изслѣдованія избѣгаютъ и этой второй ошибки, они же стараются выяснить не только точнѣе организацію производства, но и матеріальное положеніе рабочихъ. Впервые далъ анализъ кустарной формы производства и охарактеризовалъ ея историческое развитіе на западѣ и у насъ *А. Корсакъ. О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашн. пром.) въ западной Европѣ и въ Россіи* 1861. Сочиненіе его и досихъ поръ сохранило значеніе. Подробно разсмотрѣно возникновеніе и развитіе кустарной промышленности и мануфактуръ этой эпохи и положеніе рабочихъ въ моей *Эволюціи прибыли, т. I.*, а переходъ къ фабричному производству *тамъ же, т. II.*

Англія. Изъ старыхъ сочиненій: *Baines. History of the Cotton Manufacture in Great-Britain.* 1835. *Ellison. Handbook of Cotton Trade.* 1854. *Iames. History of the Worsted manufacture in England.* 1857. Сюда же относится по своему характеру *Rogers. Six Centuries of Work and Wages.* 1884. *Cooke Taylor. Introduction to a history of the factory system.* 1886. Изъ новыхъ особ. цѣнны: *Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle.* 1906. *Lohmann. Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV bis zum XVIII Jahrh.* 1900. *Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands.* 1881 (Есть рус. пер.). *Cunningham. The Growth of English Industry and Commerce in Moderne Times.* Интересныя данныя также у *Ashley. Introduction to English economic History and Theory. T. II. Toynbee. Lectures on the industrial revolution in England.* 1884. *Hobson. The evolution of modern capitalism.* 1894. (первыя главы касаются кустарной промышленности Англіи XVIII ст.), *Marx. Das Kapital. B. I* (особ. важны главы о мануфактурахъ). *Traill. Social England. 6 vol.* (сборникъ статей различныхъ авторовъ; въ отдѣльныхъ томахъ имѣются главы о промышленности каждаго періода). *Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb* (въ началѣ касается XVIII ст.)—Всѣ эти сочиненія имѣются въ русскомъ переводѣ. *Dechesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre.* 1900. (Полная исторія суконной промышленности вплоть до новѣйшаго времени, недурно составленная). *Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. B. I* (главы о цехахъ въ Англіи въ новое время).

Германія. Изъ сочиненій XVII—XVIII ст.—Hornigk. Oesterreich über alles, wenn es nur will etc. 1684. *Joh. Joach. Becher. Politischer Discurs etc.* 1673. *Wilh. Schröder. Die fürstliche Schatz und Rentenkammer.* 1713. *Justus Möser. Patriotische Phantasien. B. I.* 1775. *Lamprecht. Von der Kameralverfassung und Verwaltung der Handwerke, Fabriken und Manufakturen in den preussischen Staaten.* 1797. Цеховые статуты—*Mylius. Corpus Constitutionum Marchicarum.* 1755., рядъ томовъ. *Ortloff. Corpus iuris opificarii.* 1804.

Изъ старыхъ сочиненій: *Biedermann.* Deutschland im 18. Jahrh. B. I. (хозяйственное развитіе). 1854. Изъ новыхъ весьма цѣнны статьи *Schmoller'a* о кустарной промышленности, изучающія общій характеръ возникновенія и развитія кустарнаго производства въ различныхъ мѣстностяхъ

Германіи, сопоставляя съ другими странами, а также характеръ регламентовъ въ кустарной промышленности: *Die Hausindustrie und ihre alteren Ordnungen und Reglements* (Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1887). *Das Recht und die Verbände der Hausindustrie* (тамъ же 1891),—по поводу книгъ Bein'a и Schanz'a, а также соотвѣтствующіе отдѣлы въ его статьяхъ о хозяйственномъ развитіи Пруссіи въ XVIII ст. *Studien über die. Wirtschaftspolitik Friedrichs des Grossen etc. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. Stieda. Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie* (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 1889) разсматриваетъ возникновеніе кустарнаго производства въ различныхъ мѣстностяхъ и даетъ краткій обзоръ литературы, въ особ. въ отношеніи того, насколько выдѣляется эта форма производства изъ прочихъ, притомъ литературы, касающейся какъ современнаго положенія кустарной промышленности, такъ и характера ея въ предыдущіе вѣка. Помимо этихъ сочиненій общаго характера имѣется рядъ чрезвычайно важныхъ трудовъ, посвященныхъ развитію кустарнаго производства XVI—XVIII ст. въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Германіи и дающихъ весьма интересный матеріалъ какъ по вопросу о возникновеніи этой формы производства, такъ и въ отношеніи проблемы о рабочемъ классѣ въ эту эпоху. Таковы: *Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter.* 1897. *Schanz. Kolonisation und Industrie in Franken. Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter* (первыя главы относятся къ XVIII ст.). *Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes.* 1891 (послѣдняя часть посвящена исторіи баденской промышленности до конца XVIII ст.). *Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. Textilindustrie.* 1886 (въ первыхъ отдѣлахъ разсматривается возникновеніе и ростъ кустарной промышленности саксонскаго Фогтланда въ XVII—XVIII ст.). *Thun. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter.* 1880. 2 тома, особ. любопытны отдѣлы о металлическомъ производствѣ въ Золингенѣ и Рула. *Zimmermann. Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien.*

Ремесло и цехи—Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im XIX Jahrh. 1870 (первыя главы) и *его-же. Das brandenburgisch-preussische Innungswesen von* 1640—1806. (Umrisse und Untersuchungen). *Kaizl. Der Kampf um Gewerbereform und Gewerbefreiheit in Bayern von 1799 bis 1868.* Leipzig. 1879 (введеніе). *Молчановскій. Цеховая система Пруссіи XVIII вѣка.* 1886 (подробно разсматриваются всѣ вопросы цеховой организаціи). *Meyer* (Moritz). *Geschichte der preussischen Handwerkerpolitik. T. I-II.* 1884. 1888. *Rohrscheidt. Vom Zunftzwange zur Gewerbefreiheit. Adler. Die Epochen der Deutschen Handwerker-Politik.* 1903.

Спеціально для *Австріи*—цѣнныя изслѣдованія *Max Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich.* 1903 (Wiener staatswiss. Studien. IV). *Pribram. Geschichte der oesterreichischen Gewerbepolitik* (вышелъ первый томъ—XVIII вѣкъ. 1908). Интересныя данныя также у *Beer. Studien zur Geschichte der Oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia. T. I.* 1894 и—касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ—работы *Rizzi. Das oesterreichische Gewerbe im Zeitalter des Merkantilismus.* Zeitschr. für Volkswirtsch. etc. 1903. *Hatschek. Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien.* 1887 (Schmollers Forschungen). *Franz Mayer. Die Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich.* 1882 (эпоха, предшествующая Маріи-Терезіи); поверхностна брошюра (изъ юбилейнаго труда) *Hallwich'a.* Die Anfänge der Grossindustrie in Oesterreich. 1898.

Франція. Levasseur. Histoire des classes ouvrières. 2. éd. T. II. 1901. Спеціально мануфактурамъ посвящены, хотя не проводятъ надлежащаго разграниченія между ними и кустарной формой производства. *Martin.* (Germain). *La grande industrie sous le règne de Louis XIV.* 1898. *Его-же. La grande industrie sous le règne de Louis XV.* 1900. *Des Cilleuls. Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII et XVIII siècles.* 1898. Политика *Кольбера*: *Clément.* Histoire de la vie et de l'administration de Colbert. 1846. *Joubleau* Etudes sur Colbert. 1856. *Neymarck.* Colbert et son Temps. 1877. Цеховая организація: *Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers* (depuis leurs origines jusqu' à leur suppression en 1791). 1897. *Fagniez.* Мануфактуры въ эпоху революціи: *Е. В. Тарле Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи.* 1908.—на основаніи архивнаго матеріала.

Бельгія (и Голландія). *Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle* (Mem. de l'Acad. royale etc. de Belgique. LXIII), весьма цѣнно; *Pringsheim. Die wirtschaftliche Entwickelung der Vereinigten Niederlande im XVII und XVIII Jahrh.* Schmollers Forschungen), много любопытныхъ данныхъ;

Barlet. Histoire de l'industrie et du commerce de la Belgique даетъ мало. *Испанія—Häbler. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI Jahrh. und ihr Verfall* излагаетъ лишь государственную политику, но не самое положеніе промышленности и вообще написанъ въ духѣ старыхъ сочиненій. *Ansiaux. Histoire économique de l'Espagne au XVI et au XVII s.* Révue d'écon. polit. 1893.

ГЛАВА I.

Кустарная или домашняя промышленность.

Производство для городского рынка и городская промышленная политика замѣняется въ XVI—XVIII ст. національной, работающей для всей страны промышленностью и государственной или территоріальной промышленной политикой. Послѣдняя направлена во 1-хъ къ устраненію хозяйственной самостоятельности отдѣльныхъ городовъ, къ уничтоженію ихъ штапельнаго права, въ Бранденбургѣ, напр. большинство городовъ уже не имѣло права задерживать провозимые товары; далѣе къ отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ, отдѣлявшихъ отдѣльныя провинціи и части страны другъ отъ друга, такъ, напр., Кольберъ соединилъ всю сѣверную и среднюю Францію въ одну территорію подъ названіемъ provinces de cinq grosses fermes и уничтожилъ большую часть существовавшихъ въ ихъ предѣлахъ мѣстныхъ таможенъ, замѣнивъ ихъ однимъ общимъ тарифомъ 1664 г., который въ суммѣ былъ ниже того, что прежде платилось на внутреннихъ таможняхъ; въ 1707 г. упразднены таможни, отдѣлявшія Англію отъ Шотландіи. Она направлена, наконецъ, къ устройству шоссейныхъ дорогъ и каналовъ для созданія изъ страны одного общаго, цѣльнаго рынка, къ организаціи почтовыхъ сообщеній и облегченію торговыхъ операцій. (см. ниже). Эта политика—какъ указано выше (стр. 160)—по существу своему не составляя ничего новаго, являлась лишь примѣненіемъ тѣхъ принциповъ протекціонизма, которыхъ придерживались ранѣе отдѣльные города, къ цѣлымъ государствамъ, переходитъ отъ самодовлѣющаго города къ самодовлѣющему государству. Въ средніе вѣка городъ, покровительствуя собственнымъ ремесламъ, не допускалъ привоза произведенныхъ извнѣ промышленныхъ издѣлій, если же въ городѣ не имѣлось какого-либо промысла, то онъ старался переселить къ себѣ иноземныхъ ремесленниковъ соотвѣтствующей спеціальности. Подобно этому и государство XVI—XVIII ст., поощряя конкурренцію внутри страны, старалось запретительными пошлинами и даже запрещеніями ввоза оградить себя отъ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій, и чѣмъ ранѣе устанавливается свобода обмѣна внутри государства (въ Англіи уже въ XV вѣкѣ), чѣмъ раньше устраняются внутреннія преграды, тѣмъ болѣе проводится и государственная запретительная система въ видѣ стѣсненій привоза, перенесенныхъ на границу государства (по мѣрѣ уничтоженія внутреннихъ преградъ); это наиболѣе замѣтно во Франціи, гдѣ начавшійся уже съ половины XVI вѣка процессъ закончился въ 1789 г. отмѣной всѣхъ внутреннихъ таможенъ и установленіемъ одной общей для всей Франціи таможенной границы и протекціоннаго тарифа. И точно также, привлекая различными льготами иностранныхъ мастеровъ, всѣ государства въ XVII—XVIII ст. стараются насадить у себя новыя, отсутствовавшія у нихъ ранѣе отрасли промышленности (производство шелковыхъ и бумажныхъ тканей, кружевъ, зеркалъ, и т. п.). Если городъ стѣснялъ вывозъ хлѣба въ другія мѣстности, желая обезпечить свое населеніе съѣстными припасами, а жителей окрестныхъ селъ заставлялъ пріобрѣтать промышленныя издѣлія на городскомъ рынкѣ, не давая имъ заводить у себя ремесла, то и государство разсматриваемаго періода придерживалось такой-же политики. И оно стѣсняло вывозъ хлѣба изъ страны, въ интересахъ національной промышленности, такъ какъ дешевый хлѣбъ долженъ былъ повлечь за собой и низкую заработную плату (въ такомъ смыслѣ понимались интересы промышленности); оно не

допускало вывоза необходимаго для національной промышленности сырья, въ особ. шерсти, льна. И оно всѣми силами противодѣйствовало развитію промышленности въ селахъ: во Франціи полная свобода въ этомъ отношеніи устанавливается лишь эдиктомъ 1762 г., въ Пруссіи еще въ 1718 г. допускалось лишь извѣстное число мастеровъ различной спеціальности въ деревняхъ; только въ Англіи уже съ конца XVII ст. не дѣлалось стѣсненій, хотя въ теченіе всего XVI вѣка еще не разрѣшалось производство шерстяныхъ издѣлій въ селахъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ этотъ промыселъ уже существовалъ издавна. И точно также колоніи, на которыя государство смотрѣло какъ на расширенную сельскую область метрополій, должны были снабжать послѣднюю сырьемъ для непосредственнаго потребленія, но не могли производить промышленныхъ издѣлій, изъ-за чего въ результатѣ и произошла война между Англіей и ея сѣверо-американскими колоніями, окончившаяся отпаденіемъ (тринадцати) послѣднихъ.

Этотъ переходъ отъ городской къ государственной промышленной политикѣ (меркантилизму) произошелъ конечно лишь постепенно и медленно, въ однихъ государствахъ, какъ въ Англіи, Италіи раньше (уже въ XV вѣкѣ), въ другихъ, Франціи, Пруссіи, Австріи, позже: окончательное объединеніе Франціи въ національное въ хозяйственномъ отношеніи государство совершилось не ранѣе революціи, объединеніе Пруссіи и Австріи только въ XIX вѣкѣ. Борьба съ городами и отдѣльными владѣтельными князьями, отстаивавшими свои привилегіи, была весьма упорна; первоначально въ города проникали лишь издѣлія иного сорта, чѣмъ тѣ, которыя производились на мѣстѣ, лучшаго качества, и лишь шагъ за шагомъ торговцамъ въ борьбѣ съ цехами, опиравшимися на свое исключительное право сбыта промышленныхъ издѣлій, удалось отвоевать себѣ свободу продажи въ городѣ произведенныхъ въ другихъ мѣстахъ промышленныхъ продуктовъ.

Въ результатѣ въ предѣлахъ государства, или по крайней мѣрѣ той или другой части его, возникла конкурренція, образовалось раздѣленіе труда между отдѣльными мѣстностями, которыя стали себѣ вырабатывать различныя спеціальности. Производства, которыя прежде имѣлись повсюду, стали въ различныхъ мѣстахъ исчезать подъ вліяніемъ конкурренціи привознаго товара, какъ, напр., выдѣлка тканей въ XVI—XVII ст. въ цѣломъ рядѣ французскихъ городовъ, металлическіе предметы во многихъ нѣмецкихъ городахъ, вслѣдствіе конкурренціи нюрнбергскихъ (металлическихъ) товаровъ. Въ другихъ мѣстахъ наоборотъ промышленность теперь производила для широкаго рынка: напр., англійская суконная промышленность, ліонская шелковая, солингенскій ножевой промыселъ. А это послѣднее обстоятельство, измѣненіе въ характерѣ сбыта промышленныхъ издѣлій, должно было вызвать перемѣну и въ формѣ производства, ибо съ одной стороны необходимо было посѣщеніе отдаленныхъ рынковъ и слѣд., прекращеніе производства ремесленникомъ на все это время; а съ другой стороны конкурренція требовала большей подвижности въ сбытѣ товаровъ, большаго знакомства съ требованіями покупателей въ различныхъ мѣстностяхъ. По обѣимъ причинамъ средній цеховой мастеръ не въ состояніи былъ сохранить сбытъ въ своихъ рукахъ — онъ не могъ пріостанавливать производства на продолжительное время и не имѣлъ опыта въ торговлѣ, которая составляла для него всегда не главное, а побочное занятіе. Должна была произойти дифференціяція среди цеховыхъ мастеровъ, раздѣленіе функцій продавца и производителя товаровъ, соединявшихся прежде въ лицѣ одного и того же ремесленника. Нѣкоторые, немногіе изъ нихъ, которые обладали коммерческими способностями и успѣли уже ранѣе скопить извѣстный капиталъ, постепенно прекращали производство, все болѣе посвящая себя исключительно сбыту промышленныхъ издѣлій; они превращались въ скупщиковъ-предпринимателей. Первоначально ихъ обороты были еще невелики, они брали лишь часть продуктовъ, изготовленныхъ другими членами цеха, для сбыта ихъ на ярмаркѣ, и по возвращеніи оттуда вновь принимались и сами за работу. Но съ расширеніемъ своей торговой дѣятельности они постепенно сокращали и наконецъ вовсе пре-

кращали производство, сдѣлавъ своей спеціальностью исключительно сбытъ издѣлій, произведенныхъ другими мастерами, которымъ они теперь давали заказы. Послѣдніе, именно огромное большинство мастеровъ, одновременно съ этимъ становились исключительно производителями товаровъ, входя все менѣе и менѣе въ сношенія съ потребителями и сбывая свои продукты однимъ лишь скупщикамъ, отказавшись, слѣд., отъ всякихъ функцій торговца. Такъ возникла домашняя или кустарная промышленность, гдѣ мастеръ, работая попрежнему у себя на дому, въ своей мастерской съ подмастерьями и учениками, не сбывалъ однако, уже продуктовъ потребителю, а доставлялъ ихъ скупщику-предпринимателю, посреднику между нимъ и потребителемъ.

Зачатки этой новой формы производства мы можемъ найти уже весьма рано въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ изготовленія товаровъ цеховыми мастерами по заказу другихъ мастеровъ или купцовъ, но до тѣхъ поръ, пока такіе случаи являлись рѣдкими и по общему правилу мастеръ производилъ непосредственно на потребителя, мы имѣемъ дѣло еще съ ремесленникомъ, а не кустаремъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и отрасляхъ производства уже въ средніе вѣка развитіе идетъ однако гораздо дальше и работа на скупщика становится преобладающей; это совершилось въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда уже въ средніе вѣка допускался свободный привозъ въ города тѣхъ или иныхъ промышленныхъ издѣлій, т. е. тогда, когда какая-либо мѣстность пользовалась фактической монополіей даннаго промысла (см. выше, стр. 97. Отсюда то въ итальянскихъ городахъ, Луккѣ, Венеціи, Генуѣ, которые производили шелковыя ткани для всей Европы, (кромѣ нихъ только Парижъ и Кельнъ имѣли шелковое производство) во фламандскихъ и итальянскихъ городахъ, гдѣ сосредоточивалось производство тонкихъ крашеныхъ сортовъ сукна (Брюгге, Гентъ, Ипръ, Сентъ-Омеръ; Флоренція, Миланъ, Венеція) уже въ XIV ст. развилась кустарная форма производства: продукты изготовлялись не только для мѣстнаго рынка, но также и прежде всего для вывоза, образовался классъ скупщиковъ предпринимателей (то же въ производствѣ металлическихъ издѣлій Нюрнберга, оружія въ Брешіи, Миланѣ, ибо эти города пользовались фактической монополіей этого производства въ средніе вѣка).

Но за исключеніемъ этихъ и только этихъ случаевъ, въ средніе вѣка кустарная промышленность не существовала и не могла существовать въ виду отсутствія широкаго рынка сбыта, и лишь съ измѣненіемъ хозяйственнаго строя въ послѣдующія столѣтія эта форма производства могла получить сильное распространеніе; ибо теперь она соотвѣтствовала новымъ условіямъ сбыта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сохраняла прежній характеръ мелкаго производства и ручной техники, слѣд. не производила никакихъ иныхъ перемѣнъ, не дѣлала рѣзкихъ скачковъ отъ прежней ремесленной формы къ крупному производству (только сбытъ былъ организованъ на началахъ крупнаго предпріятія) и въ глазахъ современниковъ являлась въ сущности тѣмъ же ремесломъ [1]) (только пользовавшимся услугами купца),—что несомнѣнно облегчило ея распространеніе, преодолѣніе тѣхъ препятствій, которыя ей ставились цеховой организаціей.

Препятствія эти заключались прежде всего въ томъ, что, согласно средневѣковымъ цеховымъ статутамъ, каждый мастеръ долженъ былъ самостоятельно сбывать произведенныя имъ издѣлія потребителямъ. Лишь постепенно въ теченіе слѣдующихъ столѣтій цехи вынуждены были отказаться отъ этого принципа и допустить, въ виду наличности большого количества бѣдныхъ мастеровъ, не находившихъ сбыта своимъ товарамъ, чтобы болѣе состоятельные пріобрѣтали у нихъ эти товары для продажи и давали имъ новые заказы. А затѣмъ пришлось пойти и на дальнѣйшую уступку: согласиться на то, чтобы одни це-

[1]) Даже экономисты XIX вѣка долгое время не могли отличить кустарной формы производства отъ ремесленной.

ховые мастера давали заказы другимъ, прекращая при этомъ сами производство и становясь исключительно торговцами. Однако и этихъ вышедшихъ изъ состава цеховыхъ мастеровъ скупщиковъ-предпринимателей оказывалось далеко недостаточно. Жалобы на невозможность сбыть свои продукты и на безработицу раздавались со всѣхъ сторонъ, такъ что даже меркантилисты, относившіеся отрицательно къ скупщикамъ, признавали ихъ чрезвычайно важнымъ элементомъ для развитія промышленности. Ряды ихъ стали пополняться изъ другихъ слоевъ населенія: именно купцы, которые ранѣе торговали почти исключительно предметами сырья, теперь присоединили къ этому пріобрѣтеніе у кустарей фабрикатовъ и сбытъ послѣднихъ. Но такъ какъ они никогда производствомъ не занимались и въ составъ ремесленныхъ цеховъ не входили, то они встрѣтили гораздо болѣе сильное противодѣйствіе со стороны послѣднихъ, чѣмъ скупщики, состоявшіе изъ бывшихъ мастеровъ. Придерживаясь принципа, что только лицо, входящее въ составъ цеха, можетъ сбывать изготовленные цеховыми мастерами товары, цехи, даже поскольку они признавали совершившуюся въ характерѣ промышленности перемѣну, разрѣшали цеховымъ мастерамъ работать лишь на другихъ мастеровъ, но ни въ коемъ случаѣ не по заказу купцовъ. Между ними и купцами происходитъ продолжительная борьба; въ Англіи она выражается въ борьбѣ изъ-за обязательности семилѣтняго ученичества для скупщиковъ-сукнодѣловъ, продолжавшейся свыше двухъ столѣтій: здѣсь рѣчь именно идетъ о допущеніи въ число скупщиковъ лицъ, не входящихъ въ составъ ремесленныхъ корпорацій и потому не бывшихъ учениками, т. е. купцовъ. Однако, разъ не только лицамъ, вышедшимъ изъ цеховыхъ мастеровъ, но прекратившимъ работу, оставаясь членами цеха, но и тѣмъ, которые не принадлежали къ нему болѣе, постепенно стали дозволять торговать издѣліями цеха, то отсюда уже былъ всего одинъ шагъ до допущенія въ число скупщиковъ и лицъ, которые вовсе никогда не занимались промысломъ, т. е. купцамъ. А съ другой стороны, послѣдніе достигали той же цѣли, обходя запрещеніе различными способами: они ссужали мастеровъ деньгами или матеріалами съ тѣмъ, чтобы послѣдніе были возвращены имъ въ видѣ различныхъ издѣлій, и такимъ образомъ захватывали торговлю этими товарами въ свои руки, или же записывались въ составъ цеха и слѣд. какъ члены цеха могли заниматься сбытомъ продуктовъ, изготовленныхъ ихъ товарищами. Въ результатѣ борьба, хотя иногда лишь послѣ продолжительнаго времени, закончилась побѣдой купцовъ; и такимъ образомъ одновременно съ отдѣленіемъ торговца отъ производителя въ области промышленности установилась связь между промышленностью и торговлей: ибо торговцы сбывали теперь всякаго рода товары, въ томъ числѣ и промышленныя издѣлія.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ класса скупщиковъ расширился по мѣрѣ развитія кустарной промышленности и рабочій классъ. Въ то время, какъ въ средніе вѣка рабочій классъ состоялъ почти исключительно изъ цеховыхъ подмастерьевъ, теперь на ступень послѣднихъ понизились и прежніе самостоятельные мастера; далѣе увеличилось число подмастерьевъ, которыхъ держалъ мастеръ (вмѣсто 1—2 доходило до 6—8, до 10 и даже болѣе): наконецъ присоединились новые элементы. Таковы были мѣстные привилегированные мастера, получившіе особый патентъ отъ короля или города, или иностранцы, въ особ. гугеноты, переселившіеся въ различныя страны, далѣе переходившіе изъ деревень въ города (въ виду большей свободы и лучшихъ заработковъ) лица, не принятыя въ цехъ,—явные нарушители цеховыхъ привиллегій, въ отношеніи которыхъ однако впослѣдствіи создалось положеніе, что на скупщика могутъ работать и мастера, не входящіе въ составъ цеха. Къ нимъ присоединились далѣе женщины-работницы, которыя обыкновенно въ цехи не допускались и поэтому только и могли принимать участіе въ производствѣ, получая работу на домъ. Онѣ имѣли огромное значеніе для развитія новой формы промышленности, въ особ. въ первое время, когда скупщикамъ не давалось возможности пріобрѣтать произведенія цеховыхъ мастеровъ,—

они могли раздавать заказы женщинамъ. Однако наиболѣе важную роль въ кустарной промышленности играло не городское, а сельское населеніе, среди котораго опять-таки преобладали женщины; кустарная промышленность во многихъ случаяхъ возникла въ деревняхъ изъ работы для домашнихъ потребностей, а оттуда уже перешла въ города. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда она впервые появилась въ городахъ, она распространяется впослѣдствіи и въ окрестныхъ селахъ; и въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ эта форма производства получила значительное развитіе, деревенскіе жители составляли главный контингентъ рабочихъ. Въ виду того, что земледѣліе не могло прокормить населенія, послѣднее обращалось къ кустарному производству, какъ къ подсобному промыслу, для скупщиковъ же это обстоятельство было особенно выгодно, ибо сельское населеніе довольствовалось болѣе низкой платой (имѣя кромѣ того доходъ съ земли) и являлось для нихъ орудіемъ для пониженія платы городскихъ кустарей.

Если съ виду кустарная промышленность по сравненію съ ремесломъ не обнаруживала значительной перемѣны—послѣдняя произошла лишь въ организаціи сбыта, то на самомъ дѣлѣ именно послѣднее, переходъ сбыта въ руки скупщика знаменовалъ собою крупный переворотъ въ экономическомъ и соціальномъ положеніи мастера-производителя. Изъ самостоятельнаго ремесленника, работавшаго для потребителя, онъ превратился въ зависимаго отъ скупщика рабочаго. Скупщики съ самаго начала стремятся подчинить своей власти кустарей и тамъ, гдѣ мы находимъ уже въ средніе вѣка зачатки кустарной формы производства, а тѣмъ болѣе, гдѣ ремесло замѣняется кустарной формой производства, какъ въ итальянской шелковой промышленности, мастера лишаются возможности сбыта продуктовъ кому-либо помимо скупщиковъ; получивъ же задатокъ или матеріалъ отъ опредѣленнаго купца, теряютъ и свободу продавать свои издѣлія инымъ скупщикамъ помимо него. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повидимому первоначально кустари пользовались относительной свободой, имѣя возможность и самостоятельно сбывать свои произведенія на рынкѣ купцамъ, по своему усмотрѣнію и не находясь въ задолженности у опредѣленныхъ лицъ,—эта зависимость установилась лишь впослѣдствіи. Но въ другихъ мѣстностяхъ и промыслахъ они во всякомъ случаѣ въ XVII—XVIII ст. вынуждены были „смотрѣть купцу въ глаза, плясать подъ его дудку“, иначе лишались куска хлѣба и записывались „на черную доску“; обязаны были брать аттестатъ отъ скупщика, чтобы получить работу у другого (ибо послѣдній не вправѣ давать работу мастеру, не удостовѣрившись, что предыдущій хозяинъ остался имъ доволенъ), такъ что достаточно было кустарю не угодить скупщику, чтобы лишиться на продолжительное время работы.

Подобно цеховымъ уставамъ въ области ремесла, въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ возникаетъ кустарная форма производства, мы находимъ регламенты, которыми регулируется какъ техника производства, условія сбыта, такъ и отношенія между предпринимателями и рабочими. Однако едва ли можно согласиться съ тѣми экономистами (напр. Шмоллеръ, Трельтшъ, Бейнъ и др.), которые утверждаютъ, что цѣль изданія этихъ статутовъ состояла, поскольку рѣчь идетъ о правахъ и обязанностяхъ предпринимателей и рабочихъ, въ устраненіи соціальныхъ несправедливостей. На самомъ дѣлѣ эти регламенты составлены исключительно въ выгодахъ скупщиковъ и не имѣютъ въ виду интересовъ рабочихъ,—чѣмъ они рѣзко отличаются отъ фабричнаго законодательства XIX вѣка. Самая организація промысла, создаваемая этими уставами, клонилась далеко не къ выгодѣ кустарей. Въ однихъ случаяхъ въ составъ такой ассоціаціи входили какъ скупщики, такъ и кустари, причемъ однако по размѣрамъ вступительныхъ взносовъ проводилась рѣзкая граница между ними, и тотъ, кто не былъ въ состояніи уплатить высокій взносъ, принимался въ качествѣ кустаря (maître-ouvrier), что его лишало права сбыта продуктовъ кому то ни было кромѣ скупщиковъ (maître-marchand) той же ассоціаціи (или же запрещеніе скупщикамъ производить издѣлія или имѣть у себя болѣе 1—2 станковъ, лишало мастеровъ

возможности вступать въ эту группу лицъ). Въ другихъ случаяхъ скупщики не только фактически, но и формально вполнѣ отдѣлились отъ рабочихъ, образовавъ особую компанію. При этомъ, и здѣсь, съ одной стороны, въ составъ компаніи скупщиковъ принимаются только лица, которыя могутъ сбывать опредѣленное количество продуктовъ, напр. давать заказы на 12 станковъ, доставлять на лейпцигскую ярмарку не менѣе 600 штукъ товара, и сдѣлать извѣстный, высокій вступительный взносъ; а съ другой стороны, всѣ остальные, такимъ образомъ принадлежащіе къ корпораціи рабочихъ (къ цеху—форма эта часто сохранялась), обязаны сбывать свои издѣлія исключительно—состоящей изъ немногихъ лицъ—компаніи скупщиковъ (Verleger). Послѣдніе такимъ образомъ раздѣлили страну на районы, и въ каждомъ районѣ господствовала опредѣленная корпорація скупщиковъ, отъ которой зависѣло все мѣстное населеніе.

ГЛАВА II.

Ремесло.

Рядомъ съ новой, распространяющейся все болѣе и болѣе формой промышленности—кустарнымъ или домашнимъ производствомъ, мы находимъ въ разсматриваемую эпоху и двѣ другія формы промышленности: одну старую, сохранившуюся со средневѣкового періода—ремесло, и другую новую, обозначающую переходъ къ новѣйшему времени, къ фабричной эпохѣ—мануфактуру. Что касается ремесла, то въ однихъ отрасляхъ промышленности оно сохранило свое прежнее значеніе: мясники и пекари, сапожники и скорняки, плотники и каменьщики, бондари и портупейные мастера были и въ XVII—XVIII ст. исключительно ремесленниками, работавшими для мѣстнаго рынка, за собственный страхъ и рискъ. Но и въ другихъ производствахъ, гдѣ преобладала кустарная промышленность рядомъ съ ней продолжало существовать и ремесло, только въ теченіе XIX ст. оно было постепенно вытѣснено фабрикой. Мануфактуры почти не конкурировали съ ремесломъ, ибо они производили либо совершенно новые продукты (напр. мыло, зеркала, табачныя издѣлія), либо издѣлія высшаго качества, предназначенныя для иныхъ слоевъ населенія (напр. лучшія сорта кружевъ, камлотовыя матеріи). Если же цехи все-таки боролись съ ними, то главнымъ образомъ въ силу того, что мануфактуры нарушали ихъ привилегіи производства продуктовъ изъ даннаго рода матеріала (напр., гугеноты стали выдѣлывать перчатки или шляпы изъ шерсти—это было ранѣе неизвѣстно—въ то время, какъ изготовленіе предметовъ изъ шерсти составляло привилегію даннаго цеха). Значительно опаснѣе была для ремесла конкурренція кустарной промышленности. Послѣдняя, правда не вызвала того рѣзкаго паденія цѣнъ какъ фабрика въ XIX ст. и поэтому въ данной отрасли производства одновременно могли существовать обѣ формы промышленности, ремесленникъ лишь вынужденъ мылъ, вслѣдствіе происшедшаго въ области цѣнъ переворота (цѣны на сырье возросли болѣе чѣмъ цѣны на промышленныя издѣлія), довольствоваться теперь меньшей прибылью. Но къ этой меньшей прибыли на штуку товара присоединялось теперь сокращеніе оборотовъ и это послѣднее обстоятельство было гораздо важнѣе для ремесленника. На мѣстномъ рынкѣ фигурировали теперь рядомъ съ его продуктами произведенія мѣстныхъ кустарей, въ особенности же товары, привозимые изъ другихъ мѣстностей, издѣлія кустарной промышленности, возникшей въ самыхъ различныхъ районахъ, отчасти и заграничныя, ввозимыя въ особ. контрабандѣнымъ путемъ. То раздѣленіе занятій, спеціализація производства между различными мѣстностями, которая произошла въ эту эпоху и о которой упоминалось выше, обозначало, ничто иное какъ гибель нѣкоторыхъ отраслей ремесла въ разныхъ городахъ и территоріяхъ: рядомъ съ возникновеніемъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ суконной

промышленности, работающей для значительной части Франціи, въ цѣломъ рядѣ мѣстностей (напр., Нантъ, Динанъ, Нимъ, Каркасоннъ, Сентъ-Омеръ) исчезло ремесло, производившее суконныя издѣлія. Но и тамъ, гдѣ ремесло сохранилось, несмотря на конкурренцію мѣстныхъ и въ особенности привозныхъ издѣлій кустарной промышленности, оно терпѣло ущербъ отъ этой конкурренціи. Юстусъ Мезеръ, писавшій въ XVIII ст., указываетъ на то, что за сто лѣтъ число ремесленниковъ сократилось на половину, число же мелочныхъ торговцевъ увеличилось втрое. Торговцы мелкимъ желѣзнымъ товаромъ вытѣсняютъ кузнеца, торговцы мебелью столяра, торговцы галантерейнымъ товаромъ позументщика и другихъ ремесленниковъ. „Трудно найти — прибавляетъ онъ — какой-либо предметъ, которымъ мелочные торговцы не торговали бы тайно или открыто". (Patriotische Phantasien. 1775. I. 181).

Ростъ мелочной торговли есть прямое выраженіе той конкурренціи кустарныхъ издѣлій, которая составляетъ характерную особенность эпохи. Правда, какъ онъ же указываетъ, продажа многихъ предметовъ составляла монополію цеховъ ремесленниковъ, но постепенно, сначала фактически, а затѣмъ и юридически торговцы добиваются права сбыта тѣхъ или иныхъ предметовъ, или же продаютъ ихъ тайно, ведя лишь постоянную борьбу съ ремесленниками. А съ другой стороны и послѣдніе, не будучи въ состояніи пропитывать себя однимъ производствомъ—поскольку они не становятся скупщиками—присоединяютъ къ сбыту собственныхъ издѣлій и продажу чужихъ, открываютъ лавочку, становясь и ремесленниками и торговцами одновременно. Это вызывало въ свою очередь протесты со стороны торговцевъ, въ виду нарушенія ихъ привилегій, приводившіе въ однихъ случаяхъ къ запрещенію ремесленникамъ продавать что-либо кромѣ того, что было произведено ими и ихъ подмастерьями, либо къ дозволенію торговать лишь опредѣленными предметами, да и то не въ особой лавкѣ. (Ср. Landau. Entw. des Handels in Oesterr. p. 13 и сл.).

Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что въ разсматриваемый періодъ не только понятія промышленности и ремесла не совпадали—какъ въ средніе вѣка,—но и ремесло не ограничивалось цеховымъ ремесломъ. Во Франціи—какъ указываетъ д'Авенель (III. 456)—„исключенія" по своей численности превышали „общее правило". Въ Вѣнѣ въ 1734 г. изъ 7809 мастеровъ всего 2640 или третья часть были цеховыми (Max Adler, p. 82—3). Помимо иностранцевъ, которые были не только скупщиками и кустарями, но отчасти и ремесленниками, существовала особая категорія нецеховыхъ или привилигированныхъ ремесленниковъ, которые не входя въ составъ цеха, съ особаго каждый разъ разрѣшенія города, короля или герцога (почему они и назывались „придворными" мастерами) и за особую плату, допускались къ производству того или другого промысла. Во Франціи напр., съ половины XV ст. въ особо торжественныхъ случаяхъ (напр., восшествіе на престолъ, рожденіе наслѣдника) выпускаются патенты (lettres de maîtrise) и пріобрѣтатели ихъ получаютъ право производить промыселъ. Число этихъ патентовъ возрастаетъ все болѣе и болѣе, ибо они выпускаются впослѣдствіи по всякому поводу, такъ что временно цехамъ даже запрещено было принимать въ свой составъ мастеровъ, пока патенты не раскуплены. Ремесленниками были и т. наз. придворные мастера (ouvriers suivant la cour)—въ началѣ XVIII ст. ихъ насчитывалось во Франціи 377 человѣкъ—среди которыхъ лишь нѣкоторые дѣйствительно работали на короля и его семейство, большинство же являлись привилигированными мастерами, которые за уплату извѣстной суммы работали на потребителей, не будучи подчинены цеху.

Неудивительно, если цехи при такихъ условіяхъ довели свою политику исключительности до крайнихъ предѣловъ, если повышеніе вступительныхъ взносовъ, усложненіе пробной работы и т. п. приводитъ къ тому, что въ цехи съ формально свободнымъ для всякаго доступомъ теперь могутъ фактически вступать

только сыновья и зятья членовъ цеха, для которыхъ требованія — какъ и въ средніе вѣка—были значительно ниже. Въ одномъ мѣстѣ цехъ исключаетъ изъ своего состава мастера, вслѣдствіе того, что бабка его жены была дочерью пастуха,— хотя имѣлось свидѣтельство, доказывавшее неправильность этого „ужаснаго" обвиненія; въ другомъ случаѣ ремесленникъ исключенъ за то, что онъ (не зная объ этомъ) поѣхалъ на лошади палача, въ Зомерфельдѣ по той причинѣ, что пилъ пиво съ палачемъ (котораго не узналъ). Положеніе таково, „что люди могутъ занимать высшія должности въ гражданскомъ управленіи или войскѣ, но не могутъ стать портными или сапожниками". Таково было понятіе чести у цеховъ, осуществленіе принципа, что „цехъ долженъ быть такъ чистъ, какъ если бы его собрали голуби". Не допускался же въ цехъ въ качествѣ „нечистаго" тотъ, кто притронулся къ падали, кто снялъ съ веревки повѣсившагося и т. п.

Въ связи съ этимъ отстаиваніемъ свой монополіи находилась и еще болѣе усилившаяся борьба между смежными цехами—за принадлежащее каждому изъ нихъ поле дѣятельности. Парижскіе пуговичники и портные вели споръ изъ за права изготовленія послѣдними пуговицъ изъ той же матеріи, изъ которой было заказанное платье. (Levasseur. II. 412). Въ Пруссіи столяръ не вправѣ былъ прикрѣпить желѣзныя части, кузнецъ не могъ самъ выдѣлывать неоходимыхъ ему гвоздей, а пекарь приготовлять пирожныхъ, ибо это относилось къ области кондитерскаго цеха. Для устройства печи нужно было нанимать десять различныхъ ремесленниковъ, а ради какой-либо починки приходилось ходить отъ одного мастера къ другому, получая отъ каждаго изъ нихъ отказъ, въ виду ихъ опасенія переступить за предѣлы дозволенной каждому области производства (Kaizl. p. 16).

Но если всѣ эти постановленія, закрывая многимъ доступъ въ цехъ, все же не могли имъ помѣшать стать придворными или привилегированными мастерами или работать въ различныхъ производствахъ на мануфактурахъ или по заказу скупщиковъ,—то въ же время и цехамъ эти стѣсненія, при наличности иногородней конкурренціи помогали мало; лишь въ немногихъ отрасляхъ, гдѣ послѣдняя отсутствовала, сохранялась если не монополія цеховъ (въ виду существованія не-цеховыхъ мастеровъ, см. выше), то по крайней мѣрѣ монополія ремесла. Однако и въ этомъ отношеніи цѣль повидимому достигалась далеко не повсюду; напр. въ Вюртембергѣ чрезвычайно велико было число мастеровъ въ производствахъ, работавшихъ для мѣстнаго рынка; въ промыслахъ съѣстныхъ припасовъ ремесленники сотавляли нерѣдко 10—15 и даже болѣе процентовъ населенія. Вообще жалобы на переполненіе цеховъ, раздававшіяся повсюду, имѣли повидимому основаніе. Въ бранденбургскихъ городахъ въ XVIII ст. свыше 40 процентовъ населенія состояло изъ мастеровъ, въ вюртембергскихъ городахъ послѣдніе составляли иногда $^2/_3$ всего числа жителей. (Troeltsch. p. 370—75).

Переходъ отъ городского хозяйства къ національному оказалъ вліяніе на ремесло не только въ видѣ конкурренціи, создавшейся подъ вліяніемъ расширенія рынка сбыта промышленныхъ издѣлій, но и въ иномъ направленіи—въ смыслѣ замѣны городской политики въ отношеніи цеховъ территоріальной политикой. Съ одной стороны, самые цехи стараются теперь объединить свою дѣятельность и регулировать ее по однообразнымъ принципамъ: кузнецы, слесари, ножевщики, гончары, каменщики, суконщики, краспльщики, кожевники,—всѣ они дѣлали попытки порайоннаго объединенія; въ однихъ случаяхъ разбросанные въ различныхъ мѣстностяхъ отдѣльные мастера даннаго промысла соединялись въ одинъ общій территоріальный цехъ, имѣли общую кассу, общаго выборнаго старѣйшину и собирались на общія собранія въ опредѣленномъ городѣ. Въ другихъ случаяхъ отдѣльные цехи сохранялись, но образовывали союзъ съ однимъ или нѣсколькими центральными мѣстами, куда являлись депутаты отъ цеховъ-членовъ союза и гдѣ рѣшались общіе вопросы, въ особенности вопросъ, объ

---

[1]) Еще сравнительно легкимъ наказаніемъ ограничился бременскій сапожный цехъ, исключивъ жену мастера изъ общенія и оштрафовавъ самого мастера за то, что жена его родила уже чрезъ 7 недѣль послѣ вступленія въ бракъ. (Böhmert. № 37).

отношеніяхъ къ подмастерьямъ, устанавливались соглашенія относительно продажныхъ цѣнъ, производился и судъ надъ непослушными цехами. (Schmoller. Das brandenburgisch—preussische Innungswesen von 1640 bis 1800.. Umrisse und Untersuchungen etc. p. 329 и сл.).

Такіе союзы цеховъ находимъ напр. въ Вюртембергѣ, гдѣ они охватываютъ цехи всей страны, въ Баденѣ; бранденбургскіе цехи соединяются съ саксонскими, ангальтскими, люнебургскими, союзъ ножевщиковъ распространяется на баварскіе, австрійскіе, швейцарскіе города: бранденбургскіе мыловары, сукноструги, канатники объединяются въ территоріальные цехи. Наиболѣе извѣстенъ изъ постоянныхъ цеховыхъ союзовъ союзъ каменщиковъ, возникшій во второй половинѣ XV ст.; центрами его являются въ XVI—XVII ст. Страсбургъ, Вѣна, Регенсбургъ, Бернъ, Магдебургъ, Дрезденъ, въ XVIII ст. высшую инстанцію составлялъ Страсбургъ. (Schmoller. p. 332—36).

Еще большее развитіе получили повидимому территоріальныя организаціи подмастерьевъ. Мѣстные союзы послѣднихъ, возникшіе еще въ средніе вѣка подъ видомъ религіозныхъ братствъ, успѣшно развивались въ послѣдующую эпоху, по мѣрѣ увеличенія числа семейныхъ подмастерьевъ, отчасти признанные государствомъ. Подъ вліяніемъ распространенія обязательности странствованія подмастерьевъ до полученія званія мастера—институтъ этотъ существовалъ уже съ XIV—XV ст.—между мѣстными союзами подмастерьевъ возникало сближеніе, приводившее къ аналогичной союзамъ цеховъ организаціи. Этой организаціей они въ особенности пользовались въ борьбѣ съ хозяевами — мастерами, оказывая взаимное содѣйствіе при устройствѣ стачки въ какомъ-либо мѣстѣ, бойкотируя („Schelten“) подмастерья, который не исполнилъ сообща принятаго рѣшенія (онъ не могъ получить работы ни въ одномъ изъ городовъ, на которые распространялся территоріальный союзъ).

Съ другой стороны, надзоръ за цехами и регулированіе ихъ дѣятельности государство беретъ въ свои руки. Во Франціи статутъ 1581 г. вводитъ даже въ цѣляхъ однообразія, вновь цеховую форму (juris) въ такихъ городахъ и промыслахъ, гдѣ цехи существовали лишь фактически, но не имѣли соотвѣтствующей организаціи устраняетъ различныя злоупотребленія при изготовленіи пробной работы (она не должна продолжаться болѣе 3 мѣсяцевъ и т. д.). Новый пересмотръ его съ полнымъ подчиненіемъ цеховъ государству производится при Кольберѣ въ 1671—74 гг. Точно также въ германскихъ государствахъ въ теченіе XVIII ст. (въ особ. въ 1731 г. соглашеніе между Австріей, Пруссіей, Саксоніей и др. странами) издается однообразное цеховое законодательство, отмѣняющее цеховую автономію и всецѣло подчиняющее ихъ государственной власти, ведущее борбу съ „злоупотребленіями“ цеховъ (регулируется пробная работа, запрещаются соглашенія относительно цѣнъ, отмѣняется принципъ недопущенія вслѣдствіе „безчестнаго“ происхожденія) и съ подмастерьями (имъ запрещены всякіе союзы, территоріальныя соглашенія, стачки, бойкотированіе мастеровъ и подмастерьевъ, празднованье т. наз. „синяго понедѣльника“ и др.) [1]). Впрочемъ далеко не всѣ эти постановленія выполнялись на практикѣ—и цеховые мастера и подмастерья всѣми силами боролись противъ нихъ. За этими общими постановленіями слѣдовалъ самый пересмотръ цеховыхъ статутовъ и привилегій: въ Пруссіи въ 1734—38 гг. составлено болѣе 60 генеральныхъ цеховыхъ привилегій, ея примѣру послѣдовала Марія-Терезія въ Австріи, затѣмъ Баденъ и Вюртембергъ.

---

[1]) Строгія мѣры противъ подмастерьевъ были вызваны въ особенности безпорядками и стачками, произведенными ими въ 1724 г. въ Вѣнѣ, Майнцѣ, Штутгартѣ, Вюрцбургѣ, Аугсбургѣ.

ГЛАВА III.

Мануфактуры.

Противоположность цеховому ремеслу—остатку отъ средневѣковаго періода, составляетъ новая форма производства, — мануфактура. Въ настоящее время мануфактурной называется та форма производства, гдѣ болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ соединяется въ опредѣленномъ зданіи подъ надзоромъ предпринимателя. Составляя промежуточную ступень между кустарнымъ производствомъ и фабричнымъ, мануфактура отличается отъ перваго помѣщеніемъ, гдѣ происходитъ работа, отъ второго—отсутствіемъ машинъ и двигателей. Однако установить въ отношеніи XVII—XVIII ст. степень распространенія мануфактуръ является дѣломъ нелегкимъ, ибо далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ источникахъ упоминается о мануфактурахъ, въ дѣйствительности мы имѣемъ передъ собой эту форму производства. Подъ словомъ мануфактура въ тѣ времена понималась не опредѣленная форма производства, а промышленность вообще, въ особенности же отдѣльныя отрасли промышленности, именно промышленность прядильно-ткацкая, шелковая, шерстяная, полотняная, хлопчатобумажная, т. е. то что мы и теперь называемъ мануфактурной промышленностью, — независимо отъ того имѣла ли она ремесленный или кустарный характеръ, или же производилась въ централизованныхъ предпріятіяхъ, Необходимо поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на основаніи описаній данной „мануфактуры“ [1]) выяснить, о какой формѣ производства идетъ рѣчь. Послѣ такого тщательнаго анализа, оказывается, что мануфактуръ въ современномъ смыслѣ, т. е. централизованныхъ предпріятій, хотя они и возникаютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ уже въ XVI ст., обыкновенно же со второй половины XVII ст., было сравнительно немного и они далеко не играли той роли, какъ кустарная форма производства.

Въ противоположность обычному способу, не проводящему различія между отдѣльными категоріями мануфактуръ, я установилъ въ моей „Эволюціи прибыли“, что въ XVII—XVIII ст. въ западно-европейскихъ странахъ (какъ и у насъ) существовали мануфактуры троякаго рода, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, какъ по способу возникновенія, такъ и по своему характеру.

Во 1-хъ мануфактуры, устроенныя иностранцами; онѣ были первоначально ничѣмъ инымъ, какъ мануфактурами въ томъ смыслѣ, какъ это понималось въ ту эпоху, т. е. просто промышленными заведеніями; иностранцевъ призывали для того, чтобы они создали новыя „мануфактуры“, т. е. новыя отрасли промышленности въ странѣ. Въ силу ихъ солидарности — они были чужими въ данной странѣ, притомъ переселялись обыкновенно изъ той же мѣстности (земляки), они держались и селились вмѣстѣ, имъ отводились особыя зданія, какъ и давались другія привилегіи (денежныя пособія, монополія производства и т. д.); а къ этому присоединялась вражда къ нимъ со стороны мѣстныхъ жителей, которые (въ особенности цехи) усматривали нарушеніе своихъ привилегій въ допущеніи иностранцевъ вообще и въ не выполнившихъ пробной работы, не отбывшихъ ученичества и т. д., въ частности. Для защиты отъ насплій со стороны мѣстныхъ жителей они и селились вмѣстѣ въ привилегированныхъ мѣстахъ (предмѣстьяхъ) и зданіяхъ, носившихъ королевскій или герцогскій гербъ. Первыя мануфактуры во Франціи при Генрихѣ IV—знаменитый Лувръ, далѣе мануфактура Гобеленовъ, Савоннери и др. (всѣ они производили всевозможные предметы роскоши), какъ и въ Австріи, Нидерландахъ, Пруссіи и были ничѣмъ инымъ какъ убѣжищами,

[1]) Или „фабрики“—такъ называется обыкновенно въ XVII—XVIII ст. металлургическая промышленность; но и ліонская шелковая, гдѣ имѣло мѣсто кустарная форма, названа фабрикой; иногда слово „фабрикантъ“ равнозначуще ремесленнику.

созданными для иностранныхъ мастеровъ, преслѣдуемыхъ цехами, въ которыхъ каждый мастеръ со своими подмастерьями и рабочими производилъ самостоятельно ремесленнымъ способомъ. Лишь постепенно — мы можемъ это прослѣдить — это совмѣстно живущіе мастера и въ области производства соединились вмѣстѣ, изъ ихъ среды выдѣлились старшіе, наиболѣе опытные (позже они стали назначаться государствомъ), которые стали во главѣ производства, установивъ раздѣленіе труда (спеціализацію) между остальными, стали играть роль предпринимателей, взявъ въ свои руки какъ направленіе самаго техническаго процесса производства, такъ и сбыта продуктовъ. Превратившись такимъ образомъ въ мануфактуры въ современномъ смыслѣ эти основанныя иностранцами въ новыхъ отрасляхъ промышленности (ковровое производство, зеркальное, шелковое, выдѣлка тонкаго сукна и др.) предпріятія по прежнему пользовались широкими привилегіями, работали въ значительной мѣрѣ для двора, но кромѣ того и на публику.

Другую категорію составляли мануфактуры, устроенныя правительствомъ въ домахъ призрѣнія, работныхъ домахъ, тюрьмахъ и др. подобнаго рода заведеніяхъ (съ ними соединялись нерѣдко сиротскіе пріюты, дома для умалишенныхъ и пр.). Желая заставить преступниковъ, бродягъ и иныхъ сидѣльцевъ этихъ заведеній работать, чтобы не тратить на ихъ содержаніе, государство вводило въ нихъ различныя производства—чулочно-вязальное, суконное, въ особ. же прядильное (пряденье шерсти, пеньки, льна, почему и назывались тюрьмы „прядильными домами“—то же и у насъ), а затѣмъ сдавало ихъ на откупъ частнымъ предпринимателямъ. Въ другихъ случаяхъ государство желая создать новыя отрасли промышленности или расширить уже существующія, въ виду необходимости данныхъ продуктовъ для двора или для войска (въ особ. суконныя мануфактуры), и вмѣстѣ съ тѣмъ желая освободить населеніе отъ великаго множества нищихъ, приказываетъ переловить послѣднихъ и учредить мануфактуру или предпріятіе, гдѣ подъ надзоромъ назначаемаго лица эти способные къ труду нищіе изготовляли бы необходимые правительству продукты. Въ то время, какъ мануфактуры, созданныя иностранцами, лишь постепенно становились мануфактурами въ современномъ смыслѣ, эти мануфактуры, основанныя на принудительномъ трудѣ—наиболѣе многочисленная категорія мануфактуръ—были ими съ самаго начала, ибо здѣсь рабочіе не только жили, но и работали подъ одной крышей и подъ руководствомъ того-же предпринимателя, и имѣли комерческій характеръ, съ момента сдачи на откупъ тому или иному промышленнику. Но сходство между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ не имѣлось въ виду создать новую форму производства, а рѣчь шла лишь объ учрежденіи новаго предпріятія. Если оно и во второмъ случаѣ получило форму именно мануфактуры, то это объясняется и здѣсь въ значительной мѣрѣ наличностью цеховыхъ привилегій, нарушеніе которыхъ (здѣсь оно происходило несомнѣнно, ибо изготовлялись тѣ же продукты, что и цехами) могло оправдываться лишь въ томъ случаѣ, когда государство предпринимало что-либо въ общественныхъ интересахъ, „съ благотворительной цѣлью“ (какъ прямо отвѣчаютъ на протесты цеховъ). А къ этому присоединялась указанная выше полицейская цѣль — сокращать число бродягъ, что возможно было, безъ ущерба для казны, лишь помѣщая ихъ въ спеціальныя заведенія и заставляя ихъ трудомъ прокармливать себя.

Наконецъ, третью, наиболѣе малочисленную категорію мануфактуръ, составляли тѣ изъ нихъ, которыя постепенно развились изъ другихъ формъ производства, возникли генетически въ особ. изъ кустарнаго производства. Желаніе сберечь въ расходахъ, связанныхъ съ раздачей матеріала кустарямъ и передачей продукта отъ одного мастера другому, въ частности сберечь на платѣ посредникамъ-факторамъ, а также избѣгнуть кражи матеріала кустарями и наконецъ усилить надзоръ за производствомъ, побуждало скупщика соединить разрозненныхъ рабочихъ въ одномъ зданіи и взять производство въ свое непосредственное управленіе; здѣсь возможна была и та спеціализація производства, которая

такъ поразила Адама Смита при посѣщеніи имъ булавочной мануфактуры и которая оказывалась весьма выгодной. Несмотря однако на всѣ эти преимущества мануфактурной формы производства передъ кустарной,—привычность послѣдней, нежеланіе рабочихъ уходить изъ своего дома на мануфактуру и необходимость въ значительномъ капиталѣ стѣсняла развитіе мануфактуръ этой третьей категоріи, т. е. возникшихъ въ старыхъ, уже извѣстныхъ отрасляхъ производства и работавшихъ при помощи свободнаго труда. Переходъ совершался весьма медленно: сначала отдѣльные процессы производства, требовавшіе особаго надзора, въ виду своей сложности, или изготовленіе нѣкоторыхъ сортовъ продуктовъ, высшаго качества, происходило на мануфактурѣ, тогда какъ вся остальная работа раздавалась по прежнему на домъ; или же мануфактура отнимала у кустарной промышленности начальныя (очистку матеріала, сортировку его) и конечныя (апретура и т. п.) процессы производства; еще и въ концѣ XVIII ст. въ Англіи и началѣ XIX ст. на континентѣ мы находимъ много случаевъ наличности такой смѣшанной формы производства (столько то рабочихъ на мануфактурѣ и столько-то на дому), даже при первыхъ прядильныхъ машинахъ (которыя были небольшихъ размѣровъ, почему могли помѣщаться въ кустарной мастерской—и только послѣдующія машины заставили перейти къ централизованной формѣ производства,—но это уже была не мануфактура, а фабрика [1]).

ГЛАВА III.

Отрасли промышленности; положеніе рабочихъ.

Помимо отраслей производства, имѣвшихъ форму ремесла, работавшихъ на мѣстный рынокъ и существовавшихъ поэтому повсюду, какъ и въ средніе вѣка, мы находимъ теперь, подъ вліяніемъ установившагося раздѣленія труда между различными мѣстностями, и цѣлый рядъ такихъ отраслей промышленности (въ средніе вѣка они составляли рѣдкое исключеніе, см. стр. 120), которыя въ формѣ кустарнаго производства, отчасти и мануфактуръ, достигли въ той или иной странѣ значительнаго развитія, составляя существенный источникъ благосостоянія для населенія. Среди такихъ отраслей производства на первомъ планѣ стоитъ шерстяная промышленность Англіи, которая уже съ XV ст. приняла кустарный характеръ и которая въ XVII—XVIII ст. составляла наиболѣе важную отрасль англійскаго экспорта (рядомъ съ ней находимъ развитое производство шерстяныхъ тканей въ различныхъ мѣстностяхъ континента, въ особ. въ Вюртенбергѣ, Баденѣ); та роль, которую играли фламандскіе и итальянскіе города въ средніе вѣка въ области шерстянаго производства, перешла такимъ образомъ, и еще въ гораздо большихъ размѣрахъ, къ Англіи, которая съ XV ст. перестала питать своей шерстью нидерландское производство, а перерабатывала ее у себя дома. Изъ другихъ отраслей текстильной индустріи льняная промышленность Силезіи работала для всей Европы (также въ кустарной формѣ)—имѣло значеніе и производство льняныхъ тканей въ Шотландіи,—тогда какъ хлопчато-бумажное производство было вообще сравнительно мало развито; если въ средніе вѣка бумажныя ткани привозились преимущественно съ Востока (Малой Азіи), отчасти изготовлялись въ XIV—XV ст. (смѣшанныя со льномъ) въ Ульмѣ и нѣкоторыхъ другихъ южно-германскихъ городахъ, то въ послѣдующія столѣтія они стали производиться и въ Нидерландахъ и еще болѣе въ XVIII ст. (кустарное производство) въ Эльзасѣ, Саксоніи и Швейцаріи (кантонъ Санктъ-Галленъ), тогда какъ въ Англіи это производство (занесенное изъ Нидерландовъ) вплоть до 60-хъ и 70-хъ годовъ XVIII ст. не имѣло никакого значенія;

[1]) См. томъ второй моей „Эволюціи прибыли".

наиболѣе цѣнными бумажными тканями считались однако не изготовляемыя на материкѣ Европы (это были по прежнему смѣшанныя ткани), а издѣлія (изъ чистаго хлопка, крашеныя), привозимыя изъ Индіи (почему они и назывались „indiennes", Calico и т. д.). Ту роль, которая въ области шелковой промышленности принадлежала въ средніе вѣка итальянскимъ городамъ, съ начала XVII ст. присвоилъ себѣ Ліонъ съ его широко развитымъ производствомъ шелковыхъ, бархатныхъ и т. п. тканей (кустарное производство; мануфактуръ тамъ никогда не было), хотя и другія страны старались теперь пересадить къ себѣ шелковую промышленность и уже въ XVI ст. она появилась въ Антверпенѣ, Базелѣ и Цюрихѣ, а съ конца XVII ст. въ Амстердамѣ, Крефельдѣ и Берлинѣ (а также въ Швеціи и Россіи). Наконецъ, производство металлическихъ издѣлій (ранѣе монополія Нюрнберга, Милана) сосредоточилось въ прирейнскихъ мѣстностяхъ особ., Солингенѣ, Рула (ножевой промыселъ, выдѣлка косъ, изготовленіе холоднаго оружія), въ англійскихъ городахъ Бирмингемѣ и Шеффильдѣ (замочно-слесарный и кузнечный промыселъ, изготовленіе всевозможныхъ мелкихъ металлическихъ издѣлій, отчасти кустарнымъ способомъ, отчасти на мануфактурахъ,— отсюда примѣръ Ад. Смита относительно булавочной мануфактуры).

При всемъ различіи между тремя разсмотрѣнными формами производства, при всемъ разнообразіи промышленныхъ формъ въ періодъ XVI—XVIII ст. [1]) мы находимъ общую имъ всѣмъ и характерную для эпохи особенность въ видѣ низкой техники производства. Ручной трудъ сохраняется и въ кустарной мастерской и на мануфактурахъ, и если первая создаетъ большее раздѣленіе труда между отдѣльными мастерскими (то, что ранѣе производилось однимъ ремесленникомъ, теперь распредѣлено между нѣсколькими кустарями, Produktionsteilung по Бюхеру) а послѣдняя еще значительнѣе развиваетъ его, раздѣляя работу одной мастерской между нѣсколькими рабочими на мануфактурѣ (Arbeitszerlegung) то самый процессъ производства, методы его, примѣняемыя орудія не дѣлаютъ значительныхъ успѣховъ. Мы можемъ указать на цѣлый рядъ причинъ, мѣшавшихъ улучшенію техники производства, появленію и примѣненію машинъ; съ одной стороны, точная регламентація производства (извѣстны напр. техническіе регламенты Кольбера) качества матеріала и продукта, размѣровъ его, примѣняемыхъ орудій, даже ихъ величины, обязательный осмотръ товаровъ властями и наложеніе клейма (не соотвѣтствующіе регламентамъ инструменты должны быть измѣнены, въ противномъ случаѣ они подлежатъ уничтоженію въ присутствіи инспектора мануфактуръ — постановленіе Кольбера); съ другой стороны, малое развитіе естественныхъ наукъ, почему и техника не могла идти впередъ; далѣе отсутствіе потребности въ болѣе скоромъ производствѣ и въ изготовленіи большаго количества продуктовъ; наконецъ, враждебное отношеніе ремесленниковъ и кустарей къ болѣе усовершенствованнымъ орудіямъ производства, ибо они могли бы лишить работы значительное количество людей. Если вспомнимъ напр. борьбу цеховъ съ появившимися въ XVI ст. ленточнымъ станкомъ и въ XVII ст. чулко-вязальной машиной, борьбу выражавшуюся, и въ уничтоженіи самыхъ инструментовъ, и въ объявленіи бойкота всѣмъ тѣмъ ремесленникамъ и цехамъ, которые согласятся на ней работать, и въ домогательствѣ общеимперскихъ запрещеній (они этого достигали неоднократно),—то мы поймемъ, что техника при такихъ условіяхъ развиваться не могла. Когда Бова въ XVIII ст. сталъ производить во Франціи издѣлія изъ свинца новымъ способомъ, то цехъ, имѣвшій привилегію выдѣлки предметовъ изъ свинца, выступилъ противъ него, какъ конкуррента, и въ возгорѣвшейся борьбѣ приняли участіе двѣ академіи, парижскій парламентъ, министръ, англійскій посолъ; только

[1]) Въ противоположность господству ремесла въ предшествующій и фабрикѣ въ послѣдующій періодъ; здѣсь переходъ отъ мелкаго производства среднихъ вѣковъ къ крупному XIX ст.,—почему обиліе формъ.

послѣ того, какъ изобрѣтателю удалось доказать, что его методъ примѣняется въ Англіи уже въ теченіе 30 лѣтъ съ большимъ успѣхомъ, онъ получилъ возможность осуществить свой патентъ и во Франціи.

Отсталость эпохи выражалась и въ соціальномъ отношеніи, гдѣ характерную черту и въ кустарномъ производствѣ и на мануфактурахъ составляетъ полная зависимость рабочихъ отъ предпринимателей и стремленіе со стороны государства усилить эту зависимость, какъ и всецѣло подчинить подмастерьевъ цеховымъ мастерамъ и уничтожить союзы и организаціи послѣднихъ: подобно тому, какъ городъ всецѣло отдавалъ подмастерьевъ во власть цеховымъ мастерамъ, государство смотритъ на рабочихъ какъ на лицъ, подчиненныхъ предпринимателямъ. Рабочіе прикрѣплялись къ мануфактурамъ, какъ помѣщичьимъ (напр. въ Австріи), гдѣ работа составляла особую форму барщины, такъ и городскимъ привилегированнымъ (напр. извѣстная мануфактура Van Robais во Франціи), предприниматели пользовались въ отношеніи своихъ рабочихъ (напр. въ Пруссіи) особой юрисдикціей (iurisdictio domestica)—полная аналогія тому, что мы находимъ въ Россіи въ XVII—XVIII ст., рабочіе шотландскихъ рудниковъ и соляныхъ копей до конца XVIII ст. даже продавались вмѣстѣ съ ними и носили знакъ съ надписью владѣльца [1]). Закрѣпощеніе же кустарей, о которомъ уже была рѣчь выше (стр. 215), выражалось въ томъ, что кустари не могли вступать въ корпорацію скупщиковъ, не могли самостоятельно сбывать своихъ произведеній на рынкѣ, не могли продавать ихъ ни отдѣльнымъ купцамъ ни какимъ-либо корпораціямъ скупщиковъ, кромѣ одной опредѣленной для данной мѣстности компаніи.

Останавливаясь на другихъ моментахъ, въ которыхъ выражалось положеніе рабочихъ въ разсматриваемую эпоху, мы можемъ усмотрѣть изъ регламентовъ этого періода, что и заработная плата и продолжительность рабочаго времени, притомъ какъ рабочихъ на мануфактурахъ, такъ и кустарей и подмастерьевъ (и сельскихъ батраковъ) въ равной мѣрѣ регулировалась государствомъ, причемъ опредѣлялась максимальная плата, выше которой рабочій не вправѣ требовать (а хозяинъ давать), подъ страхомъ наказанія, и минимальный рабочій день, менѣе котораго запрещается работать (также какъ государство устанавливаетъ таксы для различнаго рода промышленныхъ издѣлій, продаваемыхъ цехами). Насколько можно судить на основаніи имѣющихся по этому вопросу данныхъ (см. Эвол. приб. 583 и сл.), въ эту эпоху сильнаго вздорожанія съѣстныхъ припасовъ, денежная плата повысилась весьма мало, почему реальеая плата значительно упала. По Роджерсу, то же количество хлѣба англійскій ремесленникъ вырабатывалъ въ 1495 г. въ 10 недѣль, въ 1533 г. въ 14 — 15 недѣль, въ 1564 г. въ 20 недѣль, въ 1593 г. въ 40 недѣль, въ 1610 и 1653 г. въ 43 недѣли, въ 1684 г. въ 48 недѣль, а въ 1725 г. всего его заработка не хватало на пріобрѣтеніе одного лишь необходимаго ему (на годъ) количества хлѣба. Рабочій день продолжался въ XVII—XVIII ст. 14—16 час. Какъ у ремесленниковъ, такъ и на мануфактурахъ, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства или „когда нужно закончить начатую работу“, работа происходила и ночью и даже въ праздничные дни (Эвол. приб. т. II. 105 и сл.). Широко примѣнялся трудъ малолѣтнихъ, нерѣдко съ 5—7 лѣтняго возраста, причемъ лучшіе люди, наиболѣе ревностные филантропы того времени всячески содѣйствовали распространенію дѣтскаго труда въ кустарномъ производствѣ, ибо это пріучаетъ ихъ къ труду и облегчаетъ родителямъ заботу о хлѣбѣ насущномъ. Марія-Терезія, Фридрихъ Вел., Кольберъ весьма покровительствуютъ дѣтскому труду; предприниматели, домогающіеся привилегій и ссудъ у правительства, указывая на огромную пользу для населенія новой отрасли

[1]) Max Adler, p. 90. Levasseur. II. 803. Молчановскій, 156 и сл. Mantoux. 54.

промышленности, подчеркиваютъ, что она будетъ доставлять пропитаніе даже шестилѣтнимъ дѣтямъ; а путешественники восхищаются развитіемъ промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ дѣтскаго труда. Приходы раздаютъ дѣтей-сиротъ кустарямъ на работу (какъ впослѣдствіи фабрикантамъ), владѣльцамъ мануфактуръ правительство выдастъ преміи „за каждаго мальчика и каждую дѣвочку, работающую на его мануфактурѣ", не говоря уже о томъ, что съ работными домами и тюрьмами, гдѣ устраивались мануфактуры, соединены были сиротскіе пріюты, питомцы которыхъ также работали, а иногда и правительство самостоятельно устраивало мануфактуры въ сиротскихъ домахъ, чтобы дѣти не сидѣли безъ дѣла (См. Эвол. приб. II. 128 и сл.). Отсюда уже, изъ кустарной мастерской и мануфактуры примѣненіе дѣтскаго труда (какъ и продолжительный рабочій день и мн. др.) перешло на фабрику; фабричное производство не создало впервые этого зла.

„Для того, чтобы мануфактуры (т. е. промышленность) процвѣтали—читаемъ въ „Mémoire sur les manufactures de Lyon"—необходимо, чтобы рабочій всегда имѣлъ лишь ровно столько, сколько ему нужно на пропитаніе и одежду, но никогда не болѣе этого. Слишкомъ хорошее матеріальное положеніе усыпляетъ дѣятельность, развиваетъ бездѣліе и другіе связанные съ нимъ пороки... Фабриканты никогда не должны забывать, что низкая заработная плата не только выгодна сама по себѣ, но и потому, что при низкой платѣ рабочій болѣе трудолюбивъ, болѣе скроменъ, болѣе покоренъ". Таковъ былъ господствующій взглядъ эпохи, таково было отношеніе къ рабочему классу не только предпринимателей, но и правительства. И оно могло быть довольно результатами. Бюджеты рабочихъ, насколько они имѣются, показываютъ, что даже при самыхъ скромныхъ потребностяхъ получался дефицитъ; изъ другихъ данныхъ видно, что рабочіе находились въ состояніи близкомъ къ полной нищетѣ, что имъ приходилось прибѣгать нерѣдко къ благотворительности и подаяніямъ. Кто-то сказалъ—писалъ аббатъ Бертолонъ, котораго нельзя упрекнуть во враждебномъ отношеніи къ предпринимателямъ—что такихъ мануфактуръ, какъ въ Ліонѣ, нигдѣ невозможно устроить, ибо для этого нужно было бы отыскать людей, которые бы не ѣли и не спали какъ въ Ліонѣ" (Эвол. приб. 589 и сл. 594). При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду частыхъ кризисовъ, перерывовъ въ работѣ, почему нерѣдко работали всего 180 дней въ году, половина и даже $^2/_3$ станковъ стояли безъ работы. „Уже въ XVI—XVII ст.—какъ справедливо указываетъ Ломанъ по поводу англійской суконной промышленности—всякое колебаніе рынка пагубно отражалось на положеніе низшихъ и среднихъ классовъ населенія на протяженіи многихъ графствъ Соединеннаго Королевства", ибо когда сбытъ товаровъ сокращался, скупщики прекращали свои заказы, опасаясь покупать много товаровъ на складъ. Въ такихъ случаяхъ возникали и волненія среди голодающихъ рабочихъ (напр. въ Англіи въ 20-хъ и 60-хъ годахъ XVI. ст., въ XVII ст., когда начавшійся въ 1629 г. кризисъ продолжался цѣлое десятилѣтіе). Въ обычное же время противодѣйствія со стороны рабочихъ, бунты и волненія (всякіе союзы и стачки были строго воспрещены) составляли явленіе весьма рѣдкое; рабочіе до того свыклись со своей судьбой и до того лишены были энергіи, что сносили терпѣливо свое ярмо и даже злоупотребленія вродѣ расплаты товарами, удержанія заработаннаго и т. п. не способны были вывести ихъ изъ этого состоянія.

IV. ОБМѢНЪ.

(Торговля, деньги, кредитъ, средства сообщенія).

Литература. По сравненію съ литературой средневѣковой торговли, литература для этой эпохи весьма бѣдна, въ особенности вопросы внутренняго характера, (см. выше, стр.), самаго развитія торговли, а не только торговой политики и законодательства о торговлѣ, выяснены очень мало. Изъ современниковъ наиболѣе важенъ *Ад. Смитъ. Богатство народовъ* (есть рус. пер. Бибикова, хотя и устарѣлый). См. также указ. въ отдѣлѣ о промышленности сочиненія (стр.), любопытны для исторіи торговли XVII—XVIII ст. и сочиненія различныхъ меркантилистовъ особ. англійскихъ: *Петти, Чайльдъ, Дедлей Нортъ, Томасъ Мэнъ* и др., а также *Savary.* Le parfait negociant 1673 и (сыновей его) Dictionnaire universel de commerce etc. 1723.

Далѣе соотвѣтствующіе отдѣлы въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи торговли: *Scherer.* Allgemeine Geschichte des Welthandels. II. 1853. *Lindsay.* History of merchant chipping and of ancient commerce. 1874—76. *Beer.* Geschichte des Welthandels. III. *Richard Mayr.* Lehrbuch der Handelsgeschichte. 3 Aufl. 1907. *Noël.* Histoire du commerce du monde. II. 1894. (Depuis les découvertes maritimes du XV s. jusqu'à la Révolution de 1789), а также у *Н. И. Карѣева. Исторія Западной Европы въ новое время и въ его же Абсолютной монархіи XVII—XVIII ст.* 1908. *и Peschel Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen.* 2 Aufl. 1877. Кратко: отд. Handelspolitik въ курсѣ *Schmoller'a* (Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre. B. II. 4. Buch).

Англія. Anderson. History of commerce. 1764, хотя и устарѣло, но много интересныхъ данныхъ; *Leon Levi. History of british commerce.* 2 ed. 1880., многіе отдѣлы составлены поверхностно; *Hewins. English trade and finance chiefly in the XVII century.* 1891, очень цѣнно; *Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters* mit bes. Berücksichtig. des Zeitalters der beiden ersten Tudors. B. I—II. 1881. *Ashley. Introduction to English economic history and theory. T. II. Cunningham. Growth of English industry and commerce in moderne times.* 3 éd. 1903. Много данныхъ у *Baines. History of the commerce and town of Liverpool.* 1852.

Германія (и Австрія). Falke. Geschichte des deutschen Handels., B. II. 1860, устарѣло, дополненіе къ нему: *Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens* 1869., *Schmoller. Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Grossen* (интересный отдѣлъ о торговлѣ Пруссіи). Jahrbuch für Gesetzgebung etc. VIII. *Beer. Oesterreichische Handelspolitik unter Maria Theresia. Landau. Die Entwicklung des Warenhandels in Oesterreich. 1906*; оба излагаютъ исключительно торговую политику и не даютъ представленія о дѣйствительномъ развитіи торговли. *Ehrenberg. Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth.* 1896 (Чрезвычайно цѣнно). Его-же замѣчательный трудъ, дающій развитіе торговли въ Европѣ вообще (торговыя фирмы, компаніи, биржи, спекуляція, кредитъ), въ XVI, отчасти и въ XVII ст.: *Das Zeitalter der Fugger.* B. I—II. 1896. *Hasse. Geschichte der Leipziger Messen* 1885.

Франція. Pigeonneau. Histoire du commerce de la France., II. 1889 (доходитъ только до XVII ст.). *Masson. Histoire du commerce français dans le Levant au XVII siècle.* 1896. *Malvezin. Histoire du commerce de Bordeaux.* T. II—III. *Clément. Histoire de Colbert.* 1894. *Нидерланды*—очень интересенъ старый трудъ *Lüder'a Gesch. des holländischen Handels. 1788.* Прекрасно составленъ *Pringsheim. Wirtsch. Entwickl. des Ver. Niederlande im 17—18. Jahrh.*

Компаніи, биржа, спекуляція. Bonnassieux. Les grandes compagnies de commerce. 1892. Schmoller. Gesch. Entw. der Unternehmung. Jahrbuch. XVII.

Klerk de Reus. Gesch. Ueberbliek der administrativen, rechtlichen und finanziellen Entwicklung de niederländisch-ostindischen Kompagnie 1895. Montagne. Histoire de la compagnie des Indes. 1899 (франц. компанія). *Lehmann. Gesch. Entw. des Aktienrechts bis zum Code de Commerce. 1895. А. И. Каминка. Акціонерныя компаніи. т. I. 1902* (содержитъ подробный анализъ возникновенія заокеанскихъ акціонерныхъ компаній съ юридической точки зрѣнія). *Roscher—Jannasch: Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung.* 3 Aufl. 1885 (характеристика отдѣльныхъ компаній и общаго ихъ режима). *Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger.* B. II.—главный трудъ по исторіи биржи, содержитъ и данныя о нидерландско-остъиндской компаніи. *Ehrenberg. Die Amsterdamer Aktienspekulation im 17. Jahrh.* Jahrb. für Nationaloek. 1891), изложеніе взглядовъ Don Joseph de la Vega о спекуляціи. *Cohn. Zeitgeschäfte und Differenzgeschäfte.* (Jahrb. f. Nationaloek. 1866), спекуляція на лондонской биржѣ въ XVII—XVIII ст. *Вирть. Исторія торговыхъ кризисовъ.* (Рус. пер. Конради)., въ началѣ кризисы XVII—XVIII ст. *Grossmann. Die Amsterdamer Börse vor zweihundert Jahren.* 1876. См. также „Исторію" *Маколея* (*History of England*) и Hist. of Commerce *Anderson'a.* т. II—III.

Денежное обращеніе, цѣны. Soetbeer. Edelmetallproduktion und Wertverhältnis zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerikas. 1879. *Его-же. Beiträge zur Gesch. des Geld und Münzwesens in Deutschl. Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrh.* 1896. *Helferich. Von den periodischen Schwankungen im Wert der edlen Metalle von der Entdeckung Amerikas bis zum Jahr 1830.* Nürn. 1843 (отчасти устарѣло). *D'Avenel. Hist de la propriété etc. T. I—II. Schmoller Ueber die Ausbildung einer richtigen Scheidemünzpolitik vom 14—19. Jahrh.* Jahrbuch für Gesetzgebung etc. 1900. *Kalkmann. Englands Uebergang zur Goldwährung im XVIII Jahrh.* 1895. Статьи *Lexis'*а о валютѣ въ Handw. der Staatswiss.

Кредитъ и банки. Рота-Кауфманъ. Исторія банковъ. 1877. *Banken* въ Handw. der Staatswiss. *Levy von Halle. Die Hamburger Girobank und ihr Ausgang.* 1891. *Soetbeer. Die Hamburger Bank.* Viert. f. Volkswirtsch., Politik etc. 1866—1867. *Limburg. Die kgl. bayer. Bank von Nürnberg in ihrer Entwicklung seit ihrer Gründung.* 1903. *Jannet. Le crédit populaire et les banques en Italie du XV au XVIII siècle.* 1885. *Vigne. La banque à Lyon du XV au XVIII siècle.* 1903. *Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger.* 1896 (много о государственномъ кредитѣ). *И. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англіи. съ 1688 по1890 г.* Спб., 1893. *Rogers. The first nine years of the Bank of England.* 1887.

Колоніи. Saalfeld. Geschichte des holländischen Kolonialwesens. 1812. (основной трудъ). *Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes.* 4 éd. 1891. (есть болѣе новое изд.). *Roscher. Kolonien. Zimmermann. Die europäischen Kolonien.* 6 томовъ. *Зевортъ. Исторія новаго времени.* (XVI—XVIII ст.) съ дополн. И. В. Лучицкаго. 1883. *Peschel. Gesch. des Zeitalters der Entdeckungen.* 2 Auf. 1877. Новѣйшій капитальный трудъ: *Supan. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien.* 1906. См. также ук. соч. Klerk de Reus, Montagne, особ. Lüder.

Хлѣбная торговля. Для франціи наиболѣе важенъ *Аванасьевъ. Условія развитія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII ст.* 1896. *Araskhaniantz. Die französische Getreidehandelspolitik bis 1789.* 1883 (вслѣдствіе книги г. Аванасьева, устарѣлъ). Хорошо составленъ *Naudé. Getreidehandelspolitik der Europäischen Staaten vom 13—18 Jahrh.* 1896. *Schmoller—Naudé. Getreidehandelspolitik etc. Brandenburg—Preussens bis 1740.* 1901. Документы и изложеніе, много новаго). *Faber. Die Entstehung des Agrarschutzes in England.* 1888. Цѣнны соч. современниковъ, особ. *Boisguillebert.* Le détail de la France. 1712. (есть въ коллекціи Daire). *Galiani. Dialogues sur le commerce des bleds.* 1770. (есть рус. пер; объ этомъ *Gaudemet.* L'abbé Galiani etc. 1899). *Forbonnais.* Observations économiques. 1787.

ГЛАВА I.

Общій характеръ торговли и торговой политики.

Въ XVI вѣкѣ совершился крупный переворотъ въ области торговаго обмѣна. Въ 1498 г. Васко-да-Гама, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, послѣ десятимѣсячнаго плаванія, прибылъ въ Каликутъ, находившійся на Малабарскомъ берегу; найденъ былъ новый, прямой путь въ Индію и сопряженныя со

столькими трудностями (особенно со времени завоеваній османовъ въ XV вѣкѣ) путешествія по сушѣ смѣнились гораздо болѣе легкими и менѣе продолжительными плаваніями на корабляхъ, вмѣщавшихъ въ себѣ несравненно большее количество товаровъ. Почти одновременно съ этимъ (въ 1492 г.) Христофоръ Колумбъ (Колонъ) открылъ Антильскія острова, а затѣмъ и континентъ Америки. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ событій (ихъ называютъ результатами примѣненія компаса: „безъ компаса не была бы открыта Америка"), которыя Адамъ Смитъ считаетъ самыми важными фактами всей новой исторіи, торговля теперь вышла за узкіе предѣлы внутреннихъ морей, Средиземнаго, Сѣвернаго и Балтійскаго и пріобрѣла океанскій характеръ, сосредоточиваясь на соединявшихъ между собою части свѣта Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ. Не ганзейцы и итальянцы,— торговые народы среднихъ вѣковъ, а прибрежные къ Атлантическому океану народы захватываютъ въ свои руки торговое могущество и они—португальцы, испанцы, голландцы, англичане, французы борятся въ теченіе трехъ столѣтій изъ-за преобладанія въ международной торговлѣ, („изъ-за скипетра, выпавшаго изъ рукъ итальянцевъ"). Соотвѣтственно измѣнившемуся характеру всей хозяйственной жизни, борьбу ведутъ уже не отдѣльные города или группы городовъ между собою (какъ въ средніе вѣка), а цѣлыя страны. Отчасти ихъ торговая политика есть ничто иное, какъ результатъ протекціонной системы, проводимой въ интересахъ развитія національной промышленности (слѣд. повтореніе того, чего придерживались города въ средніе вѣка); отсюда не только стѣсненіе (запрещенія и запретительныя пошлины) привоза промышленныхъ издѣлій и вывоза предметовъ сырья (особ. шерсти), необходимыхъ для національной промышленности, но и принужденіе купцовъ пріобрѣтать произведенія вновь возникшихъ мануфактуръ, какъ и требованіе, чтобы сельскіе батраки носили шерстяныя ткани, изготовляемыя въ странѣ (Австрія), а покойники бы хоронились въ шерстяныхъ саванахъ (Англія); отсюда вообще поощреніе вывоза въ другія страны произведеній собственной промышленности, а съ другой стороны, скептическое отношеніе къ внутренней торговлѣ, которая вѣдь не доставляетъ странѣ новыхъ богатствъ отъ другихъ народовъ, а заключается въ наживѣ однихъ слоевъ населенія на счетъ другихъ въ предѣлахъ той же страны. Покровительство экспорту фабрикатовъ является чѣмъ то новымъ, отсутствовавшимъ въ предыдущую эпоху (хотя отношеніе къ внутренней торговлѣ, какъ мы видимъ, не многимъ отличалось отъ стѣсненія ея въ предѣлахъ средневѣковаго города, руководствовавшагося принципомъ непосредственнаго обмѣна между производителями); и еще болѣе характернымъ для разсматриваемой эпохи является поощреніе торговли какъ таковой, совершенно независимо отъ промышленности, тамъ гдѣ она не приходитъ въ столкновеніе съ интересами послѣдней, — именно монополизированье въ своихъ рукахъ торговли съ колоніями и судоходства между ними и метрополіей, какъ и каботажнаго судоходства (т. е. между портами того же государства), поощреніе кораблестроенія, заключеніе торговыхъ договоровъ съ другими странами въ видахъ расширенія своей торговли съ ними, стремленіе къ пріобрѣтенію колоній въ Америкѣ и Индіи не только для эксплоатаціи имѣющихся въ нихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, но и для развитія экспортной торговли. Борьба, происходящая между отдѣльными странами изъ за преобладанія въ торговлѣ, выражается въ значительной мѣрѣ въ завоеваніяхъ заокеанскихъ странъ, въ истребленіи туземныхъ жителей или превращеніи ихъ въ рабство и насильственномъ отнятіи у нихъ богатствъ, какъ и въ нескончаемыхъ войнахъ между европейскими государствами изъ-за колоній и изъ-за развитія своей торговли и судоходства въ ущербъ прочимъ странамъ.

Такимъ образомъ борьба эта (по прежнему) жестокая, кровопролитная; вторая половина XVII ст. наполнена войнами между Голландіей и Англіей, изъ-за супрематіи въ торговлѣ, XVIII вѣкъ — войнами между Англіей и Франціей, Англіей и Голландіей, Голландіей и Франціей изъ-за торговыхъ интересовъ;

изъ предшествующихъ 1790 г. 149 лѣтъ Англія (по словамъ Бюша) провела 66 лѣтъ въ войнахъ, направленныхъ къ уничтоженію конкуррентовъ въ торговлѣ. Первую эпоху въ исторіи торговли XVI — XVIII ст. составляетъ португальско-испанскій періодъ (приблизительно до 1600 г.), вторую—голландско-англійскій (XVII—XVIII ст.) и въ результатѣ побѣдительницей остается Англія, которая къ концу XVIII вѣка является первой торговой державой.

Португальцамъ принадлежатъ первыя открытія на западномъ берегу Африки и въ Индіи на Малабарскомъ, Камбайскомъ и Коромандельскомъ побережьи, они же утвердились на Цейлонѣ, Малаккѣ, Зондскихъ (Суматра, Ява, Целебесъ) и Молукскихъ островахъ, а въ 1563 г. и въ Макао въ Китаѣ. „Въ теченіе 50-лѣтняго періода имъ удалось основать факторіи, начиная отъ Мадеры и кончая Японіей, на пространствѣ ста пятидесяти градусовъ“. Въ рукахъ португальцевъ находилась теперь вся торговля пряностями и благовоніями, сахаромъ и хлопкомъ; Лиссабонъ сталъ центромъ международной торговли—черезъ него шли всѣ сношенія Европы съ Индіей, изъ Лиссабона доставлялись индійскіе товары въ другія страны. Португальцы были полными властелинами Индійскаго океана, арабская торговля была уничтожена, иранско-индійская проходила мимо ихъ фортовъ, ни одно судно не могло проходить безъ ихъ разрѣшенія, иначе оно разсматривалось какъ пиратское; путемъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ съ тамошними князьками, торговля была обезпечена для однихъ только португальцевъ. Если въ первыхъ экспедиціяхъ въ Индію принимали участіе также итальянскіе и нѣмецкіе купцы, то впослѣдствіи доступъ для нихъ былъ совершенно закрытъ и торговля все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ короля, хотя принципіально она была открыта для всѣхъ португальцевъ.

Если пряности привлекали португальцевъ въ Индію, то Америка манила къ себѣ испанцевъ золотомъ — уже на Гуанагани (Санъ-Сальвадоръ), первомъ островѣ открытомъ Колумбомъ, послѣдній увидѣлъ золотыя украшенія въ ушахъ и носу туземцевъ и старался вымѣнять на бездѣлушки возможно большее количество его. Подобный же характеръ имѣла и дальнѣйшая колонизація испанцевъ. „Америка стала испанской и осталась ею постольку, поскольку существовали залежи золота и серебра“ (поэтому они завоевали Мексику, Чили, Перу), страны Новаго Свѣта, (плодородныя земли на сѣверо востокѣ нынѣшнихъ Соед.-Шт.), гдѣ не оказывалось золота, испанцы называли ненужными странами—„tierras de ningun provecho“, какъ они и обозначались на картахъ. Папа Александръ VI раздѣлилъ весь земной шаръ какъ яблоко, на двѣ части между португальцами и испанцами—по меридіану, проходившему чрезъ Атлантическій океанъ, на основаніи чего Америка была отдана вполнѣ во власть Испаніи. И послѣдней было установлено, что всѣ богатства колоній должны идти исключительно въ Испанію и одна Испанія можетъ снабжать ихъ необходимыми европейскими продуктами, даже колоніи между собой могли торговать лишь чрезъ посредство испанскихъ комерсантовъ, причемъ торговыя сношенія съ Америкой были дозволены только кастильцамъ и только чрезъ одинъ морской портъ, сначала Севилью, позже Кадиксъ.

Установленная такимъ образомъ строгая монополія однако фактически нарушалась уже съ половины XVI вѣка, вслѣдствіе возникновенія „самой обширной контрабанды, которую только можно встрѣтить въ исторіи торговли“. Будучи поощряема тѣмъ, что севильскіе купцы, въ рукахъ которыхъ находилась торговля съ Америкой, обращали вниманіе на одно лишь золото и серебро и отказывались брать другіе продукты, контрабандная торговля усилилась подъ вліяніемъ пріобрѣтенія и другими странами владѣній въ Сѣверной Америкѣ—французы въ 1534 г. открыли Канаду, далѣе овладѣли Флоридой (колонія, основанная эмигрантами—гугенотами), а затѣмъ основали Акадію (Портъ Рояль и портъ Св. Спасителя) и Луизіану (въ XVIII вѣкѣ они лишились этихъ колоній); голландцы—вестъ-индскіе острова и Гвіану, временно часть Бразиліи и Новые

Нидерланнды (отошли позже къ англичанамъ) въ Сѣв. Америкѣ; англичане—Виргинію, Масачусетсъ (пуритане) Мериландъ (католики), Пенсильванію (квакеры)—земледѣльческія колоніи — и отняли у французовъ и голландцевъ ихъ пріобрѣтенія въ Сѣв. Америкѣ. Уже при Филиппѣ II $^{9}/_{10}$ товаровъ, получаемыхъ въ испанскихъ коловіяхъ были иностраной фабрикаціи, въ XVII ст. контрабандная торговля обратилась въ политическую систему, посредствомъ которой другія страны— Франція, позже Голландія и Англія, боролись съ Испаніей. Но точно также и внутренная торговля, кредитъ и промышленность находились въ Испаніи въ рукахъ иностранцевъ: Фуггеровъ, которымъ принадлежали испанскіе рудники и монополія въ торговлѣ ртутью, генуэзцевъ, которые, по словамъ кортесовъ 1542 г., обладаютъ фактической монополіей въ торговлѣ съѣстными припасами, шерстью, шелкомъ и желѣзомъ и которые вплоть до половины XVII вѣка являлись банкирами испанскихъ королей, получая налоги на откупъ (несмотря на неоднократныя запрещенія), и иныхъ южно-германскихъ и французскихъ коммерсантовъ. Французы посылали спеціальные военные корабли въ Севилью для конвоированья той части серебрянной флотиліи, (приходившей изъ Америки), которая приходилась на долю французскихъ купцовъ, и въ половинѣ XVII вѣка въ одномъ Мадридѣ насчитывалось свыше 40 тыс. иностранцевъ, которымъ принадлежали почти всѣ промыслы.

Лишь послѣ того, какъ Филиппъ II захватилъ въ 1585 г. (во время войны съ нидерландами) всѣ нидерландскіе корабли, находившіеся въ португальскихъ водахъ, а затѣмъ закрылъ Лиссабонскій портъ и для англичанъ, лишивъ такимъ образомъ обѣ страны возможности получать индійскіе товары въ Лиссабонѣ (какъ это было со времени открытія морского пути въ Индію),—голландцы и англичане послали свои корабли въ Индію и стали пріобрѣтать товары изъ первыхъ рукъ, вытѣсняя все болѣе и болѣе португальцевъ (въ 1581 г. Португалія была присоединена къ Испаніи) изъ континента и острововъ Индіи. Въ 1640 г., когда Португалія вновь отдѣлилась отъ Испаніи, вся торговля отъ Кохинхины до Зондскихъ острововъ находилась въ рукахъ голландцевъ, португальскій же вице-король не въ состояніи былъ отправить флота изъ Индіи въ Лиссабонъ за отсутствіемъ людей и денегъ; въ теченіе какого-нибудь полустолѣтія Голландія стала наиболѣе могущественной страной въ Индіи повсюду она имѣла свои факторіи, ея эскадра господствовала на всѣхъ моряхъ. Вся островная часть Индіи въ особенности находилась въ ея рукахъ, Молукскіе и Зондскіе острова, Цейлонъ, но также Сіамъ и Малакка, наконецъ ей удалось вступить въ торговый обмѣнъ съ Китаемъ и Японіей (въ Японіи она одна только пользовалась правомъ торговли). Система, которая проводилась голландцами, была та же, которой придерживались ранѣе португальцы: иностранные корабли въ индійскія воды не допускались, никакіе иные продукты, кромѣ голландскихъ, не могли привозиться въ Индію; вся торговля какъ между Европой и Индіей, такъ и между отдѣльными мѣстностями Индіи и Азіи вобще сосредоточивалась въ рукахъ голландцевъ или точнѣе одной лишь голландской остъ-индской компаніи, основанной въ 1602 году. Послѣдняя (см. ниже) пользовалась не только монополіей торговли съ Индіей, но и правомъ объявленія войны и заключенія мира въ Остъ-Индіи, правомъ строить города и крѣпости, чеканить монету, производить гражданскій и уголовный судъ, назначать чиновниковъ въ Индіи, заключать союзы съ туземными властями, и все отъ имени генеральныхъ штатовъ; она представляла своего рода чудовище — „левіафанъ“ Гоббса, „искусственно созданное дополнительно къ Нидерландамъ государство на чисто—капиталистическихъ основаніяхъ, территоріей котораго являлись плававшіе на океанахъ суда, да отнятыя у испанцевъ колоніи“.

О характерѣ торговой дѣятельности компаніи даетъ прекрасное представленіе ея торговля гвоздикой, мускатнымъ цвѣтомъ и мускатнымъ орѣхомъ, привозимыми съ Молукскихъ острововъ и являвшимися едва-ли не наиболѣе

важными объектами ея торговли. Компанія опасалась, какъ бы монополія въ снабженіи Европы пряностями не была у нея отнята, въ особ. англичанами, утвердившимися на Борнео, какъ бы туземное населеніе не стало сбывать англичанамъ или голландцамъ, не принадлежащимъ къ компаніи, эти продукты,—и опасеніе было основательно, ибо компанія, несмотря на заключаемые ею съ туземцами договоры относительно цѣны, платила гораздо меньше, платила по своему усмотрѣнію и несравненно ниже того, что предлагали другіе купцы. Результатомъ этихъ опасеній было истребленіе компаніей мускатнаго орѣха на всѣхъ Молукскихъ островахъ, кромѣ острововъ Банда, на послѣднихъ же лѣса, гдѣ росъ мускатный орѣхъ, были розданы прежнимъ солдатамъ и мелкимъ чиновникамъ компаніи, туземцы же были частью уничтожены, частью обращены въ рабство. Точно также гвоздика была сохранена на одномъ лишь островѣ Тидорѣ, на остальныхъ островахъ сады гвоздики, кому бы они ни принадлежали, были уничтожены, ибо, какъ заявлялъ губернаторъ, представитель компаніи, весь міръ, какимъ его создалъ Богъ, въ состояніи потреблять лишь 1,500 баръ (500—600 фунт.) гвоздики. Но и при такихъ условіяхъ компанія не находила возможнымъ сохранить свою монополію и тѣ цѣны, которыя она считала необходимыми, не могли быть удержаны при продажѣ пряностей въ Европѣ безъ того, чтобы не истреблять часть привезеннаго груза; доставленные въ Нидерланды запасы корицы, гвоздики и муската сжигались здѣсь въ столь значительномъ количествѣ, что ароматъ ихъ, по описаніямъ очевидцевъ, распространялся на много миль вокругъ. (См. о голландской компаніи Warburg. Die Muskatnuss. 1897. Bockemeyer. Die Molukken. 1888. Klerk de Reus. Gesch. Ueberbl. etc. 1894).

Еще значительнѣе заокеанской торговли была однако торговля и мореплаваніе Нидерландовъ на европейскихъ моряхъ какъ въ XVII, такъ и въ XVIII ст. (къ концу XVIII ст. оборотъ въ первомъ случаѣ 65 милл. гульд., во второмъ 157 милл. гульд.), причемъ первое мѣсто въ европейской торговлѣ занималъ обмѣнъ на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, гдѣ Нидерланды уже съ XV вѣка, постепенно вытѣсняя ганзейцевъ, пріобрѣтали первенствующее значеніе; прочно утвердившись въ Скандинавскихъ государствахъ и Россіи, они оказались въ XVII ст. единственнымъ посредникомъ (ежегодно уходило туда 800—1200 голл. судовъ), которому эти страны могли сбывать свой хлѣбъ, лѣсъ, желѣзо и другіе предметы сырья. Левантійская торговля (Смирна, Алеппо, Константинополь) была организована главнымъ образомъ изгнанными изъ Испаніи и нашедшими гостепріимство въ Нидерландахъ евреями, по иниціативѣ которыхъ была учреждена (въ 1624 г.) и постоянная торговая палата для сношеній со Средиземнымъ моремъ, тогда какъ до XVI ст. на Средиземномъ морѣ не видали ни одного нидерландскаго корабля.

Въ XVII вѣкѣ Нидерланды являлись первой торговой страной міра и занимали первенствующую роль на ввсѣхъ моряхъ: (голландскіе купцы — цари, говорили о нихъ, они царствуютъ надъ морями [1]): по вычисленіямъ Петти вывозъ Нидерландовъ составлялъ въ его времена, т. е. въ 70—80 г.г. XVII ст., 12 милл. ф. ст., чего Англія достигла лишь полъ-вѣка спустя; Кольберъ утверждалъ, что изъ 20 тыс. кораблей міра 16 тыс. принадлежатъ Нидерландамъ. Голландцы были признанными „фрахтовщиками Европы“, ибо они производили на своихъ судахъ весь транспортъ какъ между Европой и колоніями, такъ и между отдѣльными странами Европы (и даже между портами той же страны, напр. Англіи), въ ихъ же рукахъ находилось рыболовство въ европейскихъ моряхъ. И въ XVIII вѣкѣ, хотя ихъ владычество на Балтійскомъ морѣ оспаривала Швеція, на Средиземномъ— Франція, и тутъ и тамъ Данія, Нидерланды сохранили прежніе размѣры своей торговли; но процентное отношеніе послѣдней ко всему международному обмѣну къ серединѣ XVIII вѣка уже успѣло сократиться, вслѣдствіе чрезвычайнаго роста англійской торговли. Въ концѣ XVIII ст., благодаря англичанамъ, отчасти и скандинавскимъ государствамъ, торговля Нидер-

[1]) См. сочиненіе Вальтера Ралея 1603 г. въ которомъ онъ описываетъ коммерческое могущество Нидерландовъ.

ландовъ на Балтійскомъ морѣ (въ частности и съ Россіей) сократилась, упавъ къ 1783 г. на половину прежняго размѣра, и въ то же время война съ Англіей 1780—83 г.г. окончательно подорвала торговое могущество Нидерландовъ.

Франція еще въ теченіе всего XVI вѣка была наводнена иностранцами въ особ. итальянскими банкирами и купцами; лишь въ XVII вѣкѣ, перейдя къ національной торговой политикѣ, она стала развивать въ особ. при Кольберѣ самостоятельную торговлю съ Америкой, Индіей и Турціей, въ Индіи даже одно время усиленно конкуррируя съ англичанами; стала сильной колоніальной державой (въ началѣ XVIII ст. Франціи принадлежали Канада, Луизіана, Антильскіе острова, Сенегаль, Бенгалія). Устройство и улучшеніе торговыхъ портовъ (Дюнкеркъ, выкупленный у англичанъ, Байонна, Марсель, Гавръ, Брестъ), покровительство національному судоходству и кораблестроенію посредствомъ премій за постройку судовъ, предоставленія каботажнаго плаванія и сношеній съ колоніями исключительно судамъ, плавающимъ подъ французскимъ флагомъ, наконецъ, заключеніе торговыхъ договоровъ съ Россіей, Марокко, Даніей, Турціей (особ. важенъ договоръ съ Солиманомъ 1535 г., которымъ монополія торговли между Европой и Турціей предоставлялась французамъ),— все это содѣйствовало быстрому расцвѣту французской внѣшней торговли, въ особ. при Кольберѣ. Но и на континентѣ Европы французскія шелковыя и ковровыя издѣлія, зеркала и галантерейные товары, результатъ созданной Кольберомъ промышленности, производства предметовъ роскоши („французскіе товары") находили себѣ широкое распространеніе. Торговые обороты ея, по Брюяру, возросли въ теченіе XVIII ст. (съ 1716 г. по 1789 г.) почти въ десять разъ (съ 80 до 750 милл. фр.). Лишь послѣ смерти Кольбера, въ связи съ неудачными войнами съ Англіей, во время которыхъ Франція потеряла свои колоніи, ея торговое могущество сократилось.

Англія представляла собою еще въ половинѣ XVI вѣка страну съ мало развитой торговлей (экспортъ не превышалъ 1,1 милл. ф. ст.) и судоходствомъ: активная торговля сосредоточивалась въ Антверпенѣ, куда морской путь былъ весьма незначителенъ; притомъ судоходство находилось въ рукахъ иностранцевъ въ особ. ганзейцевъ, которые вывозили 42 проц. сукна, 54 проц. кожи, импортировали почти весь воскъ. И государственные займы Англія вынуждена была заключать въ Антверпенѣ, такъ какъ внутри страны не находилось соотвѣтствующихъ капиталовъ. Однако уже во второй половинѣ XVI вѣка совершаются значительныя перемѣны: вмѣсто 169 богатыхъ купцовъ, насчитывавшихся во всей Англіи въ XIV вѣкѣ, въ 1601 г. находимъ 3500 купцовъ, торгующихъ съ одними лишь Нидерландами; исчезаютъ иностранные банкиры изъ Англіи и она уже при Елизаветѣ пользуется національными капиталами, хотя принципъ Грешема о честномъ выполненіи правительствомъ принятыхъ на себя обязательствъ осуществился не ранѣе XVIII вѣка (въ 1672 прекращеніе платежей). Прекращается посѣщеніе Англіи венеціанскими галерами и закрывается ганзейское подворье въ Лондонѣ; въ то время, какъ прежде нѣмцы пользовались привилегіями въ Англіи, теперь, наоборотъ, англичане основываютъ свои факторіи на континентѣ, превращая нѣмцевъ въ камиссіонеровъ и торговцевъ изъ вторыхъ рукъ. Возникаетъ— подъ вліяніемъ переселеній нидерландскихъ ткачей—англійская суконная промышленность въ формѣ кустарнаго производства, работающая для внѣшняго рынка, и англійскія ткани (о широкомъ развитіи овцеводства см. выше, стр. 183 и слѣд.) составляли въ 1701 г. третью часть всего вывоза, „основу всего богатства страны" (постояннымъ напоминаніемъ объ этомъ долженъ былъ служить шерстяной мѣшокъ, на которомъ сидѣли со времени Елизаветы лордъ—канцлеръ и судья въ верхней палатѣ). Англія, находившаяся ранѣе на краю міра, далеко отъ центровъ международной торговли, съ открытіемъ Америки и перемѣщеніемъ торговли на Атлантическій океанъ очутилась въ самомъ центрѣ міра и въ 1708 г. Чемберленъ могъ уже утверждать, что Англія, благодаря своему остров-

чому положенію, господствующей въ ней свободѣ и превосходной конституціи, среди всѣхъ странъ наиболѣе приспособлена къ торговой дѣятельности; рядомъ съ „landed interest"—землевладѣльцами выступаетъ на сцену „monied interest"—торговый классъ.

Будучи свободны—за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ періодовъ [1])—отъ религіозной вражды [2]) и стараясь перенять у каждаго (въ особ. у голландцевъ) все лучшее и наиболѣе совершенное въ области промышленной техники, банковаго дѣла, кораблестроенія, англичане вскорѣ становятся тѣмъ специфически комерческимъ народомъ, которому, въ виду его широкой иниціативы и предпріимчивости, приписывается не только безграничная погоня за золотомъ („не даромъ царствованіе Елизаветы называется золотымъ временемъ, золото было дѣйствительно національнымъ божествомъ"), но и тѣ же дурныя личныя качества, которыя считали въ среднія вѣка столь характерными для ихъ предшественниковъ въ области международной торговли—венеціанцевъ. Въ борьбѣ не только съ Испаніей (захватъ серебряныхъ флотилій въ Атлантическомъ океанѣ, отнятіе Ямайки), но и съ Франціей (съ 1688—1815 г. 64 года войнъ съ Франціей, захватъ Канады, Нов. Шотландіи, области Миссисипи) и въ особенности со своей соперницей—Голландіей (въ 1651—55 г.г. у нидерландцевъ отнято 1600 кораблей, завоеванъ Новый-Амстердамъ, нынѣшній Нью-Іоркъ), Англія развила свое торговое могущество: оно выражалось въ томъ, что ея привозъ и вывозъ съ 1697 г. по 1773 г., по Уайтворсу, увеличился въ 3—4 раза (привозъ съ $3^1/_2$ до 11,4 милл. ф. ст., вывозъ съ $3^1/_2$ до $14^3/_4$ милл. ф. ст.), а до 1805 г. весь торговый обмѣнъ возросъ въ 9 разъ (съ 7 милл. въ 1697 г. до $64^1/_2$ въ 1805 г.), что торговый флотъ, насчитывавшій въ 1704 г. 260 тыс. тонъ возросъ въ теченіе XVIII ст. до $1^1/_2$ милл. тонъ, выражалось въ томъ, что, благодаря своимъ завоеваніямъ въ Индіи, завоеваніямъ произведеннымъ англійской остъ-индской компаніи, которая подобно голландской компаніи, имѣла также не только торговый, но и политическій характеръ,—Англія стала первой колоніальной державой. Въ противоположность голландцамъ, вытѣснившимъ португальцевъ съ индійскаго архипелага, Англія утвердилась на материкѣ Индіи и несмотря на всѣ старанія французовъ и голландцевъ вытѣснить ее оттуда, къ концу XVIII вѣка вся имперія великаго могола очутилась въ рукахъ англичанъ, Франція же наоборотъ Парижскимъ миромъ 1763 г. обязалась не строить укрѣпленій и не содержать войска въ въ Бенгаліи.

Весьма важный моментъ въ развитіи торговаго могущества Англіи и существенную часть ея торговой политики составляло покровительство судоходству и кораблестроенію, въ отношеніи котораго Англія, слѣдуя уже въ XVI ст. примѣру итальянскихъ городовъ, ганзейцевъ, испанцевъ, достигла высшей точки съ изданіемъ Кромвелемъ навигаціоннаго акта 1651 г. который объединялъ и усиливалъ всѣ предыдущіе (до него было издано около 15 навигаціонныхъ актовъ въ Англіи). Этимъ актомъ—онъ считается базисомъ, на которомъ выросло торговое могущество Англіи,—все каботажное плаванье (т. е. между англійскими портами) и сношенія съ колоніями предоставлялись исключительно англійскимъ судамъ, причемъ $^3/_4$ экипажа должно состоять изъ англичанъ; устранялось посредничество голландцевъ между Англіей и европейскими странами, ибо важнѣйшіе товары могли доставляться въ Англію лишь на англійскихъ судахъ или на судахъ страны происхожденія (въ послѣднемъ случаѣ облагались двойной

[1]) Впрочемъ, даже религіозныя войны XVII ст. имѣютъ въ сущности политическую подкладку.

[2]) Грешемъ съ отвращеніемъ сообщаетъ изъ Нидерландовъ о происходящихъ тамъ религіозныхъ войнахъ, гдѣ „всякій готовъ задушить другого изъ за его вѣроисповѣданія"; Кромвелль открываетъ доступъ въ Англію евреямъ; въ колоніяхъ англичане, въ противоположность другимъ націямъ, отличались религіозной терпимостью.

пошлиной, но и на англійскихъ судахъ товары должны были доставляться непосредственно изъ страны происхожденія, а не изъ голландскихъ портовъ); наконецъ политика въ области судоходства приводилась въ связь съ общей торговой политикой, съ покровительствомъ морскому рыболовству (уловъ и привозъ рыбы не-англійскими судами облагается двойной пошлиной, различные промыслы—металлургическій, сахарный, китоловный, либо вовсе запрещены въ колоніяхъ либо сильно стѣснены).

ГЛАВА II.

Торговые города и ярмарки.

Соотвѣтственно измѣнившемуся торговому пути, изѣнились и главные рынки, торговые города, игравшіе роль въ международномъ обмѣнѣ. Какъ указываетъ Гецъ, въ XVII—XVIII только нѣкоторые, избранные города, обнаруживаютъ ростъ, пользуясь своимъ географическимъ положеніемъ и выдвигаясь далеко впереди всѣхъ другихъ; многіе же города теряютъ вмѣстѣ съ переходомъ отъ торговли, охватывавшей всего $^1/_3$ земного шара, къ міровой торговлѣ свое прежнее значеніе. Въ XVI вѣкѣ пріобрѣтаютъ торговое значеніе Лиссабонъ, въ это время), центръ всего торговаго обмѣна съ Индіей, и Севилья, исходный пунктъ въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Америкой, (туда приставали серебряныя флотиліи), къ которымъ присоединяется Мадридъ, столица имперіи Карла V, въ особенности же кастильскія ярмарки (Медина дель Кампо, Вилалалонъ и Медина дель Ріосеко). Эти ярмарки называли началомъ и концомъ всѣхъ испанскихъ платежей, ибо здѣсь заключались займы представителями короны съ иностранными банкирами, въ особ. генуэзцами (на веденіе войны съ Нидерландами), здѣсь производились обширные платежи безъ уплаты наличными, путемъ простого сличенія разсчетныхъ книгъ (сконтраціи), такъ какъ несмотря на принадлежавшіе ей перуанскіе серебряные рудники, Испанія никогда не имѣла денегъ и каждая серебряная флотилія лишь на короткое время орошала высохшую землю; здѣсь прибывшее изъ „Индіи“ серебро передавалось кредиторамъ казны, поскольку имъ вообще платились долги, ибо уже въ 1575 г. король объявилъ себя банкротомъ и прекратилъ платежи.

Изъ французскихъ городовъ развиваются Парижъ, центръ всей культурной Европы въ XVIII вѣкѣ, Бордо, Марсель; Гавръ, гавань Парижа, гдѣ Ришелье велѣлъ въ 1628 г. соорудить (первый въ Европѣ) защищенный шлюзами портъ, который, будучи наиболѣе близко и изъ всѣхъ европейскихъ портовъ расположенъ къ Америкѣ, вскорѣ пріобрѣлъ огромное значеніе въ торговлѣ съ Америкой; въ особенности же Ліонъ, куда уже съ конца XV вѣка переходитъ изъ Женевы товарный обмѣнъ между Франціей, Италіей и южной Германіей, а затѣмъ, въ связи съ предоставленіемъ ліонскимъ ярмаркамъ полной свободы вексельныхъ операцій, и торговля денежная и вексельная. Ліонская биржа, которую посѣщали преим. флорентинскіе коммерсанты, играла въ XVI ст. важную роль, въ особенности для французскаго государственнаго кредита, ибо здѣсь заключались займы (король обращался къ „биржѣ“, а не къ отдѣльнымъ купцамъ).

Платежи здѣсь производились посредствомъ сличенія торговыхъ книгъ отдѣльныхъ купцовъ и уплаты разницы; установлена была особая биржевая монетная единица, (écu de marc), на которую производились всѣ разсчеты: опредѣлялся (впервые), въ цѣляхъ борьбы съ спекулянтами, искусственно повышавшими вексельный курсъ, биржевой курсъ, въ качествѣ средняго изъ мнѣній о курсѣ, сообщаемыхъ консулу (флорентинскому) представителями отдѣльныхъ націй.

Однако центръ торговаго обмѣна все болѣе перемѣщался въ тотъ пунктъ сѣверо-западной Европы, гдѣ Атлантическій океанъ сливается съ Сѣвернымъ моремъ, гдѣ морскіе пути съ юга (южной Европы, Индіи, Америки) и сѣверо-востока встрѣчаются съ сухопутной дорогой, идущей съ юго-востока внутрь материка.

Уже одновременно съ Лиссабономъ (и Ліономъ) здѣсь видвинулся по своему торговому значенію, затмѣвая его все болѣе и болѣе,—Антверпенъ, гдѣ возникла первая міровая биржа; ему долженъ былъ уступить свое мѣсто Брюгге. „Тамъ раздавался гулъ голосовъ на самыхъ различныхъ языкахъ, тамъ можно было видѣть разношерстную смѣсь всевозможныхъ одеждъ—пишетъ современникъ—это былъ цѣлый міръ въ миніатюрѣ". Если въ Ліонѣ на первомъ планѣ стояли денежныя и кредитныя операціи, то антверпенская биржа имѣла одинаковое значеніе и въ товарной и въ фондовой торговлѣ. Развитіе Антверпена начинается съ тѣхъ поръ, когда португальскій король превратилъ торговлю перцемъ изъ первыхъ рукъ въ регалію: прибывавшій изъ Индіи грузъ онъ сбывалъ далѣе въ Антверпенъ торговымъ компаніямъ, которыя еще во время нахожденія груза въ пути давали нуждавшемуся въ деньгахъ королю значительную часть платы впередъ. Но на антверпенской биржѣ производились и обширныя операціи государственными фондами, ибо нидерландское правительство, англійскіе короли, Испанія—всѣ они чрезъ посредство своихъ факторовъ заключали займы и производили платежи на этой биржѣ.

Завоеваніе Антверпена испанцами въ 1576 г. и разгромъ города войсками Альбы привело къ полному упадку его торговли, биржа совершенно опустѣла. Его наслѣдство перешло съ начала XVII вѣка, къ Амстердаму, расположенному въ юго-западномъ углу Зюдерскаго моря, доступнаго кораблямъ и въ тоже время защищеннаго лежащими передъ ними островами. Это совершилось съ переходомъ торговаго преобладанія отъ Португаліи (Антверпенъ развился благодаря португальской торговлѣ съ Индіей) къ Голландіи. Амстердамъ сталъ вскорѣ международнымъ торговымъ центромъ, сосредоточивавшимъ въ своихъ рукахъ всю міровую голландскую торговлю по своимъ операціямъ какъ привозимыми изъ Индіи пряностями, такъ и европейскими товарами, къ которымъ присоединялась оживленная биржевая спекуляція акціями—вновь возникшая отрасль коммерческой дѣятельности. (см. ниже).

Одновременно съ этимъ начинается и ростъ Лондона и Ливерпуля; постепенное развитіе ихъ даетъ представленіе о возвышеніи торговаго могущества Англіи.

Уже въ 1700 г. въ Лондонъ прибывало свыше 1300 кораблей (англійскихъ и иностранныхъ) ежегодно насчитывавшихъ болѣе 150 тыс. тонъ. Въ 1559 г. въ лондонскомъ порту имѣлось 22 „legal cays", гдѣ допускалась нагрузка и разгрузка кораблей между восходомъ и закатомъ солнца, а въ 1696 г. былъ устроенъ первый защищенный отъ бурь докъ въ лондонской гавани (отдано въ концессію герцогу Бедфордскому), а въ теченіе XVIII вѣка число кораблей возросло въ $2^1/_2$ раза, количество тонъ увеличилось въ $3^1/_2$ раза. Другіе города, Манчестеръ, Бирмингемъ еще не играли роли, развивались по прежнему Дублинъ и Бостонъ, (въ 1766 г. пришло 434, вышло 363 корабля), однако послѣдній съ развитіемъ заокеанской торговли долженъ былъ уступить свое мѣсто Ливерпулю въ устьѣ Мерзея, гдѣ число тоннъ (пришедшихъ и вышедшихъ судовъ) возросло съ 27 тыс. въ 1730 г. до 140 тыс. въ 1770 году, въ 1709 г. былъ выстроенъ первый, а въ 1737 г. второй докъ, и размѣры гавани были увеличены до $1^1/_2$ мили въ длину.

Въ противоположность этимъ городамъ, города, расположены у Средиземнаго моря, съ открытіемъ новаго пути въ Индію потеряли свое прежнее значеніе. Вѣнскіе купцы жаловались въ 1512—13 г.г. имп. Максимиліану, что въ Венеціи невозможно болѣе достать необходимаго количества перца и просили о допущеніи иностранныхъ купцовъ, привозящихъ перецъ изъ Антверпена, Франкфурта и Нюрнберга, а въ 1514 году уже сами венеціанцы вынуждены были закупать

пряности въ Лиссабонѣ. Такимъ образомъ въ теченіе немногихъ десятилѣтій, съ точки зрѣнія міровой исторіи какъ бы однимъ ударомъ, Средиземное море лишилось своего тысячелѣтняго положенія въ международной торговлѣ, опустившись на ступень континентальнаго моря съ небольшимъ торговымъ значеніемъ. Итальянскіе города, въ особенности Генуя, Флоренція еще и въ XVI вѣкѣ играли роль въ торговлѣ, однако почти исключительно въ области банковыхъ операцій, являясь по прежнему банкирами иностранныхъ государей. На антверпенской и ліонской биржахъ, на кастильскихъ ярмаркахъ итальянскіе банкиры задавали тонъ, они производили по порученію Филиппа II платежи въ Нидерландахъ, Италіи и др., мѣстностяхъ (эти платежи назывались asiento), пользуясь своими сношеніями со всѣми странами и инкассируя ихъ затѣмъ въ Испаніи посредствомъ привозимаго изъ Перу золота. Эти операціи регулировались на т. наз. генуэзскихъ ярмаркахъ. Послѣднія происходили четыре раза въ годъ, сначала въ Безансонѣ, позже въ Савоѣ (Шамбери), затѣмъ были перенесены (въ Риволи, Асти и наконецъ) въ Піаченцу; но назывались они генуэзскими, ибо 30 (позже 60) банкировъ, которые здѣсь собирались, состояли почти исключительно изъ генуэзцевъ. Въ противоположность всѣмъ другимъ ярмаркамъ, они являлись исключительно вексельными ярмарками и служили для вызываемыхъ испанскими „asiento“ разсчетныхъ и кредитныхъ операцій, элиминируя, подобно испанскимъ ярмаркамъ, платежи на наличныя посредствомъ сличенія разсчетныхъ книгъ отдѣльныхъ банкировъ, причемъ тѣ, у которыхъ дебетъ превышалъ кредитъ, выдавали векселя своимъ кредиторамъ, — и операціи этихъ ярмарокъ распространялись на всю Европу. Лишь въ крайнемъ случаѣ (американское) серебро изъ Испаніи перевозилось въ Геную (откуда оно уже переходило въ другія страны), но все же не въ Нидерланды, гдѣ производились наиболѣе крупные платежи (во время войны за независимость) и куда перевозка многихъ милліоновъ сопряжена была бы съ гораздо большими трудностями.

Генуэзскія ярмарки, просуществовавшія до 20-хъ годовъ XVII вѣка и представлявшія собою никѣмъ не достигнутый впослѣдствіи образецъ концентраціи денежнаго и кредитнаго обращенія, составляли послѣднее созданіе итальянской коммерческой техники, которая съ этихъ поръ теряетъ свое значеніе вмѣстѣ съ вытѣсненіемъ итальянцевъ и изъ этой сферы торговой дѣятельности.

Въ Англіи и Нидерландахъ флорентинцы уже въ половинѣ XVI вѣка перестали играть роль въ области государственнаго кредита, а въ 1600 г. умеръ и послѣдній итальянскій банкиръ (генуэзецъ Поллавичини), принимавшій участіе въ денежныхъ операціяхъ англійскаго правительства—итальянцы были замѣнены англійскими коммерсантами. Въ теченіе XVI вѣка и французскимъ банкирамъ удается проникнуть въ область государственнаго кредита, вытѣсняя постепенно итальянцевъ; банкротство французскаго правительства въ 1648 г. знаменуетъ собою окончательное исчезновеніе иностранныхъ, т. е. итальянскихъ банкировъ. Только въ Испаніи, съ ея полной экономической отсталостью, генуэзцы, несмотря на неоднократное нарушеніе королемъ своихъ обѣщаній, несмотря на производимую конфискацію привозимаго на счетъ частныхъ лицъ изъ Америки серебра, продолжали еще въ теченіе всего XVII вѣка заключать съ королемъ займы подъ огромные (до 40) проценты.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ экономическаго развитія другихъ странъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія ими самостоятельности въ области торговли, нарожденія у нихъ собственнаго купеческаго класса и образованія торговаго капитала, итальянцы, сначала въ товарной, а затѣмъ и въ денежной торговлѣ и банковыхъ операціяхъ теряютъ свое прежнее значеніе, перестаютъ быть банкирами и купцами всей Европы. Такая же участь должна была постигнуть и ганзейцевъ, которые занимали въ средніе вѣка такое же мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ, какъ и итальянцы. Въ Англіи ганзейцы при Елизаветѣ лишаются окончательно своихъ привилегій, а въ 1598 г. закрывается и Stalhof, ихъ торговое подворье. Политика покровительства иноземнымъ купцамъ, въ которыхъ

страна нуждалась, замѣняется политикой національной исключительности. То-же произошло вскорѣ и въ скандинавскихъ государствахъ.

Въ Даніи Христіанъ IV прямо заявилъ ганзейцамъ, отмѣняя ихъ привилегіи, что въ нихъ болѣе не нуждаются и что и безъ нихъ найдется достаточно торговцевъ для снабженія государства товарами, изъ за чего они по ихъ собственному признанію только и получали прежде льготы. Въ концѣ XVI вѣка прекратилась торговая зависимость Швеціи отъ ганзейцевъ, которая также самостоятельно вступила на путь торговли и мореплаванья. Наконецъ въ Бергенѣ ганзейцы вытѣснены были англичанами, голландцами, датчанами (въ 1763 г. ихъ контора была окончательно закрыта).

Потеряла свое значеніе и торговля Ганзы съ Московскимъ государствомъ. Послѣ закрытія въ 1494 г. ганзейской конторы въ Новгородѣ Іоанномъ III, торговыя сношенія возобновились и еще при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ ганзейцы посѣщали Новгородъ и Псковъ, Архангельскъ и Холмогоры. Но въ теченіе XVI вѣка на первый планъ уже выступили англичане и голландцы, а въ смутное время ганзейская торговля окончательно пала. Послѣдній сеймъ ганзейскихъ городовъ состоялся въ 1669 г. и даже тѣ немногіе города, которые явились на сеймъ, не могли придти ни къ какому рѣшенію. Союзъ окончательно распался.

Это былъ однако лишь заключительный аккордъ, и подобно тому, какъ ганзейскій союзъ возникъ и ганзейская торговля развивалась еще задолго до заключенія договора 1373 г., такъ и паденіе Ганзы совершилось гораздо раньше; союзъ распался и важнѣйшіе ганзейскіе города перестали играть роль въ торговлѣ уже въ XVI вѣкѣ. Въ то время, какъ ганзейская торговля сосредоточивалась въ средніе вѣка у Балтійскаго моря и здѣсь расположены были главные торговые центры, теперь оживленный торговый обмѣнъ, подъ вліяніемъ роста Англіи и Нидерландовъ, совершался на Сѣверномъ морѣ, и среди сѣверо-германскихъ городовъ сталъ выдвигаться постепенно съ XVI вѣка — въ средніе вѣка онъ стоялъ далеко позади Любска, Ростока, Данцига—Гамбургъ (и рядомъ съ нимъ, хотя въ меньшей степени, у того же Сѣвернаго моря,—Бременъ). Расположенный у устья Эльбы въ такомъ пунктѣ, гдѣ наиболѣе глубоко сидящія суда имѣли возможность входить далеко внутрь континента, являясь до извѣстной степени гаванью Берлина и вообще Бранденбурга и сѣверной Германіи и соединенный Эльбой съ Богеміей, Моравіей и Вѣной, Гамбургъ, съ измѣненіемъ торговаго пути, захватилъ въ свои руки торговлю прибалтійскихъ городовъ и сталъ первымъ послѣ Амстердама портовымъ городомъ на континентѣ. Во второй половинѣ XVIII ст. число судовъ, ежегодно приходившихъ въ его портъ и уходившихъ оттуда, составляло около 2 тыс. (изъ нихъ 150—160 подъ гамбургскимъ флагомъ), тогда какъ въ Любекѣ оно не превышало 800—950, въ Бременѣ доходило едва до 480. Кенигсбергъ же въ началѣ XVIII ст. не имѣлъ ни одного собственнаго корабля и Фридрихъ Вильгельмъ I справедливо писалъ, что вся прусская торговля никуда не годится, англичане и голландцы снимаютъ сливки. Начавъ съ торговли сырьемъ, Гамбургъ вскорѣ, съ учрежденіемъ въ 1558 г., чрезъ 4 года послѣ Антверпена, гамбургской биржи (въ Любскѣ она была устроена лишь въ 1605 г., въ Бременѣ въ 1614 г.) присоединилъ къ этому и денежныя и фондовыя операціи; въ 1619 г. учрежденъ былъ и извѣстный Гамбургскій, банкъ, устроенный по образцу Амстердамскаго. А затѣмъ, въ особенности послѣ паденія Антверпена, Гамбургъ сталъ торговать всѣми тѣми товарами, которые шли въ Амстердамъ и къ нему перешла торговля (чрезъ Англію и Нидерланды) колоніальными товарами. Въ XVIII ст. Гамбургъ находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ также съ Бордо и другими французскими портами и вывозилъ оттуда кромѣ винъ, сахаръ и кофе, индиго и другія произведенія французскихъ колоній. Съ тѣхъ поръ, какъ англійская компанія merchant-adventurers перенесла изъ Антверпена въ Гамбургъ (въ 1567 г., послѣ временного перерыва возобновлена въ 1611 г.) свою факторію (облег-

ченную особыми привилегіями) онъ сталъ крупнѣйшимъ центромъ англійской торговли на континентѣ, прежде всего сукномъ, и торговля Гамбурга промышленными издѣліями начала быстро возрастать. Такъ какъ Гамбургъ во всѣхъ многочисленныхъ войнахъ XVII—XVIII ст. соблюдалъ нейтралитетъ и умѣлъ сохранять торговыя связи и съ той и съ другой воюющей стороной, то его роль въ международной торговлѣ возрастала все болѣе и болѣе (онъ сохранилъ ее даже во время 7 лѣтней войны) и онъ усиленно конкурировалъ съ Англіей и Голландіей въ Португаліи, Испаніи и Скандинавскихъ государствахъ; а во второй половинѣ XVIII вѣка вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Америкой (послѣ ея отпаденія), сталъ и посредникомъ въ экспортѣ хлѣба изъ Архангельска и Балтійскихъ портовъ въ Англію; съ началомъ революціонныхъ войнъ, лишившихъ Амстердамъ значительной части его торговли, Гамбургъ занялъ первое мѣсто на континентѣ.

Южно-германскіе города съ открытіемъ торговаго пути въ Индію сильно пострадавшіе (хотя торговлю съ Венеціей они еще въ XVI вѣкѣ продолжали вести въ значительныхъ размѣрахъ), старались первоначально приноровиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ — купцы Нюрнберга и Аугсбурга принимали участіе въ первыхъ торговыхъ экспедиціяхъ португальцевъ въ Индію [1]); позже, когда иностранные купцы были устранены португальцами отъ непосредственной торговли съ Индіей, они перенесли центръ своей торговой дѣятельности въ находившійся въ зенитѣ своего величія Антверпенъ и стали играть руководящую роль (Фуггеры, Вельзеры, Лацарусъ Тухеръ, Гехштеттеры) въ торговлѣ остъ-индскими пряностями, въ особенности перцемъ, между Лиссабономъ, Антверпеномъ и южной Германіей. Въ Тиролѣ, Венгріи, Саксоніи, Богеміи, Испаніи они обнаружили широкую иниціативу въ области горнаго дѣла, на ліонской биржѣ они играли почти столь-же важную роль какъ флорентинцы, и еще во второй половинѣ XVI вѣка торговый домъ Краффтеръ въ Аугсбургѣ посредствомъ устроенной въ Марсели факторіи принималъ непосредственное участіе въ левантійской торговлѣ, а Вельзеры (въ XVI ст.) даже произвели завоеванія и попытку колонизаціи въ Венецуелѣ (первый и единственный случай пріобрѣтенія нѣмцами обширныхъ территоріальныхъ владѣній въ Америкѣ). И только съ паденіемъ Антверпена и въ особ. съ переходомъ торговли съ Остъ-Индіи въ руки Нидерландовъ южно-германскіе купцы были вытѣснены изъ товарой торговли. Еще болѣе велико было въ XVI ст. значеніе южно-германскихъ купцовъ въ области кредитныхъ операцій, гдѣ они, обладая обширными капиталами (имущество Фуггеровъ составляло въ 1546 г., какъ выяснилъ Эренбергъ на основаніи ихъ торговыхъ книгъ, около $3^1/_2$ милл. дукатъ, тогда какъ по словамъ венеціанца Джіованни Мичели, богатѣйшіе англійскіе купцы, обладали въ 1557 г. не болѣе чѣмъ 200—250 тыс. дукатъ или 50—60 тыс. ф. стерл.), имѣли возможность доставлять въ теченіе многихъ десятилѣтій не только императору, но и его врагамъ, французскимъ королямъ, какъ и другимъ государямъ, испанскимъ, англійскимъ, необходимыя имъ для веденія войнъ и снаряженія войска денежныя суммы. Если въ средніе вѣка государственный кредитъ находился въ рукахъ итальянцевъ, то въ XVI вѣкѣ наравнѣ съ генуэзцами и флорентинцами стояли въ этой роли банкиры южногерманскихъ городовъ, отъ которыхъ зависѣла судьба королей и исходъ войнъ (въ зависимости отъ того, кому они давали деньги и являлась ли возможность уплатить наемному войску). Не долго продолжался однако ихъ расцвѣтъ: значительной части полученныхъ денегъ государи не возвратили, и это обозначало банкротство торговыхъ фирмъ Аугсбурга, Нюрнберга, какъ и итальянскихъ банкировъ (съ конца XVI и начала XVII ст.).

---

[1]) Въ седьмой экпедиціи напр. участвовали аугсбургскіе и нюрнбергскіе торговые дома Фуггеръ, Вельзеръ, Гехштеттеръ, Госсембротъ, Имгофъ, Велинъ—изъ 6 кораблей имъ принадлежало 3.

Уже въ XVI вѣкѣ коммерческая дѣятельность купцовъ южно-германскихъ городовъ для этихъ городовъ имѣла мало значенія, ибо совершалась за предѣлами ихъ, даже за предѣлами Германіи; куда уходили капиталы, переселялись и сами купцы и это усиливалось по мѣрѣ расширенія денежныхъ и кредитныхъ операцій насчетъ торговыхъ, которыя все болѣе отступали на задній планъ: уже въ XVI ст. торговля товарами совершалась въ Германіи изъ третьихъ рукъ, чрезъ посредство голландцевъ и англичанъ. Наконецъ, неоднократное прекращеніе платежей королями испанскими и французскими (въ 1557—1575 и др. г.г.) привело къ гибели южно-германскихъ торговыхъ фирмъ: въ 1563 г. король Филиппъ II долженъ былъ Фуггерамъ почти $4^1/_2$ милл. гулд., въ 1577 г. 5 милл., и этихъ денегъ они не получили обратно, къ половинѣ XVII ст. они потеряли на займахъ дома Габсбурговъ 8 милл. гульд., большую часть всего заработаннаго въ теченіе столѣтней дѣятельности. Въ послѣднія, два десятилѣтія XVI вѣка и въ началѣ XVII ст. обанкротилось и большинство другихъ нюрнбергскихъ и аугсбургскихъ (а также страсбургскихъ и др.) торговыхъ фирмъ.

Въ XVII—XVIII ст. южно-германскіе города, потерявъ свои капиталы въ кредитныхъ операціяхъ съ иностранными монархами, не имѣли торговаго значенія и въ области товарной торговли, которую они постепенно прекращали съ половины XVI ст., по мѣрѣ расширенія ихъ дѣятельности въ области кредита (только торговля съ Венеціей продолжалась и въ XVII ст. см. Simonsfeld, Fondaco dei Tedeschi in Venedig) и которая отчасти въ виду изчезновенія промышленности изъ этихъ городовъ (въ XIV—XV ст. промышленность тамъ была весьма развита), не находила себѣ питанія, отчасти же—торговля колоніальными товарами—находилась въ рукахъ голландцевъ. Куда ни посмотришь—говоритъ Лампрехтъ—изъ торговыхъ центровъ, игравшихъ роль еще въ XVI вѣкѣ, насъ обдаетъ запахомъ разложенія".

Собственной промышленности Германія, въ противоположность другимъ странамъ, въ XVII—XVIII ст. не имѣла, а вынуждена была уплачивать Франціи ежегодно не менѣе $^1/_{10}$ своего дохода, по Лейбницу и около 4 милл. тал., по Бехеру; въ XVIII ст. уходило во Францію 18 милл. мар. ежегодно, въ концѣ вѣка даже до 32 милл. мар. Поѣдемъ въ Бременъ—говоритъ Юліусъ Мезеръ, поможемъ тамошнимъ купцамъ нагружать песокъ въ качествѣ балласта въ корабли, посмотримъ у французовъ въ Нантѣ горы песку, которыя вываливаютъ тамъ бременцы и которыя извѣстны подъ названіемъ "les produits de l'Allemagne". Бехеръ насмѣхается надъ нѣмцами, по мнѣнію которыхъ французскіе ножницы лучше нѣмецкихъ рѣжутъ волосы, французскіе парики лучше украшаютъ голову, чѣмъ нѣмецкіе волосы, нѣмецкія деньги можно проигрывать лишь французскими картами и класть только во французскіе кошельки.

Въ Ульмѣ едва сохранились остатки прежней торговли холстомъ съ Италіей, дѣятельность Аугсбурга свелась къ мелочному торгу иконами и амулетами, жители Регенсбурга кормились лишь благодаря рейхстагу, собиравшемуся въ его стѣнахъ въ Нюрнбергѣ еще въ 1621 г. возникъ извѣстный Нюрнбергскій банкъ, одно изъ первыхъ банковыхъ учрежденій Европы, въ эту эпоху производился вывозъ промышленныхъ издѣлій, но позже сосѣдніе города, Ансбахъ, Байрейтъ, Эрлангенъ, гдѣ поселились гугеноты, отбили у него промышленность. Они разыгрываютъ венеціанцевъ – пишетъ Пельницъ въ 1730 г. о нюрнбергскихъ патриціяхъ—и вздуваются какъ лягушки, между тѣмъ какъ падающее благосостояніе города даетъ себя знать въ тѣхъ униженныхъ поклонахъ, съ которыми трактирщики и торговцы ветрѣчаютъ пріѣзжихъ, доставляющихъ имъ пропитаніе. Немногимъ лучше было положеніе и другихъ городовъ внутренней Германіи. Въ Кельнѣ, сохранившемъ первоначально связи съ Нидерландами, въ первой половинѣ XVI ст. даже оживилась торговая дѣятельность, въ 1566 г. была основана бѣжавшими изъ Нидерландовъ протестантами биржа и возникла вексельная торговля. Но вскорѣ городской совѣтъ сталъ враждебно относиться къ нидерландскимъ бѣглецамъ, послѣдніе покинули городъ и его торговое значеніе прекратилось, въ XVIII вѣкѣ онъ „потонулъ въ грязи, улицы кишатъ монахами и нищими", какъ сообщаютъ современники.

Наоборотъ, Цюрихъ и Базель, благодаря своей политической и религіозной терпимости, обнаруживаютъ значительный ростъ: итальянцами и гугенотами была создана здѣсь промышленность. Одни базельскіе торговцы шелковыми издѣліями

(почти все иностранцы) имѣли на Рейнѣ 360 кораблей, отправляемыхъ во Франкфуртъ.

Еще болѣе выдвинулись какъ по причинѣ своего выгоднаго географическаго положенія, такъ и вслѣдствіе широкой терпимости къ купцамъ другихъ національностей и вѣроисповѣданія, Франкфуртъ на Майнѣ и Лейпцигъ, двѣ крупнѣйшія ярмарки разсматриваемаго періода. Благодаря голландцамъ, бѣжавшимъ изъ Нидерландовъ во время войны съ Испаніей, и изгоняемымъ изъ Испаніи евреямъ, во Франкфуртъ (гдѣ перекрещивались пути изъ Швейцаріи, Голландіи и Франціи, изъ южной Германіи и съ востока—изъ Галле и Эрфурта) въ особ. послѣ паденія Антверпена перешла товарная торговля съ Германіей, поскольку она не сосредоточивалась въ Гамбургѣ, а затѣмъ и денежная и вексельная операція. Хотя съ ростомъ амстердамской биржи Франкфуртъ очутился въ торговой зависимости отъ послѣдней (лишь къ концу XVIII ст. онъ вполнѣ эмансипировался отъ Амстердама), а также пріобрѣлъ конкурентовъ въ лицѣ Мангейма и Базеля (ибо голландцы и англичане поднялись вверхъ по Рейну), но все же онъ и въ XVII ст. составлялъ важное ярмарочное мѣсто, въ XVIII же вѣкѣ чрезвычайно существенный рынокъ капиталовъ,— съ тѣхъ поръ какъ фирма Ротшильдовъ стала выдвигаться и отвоевывать себѣ первое мѣсто въ области государственнаго кредита (См. Ehrenberg. Grosse Vermögen. I.)

Еще выгоднѣе было географическое положеніе Лейпцига, ибо прямой путь изъ южной Германіи въ Гамбургъ, главный нѣмецкій торговый портъ, какъ и путь изъ Венгріи по Дунаю и съ нижняго Рейна въ Бреславль велъ необходимо чрезъ Лейпцигъ; послѣдній сталъ такимъ образомъ узломъ важнѣйшихъ торговыхъ путей внутренней Европы, соединяя на своей ярмаркѣ торговлю Сѣвернаго моря и Адріатическаго побережья, Венгріи, Россіи и Польши, и затмивъ собою въ XVIII ст. даже франкфуртскую ярмарку. Проводя строго во время ярмарки принципъ свободы торговли и одинакового отношенія къ своимъ и иностранцамъ, которые торговали даже въ промежуткахъ между ярмарками, Лейпцигъ привлекалъ тѣмъ самымъ на свои ярмарки отъ 3 до 7 тыс. купцовъ (какъ англичанъ и голландцевъ, такъ и грековъ и польскихъ евреевъ, послѣдніе составляли 13—25 проц.) и обороты ярмарки, значительно увеличившись съ конца XVI вѣка, достигали въ XVIII ст. $7^1/_2$—$13^1/_2$ милл. марокъ и 15—24 милл. марокъ въ годъ [1]).

Въ противоположность Амстердаму и Франкфурту, вексельныя операціи въ Лейпцигѣ не имѣли самостоятельнаго значенія, а составляли лишь придатокъ къ товарной торговлѣ, причемъ лейпцигскіе векселя не играли роли въ международной торговлѣ, но зато иностранные векселя обращались въ большомъ количествѣ на лейпцигской ярмаркѣ въ качествѣ платежнаго средства; до Тридцатилѣтней войны это были векселя на южно-германскіе рынки, послѣ войны—франкфуртскіе (на Майнѣ), въ XVIII ст.—амстердамскіе (въ операціяхъ съ Россіей), вѣнскіе (въ левантійской торговлѣ), къ концу XVIII столѣтія—англійскіе и гамбургскіе. (Hasse. 277—78).

Въ половинѣ XV ст. лейпцигская торговля стояла далеко позади торговли Эрфурта, Магдебурга и Галле, которые пользовались болѣе благопріятнымъ географическимъ положеніемъ, чѣмъ Лейпцигъ (Галле, находясь въ одинаковыхъ съ Лейпцигомъ условіяхъ, въ то же время имѣлъ преимущество въ видѣ расположенія у судоходной рѣки, у рѣки лежалъ и Магдебургъ); но послѣ продолжительной упорной борьбы съ ними (противъ ихъ ярмарокъ и рынковъ и штапельнаго права), какъ и съ Наумбургомъ, Брауншвейгомъ и цѣлымъ рядомъ другихъ городовъ ему удалось развить свою торговлю на ихъ счетъ (Hasse. p. 34—102). Ярмарки происходили 3 раза въ годъ, въ XV ст. продолжались по одной недѣлѣ, впослѣдствіи двѣ изъ нихъ—по три недѣли, причемъ нерѣдко иностранные купцы оставались (или оставляли своихъ факторовъ или довѣренныхъ) весь годъ въ Лейпцигѣ, продавали въ розницу, вступали въ непосредственный обмѣнъ между собою, и хотя все это было запрещено и мѣстные купцы жаловались на такую

[1]) Hasse. Geschichte der Leipziger Messen. p. 189—90. 248—250. 298—300.

конкурренцію, но городъ не рѣшался выступать противъ такихъ нарушеній. (Hasse. 180—1. 193. 196). Не помогали и жалобы на то, что купцы изъ Лондона, Гамбурга, польскіе евреи и др. подъ видомъ распаковки привезенныхъ мѣховъ уже за три недѣли до открытія ярмарки приступаютъ къ продажѣ. На запрещеніе подобной торговли, а во избѣжаніе обхода и распаковки товаровъ до открытія ярмарки, они отвѣчали, что немедленная по пріѣздѣ сортировка мѣховъ и выколачиванье ихъ, какъ и чистка оставленныхъ въ Лейпцигѣ, представляется необходимымъ во избѣжаніе порчи товара, да и чистка товара, будучи начата лишь съ открытіемъ ярмарки, отняла бы цѣлую недѣлю, во время которой уже могла бы производиться торговля (р. 197—8). Весьма важнымъ признавалъ городъ посѣщеніе ярмарки евреями и сожалѣлъ (отчетъ ярмарочнаго комитета—Commerzien-Deputation за 1747 г.) объ уменьшеніи ихъ числа, объясняя это тѣмъ, что Франкфуртъ на Одерѣ и Бреславль привлекаютъ ихъ на свои рынки, не дѣлая различія между ними и христіанами, тогда какъ въ Саксоніи они вынуждены уплачивать унизительную и высокую подушную подать (р. 313).

ГЛАВА III.

Объекты торговли; розничная торговля.

Среди товаровъ, объектовъ международной торговли попрежнему стояли на первомъ мѣстѣ пряности, которые получили названіе колоніальныхъ товаровъ, такъ какъ они получались изъ португальскихъ, нидерландскихъ, англійскихъ колоній. Но теперь эти продукты получались не чрезъ посредство арабовъ, которые въ средніе вѣка доставляли индійскіе товары въ Ормуздъ, Аденъ или Мекку, а оттуда въ Египетъ, а непосредственно, на мѣстѣ ихъ произрастанія (послѣднія были ранѣе неизвѣстны и о нихъ ходили всевозможныя легенды)—перецъ съ Малабарскаго побережья португальцами, позже (по вытѣсненіи ихъ) голландцами, также изъ Суматры, Бантама, и др. мѣстъ; корица (тѣми и другими) изъ Цейлона (изъ за нея португальцы только и овладѣли повидимому островомъ), гвоздика и мускатный орѣхъ съ Молукскихъ острововъ (острова Тернате, Амбоина, Банда), изъ за которыхъ голландцы вели кровопролитную войну съ португальцами (первоначально занявшими эти острова) и англичанами, старавшимися отнять ихъ у Нидерландовъ. Но къ этимъ и другимъ пряностямъ присоединились теперь новые: рисъ, которымъ изобиловали Большіе Зондскіе острова, кофе, который голландцы стали разводить на Явѣ, опій изъ Бенгаліи, чай изъ Китая, привезенный впервые въ Нидерланды въ 1610 году. Количество колоніальныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Европу, значительно возросло и цѣны ихъ съ конца XVI и начала XVII ст. понизились (такъ что, несмотря на совершавшееся въ XVI—XVII ст. паденіе цѣнности денегъ, они стояли немногимъ и даже вовсе не выше,—рисъ и перецъ даже ниже чѣмъ до открытія новаго пути въ Индію), а въ XVIII вѣкѣ (по крайней мѣрѣ во Франціи), по даннымъ д'Авенеля, цѣна сахара, перца и имбиря еще болѣе упала. Благодаря этому, пряности стали употребляться въ пищу не только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ это было въ средніе вѣка, но и въ качествѣ обычной приправы у болѣе зажиточныхъ слоевъ населенія — перецъ, калганъ, мускатъ, гвоздика, имбирь должны были устранять дурной запахъ несвѣжихъ продуктовъ и возбуждать аппетитъ, они стали и общеупотребительными народными снадобіями, которыми лечились отъ всякихъ болѣзней (отъ чумы, холеры и т. п.), а сахаръ, который до 1600 г. покупался лотами въ аптекѣ, теперь стали потреблять въ пищу въ довольно большомъ количествѣ; въ XVII вѣкѣ появились кофейни въ Нидерландахъ и Англіи, гдѣ потребляли этотъ новый напитокъ. Къ этимъ товарамъ присоединился вывозъ въ Европу хлопчатобумажныхъ тканей, хотя европейскія государства, въ интересахъ своей текстильной промышленности, запрещали населенію ношеніе этихъ матерій (вывозъ хлопка изъ Америки въ значительныхъ

размѣрахъ начался лишь въ концѣ XVIII ст.), а также своеобразный объектъ колоніальной торговли—торговля людьми (рабами), которая существовала и въ средніе вѣка (производилась особ. итальянскими городами) и которая теперь въ видѣ торга неграми достигла широкихъ размѣровъ. Негры вывозились изъ Африки, преимущественно изъ Гвинеи, на Малые и Большіе Антильскіе острова и на континентъ Америки: монополія торговли ими, какъ и торговля съ Америкой вообще, принадлежала испанцамъ, однако, послѣдніе на основаніи договоровъ (assiento de negros) уступили ее за опредѣленную плату сначала въ XVI ст. генуэзцамъ и нѣмцамъ, затѣмъ она перешла къ португальцамъ; съ конца XVII ст. ассіенто было передано французамъ, а по Утрехейскому миру 1713 г. англичанамъ, именно южно-океанской компаніи, хотя фактически и французы продолжали производить эту торговлю, доставлявшую огромные барыши (они продавали негровъ на Антильскихъ островахъ по цѣнѣ въ десять разъ большей, чѣмъ уплатили за нихъ въ Сенегамбіи). Торговля Новой Англіи и Нью-Іорка въ XVIII ст. состояла въ значительной мѣрѣ въ вывозѣ соленой рыбы, лѣса и т. д. въ Африку для обмѣна на негровъ, которые транспортировались въ Вестъ-Индію и обмѣнивались на сахаръ, хлопокъ, пряности, въ особ. же золото и серебро—для уплаты за привозимые изъ Лондона промышленныя издѣлія. Въ англійскихъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ насчитывалось въ 1715 г. 60 милл. негровъ, въ 1754 г. 260 милл. и въ 1776 г. 460 милл. (Halle. Baumwollproduktion etc. in den Nordamer. Südstaaten. I. 1897., p. 40).

Болѣе значительные размѣры пріобрѣла и хлѣбная торговля, хотя она попрежнему носила почти исключительно морской характеръ, на сушѣ же издержки трансиорта массовыхъ продуктовъ были и теперь еще слишкомъ высоки. Восточная Германія съ ея крупнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ (см. выше) какъ и Польша были теперь еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде странами, вывозившими хлѣбъ, и они (отчасти также Данія и Россія) стали теперь правильно снабжать хлѣбомъ различныя мѣстности Нидерландовъ и Франціи въ особ. же южную Европу (Италію, Пиринейскій полуостровъ). Посредниками между этими странами хлѣбнаго вывоза и ввоза были теперь уже не газейцы, а голландцы, въ торговлѣ которыхъ обороты на Балтійскомъ морѣ (а не съ Индіей)—какъ мы видѣли выше—занимали первое мѣсто (на первомъ планѣ стоялъ хлѣбъ, затѣмъ строевой лѣсъ и иные предметы сырья). Итальянскіе и французскіе купцы иногда обращались за хлѣбомъ въ прибалтійскія мѣстности; но только тогда, когда у нихъ былъ неурожай, постоянной же торговли они вели. Кромѣ того, ни Италія ни Испанія, съ одной стороны, ни прибалтійскіе города (Данцигъ, Штеттинъ, Кенигсбергъ), съ другой стороны, въ эту эпоху торговаго флота не имѣли и поэтому не могли установить непосредственныхъ сношеній. Они должны были предоставить хлѣбную торговлю голландцамъ, которые широко развили свое мореходство и судостроеніе и которые создали правильно организованную хлѣбную торговлю. Имѣя своихъ постоянныхъ факторовъ и комиссіонеровъ въ прибалтійскихъ городахъ для закупки хлѣба и производя послѣднюю и въ годы обильныхъ урожаевъ, что было выгодно и для странъ экспорта и для голландцевъ самихъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣтать въ эти годы хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, голландцы отправляли его въ Амстердамъ и затѣмъ вывозили туда, гдѣ былъ неурожай и гдѣ его можно было сбыть по высокой цѣнѣ. Амстердамъ, вслѣдствіе этого, сталъ хлѣбнымъ амбаромъ Европы и цѣны на хлѣбъ, устанавливавшіяся на амстердамской биржѣ, оказывали свое вліяніе во всей Европѣ (въ Генуѣ, Мадридѣ и Лиссабонѣ столь же, какъ и въ Лондонѣ, Гамбургѣ и Данцигѣ).

Торговая политика западно-европейскихъ государствъ въ области хлѣбной торговли попрежнему носитъ двоякій характеръ—съ одной стороны, государства, подобно средневѣковымъ городамъ, стѣсняютъ экспортъ хлѣба изъ страны посредствомъ запрещеній или вывозныхъ пошлинъ, въ интересахъ населенія, въ годы воз-

растанія хлѣбныхъ цѣнъ; такъ поступалъ въ особ. Кольберъ во Франціи. А съ другой стороны, короли и папы продолжали свою фискальную политику, запрещая вывозъ хлѣба, но въ то же время выдавая за плату лиценціи на экспортъ хлѣба, какъ это дѣлалось во Франціи послѣ смерти Кольбера, или даже самостоятельно торгуя хлѣбомъ, какъ это дѣлали папы, тосканскіе герцоги, шведскіе короли—Карла XI называли прямо „главнымъ торговцемъ хлѣбомъ"—повидимому и французскіе монархи (Людовикъ XVI, Людовикъ XVI). Въ Папской области, Неаполѣ, Сициліи, Піемонтѣ и т. д. это происходило такимъ образомъ, что запрещалось вывозить хлѣбъ съ цѣлью увеличенія запасовъ его въ магазинахъ на случай голода, а затѣмъ, когда цѣна вслѣдствіе этого, понижалась, лица, излавшія запрещеніе, ихъ фавориты или купцы, которые дѣлили съ ними выручаемую такимъ путемъ прибыль, скупали у крестьянъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ и вывозили ихъ въ другія мѣстности (см. подробное описаніе у Naudé).

Рядомъ съ этимъ возникаетъ однако въ нѣкоторыхъ странахъ, въ особ. Англіи и Голландіи, въ XVII—XVIII ст. протекціонная политика (отчасти также въ Саксоніи и Пруссіи), въ цѣляхъ покровительства земледѣлію, которая выражается въ постепенномъ облегченіи вывоза хлѣба, въ полномъ устраненіи препятствій къ вывозу и даже поощреніи послѣдняго посредствомъ премій и даже въ установленіи привозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Въ Нидерландахъ уже къ концу XVI ст. въ отдѣльныхъ провинціяхъ появились таможенныя пошлины на привозной хлѣбъ, но вывозныя пошлины (образовавшіяся изъ прежнихъ лиценцій на вывозъ хлѣба) не только продолжали существовать, но и превышали въ 4—5 разъ привозную пошлину и только въ 1725 г. землевладѣльцы, послѣ продолжительной борьбы, одержали побѣду надъ купеческимъ классомъ, добившись полной свободы вывоза и установленія сравнительно высокихъ привозныхъ пошлинъ для всей страны. И въ Англіи уже въ 1660 г. появляются ввозныя пошлины, когда еще вывозъ былъ стѣсненъ, лишь 1689 г., когда не только устранены всякія стѣсненія вывоза, но и установлено поощреніе его посрѣдствомъ вывозныхъ премій (знаменитый законъ Вильгельма III, который физіократы постоянно приводили въ качествѣ примѣра заслуживающаго подражанія) считается исходной точкой въ развитіи англійскаго аграрнаго протекціонизма (продолжавшагося до 40-хъ годовъ XIX ст.),

Наконецъ, по сравненію со средневѣковымъ періодомъ, когда промышленныя издѣлія, при господствѣ городского хозяйства, являлись лишь въ видѣ исключенія объектами торговыхъ оборотовъ, въ эту эпоху торговля полуфабрикантами и фабрикантами значительно расширилась; она расширилась и внутри государства, благодаря уменьшенію таможенныхъ преградъ и благодаря сооруженію каналовъ и устройству почтовыхъ сообщеній, она приняла значительные размѣры въ видѣ сбыта промышленныхъ издѣлій въ колоніи, главные рынки въ особ. для Англіи и въ левантійскія страны (Турцію, Марокко и т. д.), весьма существенныя для французскаго экспорта; она усилилась наконецъ и между европейскими государствами, несмотря на промышленный протекціонизмъ. Послѣдній умѣрялся прежде всего торговыми договорами: на основаніи извѣстнаго Метуенскаго договора 1703 г. между Англіей и Португаліей, Португалія за пониженіе въ Англіи на $^1/_3$ ввозныхъ пошлинъ на португальскія вина, по сравненію съ пошлиной, уплачиваемой французскими винами,—отказалась отъ покровительства своей шерстяной промышленности, сдѣлавъ въ пользу Англіи исключеніе изъ общаго запрещенія привоза шерстяныхъ издѣлій. Далѣе, различныя страны—Скандинавскія государства, Россія, не перейдя еще къ протекціонизму или перейдя лишь отчасти, являлись важными рынками сбыта для кустарной промышленности и мануфактуръ прочихъ государствъ. Наконецъ, съ запрещеніями ввоза и запретительными пошлинами успѣшно боролась контрабандная торговля, которая значительно облегчалась въ эту эпоху—по сравненію съ контролемъ при ввозѣ въ городъ въ средніе вѣка—какъ въ виду значительности пограничной черты, что затрудняло

контроль, такъ и вслѣдствіе замѣны цеховъ (которые осматривали привозимые товары) незаинтересованными въ стѣсненіи привоза правительственными чиновниками, которыхъ не трудно было подкупить.

Въ Англіи уже въ 1464 г. и 1484 появляются запрещенія ввоза на цѣлый рядъ предметовъ, съ 1660 г. установлены высокія запретительныя пошлины; во Франціи первыя запрещенія въ XV ст.—на сукно 1443 г. и шелкъ ок. 1410 г.,—затѣмъ въ 1669 и 1671 г.г. запрещенія ввоза зеркалъ и кружевъ, а въ 1701 и 1742 г.г. запрещенія, направленныя спеціально противъ англійскихъ товаровъ; въ Пруссіи съ половины XVII ст. запрещеніе ввоза ряда промышленныхъ издѣлій: сукна, продуктовъ изъ мѣди и олова, желѣзныхъ товаровъ, стекла; запрещеніе другихъ товаровъ при Фридрихѣ Вел., еще раньше, съ нач. XVIII ст. высокія ввозныя пошлины на французскіе галантерейные товары и т. п.

На франкфуртской ярмаркѣ въ концѣ XVIII ст. зарегистровано 1200—1500 иногородныхъ и иностранныхъ купцовъ, причемъ въ товарной торговлѣ имѣли наибольшее значеніе фабрикаты, именно, съ одной стороны, предметы роскоши (шелковыя издѣлія, галантерейные товары, ювелирные и др.), а съ другой стороны ткани (шерстяныя, льняныя, бумажныя) разныхъ сортовъ (около 100), какъ нѣмецкаго, такъ и иностраннаго (французскаго, итальянскаго, англійскаго) производства, тогда какъ сырья и полуфабрикатовъ встрѣчается сравнительно весьма мало. (Kanter. Entw. des Handels etc. zu Frankfurt a. M. seit Mitte des 18. Jahrh., p. 19 и сл.).

На первомъ планѣ стояли промышленныя издѣлія англійскія (особ. сукно) и французскія (шелковыя ткани и другіе предметы роскоши) въ качествѣ объектовъ торговли, отчасти и произведенія швейцарской промышленности, тогда какъ Италія и Германія совершенно потеряли то значеніе, которое они имѣли въ средніе вѣка, лишившись теперь (южно-германскіе и сѣверо-итальянскіе города) своихъ промысловъ, работавшихъ для вывоза; только въ Саксоніи и Баденѣ имѣлись мѣстности съ развитой индустріей.

Если въ средніе вѣка раздѣленіе труда въ области торговли было чрезвычайно мало развито, то въ эту эпоху оно сдѣлало извѣстные успѣхи, хотя совершалось все же крайне медленно—рядомъ съ выдѣлившимся классомъ оптовыхъ торговцевъ, которые вели непосредственно торговлю съ колоніями или привезенными изъ колоній товарами изъ вторыхъ рукъ, существовала другая категорія въ лицѣ скупщиковъ, которые пріобрѣтаемые у кустарей промышленныя издѣлія сбывали на ярмаркахъ и рынкахъ какъ оптомъ, такъ и въ розницу; сохранялось нерѣдко и соединеніе купца и банкира въ одномъ лицѣ (см. Vigne. Moritz-Eichhorn и др.), комиссіонера и торговца, ведущаго самостоятельныя операціи и т. д. Постепенно осѣвшіе въ средніе вѣка мѣстные городскіе розничные торговцы, существовавшіе въ ту эпоху лишь въ крупныхъ центрахъ, теперь появились и въ мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ, причемъ, однако, попрежнему торговали всевозможными товарами одновременно—матеріей, домашней утварью, металлическими издѣліями, колоніальными товарами (въ связи съ этимъ и неопредѣленность ихъ названій—въ Англіи grocer, mercer, haberdasher). Лишь въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ выдѣлялись особыя отрасли розничной торговли (напр. продажа металлическихъ издѣлій). Но въ селахъ и такихъ мелочныхъ лавокъ не было, постоянная торговля замѣнялась разносной, многочисленными коробейниками, переносившими на плечахъ, въ лучшемъ случаѣ перевозившими верхомъ свои незатѣйливые товары съ мѣста на мѣсто, ходившими изъ дома въ домъ, предлагая ихъ покупателямъ (какъ впрочемъ и лавочники въ городахъ зазывали къ себѣ публику). Насколько потребность въ нихъ была въ тѣ времена велика, настолько недоброжелательно было отношеніе къ нимъ—и со стороны мѣстныхъ ремесленныхъ цеховъ, привилегіи которыхъ они нарушали, сбывая товары, продажа которыхъ принадлежала исключительно данному цеху, а иногда—составляя смѣсь разноснаго торговца со скупщикомъ и давая заказы на промышленныя издѣлія нецеховымъ, женщинамъ и т. д.,—и со стороны городскихъ (осѣдлыхъ) лавочниковъ, „честныхъ купцовъ“, съ которыми они

конкуррировали, посѣщая города столь же усердно, какъ и села (да и сельскіе жители благодаря имъ, не имѣли надобности ходить въ города для покупки необходимыхъ предметовъ) и которые обвиняли ихъ въ обманномъ сбытѣ плохихъ товаровъ,—и наконецъ со стороны государства, которое, не имѣя возможности надлежащимъ образомъ контролировать разносную торговлю, опасалось, что этимъ путемъ ввозятся заграничные, нерѣдко болѣе дешевые, но запрещенные товары. Дѣйствительно, разносная торговля являлась важнымъ средствомъ обхода протекціонной системы, и если учрежденныя Фридрихомъ Вел. мануфактуры страдали отъ иностранной конкурренціи, несмотря на существованіе цѣлой массы стѣсненій къ ввозу послѣднихъ, и продукты саксонской и швейцарской промышленности ввозились во Францію при наличности запрещеній привоза,—то далеко не послѣднюю роль въ этой контрабандной торговлѣ играла развозная и разносная торговля (только, когда окольныя дороги оказывались непроходимыми, ввозъ пріостанавливался). Контрабандный въ значительной мѣрѣ характеръ разносной торговли разсматриваемой эпохи находится въ связи съ тѣмъ, что этотъ видъ торговли остался еще въ рукахъ тѣхъ лицъ, которымъ въ раннее средневѣковье принадлежала вся посредническая дѣятельность, а въ слѣдующія столѣтія значительная часть торговли, въ особ. же банковое дѣло, — именно, что ее производили преимущественно иностранцы. Итальянцы изъ Піемонта, Ломбардіи, Савои, въ Швейцаріи, Австріи и южной Германіи, шварцвальдцы во Франціи и Швейцаріи, шотландцы въ различныхъ континентальныхъ странахъ — составляли главный элементъ этихъ торговцевъ галантерейными и колоніальными товарами. Нерѣдко они образовывали товарищества, торговавшія за общій страхъ и рискъ (туда принимались только сыновья членовъ и притомъ лишь старшіе сыновья) и распространявшія свои операціи на нѣсколько странъ, причемъ въ виду враждебнаго отношенія къ иностранцамъ, членъ товарищества въ своемъ районѣ пріобрѣталъ подданство и выдавалъ себя за „главное лицо“, т. е. за отвѣтственнаго товарища. Этимъ путемъ удавалось пріобрѣсти не только право торговли на равныхъ съ мѣстными жителями началахъ, но и исключительную привилегію торговли въ данной мѣстности (извѣстными товарами), ибо такія привилегіи отдавались правительствомъ на откупъ.

Это было въ особенности возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другіе торговцы или товарищества спеціально торговали опредѣленными не производимыми въ данной странѣ товарами, какъ, напр., шварцвальдскіе или швейцарскіе торговцы часами, или торговцы стекляной и деревяной посудой и плетенными изъ соломы (швейцарскими) шляпами (во Франціи въ особенности). Къ этому они присоединяли впрочемъ сбытъ въ южной Германіи штирійскихъ косъ и серповъ, пѣвчихъ птицъ изъ Нидерландовъ, продажу лотарингинскихъ кружевъ, издѣлій изъ агата и т. д., ибо, посѣщая ту или другую страну, они съ продажей товаровъ соединяли пріобрѣтеніе мѣстныхъ издѣлій, ходкихъ въ другихъ странахъ.

Взявъ на себя, такимъ образомъ—какъ и иностранные купцы въ средніе вѣка—торговое посредничество между нѣсколькими народами, они старались, пріобрѣтая въ каждой странѣ, одновременно со сбытомъ иностранныхъ товаровъ, мѣстныя издѣлія, ускорить оборотъ своего небольшого капитала; заботились слѣд. о томъ, чтобы деньги не лежали безъ употребленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгали, благодаря этому, перевозки денегъ или несенія ихъ съ собой (векселя были мало извѣстны этимъ вышедшимъ изъ крестьянъ мелкимъ торговцамъ—они боялись всякой бумаги). Съ этимъ вполнѣ гармонировало осуществленіе и другого принципа современной торговли (какъ и стремленіе къ ускоренію оборота капитала, столь чуждое средневѣковому періоду), именно—въ противоположность соглашеніямъ о цѣнѣ между торговцами въ предыдущій періодъ—побивать своихъ конкуррентовъ дешевизной товаровъ, расширяя этимъ путемъ свой кругъ потребителей (прежняя, господствовавшая впрочемъ и въ эту эпоху,—вплоть до появленія свободной конкурренціи — точка зрѣнія была — брать не количествомъ сбываемаго, а высокой прибылью на каждой единицѣ товара).

Это конечно должно было усиливать вражду къ нимъ мѣстныхъ торговцевъ, которые обыкновенно возставали противъ допущенія иностранцевъ даже въ качествѣ осѣдлыхъ лавочниковъ, а тѣмъ болѣе въ качествѣ торговцевъ въ разносъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ полное запрещеніе разносной торговли (напр., въ Пруссіи, Баваріи), въ другихъ запрещеніе лишь для иностранцевъ (напр., Кургессенъ, Ульмъ, Гессенъ), съ предоставленіемъ имъ права сбыта лишь на ярмаркахъ; но запрещенія эти мало помогали, почему въ другихъ странахъ они замѣнялись запрещеніемъ разносной торговли лишь въ городахъ (Австрія) или даже (Англія, кант. Бернъ) одной обязательной выборкой патента (концессіи на право производства подвижной торговли) [1]).

ГЛАВА IV.

Торговыя компаніи; биржа и биржевая спекуляція; капиталъ.

Средневѣковыя гильдіи, организаціи личнаго характера, производящія торговлю съ данной мѣстностью и регулирующія дѣятельность отдѣльныхъ купцовъ—послѣдніе ведутъ, однако, торговыя операціи за собственный страхъ и рискъ,—мы находимъ и въ разсматриваемую эпоху въ видѣ такъ называемыхъ регулированныхъ компаній, въ составъ которыхъ обязанъ войти всякій, желающій вести торговлю съ опредѣленными странами. Такую организацію имѣло большинство англійскихъ компаній, учрежденныхъ въ XVI ст. (компанія Merchant Adventurers, вывозившая сукно на континентъ Европы въ особенности въ Гамбургъ, Россійская компанія, учрежденная въ 1554 г. для торговли съ Архангельскомъ и Московскимъ государствомъ, Турецкая компанія, учрежденная въ 1581 г., Африканская, Восточная, учр. въ 1568 г. для торговли съ Пруссіей). Въ отличіе отъ средневѣковыхъ гильдій (напр., ганзейскихъ Nowgorodfahrer, Bergenfahrer и т. д.) и въ соотвѣтствіи съ замѣной городского строя государственнымъ, для торговли съ каждой страной (или нѣсколькими странами) теперь существовала только одна компанія, почему она и являлась привилегированной и никто кромѣ ея членовъ не могъ вести соотвѣтствующія торговыя операціи.

Какъ въ средніе вѣка въ предѣлахъ гильдій, такъ и внутри этихъ регулированныхъ компаній отдѣльныя группы купцовъ—члены компаній—могли соединяться въ товарищества, торгуя за общій страхъ и рискъ, посылая совмѣстно одинъ или нѣсколько кораблей. Такой характеръ имѣла первоначально торговля какъ Нидерландовъ, такъ и Англіи съ Остъ-Индіей: различныя товарищества купцовъ снаряжали независимо другъ отъ друга суда въ Индію, хотя ѣздили суда вмѣстѣ и дѣйствія военныя и дипломатическія велись совмѣстно. Лишь постепенно эти отдѣльныя товарищества—они не могли держаться, конкуррируя другъ съ другомъ—слились вмѣстѣ, изъ отдѣльныхъ капиталовъ образовался одинъ общій капиталъ и возникла объединенная компанія.

Какъ и регулированныя компаніи, она пользовалась привилегіей торговли съ опредѣленными странами или частями свѣта, но въ торговлѣ съ послѣдней уже принимали участіе исключительно владѣльцы постояннаго капитала компаніи—всѣмъ другимъ эта торговля была закрыта. Впрочемъ формально и въ этихъ случаяхъ право участія въ торговлѣ предоставлялось каждому, ибо новыя объединенныя компаніи имѣли характеръ акціонерныхъ обществъ и акціи, на которыя раздѣлялся ихъ капиталъ, были юридически доступны каждому, вскорѣ

---

[1]) Gothein. I. 738—41. 845—68. Geering. Basels Handel etc. 458 и сл. Lerch. Der Berner Kommerzienrat im 18. Iahrh., p. 133 и сл., 148 и сл. Молчановскій, Цеховая система въ Пруссіи, стр. 183 и сл. Mantoux, p. 96 и сл. Rogers. Six Cent. Toynbee. Lectures. Roscher. III, p. 112 и сл. Landau. Entw. des Warenhand. in Oesterr., p. 12 и сл., 53 и сл. Levasseur. II, p. 655. См. Borgius. Wandlungen im Detailhandel. Archiv. für soz. Gesetzg. XIII, p. 40 и сл.

стали объектомъ биржевыхъ операцій. Однако, въ дѣйствительности, акціи находились въ рукахъ немногихъ лицъ (акціи англійской остъ-индской компаніи принадлежали 550 лицамъ, причемъ большая часть находилась въ рукахъ 40 лицъ, акціи голландской остъ-индской компаніи принадлежали въ концѣ XVII ст. 550—600 акціонерамъ, $^{9}/_{10}$ акцій гудсоновой компаніи владѣло въ XVIII ст. 8—9 лицъ), которыя и занимали постоянно должности директоровъ.

Среди заокеанскихъ акціонерныхъ компаній наибольшее значеніе имѣли нидерландская остъ-индская компанія, возникшая въ 1602 г., и англійская остъ-индская компанія, которая образовалась приблизительно одновременно съ первой, но долгое время не имѣла общаго капитала, ибо существовало нѣсколько отдѣльныхъ фондовъ (joint-stock), которые хотя и управлялись тѣми же директорами и на тѣхъ же основаніяхъ, но представляли собою самостоятельныя единицы (каждый фондъ отдѣльно выплачивался акціонерамъ и затѣмъ объявлялась подписка на новый; слiяніе произошло лишь въ 1708 г.). И та и другая компанія сосредоточивала въ своихъ рукахъ всю торговлю (Нидерландовъ и Англіи) съ Остъ-Индіей, причемъ онѣ естественно находились въ постоянной борьбѣ между собой (временно было установлено соглашеніе). Съ посторонними компаніи купцами, пріѣзжавшими въ Индію, они обходились какъ съ пиратами, суда же ихъ подвергались конфискаціи.

По ихъ образцу въ значительной мѣрѣ были учреждены прочія акціонерныя компаніи: голландско-вестъиндская (торговля съ Бразиліей), англійская африканская (Гвинея), гудсонова компанія и гренландская. Во Франціи Ришелье учредилъ въ 1628 г. канадскую компанію, Кольберъ—по образцу нидерландской—остъ-индскую, далѣе вестъ-индскую, сѣверную (для торговли съ Нидерландами, Швеціей, Россіей) и левантійскую. И въ другихъ странахъ, Швеціи, Даніи, Австріи, Пруссіи возникли подобныя же заокеанскія акціонерныя компаніи. Организація этихъ компаній была различная въ разныхъ странахъ—въ тѣсной связи съ государственнымъ строемъ каждой. Поэтому въ голландской остъ-индской компаніи имѣлось восемь палатъ, въ которыхъ участвовали крупные акціонеры—аналогія съ провинціальными штатами—и которыя выбирали 60 директоровъ (генеральные штаты!). При этомъ во главѣ компаніи стояли тѣ же лица, которыя управляли республикой, почему всѣ договоры въ Индіи заключались ею отъ имени государства, товары закупались факторомъ генеральныхъ штатовъ и т. д., хотя дѣйствительнымъ контрагентомъ являлась компанія. И въ Англіи сила остъ-индской компаніи основывалась на ея тѣсной связи съ правительствомъ, но здѣсь имѣлось общее собраніе—по аналогіи съ парламентомъ—съ участіемъ лишь крупныхъ акціонеровъ (какъ и въ государствѣ не было общаго избирательнаго права). Во Франціи это общее собраніе имѣло лишь формальное значеніе: предсѣдателемъ его былъ король, который съ министрами управлялъ компаніей (параллель французскому абсолютизму), кромѣ нихъ сидѣли придворные, взявшіе акціи, чтобы угодить королю. Въ Португаліи вся торговля съ Индіей составляла монополію самого короля.

Эти компаніи, пользуясь обширными привилегіями, покоились однако на весьма шаткомъ основаніи. Если уже въ средневѣковыхъ коменданхъ и въ товариществахъ XVI ст. (образовавшихся въ предѣлахъ регулированныхъ компаній) лишь одни участники (трактаторъ, капитанъ) производили торговыя операціи, тогда какъ остальные участвовали только своими капиталами,—то въ акціонерныхъ заокеанскихъ компаніяхъ все веденіе дѣла возлагалось на находившихся на мѣстахъ (въ Индіи, Америкѣ) чиновниковъ подъ разными названіями (губернаторы, резиденты, главные купцы и т. д.), тогда какъ директоры компаніи, остававшіеся въ Европѣ, могли лишь давать указанія, сообразно получаемымъ отчетамъ. Служащіе эти на мѣстахъ, не будучи заинтересованы въ выгодахъ компаніи и получая плохое вознагражденіе, старались увеличить его и нажиться посредствомъ торговли на собственный счетъ, заходя по дорогѣ въ различныя гавани, сбывая на мѣстѣ продукты частнымъ лицамъ. При этомъ нерѣдко наиболѣе выгодныя отрасли торговли они монополизировали въ свою пользу, заставляли туземцевъ покупать товары исключительно у нихъ по опредѣленной, ими же установленной цѣнѣ,

даже прямо производили насилія и грабительскія нападенія на туземное населеніе,—все время прикрываясь именемъ компаніи и, возвращаясь въ Европу чрезъ нѣсколько лѣтъ съ огромными накопленными богатствами, къ великому неудовольствію директоровъ компаніи. Если такого рода дѣйствія служащихъ были чрезвычайно убыточны для компаній, то расходы ея были всегда велики, ибо учреждаемыя въ эту эпоху компаніи имѣли—однѣ въ большей, другія въ меньшей степени—политическій характеръ, занимаясь устройствомъ факторій, завоеваніемъ новыхъ странъ и т. д., независимо отъ того, насколько это было выгодно въ коммерческомъ отношеніи (наиболѣе обширныя завоеванія произведены англійской остъ-индской компаніей, благодаря которой создалась англійская имперія въ Индіи, въ то время какъ дивиденды компаній сокращались все болѣе и болѣе),—тогда какъ въ средніе вѣка купцы всегда оставались купцами и поскольку они дѣлали завоеванія, всегда преслѣдовали исключительно цѣли торговаго характера. Поэтому-то даже двѣ наиболѣе крупныя компаніи, въ теченіе двухъ столѣтій сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ заокеанскую торговлю и распредѣлявшія первоначально высокій дивидендъ,—результатъ впрочемъ неимовѣрной эксплоатаціи туземцевъ, которые обязаны были доставлять компаніи товары по опредѣленной чрезвычайно низкой цѣнѣ—именно компаніи: голландская остъ-индская и англійская остъ-индская (всѣ остальныя, хотя и занимались піратствомъ и т. д., прозябали и лишь въ теченіе небольшихъ періодовъ давали дивидендъ) въ концѣ XVIII ст. уже пережили себя и доставляли одинъ убытокъ.

Характерной для средневѣковаго періода организаціей торговли являлась ярмарка. Основныя свойства ярмарочной торговли составляли періодичность торговыхъ операцій (4—6 разъ въ годъ); сравнительная незначительность размѣровъ оборота (и немногіе объекты обмѣна); пріобрѣтеніе привезенныхъ товаровъ лишь послѣ осмотра ихъ, установленія количества и качества; наконецъ, отдѣленность мѣстъ собранія купцовъ различныхъ городовъ или „націй“ (соотвѣтственно обособленности городовъ въ средніе вѣка). На ряду съ сохраняющимися и въ XV—XVIII ст. ярмарками (нѣкоторыя изъ нихъ, напр., франкфуртская, лейпцигская играли важную роль, см. выше, стр. 240) хотя въ общемъ теряющими свое значеніе въ международной торговлѣ, образуется уже съ XVI ст. болѣе совершенная организація торговаго обмѣна въ видѣ (міровыхъ) биржъ. Выражая лишь одну изъ сторонъ происшедшаго въ эту эпоху крупнаго переворота въ области обращенія товаровъ и денегъ, биржи знаменовали собою концентрацію обмѣна въ немногихъ опредѣленныхъ мѣстахъ, непрерывность его и значительное упрощеніе торговыхъ операцій. Имѣя первоначально временный характеръ (какъ ярмарочный обмѣнъ), биржевыя операціи постепенно стали постоянными: именно, сначала въ векселяхъ (уже съ конца среднихъ вѣковъ въ итальянскихъ городахъ), а затѣмъ въ XVI ст., съ ростомъ обмѣна и увеличеніемъ грузовъ, прибывавшихъ одновременно въ данный торговый центръ, напр., въ индійскомъ перцѣ въ Антверпенъ (цѣлыя флотиліи), и въ товарахъ. Появились мало-по малу постоянныя, ежедневно происходящія въ опредѣленные часы, собранія купцовъ (уже въ концѣ XV вѣка они происходили въ Брюгге ежедневно; въ Антверпенѣ и Ліонѣ четыре ежегодныя ярмарки постепенно и незамѣтно превратились въ одну непрерывную биржу). Съ другой стороны появились и замѣнимые объекты торговли—ранѣе всего, съ усиленіемъ вексельныхъ оборотовъ, въ видѣ векселей, которыхъ не было надобности ни переводить, ни помѣщать въ подворьѣ, ни подвергать осмотру для опредѣленія ихъ характера и качества; а затѣмъ и въ видѣ различнаго рода товаровъ, въ особенности перца (а также сельдей и пр.), качество котораго не было настолько разнообразно, чтобы его нельзя было пріобрѣтать безъ осмотра самаго груза, на основаніи одной пробы; для перца вскорѣ выработалась покупка на срокъ прибытія португальскихъ судовъ изъ Индіи (въ Антверпенъ), когда выполнялись всѣ заключенные договоры. Выработавшіяся, такимъ образомъ, совершенно новыя сдѣлки на срокъ и замѣнимыми товарами перешли теперь по мѣсту

ихъ заключенія изъ отдѣльныхъ „ложъ“ итальянцевъ (еще въ XVIII вѣкѣ голландскія факторіи въ Индіи назывались „loges“), которыя (каждый изъ итальянскихъ городовъ отдѣльно) они имѣли во всѣхъ торговыхъ центрахъ, въ общее мѣсто, гдѣ сходились уже купцы различныхъ націй. Сначала соединялись только итальянцы разныхъ городовъ, какъ въ Брюгге до 1500 г. (генуэзцы, флорентинцы, венеціанцы), да и то только для совершенія вексельныхъ операцій, тогда какъ сдѣлки на товары производились попрежнему въ отдѣльныхъ подворьяхъ, какъ въ Лондонѣ (на Lombard-Street почти исключительно итальянцы). Позже, въ Антверпенѣ биржа объединяла купцовъ всѣхъ странъ, хотя они еще дѣлились на націи (въ 1531 г. надпись на новомъ зданіи биржи: in usum negotiatorum cuiuscunque nationis ac linguae), за исключеніемъ англичанъ; послѣдніе имѣли особое мѣсто для собраній, гдѣ производились преимущественно операціи въ товарахъ и куда отправлялись купцы другихъ странъ для товарной торговли. На болѣе позднихъ биржахъ (амстердамской, гамбургской) сходились уже купцы, всѣхъ національностей. Собирались они первоначально на открытомъ мѣстѣ (въ Брюгге), какъ прежде на ярмаркѣ и въ (крытыхъ навѣсомъ) ложахъ — въ Амстердамѣ на мосту (или въ церкви), въ Ліонѣ на площади, сначала открытой, позже огороженной на время биржевыхъ собраній; только впослѣдствіи были выстроены особыя зданія (въ Ліонѣ только съ 1653 г., хотя биржа существовала уже за сто лѣтъ раньше, въ Амстердамѣ съ 1613 г.), причемъ исходной точкой являлись собранія итальянцевъ; такъ что въ Брюгге, въ Ліонѣ и самая биржа возникла на площади передъ ихъ „ложей“ (въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ—гдѣ биржа возникла значительно позже по образцу нидерландскихъ, она образовалась изъ соединенія различныхъ купеческихъ гильдій—въ Гамбургѣ, напр., England-Schonen- и Flandernfahrer составляли въ 1558 г. купеческую корпорацію—„meenen Kopmann“, въ Берлинѣ она образовалась изъ возникшей въ 1716 г. „гильдіи“ всѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ купцовъ).

Самое слово „биржа“, которымъ обозначались собранія купцовъ, какъ и мѣсто, гдѣ они происходили (уже въ Брюгге въ концѣ XV ст.), выводятъ обыкновенно отъ патриціанскаго рода van der Burse въ Брюгге, на гербѣ котораго изображены были къ тому же три мѣшка съ деньгами—и въ домѣ котораго венеціанцы устроили въ XV вѣкѣ свое консульство и ложу; рядомъ съ ней были выстроены ложи генуэзцевъ и флорентинцевъ и на площади передъ домомъ „de burse“ эти „націи“ собирались ежедневно для обсужденія своихъ торговыхъ дѣлъ. Однако, быть можетъ, здѣсь имѣется лишь совпаденіе съ словомъ „bursa“, которое уже въ средніе вѣка обозначало денежный мѣшокъ, позже денежныя суммы, въ особенности же общія кассы (купеческія кассы взаимопомощи, общія студенческія столовыя (bursae scolarum), ассоціаціи торговыя (bource comune) и иныя (saubere Pursch der Kipper und Wipper, т. е. теплая компанія фальшивомонетчиковъ) и получило равнозначущее „гильдіи“ и даже „ложѣ“ значеніе („que toutes nacions estranges de noste alyance y puissent avoir bourse et facteurs residans et demourans“ 1480 г.). Пріобрѣтая, слѣдовательно, уже постепенно значеніе близкое къ понятію современной биржи, это слово стало сначала техническимъ терминомъ для биржи въ Брюгге, а затѣмъ въ Антверпенѣ, но вовсе не всякой биржи вообще, ибо хотя это учрежденіе было затѣмъ перенесено и въ другія страны, но оно обозначалось прежнимъ названіемъ рынка или ложи: change въ Ліонѣ, the Royal Exhange въ Лондонѣ, Herrenmarkt въ Нюрнбергѣ, loges въ различныхъ французскихъ городахъ („мѣсто, гдѣ собираются купцы—говоритъ авторъ XVII ст.—называется въ Марсели „la loge“, какъ въ Нидерландахъ „la bourse“).

Изъ Брюгге, гдѣ возникла (вексельная) биржа, она перешла въ началѣ XVI вѣка въ Антверпенъ, гдѣ мы находимъ какъ фондовую биржу, операціи въ государственныхъ бумагахъ (всѣ займы заключались на этой биржѣ), такъ и товарную биржу, куплю—продажу на пробу, находимъ развитую комиссіонную торговлю: здѣсь поселились купцы, которые производили торговлю по порученію цѣлаго ряда иноземныхъ торговыхъ фирмъ, (а не только купцовъ своей національности), что шло совершенно въ разрѣзъ со средневѣковыми обычаями, и

соединяли въ своемъ лицѣ и маклера и комиссіонера одновременно (не знаю можно ли вѣрить ему—говоритъ одинъ факторъ о Лазарусѣ Тухерѣ—ибо онъ часто является и покупателемъ и продавцомъ перца одновременно). Антверпенъ не только сохранилъ то равноправное положеніе различныхъ національностей (какъ и равноправіе между иностранными купцами и мѣстными жителями), которое господствовало уже въ Брюгге, проводя этотъ принципъ до конца, но и развивъ далѣе свободу биржевой торговли, что по словамъ современниковъ много содѣйствовало концентраціи торговыхъ оборотовъ на антверпенской биржѣ. Маклерскій промыселъ, который въ Брюгге еще составлялъ монополію опредѣленной корпораціи, былъ въ Антверпенѣ свободенъ и доступенъ всѣмъ и каждому и точно также размѣнъ денегъ, торговля золотомъ и серебромъ и производство переводныхъ операцій, принадлежавшее въ Брюгге однимъ присяжнымъ мѣняламъ, было здѣсь предоставлено всѣмъ и каждому; и если вообще въ Антверпенѣ существовали какія-либо ограниченія, то исходили они отъ самихъ иностранныхъ купцовъ, а не отъ города, который всячески старался установить полную свободу торговли.

Точно также и въ Ліонѣ, гдѣ почти одновременно съ Антверпеномъ изъ ярмарокъ возникла товарная и фондовая биржа, господствовала не только полная свобода отъ всякихъ податей и пошлинъ, но и предоставлялось всѣмъ и каждому (за исключеніемъ англичанъ, „нашихъ старыхъ враговъ“) производить денежныя, вексельныя и кредитныя операціи; въ томъ числѣ взимать запрещенный во всѣхъ другихъ случаяхъ ссудный процентъ. Маклеромъ можетъ быть всякій, онъ не долженъ лишь заниматься самостоятельно коммерческими операціями, до XVII вѣка число маклеровъ не было ограничено, и купля — продажа не должна была обязательно совершаться чрезъ ихъ посредство, къ нимъ обращались лишь въ виду большей легкости найти чрезъ ихъ посредство контрагента.

Съ паденіемъ антверпенской (и ліонской) биржи заканчивается первый періодъ—XVI вѣкъ и начинается второй — періодъ амстердамской биржи, гдѣ главнымъ объектомъ биржевыхъ операцій являются уже акціи, именно акціи нидерландской остъ-индской компаніи и гдѣ акціи впервые становятся предметомъ и притомъ постояннымъ предметомъ биржевой торговли. Рядомъ со сдѣлками кассовыми, при которыхъ совершался трансфертъ акцій на имя покупателя и послѣдній уплачивалъ за нихъ посредствомъ перевода денегъ по книгамъ Амстердамскаго банка (см. ниже) на имя продавца, вскорѣ появляются и сдѣлки иного рода: покупатель до срока исполненія договора продаетъ акціи, спекулируя на разницу, или же занимаетъ подъ нихъ $^1/_5$ ихъ цѣнности, или наконецъ вовсе отказывается отъ сдѣлки, уплачивая премію. Весьма скоро возникла оживленная биржевая игра; и если первоначально не болѣе 20 человѣкъ держали въ своихъ рукахъ всю торговлю акціями, то къ концу XVII вѣка число ихъ сильно возросло, стали играть на части акцій, (прибыль или убытокъ не превышалъ 3 гульд.) и въ этой игрѣ—по словамъ современниковъ—принимало участіе все населеніе, даже женщины, старики и дѣти.

Биржевая игра, сильно развившаяся благодаря устроеннымъ по близости отъ биржи кофейнямъ, гдѣ пили вновь появившіеся въ то время деликатессы—кофе, какао, чай, производя тутъ же биржевыя операціи, создала профессіональныхъ спекулянтовъ, вся жизнь которыхъ была наполнена исключительно мыслью объ акціяхъ—ихъ называли „genie de especulacion“ и сравнивали, вслѣдствіе ихъ подвижности, съ perpetuum mobile—и которые, какъ утверждали, даже во снѣ видятъ акціи, во время лихорадки бредятъ ими и умирая еще вспоминаютъ о нихъ. „Въ то время, какъ одни, игроки на повышеніе, всегда ждали добрыхъ извѣстій (спекулянты имѣли своихъ агентовъ при дворахъ), почему ихъ называли „amantes de la patria“, все прикрашивали, египетскую тьму превращали въ сумерки, молнію въ фейерверкъ (ихъ сравнивали съ волшебникомъ который показывалъ женщинамъ зеркало, гдѣ они казались лучше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ), другіе baissiers, мизантропы, они сдѣланы изъ однихъ нервовъ, и не переставая говорить о кончинѣ міра и сообщать всякіе страхи, они превращаютъ муху

въ слона, всякую драку въ возстаніе". Существовали уже консорціи повышателей и понижателей, распространявшія ложныя извѣстія или исскуственно вызывавшія недостатокъ въ деньгахъ; на ряду съ продажей нидерландскихъ госуд. облигацій, которая, вызывая предположеніе о дурныхъ политическихъ событіяхъ, имѣла послѣдствіемъ паденіе курса акцій, они умѣли одурачить легкомысленныхъ людей даже такими способами, какъ потеря нарочно для того написаннаго письма, въ которомъ содержалось какое-либо выдуманное извѣстіе.

Подробно описалъ биржевую спекуляцію переселившійся въ Амстердамъ португальскій еврей Don Ioseph de la Vega въ вышедшемъ въ 1688 г. сочиненіи; это замѣчательное произведеніе, по словамъ Эренберга, осталось едва ли не лучшимъ описаніемъ биржевыхъ операцій. Биржу онъ называлъ совокупностью всего хорошаго и всего дурного на свѣтѣ, всего истиннаго и всего ложнаго, пробнымъ камнемъ всѣхъ осторожныхъ и могилой всѣхъ чрезчуръ смѣлыхъ, кладеземъ полезныхъ вещей и очагомъ зла, воплощеніемъ Сизифа, никогда не отдыхающаго, и символомъ Иксіона, который постоянно вращается со своимъ колесомъ. Онъ указываетъ на то, что спекуляція привлекаетъ всѣхъ, такъ какъ не нужно ни вести книгъ, ни отсылать товаровъ, ни производить платежей, не держать прикащиковъ. По поводу биржевой игры онъ совѣтуетъ никогда не давать совѣтовъ другимъ относительно покупки или продажи акцій, при выигрышѣ никогда не сожалѣть, если потомъ цѣна поднимется, не удерживать долго акцій въ своихъ рукахъ („не вступать въ бракъ съ ними"), имѣть терпѣніе и деньги и всегда помнить, что биржевая прибыль есть утренняя роса, мыльный пузырь, который тутъ же исчезаетъ, что она имѣетъ обманчивый блескъ карбункула. (См. Ehrenberg, ук. соч.).

Позже, не ранѣе 1673 г., появились на амстердамской биржѣ и операціи въ государственныхъ фондовыхъ бумагахъ, преим. въ облигаціяхъ индерландскаго правительства; однако вслѣдствіе разнообразія ихъ (по видамъ и размѣрамъ)—въ противоположность однообразію акцій—облигаціи не могли имѣть такого значенія на биржѣ какъ акціи. Къ концу XVII вѣка амстердамская биржа превратилась въ международный рынокъ, а въ половинѣ XVIII ст., согласно первому дошедшему до насъ бюллетеню, котировалось уже 44 вида фондовыхъ бумагъ (индерландскія акціи троякаго рода, англійскія трехъ сортовъ, 25 видовъ внутр. займовъ и т. д.) къ концу XVIII ст. около 80.

Сдѣлки на разницу производились не только акціями, но и на всякаго рода товары, въ особ. кофе, хлѣбъ, спиртъ (люди, не обладающіе и 10 тыс., заключаютъ нѣсколько десятковъ сдѣлокъ на одинъ и тотъ же срокъ, которыя ликвидируются уплатой разницы); въ 30-хъ годахъ XVII ст. чрезвычайныхъ размѣровъ достигла спекуляція на тюльпаны (тюльпаноманія), которые съ половины XVI ст. стали разводиться въ Нидерландахъ и которые теперь стали объектомъ биржевыхъ сдѣлокъ на разницу. Увлеченіе тюльпанами, въ торговлѣ которыми принимали участіе не только комерсанты, но и все населеніе („крестьяне и матросы, каретники и ткачи, грузчики и трубочисты, торговки тряпьемъ даже прислуга"), привело къ тому, что цѣна ихъ поднялась до неимовѣрныхъ размѣровъ (выше, чѣмъ собственный вѣсъ ихъ золотомъ; за луковицу тюльпана третьяго сорта давали карету и пару лошадей); что за 2—3 года въ одномъ только изъ городовъ Голландіи было сдѣлано оборотовъ болѣе чѣмъ на десять милліоновъ; что все имущество обращалось въ деньги и закладывалось для покупки тюльпановъ. Наконецъ, въ 1637 г. эта манія закончилась кризисомъ, цѣны на тюльпаны упали, никто не хотѣлъ ихъ болѣе покупать; результатомъ было разореніе и продолжительный застой въ торговлѣ, отъ котораго Амстердамъ не скоро оправился.

И лондонская фондовая биржа создалась подъ вліяніемъ спекуляціи на акціи; причемъ англичане заимствовали высоко развитую амстердамскую биржевую технику. Уже съ конца XVII ст., когда появились акціи Англійскаго банка, а затѣмъ и всевозможныя краткосрочныя обязательства казначейства, биржевая игра достигла значительныхъ размѣровъ и Change Alley, улицу, гдѣ находилась

биржа, называли разбойничьимъ притономъ (гдѣ господствуетъ и особый воровской жаргонъ) для обиранія публики путемъ невѣрныхъ извѣстій и лживыхъ курсовъ. Спекуляція особенно возросла и закончилась биржевымъ кризисомъ 1720 г., послѣ учрежденія южно-океанской торговой компаніи (въ 1713 г.).

Послѣдняя получила исключительное право торговли съ Южной Америкой, какъ и право на всѣ открытыя земли и за это должны были заключить заемъ съ правительствомъ: именно, какъ и Англійскій банкъ и Остъ-индская компанія, она передавала правительству свой основной капиталъ и выпускала на ту же сумму акцій. Такъ какъ Америка, о которой многіе даже не знали, гдѣ она находится, представлялась всѣмъ страной изобилующей золотомъ, то цѣна акцій сразу сильно поднялась, а съ дальнѣйшими выпусками, при которыхъ акціи брались на расхватъ, цѣна ихъ повысилась на 1000 проц., причемъ директоры компаніи, щедро ссужая акціи въ кредитъ и примѣняя иныя средства, весьма содѣйствовали этому повышенію курса. Въ связи съ этимъ появился и цѣлый рядъ иныхъ предпріятій, т. наз. мыльные пузыри (bubbles), подписка на которыя всегда была, вслѣдствіе ослѣпленія публики, охватившаго ее безумія, чрезвычайно успѣшна. Первые покупщики легко находили вторыхъ покупщиковъ, дававшихъ еще болѣе высокую цѣну: одна и та же бумага продавалась на одномъ концѣ улицѣ Change Allee на 10 проц. дороже, чѣмъ на другомъ. Дѣло доходило до того, что объявлялась подписка на капиталъ предпріятія, цѣль котораго не объяснялась даже (и публика шла на приманку), что возникло предпріятіе для осуществленія perpetuum mobile, для снабженія бѣдныхъ ремесленниковъ работою и т. п., предлагалось даже подписываться на предпріятіе, имѣющее цѣлью растапливаніе древесныхъ опилокъ и выдѣлку изъ нихъ досокъ. Опьяненіе кончилось кризисомъ и всеобщей паникой, акціи южно-американской компаніи сильнѣйшимъ образомъ упали, потери были огромны. Англійское правительство (какъ ранѣе голландское) пробовало бороться съ биржевой спекуляціей, но безуспѣшно. „Есть одно лишь средство для правительства—говорилъ одинъ спекулянтъ—избавиться отъ насъ—уплатить всѣ государственные долги и ликвидировать всѣ акціонерныя компаніи; тогда ему не нужно вѣшать спекулянтовъ, но зато тогда ему придется самому повѣситься". Какъ указываетъ И. И. Кауфманъ въ основаніи спекулятивной эпидеміи, охватившей Англію во второмъ десятилѣтіи XVIII ст., лежала „грандіозная" мысль конвертировать почти весь англійскій государственный долгъ въ акціонерный капиталъ. Разъ изъ основного капитала трехъ главныхъ акціонерныхъ компаній (Англійскаго банка, Остъ-Индской и Южно-океанской компаніи) значительная сумма, свыше 16½ милл. ф. ст. была передана правительству и составляла госуд. долгъ (на эту сумму находилось въ обращеніи акцій, представлявшихъ госуд. долгъ) то почему нельзя было было такимъ же образомъ обратить въ акціи и остальные 30—35 милл. госуд. долга. И даже послѣ неудачнаго исхода этой попытки самая мысь ея не была брошена, только примѣненіе ея считали неудачнымъ. (Кауфманъ. Ист. госуд. долга въ Англіи, стр. 59—63).

Одновременно съ лондонскимъ биржевымъ кризисомъ спекуляція на акціи вызвала сильнѣйшій кризисъ и во Франціи, подъ вліяніемъ операцій Джона Лоу (Law). Послѣдній образовалъ частный банкъ въ 1716 г., затѣмъ превратилъ его въ государственное учрежденіе съ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ, (которые пользовались особымъ преимуществомъ по сравненію съ монетой), далѣе основалъ Западную компанію или компанію Миссисипи, пользовавшуюся широкими привиллегіями, съ которой затѣмъ были слиты и прочія компаніи (Сенегальская, Остъ-индская, Африканская), такъ что въ его рукахъ сосредоточивалось исключительное право торговли почти со всѣми странами, гдѣ имѣлись французскія факторіи и колоніи. Акціи компаніи съ самого начала стали объектомъ оживленной биржевой игры; для оплаты капитала Остъ-индскаго общества, былъ произведенъ второй выпускъ акцій (первыя назывались „матери", вторыя „дочери"), затѣмъ третій, когда компанія пріобрѣла на откупъ монетную регалію („внучки") и наконецъ, четвертый („правнучки"), когда компанія взяла на откупъ подати Франціи и ссудила правительству 1500 милл., изъ 3% на покрытіе его долговъ. Несмотря на огромное количество акцій, заполнившихъ рынокъ, курсъ ихъ повышался все болѣе, дойдя до 18 тыс. ливровъ при номинальной цѣнѣ въ 550, 1000 и 5000 (4-го выпуска) ливр., такъ что 300 тыс. акцій съ номинальной

цѣнностью въ 150 милл ливр. дали компаніи 1500 милл., а на биржѣ представляли цѣнность въ 3000 милл.

Не только со всѣхъ концовъ Франціи, но даже изъ за границы началось настоящее переселеніе народовъ, съ цѣлью наживы, на берега Сены; на улицѣ Кенкампуа, гдѣ находилась биржа, центръ всей спекулирующей Европы, скопленіе было столь велико, что въ прилегавшихъ домахъ каждый уголокъ оплачивался на вѣсъ золота, а въ дни подписки у бюро компаніи происходила прямо свалка и ежедневно оказывалось нѣсколько человѣкъ задавленными до смерти. „Даже простые поденщики, стоявшіе на углу, наживали состоянія тѣмъ, что подставляли свою спину вмѣсто письменнаго стола".

Но долго такая спекулятивная горячка продолжаться не могла, ибо хотя компанія (въ дѣйствительности выручавшая весьма мало) и обѣщала уплачивать высокій дивиденд (на нарицательный капиталъ), но при чрезвычайно высокомъ курсѣ акцій этотъ дивиденд оказывался незначительнымъ (вмѣсто 40 проц. $1^2/_3$). Когда такой подсчетъ былъ произведенъ, началась продажа акцій и курсъ ихъ сталъ падать, и хотя Ло и старался удержать его какъ посредствомъ выпуска новаго милліарда банкнотъ (ассигнацій), такъ и различными насильственными мѣрами, но паника усиливалась и все зданіе рухнуло, а за банкротствомъ банка послѣдовало и банкротство государства.

Появленіе крупныхъ компаній, развитіе биржевой торговли и спекуляціи свидѣтельствуютъ о существованіи въ разсматриваемую эпоху крупныхъ капиталовъ, отсутствовавшихъ въ предыдущій періодъ. Въ противоположность господствовавшему, въ особенности со времени Маркса, мнѣнію, что эти капиталы, появляющіеся съ XV—XVI ст. (или вообще капиталъ, по терминологіи Маркса), создались изъ прибыли, выручаемой въ средневѣковой торговлѣ и въ кредитныхъ операціяхъ,—Зомбартъ выставилъ новое положеніе, согласно которому появляющіеся въ Италіи уже въ XV ст., а затѣмъ въ XVI вѣкѣ, въ особ. въ южно-германскихъ городахъ, крупные капиталы могли образоваться лишь у городскихъ и сельскихъ собственниковъ земли, какъ результатъ накопленной ими земельной ренты, которую они теперь стали помѣщать въ торгово-промышленныхъ операціяхъ [1]). Подвергнувъ такимъ образомъ сомнѣнію господствующее, но мало доказанное мнѣніе, Зомбартъ своими возраженіями противъ него вызвалъ детальную провѣрку этого взгляда путемъ анализа фактическаго матеріала и способствовалъ научному обоснованію старой теоріи,—ибо оказалось, что его собственная теорія не подверждается историческими данными. Среди ряда работъ по этому вопросу, вызванныхъ сочиненіемъ Зомбарта, наиболѣе важны, съ одной стороны, изслѣдованіе Гейнена, въ которомъ онъ прослѣдилъ образованіе капиталовъ въ наиболѣе крупномъ изъ средневѣковыхъ торговыхъ центровъ—Венеціи, а съ другой стороны, книга Стридера, гдѣ выяснено, какъ возникли тѣ крупные капиталы, которые появляются въ XVI ст. и центромъ которыхъ является Аугсбургъ, резиденція знаменитыхъ „денежныхъ царей" того времени—Фуггеровъ [2]).

Если Гейненъ пришелъ къ тому выводу, что въ Венеціи уже весьма рано, съ XII ст., существовала значительная торговая прибыль, которая только и могла создать все болѣе возрастающіе капиталы, тогда какъ никакого другого источника въ тѣ времена еще не существовало, то къ такому же выводу приходитъ и Стридеръ, изучая, на основаніи статистики имущественнаго обложенія, развитіе имущества и капитала у торговыхъ фирмъ Аугсбурга (каждой изъ нихъ въ отдѣльности) въ XV—XVI ст. Изъ податныхъ списковъ выясняется, что по-

---

[1]) Это находится въ связи съ другой теоріей Зомбарта (см. выше, стр. 121), согласно которой размѣры средневѣковой торговли были весьма незначительны, такъ что крупныхъ капиталовъ она создать не могла.

[2]) Ихъ именемъ Эренбергъ назвалъ и всю эпоху XVI ст.—періодъ Фуггеровъ.

сколько помѣстное дворянство переселялось въ городъ, не избытокъ въ деньгахъ гналъ этихъ дворянъ изъ родовыхъ помѣстьевъ въ города, а нужда, необходимость снискивать себѣ пропитаніе; они явились сюда разоренными, проживъ свое состояніе или потерявъ его во время войнъ и уже здѣсь, въ городѣ, начавъ съ минимума, имъ удалось посредствомъ торговли составить себѣ постепенно значительный капиталъ.

Дѣйствительно, раздѣливъ аугсбургскихъ патриціевъ на двѣ группы, Стридеръ показываетъ, какъ изъ 42 семействъ, не занимавшихся торговлей, ни одно не достигло богатства (это видно изъ поимущественнаго обложенія), тогда какъ изъ второй группы—участвовавшей въ торговлѣ, вышло восемь крупнѣйшихъ торговыхъ фирмъ XVI вѣка (какъ, напр., Вельзеры, Госсембротъ, Гервартъ, Мейтингъ и др.), которыя принимали дѣятельное участіе въ первыхъ экспедиціяхъ португальцевъ въ Остъ-Индію, позже въ торговлѣ съ Лиссабономъ и Антверпеномъ, какъ и въ наиболѣе значительныхъ кредитныхъ операціяхъ (государственныхъ займахъ) того времени (см. выше). Раньше въ XV ст. всѣ эти патриціи вели торговлю съ Венеціей, и повидимому въ этой торговлѣ создались ихъ крупные капиталы, выступившіе на сцену въ XVI ст. Въ то время, какъ до начала ихъ коммерческой дѣятельности капиталы патриціевъ этой второй группы были минимальны, нисколько не превышали имущество тѣхъ патриціевъ, которые попрежнему оставались только собственниками земли и домовъ, впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія ихъ торговой дѣятельности, имущества ихъ возрастаютъ, чего не замѣчается у патриціевъ, не занимавшихся коммерческой дѣятельностью: послѣдняя очевидно и является дифференцирующимъ моментомъ. Однако, не только торговля пряностями и иными левантійскими товарами чрезъ Венецію, но и переходъ къ домашней промышленности, которая существовала въ Аугсбургѣ уже въ XV ст., создалъ крупный капиталъ: цѣлый рядъ важнѣйшихъ торговыхъ фирмъ Аугсбурга, среди нихъ такія всемірно-извѣстныя, какъ Гехштетеры и въ особенности Фуггеры, въ XV ст. производили торговлю не только хлопкомъ, но и выдѣланными изъ этого хлопка въ Аугсбургѣ (окрестностяхъ его) бумажными издѣліями (и обработаннымъ здѣсь пушнымъ товаромъ).

Если въ левантійской торговлѣ (и торговлѣ германскихъ городовъ съ Венеціей) и вновь возникающей кустарной промышленности создались постепенно крупные капиталы XVI ст., то въ послѣдующіе вѣка вмѣстѣ съ гибелью этихъ капиталовъ южно-германскихъ (и итальянскихъ) купцовъ (см. выше). Германія (какъ и Италія) постоянно страдали отъ недостатка въ капиталахъ, которыхъ не имѣлось даже для созданія различныхъ отраслей кустарной промышленности, требующей по своему характеру только одного оборотнаго (но не основного) капитала.

Отсюда тѣ постоянныя затрудненія, съ которыми приходилось бороться и Фридриху Великому и Маріи-Терезіи при созданіи новыхъ отраслей промышленности, отсюда необходимость поддержки предпринимателей со стороны правительства, отсюда и непродолжительность существованія вновь возникавшихъ мануфактуръ,—и только постепенно въ теченіе XVIII ст., возникаютъ, подъ вліяніемъ торговыхъ операцій, болѣе значительные капиталы. Въ началѣ XVIII ст.—говоритъ Трельтшъ по поводу вюртембергской компаніи шерстяныхъ издѣлій въ г. Кальвѣ—капиталъ въ 5 тыс. для участника компаній былъ рѣдкостью, послѣ семилѣтней войны капиталъ каждаго умиравшаго и выходившаго изъ состава компаніи участника составлялъ въ большинствѣ случаевъ болѣе 30 тысячъ, хотя компанія теперь уже вовсе не принимала въ качествѣ капитала всѣ сбереженія, которыя хотѣли ей передать участники.

Иное дѣло въ странахъ, въ рукахъ которыхъ находилась заокеанская торговля: тамъ скоплялась прибыль, пріобрѣтенная въ торговлѣ пряностями и рабами, чисто торговыми операціями или насиліемъ надъ туземнымъ населеніемъ, которое заставляли отдавать задаромъ мѣстные продукты или у котораго просто отнимали золото и серебро (ограбленіе храмовъ, выкупъ и т. д.). Поэтому то въ Англіи и Нидерландахъ образуются наиболѣе крупные капиталы и количество ихъ вскорѣ превышаетъ сравнительно незначительный въ торговлѣ и промышленности спросъ на нихъ, ибо торговля была монополизирована немногими компа-

ніями, а промышленность носила кустарный характеръ. Капиталы направляются въ другую сторону—въ область государственнаго кредита и биржевой спекуляціи.

Кредиторы государства готовы довольствоваться чрезвычайно низкимъ процентомъ, какъ это было въ Нидерландахъ и Англіи въ XVIII ст.—доказательство обилія капиталовъ—лишь бы найти себѣ помѣщеніе (голландскій „Меркурій" сообщалъ, что въ одной провинціи Голландіи имѣется 65 тыс. чел., которые пріобрѣли фондовыя бумаги или въ состояніи это сдѣлать, вслѣдствіе обилія капиталовъ); погашеніе же государственныхъ займовъ вызывало жалобы со стороны кредиторовъ, которые со слезами на глазахъ говорили, что они нигдѣ не въ состояніи столь вѣрно помѣщать свои деньги. (Ehrenberg. I. 281—82. 342). Волполь справедливо говорилъ въ 1737 г., что всякая конверсія (пониженіе процента) принудительна, ибо угроза кредиторамъ правительства уплатой капитала равносильна принужденію согласиться на болѣе низкій процентъ (Кауфманъ, стр. 78). Наоборотъ, правительство, прибѣгая къ займамъ въ безсрочной рентѣ, желало обезпечить себѣ возможность ускореннаго погашенія долга (Тамъ же, стр. 56). Тѣмъ же обстоятельствомъ, обиліемъ капиталовъ, вызывалась и разсмотрѣнная выше головокружительная спекуляція на амстердамской и лондонской биржахъ, кризисы въ родѣ лондонскаго 1720 г., и др.

Только съ конца XVIII ст., когда въ Англіи возникла фабричная промышленность, весь этотъ свободный капиталъ нашелъ себѣ примѣненіе въ ней; и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыль, накопленная въ торговлѣ предшествующихъ столѣтій, сдѣлала возможнымъ созданіе крупной промышленности въ Англіи,—на континентѣ еще и въ началѣ XIX ст. недоставало необходимыхъ для нея капиталовъ.

ГЛАВА V.

Денежное обращеніе и цѣны; кредитъ; средства сообщенія.

Вліяніе открытія Америки на хозяйственную жизнь Европы обнаружилось не только въ измѣненіи торговыхъ путей и образованіи океанской торговли, но и въ чрезвычайномъ увеличеніи въ Европѣ запаса золота и серебра, привозимаго изъ Америки, что въ свою очередь имѣло крайне важныя послѣдствія. Въ то время, какъ къ концу XV ст. весь запасъ благородныхъ металловъ не превышалъ 7 милл. килогр. (по Лексису), въ теченіе слѣдующаго XVI ст. (1493—1600) было добыто (по Зетберу) около 23 милл. килогр. серебра и 755 тыс. килогр. золота, т. е. запасъ благородныхъ металловъ увеличился въ 3—$3^1/_2$ раза количественно, но въ такомъ же размѣрѣ и по цѣнности, составляя свыше $7^1/_2$ милліард. мар. вмѣсто 2 съ небольшимъ милліард. въ концѣ XV ст. И еще болѣе увеличилась добыча золота и серебра въ послѣдующія столѣтія (въ XVII ст. 37,2 милл. килогр. серебра и 912 тыс. килогр. золота цѣнностью въ 10 милліард. герм. мар.; въ XVIII ст. 57 милл. килогр. серебра и почти 2 милл.—1,9—килогр. золота цѣнностью въ 16 милліард. мар.), причемъ уже съ половины XVI ст. $^3/_4$, а въ XVII ст. $^5/_6$ всей добычи (по цѣнности) приходилось на долю Америки. Боливія, Перу и Мексико доставляли почти все серебро (въ Европѣ добывалась лишь небольшая часть—рудники Саксоніи, Венгріи, Тиролія, Богеміи, Гарца), добыча котораго, благодаря примѣненію съ половины XVI ст. въ американскихъ рудникахъ процесса амальгированья, все болѣе возрастала (по Сетберу въ теченіе XVI—XVIII ст. добыто 21 милліардъ мар.), увеличившись съ ежегодной добычи въ 27 тыс. килогр. до половины XV ст. и 44 тыс. килогр. во второй пол. XV ст., до 300—400 тыс. килогр. съ пол. XVI ст. и достигнувъ 500—880 тыс. килогр. во второй пол. XVIII ст. Добыча золота изъ американскихъ рудниковъ, а также путемъ ограбленія храмовъ, могилъ и домовъ и полученія огромныхъ выкуповъ у туземныхъ царьковъ (Монтезумы въ Мексико,

перуанскаго инки) была по сравненію съ серебромъ гораздо менѣе значительна (рудники на Вестъиндскихъ островахъ, въ Мексико, Перу, Чили, Новой Гранадѣ), но и она возрастала, постепенно повышаясь въ теченіе XVI—XVII ст. съ 6 тыс. килогр., ежегодно до 8 и 10 тыс., въ XVIII же вѣкѣ она сразу сильно повысилась, благодаря открытію залежей золота въ Бразиліи (уже въ концѣ XVII ст. начало эксплоатаціи ихъ), такъ что въ XVIII столѣтіи она составляла въ среднемъ не менѣе 20 тыс. килогр. ежегодно (Европа въ области добыванія золота имѣла еще меньше значенія чѣмъ въ отношеніи серебра—только Зибенбюргенъ, Зальцбургъ, съ пол. XVIII ст. и Уралъ).

Соотношеніе между цѣнностью серебра и золота немногимъ измѣнилось въ теченіе XVI ст. (1 : 11—11,8) по сравненію съ средневѣковымъ періодомъ; но затѣмъ съ начала XVII ст., подъ вліяніемъ гораздо болѣе скораго возрастанія добычи серебра, обнаружилась перемѣна къ невыгодѣ золота, превратившись въ отношеніе 1 : 14—15 и это отношеніе (1 : 14,7—15,2) сохранилось (несмотря на усиленный притокъ золота въ XVIII ст.) до конца XVIII и начала XIX ст. Но гораздо болѣе рѣзко измѣнилась цѣнность денегъ, ихъ покупательная стоимость, выражающаяся въ товарныхъ цѣнахъ: послѣднія повысились въ теченіи XVI — XVII ст. на 100—105 проц. Уже въ теченіе XVI ст. цѣны на хлѣбъ въ различныхъ странахъ возросли на 150 — 200 проц., а въ теченіе слѣдующаго столѣтія достигли еще болѣе высокаго уровня; но и другіе продукты сырья, соль, лѣсъ, металлы, какъ и промышленныя издѣлія возросли въ цѣнѣ и даже тѣ изъ нихъ, которые до половины XVI ст. не обнаруживали повышательнаго движенія, въ теченіе второй половины этого столѣтія повысились и притомъ во всѣхъ странахъ на 100 и болѣе процентовъ. Большинство современниковъ, которымъ возрастаніе цѣнъ бросилось въ глаза, приписывало это явленіе самымъ разнообразнымъ причинамъ — какъ естественнымъ, въ видѣ роста населенія, неурожаевъ и войнъ, такъ и искусственнымъ— торговымъ компаніямъ, скупающимъ товары, порчѣ монеты, въ Англіи также огораживаньямъ. Но Жанъ Боденъ въ своемъ сочиненіи 1568 г. установилъ, что наиболѣе важную роль изъ всѣхъ моментовъ играетъ избытокъ золота и серебра, который и „является главной и почти единственной причиной“ (почему онъ и считается основателемъ ученія о цѣнности денегъ). Это объясненіе постепенно было принято и другими, и Адамъ Смитъ могъ уже утверждать, что, повидимому единственной причиной пониженія цѣны серебра, по сравненію съ цѣной на хлѣбъ, является открытіе американскихъ рудниковъ и что и самый фактъ и правильность его объясненія общепризнаны. Нельзя отрицать конечно того, что—какъ выяснили Гельферихъ, Вибе и др.—и спросъ на деньги въ эту эпоху увеличился, вслѣдствіе расширенія денежныхъ сдѣлокъ (вмѣсто натуральныхъ) какъ частныхъ лицъ, такъ и государства (наемныя войска, наемные чиновники, постоянныя подати) и вслѣдствіе оживленія въ торговомъ обмѣнѣ; но все же это произошло далеко не въ той степени, какъ увеличился запасъ золота и серебра (2—$2^1/_3$ милліарда было въ 1500 г. и свыше $33^{1/}$ милліардовъ добыто въ XVI—XVIII ст.); причемъ—и это весьма существенно—въ эту эпоху большая часть всего запаса драгоцѣнныхъ металловъ употреблялась—какъ указываетъ Лексисъ—на выдѣлку монеты (по его вычисленіямъ изъ $7^1/_2$ милл. мар. серебра—въ концѣ XVIII ст.—4,2 милл. въ монетѣ). Лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ и въ отдѣльныя десятилѣтія увеличеніе цѣнъ могло быть вызвано иными причинами—неурожаями, войнами, ростомъ населенія (послѣднее могло оказывать вліяніе лишь на предметы массового потребленія). Правильность предположенія, что основная причина лежитъ на сторонѣ не товаровъ, а денегъ (превышеніе предложенія надъ спросомъ), подтверждается тѣмъ, что возрастаніе цѣнъ началось въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ ранѣе всего получился приливъ драгоцѣнныхъ металловъ, и подъемъ цѣнъ начался раньше, чѣмъ гдѣ либо (Испанія, куда они непосредственно доставлялись), потерявъ свою интенсивность по

мѣрѣ отлива золота и серебра оттуда въ другія страны, тогда какъ тамъ, гдѣ сравнительно поздно появились новые запасы драгоцѣнныхъ металловъ, но гдѣ благодаря развитію вывозной торговли притокъ ихъ все болѣе усиливался (Англія), и возрастаніе цѣнъ, начавшись гораздо позже, продолжалось, однако, въ теченіе двухъ столѣтій.

Рядомъ съ возрастаніемъ общаго уровня цѣнъ произошло измѣненіе въ соотношеніи между различными категоріями цѣнъ, изъ коихъ, напр., цѣны на хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, возросли сильнѣе, чѣмъ цѣны на сырье, а послѣднія въ свою очередь болѣе, чѣмъ цѣны на промышленныя издѣлія. Цѣны промышленныхъ издѣлій начали возрастать позже, чѣмъ цѣны всѣхъ другихъ товаровъ, во многихъ случаяхъ не ранѣе начала XVII ст., да и въ теченіе этого вѣка возросли несравненно менѣе, чѣмъ средній уровень цѣнъ вообще и всегда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ цѣны сырыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ они произведены (сукно менѣе чѣмъ шерсть, металлическія издѣлія менѣе чѣмъ руда и т. д.). Если общій подъемъ цѣнъ объясняется измѣненіемъ въ соотношеніи между спросомъ на деньги и производствомъ ихъ, то эти частныя отличія находятся въ связи съ различными спеціальными причинами; въ особ. меньшій (и болѣе поздній) ростъ цѣнъ на промышленныя издѣлія по сравненію съ увеличеніемъ цѣнъ сырья, обозначающій въ сущности паденіе цѣнъ на фабрикаты, увеличеніе издержекъ производства (ибо замѣтныхъ улучшеній въ процессѣ производства въ эту эпоху не произошло и во всякомъ случаѣ улучшенія носили частичный характеръ и распространялись весьма медленно),—долженъ быть объясненъ прежде всего усиленіемъ конкурренціи въ торговлѣ фабрикатами, вызванной улучшеніемъ путей сообщенія и расширеніемъ рынка (и отсутствіемъ соглашеній относительно цѣнъ между скупщиками, въ противоположность минимальнымъ таксамъ цеховыхъ ремесленниковъ въ предыдущій періодъ), тогда какъ для сырья оба эти момента (въ особ. почта не была приспособлена для перевозки громоздкихъ товаровъ) далеко не могли имѣть того же значенія, да и вывозъ сырья изъ страны былъ сильно стѣсненъ.

Измѣнилось, подъ вліяніемъ возрастанія предложенія рабочихъ рукъ (сельскіе жители, не-цеховые, привиллегированные мастера и т. д., см. выше, стр. 214) по сравненію съ спросомъ и установленія чрезвычайной зависимости рабочихъ отъ предпринимателей (стр. 215—224), соотношеніе между товарными цѣнами и денежной заработной платой къ невыгодѣ послѣдней; хотя и денежная плата возросла, но вездѣ гораздо менѣе, чѣмъ общій уровень цѣнъ (всего на 30—40 проц. при увеличеніи общаго уровня цѣнъ въ 100 проц., въ 100 проц. при 150 проц.), такъ что реальная плата упала: и обнаруживъ пониженіе уже въ началѣ XVI ст., она составляла къ концу XVII ст. не болѣе половины того, что рабочіе получали въ 1500 г.

Приливъ американскаго золота и серебра въ Европу вызвалъ усиленную чеканку монеты, въ особ. серебрянной, которая, потерявъ нѣсколько свое значеніе къ концу средневѣковья, вслѣдствіе появленія золотыхъ флориновъ или гульденовъ, теперь снова стала господствующей монетой; въ XVIII ст. однако же съ приливомъ бразильскаго золота усилилась и чеканка золотыхъ монетъ и золото снова стало играть значительную роль въ обращеніи; въ Англіи совершился даже переходъ къ золотой валютѣ [1]): по закону 1774 г. неполновѣсныя серебряныя монеты (а другихъ не имѣлось) принимались при платежахъ свыше 25 ф. ст. лишь по вѣсу, а въ 1797 г. была прекращена и чеканка серебряной монеты. На континентѣ продолжала господствовать, какъ и въ средніе вѣка, т. наз. параллельная валюта, т. е. оба металла сохраняли равноправное положеніе, какъ орудіе обращенія и не было установлено опредѣленнаго законнаго отношенія между ними; для извѣстныхъ категорій сдѣлокъ существовала опредѣленная монета въ качествѣ обычной, въ другихъ случаяхъ указывалось, въ какой монетѣ долженъ быть произведенъ разсчетъ, что, въ виду постоянныхъ колебаній въ цѣнности монетъ (порчи ея), все равно являлось необходимымъ.

---

[1]) Такая попытка была сдѣлана уже въ концѣ XVI ст. и во Франціи, гдѣ чеканка золота и въ эту эпоху производилась въ значительныхъ размѣрахъ; однако постановленіе, согласно которому écu au soleil является законнымъ платежнымъ средствомъ и всѣ счеты должны вестись въ этой монетѣ, было отмѣнено въ 1602 г.

Количество обращающихся видовъ монеты значительно увеличилось, вслѣдствіе появленія крупныхъ монетъ, ранѣе не существовавшихъ: чеканенный съ XIII ст. золотой флоринъ или экю (дукатъ, гульденъ) уже съ конца XV ст., когда сильно возросла добыча серебряныхъ рудниковъ въ Тиролѣ, Богеміи и др. мѣстностяхъ Германіи, стали изображать въ видѣ серебряной монеты, которая была гораздо больше существовавшихъ ранѣе грошеновъ (она вѣсила цѣлую унцію); въ отличіе отъ послѣднихъ новая крупная серебряная монета, такъ какъ она по цѣнности должна была соотвѣтствовать гульдену, называлась гульденгрошенъ, или въ виду того, что она чеканилась преимущественно изъ серебра, добываемаго изъ Іоахимстальскаго рудника въ Богеміи—іоахимсталеръ, а позже, въ особ. когда ее стали чеканить и въ другихъ мѣстахъ,—просто талеръ (начало слова отброшено). Талеръ, который теперь дѣлился на крейцеры (уже раньше въ прирейнскихъ мѣстностяхъ гульденъ распадался на 60 крейцеровъ по 4 пфеннига), сталъ новымъ типомъ монеты, которая въ самыхъ разнообразныхъ наименованіяхъ (піастръ, луид'аржанъ, т. е. Людовикъ изъ серебра, кроненталеръ), чеканится во всей Европѣ (только англійская крона, наибольшая серебряная монета въ Англіи, была меньше талера), хотя содержаніе серебра въ талерѣ и упало скоро съ 27,4 до 23 гр., а къ серединѣ XVIII ст. и до 17 гр. Въ теченіе XVII ст. съ возрастаніемъ добычи золота, появилась и крупная золотая монета, значительно большая, чѣмъ гульденъ, въ видѣ пистоли, которую повидимому ранѣе всего стали чеканить въ Испаніи и которая затѣмъ подъ этимъ наименованіемъ (въ Германіи, Швейцаріи) или подъ другими названіями (пистоли равняется луидоръ, который чеканится съ полсвины XVII ст. во Франціи, причемъ на монетѣ было поясное изображеніе короля, отсюда самое названіе; ту же монету представляетъ собою въ Пруссіи фридрихдоръ, равняющійся 5 талерамъ) также стала общимъ типомъ золотой монеты въ Европѣ (въ Англіи гинея—изъ золота, добываемаго въ Гвинеѣ—въ 21 шилл., содержаніе золота 7,7 гр.). Рядомъ съ этими крупными золотыми и серебряными монетами появляется и мѣдная монета, вмѣсто прежде чеканенной съ виду серебряной монеты, въ дѣйствительности же на $^3/_4$ состоявшей изъ мѣди и лишь сверху покрытой серебромъ. Она существовала въ Нидерландахъ уже въ XV ст., съ XVI ст. чеканится и въ Испаніи и Франціи (denier), въ XVII ст. и въ Англіи (а также въ Швеціи и въ Московскомъ государствѣ).

Такимъ образомъ, количество видовъ монеты возросло (въ Пруссіи, напр., согласно эдикту 1750 г. чеканятся золотыя монеты въ 10, 5 и $2^1/_2$ талера и серебряныя монеты въ 1, $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_6$ и $^1/_{12}$ талера и кромѣ того грошены и пфенниги различной цѣнности), между тѣмъ отношеніе между ними не было регулировано и цѣнность различныхъ монетъ колебалась постоянно. Выпускъ неполновѣсныхъ монетъ казной и обрѣзываніе ея частными лицами, какъ и поддѣлка монетъ (выпускъ фальшивыхъ монетъ) продолжалось и въ эту эпоху, вслѣдствіе чего талеръ въ половинѣ XVI ст. равнялся 60 крейц., въ 1620 г. поднялся до 140, а въ 1622 г. до 450—600 крейц. (Kipper=und Wipperzeit), — результатъ обрѣзыванья полноцѣнныхъ монетъ и извлеченія ихъ изъ обмѣна посредствомъ переплавки или вывоза за границу (отсюда и самое названіе: kippen значитъ обрѣзывать, wippen—взвѣшивать). Особенно печально было положеніе денежнаго обращенія въ германскихъ государствахъ (хотя и въ Англіи подобныя же операціи привели къ уменьшенію вѣса серебряной монеты въ 1696 г. на половину, что вызвало тяжелый кризисъ), ибо, въ то время какъ Англія и Франція составляли единое цѣлое въ монетномъ отношеніи, въ Германіи каждый изъ многочисленныхъ территоріальныхъ государей чеканилъ свою монету [1]).

[1]) Хотя между отдѣльными государствами и устанавливалась посредствомъ соглашеній однообразная монетная единица (Konventionsfuss, Konventionstaler), но соглашенія эти были лишь временныя (Австрія уже десять

Извлеченіе казной дохода изъ монетной регаліи признавалось и въ тѣ времена писателями-меркантилистами вполнѣ правильнымъ; но значительная разница между номинальной цѣной монеты и содержаніемъ въ ней благороднаго металла вызывалась и въ эту эпоху кромѣ того неудовлетворительностью чеканки. Съ XVI ст. въ Англіи, съ XVII ст. и во Франціи уже дѣлается выпуклый ободокъ на монетѣ и штемпель покрываетъ всю монету (это должно было затруднить обрѣзываніе ея), но лишь въ теченіе XVII—XVIII ст. стали распространяться болѣе усовершенствованные инструменты чеканки (механическіе), удешевлявшіе ея стоимость. Если еще къ началу XIX ст. расходы по чеканкѣ составляли $^1/_2$ проц. для золотой и 3 проц. для серебряной монеты (только примѣненіе пара въ XIX ст. и другихъ усовершенствованій сократило ихъ до минимума), то для мелкой серебряной монеты они достигали въ разсматриваемую эпоху нерѣдко 20 и болѣе проц. Только въ Англіи казна согласилась принять на себя эти расходы (законъ 1666 г.), выпуская монету полновѣсной, но все же чеканя, вслѣдствіе убыточности для нея, сравнительно мало мелкой серебряной монеты. На континентѣ уже рано дѣлались попытки въ другомъ направленіи—въ смыслѣ превращенія мелкой серебряной монеты (номинальная цѣна которой по необходимости—расходы чеканки—была значительно ниже дѣйствительной) въ билонную или размѣнную, чеканка которой должна производиться лишь въ ограниченномъ количествѣ (имперское постановленіе 1524 г.) и которую никто не обязанъ принимать болѣе, чѣмъ на опредѣленную сумму (не болѣе, чѣмъ на 10 флор. въ пфеннигахъ—имперскій регламентъ 1551); но эти постановленія первоначально мало осуществлялись на практикѣ и лишь въ XVII ст. появилась размѣнная монета въ современномъ (указанномъ выше) смыслѣ, чѣмъ предотвращалось дальнѣйшее пониженіе цѣнности мелкой монеты по сравненію съ крупной.

Неудовлетворительныя условія денежнаго обращенія вызывали и въ разсматриваемую эпоху среди купцовъ желаніе обходиться по возможности безъ монеты. Этой цѣли служила ликвидація счетовъ посредствомъ сличенія торговыхъ книгъ (fare il riscontro) съ уплатой разницы векселями, а не монетой,—операція широко производимая и наліонской, и на кастильскихъ, и на генуэзскихъ ярмаркахъ (они этому главнымъ образомъ и служили). Но купцы пошли и дальше: они установили для своихъ разсчетовъ условную, общую для всѣхъ и независимую отъ вида и качества разныхъ монетъ, денежную единицу (scudo di marche, écu de marc), по которой разцѣнивались различныя монеты и на которую производились разсчеты и платежи. Такая идеальная, неизмѣняющаяся денежная единица („банковая монета") существовала на ярмаркахъ XVI—XVII ст., и установленіе ея въ видѣ постояннаго средства, позволяющаго обходиться безъ чеканеной монеты, было повидимому главной цѣлью основанія тѣхъ публичныхъ банковъ, которые возникаютъ въ XVI—XVII ст. По примѣру учрежденнаго еще въ началѣ XV ст. Генуэзскаго банка (и Барселонскаго) въ слѣдующіе вѣка возникаетъ рядъ публичныхъ (государственныхъ) банковъ: въ XVI ст.—Венеціанскій (Banco del Giro) и Миланскій св. Амвросія, въ XVII ст.—Амстердамскій (Amsterdamsche Wisselbanck, учр. въ 1600 г.), Гамбургскій (Wechsel-Banco, учр. въ 1619 г.) и Англійскій (въ 1694 г.) въ XVIII ст.—Стокгольмскій и Французскій. Характерную черту всѣхъ этихъ банковъ составляетъ принужденіе мѣстнаго купечества производить платежи другъ другу—личными приказами банку—непремѣнно чрезъ посредство банка. Они помѣщаютъ въ банкѣ свои платежныя средства—вклады, причемъ наилучшая монета (въ Венеціи) или извѣстное количество чистаго драгоцѣннаго металла составляетъ банковую

лѣтъ спустя послѣ соглашенія 1738 г. отказалась отъ него, а Баварія черезъ годъ послѣ соглашенія 1753 г. стала выпускать монеты съ повышеніемъ на номинальной цѣны на 20 проц.) и касались лишь отдѣльныхъ вопросовъ.

монету (въ Гамбургскомъ банкѣ „Mark Banko“ въ $^1/_3$ полноцѣннаго рейхсталера, позже только слитки серебра, въ Амстердамскомъ—„банковый флоринъ“ въ 211,91 асъ чистаго серебра); принимая отъ своихъ вкладчиковъ всякаго рода монету, банкъ, однако, открывалъ имъ кредитъ лишь соотвѣтственно тому, сколько банковой монеты въ себѣ содержали эти деньги. Только Англійскій банкъ имѣлъ въ виду и содѣйствіе развитію торговли, почему онъ и представляетъ собою уже кредитное учрежденіе современнаго типа. Если эти банки имѣли публичный характеръ и получали различныя привилегіи, то это объясняется прежде всего тѣмъ, что государство имѣло въ виду получить отъ банка заемъ, либо непосредственно, предоставляя привилегію учрежденія банка тому, кто ему дастъ необходимую денежную сумму, какъ это было при учрежденіи Англійскаго банка, либо во всякомъ случаѣ разсчитывая на это, хотя бы въ уставѣ и указывалось противное; такъ и суммами банка Ріальто въ Венеціи и вкладами Амстердамскаго банка въ XVIII ст. (повидимому не въ XVII ст.) пользовалось правительство, несмотря на то, что по уставу вклады не должны были отдаваться въ ссуду.

Въ XVIII ст. публичные банки производятъ и двѣ другія (новыя) операціи — выпускъ банкнотъ (банковыхъ билетовъ) и учетъ (дисконтъ) векселей. Какъ Англійскій банкъ, такъ и Шотландскій, Датскій, Стокгольмскій, Нюрнбергскій, а также банкъ, учрежденный Ло,—всѣ они (какъ уже ранѣе существовавшіе въ Англіи „кассиры“—золотыхъ дѣлъ мастера и въ то же время частные банкиры) выпускали свидѣтельства на помѣщенные у нихъ вклады съ обязательствомъ уплаты ихъ немедленно по предъявленіи. Этими свидѣтельствами стали оплачивать учитываемые банкомъ векселя, однако, учетъ векселей входилъ въ употребленіе чрезвычайно медленно,—и хотя онъ встрѣчается уже въ XVI и въ особ. въ XVII ст. (въ Ліонѣ), но еще въ первой половинѣ XVIII ст. въ Гамбургѣ купецъ, который дисконтировалъ свои векселя, рисковалъ вовсе лишиться кредита. Скорѣе стала распространяться другая операція (безъ которой учетъ векселей былъ невозможенъ)—уступка векселей посредствомъ передаточной надписи. Введеніемъ въ употребленіе передаточной надписи (girata или endossament, ибо во Франціи она дѣлалась на оборотной сторонѣ векселя) вексельное обращеніе сильно оживилось („индоссаментъ—мостъ отъ средневѣковаго къ нынѣшнему векселю“), такъ какъ вмѣсто одного должника теперь является два или болѣе (по числу бланконадписателей), отвѣтственныхъ за уплату долга. Теперь вексельныя операціи упростились и перестали быть монополіей банкировъ (прежде только они могли выдавать векселя и платить по нимъ и вынуждены были имѣть повсюду корреспондентовъ, на которыхъ могли бы выдавать векселя), хотя еще и впослѣдствіи остались монополіей торговаго сословія (только въ XIX ст. векселями предоставлено обязываться всякому). Неудивительно, что и это нововведеніе вызвало первоначально запрещенія—либо безусловныя (какъ въ г. Франкфуртѣ въ XVII ст., во Франціи въ 1660 г., въ различныхъ итальянскихъ городахъ), либо запрещеніе дѣлать на векселѣ болѣе одной надписи (въ Неаполѣ въ 1607 г., въ Нюрнбергѣ въ 1654 г.), но оно обнаруживало чрезвычайную жизнеспособность и индоссаментъ былъ признанъ уже Кольберомъ въ Ordonnance du commerce 1673 г.

Постепенно входитъ въ употребленіе уплата денегъ посредствомъ чековъ; въ итальянскихъ городахъ они появляются уже въ XVI ст., въ Амстердамѣ первоначально запрещены въ 1608 г., но затѣмъ допущены въ 1621 г., въ Англіи старѣйшіе чеки 80-хъ гг. XVII ст., порученія вкладчиковъ своимъ банкирамъ—золотыхъ дѣлъ мастерамъ уплатить предъявителю извѣстную сумму (см. Рота-Кауфманъ. 164. Roscher. III. 437. Goldschmidt. Universalgesch. 325 и сл.).

Не послѣднюю роль въ развитіи кредита играли и перемѣны въ законодательствѣ о ссудномъ процентѣ. Въ то время какъ въ предшествующую эпоху—какъ мы видѣли выше (см. стр. 155 и сл.)—взиманіе процента считалось грѣ-

ховнымъ и запрещалось не только церковью, но и государствомъ, хотя на практикѣ было широко распространено,—въ разсматриваемый періодъ былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ въ видѣ принципіальнаго допущенія процента съ установленіемъ лишь извѣстной максимальной нормы, выше которой запрещалось брать. Уже въ XVI ст. въ различныхъ случаяхъ, въ Англіи безусловно (только не свыше 10 проц.), въ особ. же въ XVII ст. (въ Нидерландахъ не болѣе 5 проц. въ 1640 и 4 проц. въ 1655 г., въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи) появляются такой указный ростъ, хотя въ дѣйствительности и онъ обходился различными способами (добавочныя условія, включенія процентовъ въ капитальную сумму и т. д.) и—какъ указываетъ Локкъ—въ его время въ Нидерландахъ можно было заключить договоръ на любыхъ условіяхъ.

И въ эту эпоху однако частный торгово-промышленный кредитъ былъ развитъ сравнительно мало, большинство предпріятій обходилось безъ займа капиталовъ, крупныя же предпріятія, требовавшія очень большихъ капиталовъ, возникали въ формѣ акціонерныхъ компаній. Наиболѣе важную форму кредита составлялъ такимъ образомъ и теперь кредитъ публичный, который сохранилъ еще много характерныхъ особенностей предыдущей эпохи. Это былъ попрежнему кредитъ не государственный, а государей (даже въ Англіи долгъ былъ признанъ національнымъ впервые въ 1716 г.), выражавшійся и теперь въ краткосрочныхъ займахъ подъ отдѣльные источники доходовъ или ожидаемые въ будущемъ поступленія налоговъ, займахъ, заключаемыхъ у иностранныхъ банкировъ (итальянцевъ, южно-германскихъ купцовъ, на амстердамской биржѣ) или принудительныхъ займахъ у собственныхъ подданныхъ (во Франціи цѣлый рядъ случаевъ въ XVI и XVII ст., особ. принудительные займы у г. Ліона, въ Англіи при Елисаветѣ, при Іаковѣ I въ 1625 г., въ Испаніи захватъ королемъ американскаго серебра, принадлежащаго частнымъ лицамъ, взамѣнъ чего имъ выдавались долговыя обязательства). Для уплаты этихъ краткосрочныхъ займовъ нерѣдко не хватало средствъ и доходы предназначенные на уплату процентовъ и погашеніе (по частямъ) займа, употреблялись на иныя цѣли, въ особ. на дальнѣйшія войны; государь, ссылаясь нерѣдко на ростовщическій характеръ займа (какъ и въ средніе вѣка), объявлялъ себя банкротомъ, лишая кредиторовъ обѣщанныхъ имъ доходовъ (напр. американскаго серебра) и превращая долгъ въ 5 проц. вѣчную ренту; (которая стояла гораздо ниже нарицательной цѣны). Такъ это дѣлалось въ особ. въ Испаніи, гдѣ въ XVI—XVII ст. такія банкротства (какъ и въ слѣдующія столѣтія) происходили каждые 20 лѣтъ. Во Франціи они частью принимали такую же форму, частью просто прекращались платежи и не возобновлялись (напр. въ 1557 г.), несмотря на требованія кредиторовъ, частью процентъ насильственно понижался или часть займа объявлялась несуществующей (при Сюлли, нѣчто подобное и въ 1664 г. при Кольберѣ); къ такимъ же средствамъ избавиться отъ займовъ прибѣгали и въ другихъ странахъ, за исключеніемъ лишь Нидерландовъ и Англіи, гдѣ правительство съ начала XVIII ст. добросовѣстно выполняло свои обѣщанія.

Неудивительно, если въ половинѣ XVIII ст. еще говорили: не давай въ заемъ болѣе сильному, если же далъ, то смотри на эту сумму, какъ на потерянную, и прибавляли: обѣщанія даютъ дворяне, но выполняютъ ихъ только мужики. Ростъ государственныхъ займовъ этой эпохи вызывался въ особенности непрерывными войнами (въ XVI ст. насчитывалось всего 25, въ XVII ст. всего 21 годъ, когда не происходило бы крупныхъ военныхъ операцій), которыя въ эту эпоху, ввиду господства наемныхъ войскъ (кондотіери), требовали особенно большихъ расходовъ. Отсутствіе необходимыхъ на это средствъ и потеря кредита послѣ отказа уплатить прежніе долги (банкротства) либо заставляла правительство прекратить войну и заключить миръ (отказомъ въ дальнѣйшихъ займахъ вызванъ напр. миръ при Като-Камбрези въ 1558 г., при Вервенъ въ 1598 г., 12-лѣтнее перемиріе съ Нидерландами 1609 г.), либо приводила къ такимъ событіямъ какъ разграбленіе въ 1576 г. Антверпена войсками, не получившими жалованья (за годъ до этого банкротство Испаніи) или какъ парижское возстаніе 1558 г., находящееся

въ связи съ неуплатой займа городу Парижу (это вызвало сильное возбужденіе среди населенія, потерявшаго свои деньги). См. Ehrenberg I. 9 и сл. 22. II. 147—183. 205 и сл. 259 и сл.

Однако же перемѣна по сравненію съ предыдущимъ періодомъ заключалась не только въ томъ, что займы были гораздо крупнѣе и что иностранные банкиры (которые во Франціи и Испаніи успѣли потерять свои деньги) замѣнялись постепенно мѣстными (въ Англіи съ пол. XVI ст., во Франціи въ XVII в.), съ которыми теперь заключались займы,—но еще болѣе въ томъ отношеніи, что при заключеніи займовъ обращались не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ биржѣ, антверпенской, ліонской, гдѣ создавалось мнѣніе объ общей кредитоспособности того или иного монарха независимо отъ опредѣленнаго источника доходовъ, предоставляемаго на покрытіе займа. Благопріятное мнѣніе биржи, создававшееся подъ вліяніемъ различныхъ свѣдѣній, которыя нерѣдко фальсифицировались агентами даннаго правительства, вызывало повышательное настроеніе на биржѣ и повышеніе курса выпускаемаго займа, которое при возникновеніи сомнѣній въ платежеспособности монарха смѣнялось понижательнымъ движеніемъ. Въ другихъ случаяхъ объявлялась публичная подписка на новый заемъ (въ Англіи съ конца XVII ст.), которая привлекала (во Франціи) и провинціальное населеніе (въ XVII ст.) и которая (въ Нидерландахъ) принималась непосредственно въ „конторахъ“ государства съ обходомъ всякихъ посредниковъ (въ Англіи посредникомъ являлся Англійскій банкъ).

Только Нидерланды и Англія ушли значительно дальше въ области развитія своего государственнаго кредита: они производили не принудительное (какъ во Франціи), а добровольное пониженіе процента по займамъ (конверсіи— кредиторамъ предлагалось либо получить обратно долгъ, либо согласиться на болѣе низкій процентъ)—въ Нидерландахъ въ пол. XVII ст. съ 6 до 4 проц., въ Англіи въ пол. XVIII ст. съ 4 до $3^1/_2$ и 3 проц.; далѣе устранили (въ Нидерландахъ) опредѣленные фонды на покрытіе займовъ, которые теперь гарантировались всѣмъ состояніемъ государства; наконецъ, превратили постепенно краткосрочные неотвержденные долги въ безсрочные консолидированные займы (въ Англіи въ 1715 г. появляется впервые 5 проц. безсрочная рента), которые въ Англіи къ концу XVIII ст. (въ 1786 г.) достигли огромной, неслыханной для того времени цифры въ 240 милл. ф. стерл. (изъ нихъ болѣе $^2/_3$ въ 3 проц. рентѣ) — тогда какъ за 50 лѣтъ до того они не превышали шестой части (43 милл.) [1]).

До 20-хъ годовъ XVIII вѣка въ Англіи публичный кредитъ эксплуатировался посредствомъ заимствованія большихъ суммъ акціонерныхъ капиталовъ крупныхъ компаній, далѣе посредствомъ самостоятельныхъ лотерейныхъ займовъ (т. е. такихъ, при которыхъ участникъ займа получалъ весь капиталъ сполна съ процентами и кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ выигрыши, расходъ по которымъ падалъ на казну), посредствомъ самостоятельныхъ же займовъ срочныхъ, наконецъ посредствомъ разнаго рода сочетанія операцій страховыхъ съ займами. Новый періодъ начинается со времени выпуска 5 проц. безсрочной ренты въ 1715 г., и въ безсрочную ренту постепенно превращаются (консолидируются) всѣ старыя формы неотвержденнаго долга, и понижаются проценты (до 3 проц.) по этому консолидованному долгу, т. е. совершается то, чего на континентѣ, въ особ. въ Пруссіи и Австріи, достигли не ранѣе половины XIX вѣка. До половины XVIII ст. кредитомъ пользовались умѣренно, предпочитая займамъ, несмотря на ихъ дешевизну, новые налоги, и старались при всякой возможности погашать займы (погасительный фондъ Волполя); во второй половинѣ XVIII вѣка этотъ рессурсъ стали менѣе щадить, погасительный фондъ отвлекается отъ своего назначенія (идетъ не на погашеніе, а на уплату процентовъ) и долгъ необычайно быстро достигаетъ никогда и нигдѣ не виданной прежде въ исторіи высоты, вызывающей спасенія даже у такихъ мыслителей, какъ Ад. Смитъ и Юмъ. Въ Амстердамѣ во время войны Англіи съ американскими колоніями возникалъ вопросъ о томъ, долго ли Англія еще въ состояніи будетъ платить проценты по своимъ долгамъ, а въ 80-хъ г.г. XVIII ст. одинъ писатель утверждалъ, что либо нація должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожатъ ее. Но уже 20 лѣтъ спустя историкъ Синклеръ

[1]) См. И. И. Кауфманъ. Госуд. долгъ Англіи.

пророчески писалъ: потомство будетъ смѣяться надъ глупостью нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые рѣшаются утверждать, что источники нашихъ доходовъ исчерпаны. Уже съ половины XVIII ст. государственный кредитъ Англіи (какъ и финансы ея вообще) покоился на прочныхъ основаніяхъ. (И. И. Кауфманъ. Госуд. долгъ Англіи).

Въ области путей и средствъ сообщенія періодъ XVI—XVIII ст. обнаруживаетъ значительные успѣхи, по сравненію со средневѣковой эпохой, хотя и неодинаковые въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ странахъ. Менѣе всего было сдѣлано въ отношеніи путей на сушѣ. И въ Англіи и въ Германіи дороги были по прежнему отвратительны—чрезвычайно узки (такъ что не только двѣ повозки, но даже двѣ лошади нерѣдко не могли разъѣхаться), съ глубокими пробоинами, останавливавшими путешественника (въ нихъ тонули лошади и люди), почему на путешествіе смотрѣли какъ на печальную необходимость, сопряженную съ большимъ рискомъ. Уголь изъ Ньюкестля въ Лондонъ и скотъ изъ Шотландіи въ Норфолькъ предпочитали возить моремъ,—и неудивительно, разъ, по словамъ Артура Юнга, онъ „проѣхалъ 18 миль и сломалъ три повозки; онъ настоятельно совѣтуетъ избѣгать эту адскую дорогу, которая соединяетъ графства между собой и гдѣ тѣмъ не менѣе нѣтъ ничего легче, какъ опрокинуться и сломать себѣ шею". Только по направленію къ Лондону вело нѣсколько хорошо сооруженныхъ дорогъ.

Нѣмецкіе путешественники XVIII ст. сообщаютъ о случаяхъ, когда жатва полдюжины окружныхъ селъ погибла въ болотѣ, когда люди (это случается ежегодно) сваливаются въ пропасть (Зальцманъ); еще въ началѣ XIX ст. они острили, что дилижансы окрашены въ красный цвѣтъ—выраженіе боли и мученій и что въ нихъ слѣдуетъ возить покойниковъ, чтобы люди, находящіеся въ летаргическомъ снѣ, могли проснуться, ибо въ комъ тлѣетъ хоть искра жизни, она, благодаря ужасающей качкѣ, превратится въ пламень.

Но тотъ же Артуръ Юнгъ приходитъ въ восторгъ отъ французскихъ дорогъ (великолѣпная дорога, лучшая въ мірѣ дорога—восклицаетъ онъ на каждомъ шагу), поражаясь лишь рѣдкой пустотой на нихъ (нѣсколько возовъ, одинъ кабріолетъ, да женщинъ съ ослами онъ встрѣтилъ на протяженіи 36 миль); даже на дорогахъ, ведущихъ къ Парижу, и при въѣздѣ въ Парижъ онъ не нашелъ почти никакого движенія, въ противоположность оживленному движенію при въѣздѣ въЛондонъ. Хотя во Франціи дороги были повидимому не повсюду столь хороши (см. напр. Brutails, p. 42. Bernier, p. 23), но все же, по сравненію съ другими странами, Франція стояла въ этомъ отношеніи весьма высоко, ибо въ концѣ XVII ст. она затрачивала на мосты и дороги въ среднемъ $1^1/_2$ милл. фр. ежегодно (на современ. деньги), при Людовикѣ XV даже 4—5 милл., и въ концѣ XVIII ст. имѣла 25 тыс. километр. большихъ дорогъ, широкихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вымощенныхъ; въ другихъ государствахъ шоссированныя дороги составляли явленіе исключительное.

Несмотря на неудовлетворительность дорогъ, возникли и достигли значительнаго развитія, почтовыя сообщенія—перевозка людей, товаровъ и извѣстій. Уже въ XIV—XV ст. государи, и въ особ. торговые города, имѣли своихъ какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ людей, которые переносили и перевозили письма (посланія) и посылки (о времени отъѣзда ихъ сообщается на рынкѣ); въ XVI ст. мы находимъ между различными городами (Аугсбургъ—Венеція, Нюрнбергъ—Вѣна, Нюрнбергъ—Брюссель) постоянныя сообщенія посредствомъ такихъ еженедѣльно правильно отправляющихся нарочныхъ (эстафетъ, курьеровъ), издаются особыя росписанія ихъ поѣздокъ. Во Франціи уже съ конца XV ст. имѣлось 230 конныхъ посыльныхъ, были установлены опредѣленныя станціи (это и называлось почтой—postes), гдѣ производилась перемѣна лошадей, а въ Италіи въ XVI ст. существовало свыше 70 постоянныхъ сообщеній. Въ слѣдующія столѣтія сѣть такихъ постоянныхъ сообщеній расширяется и въ другихъ странахъ, почта пріобрѣтаетъ международный характеръ, соединяя различныя страны (въ

особ. это было необходимо при Карлѣ V, когда должны были возникнуть сообщенія между различными частями его монархіи—Испаніей, Индерландами, Германіей); устанавливается точно время прибытія и отхода почты. Въ то время, какъ первоначально почта существуетъ исключительно для государственныхъ надобностей (Людовикъ XI въ 1464 запрещаетъ перевозку частной корреспонденціи подъ страхомъ смерти), позже (почта городовъ повидимому уже въ средніе вѣка) предоставляется пользоваться ею и частнымъ лицамъ (во Франціи съ 1576 г.), хотя это составляетъ лишь побочную функцію ея и никакой гарантіи за доставку не принимается; наконецъ, къ XVII ст. устанавливается почтовый тарифъ (въ 1599 г. въ Германіи, въ 1627 г. во Франціи)—признакъ того, что потребности частныхъ лицъ стоятъ теперь на первомъ планѣ. Далѣе развитіе почты выражается въ томъ, что рядомъ съ корреспонденціей производится и перевозка людей—первоначально верхомъ, въ XVII ст. (съ 60-хъ гг. во Франціи, немного раньше въ Германіи) въ почтовыхъ повозкахъ, наконецъ почта принимаетъ на себя и перевозку не очень громоздкихъ товаровъ. Уже съ XVI ст. эксплоатація почтовыхъ сообщеній на всемъ протяженіи габсбургской монархіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ (въ Италіи) находилась въ рукахъ фамиліи Таксисъ (Тассисъ), причемъ почта была обращена въ имперскую регалію. Вліяніе почты сразу отразилось какъ на увеличеніи корреспонденціи („Ah! c'est une belle invention que la poste! восклицаетъ M-me де Севинье)—любопытно, что когда импер. Максиміліанъ въ 1507 г. прибылъ въ Виллингенъ, на другой день было отослано свыше 800 писемъ въ Нидерланды и Венгрію; оно обнаружилось и въ оживленіи комерческой дѣятельности („когда купцы увидѣли—говоритъ Бейстъ въ XVII ст., что за небольшую плату они могутъ узнать вексельный курсъ и цѣны товаровъ посредствомъ почты, безъ того, чтобы ѣздить въ Антверпенъ, на почтѣ стало скопляться огромное количество писемъ); на берлинской биржѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, биржевыя собранія назначены были два раза въ недѣлю, именно на тѣ дни, когда приходила почта. Помимо того, что теперь болѣе не было надобности купцу лично отправляться на ярмарку или биржу,—почта „за небольшую плату съ большой скоростью“ перевозила ему и товары („большіе пакеты, тюки и всякаго рода товары центнерами“). Если въ концѣ средневѣковаго періода успѣвали проѣхать въ среднемъ не болѣе 5 миль въ день, рѣдко 6—7 миль, то въ XVII—XVIII ст. въ Англіи скорость провоза не очень громоздкихъ товаровъ составляла 7—8 миль въ день, а въ Германія 9—10 миль, при перемѣнѣ лошадей (при этомъ даже по сравненію съ XVI ст., скорость перевозки въ XVII ст. возросла—изъ Страсбурга въ Аугсбургъ перевозка товаровъ продолжалась въ 1590 г. 8 дней, а въ 1690 г. 5 дней, изъ Магдебурга въ Гамбургъ, въ 1590 г. 6 дней, сто лѣтъ спустя 3—4 дня, изъ Вѣны въ Тріестъ 14 дней и 11—12 дней). Во всѣхъ центральныхъ пунктахъ появились многочисленные постоялые дворы, содержавшіе лошадей; періодически разъ или два въ недѣлю двигались цѣлые обозы: возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3—6 тоннами товара.

Еще болѣе оживились рѣчныя сообщенія, благодаря исправленію русловъ рѣкъ (во Франціи, въ Англіи) и соединенію бассейновъ рѣкъ между собою посредствомъ устройства каналовъ, вслѣдствіе чего создались обширные водные пути отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго моря и Атлантическаго океана (каналы Бріарскій, Лангедокскій, орлеанскій во Франціи): протяженіе каналовъ во Франціи увеличилось за 2 столѣтія (XVII и XVIII) вшестеро (со 156 до 1004 килом.), въ Пруссіи въ теченіе XVIII вѣка въ 2½ раза (съ 530 килом. въ 1687 г. до 1272 въ 1787 г.).

Подъ вліяніемъ политики, направленной къ развитію національнаго, судоходства, весьма возросло число морскихъ судовъ (при Кольберѣ съ 30 до 200; суда, выходившія изъ ливерпульскаго порта, насчитывали въ 1700 г. 317 тыс. тоннъ водоизмѣщенія, сто лѣтъ спустя—въ шесть разъ больше, свыше 1900 тыс. тоннъ, причемъ среднее водоизмѣщеніе корабля

увеличилось съ 38 до 100 тоннъ). При этомъ какъ въ области кораблестроенія, такъ и въ смыслѣ скорости передвиженія были сдѣланы значительные успѣхи—въ особ. голландцы строили большія суда въ 500—650 и даже въ 1000 тоннъ и въ значительной мѣрѣ благодаря примѣненію такихъ судовъ въ торговлѣ съ Остъ-Индіей, они получили преобладаніе въ торговлѣ колоніальными товарами[1]). Благодаря примѣненію компаса, морскихъ картъ, въ особ. же изобрѣтеннаго съ 1608 г. въ Нидерландахъ телескопа, путешествіе моремъ было сопряжено съ меньшими опасностями и совершалось гораздо скорѣе: вмѣсто 18—20 мил. въ день въ XIV—XV ст.—30—40 мил. при благопріятной погодѣ; однако большая скорость на парусныхъ судахъ притомъ деревянныхъ и сидѣвшихъ весьма глубоко (ибо они были снабжены пушками и имѣли тяжелыя мачты), а потому и чрезвычайно широкихъ (иначе бы они перевернулись), была недостижима—чѣмъ больше длина по сравненію съ шириной, тѣмъ скорѣе можетъ двигаться судно (теперь 7—9: 1 прежде 3—4:1).

ГЛАВА VI.

Экономическая доктрина.

Доктрина XVI вѣка (она находится въ связи съ реформаціей) въ особ. интересуется вопросомъ о ростѣ, вступая въ борьбу съ канонистами и стараясь облегчить кредитныя сдѣлки. Съ одной стороны распространяется ученіе о lucrum cessans т. е. о потерѣ выгоды тѣмъ, кто отдалъ сумму въ займы (въ противоположность damnum emergens, т. е. убыткамъ, которые онъ отъ этого потерпѣлъ), причемъ достаточно было вѣроятности потери выгоды для признанія взимаемаго процента правильнымъ; а такъ какъ презумпціей для дѣлового человѣка являлось стремленіе къ выгодному помѣщенію капитала, то отъ него не требовалось и представленія доказательствъ о томъ, что онъ лишился прибыли. А съ другой стороны, самое ученіе о грѣховности роста было подвергнуто сомнѣнію.

Кальвинъ возстаетъ противъ взгляда канонистовъ относительно безплодности денегъ, ибо при помощи денегъ можно пріобрѣсти земельный участокъ и тогда въ доходахъ, доставляемыхъ послѣднимъ, выразятся деньги, производимыя тѣми деньгами, которыя затрачены на пріобрѣтеніе земли. Онъ считаетъ лишь нужнымъ установить наивысшій размѣръ ссуднаго процента. Точно также и Молинеусъ признаетъ взиманіе роста, ограниченное опредѣленными размѣрами, вполнѣ справедливымъ, ибо оно не только не убыточно, но даже выгодно для должника, который, уплачивая небольшіе проценты, пріобрѣтаетъ возможность извлеченія значительно большей прибыли.

Въ XVII ст. число сторонниковъ новаго ученія о допустимости ссуднаго процента, не превышающаго извѣстныхъ размѣровъ, сильно возрастаетъ и получаетъ всестороннее обоснованіе въ сочиненіяхъ Безольда и Сальмазіуса, а также выраженіе на практикѣ въ установленіи указнаго (максимальнаго) роста въ различныхъ странахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ XVII ст. (зачатки проявляются уже въ XVI вѣкѣ) выступаетъ на сцену новая экономическая доктрина—меркантилизмъ (какъ ее называли впослѣдствіи противники ея—физіократы). Основой ея являлось—въ противоположность ученію канонистовъ о солидарности людей, о томъ, что нельзя наживаться на счетъ другого—ученіе о противоположности интересовъ какъ отдѣльныхъ лицъ (Монтенъ), такъ и въ особ. государствъ, изъ коихъ одно не можетъ увеличить свое богатство безъ того, чтобы отъ этого не потеряло другое". Это происходитъ въ особ. въ области внѣшней торговли, тогда какъ во внутренней торговлѣ прибыль и убытокъ отдѣльныхъ лицъ взаимно покрываются (Монпретіенъ де Ватевиль, де ла Куртъ и др.). Отсюда покровительство мер-

[1]) Götz. Verkehrswege. 694.

кантилистовъ внѣшней торговлѣ (не внутренней) и въ теоріи и на практикѣ, содѣйствіе развитію ея на счетъ торговли другихъ народовъ. Посредствомъ внѣшней торговли съ одной стороны, промышленности, производящей для вывоза съ другой стороны—промыслы, работающіе для внутренняго рынка, имѣютъ мало значенія—увеличивается богатство страны и легко можетъ существовать неограниченное количество населенія (изреченіе Кольбера). „Мы должны завоевать націи нашей промышленностью и побѣдить ихъ нашимъ вкусомъ“, говорилъ Кольберъ, ставя себѣ цѣлью поставить другія страны въ такую же экономическую зависимость отъ Франціи, въ какой находилась деревня отъ города. Въ свои же границы государство не должно допускать привоза иностранныхъ промышленныхъ издѣлій: лучше платить дороже за собственные продукты, чѣмъ дешевле за привозные (Вилліамъ Стаффордъ), два талера, остающіеся въ странѣ, чѣмъ одинъ, уходящій изъ нея (Герникъ), и вообще слѣдуетъ по возможности довольствоваться тѣмъ, что производится въ предѣлахъ государства. Во всякомъ случаѣ „не слѣдуетъ больше покупать отъ иностранцевъ, чѣмъ мы продаемъ имъ, ибо это значило бы самимъ обѣднѣть, ихъ же обогатить“. Соотношеніе между первымъ и вторымъ—тѣмъ, что покупается у иностранцевъ и тѣмъ, что продается имъ, и есть торговый балансъ (выраженіе это—balance of trade—впервые встрѣчается въ сочиненіи Вэкона 1615 г.), который выражаетъ собою, обогащается ли государство или бѣднѣетъ, развивается ли его промышленность, ростетъ ли его торговля въ интересахъ общаго народнаго блага (Дженовези).

Вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятный торговый балансъ означаетъ приливъ звонкой монеты въ страну; не посредствомъ запрещеній вывоза монеты (что считаютъ иногда характернымъ для меркантилистовъ) увеличивается запасъ золота и серебра въ странѣ, ибо стѣсненія вывоза денегъ препятствуютъ развитію торговли („деньги подобны сѣменамъ, которыя земледѣлецъ бросая въ землю, какъ бы расточаетъ, но за то осенью получаетъ обратно въ видѣ обильной жатвы“—Томасъ Мэнъ), почему и Джозія Чайльдъ и Вилліамъ Петти и Антоніо Серра и Юсти, находя, что вывозъ денегъ не уменьшаетъ количества ихъ въ странѣ, а наоборотъ служитъ средствомъ къ увеличенію его, возстаютъ противъ запрещеній вывоза монеты и слитковъ. Наоборотъ развитіе промышленности привлекаетъ дѣйствительно монету въ страну (развитіе производства тонкихъ тканей несравненно лучшее средство для того, чтобы имѣть возможность покупать товары у иностранцевъ, не тратя собственныхъ денегъ, чѣмъ запрещеніе вывоза денегъ изъ страны—Лаффема); и этотъ притокъ золота и серебра важенъ прежде всего именно какъ показатель развитой промышленности, а кромѣ того и какъ средство, оживляющее торговые обороты, „ибо деньги играютъ ту же роль въ отношеніи торговли, какъ масло для телѣги: чѣмъ больше телѣгъ, именуемыхъ торговлей, тѣмъ больше нужно имъ и масла, для того чтобы они двигались“ (Дженовези).

Если у меркантилистовъ и встрѣчается взглядъ на деньги какъ на богатство само по себѣ, то еще чаще указывается лишь на то, что звонкая монета является только выраженіемъ богатства, что избытокъ ея вовсе не полезенъ (Монтретіенъ), что количество ея должно соотвѣтствовать потребности въ ней торговаго оборота. И въ такомъ смыслѣ это было несомнѣнно правильно, ибо развивавшаяся торговля, съ одной стороны, нужда государства въ деньгахъ (для содержанія наемныхъ войскъ во время войнъ), съ другой стороны, вызывала потребность въ большемъ количествѣ звонкой монеты, чѣмъ имѣлось въ средніе вѣка; съ другой стороны, въ тѣ страны, гдѣ развивалась промышленность и внѣшняя торговля, дѣйствительно приливало золото и серебро въ особ. изъ Испаніи, гдѣ обнаруживался полный экономическій упадокъ,—такъ что приливъ монеты дѣйствительно являлся показателемъ хозяйственнаго развитія страны. И точно также ученіе о томъ, что этотъ приливъ или отливъ денегъ обусловливается торговымъ балансомъ, въ значительной мѣрѣ соотвѣтствовало дѣйствительности въ ту эпоху, когда торговый балансъ почти

совпадалъ съ платежнымъ балансомъ. Не только Кромвель, но и Франція и другія страны старались затруднить перевозку своихъ товаровъ на чужихъ судахъ; государственные займы въ Нидерландахъ, въ Англіи съ конца XVI ст. и во Франціи съ пол. XVII ст. заключались внутри страны и доктрина именно требовала этого, слѣд. и эти моменты учитывались, понимали, что и они вліяютъ на притокъ и отливъ монеты и старались ихъ регулировать соотвѣтствующимъ образомъ; что же касается другихъ обстоятельствъ, въ особ. платежей по векселямъ, то векселя въ международныхъ платежахъ въ тѣ времена, вслѣдствіе сравнительно небольшого ихъ распространенія, не могли еще оказывать существеннаго вліянія на платежный балансъ.

Въ то время, какъ большинство меркантилистовъ усматриваютъ богатство страны въ развитой промышленности и торговли, мало интересуясь земледѣліемъ (или касаясь его лишь вскользь, какъ напр. Монштретіенъ, называющій его „ногами государства"), другіе, въ особ. англійскіе меркантилисты указываютъ на то, что ростъ торговли чрезвычайно важенъ и для сельскаго хозяйства, которое съ развитіемъ торговли находитъ лучшій сбытъ для своихъ продуктовъ и получаетъ болѣе высокую ренту. Другіе же писатели этой эпохи требуютъ въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства свободы вывоза хлѣба, такъ какъ иначе цѣны на хлѣбъ слишкомъ низки для земледѣльца, причемъ французы, Буагильберъ, Монтескье, д'Аржансонъ и др. ставятъ въ примѣръ англійскій законъ 1689 г., предотвращающій слишкомъ высокія, какъ и слишкомъ низкія хлѣбныя цѣны. Этимъ намѣчаются два основныхъ положенія ученія физіократовъ—покровительство земледѣлію и экономическая свобода.

Нѣкоторые идутъ и дальше—возстаютъ противъ крупныхъ компаній, въ рукахъ которыхъ находится монополія торговли, вообще противъ вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь (pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins) и если Монтескье находитъ, что полная свобода купцамъ дѣлать все, что угодно не допустима и стѣсненіе ихъ еще не равнозначуще стѣсненію торговли, а Мелонъ, называя торговлю обмѣномъ ненужнаго каждому на нужное, признаетъ ее лишь постольку, поскольку она въ интересахъ общаго блага,—что д'Аржансонъ утверждаетъ, что международная торговля должна быть столь же свободна, какъ воздухъ и вода и вся Европа должна составлять единый общій рынокъ (у него же впервые встрѣчается формула физіократовъ—laissez faire).

Основной принципъ школы физіократовъ (основатель ея Кене, авторъ Tableau Economique): самое важное занятіе для человѣка земледѣліе, ибо земля составляетъ единственный источникъ богатствъ, и все, что вредно земледѣлію, вредно и народу и государству („pauvre paysan, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi". Населеніе состоитъ изъ трехъ классовъ—производительнаго класса земледѣльцевъ (classe productive), который создаетъ новыя цѣнности—produit net; далѣе изъ непроизводительнаго класса — городскаго населенія промышленнаго и торговаго (classe stérile), который ничего не прибавляетъ новаго къ цѣнности продукта, ибо то что онъ присоединяетъ къ ней равняется затраченнымъ во время производства расходамъ на пропитаніе (если же имѣется избытокъ сверхъ этого, то онъ является послѣдствіемъ монополій и привилегій); наконецъ изъ смѣшаннаго класса (classe mixte) землевладѣльцевъ которые (по своей производительности) занимаютъ среднее положеніе между первымъ и вторымъ. Въ интересахъ сельскаго хозяйства являются высокія цѣны на хлѣбъ (конечно они не должны быть чрезмѣрно высоки и не должно быть сильныхъ колебаній), ибо въ этомъ случаѣ земледѣлецъ въ состояніи доставлять высокую ренту (produit net) землевладѣльцамъ и хорошо оплачивать трудъ непроизводительнаго класса. А это достигается свободнымъ вывозомъ хлѣба, отмѣной всякихъ таксъ на хлѣбъ и т. п. Вообще свободная конкурренція (la plaine libertè de la concurrenee) наиболѣе выгодна для населенія (поэтому основное требованіе: laissez faire, laissez passer)—отсутствіе же ея доставляетъ болѣе сильному власть надъ болѣе слабымъ.

Ученіе физіократовъ (вторая пол. XVIII ст.) какъ выдвигающее на первый планъ поощреніе сельскаго хозяйства соотвѣтствовало общему направленію эпохи (XVIII ст.) и немало, въ особ. во Франціи содѣйствовало тому оживленію въ области сельскаго хозяйства, о которомъ упоминалось выше (стр. 170 и сл.). Какъ система же свободной конкурренціи оно шло въ разрѣзъ съ хозяйственной жизнью XVIII ст. и оно являлось провозвѣстникомъ новой эпохи—XIX вѣка.

